

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

XI

ЧАСТЬ I

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

- Том I. *К. Маркс*. Исследования, статьи, письма. 1837—1844 г.
Стр. XXXII + 663 + 9 иллюстр.
- Том II. *Ф. Энгельс*. Статьи, письма. 1838—1845 гг.
Стр. I + 590 + 9 иллюстр.
- Том III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Исследования, статьи. 1844—1845 гг.
Стр. XXXIII + 708 + 5 иллюстр.
- Том IV. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Философские работы. 1845—1847 гг.
Стр. XVI + 619 + 6 иллюстр.
- Том V. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Исследования, статьи. 1845—1848 гг.
Стр. XXXVII + 600 + 7 иллюстр.
- Том VI. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Революция и контр-революция в Германии. 1848—1849 гг. Часть I.
Стр. XXVI + 547 + 5 иллюстр.
- Том VII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Революция и контр-революция в Германии. 1848—1849 гг. Часть II.
Стр. 544 + 6 иллюстр.
- Том VIII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи, корреспонденции, памфлеты. 1850—1853 гг.
Стр. XLVI + 623 + 7 иллюстр.
- Том IX. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи и корреспонденции. 1852—1854 гг.
Стр. XVI + 770 + 7 иллюстр.
- Том X. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи и корреспонденции. 1854—1856 гг.
Стр. XII + 819 + 3 иллюстр. 6 карт.
- Том XI. Часть II. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи и корреспонденции. 1857—1858 гг.
Стр. XVI + 703.
- Том XIV. *Ф. Энгельс*. Философские работы.
Стр. X + 700 + 6 иллюстр.
- Том XVIII. *К. Маркс*. Капитал. Критика политической экономии. Том II.
Стр. XIX + 591 + 1 иллюстр.
- Том XXI. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1844—1853 гг.
Стр. XXV + 566 + 4 иллюстр.
- Том XXII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1854—1860 гг.
Стр. VIII + 596 + 8 иллюстр.
- Том XXIII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1861—1867 гг.
Стр. VIII + 524 + 9 иллюстр.
- Том XXIV. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1868—1883 гг.
Стр. XIV + 690 + 5 иллюстр.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

- Архив Маркса и Энгельса*, том I (VI). Письма А. Бебелю, В. Либкнехту, К. Каутскому и др. Часть I. 1870—1886 гг. Под редакцией В. Адоратского. 1933 г. Стр. 456, илл. 4, ц. 5 р. 25 к., переплет 1 р., тир. 25 тыс.
- К. Маркс и Ф. Энгельс*. — Избранные произведения в двух томах. Том I. Под редакцией В. Адоратского. 1933 г. Стр. 380, ц. 3 р. 50 к., переплет 1 р., тир. 150 тыс.
- К. Маркс и Ф. Энгельс*. — Манифест коммунистической партии. 1933 г. Стр. 52, ц. 40 к., тир. 200 тыс.
- К. Маркс*. — Наемный труд. 1933 г. Стр. 48, ц. 35 к., тир. 100 тыс.
- К. Маркс*. — Заработная плата, цена и прибыль. 1933 г. Стр. 64, ц. 50 к., тир. 100 тыс.
- К. Маркс*. — К критике политической экономии. 1933 г. Стр. 256, ц. 1 р. 50 к., переплет 75 к., тир. 50 тыс.
- В. И. Ленин*. — Карл Маркс. 1933 г. Стр. 56, илл. 2, ц. 40 к., тир. 150 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Карл Маркс. 1933 г. Стр. 16, ц. 15 к., тир. 150 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Развитие социализма от утопии к науке. 1933 г. Стр. 60, ц. 50 к., тир. 100 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Об историческом материализме. 1933 г. Стр. 32, ц. 25 к., тир. 100 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Введение к «Диалектике природы». 1933 г. Стр. 24, ц. 20 к., тир. 100 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Марка. 1933 г. Стр. 20, ц. 20 к., тир. 100 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Роль труда в развитии обезьяны в человека. 1933 г. Стр. 16, ц. 15 к., тир. 60 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Бруно Бауэр и раннее христианство. 1933 г. Стр. 16, ц. 15 к., тир. 100 тыс.
- Ф. Энгельс*. — Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. 1933 г. Стр. 64, ц. 50 к., тир. 100 тыс.
- Ф. Энгельс*. — К. Маркс и «Новая Рейнская Газета», 1933 г. Стр. 16, ц. 15 к., тир. 100 тыс.
- Ф. Энгельс*. — 14 марта 1883 г. Письма о смерти Карла Маркса. 1933 г. Стр. 24, илл. 4, ц. 15 к., тир. 300 тыс. (201—500 тыс.).
- Поль Лафарг*. — Воспоминания о Марксе. 1933 г. Стр. 24, ц. 20 к., тир. 100 тыс.

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С
И
Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I — XVI

ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII — XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI — XXIX

ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXX

УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М

XI

Ч А С Т Ь

I

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1856—1859

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Одиннадцатый том (ч. I) охватывает собой почти исключительно публицистические выступления Маркса и Энгельса за период 1857 — 1858 годов. Только 12 статей относятся к 1856 г. и 6 статей — к 1859 году.

Статьи этого периода представляют огромный интерес для всякого, изучающего теорию, стратегию и тактику марксизма. В 1857 г. капиталистический мир был потрясен очередным экономическим кризисом, явившимся началом новой полосы и в политическом развитии буржуазного общества. Если экономический кризис 1847 г. был прологом революции 1848 г., то этот кризис явился прологом подъема революционного движения, сменившего собою реакцию 1849 — 1856 годов. Подъем этот выразился прежде всего в революции в Испании, в национально-освободительном движении в Италии против австрийского гнета, в росте буржуазно-демократического движения в раздробленной Германии, в росте оппозиции в бонапартовской Франции, в вовлечении в русло революционных движений России, стало усиливаться крестьянское движение. В ряде восточных стран, в первую очередь в Индии и Китае, эта новая полоса политического подъема сказалась в сипайском и тайпингском восстаниях. В рабочем движении подъем этот выразился в передовых капиталистических странах в усилении стачечного движения, и именно на волне этого подъема в начале 1860 гг. и был создан под руководством Маркса I Интернационал.

«Весь период времени от середины 1849 г. до нынешнего момента, — писал Маркс в статье «Экономический кризис в Европе» от 3 октября 1856 г., — представляется таким образом в виде простой передышки, дарованной историей старому европейскому обществу в целях дать ему возможность в последний раз показать в сгущенном виде все свои тенденции. В политике — поклонение сабле; в нравственности — всеобщая продажность и лицемерный возврат к разоблаченным суевериям; в политической экономии — мания обогащения без хлопот производства, — таковы тенденции, проявленные этим обществом в период его контрреволюционных оргий 1849 — 1856 годов» (см. настоящий том, стр. 58).

Если накануне революции 1848 г. Марксу и Энгельсу пришлось разработать в первую очередь общие вопросы теории и стратегии пролетарского революционного движения, нашедшие свое гениальное выражение в «Коммунистическом манифесте», то новая полоса революционного подъема требовала от основоположников научного коммунизма и вождей революционного пролетариата конкретной разработки основных положений стратегии и тактики применительно к новым условиям, когда буржуазия в большинстве стран находилась уже в лагере реакции. Особенно важно было установить принципы пролетарской стратегии и тактики в отношении буржуазно-демократических революций этого периода, ядро которых составляли вопросы крестьянский и национальный, неразрывно связанные между собой.

В то же время перед Марксом стояла огромной важности задача закончить свой основной и главнейший труд «Капитал», первый этап которого, «К критике политической экономии», и был завершен Марксом именно в этот период, в 1859 году.

В письме от 18 декабря 1857 г. Маркс писал Энгельсу: «Работаю я теперь колоссально, большей частью до 4 часов утра. Работа двоякая: 1. Выработка основных положений экономии. (Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей, а для меня, лично освободиться, наконец, от этого кошмара); 2. *Нынешний кризис*. О нем — кроме статей для «Трибуны» — я веду лишь регистрацию, но она отнимает много времени. Я рассчитываю, что к весне мы *совместно* напишем памфлет об этой истории с целью *напомнить* снова о себе немецкой публике, о том — что мы опять тут, все те же самые. Я завел три больших регистрационных книги — Англия, Германия, Франция» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. XXII, стр. 272).

В предисловии к письмам Маркса к Л. Кугельману Ленин в 1907 г. писал: «Маркс в самые мирные, казалось бы, «идиллические», по его выражению, — «безотрадно-болотные» (по словам редакции «*Neue Zeit*») времена умел нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач. Наши русские интеллигенты, филистерски упрощающие Маркса, в самые революционные времена учат пролетариат политике пассивности, покорного следования «по течению», робкой поддержке самых неустойчивых элементов модной либеральной партии!» (*Ленин*. Сочинения, т. X, стр. 364).

Используя годы реакции для разработки теоретических вопросов научного коммунизма. Маркс и Энгельс ни на один день не уда-

лялись от практической партийной работы и внимательнейшим образом следили за всеми процессами и сдвигами как в экономическом развитии, так и в классовой борьбе. Хотя вскоре после поражения революции 1848 г. они пришли к выводу, что следующая революционная волна начнется лишь со следующим экономическим кризисом, они, страстные пролетарские революционеры, с восторгом встречали каждое революционное движение масс, ожидая от него толчка, воздействия, перелома в затянувшейся полосе реакции. Как только вспыхнула революция в Испании, Энгельс в августе 1854 г. писал: «Каков бы ни был действительный характер и результат испанского восстания и чем бы оно ни кончилось, можно сказать с уверенностью, что оно будет также относиться к будущей революции, как швейцарское и итальянское движения 1847 г. — к революции 1848 года... Мы опять увидели победоносные, неприступные баррикады. Чары разрушены. Новая революционная эра становится возможной» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 146 — 147*). В своих статьях о Мадзани Маркс отмечает как мелкобуржуазные демократы национально-освободительную борьбу стали связывать с борьбой классов и социально-экономической жизнью народов.

26 сентября 1856 г., как только обнаружили первые признаки надвигавшегося кризиса, Маркс писал Энгельсу: «На этот раз дело принимает, впрочем, такие общеевропейские размеры, как никогда раньше, и я не думаю, чтобы мы еще долго оставались здесь зрителями» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 156*).

Маркс и Энгельс продолжают сколачивать в самых трудных условиях пролетарскую партию, решительно борясь против всяких элементов разложения и оппортунизма, вносимого в рабочее движение мелкобуржуазными попутчиками. В письмах к Энгельсу от 29 февраля и 5 марта 1856 г. Маркс сообщает о пребывании у него Л. Леви, из Дюссельдорфа, посланного в качестве уполномоченного от тамошних рабочих с двояким поручением: во-первых, с разоблачением Лассалья, перешедшего на сторону буржуазии, и во-вторых, за советом, как быть с требованием фабричных рабочих на Рейне об организации восстания. «В железоделательных округах ребята хотят восстать, и удерживают их только расчеты на французскую революцию и то, что лондонцы считают это пока несвоевременным. Но если дело затянется надолго, то, по мнению Леви, вряд ли удастся предотвратить бунт». «Я заявил, разумеется, — сообщает Маркс, — что, в случае, если обстоятельства позволят, мы явимся к рейнским рабочим; что всякое их восстание на собственный страх и риск, без инициативы Парижа, или Вены, или

Берлина, — нелепо; что если Париж даст сигнал, то нужно рисковать при всяких обстоятельствах, так как в последнем случае даже быстрое поражение будет иметь лишь временно тяжелые последствия» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 128*).

Это письмо особенно ярко показывает, как велико было участие Маркса и Энгельса в практическом руководстве пролетарским движением даже в годы самого большого спада революционной волны, и как, с другой стороны, они готовились к новым революционным боям, сплачивая рабочих в единую международную армию и очищая рабочее движение от классово-чуждых элементов.

«Вот чему поучиться следовало бы у Маркса российским интеллигентским марксистам, — писал Ленин в предисловии к русскому переводу писем Маркса к Кугельману в 1907 г. — расслабленным скептицизмом, оупленным педантством, склонным к покаянным речам, быстро устающим от революции, мечтающим, как о празднике, о похоронах революции и замене ее конституционной прозой. Им следовало бы поучиться у теоретика-вождя пролетариев вере в революцию, уметь звать рабочий класс к отстаиванию до конца своих непосредственно-революционных задач, твердости духа, не допускающей малодушного хныканья после временных неудач революции» (*Ленин. Сочинения, т. X, стр. 363 — 364*).

Экономический кризис внес величайшее оживление в деятельность Маркса и Энгельса. Новый период требовал быстрого реагирования и согласовывания, важнейших проблем, возникавших перед революционным пролетариатом. Начинается оживленнейшая переписка о характере кризиса, о перспективах революционного движения, о стратегии и тактике в разных странах. Интересна, между прочим, следующая «статистика» переписки Маркса и Энгельса: если в 1855 г. число писем, которыми обменялись Маркс и Энгельс, равнялось 31, в 1856 г. — 32, то в 1857 г. это число вырастает до 76 — почти в два с половиной раза.

О том, как был встречен кризис Марксом, какие большие надежды были у него связаны с этим кризисом, свидетельствует письмо жены Маркса от 8 декабря 1857 г. к Конраду Шрамму, одному из старой гвардии Союза коммунистов: «Что Вы скажете об этом общем столпотворении? Неправда-ли, когда видишь, как терпит крах и с грохотом валится вся эта старая дрянь, то испытываешь радость?... Хотя мы весьма ощущаем американский кризис на своем кошельке, — ведь вместо двух раз Карл пишет в «Трибуну» как правило только один раз в неделю, и газета рассчитала всех европейских корреспондентов за исключением Байярда Тэйлора и Карла — тем не менее можете себе

представить, как оживился Карл. К нему вернулась вся его былая работоспособность и подвижность, духовная свежесть и бодрость».

Как ни сковывало Маркса и Энгельса отсутствие своей партийной трибуны, все же даже в органе радикальной демократии, каким являлась «New York Daily Tribune», им удавалось проводить свои взгляды представителей революционного пролетариата. Чтобы использовать эту трибуну, им зачастую приходилось умерять тон своих статей — но несмотря на это в этих статьях чувствуется биение революционного содержания, сдерживаемого внешней формой изложения.

Заслуживают особенного внимания статьи Маркса о французском акционерном обществе «Crédit Mobilier». Подробно анализируя характер и деятельность этого общества, Маркс приходит к ряду важнейших выводов. «Конечно, нельзя отрицать, — пишет Маркс, — что применение формы акционерных компаний в промышленности открывает новую эпоху экономической жизни современных народов» (см. настоящий том, стр. 33). Маркс констатирует огромную концентрацию и централизацию капитала благодаря этим акционерным обществам, в которых объединяются «не отдельные лица, а капиталы» и как результат ускорения этой концентрации капитала «ускорился упадок мелкой буржуазии». Олигархическое правление — индустриальные короли», по выражению Маркса — имеет возможность, «располагая совокупностью влияния и богатства общества, подкупать отдельных непокорных членов». И наконец, против своеобразной теории «организованного капитализма» того времени («императорский социализм») Маркс пишет: «Если бы обществу [«Crédit Mobilier»] удалось обменять акции всех промышленных компаний на свои собственные облигации, то оно действительно стало бы верховным распорядителем и собственником всей промышленности Франции... Но на пути к этому достижению смелых авантюристов остановит банкротство» (см. настоящий том, стр. 35). Это банкротство, гениально предсказанное Марксом, не заставило себя долго ждать. Кризис 1857 г. развеял все иллюзии апологетов капитализма насчет «Crédit Mobilier», который не только не ослабил кризиса, а, наоборот, придавал ему невиданный до того размах. О вдохновителе «Crédit Mobilier» Луи Бонапарте, этом «спасителе» общества, собственности и религии и «освободителе» национальностей, Маркс в письме к Кугельману от 14 февраля 1871 г. писал: «Толпа и знатная и простая судит по внешности, по лицевой стороне и непосредственному успеху, так она прославляла Луи Бонапарта на весь свет в течение 20 лет. Я же всегда, даже во время его апогея, выводил его наружу, как посредственную каналью».

Особенно много внимания уделяет Маркс вопросу о позиции буржуазии в предстоящих классовых боях. Почти повсюду констатирует полную измену буржуазии революции (см. стр. 42 — 44 настоящего тома, «Революция в Испании»), «усталость английской буржуазии и ее стремление к компромиссу с олигархами для избежания уступок пролетариату» (см. настоящий том, стр. 87), робкую, предательскую оппозицию французской буржуазии, подлое и трусливое поведение буржуазии Пруссии, которая вновь стала преклоняться перед династией Гогенцоллернов, политику подкупа и захвата которых Маркс так ярко показал на всем протяжении истории Пруссии в своей статье «Божественное право Гогенцоллернов» (см. настоящий том, стр. 72). «Революция [1848 г.], — пишет Маркс — рассеяла идеологические иллюзии буржуазии, а контрреволюция покончила с ее политическими претензиями» (см. настоящий том, стр. 472). Новые революционные бои могли быть развернуты с новым классом во главе, и этим классом должен был явиться пролетариат.

В ряде статей Маркс описывает тяжелое положение подавленного нищетою крестьянства, в особенности французского. «Значительное большинство французских крестьян является собственниками лишь по имени, настоящими же собственниками являются владельцы ипотек» (см. настоящий том, стр. 491). Кризис 1857 г. крайне ухудшил положение крестьян. Бонапарт выкачивал в целях спекуляции все сбережения из сельскохозяйственного населения. В ряде мест французское крестьянство выражало свое недовольство бонапартовским режимом поджогами и другими стихийными выступлениями. «Если мы вспомним, — пишет Маркс в статье «Экономический кризис во Франции» — что Наполеон, в конечном счете, был избран голосами именно крестьян, то нынешнее революционное настроение этого класса бросает совсем иной свет на шансы бонапартовской династии» (см. настоящий том, стр. 70). При помощи «регулирования цен на хлеб» в сторону искусственного повышения их, Бонапарт пытался ослабить недовольство крестьян. Маркс и Энгельс в своих статьях рассматривают крестьянство как естественного союзника пролетариата, как важнейший резерв революции. В статье «Революция в Испании» Маркс в августе 1856 г. писал: «На этот раз крестьяне горячо поддерживали революцию и оказались бы мощным фактором сопротивления, если бы не глупость вождей в Барселоне и Сарагосе, помешавшая использовать их» (см. настоящий том, стр. 45—46).

Сипайское восстание в Индии и вторая опиумная война англичан в Китае, где в это время происходило тайпингское восстание,

нашли особенно полное освещение в статьях этого тома. Маркс и Энгельс разоблачают все гнусности британского империализма в колониальных и находящихся на пути к превращению в колонии странах, подчеркивая революционно-национальный характер восстаний колониальных народов, и вскрывают действительные причины интервенции англичан. Вопреки воплям буржуазной прессы о жестокостях восставших индусов и китайцев, Маркс и Энгельс на основе точных фактов из «Синих книг» самих же англичан показывают как англичане при помощи пыток взимают налоги в индусской деревне, а на основе писем самих же английских офицеров из Индии указывает на те неслыханные насилия и грабежи этой «звероподобной армии», которым подвергалось население Индии и Китая (см. особенно стр. 239 — 240 настоящего тома). — Не прав ли угнетенный народ, — говорит Маркс, — который в своем яростном возбуждении применяет все средства, чтобы освободиться от чужеземцев?

Огромный интерес представляют статьи Маркса об опиумной войне в Китае, об отравлении английским капитализмом огромных масс многомиллионного отсталого народа. В письме к Энгельсу от 8 октября 1858 г. Маркс писал: «Что касается специально Китая, то путем тщательного изучения движения торговли с 1836 г. я пришел к убеждению, что, во-первых, подъем английского и американского вывоза с 1844 по 1846 г. уже в 1847 г. оказался чистойшей спекуляцией и что в следующие десять лет он оставался, в среднем, почти без изменений, между тем как ввоз Китая в Англию и Америку чрезвычайно возрастал... Главной причиной крушения этого рынка является, повидимому, торговля опиумом... Нынешний договор Англии с Китаем... представляет собой издевательство с начала до конца» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 362 — 363*). «Пройдет немного лет, — пишет Энгельс в статье «Персия и Китай» от 22 мая 1857 г. — и мы будем свидетелями предсмертной борьбы самой древней империи мира и вместе с тем зари новой эры для всей Азии» (см. настоящий том, стр. 167).

В своей публицистической деятельности Маркс постоянно уделял много внимания положению рабочих на капиталистической фабрике. Он внимательно изучает «социальную анатомию» капиталистического общества и клеймит эту систему «вампирам, высасывающих кровь из рабочих», систему, где «соки деревьев питают червей» (см. настоящий том, стр. 89). Статьи Маркса «Положение фабричных рабочих», «Английская фабричная система», «Бюджет Дизраэли», «Рост числа умалишенных в Англии» и другие являются образцами научного анализа положения масс при капитализме, образцами

революционного разоблачения лицемерия и ханжества господствующих классов.

Маркс и Энгельс пристально присматриваются к величайшего значения сдвигам, происходившим в этот период в царской, полуфеодальной России, этого оплота реакции и жандарма Европы. В данный том вошли три статьи Маркса о готовившейся тогда крестьянской реформе в России, представляющие огромный интерес. Но и в ряде других статей («Россия в Средней Азии» «Успехи России на Дальнем Востоке» и др.) Маркс и Энгельс подчеркивают международную роль России и перспективы революционного движения в ней. Почти одновременно с написанием статьи о крестьянской реформе в России Маркс в письме к Энгельсу от 8 октября 1858 г. пишет «При оптимистическом повороте мировой торговли в данный момент... утешительно, по крайней мере, что в России *началась революция* [курсив Маркса. *Ред.*]; началом ее я считаю созыв дворян (der «Notables») в Петербурге... Французам будет не вредно убедиться, что мир и без них движется... Единственное обстоятельство, превращавшее немцев в их революционном движении в рабов Франции, было поведение России. С наступлением внутреннего движения в Московии эта нелепость прекратится» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XXII, стр. 362).

Данный том открывается речью Маркса от 14 апреля 1856 г. на юбилее чартистской газеты «The People's Paper», помещенной в этой же газете от 19 апреля. О том, в какой обстановке была произнесена эта речь, Маркс писал Энгельсу 16 апреля 1856 г.: «Позавчера состоялся небольшой банкет в годовщину «People's Paper». На этот раз, так как времена, казалось мне, того требуют, я принял приглашение, тем более, что (как объявлено в газете) из всей эмиграции был приглашен я *один* и первый тост выпал тоже мне, т. е. я должен был произнести его за господство пролетариата во всех странах... Цель, которую я себе ставил, достигнута. Господин Талландье... и прочая французская и иная эмигрантская братия убедились, что мы — единственные «интимные» союзники чартистов и что если мы воздерживаемся от публичных выступлений и предоставляем французам открыто кокетничать с чартизмом, то от нас зависит снова занять во всякое время позицию, исторически нам уже принадлежащую» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XXII, стр. 138).

Эта речь Маркса в две небольших странички является яркой и сжатой программой пролетарской революции, этой «тайны XIX столетия», которую призван теперь осуществить наш XX век. Если Маркс в своей речи констатировал, в качестве характерного факта

современной ему эпохи, только *признаки* упадка, «далеко превосходящего все занесенные в летописи ужасы последних времен Римской империи», то каково положение теперь, в эпоху империализма, этого загнивающего и умирающего капитализма! Колоссальное разрушение производительных сил, пауперизации сотен миллионов наемных рабов капитала, распад культуры, фашизация государственного аппарата буржуазии, пытающейся найти спасение в физическом истреблении передовых людей рабочего класса — вот картина того упадка, только слабые признаки которого дали возможность прозорливому взгляду Маркса разглядеть ту пропасть, в которую влечет человечество капитализм.

Маркс клеймит бичующими словами общество капиталистической эксплуатации и гнета, где «каждая вещь как бы чревата своей противоположностью». «В той же мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости». Есть только один выход из этого всеобщего рабства, и этот выход — пролетарская революция, диктатура пролетариата, коммунизм. «Мы знаем, — говорит Маркс, — что для того, чтобы направить новые силы общества, необходимо, чтобы ими овладели новые люди, — и люди эти — рабочие».

В нашей стране пролетарской диктатуры новыми силами общества овладели и овладевают новые люди под руководством ленинской коммунистической партии, той партии, которая непосредственно продолжает дело Маркса и Энгельса.

Статьи Маркса и Энгельса, вошедшие в данный том, публикуются в русском переводе впервые. Они были напечатаны на английском языке в американской газете «New York Daily Tribune» без подписи и с тех пор не перепечатывались. Большинство из них были помещены в качестве передовиц. На основе записной книжки Маркса 1858 г., где имеется запись статей, посланных в редакцию «Трибуны», а также на основе переписки между Марксом и Энгельсом, относящейся к этому периоду, можно было установить, кто был автором этих статей.

Заглавия статей, помеченные звездочкой, даны редакцией.

Настоящий том подготовлен к печати С. А. Ованесьян. В редакции тома принял участие Ф. А. Ротштейн.

В. Адоратский.

8 сентября 1933 г.

К. МАРК.
1861 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1856 — 1859

Карл Маркс
**СТАТЬИ ИЗ «THE PEOPLE'S
PAPER»**

FOURTH ANNIVERSARY BANQUET
OF
THE PEOPLE'S PAPER
AND
WELCOME TO JAMES WATSON.

On Monday last at the Bell Hotel, Strand, Ernest Jones entertained the composers of the PEOPLE'S PAPER and the other gentlemen connected with its office, at a supper, which was joined by a large number of the leading Democrats of England, France and Germany now in London. The entertainment was of the choicest description, and reflected the greatest credit on the enterprising proprietor of the Hotel, Mr. Hunter; the choicest viands and condiments of the season being supplied in profusion. The tables were well filled with a numerous company of both sexes, Ernest Jones occupying the chair, and Mr. Fawley, manager of the PEOPLE'S PAPER office, the vice-chair. The banquet commenced at seven, and at nine o'clock the cloth was cleared, when a series of sentiments was given from the chair.

The Chairman then proposed the toast: "The proletarians of Europe," which was responded to by Dr. Marx as follows:—

The so-called revolutions of 1848 were but poor incidents—small fractures and fissures in the dry crust of European society. However, they denounced the abyss. Beneath the apparently solid surface, they betrayed oceans of liquid matter, only needing expansion to rend into fragments continents of hard rock. Noisily and confusedly they proclaimed the emancipation of the Proletarian, *i.e.* the secret of the 19th century, and of the revolution of that century. That social revolution, it is true, was no novelty invented in 1848. Steam, electricity, and the self-acting mule were revolutionists of a rather more dangerous character than even citizens Barbes, Raspail and Blanqui. But, although the atmosphere in which we live weighs upon every one with a 20,000lb. force, do you feel it?

СНИМОК ГАЗЕТЫ «The People's Paper» В КОТОРОЙ ПОМЕЩЕНА РЕЧЬ К. МАРКСА
НА ЮБИЛЕЕ ЭТОЙ ГАЗЕТЫ — 1856 Г.

УВЕЛИЧЕНО.

* РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА И ПРОЛЕТАРИАТ.

РЕЧЬ К. МАРКСА НА ЮБИЛЕЕ «THE PEOPLE'S PAPER».

Так называемые революции 1848 г. были лишь мелкими эпизодами — ничтожными щелями и трещинами в твердой коре европейского общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, обнаружился необъятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разбить на части целые материки из твердых скал. Шумно и беспорядочно провозгласили они освобождение пролетариата — эту тайну XIX столетия и его революции.

Правда, эта социальная революция не была изобретением 1848 года. Пар, электричество и автоматические станки были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки. Но хотя атмосфера, в которой мы живем, давит на каждого из нас с тяжестью в 20 000 фунтов, чувствуете ли вы это? Так же мало, как мало европейское общество до 1848 г. чувствовало революционную атмосферу, которой оно было окружено и которая давила на него со всех сторон.

Налицо великий, характерный для XIX столетия факт, которого не посмеет отрицать ни одна партия. С одной стороны, пробуждены к жизни такие промышленные и научные силы, о каких даже подозревать не могла ни одна из предшествовавших эпох истории. С другой же стороны, обнаруживаются признаки упадка, далеко превосходящего все занесенные в летописи ужасы последних времен Римской империи.

В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новоизобретенные источники богатства благодаря каким-то роковым чарам становятся источниками лишений. Победы искусства куплены, повидимому, ценой потери морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, повидимому, сиять иначе, как только на темном фоне невежества. Результат всех наших открытий и всего нашего прогресса, очевидно, тот, что материальные силы наделяются

духовной жизнью, а человеческая жизнь отупляется до степени материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и нищетой и распадом — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, подавляющий и неоспоримый факт. Пусть одни партии оплакивают это, а другие желают отделаться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе с тем от современных конфликтов; или пусть они воображают, что столь осязательный прогресс в промышленности непременно должен дополняться таким же столь же несомненным регрессом в политике. Мы, со своей стороны, безошибочно узнаем в этом печать того лукавого духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что для того, чтобы направить новые силы общества, необходимо, чтобы ими овладели новые люди, — и люди эти — рабочие.

Они такое же открытие современности, как и сами машины. В тех явлениях, которые приводят в смятение буржуазию, дворянство и злополучных пророков регресса, мы узнаем дело нашего доброго друга, нашего Робина Гудфеллоу¹, старого крота, который так быстро умеет рыться под землей, — достойного пионера — революцию. Английские рабочие — первенцы современной промышленности. И они, конечно, будут не последними, из тех, кто будет помогать социальной революции, произведенной этой промышленностью, — революции, которая означает освобождение их собственного класса во всем мире, и которая столь же международна, как господство капитала и наемное рабство. Я знаю героическую борьбу, которую вели английские рабочие с середины прошлого столетия, борьбу, которая не столь известна только потому, что буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали. Для того, чтобы мстить за злодеяния правящих классов, в средние века в Германии существовало тайное судилище, так называемый «суд Фемь». Если на каком-нибудь доме видели красный крест, то уже знали, что хозяин его осужден «Фемой». Теперь на всех домах Европы начертан таинственный красный крест. Сама история теперь судья, — а исполнитель приговора — пролетариат.

Напечатана в «The People's Paper»

№ 207 от 19 апреля 1856 г.

¹ Из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» — веселое шаловливое фантастическое существо, игравшее по тогдашнему поверью роль доброго друга в домашних делах человека. *Ред.*

ФРАНЦИЯ БОНАПАРТА МАЛЕНЬКОГО.

I.

Франция Бонапарта Маленького, предающаяся разгулу по случаю рождения сына у Монтихо, расточающая богатства целой нации на смехотворный парад, «разукрашенная мишурой и золотом, подобно языческим богам», эта Франция представляет ужасающий контраст с той Францией, которая подвергается пыткам в Кайенне, мучается в Ламбессе, изнемогает в крепости Бель-Иль и гниет на каторге, — с той Францией, которая гибнет от голода в Крыму, с Францией в самой Франции, находящейся на краю банкротства.

В письме гражданина Тассилье, в буквальном переводе, приведенном ниже, читатель найдет подлинную, душу раздирающую историю французских граждан, сосланных в Кайенну. Правда, пресса истинно британских лакеев в самых гиперболических фиоритурах трубит в уши сонному миру великую весть о безграничном великодушии и прямо-таки сверхчеловеческом милосердии колбасного героя лагеря Сатори, который объявляет общую амнистию и заглушает первые крики капризного младенца громкими ликованиями тысяч французов, возвращенных их семьям и свободе.

Однако оставим продажные восторги льстецов и прислушаемся к неподкупному языку фактов. Бустрапа предлагает людям, которых он истязал в течение четырех лет, снять с них цепи при условии, что они согласятся наложить на себя клеймо неизгладимого позора и пройти сквозь кавдинское ущелье Второй империи. Если они объявят о своем *лояльном подчинении* империи, т. е. санкционируют государственный переворот и отрекутся от республики, если они продадут свою совесть, то Бустрапа готов продать им жизнь.

«Уже при торжественном провозглашении империи, — говорит «Moniteur», — был сделан этот великодушный призыв». Таким образом, сам «Moniteur» признает, что всеобщая амнистия, ныне рекламируемая как поразительная новость, является лишь повторением государственного фарса, разыгранного четыре года назад. Гений по части подкупа льстит себя надеждой, что жертвы ныне низведены

до его собственного уровня, что они достаточно сломлены, чтобы в 1856 г. принять в виде милости то, что в 1852 г. они с негодованием считали за оскорбление.

«Moniteur» прикрывает свой «великодушный призыв» к низости тонко рассчитанными подлогами и фальсификациями. Он утверждает, будто из 14 000 лиц, осужденных после июньских событий 1848 г. на ссылку в Алжир, остались в Африке, благодаря милосердию президента, только 306 человек. Но с данными того же «Moniteur» в руках мы утверждаем, что из 14 000 арестованных в июне 1848 г. в ноябре того же года, когда Учредительное собрание обсуждало выполнение декрета о ссылке, оставалось только 1 700; что из них 1 500 были отправлены в крепость Бель-Иль, а 8 марта 1849 г., во время министерства Барро, 700 из этих 1 500 были направлены в Бону в Африке. Таким образом милость Бустропы сократила до 306 именно эту последнюю цифру 700, а вовсе не огромное число 14 000, как говорит его лживый «Moniteur», и сама эта ничтожная милость была лишь шахматным ходом против Собрания. Тем не менее, мы весьма благодарны «Moniteur» за то, что он напомнил Франции о жестоких гнусностях, совершенных Кавеньяком и буржуазной республикой.

Что касается отправленных в ссылку и изгнание в декабре, то тот же «Moniteur» определяет их число в 11 090 и утверждает, что теперь оно сокращено до 5 018. Но государственный переворот насчитывал более 11 000 жертв в одних только департаментах Нижних Альп, Эро, Вар и Ньевр, и в настоящий момент остается, по крайней мере, 12 000 жертв, осужденных на изгнание и ссылку. Как всем известно, от государственного переворота пострадали свыше 50 000 лиц. Далее следует заметить, что «великодушный призыв» «Moniteur» обращен исключительно к лицам, отправленным в Алжир и прочие заморские колонии, что в нем даже ни малейшим намеком не упомянуты осужденные Анжера, заключенные в тюрьму за участие в тайных обществах и осужденные на каторгу выездными военными судами 1851 г. узники Бель-Иля, студенты, арестованные за то, что они освистали платных апологетов Бустропы, и т. д. В виде компенсации «Moniteur» сообщает о полной и безусловной амнистии браконьеров, контрабандистов, фальсификаторов, воров, дезертиров, каторжников и *id genus omne* [подобного рода людей]. В полном согласии с характером Второй империи и предшествующей историей маргаритинового Бонапарта рождение сына должно явиться праздником для всей этой низкосортной родни отца.

От жертв государственного переворота мы переходим теперь

к его орудиям, от людей, которые сопротивлялись ему, к рабам, которые его выполняли, от солдат свободы к армии в Крыму. Если великим историческим симптомом является то, что Бонапарт, среди еще свежих иллюзий новоиспеченной династии и триумфа по поводу своего допущения в священную среду законно признанных династий, все же нуждается в признании со стороны своих несчастных жертв и потому лицемерно добивается их примирения с империей, то, с другой стороны, не менее замечательной иронией истории является то, что пока глава и члены Общества 10 декабря задают пышные торжества по поводу успеха государственного переворота, армия, навязавшая Франции это омерзительное владычество, искупает свое преступление в Крыму лишениями, голодом, агонией и гибелью в самых мрачных и ужасных формах.

В первый период Восточной кампании от ноября 1854 г. по март 1855 г. декабрьскую выскочку превозносили как некое новое провидение, а изумительную военную администрацию преславной империи воспевали на все лады в противоположность скандальным страданиям, выпавшим на долю английской армии благодаря сознательной измене на ее родине и естественным последствиям ее устарелой системы. Но, как и во всех других «достижениях» Второй империи, то, что принималось за реальность, оказалось лишь театральной фантазмагорией, рассчитанной на непосредственный сценический эффект. В течение двух лет Бонапарт был занят исключительно подготовкой войны. Он напрягал все силы огромных ресурсов централизованной Франции, чтобы обеспечить первые шаги своей армии. Было бы неудивительно в самом деле, если бы даже жалкому авантюристу Страсбурга и Булони не удалось в течение двух первых лет своего негодного управления разрушить замечательную организацию французской армии, завещанную первой революцией. Надо считать чудом, что ему это все же удалось в первые же два года действительной войны. Расточив на войну мышей и лягушек (*Batrachomyomachia*)¹ собственного сочинения больше средств, чем великий Наполеон истратил за пятнадцать лет своей Илиады, он в начале третьего года очутился перед таким фактом, что ресурсы Франции истощены, ее военное управление приведено в негодность, а ее армия тает от нужды и лишений. Гангрена, разъедающая французскую армию, а именно воровство и растраты, составляет органический принцип Второй империи; понадобилось всего два года, чтобы ее действие выступило наружу.

¹ Пародия на «Илиаду», составленная в конце V века до нашей эры. *Ред.*

Печальное положение французской армии тщательно скрывалось не только во французской, но также и в английской печати. В настоящее время об этом секрете громко говорят на всех перекрестках. Он стал истиной, которую уже больше не оспаривают после того, как собственный «Moniteur» Бонапарта выступил с его опровержением. Для этого достаточно привести выдержку из последнего письма севастопольского корреспондента «Times»:

«Армия французов, какой бы многочисленной она ни изображалась ими на бумаге, тает самым жалким образом: цынга и лихорадка опустошают ее ряды. Я недавно исчислял ее ежедневную убыль в 170 человек... Ныне французы признают, что ежедневная смертность в их армии равна 120 человек, а в иные дни значительно даже больше. Более всего страдает правый фланг армии, в Байдарской долине... Когда погода станет теплее, надо ожидать значительного усиления болезней... Французские списки больных станут ужасающими... Французская армия тает столь же быстро, как она таяла от снарядов и выстрелов в течение самого жестокого периода осады».

Недостаточность крытых помещений, нужда в верхней одежде и скудость питания приводятся корреспондентом в качестве главных причин ее испытаний. Описав суровость погоды, когда вода в чанах в бараках покрывалась льдом толщиной в три дюйма, и почти непрерывные снежные метели, благодаря которым «лишь немногие бараки уцелели от проникновения большого количества снега», корреспондент спрашивает, что должна была выносить французская армия в палатках, — не в бараках, тщательно снабженных всем необходимым и не в хорошо окопанных двойных палатках, а в ординарных и незащищенных палатках. Он заканчивает заявлением, что «положительно невыносимо видеть французские транспорты больных» и что маршал Пеллисье больше старается скрыть их от взоров английской армии, чем облегчить их страдания.

Присоединяем к этому другую выдержку из «Morning Advertiser», той самой газеты, которая разделяла с «Morning Post» гнусную привилегию приветствовать приход Бонапарта к власти в 1851 г. и по сей день трубит славу лорду Пальмерстону, как истинно английскому министру:

«Во французском лагере на Черной насчитывается 3 000 больных, походные лазареты переполнены, медицинский персонал опустошен болезнями и переутомлением, интендантство пришло в совершенное расстройство и не в состоянии кормить войска, люди прямо-таки выпрашивают сухари у солдат на аванпостах, цынга от недостатка растительной пищи и тиф от недостатка мяса свирепствуют с неукротимой силой, и контраст между обоими армиями является источником открытого недовольства французских солдат. Транспортные средства недостаточны для перевозки больных в Константинополь, в тамошних госпиталях лежит уже более 12 000 больных, эпидемия является

настоящей катастрофой и смертность от нее ужасающая; транспорты, прибывающие с востока в Марсель, полны заразой лихорадки, и суда с тифовыми больными направляются в Фриульский лазарет».

Что же делать с этой быстро убывающей армией? Убаюкивать ли ее арабской сказкой о «рождестве» алжирского короля? — или описаниями расшитых золотом мундиров балованной гвардии осторожного героя? Необходимо помнить, что французские солдаты не склонны терпеть обиды и лишения подобно английским; доказательством, если оно требуется, являются их неоднократные покушения пристрелить генерала Пеллисье, — факт, упоминавшийся в «Gazette de Milan», играющей роль «Moniteur» Радецкого. Не следует также думать, что линейные полки в самой Франции остаются равнодушными зрителями крымской трагедии. Парижская полиция своими облавами не оставляет в покое даже и казармы. Зуавы, вызванные в Париж, чтобы своим видом подогреть энтузиазм публики, уже удалены из столицы, ибо они стали подозрительны. Два других полка, вернувшихся из Крыма, были тоже сосланы в провинцию. Антагонизм между гвардией и линейными полками с каждым днем становится все ожесточеннее, так как теперь Бонапарт как раз собрался создать несколько новых гвардейских полков, чтобы составить парижский гарнизон из этого привилегированного корпуса и обойтись без линейных полков. Создав подкупом армии антагонизм между ней и страной, он пытается теперь подкупить армию внутри самой армии — эксперимент довольно опасный.

Вопрос о финансах, который мы не назовем пятою этого странного Ахиллеса, который высоко стоит благодаря своим каблукам, требует для своего полного изложения особой статьи. Здесь достаточно только сказать, что так как фонды некоторое время падали, то теперь в связи с возведенным уже заключением мира, а также рождением нового Бонапарта, ожидалось, что они непременно повысятся. Осуществление этого не было предоставлено только воле случая. Не только правительство дало приказ свободно располагать государственными фондами, но и Crédit Mobilier и подобные ему мишурные институты бонапартовского кредита в течение двух дней усиленно занимались скупкой ценных бумаг. Но, несмотря на все эти маневры, в самый момент сообщения о «рождестве» вместо повышения фондов началось их падение, которое все еще продолжается. Бонапарт, приведенный в ярость, запретил продажу на бирже всех бумаг, кроме котирующихся по правительственному курсу, и вызвал в полицейскую префектуру главного маклера.

Когда статуя Паллады Афины падала в Парфеноне, то этот несчастный случай, говорят, означал для афинской республики роковое предвестие. То, что бонапартов бюст заколебался на своем пьедестале в синагоге, где устанавливается рыночная цена на правительства и учитывается история народов, предсказывает падение империи ажиотажа.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «The People's Paper» № 205
от 5 апреля 1856 г.*

САРДИНИЯ.

Историю Савойского правящего дома можно разделить на три периода: первый, когда он возвышается и усиливается, заняв двусмысленную позицию между гвельфами и гибелинами, между итальянскими республиками и Германской империей; второй, когда он преуспевает в войнах между Францией и Австрией, становясь то на ту, то на другую сторону; и последний, когда он старается использовать мировую борьбу между революцией и контрреволюцией подобно тому, как он использовал в свое время антагонизм народов и династий. Во все эти три периода двусмысленность является постоянной осью, вокруг которой вращается его политика, и естественным ее следствием являются результаты, незначительные и сомнительные по своему характеру. В конце первого периода, одновременно с образованием крупных монархий в Европе, мы видим создание Савойским домом небольшой монархии. В конце второго периода Венский конгресс милостиво уступил ему Генуэзскую республику, в то время как Австрия проглотила Венецию и Ломбардию, а Священный союз зажал рот всем второразрядным государствам какого бы то ни было наименования. В третий период Пьемонт, наконец, получает разрешение явиться на Парижскую конференцию, составляет меморандум против Австрии и Неаполя, преподает мудрые советы папе, принимает от Орлова снисходительное похлопывание по плечу, находит в государственном перевороте ободрение своим конституционным стремлениям и получает поощрение своим мечтам о гегемонии в Италии со стороны того самого Пальмерстона, который столь успешно предал его в 1848 и 1849 годах.

Со стороны представителей Сардинии сущей нелепостью является мысль, будто конституционализм, агонию которого они в настоящий момент могут воочию видеть в Великобритании и банкротство которого доказала революция 1848 — 1849 гг. на европейском континенте, демонстрируя его одинаковое бессилие как против королевских штыков, так и против народных баррикад, — будто этот самый конституционализм в настоящее время может

не только праздновать свою *restitutio ad integrum* [полное восстановление] на пьемонтской сцене, но даже стать всепобеждающей силой. Подобная идея может возникнуть лишь у великих людей маленького государства. Для всякого беспристрастного наблюдателя является бесспорным, что, если во Франции существует крупная монархия, то Пьемонт должен оставаться малой монархией, что если во Франции царит императорский деспотизм, то существование Пьемонта в лучшем случае будет зависеть от его милости, и что если во Франции окажется настоящая республика, то пьемонтская монархия исчезнет и растает в лоне итальянской республики. Сами условия, от которых зависят существование сардинской монархии, препятствуют ей осуществить свои честолюбивые цели. Она может играть роль освободителя Италии только в эпоху, когда революция приостановлена в Европе, а контрреволюция властно господствует во Франции. При таких условиях она может воображать себя в роли вождя Италии, в качестве единственного итальянского государства с прогрессивными тенденциями, с туземной династией и национальной армией. Но эти же условия ставят ее под двойное давление императорской Франции, с одной стороны, и императорской Австрии — с другой. В случае серьезных трений между этими соседними империями она неизбежно попадет в орбиту одной из них и превратится в театр войны обеих. В случае же заключения ими *entente cordiale* [сердечного согласия], она должна будет довольствоваться парализующим существованием или просто передышкой. Опираясь на революционную партию в Италии было бы равносильно для нее самоубийству; события 1848 — 1849 г. рассеяли последние иллюзии насчет ее революционной миссии. Таким образом, надежды Савойского дома связаны с сохранением *status quo* в Европе, а последний ставит препону расширению ее границ по Апеннинскому полуострову и отводит ей скромную роль итальянской Бельгии.

Поэтому в своей попытке возобновить на Парижском конгрессе игру 1847 г. пьемонтские уполномоченные могли лишь представить собою довольно плачевное зрелище. Каждый ход, который они делали на дипломатической шахматной доске, означал для них *шах*. Бурно протестуя против австрийской оккупации Центральной Италии, они должны были лишь осторожно касаться оккупации Рима Францией; ворча против теократии римского первосвященника, они должны были сгибаться перед ханжескими гримасами первородного сына церкви. Им пришлось обращаться к Кларендону, проявившему столько мягкости и снисхождения к Ирландии в 1848 г., с просьбой

преподать уроки человечности неаполитанскому королю, а тюремщика Кайенны, Ламбессы и Бель-Иля они должны были просить открыть тюрьмы Милана, Неаполя и Рима. Провозглашая самих себя борцами за свободу в Италии, они лакейски склонились перед атакой Валуевского на свободу печати в Бельгии, мотивируя это тем, что «трудно двум нациям поддерживать добрые отношения друг с другом, если в одной из них существуют журналы, проповедующие крайние взгляды и нападающие на соседние правительства». Основываясь на том, что они так глупо восприняли бонапартовские доктрины, Австрия немедленно обратилась к ним с повелительным требованием прекратить подстрекательство к войне, которое ведется против нее пьемонтской прессой.

В то самое время, когда они делают вид, будто они противопоставляют международную политику народов международной политике государств, они поздравляют себя с заключением договора, восстанавливающего узы дружбы, связывающие в течение столетий Савойский дом и династию Романовых. Чувствуя побуждение показать свое красноречие перед уполномоченными старой Европы, они в то же время вынуждены мириться с тем, что Австрия третирует их как второстепенную державу, не имеющую права обсуждать первостепенные вопросы. Пока они с чувством огромного удовлетворения составляют меморандум, Австрия получает разрешение выставить армию вдоль всей сардинской границы, от По до Апеннин, занять Парму, укрепить Пьяченцу, невзирая на Венский трактат, и развернуть свои военные силы на берегах Адриатики от Феррары и Болоньи до самой Анконы. Через семь дней после того, как эти жалобы были представлены конгрессу, между Францией и Англией, с одной стороны, и Австрией, с другой, 15 апреля был подписан специальный договор, с очевидностью доказывавший, какой страшный ущерб был нанесен Австрии меморандумом.

Такова была на Парижском конгрессе позиция достойных представителей того Виктора-Эммануила, который после своего отречения и поражения при Новаре на глазах своей негодующей армии обнимался с Радецким, коварным врагом Карла-Альберта. Если Пьемонт нарочито не закрывает глаз, то он может теперь видеть, что его одурачили миром, также как и одурачили его войной. Бонапарт готов пользоваться им, чтобы замутиль воду в Италии с целью выловить там корону. Россия готова похлопать по плечу маленькую Сардинию с целью беспокоить Австрию на юге, а тем временем ослабить ее на севере. Пальмерстон, ради целей, которые хорошо известны ему одному, готов повторить комедию

1847 г., не давая себе даже труда петь старую песню на новый лад; за все это Пьемонт только и знает что таскает из огня каштаны для иностранных держав. Что касается речей к британскому парламенту, то г. Брофферрио сказал Сардинской палате депутатов, членом которой он состоит, что эти речи никогда не были изречениями дельфийского, но всегда изречениями трофонийского оракула. Он лишь ошибся, приняв эхо за пророчания.

Пьемонтское интермеццо, рассматриваемое само по себе, лишено всякого интереса; оно только показывает, как Савойский дом снова потерпел неудачу в своей наследственной политике виляний и в своих повторных попытках сделать итальянский вопрос основой для своих династических интриг. Но имеется другой, более важный момент, умышленно не отмеченный английской и французской прессой, но специально указанный сардинскими уполномоченными в их известном меморандуме. Враждебная позиция Австрии, оправдываемая курсом, взятым в Париже сардинскими уполномоченными, «вынуждает Сардинию оставаться вооруженной и прибегнуть к мерам, крайне тяжелым для ее финансов, уже истощенных событиями 1848 и 1849 гг. и войной, в которой она приняла участие». Но это не все.

«Волнение в народе, — говорит сардинский меморандум, — последнее время как будто улеглось. Итальянцы, видя одного из своих национальных государей в союзе с великими западными державами..., получили надежду, что мир не будет заключен без того, чтобы не принести им некоторое утешение в их скорбях. Эта надежда сделала их спокойными и покорными; но когда они узнают об отрицательных результатах Парижского конгресса, когда они узнают, что Австрия, несмотря на добрые услуги и дружественное посредничество Франции и Англии, противилась даже простому обсуждению..., то не может быть сомнения, что на миг уснувшее раздражение пробудится с большей яростью, чем когда бы то ни было. Итальянцы, убедившись, что им нечего больше ждать от дипломатии, с присущим им южным темпераментом снова бросятся в ряды разрушительной революционной партии, и Италия опять сделается очагом заговоров и беспорядков, которые, конечно, можно будет подавить с удвоенной суровостью, но которые малейшее движение в Европе заставят вновь разразиться с величайшей силой. Пробуждение во всех окружающих Пьемонт странах революционных страстей, способных в силу их природы возбудить народную симпатию, подвергнет сардинское правительство чрезвычайно серьезным опасностям».

Но вот что существенно. Во время войны богатая буржуазия Ломбардии выбивалась из сил в тщетной надежде при ее окончании, благодаря действиям дипломатии и под покровительством Савойского дома добиться национального освобождения и гражданской свободы без того, чтобы перейти красное море революции, без того, чтобы

сделать крестьянству и пролетариям те уступки, требование которых, как она уже знает из опыта 1848 — 1849 гг., стало нераздельным со всяким народным движением. Однако их эпикурейские надежды теперь исчезли. Единственный осязательный результат войны, — по крайней мере, единственный, видимый для итальянского глаза, — это материальные и политические преимущества, приобретенные Австрией, — новое упрочение этой ненавистой державы, обеспеченное содействием одного так называемого независимого итальянского государства. Конституционалисты Пьемонта опять имели карты в своих руках; они снова проиграли; и они снова стоят, уличенные в том, что не выполнили призвания быть главою Италии, на которое они столь громко заявляли свое притязание. Их собственная армия призвет их к ответу. Буржуазия снова должна будет искать опоры в народных симпатиях и увязать национальное освобождение с социальным возрождением. Пьемонтский кошмар сброшен, дипломатические чары рассеяны, и вулканическое сердце революционной Италии снова начинает биться.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «The People's Paper»

№ 211 от 17 мая 1856 г.

Карл Маркс
ФРАНЦУЗСКИЙ
«CRÉDIT MOBILIER»

Написана К. Марксом
Напечатана в качестве передовой
в «New-York Daily Tribune» № № 4735, 4737,
4751 от 21, 24 июня и 11 июля 1856 г.
Без подписи

I.

Лондонский «Times» в передовице от 30 мая чрезвычайно удивлен по поводу открытия, что социализм во Франции никогда не исчезал, а «скорее был забыт» за последние несколько лет. Говоря это, газета пользуется случаем поздравить Англию с тем, что эта язва ее не беспокоит и что она свободна от классовых противоречий, на почве которых произрастает сие ядовитое растение. Это довольно-таки смелое утверждение со стороны руководящей газеты той страны, первый экономист которой, г. Рикардо, начинает свое знаменитое сочинение о принципах политической экономии тезисом о том, что три основных класса общества, т. е. английского общества, а именно: земельные собственники, капиталисты и наемные рабочие, находятся между собой в смертельной и непримиримой вражде, ибо рента растет и падает в обратном отношении к росту и падению промышленной прибыли, а заработная плата растет и падает в обратном отношении к прибылям.

Если, согласно английским правоведам, равновесие трех борющихся сил представляет краеугольный камень английской конституции — этого восьмого чуда света, — то, согласно г. Рикардо, который, надо полагать, знает об этом несколько больше, нежели «Times», смертельный антагонизм трех классов, представляющих собой главных агентов производства, должен охватывать весь организм английского общества.

Презрительно зубоскаля над революционным французским социализмом, «Times» невольно бросает завистливые взгляды в сторону императорского социализма во Франции, который он чуть ли не выставляет примером для Джона Булля, получив только что от главного проводника этого социализма, «Crédit Mobilier», «Отчет правления на очередном общем собрании акционеров 23 апреля 1856 г. под председательством г. Перейры» в виде объявления на трех убористых столбцах.

Этот отчет, возбудивший завистливое восхищение акционеров «Times» и ослепивший его редактора, вкратце таков:

ПАССИВ НА 31 ДЕКАБРЯ 1855 Г.

Капитал общества	60 000 000 фр. 00 с.
Сальдо по текущим счетам возрос с 31 декабря 1854 г. с 64 924 379 фр. до	108 179 308 > 64 >
Сумма векселей, подлежащих оплате кредиторам, и разных счетов	864 414 > 81 >
Резервный капитал	1 696 083 > 59 >
Сумма прибылей, полученных в 1856 г., за вычетом суммы, подлежащей перечислению в резервный капитал	26 827 901 > 32 >
Итого	192 567 708 фр. 36 с.

АКТИВ.

В наличии: 1. Ренты	40 069 264 фр. 40 с
2. Облигаций	52 844 600 > 20 >
3. Железнодорожные и прочие акции	59 431 593 > 66 >
Итого	132 345 458 фр. 26 с. ¹

Из чего надлежит вычесть суммы, подлежащие уплате, но не предъявленные до 31 декабря	31 166 718 > 62 >
Сальдо актива	101 178 739 фр. 64 с

Вклады на срок в обязательствах казначейства, пролонгациях, авансы под акции, облигации и т. д.	84 425 390 фр. 09 с.
Стоимость зданий и обстановки	1 082 219 > 37 >
Ликвидные суммы в кассе и в банке, сумма дивидендов, под- лежащих получению 31 декабря	5 981 359 > 26 >
Общий итог актива	192 567 708 фр. 36 с

Общая сумма рент, акций и облигаций в наличии на 31 де- кабря 1854 г.	57 460 092 фр. 94 с.
Подписки и покупки таковых в течение 1855 г.	265 820 907 > 03 >
Итого	323 280 999 фр. 97 с.

Сумма от реализации была	217 002 431 фр. 34 с.
К чему надо присоединить сумму цен- ностей, остающуюся в наличии 132 345 458 фр. 26 с.	349 347 889 > 60 >
Отсюда получается прибыль в	26 066 889 фр. 63 с.

Прибыль в 26 млн. на капитал в 60 млн., т.е. прибыль в $43\frac{1}{3}$ процента, это в самом деле соблазнительная цифра. И чего только ни натворил этот удивительный «Mobilier» со своим общим капиталом приблизительно около 12 млн. долларов! С 60 млн. франков в руках он подписался на французские займы сначала на сумму в 250 млн., а затем еще на 375 млн.; он приобрел долю в главных железных

¹ Повидимому «New York Tribune» допущена ошибка при перепечатке одной из слагаемых — разница суммы равна 20 000 000. *Ред.*

дорогах Франции; он предпринял выпуск займа Австрийского общества для государственных железных дорог; он принял участие в Западных и Центральных железных дорогах Швейцарии; он принял участие в крупной операции, провозгласившей своей целью проведение канала р. Эбро от Сарагоссы до Средиземного моря; он приложил руку к слиянию парижских омнибусных предприятий и к учреждению Генеральной морской компании. Своим вмешательством он осуществил слияние всех старых газовых обществ Парижа в одно предприятие; по его собственным словам, он сделал народу подарок в 500 000 франков продажей ему хлеба ниже рыночной цены; он решал вопросы мира и войны своими займами, создавал новые и поддерживал старые железнодорожные линии, устраивал освещение городов, давал толчок созданию мануфактур и торговых спекуляций и, наконец, распространил свое влияние за пределы Франции, разбросав плодотворные семена подобных же учреждений по всему европейскому континенту.

Таким образом, «Crédit Mobilier» представляет один из самых любопытных экономических явлений нашей эпохи, подлежащее самому основательному рассмотрению. Без такого изучения невозможно ни определить перспективы Французской империи, ни понять симптомов всеобщего социального потрясения, проявляющихся везде по Европе. Мы рассмотрим, во-первых, то, что правление называет своими теоретическими основами, а затем проверим их практическое выполнение. Согласно отчету, эти основы до сих пор осуществлены лишь частично, но в будущем ожидается несравненно большее достижение.

Основные положения Общества изложены в его уставе и в ряде отчетов, представленных акционерам, — главным образом в первом из них. Согласно вступительной части устава, «принимая во внимание важные услуги, которые может оказать учреждение Общества, имеющего целью поощрять развитие промышленности и общественных работ, а также производить конверсию различных ценных бумаг всевозможных предприятий посредством их консолидации в один общий фонд, основатели «Crédit Mobilier» постановили выполнить столь полезный план, вследствие чего они объединились для основания анонимного общества под названием Главного общества «Crédit Mobilier». Наши читатели должны иметь в виду, что под словами «анонимное общество» французы разумеют акционерную компанию с ограниченной ответственностью акционеров и что образование такого Общества зависит от привилегии, которую правительство жалует по своему усмотрению.

Итак, «Crédit Mobilier» ставит себе целью, во-первых, «поощрять развитие промышленности и общественных работ», что значит поставить промышленность и общественные работы вообще в зависимость от благоусмотрения «Crédit Mobilier», стало быть от личного благоусмотрения Бонапарта, от дыхания которого зависит существование самой компании. Правление не преминуло указать, какими способами оно предполагает распространять свое покровительство и покровительство своего державного создателя над всей промышленностью Франции. Различные промышленные предприятия, принадлежащие акционерным компаниям, представлены различными фондовыми или иными бумагами, акциями, обязательствами, облигациями, бонами и т. д. Эти разнообразные фонды расцениваются, конечно, различно на денежном рынке, в зависимости от помещенного в них капитала, от приносимых ими прибылей, различного соотношения спроса и предложения их и от прочих экономических условий.

Что же предлагает «Crédit Mobilier»? Он предлагает заменить все эти различные фондовые бумаги, выпущенные различными акционерными обществами, единими акциями, выпускаемыми самим «Crédit Mobilier». Но как может он осуществить это? Скупкой при помощи собственных или чужих бумаг ценных бумаг различных промышленных предприятий. Но скупить все облигации, акции, бонны и пр.,—словом, все бумаги предприятия,— значит купить само предприятие. Отсюда ясно, что «Crédit Mobilier» открыто провозглашает свое намерение сделать себя собственником всех отраслей промышленности Франции, а Наполеона Маленького — верховным директором. Это и есть то, что мы называем императорским социализмом.

Для осуществления этой программы необходимы, конечно, финансовые операции, и г. Исаак Перейра, планируя деятельность «Crédit Mobilier», естественно, чувствует себя на скользкой почве и принужден поставить Обществу известные ограничения, на которые он смотрит как на случайные и которые он намерен устранить в ходе развития его деятельности. Капитал компании определен в 60 000 000 фр., разделенных на 120 000 паев по 500 фр. каждый. Операции компании, как они определены в уставе, могут быть разделены на три вида: во-первых, операции для поддержания промышленности, во-вторых, создание ценностей, выпускаемых Обществом, для замены или слияния фондов различных промышленных предприятий; в-третьих, обычные банковские операции, продажа и покупка государственных бумаг, коммерческих векселей и т. д.

Операции первой категории, предназначенные для того, чтобы

дать возможность компании распространить свое покровительство над промышленностью, перечислены в ст. V устава, которая гласит:

«Приобретать или подписываться на государственные бумаги, акции или облигации различных промышленных предприятий или кредитных учреждений, организованных в виде акционерных обществ, в особенности железных дорог, каналов, копей и прочих общественных предприятий, уже существующих или возникающих. Брать на себя выпуск всевозможных займов, переводить и реализовать их, а равно финансировать все предприятия общественного характера».

Мы видим, как эта статья идет уже дальше претензий, высказанных во вступительной части устава, ибо предполагает превратить «Crédit Mobilier» не только в собственника крупных промышленных предприятий, но также в раба казначейства, в тирана над торговым кредитом.

Операции второй категории, относящиеся к замене бумаг всех прочих промышленных предприятий бумагами «Crédit Mobilier», включают в себя следующее:

«Выпускать собственные облигации Общества в суммах, равных суммам, потребным для подписки на займы и приобретения промышленных бумаг».

Статьи VII и VIII определяют лимиты и характер облигаций, которые уполномочено выпускать Общество. Эти облигации

«могут достигать суммы, в десять раз превышающие размеры капитала. Они всегда должны быть полностью покрыты государственными бумагами, акциями и облигациями, находящимися в портфеле Общества. Они могут быть оплачены не иначе, как по предварительном уведомлении за 45 дней. Вся совокупность сумм, полученных на текущий счет, и облигаций, выпущенных менее чем на годовой срок, не должна превосходить основной капитал более чем вдвое».

Наконец, третья категория обнимает операции, вызываемые обменом торговых ценностей. «Общество получает деньги до востребования». Оно имеет право «продавать или давать в уплату за займы» все виды бумаг, акций, «облигаций, ему принадлежащих, и обменивать их на другие ценности». Оно дает ссуды под «государственные бумаги, акции, облигации и открывает текущие счета под эти различные ценности». Оно предлагает акционерным обществам все обычные услуги, оказываемые частными банкирами, каковы — получение всех платежей на счет общества, выплату их дивидендов, процентов и т. д. Оно принимает на вклад фонды промышленных предприятий, но по операциям, относящимся к сделкам торговыми ценностями, векселями, варрантами и пр. «специально оговорено, что Общество не должно производить тайных покупок и продаж в целях получения премий».

II.

Необходимо помнить, что Бонапарт произвел свой государственный переворот под двумя диаметрально противоположными предлогами: с одной стороны, он объявил своей миссией спасение буржуазии и «буржуазного строя» от красной анархии, которая якобы должна была начаться в мае 1852 г., с другой стороны — спасение трудящегося народа от буржуазного деспотизма, сосредоточенного в Национальном собрании. Кроме того, ему необходимо было уплатить собственные долги, а также долги respectable сброда Общества 10 декабря, и обогатить как себя, так и его за совместный счет буржуазии и рабочих. Такая миссия Бонапарта, надо признать, была полна противоречиями и затруднениями, ибо он был принужден выступать одновременно и как грабитель, и как патриархальный благодетель всех классов. Он не мог давать одному классу, не отнимая в то же время у другого, он не мог удовлетворить своих собственных нужд и нужд своей клики без грабежа обоих. В эпоху фронды герцога Гиза называли самым обязательным человеком во Франции, ибо он все свои имения превратил в обязательства, держателями которых были его сторонники. Таким же образом и Бонапарт вознамерился стать самым обязательным человеком Франции посредством превращения всей собственности и всей промышленности Франции в личное обязательство, держателем которого был бы сам Луи Бонапарт. Украсть Францию, чтобы затем купить Францию, — такова была великая задача, которую этот человек должен был разрешить, и в этой сделке, заключающейся в том, чтобы отнять у Франции то, что подлежало потом возвращению Франции, немаловажной стороной для него являлся процент, который при этом могли снять для себя он сам и его Общество 10 декабря. Как можно было примирить эти противоречивые притязания? Как можно было разрешить эту щекотливую экономическую проблему? Как распутать этот сложный узел? Весь богатый прошлый опыт Бонапарта указывал ему на один важный ресурс, который позволял ему преодолевать самые трудные экономические положения, — кредит, и как раз во Франции весьма кстати оказалась школа Сен-Симона, которая, как при своем появлении, так и во время своего упадка, обольщала себя мечтой о том, что все классовые противоречия должны исчезнуть и смениться

всеобщим благосостоянием благодаря новоизобретенному плану общественного кредита. К моменту государственного переворота сенсимонизм в этой форме еще не окончательно умер. Еще существовал Мишель Шевалье, экономист газеты «Journal des Débats», существовал также Прудон, который пытался худшую часть сенсимонистской доктрины прикрыть маской эксцентричной оригинальности; существовали, наконец, два португальских еврея, практически связанные с биржевой игрой и Ротшильдом, которые в свое время сидели у ног отца Анфантена и при своем практическом опыте имели смелость разглядеть за социализмом биржевую игру, за Сен-Симоном — Джона Лоу. Эти люди — Эмиль и Исаак Перейра — являются основателями «Crédit Mobilier» и инициаторами бонапартистского социализма.

Есть старая пословица: «habent sua fata libelli» [«книги имеют свою судьбу»]. Доктрины, как и книги, тоже имеют свою собственную судьбу. Сен-Симон в качестве ангела-хранителя парижской биржи, пророка мошенников, мессии всеобщего взяточничества и подкупности! Более жестокой иронии история не знает, кроме разве воплощения Сен-Жюста в человека «золотой середины» г. Гизо, а Наполеона — в Луи Бонапарта.

Человеческая мысль не поспевает за ходом событий. Пока мы, на основании исследования основных положений Общества и экономической обстановки, указывали на неизбежность краха, предвещаемого самой конституцией «Crédit Mobilier», история уже работает над осуществлением наших предсказаний. В конце мая обанкротился на сумму в 10 млн. франков один из директоров «Crédit Mobilier», г. Плас, который всего лишь за несколько дней до того был «представлен г. де-Морни императору» как один из финансовых богов. Боги уходят! Почти в тот же день «Moniteur» опубликовал новый закон о командитных обществах, который, якобы для того, чтобы сдержать спекулятивную горячку, отдает эти общества на произвол «Crédit Mobilier» и ставит их образование в зависимость от воли правительства или «Crédit Mobilier». А английская пресса, которая даже не знает, что есть какая-то разница между «Sociétés en commandite» [командитные общества] и тем «Société», в жертву которому таким образом принесены первые, приходит в восторг от этого великого, «благоразумного акта» бонапартистской мудрости, воображая, что французские спекулянты в ближайшем будущем приобретут солидность английских Садлеров, Спадеров и Пальмеров. В то же самое время закон об осушке земель, только что изданный знаменитым Законодательным корпусом, в прямое нарушение всего прежнего

законодательства и Кодекса Наполеона, санкционирует экспроприацию должников по ипотекам в пользу правительства Бонапарта, который посредством этой махинации предполагает завладеть землей, подобно тому как посредством «Crédit Mobilier» он завладевает промышленностью, а посредством Французского банка — торговлей Франции; и все это с целью спасти собственность от угрозы социализма.

Тем временем мы считаем не лишним продолжать наш анализ «Crédit Mobilier» — института, которому, как мы думаем, суждено показать такие достижения, в сравнении с которыми вышеописанные представляют лишь скромное начало.

Мы видели, что назначение «Crédit Mobilier» состоит в снабжении капиталами таких промышленных предприятий, которые принадлежат анонимным обществам. Цитируем отчет г. Исаака Перейры:

«Crédit Mobilier» играет по отношению к ценностям, представляющим промышленный капитал, роль, аналогичную функциям, выполняемым учетными банками по отношению к ценностям, представляющим торговый капитал. Первая обязанность этого Общества — поддержать развитие национальной промышленности, облегчить образование крупных предприятий, которые, будучи предоставлены самим себе, наталкиваются на большие препятствия. Его призвание в этом отношении будет выполнено легко потому, что оно располагает различными способами осведомления и обследования, способами, недоступными для частных лиц, в целях правильной оценки действительной стоимости или перспектив предприятия, обращающегося к нему за помощью. В периоды процветания наше Общество будет служить путеводителем для капитала, стремящегося найти прибыльное применение: в моменты затруднений — его назначение в том, чтобы предоставлять свои богатые ресурсы для поддержания труда в производстве и смягчения кризисов, вызываемых необдуманным сокращением капиталов. Старания, которые наше Общество будет прилагать к тому, чтобы повсюду помещать свой капитал только в таких размерах и на такие ограниченные сроки, которые позволят изымать его без риска, дадут ему возможность умножать свою деятельность, оплодотворять в короткое время множество предприятий и уменьшить риск своего сотрудничества широким размещением своих вложений в акции».

Ознакомившись с тем, каким образом Исаак развивает идеи Бонапарта, мы считаем важным также взглянуть, каким образом Бонапарт комментирует идеи Исаака; этот комментарий можно найти в представленном ему министром внутренних дел 21 июня 1854 г. докладе относительно принципов и администрации «Crédit Mobilier»:

«Среди всех кредитных учреждений, существующих в мире, Французский банк справедливо считается таким, которое может похвалиться самой прочной организацией (такой прочной, что небольшая буря февраля 1848 г. едва не опрокинула его в один день, если бы не поддержка, оказанная ему Ледрю-Ролленом и К⁰); Временное правительство не только приостановило его обязательства

оплачивать свои банкноты звонкой монетой и таким образом повернуло вспять толпу держателей банкнот и бон, запрудившую все ведущие к нему улицы, но также дало ему право выпустить банкноты стоимостью в 50 фр., тогда как при Луи-Филиппе ему никогда не разрешалось выпускать банкноты стоимостью менее 500 фр.; таким образом правительство не только покрыло своим кредитом неплатежеспособность банка, но, в придачу, заложило ему государственные леса за привилегию получить кредит для государства). Французский банк является одновременно и опорой, и путеводителем для нашей торговли, и его материальное и моральное влияние создает для нашего рынка весьма ценную устойчивость. (Эта устойчивость такова, что французы переживают регулярный промышленный кризис всякий раз, когда Америка и Англия снисходят лишь к небольшому краху в торговле). Благодаря осторожности и благоразумию, которые руководят всеми его операциями, это замечательное учреждение выполняет поэтому роль регулятора, но коммерческий гений, чтобы произвести на свет все чудеса, которые таятся в его глубинах, прежде всего нуждается в поощрении, и именно потому, что спекуляция во Франции ограничена самыми точными пределами, не было никакого неудобства, напротив, было большое преимущество в том, чтобы рядом с Французским банком создалось учреждение, задуманное в плане совсем других идей, которое в области промышленности и торговли воплощало бы дух инициативы.

К счастью, образец для такого института уже существовал: его родиной была страна, прославленная своей строгой честностью, благоразумием и солидностью, проникавшими во все ее коммерческие операции. Предоставляя к услугам всякой здоровой идеи и всякого полезного предприятия свой капитал, свой кредит и моральный авторитет, Всеобщая нидерландская компания умножила в Голландии количество каналов, произвела осушки и тысячи прочих мелиораций, которые в сотни раз подняли ценность земельной собственности. Почему бы и Франции таким же образом не извлечь выгод при помощи института, преимущества которого были доказаны столь блестящим опытом? Вот та мысль, которая привела к созданию «Crédit Mobilier», разрешенному декретом 18 ноября 1852 года.

Согласно уставу, это Общество может, помимо прочих операций, покупать и продавать ценные бумаги государственных и общественных учреждений или промышленные акции, давать и брать под них ссуды, брать на себя реализацию публичных займов и, словом, выпускать свои долгосрочные обязательства за счет ценностей, приобретенных этим путем.

Таким образом, Общество имеет в своих руках средства привлекать и составить в любой момент значительное богатство на выгодных условиях; плодотворность предприятия и заключается в правильном употреблении этих капиталов. Фактически Общество может по своему усмотрению делать вложения в промышленность, интересоваться предприятиями, принимать участие в долгосрочных операциях, — все это Французскому банку и Дисконтной палате запрещено их уставами, — словом, Общество совершенно свободно в своих действиях и может менять направление своей деятельности в точном соответствии с потребностями торгового кредита. Если среди постоянно возникающих предприятий оно сумеет распознавать полезные и выгодные; если своевременной интервенцией, при помощи имеющихся в его распоряжении огромных фондов, оно поможет выполнению работ, которые сами по себе весьма продуктивны, но требуют для выполнения

необычайно много времени и поэтому продвигаются весьма вяло; если его сотрудничество будет верным показателем полезности идеи или правильности проекта, то Общество «Crédit Mobilier» заслужит и приобретет одобрение публики. Свободный капитал будет искать каналов для выхода и массой направится всюду, где заинтересованность Общества укажет ему обеспеченное применение. Таким образом в силу примера и авторитетности, которая будет сопровождать всякую оказываемую им поддержку, больше даже чем в силу какой-либо материальной помощи, это Общество станет сотрудником в осуществлении всех общественно-полезных идей. Этим путем оно будет действительно поощрять усиление промышленности и повсюду стимулировать дух изобретательности».

Мы постараемся в одной из ближайших статей показать, каким образом все эти высокопарные фразы едва прикрывают простой план вовлечения всей промышленности Франции в водоворот парижской биржи и превращения ее в простой мяч для господ из «Crédit Mobilier» и их патрона — Бонапарта.

III.

Надвигающийся крах бонапартовских финансов продолжает являть о себе различным образом. 31 мая граф Монталамбер, возражая против проекта повышения почтовой оплаты за пересылку всех печатных произведений, книг и т. п., произнес следующую речь, в которой звучали ноты тревоги:

«Когда всякая политическая жизнь была подавлена, что оказалось вместо нее? Вихрь спекуляции. Великая французская нация не может обречь себя на бездействие, на дремоту. Место политической жизни заняла горячка спекуляции, жажда наживы, увлечение азартной игрой. Повсюду, даже в маленьких городках, даже в деревнях, люди были увлечены манией быстрой наживы состояний, примеры которой у всех перед глазами — состояний, приобретенных без хлопот, без труда и часто без чести. Мне не надо искать других доказательств, как только что представленный проект закона против «командитных обществ». Я только что получил его копию; я не успел рассмотреть законопроект, но я готов поддержать его, несмотря на несколько драконовский характер мер, которые, мне кажется, в нем можно найти. Если лекарство столь действительно нужно и столь сильно, то такова же надо думать и сама болезнь. Истинный источник этой болезни в том, что всякий политический дух во Франции спит. Но болезнь, на которую я здесь указываю, не единственное зло, вытекающее из этого же источника. В то время как высшие и средние классы — эти старые политические классы — предаются спекуляции, иная болезнь распространяется среди низших классов общества, откуда происходили почти все революции, от которых страдала Франция; созерцая зрелище этой страшной мании азарта, превратившей едва ли не всю Францию в огромный игорный вертеп, часть народной массы, увлеченная социалистами, как никогда прежде деморализована жаждой наживы. Отсюда бесспорный рост тайных обществ, расширение и углубление тех диких страстей, которые, можно сказать, компрометируют социализм, именем которого они себя называют, и которые во всей их силе были великолепно продемонстрированы недавно на судебных процессах в Париже, Анжере и других местах.

Так говорит Монталамбер — сам один из акционеров-учредителей бонапартовской фирмы в защиту порядка, религии, собственности и семьи.

От Исаака Перейры мы слышали, что одним из секретов «Crédit Mobilier» является правило: умножать деятельность и уменьшать риск учреждением возможно большего числа самых разнообразных предприятий и выходом из них в возможно кратчайший срок. Что же означает это правило, если снять с него покров цветистых фраз сен-симонизма? Оно означает: подписываться в широчайших размерах на акции в наибольшем количестве спекулятивных

предприятий, реализовать премию и сбывать эти акции с рук с наимозможнейшей быстротой. Это значит, что основой промышленного развития должна служить биржевая игра или, точнее говоря, все промышленное учредительство должно служить попросту предлогом для биржевой игры. С помощью какого же орудия должна быть достигнута эта цель «Crédit Mobilier»? Какие предлагаются средства к тому, чтобы дать возможность «умножать свою деятельность» и «уменьшать свой риск»? Те самые, какие употреблял Лоу. Так как «Crédit Mobilier» является привилегированной компанией, пользующейся поддержкой правительства и располагающей сравнительно крупным капиталом и кредитом, то не подлежит сомнению, что акции каждого нового предприятия, вызванного им к жизни, при первом выпуске будут покупаться с премией. У Лоу он научился наделять своих собственных пайщиков новыми акциями по нарицательной цене, пропорционально количеству акций, которое они имеют в основном предприятии. Прибыль, обеспечиваемая им таким путем, прежде всего влияет на ценность акциї самого «Crédit Mobilier», а затем их высокая котировка обеспечивает высокую ценность новых акций, подлежащих выпуску. Таким способом «Crédit Mobilier» приобретает возможность дополучить бо́льшую часть ссудного капитала, предназначенного для вложения в промышленные предприятия.

Так вот, помимо того факта, что премия составляет основную ось, вокруг которой вращается деятельность «Crédit Mobilier», его целью очевидно является воздействие на капитал способом, совершенно противоположным действию коммерческих банков. Коммерческий банк своими дисконтами, займами и выпуском банкнот освобождает временно капитал, тогда как «Crédit Mobilier» фактически фиксирует, т. е. превращает основной в текущий капитал. Железнодорожные акции, напр., могут быть весьма текучи, но капитал, который они представляют, т. е. капитал, вложенный в постройку железной дороги, является основным. Фабрикант, который затратил бы на постройку здания и оборудование часть своего капитала, несоразмерную с частью, предназначенной для заработной платы рабочим и на покупку сырья, вскоре увидел бы, что его фабрика стала. То же самое в хозяйстве нации. Почти каждый торговый кризис в наше время связан с нарушением должной пропорции между оборотным и основным капиталом. Каков же должен быть, в таком случае, результат деятельности института, подобного «Crédit Mobilier», прямая цель которого заключается в том, чтобы увязать как можно больше свободного для ссуд капитала нации в желез-

ных дорогах, каналах, копиях, доках, пароходах, металлургических заводах и прочих промышленных предприятиях, не считаясь с производственной способностью страны?

Согласно своему уставу, «Crédit Mobilier» может поддерживать лишь такие промышленные предприятия, которые организуются анонимными или акционерными обществами с ограниченной ответственностью. В результате возникает тенденция создать возможно большее число таких обществ и вместе с тем придать всем промышленным предприятиям форму таких обществ. Конечно, нельзя отрицать, что применение формы акционерных компаний в промышленности открывает новую эпоху экономической жизни современных народов. С одной стороны, оно обнаружило производительную силу ассоциации, о которой раньше не имели понятия, и вызвало к жизни промышленные организации в масштабе, не доступном для усилий отдельных капиталистов; с другой стороны, не следует забывать, что в акционерных обществах объединяются не отдельные лица, а капиталы. Этим способом собственники превратились в акционеров, т. е. в спекулянтов. Концентрация капиталов была ускорена, и, как ее естественный результат, ускорился упадок мелкой буржуазии. Появился особый род индивидуальных королей, власть которых находится в обратном отношении к их ответственности; они ответственны лишь в размере имеющихся у них акций, меж тем как распоряжаются они всем капиталом Общества. Они образуют более или менее постоянный коллектив, в противоположность акционерам, состав которых непрерывно изменяется и обновляется, и имеют возможность, располагая совокупностью влияния и богатства Общества, подкупать отдельных непокорных членов. Ступенью ниже этого олигархического правления стоит бюрократический коллектив директоров и агентов Общества, а под ними, без всякого перехода, огромная, ежедневно растущая масса простых наемных работников, зависимость и беспомощность которых возрастает пропорционально размерам дающего им занятие капитала, но которые также становятся все более опасными пропорционально сокращению числа представителей этого капитала. Бессмертная заслуга Фурье заключается в том, что он предсказал эту форму современной индустрии, назвав ее «промышленным феодализмом». Несомненно, ни г. Исаак Перейра, ни г. Эмиль Перейра, ни г. Морни, ни г. Бонапарт не могли изобрести его. И до их эры существовали банки, кредитовавшие промышленные акционерные компании. То, что они изобрели, был акционерный банк, который стремится к монополизации прежде раздробленной

и многообразной деятельности частных ростовщиков и руководящим принципом которого должно быть создание огромного количества промышленных компаний не с целью производительного помещения капиталов, а просто ради спекулятивных прибылей. Новая идея, которую придумали, — это превращение промышленного феодализма в данника биржевой спекуляции.

Согласно уставу, капитал «Crédit Mobilier» определен в 60 000 000 франков. Тот же устав разрешает ему принимать в депозит на текущий счет сумму, вдвое превышающую капитал, т. е. 120 000 000 франков. Таким образом, сумма, находящаяся в распоряжении Общества, доходит до 180 000 000 франков. Сравнительно со смелым планом получить в качестве клиентуры всю индустрию Франции — это, конечно, очень малая сумма. Кроме того, едва ли две трети ее можно вообще употребить на приобретение промышленных акций или таких ценностей, которые не дают гарантии непосредственной реализации, потому что они получены до востребования. По этой причине устав открывает для «Crédit Mobilier» другой источник: банк имеет право выпускать облигации на сумму, в десять раз превышающую первоначальный капитал, т. е. на 600 000 000 фр.; другими словами, учреждение, предназначенное для снабжения деньгами всего мира, имеет право явиться на рынок в качестве займоискателя на сумму, в десять раз превышающую его собственный капитал.

«Наши облигации, — говорит Перейра, — будут двоякого рода. Одни, выпускаемые на короткий срок, должны находиться в соответствии с нашими различными временными вложениями».

Облигации этого рода нас здесь не интересуют, ибо в силу ст. VIII устава они подлежат выпуску только с целью пополнить нехватки тех 120 000 000 фр., которые должны быть получены на текущий счет и которые полностью были получены таким путем. Что касается облигаций другой категории, то

«они выпускаются с отдаленными сроками уплаты и подлежат уплате посредством выкупа и будут находиться в соответствии со вложениями подобного же характера, которые мы будем производить либо в государственные бумаги, либо в акции и облигации промышленных компаний. Согласно распорядку системы, являющейся базисом нашей ассоциации, эти бумаги не только будут обеспечены соответственной суммой фондов, которые будут приобретены под контролем правительства и общая сумма которых предоставит, благодаря применению принципа взаимности, преимущества компенсации и разделения риска, но будут иметь, кроме того, гарантию капитала, который для этой цели мы увеличили до значительной суммы».

Эти облигации «Crédit Mobilier» представляют попросту подража-

ние железнодорожным облигациям, подлежащим выкупу в определенные сроки на определенных условиях и приносящим определенный процент. Но есть и различие. В то время как железнодорожные облигации часто гарантируются ипотекой на железную дорогу, в чем же состоит гарантия облигаций «Crédit Mobilier»? Это — ренты, акции, облигации и т. п. промышленных компаний, которые «Crédit Mobilier» приобретает за свои собственные облигации. В таком случае, что же выигрывается их выпуском? Выигрывается разница между процентом, уплачиваемым по облигациям «Crédit Mobilier», и процентом, приносящимся акциями и прочими ценностями, в которые он поместил свой заем. Чтобы сделать эту операцию достаточно прибыльной, «Crédit Mobilier» должен помещать капитал, реализованный выпуском облигаций, в такие вложения, которые обещают наиболее прибыльный доход, т. е. в акции, подвергающиеся большим колебаниям и изменениям в цене. Поэтому главное обеспечение его облигаций будет состоять из акций тех самых промышленных компаний, которые он же будет основывать.

Таким образом, в то время как железнодорожные облигации обеспечены капиталом, по меньшей мере, вдвое бóльшим, облигации «Crédit Mobilier» обеспечиваются капиталом равновеликим только номинально, который, однако, должен уменьшаться вместе с каждым понижательным движением фондового рынка. Соответственно этому, держатели этих облигаций разделяют весь риск простых акционеров, не участвуя в их прибылях. Но, говорит последний годовой отчет, «держатели облигаций имеют не только обеспечение в виде тех вложений, в которые он (т. е. «Crédit Mobilier») поместил свои займы, но также обеспечение в виде его первоначального капитала». Первоначальный капитал в 60 000 000 фр., ответственный за 120 000 000 фр. вкладов, должен служить обеспечением для 600 000 000 фр. облигаций помимо тех других гарантий, которые ему, быть может, придется предоставлять неограниченному количеству предприятий, которые «Crédit Mobilier» уполномочен основать. Если бы Обществу удалось обменять акции всех промышленных компаний на свои собственные облигации, то оно действительно стало бы верховным распорядителем и собственником всей промышленности Франции, а масса прежних владельцев оказалась бы на пенсии с определенным доходом, равным проценту с облигаций. Но на пути к этому достижению смелых авантюристов остановит банкротство, вызванное вышеизложенными экономическими условиями. Впрочем, эта маленькая неприятность не должна быть упущена и действительные основатели «Crédit Mobilier» включили

ее в свои расчеты. Когда наступит крах, когда в него окажутся вовлеченными интересы огромной массы французов, то правительство Бонапарта будет иметь основание вмешаться в дела «Crédit Mobilier», как английское правительство в 1797 г. вмешалось в дела Английского банка. Некогда регент Франции, достойный предок Луи-Филиппа, пытался отделаться от государственного долга конверсией государственных облигаций банка Лоу. Луи Бонапарт, этот императорский социалист, попытается захватить французскую промышленность путем превращения облигаций «Crédit Mobilier» в государственные. Окажется ли он более состоятелен, нежели «Crédit Mobilier»? Вот вопрос.

Карл Маркс
РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

Написана К. Марксом
Напечатана в качестве передовой
в «New-York Daily Tribune» № № 4775, 4783
от 8 и 18 августа 1856 г.
Без подписи

I.

Хотя вести, привезенные вчера пароходом «Азия», свежее наших прежних сообщений на три дня, однако они не содержат ничего такого, что указывало бы на близкий конец гражданской войны в Испании. О'Доннелевский государственный переворот, правда, прошел в Мадриде удачно, но еще невозможно сказать, что он удался окончательно. Французский «Moniteur», который сначала изображал восстание в Барселоне как простой бунт, вынужден теперь признать, что «столкновение там было очень серьезное, но что успех войск королевы можно считать обеспеченным».

Согласно версии этой официальной газеты, бои в Барселоне длились от 5 часов пополудни 18 июля до 5 часов 21 июля, т. е. ровно три дня, когда, как говорят, «инсургенты» были вытеснены из своих кварталов и бежали из города, преследуемые кавалерией. Утверждают, впрочем, что они еще удерживают несколько городов в Каталонии, в том числе Герону, Хункеру и несколько менее значительных мест. Кроме того, есть сведения, что Мурсия, Валенсия и Севилья выступили со своим пронунсиаментом против государственного переворота, что батальон гарнизона Пампелуны, направленный местным губернатором против Сории, уже в пути объявил себя противником правительства и пошел на соединение с инсургентами Сарагоссы и что в Сарагоссе, ставшей с самого начала признанным центром сопротивления, генерал Фалькон произвел смотр отряду в 16 000 линейных солдат, усиленному 15 000 человек милиции и окрестных крестьян.

Во всяком случае, французское правительство считает «восстание» в Испании еще не усмиренным, и Бонапарт, не удовлетворяясь отправкой целого ряда батальонов для прикрытия границы, приказал одной бригаде продвинуться к Бидассоа, причем она пополняется до состава дивизии подкреплениями из Монпелье и Тулузы. Кроме того, как говорят, еще одна дивизия выделена непосредственно из Лионской армии, согласно приказу, отправленному прямо из Пломбьера 23 июля, и теперь направляется к Пиренеям, где в настоящее время собран целый наблюдательный корпус в 25 000 человек.

Если сопротивление правительству О'Доннеля окажется в состоянии удержать свои позиции, если оно окажется достаточно сильным, чтобы завлечь Бонапарта на путь вооруженного вторжения на полуостров, то государственный переворот в Мадриде может еще послужить сигналом к поражению государственного переворота в Париже. Если присмотреться к сюжету и действующим лицам драмы, то этот испанский заговор 1856 г. представится нам как простое повторение подобной же попытки 1843 г., — конечно, с некоторыми небольшими изменениями. Тогда, как и теперь, Изабелла сидела в Мадриде, а Христина — в Париже; Луи-Филипп, вместо Луи Бонапарта, руководил движением из Тюильри. На одной стороне — Эспартеро и его аякучи¹; на другой — О'Доннель, Серрано, Конча с Нарваэсом, бывшие тогда на авансцене, а теперь находящиеся в стороне. В 1843 г. Луи-Филипп отправил 2 млн. золотом сушей, а Нарваэса морем, причем договор об испанских браках был заключен между ним и мадам Муньоз. На соучастие в испанском государственном перевороте Бонапарта, который, возможно, и устроил брак своего кузена, принца Наполеона, с мадемуазель Муньоз или, во всяком случае, должен продолжать роль подражателя своего дяди, — на его соучастие указывают не только доносы «Monsieur» в течение двух последних месяцев о коммунистических заговорах в Кастилии и Наварре, не только поведение до, во время и после государственного переворота г. де-Тюрго, французского посла в Мадриде, того самого, который был министром иностранных дел Бонапарта во время его собственного государственного переворота; не только то, что герцог Альба, шурин Бонапарта, очутился в Мадриде в качестве президента нового муниципалитета сразу после победы О'Доннеля; и не только то, что Рос-де-Олано, старый член французской партии, первый получил предложение занять место в министерстве О'Доннеля, и, наконец, не только то, что Нарваэс был отправлен Бонапартом в Байонну, как только первые известия о событии достигли Парижа, — об этом соучастии можно было догадаться уже раньше на основании того, что большое количество снаряжения было отправлено из Бордо в Байонну за две недели до нынешнего кризиса в Мадриде. Больше всего это доказывает план действий О'Доннеля в его разбойничьем набеге на население этого города. В самом начале О'Доннель объявил, что он не поколеблется взорвать Мадрид на воздух, и во время военных

¹ Прозвище, данное Эспартеро и его приверженцам после битвы при Аякучо (Перу) в 1824 г., проигранной испанцами. *Ред.*

действий поступал так, как говорил. Хотя О'Доннель и большой смельчак, он никогда не решался на смелый шаг, не обеспечив себе предварительно отступления. Подобно своему известному дядюшке, герою предательства, он никогда не сжигал за собой мостов, переходя Рубикон. У О'Доннелей задор удивительным образом сдерживается осторожностью и скрытностью. Совершенно ясно, что генералу, который угрожал обратить столицу в пепел, а потом потерпел неудачу, пришлось бы поплатиться головою. Как же решился О'Доннель вступить на столь скользкий путь? Этот секрет выдает нам «*Journal des Débats*», лейб-орган королевы Христины. О'Доннель ожидал, что сражение будет большое и что победа, по меньшей мере, достанется не дешево. Он предвидел также и возможность поражения. Если бы случилось такое несчастье, то маршал с остатками своей армии покинул бы Мадрид и, сопровождая королеву, направился бы в северные провинции, с целью приблизиться к французской границе. Не похоже ли все это на то, что он составил свой план вместе с Бонапартом? Точь-в-точь такой же план был согласован между Луи-Филиппом и Нарваэсом в 1843 г., и этот план, в свою очередь, представлял копию тайной конвенции между Людовиком XVIII и Фердинандом VII в 1823 году.

Установив это весьма правдоподобное сходство между испанскими заговорами 1843 и 1856 гг., мы должны отметить, что между обоими движениями имеется также и достаточно моментов, отличающих их и показывающих, как далеко пошел вперед испанский народ в течение столь короткого времени. Эти моменты следующие: политический характер последней борьбы в Мадриде, ее важное военное значение и, наконец, положение Эспартеро с одной и О'Доннеля с другой стороны в 1856 г. сравнительно с положением Эспартеро и Нарваэса соответственно в 1843 году. В 1843 г. Эспартеро надоел всем партиям, и, с целью отделаться от него, составила мощная коалиция из умеренных и прогрессистов. Революционные хунты, выраставшие, как грибы, подготовили путь для Нарваэса и его свиты. В 1856 г. мы не только видим двор и армию на одной стороне, а против них народ — на другой, но также в рядах самого народа мы находим те же подразделения, что и в остальной Западной Европе. 13 июля министерство Эспартеро вынуждено было выйти в отставку; в ночь с 13-го на 14-е был составлен кабинет О'Доннеля; утром 14-го распространился слух, что О'Доннель, которому было поручено составление кабинета, пригласил в него Риос-Росаса, зловещего министра кровавых июльских дней 1854 года. В 11 час. утра «*Gaceta*» подтвердила этот слух. Тогда собрались

кортесы в составе 93 депутатов. Согласно регламенту этого учреждения, достаточно требования 20 членов, чтобы созвать заседание, а 50 членов образуют кворум. Кроме того, сессия кортесов формально не была прервана. Председатель, генерал Инфанте, не мог не подчиниться всеобщему желанию созвать очередное заседание. Была внесена резолюция о том, что новый кабинет не пользуется доверием кортесов и что королева должна быть предупреждена об этом. Одновременно кортесы предложили национальной гвардии быть готовой к действию. Их комитет с резолюцией недоверия направился к королеве в сопровождении отряда национальной милиции. Когда депутаты попытались войти во дворец, их прогнал отряд линейных войск, который стрелял в них и в их эскорт. Этот инцидент послужил сигналом к восстанию. Приказ начать постройку баррикад был дан кортесами в 7 часов вечера, но непосредственно вслед за этим их собрание было рассеяно войсками О'Доннеля. Бои начались в ту же ночь; только один батальон национальной милиции присоединился к королевским войскам. Надо заметить, что уже утром 13-го сеньор Эскозура, министр внутренних дел в кабинете Эспартеро, телеграфировал в Барселону и Сарагоссу о том, что готовится государственный переворот и что они должны принять меры к сопротивлению. Во главе инсургентов в Мадриде стояли сеньор Мадос и генерал Вальдес, брат Эскозуры. Словом, не может быть сомнения, что сопротивление государственному перевороту исходило из среды эспартеристов, городских жителей и вообще либералов. В то время как они вместе с милицией расположились по линии поперек Мадрида с востока к западу, рабочие под предводительством Пучеты заняли южные и часть северных кварталов города.

Утром 15-го О'Доннель взял инициативу в свои руки. Даже согласно пристрастному свидетельству «Débats» О'Доннель в течение первой половины дня не добился значительного успеха. Внезапно, около 1 часа дня, без всякой видимой причины, ряды национальной милиции оказались прорванными; в 2 часа они еще более поределели, а в 6 часов милиция вовсе исчезла со сцены, предоставив всю тяжесть борьбы рабочим, которые сражались до 4 часов пополудни 16-го. Таким образом, в эти три дня кровавой бойни было два различных сражения: первое вела либеральная милиция буржуазии, при поддержке рабочих, против армии, второе — вела армия против рабочих, покинутых милицией. Как сказано у Гейне, «старая, но вечно новая история». Эспартеро покидает кортесы, кортесы покидают командиров национальной гвар-

дии, командиры покидают своих солдат, а солдаты покидают народ. Впрочем, 15-го кортесы собрались снова, в тот момент, когда появился Эспартеро. Сеньор Ассенсио и другие напомнили ему о его неоднократных обещаниях обнажить свой знаменитый меч Лучаны в первый же день, как только свобода страны окажется в опасности. Эспартеро призвал небо в свидетели своего неизменного патриотизма, и когда он покинул собрание, все ожидали, что его вскоре увидят во главе инсургентов. Вместо этого он отправился в дом генерала Гурреа и скрылся в безопасный от бомб погреб на манер Палаfoxка; более о нем не было слышно. Командиры милиции, которые накануне вечером прилагали все усилия к тому, чтобы воодушевить своих людей взяться за оружие, теперь обнаружили такое же рвение разойтись по своим домам. В 2½ часа пополудни генерал Вальдес, на несколько часов захвативший в свои руки командование милицией, созвал солдат, стоявших под его непосредственным начальством на Большой площади, и заявил им, что человек, которому, естественно, надлежало бы стоять во главе их, не придет, и, следовательно, каждый из них волен уходить домой. Национальные гвардейцы бросились тогда по домам и поспешили снять свои мундиры и спрятать оружие. Таков, в главных чертах, рассказ одного хорошо осведомленного и авторитетного лица. Другой источник приводит в качестве причины этой внезапной капитуляции перед заговором имевшиеся у многих соображения, что победа национальной гвардии могла привести к падению трона и абсолютному преобладанию республиканской демократии. Парижская газета «Presse» тоже дает понять, что маршал Эспартеро, видя, какой оборот принимают дела на конгрессе благодаря демократам, не захотел пожертвовать тронem или бросаться в превратности анархии и гражданской войны и в соответствии с этим сделал все возможное, чтобы вынудить капитуляцию О'Доннелю.

Правда, подробности обстановки, касающиеся момента прекращения сопротивления государственному перевороту, различными авторами передаются различно; но все согласны в одном главном пункте, а именно, что Эспартеро изменил кортесам, кортесы — вождям, вожди — буржуазии, а буржуазия — народу. Это дает новую иллюстрацию о характере боев в большинстве европейских стран в 1848 — 1849 гг., а также тех, которые потом последовали в западной части континента. С одной стороны, имеется современная промышленность и торговля, естественная руководительница которой, буржуазия, питает отвращение к военному деспотизму; с другой, как только она начинает борьбу против

Этого деспотизма, на сцену выступают рабочие, являющиеся продуктом современной организации труда, и требуют причитающейся им доли плодов победы. Испуганная последствиями сюза, навязываемого ей против воли, буржуазия отступает под защиту пушек ненавистного деспотизма. В этом секрет существования постоянных армий в Европе, — секрет, который иначе остался бы непонятным будущему историку. Европейской буржуазии дается таким образом ныне урок в том смысле, что она должна либо сдаться политической силе, которую она ненавидит, и отказаться от преимуществ современной промышленности и торговли и основанных на них общественных отношений, или пожертвовать привилегиями, которые современной организацией производительных сил общества, в основном, присвоены одному только классу. Замечательно и неожиданно, что этот урок получен из опыта даже в Испании.

II.

Сарагосса сдалась 1 августа в 1 час 30 мин. пополудни; ликвидирован последний пункт сопротивления испанской контрреволюции. С военной точки зрения оставалось мало надежды на успех после поражения при Мадриде и Барселоне, после слабой диверсии инсургентов в Андалузии и после концентрированного наступления огромных сил из Баскских провинций, Наварры, Каталонии, Валенсии и Кастилии. Если еще были какие-нибудь возможности сопротивления, то они были парализованы теми обстоятельствами, что инсургентами руководил старый адъютант Эспартеро, генерал Фалькон, что в качестве боевого клича был дан лозунг «Эспартеро и свобода» и что население Сарагоссы узнало о небывало смехотворном фиаско Эспартеро под Мадридом. Кроме того, из главной квартиры Эспартеро его подручным в Сарагоссе был дан прямой приказ прекратить всякое сопротивление. Это показывает следующее извлечение из «Journal de Madrid» от 29 июля:

«Один из эспартеристских экс-министров принял участие в переговорах происходивших между генералом Дульсе и сарагосскими властями, и член кортесов Хуан Мартинес Алонсо, сторонник Эспартеро, взял на себя поручение уведомить вождей инсургентов, что королева, ее министры и генералы настроены самым примирительным образом».

Революционное движение охватило почти всю территорию Испании. Оно охватило Мадрид и Ламанчу в Кастилии; Гренаду, Севилью, Малагу, Кадикс, Хаэн и др. в Андалузии; Мурсию и Картагену в провинции Мурсии; Валенсию, Аликанте, Альзиру и др. в Валенсии; Барселону, Реус, Фигуерас, Герону в Каталонии; Сарагоссу, Теруель, Хуеску, Хаку и пр. в Арагоне; Овьедо в Астурии и Корунью в Галисии. Движения не было в Эстремадуре, Леоне и Старой Кастилии, где революционная партия была уничтожена два месяца тому назад с благословления Эспартеро и О'Доннелля. Баскские провинции, равно как и Наварра, остались спокойны. В этой последней провинции, однако, симпатии были на стороне революции, но они не могли проявиться на виду французской наблюдающей армии. Это тем более покажется замечательным, если мы примем во внимание, что двадцать лет назад эти самые провинции являлись цитаделью карлизма, в то время имевшего поддержку со стороны крестьянства Арагонии и Каталонии; однако на этот раз крестьяне горячо поддерживали революцию и оказались бы

мощным фактором сопротивления, если бы не глупость вождей в Барселоне и Сарагоссе, помешавшая использовать их. Даже лондонский «Morning Herald», правоверный поборник протестантизма, двадцать лет тому назад ломавший копыя за дон-кихотствующего рыцаря ауто-да-фе, дон-Карлоса, стал в тупик перед этим фактом, который он имеет честность открыто признавать. Это один из многих признаков прогресса, обнаруженных в Испании в последнюю революцию, — прогресса, медленность которого удивит только того, кто незнаком с своеобразными нравами и обычаями страны, где «завтра» есть лозунг повседневной жизни и где каждый готов вам сказать, что «нашим предкам понадобилось восемьсот лет, чтобы прогнать мавров».

Несмотря на повсеместное распространение пронунсиаменто революция захватила только Мадрид и Барселону. На юге она была подорвана холерой, а на севере чумой — сиречь Эспартеро. С военной точки зрения восстания в Мадриде и Барселоне представляют мало интересных и еще меньше новых черт. На одной стороне, в армии, все было подготовлено заранее; на другой стороне все было импровизировано; ни на минуту инициатива нападения не переходила к другой стороне. На одной стороне — хорошо снаряженная армия, легко поворачивающаяся на поводу у командующих ею генералов; на другой стороне — вожди, неохотно продвигающиеся под напором плохо вооруженного народа. В Мадриде революционеры с самого начала сделали ту ошибку, что заперлись во внутренних частях города на линии, соединяющей восточные и западные окраины; окраины же были во власти О'Доннеля и Кончи, сообщавшихся друг с другом и с кавалерией Дульсе по внешним бульварам. Таким образом народ изолировал себя и поставил себя под согласованную О'Доннелем и его сообщниками концентрическую атаку. О'Доннелю и Кончи нужно было лишь соединиться, чтобы революционеры были рассеяны и прогнаны в северные и южные кварталы города и в дальнейшем потеряли между собою всякую связь. Отличительной чертой мадридского восстания было малое количество баррикад, которые строили только на углах главных улиц, центрами сопротивления делали дома; и что было необычным для уличных боев — это то, что инсургенты встречали наступающие колонны штыковыми атаками. Но если повстанцы использовали опыт парижского и дрезденского восстаний, то и солдаты научились на них не меньше. Стены домов проламывались одна за другой, заходили во фланг и в тыл повстанцам, а двери на улицу обстреливались из пушек. Другой отличительной чертой этого сражения в Мадриде было то, что когда, после соединения Кончи и О'Доннеля, Пучета был вытеснен на южный (Толед-

ский) квартал города, то он перенес на улицы Мадрида способы партизанщины, применяемые в горах Испании. Инсургенты, рассеянные, загнанные под арки церквей, в тесные переулки, на лестницы домов, внезапно снова поворачивались лицом к врагу и защищались до последней капли крови.

В Барселоне, где восстание вовсе не имело руководителя, борьба была еще более упорной. В военном отношении это восстание, подобно всем прежним восстаниям в Барселоне, потерпело неудачу благодаря тому, что цитадель, форт Монтуик, осталась в руках армии. Напряженность борьбы видна из того, что 150 солдат были сожжены в своих казармах в Грасии, предместье, за которое инсургенты упорно дрались, после того как их уже вытеснили из Барселоны. Замечательно, что в то время как в Мадриде, как мы писали в одной из предыдущих статей, пролетариат был предан и покинут буржуазией, барселонские ткачи объявили с самого начала, что они не хотят иметь ничего общего с движением, начатым эспартеристами, и требовали провозглашения республики. Когда им было в этом отказано, они, за исключением тех, которых неудержимо привлекал запах пороха, остались пассивными зрителями сражения, которое таким образом было проиграно, ибо все восстания в Барселоне решаются двадцатью тысячами ткачей.

Испанская революция 1856 г. отличается от всех своих предшественниц тем, что она полностью потеряла династический характер. Как известно, движение от 1804 по 1815 г. было национальным и династическим. Хотя кортесы 1814 г. провозгласили почти республиканскую конституцию, они действовали при этом от имени Фердинанда VII. Движение 1820 — 1823 гг. с его робким республиканизмом было вообще преждевременно, и массы, к которым оно обращалось, были против него, ибо они были привязаны к церкви и престолу. Монархия в Испании имела такие глубокие корни, что для того, чтобы борьба между старым и новым обществом приняла серьезный характер, понадобилось завещание Фердинанда VII и воплощение обоих противоположных принципов в двух ветвях династии: карлистской и христинской. Даже для того, чтобы бороться за новый принцип, испанцам нужно было освященное временем знамя. Под такими знаменами и велась борьба от 1831 до 1843 года. Тогда наступил конец революции, и новая династия получила возможность показать себя в годы от 1843 до 1854. Революция в июле 1854 г. по необходимости означала, таким образом, нападение на новую династию; но невинная Изабелла была защищена тем, что предметом всеобщей ненависти была ее мать, и народ упивался не только

своим освобождением, но также освобождением Изабеллы от ее матери и камарильи.

В 1856 г. маска была сброшена, и Изабелла сама бросила вызов народу государственным переворотом, который привел к революции.

Изабелла показала себя достойной, расчетливо-жестокой и трусливо-лицемерной дочерью Фердинанда VII, который был так лжив, что, несмотря на все свое ханжество, никогда, даже с помощью святой инквизиции, не мог убедить себя, что столь возвышенные личности, как Иисус Христос и его апостолы, говорили правду. Даже избиение мадридцев Мюратом в 1808 г. ничто в сравнении с бойней от 14 по 16 июля, которую невинная Изабелла наблюдала с улыбкой на устах. Эти дни прозвучали для монархии в Испании погребальным звоном. Только слабоумные легитимисты в Европе могли воображать, что если падет Изабелла, то на ее место поднимется дон-Карлос. Они всегда думают, что когда отмирает последнее воплощение какого-либо принципа, то это бывает только для того, чтобы дать еще раз проявиться его первоначальному воплощению.

В 1856 г. испанская революция утратила не только свой династический, но и свой военный характер. Почему армия играла такую выдающуюся роль в испанских революциях, объяснить не трудно. Существование должности генерал-капитанов, которые являлись настоящими пашами своих провинций; война за независимость против Франции, которая сделала армию не только главным орудием национальной обороны, но также первой революционной организацией и центром революционной деятельности в Испании; заговоры 1815 — 1818 гг., сплошь исходившие от армии; династическая война 1831 — 1841 гг., в которой с обеих сторон решающим фактором была армия; изоляция либеральной буржуазии, принуждавшая ее пускаться в ход солдатские штыки против сельского духовенства и крестьян; необходимость, в которую были поставлены Христина и камарилья, прибегнуть к штыкам против либералов, подобно тому, как либералы прибегали к ним же против крестьян; сложившаяся из всех этих прецедентов традиция — таковы были причины, которые придали революции в Испании военный, а армии — преторианский характер. До 1854 г. революция всегда брала свое начало в армии, и ее разнообразные проявления до указанного времени не представляли никаких внешних различий, кроме различий в ранге тех военных, которые их начинали.

Даже в 1854 г. первый толчок все еще исходил от армии, но уже Манзанаресский манифест О'Доннеля достаточно свидетельствует

о том, как слаба стала база для преобладания армии в испанской революции. На каких условиях О'Доннелю в конце концов удалось остановить свою почти что сомнительную прогулку от Викальваро до португальской границы и вернуть армию обратно в Мадрид? Только при обещании немедленно сократить ее состав, заменить ее национальной гвардией и не допустить, чтобы плоды революции поделили между собой генералы. Если революция 1854 г. ограничилась, таким образом, лишь выражением своего недоверия, то уже через два года она подверглась открытому и прямому нападению со стороны этой армии, которая теперь показала, что она достойна стать рядом с хорватами Радецкого, африканцами Бонапарта и померанами Врангеля. Как испанская армия расценивает славу своей новой роли, показывает бунт одного полка в Мадриде 29 июля, — полка, который, не удовлетворившись одними только сигарами Изабеллы, забастовал, требуя бонапартовских пятифранковиков и сосисок, и в конце концов получил и то и другое.

Итак, в эти дни армия была всецело против народа, или, собственно, она только сражалась против него и против национальной гвардии. Это значит, что настал конец революционной миссии испанской армии. Человек, в котором воплощался военный, династический и буржуазно-либеральный характер испанской революции, Эспартеро, в настоящее время пал еще ниже, чем могли того ожидать, основываясь на законе исторических судеб, самые близкие знатоки этого человека. Если, как говорят и как оно весьма вероятно, эспартеристы намереваются перейти под руководство О'Доннелю, то этим они только подтвердят свое самоубийство своим же собственным официальным актом. Его они не спасут.

Ближайшая европейская революция найдет Испанию созревшей для сотрудничества с нею. 1854 и 1856 гг. были переходным временем, которое она должна была пройти для того, чтобы дойти до этой зрелости.

Карл Маркс
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС
В ЕВРОПЕ

Написана К. Марксом
Напечатана в «New-York Daily Tribune»
№ № 4828, 4833 и 4843 от 9, 15
и 27 октября 1856 г.
Без подписи

I.

Отличительной чертой нынешнего периода спекуляций в Европе является их универсальный характер. Прежде тоже бывали азартные мании — хлебная, железнодорожная, рудная, банковская, хлопкопрядильная, — словом, мании всевозможных видов; однако в моменты великих торговых кризисов, в 1817, 1825, 1836, 1846—1847 гг., несмотря на то, что каждая отрасль промышленности и торговли была так или иначе задета, все же лишь одна главная мания сообщала каждой эпохе ее особый тон и характер. В то время как каждая область хозяйства была охвачена духом спекуляции, каждый спекулянт все же ограничивался своей специальной областью. Напротив, руководящий принцип «Crédit Mobilier», носителя нынешней мании, есть спекуляция не по одной определенной линии, а спекуляция на спекуляциях и универсализация мошенничества параллельно его централизации. Кроме того, существует еще одно различие в происхождении и росте настоящей мании, а именно то, что она началась не в Англии, а во Франции. Нынешняя порода французских спекулянтов стоит в таком же отношении к английским спекулянтам вышеупомянутых периодов, в каком французские деисты XVIII века стояли к английским деистам XVII века. Одни давали содержание, а другие вырабатывали обобщающую форму, которая позволила деизму распространиться в XVIII веке по всему цивилизованному миру. Англичане склонны поздравлять себя с тем, что очаг спекуляции покинул их прекрасный, трезвый остров и удалился на этот сумбурный и заезженный деспотами континент. Но тут они забывают, с какой тревогой они следят за ежемесячными отчетами Французского банка, которые влияют на золотой запас в святилище Английского банка. Они забывают, что именно английский капитал в значительной степени снабжает артерии европейских «Crédit Mobilier» жизненным эликсиром; они забывают, что «здоровое» затоваривание и перепроизводство в Англии, которые они теперь восхваляют, указывая на достигнутую цифру экспорта в 110 000 000 ф. ст., есть такое же родное детище «нездоровой» спекуляции, которую они теперь обличают на континенте, как их либеральная

политика 1854—1856 гг. была детищем государственного переворота Бонапарта. Все же нельзя отрицать, что они не повинны в производстве той любопытной смеси из императорского социализма, сен-симонистской биржевой спекуляции и философского жульничества, какую представляет из себя так называемый «Crédit Mobilier». В резкой противоположности к континентальной утонченности английская спекуляция вернулась к своей самой грубой и самой примитивной форме надувательства, открытого, неприкрашенного и ничем не смягченного. Простой обман составлял весь секрет Поля, Стрейхена и Бейтса, Типперари-банка, блаженной памяти садлеровской операции великого Сити-банка Коля, Давидсона и Гордона; и обман представляет также печальную, но простую повесть лондонского Королевского британского банка.

От клики директоров не требуется особой тонкости, чтобы сожрать капитал компании и в то же время ободрять акционеров крупными дивидендами, надувая вкладчиков и неопытных акционеров мошенническими отчетами. Все, что нужно для этого, — это английское право. Дело Королевского британского банка вызвало сенсацию не столько размерами капитала, сколько размерами причастной мелкой публики как среди акционеров, так и среди вкладчиков. Разделение труда в этом предприятии было, повидимому, чрезвычайно просто. Существовало два разряда директоров: одни директора спокойно клали в карман свои 10 000 долларов в год жалованья за то, что ничего не знали о делах банка и хранили незапятнанной свою совесть, а другие действительно занимались управлением банка, но с единственной целью быть его главными клиентами или, точнее, расхитителями. Так как в устройстве своих делишек эта вторая категория директоров зависит от управляющего, то они начинают с того, что предоставляют последнему возможность самому устраивать свои делишки. Кроме управляющего они должны посвятить в свою тайну также ревизора и юрисконсульта компании, которые на основании этого получают взятки в виде авансов. В дополнение к авансам, выданным им самим и их родственникам на их имя, директора и управляющий заводят некоторое число подставных лиц, на имя которых они прикарманивают дальнейшие авансы. Весь оплаченный капитал достигает теперь суммы в 150 000 ф. ст., из которых 121 840 ф. ст. были присвоены прямо и косвенно директорами. Основатель компании, г. Мак Грегор, член парламента от Глазго, известный автор книг по статистике, наградил компанию пассивом в 7 362 ф. ст.; другой директор и член парламента от Тьюксбери, г. Гемфри Браун, который использовал банк для покрытия своих избирательных издержек,

был одно время должником банка на 70 000 ф. ст. и, повидимому, еще остается ему должен не более и не менее как 50 000 ф. стерлингов. Управляющий г. Камерон набрал авансов на сумму в 30 000 ф. стерлингов.

С самого начала своих операций банк ежегодно терял 50 000 ф. ст.; директора, однако, из года в год поздравляли акционеров по поводу цветущего состояния предприятия. Дивиденды в 6 процентов выплачивались каждый квартал года, хотя, по заявлению счетовода г. Кольмана, акционерам по состоянию дела не причиталось никаких дивидендов. Всего лишь прошлым летом акционерам были представлены фальшивые счета на сумму свыше 370 000 ф. ст., в которых авансы, выданные Мак Грегору, Гемфри Брауну, Камерону и К^о, фигурировали под неопределенной рубрикой ликвидных ценностей. Когда банк был уже совершенно неплатежеспособен, были выпущены новые акции, сопровождаемые широко вещательными отчетами об успешности операций и восторгом доверия директорам. Этот выпуск новых акций предназначался отнюдь не как последнее отчаянное средство спасти тяжелое положение банка, а попросту как способ дать новый материал для директорских плутней. Хотя одной из основных статей устава было запрещение банку продавать и покупать собственные акции, однако существовал постоянный обычай награждать его, под видом обеспечений, его же собственными акциями, как только они обесценивались в руках директоров. Какими путями «честная часть» директоров была якобы обманута, рассказал на собрании акционеров один из них, г. Оуэн, в следующих словах:

«Когда все приготовления к открытию банка были сделаны, г. Камерон был назначен нашим управляющим, и мы скоро убедились, какое зло иметь управляющим человека, который раньше не был связан ни с одним банком в Лондоне. В связи с этим обстоятельством возникла масса затруднений. Я расскажу, что произошло два с лишком года тому назад, когда я покинул банк. Незадолго до того я не знал о существовании хотя бы одного акционера, который был бы должен банку 10 000 ф. ст. по линии дисконта или аванса. Одно время до меня доходил шопот о том, что один из них должен крупную сумму по дисконтному счету, и я спросил об этом одного из бухгалтеров. Но мне ответили, что, когда я закрываю за собою дверь правления, то дела банка перестают меня касаться. Г-н Камерон говорил, что директора не должны представлять свои векселя для дисконта в правление, но что их следует отсылать к управляющему, ибо если их будут представлять в правление, то никогда солидные коммерческие люди не станут вести с нами банковских дел. В этом неведении я и оставался до тех пор, пока г. Камерон однажды не заболел так тяжело, что опасались за его жизнь. Вследствие его болезни некоторые директора навели кое-какие справки, обнаружившие, что г. Камерон имел книгу под

особым ключом, которую мы никогда не видели. Когда председатель открыл эту книгу, то мы были чрезвычайно поражены».

Справедливость требует сказать, что г. Камерон не стал дожидаться результатов этих открытий и с величайшим благоразумием и быстротой покинул английское отечество.

Одной из самых необычайных и характерных операций Королевского британского банка была его связь с одним из железодельных заводов в Уэльсе. В то время как оплаченный капитал компании составлял всего 50 000 ф. ст., авансы, выданные только этому заводу, достигали суммы от 70 до 80 тысяч ф. стерлингов. Когда компания впервые вступила во владение им, завод находился в негодном для эксплуатации состоянии. Когда его привели в надлежащий вид благодаря вложению в него около 50 000 ф. ст., то он оказался в руках некоего г. Кларка, который, поработав «некоторое время», сплавил его обратно банку, «выразив убеждение, что он отказывается от крупного состояния»; на деле он оставил банку добавочную задолженность по заводу в 20 000 ф. стерлингов. Таким образом, это предприятие то уходило из рук банка, когда вырисовывалась перспектива получения с него прибыли, то возвращалось к нему обратно, когда требовалось получение новых авансов. Эту игру директора пытались продолжить даже в последний момент их разоблачений, все еще выставляя на вид выгодные возможности завода, который, по их словам, мог бы приносить 16 000 ф. ст. в год, и забывая, что завод обходился акционерам по 17 742 ф. ст. каждый год существования компании. В настоящее время предстоит ликвидация компании в суде по делам о банкротствах. Но задолго до того, как это произойдет, вся эта авантюра Королевского британского банка будет поглощена потоком всеобщего европейского кризиса.

II.

Лондон, 3 октября 1856 г.

Всеобщий торговый кризис, наступивший в Европе приблизительно осенью 1847 г. и длившийся до весны 1848 г., открылся на лондонском денежном рынке паникой, начавшейся в последних числах апреля и достигшей высшей точки 4 мая 1847 года. В течение этих последних дней все денежные сделки полностью приостановились; но начиная с 4 мая напряжение стало ослабевать, так что купцы и журналисты поздравляли друг друга по поводу чисто случайного и временного характера паники. Несколько месяцев спустя разразился торговый и промышленный кризис, для которого денежная паника служила только симптомом и предвестником.

На европейских денежных рынках в настоящее время происходит движение, аналогичное панике 1847 года. Впрочем, аналогия здесь не полная. Вместо того, чтобы, как в 1847 г., двигаться с запада на восток, из Лондона через Париж в Берлин и Вену, нынешняя паника движется с востока на запад. Начавшись в Германии, она оттуда распространилась на Париж и, наконец, достигла Лондона. Тогда медленность поступательного движения придавала панике местный характер; в настоящее же время быстрота распространения сразу обнаруживает ее всеобщий характер. Тогда она длилась около недели, теперь же она держится уже около трех недель. В то время лишь немногие подозревали в ней предтечу всеобщего кризиса; теперь же никто в этом не сомневается, за исключением тех англичан, которые воображают, что делают историю, читая «Times». В то время наиболее дальновидные политики опасались повторения 1825 и 1836 гг., в настоящее же время они уверены в том, что имеют перед собой новое дополненное издание не только кризиса 1847 г., но и революций 1848 года.

Тревога высших классов в Европе так же велика, как и их разочарование. С середины 1849 г. они были всецело господами положения; война была единственным облаком на их социальном горизонте. Теперь, когда война окончилась или считается оконченной, они во всех странах находят то, что англичане нашли после сражения при Ватерлоо и заключения мира 1815 г., когда вместо военных сводок стали появляться сообщения о жестоким кризисе в сельском хозяйстве и промышленности. Чтобы

спасти свою собственность, они тогда сделали все, что могли, для подавления революции и разгрома масс. Теперь же они убеждаются, что они сами были орудием революции в отношениях собственности, и притом еще более значительной, чем предполагалось революционерами 1848 года. Они стоят лицом к лицу со всеобщим банкротством, которое, как они знают, должно совпасть с расчетным днем парижской биржи, и подобно тому как англичане, к великому своему изумлению, обнаружили после 1815 г., что Каслри, человек непреклонного долга, отрубивший себе голову, был сумасшедший, так и биржевая публика Европы начинает спрашивать себя, даже раньше, чем сняли голову Бонапарту, был ли он вообще когда-либо в своем уме. Они знают, что все рынки страдают от избытка ввоза, что все слои имущих классов, даже не тронутые до сих пор заразой, теперь вовлечены в водоворот спекулятивной мании; что от этого водоворота не спаслась ни одна европейская страна и что требования правительств к своим налогоплательщикам достигли последней степени напряжения. В 1848 г. события, непосредственно вызвавшие революцию, были чисто политического характера, как то: банкеты с требованием реформы во Франции, война Зондербунда в Швейцарии, прения в Соединенном ландтаге в Берлине, испанские браки, споры из-за Шлезвиг-Гольштейна и т. д., и когда солдаты революции — рабочие Парижа — в 1848 г. провозгласили ее социальной революцией, то ее собственные генералы оказались столь же захваченными врасплох, как и весь прочий мир. Напротив, теперь уже всеми подразумевается социальная революция даже до того, как провозглашена революция политическая, и притом революция, вызванная не подпольными заговорами тайных обществ рабочего класса, а откровенными махинациями разных «Crédit Mobilier», принадлежащих самим правящим классам.

Таким образом, к тревоге высших классов Европы присоединяется еще горечь сознания того, что самые их победы над революцией содействовали созданию в 1857 г. материальных условий для идейных течений 1848 года. Весь период времени от середины 1849 г. до нынешнего момента представляется таким образом в виде простой передышки, дарованной историей старому европейскому обществу в целях дать ему возможность в последний раз показать в сгущенном виде все свои тенденции. В политике — поклонение сабле; в нравственности — всеобщая продажность и лицемерный возврат к разоблаченным суевериям; в политической экономии — мания обогащения без хлопот производства, — таковы тенденции, проявленные этим обществом в период его контрреволюционных оргий 1849 — 1856 годов.

С другой стороны, если мы сопоставим эффект этой недолгой денежной паники с эффектом мадзиниевских и прочих прокламаций, то вся история иллюзий присяжных революционеров, начиная с 1849 г., сразу лишается своей таинственности. Они совершенно не знают экономической жизни народов, ничего не знают относительно реальных условий исторического развития, и, когда вспыхнет новая революция, они с большим правом, чем Пилат, смогут омыть руки и заявить, что они неповинны в кровопролитии.

Мы сказали, что нынешняя денежная паника в Европе появилась прежде всего в Германии, и газеты Бонапарта подхватили это обстоятельство для того, чтобы снять с его режима подозрение в малейшей причастности к ее созданию.

«Правительство, — говорит парижский «Constitutionnel», — пыталось даже после заключения мира сдержать грондерство, отсрочив несколько новых концессий и запретив предложение новых проектов на бирже. К несчастью, оно не могло сделать больше, оно не могло предотвратить все излишества. Но откуда они взялись? Если часть их и возникла на французском рынке, то, конечно, лишь меньшая часть. Наши железнодорожные компании, из соображений конкуренции, быть может, слишком поспешили с выпуском облигаций, выручка от которых предназначалась на расширение сети железнодорожных веток. Но это не вызвало бы затруднений, если бы не множество заграничных предприятий, неожиданно появившихся в это время на свет. В особенности Германия, не принимавшая участия в войне, без оглядки пустилась во всякого рода проекты. Не имея собственных ресурсов, она обратилась к нашим, и так как официальный рынок был для нее закрыт, то наши спекулянты открыли ей доступ на черную биржу. Поэтому Франция сделалась центром международных спекуляций, которые обогащали чужие страны за счет ее национальных интересов. В результате капитал на нашем рынке стал редок, и наши ценные бумаги, находя меньше покупателей, подверглись обесценению, вызывающему среди стольких элементов богатства и процветания недоумение в публике».

Приведши этот образец императорско-официальной белиберды о причинах европейской паники, мы не можем не привести также пример того сорта оппозиции, который допускается при Бонапарте.

«Можно отрицать, — говорит газета «Assemblée Nationale», — наличие кризиса, однако нельзя не признать, что процветание несколько пошло на убыль, если принять в соображение недавнее сокращение доходов наших железных дорог, авансов банка по коммерческим векселям и вывозных пошлин, давших за первые семь месяцев года уменьшение на двадцать пять миллионов франков».

В Германии все активные элементы буржуазии со времени контрреволюции 1849 г. отдали свою энергию торгово-промышленной деятельности, подобно тому как мыслящая часть нации покинула философию ради естественных наук. Оставаясь в войне нейтральными,

немцы накопили тем больше капиталов, чем больше их соседи, французы, растеряли на войне. Заметив такое положение вещей у немцев, их быстро развивающуюся промышленность и накопление капитала, французский «Crédit Mobilier» снизошел до признания их подходящим объектом своих операций после того, как пассивный союз Бонапарта с Австрией уже обратил его внимание на неисследованные области Австрии, Венгрии и Италии. Как бы то ни было, показав пример и положив начало спекуляции в Германии, «Crédit Mobilier» был сам изумлен обильной жатвой выросших из его почина спекулятивных и кредитных учреждений. В 1855 — 1856 гг. немцы получили вполне готовые мошеннические уставы французских «Crédits Mobiliers», подобно тому как немцы 1831 г. получали из Франции готовые политические конституции. Француз XVII столетия с изумлением мог бы увидеть двор Людовика XIV, стократно размноженный по ту сторону Рейна; французы последнего десятилетия с удивлением видели в Германии шестьдесят два национальных собрания, между тем как они сами с таким трудом произвели на свет всего лишь одно. В конце концов Германия вовсе не представляет из себя страну децентрализации; все дело в том, что централизация является в ней децентрализованной, так что вместо одного центра существует их множество. Такая страна была вполне пригодна, чтобы в кратчайший срок и во всех направлениях предпринять разного рода затеи, которым научил ее «Crédit Mobilier», подобно тому как парижские моды распространяются в Германии быстрее, чем во Франции. Такова непосредственная причина того, что паника прежде всего появилась и шире всего распространилась в Германии. В одной из следующих статей мы дадим как историю самой паники, так и рассмотрение ее непосредственных причин.

III.

Денежный кризис в Германии, начавшийся около середины сентября, достиг кульминационного пункта 26-го того же месяца, после чего начал постепенно ослабевать, — подобно денежной панике 1847 г. в Англии, впервые проявившейся в конце апреля и постепенно исчезнувшей после 4 мая, дня своего наивысшего подъема.

В то время жертвы, принесенные несколькими руководящими финансовыми учреждениями в Лондоне с целью создать передышку от паники, положили начало катастрофе, постигшей их несколько месяцев спустя. Те же результаты вскоре дадут себя знать в Германии, поскольку в основе паники лежал не недостаток в средствах денежного обращения, а диспропорция между свободным капиталом и обширными размерами наличных промышленных, торговых и спекулятивных предприятий. Средством, с помощью которого паника была временно преодолена, было повышение учетной ставки различными правительственными, акционерными и частными банками; некоторые из них повысили ее до 6, некоторые даже до 9%. В результате этого повышения учетной ставки отлив золота был приостановлен, ввоз иностранной продукции парализован, заграничный капитал был привлечен соблазном высокого процента, непогашенные долги были истребованы, французский «Crédit Mobilier», который месяцем раньше уплачивал взносы по своим германским железнодорожным обязательствам дружественными векселями, теперь был принужден платить наличными, и Франции вообще пришлось уплатить звонкой монетой свой баланс по ввозу зерна и продуктов. Таким образом, денежная паника рикошетом передалась Франции, где она сразу приняла более угрожающую форму. Французский банк, следуя германским, повысил учетную ставку до 6% — повышение, которое уже 30 сентября заставило его обратиться к Английскому банку с просьбой о займе на сумму свыше одного миллиона фунтов стерлингов. 1 октября Английский банк соответственно повысил учетную ставку до 5%, даже не дождавшись обычного четвергового собрания директоров — мера, не имеющая прецедентов со времени денежной паники 1847 года. Несмотря на это повышение процента, золото продолжало уплывать из подвалов Треднидлской улицы в размере 40 000 ф. ст. ежедневно, в то время как Французскому банку каждый день приходилось расставаться приблизительно с 6 000 000 фр. звонкой монеты, когда монетный двор выпускал ежедневно всего

3 000 000 фр., в том числе лишь 120 000 фр. в серебряной монете. Чтобы нейтрализовать пагубное действие Французского банка на золотой запас Английского банка, последний снова повысил свою учетную ставку, приблизительно неделей позже, до 6% по векселям сроком в 60 дней и до 7% по векселям с более продолжительным сроком; в ответ на эту любезность Французский банк издал 6 октября новый указ, в силу которого он отказывался учитывать какие бы то ни было векселя сроком более чем на 60 дней, и объявил, что не будет выдавать авансов более чем в 40% под залог государственных процентных бумаг и в более чем 20% под железнодорожные акции, и то сроком всего лишь на один месяц. Несмотря, однако, на все эти меры, Английский банк оказался также неспособен предупредить отлив золота во Францию, как Французский банк был не в состоянии ослабить панику в Париже или отлив звонкой монеты в другие части европейского континента. Сила паники во Франции засвидетельствована падением курса акций «Crédit Mobilier» с 1 680 фр. (котировка 29 сентября) до 1 465 фр. (6 октября), т. е. падением на 215 фр. в течение одной недели, причем, несмотря на величайшие усилия, не удалось поднять их курс более, чем на 15 фр., вплоть до 9 октября. Нет нужды говорить, что государственные бумаги соответственно тоже упали. Едва ли может быть что-либо забавнее жалоб французов по поводу утечки их капиталов в Германию после высокопарных уверений г. Исаака Перейры, великого основателя «Crédit Mobilier», о том, что французский капитал наделен особым космополитическим характером. Среди всей этой сумятицы великий маг и волшебник Франции, Наполеон III, изготовил свою панацею. Он запретил печати говорить о финансовом кризисе, намекнул менялам через своих жандармов, что было бы целесообразно удалить с окон плакаты с предложением премии на серебро и, наконец, в своем «Moniteur» от 7 октября поместил доклад, адресованный самому себе от имени своего собственного министра финансов, в котором утверждалось, что все шло прекрасно и что лишь оценка положения в публике была неправильна. К несчастью, два дня спустя на сцену внезапно появляется главный директор Французского банка со следующей характеристикой в своем месячном отчете:

	Октябрь фр.	Сентябрь фр.
Наличные в банке	77 062 910	113 126 707
» » отделениях	89 407 036	122 676 090
Векселя дисконтированные	271 955 426	221 308 494
» в отделениях	239 623 602	217 829 320
Премии на золото и серебро . . .	2 128 954	1 796 313

Другими словами, за один месяц наличность уменьшилась на

69 322 545 фр., учет векселей возрос на 72 441 210 фр., между тем как премии по покупке золота и серебра превосходят сентябрьские цифры на 632 641 франк.

К несчастью, надо также признать, что накопление в частных руках драгоценных металлов в настоящее время достигло у французов небывалых размеров и что слухи о прекращении банком выплаты звонкой монетой с каждым днем распространяются все сильнее. Вмешательство Наполеона оказалось примерно столь же эффективным, как его воздействие на воды Луары, когда он пришел на помощь наводненным округам.

Нынешний кризис в Европе осложняется еще тем, что отлив золота — обычный предвестник торговых кризисов — переплетается с обесценением золота сравнительно с серебром. Независимо от тех или иных торговых и промышленных факторов, это обесценение не могло не побудить те страны, где существует биметаллизм и где золото и серебро должны приниматься при оплате в установленных законом, но опровергаемых экономическими фактами пропорциях, вывозить свое серебро на те рынки, где золото является стандартом и официальная цена серебра не отклоняется от рыночной. Таково именно взаимоотношение Англии и Франции; поэтому серебро, естественно, должно отливать из Франции в Англию, а золото — из Англии во Францию, пока серебряное обращение последней не сменится золотым. С одной стороны, ясно, что такая замена обычного средства обращения должна сопровождаться временными затруднениями, и с этими затруднениями можно бороться, либо сделав золото стандартом, изъяв из обращения серебро, как это было сделано, либо, демонетизировав золото, сделав единственным стандартом серебро, как это было в Голландии в 1851 г. и совсем недавно в Бельгии. С другой стороны, ясно, что если бы не было других факторов, кроме обесценения серебра сравнительно с золотом, то общий отлив серебра из всей Европы и Америки нейтрализовал бы и парализовал бы сам себя, ибо внезапное освобождение и изъятие из обращения такой массы серебра при отсутствии особого источника для его пополнения должно понизить его цену сравнительно с золотом в силу того, что рыночная цена каждого товара временно определяется соотношением между спросом и предложением и только в среднем на протяжении нескольких лет — стоимостью производства. Демонетизация золота в голландских и бельгийских банках могла оказать лишь очень незначительное влияние на ценность серебра, так как последнее было главным средством обмена в этих странах, и потому эта перемена носила скорее юридический, чем экономический характер. Впрочем, можно допустить, что

эти перемены открыли небольшой рынок для предложения серебра и таким образом до некоторой степени смягчили затруднение.

Правда, в течение последних четырех или пяти месяцев количество звонкой монеты в Австрийском национальном банке возросло с 20 000 000 до 43 000 000 долл.; все это количество лежит в подвалах банка, ибо Австрия еще не возобновила плату наличными. Главная часть этого прироста в 23 000 000 долл. была извлечена из Парижа и Германии за железные дороги, купленные обществом «Crédit Mobilier».

Это несомненно одна из причин, объясняющих недавний отлив серебра, однако было бы ошибочно в сколько-нибудь значительной степени приписывать этому обстоятельству последние явления на денежном рынке. Мы не должны забывать, что от 1848 до 1855 г. на мировые денежные рынки было брошено 105 млн. ф. ст. золота добычей его в Калифорнии и Австралии, не говоря уже о добыче в России и в прочих давно установившихся источниках снабжения золотом. Энтузиасты свободной торговли предполагают, что из этих ста пяти миллионов пятьдесят два миллиона потребовались современным ростом торговли либо в качестве монеты, золотых запасов банков, золотых слитков для оплаты балансов и выравнивания обмена между различными странами, либо в виде предметов роскоши. Что касается остальных пятидесяти трех миллионов золота, то они предполагают, — как мы думаем, с некоторым преуменьшением действительной цифры, — что эти миллионы только заменили такую же сумму серебра, раньше находившуюся в употреблении в Америке и Франции — десять миллионов в Америке и сорок три миллиона во Франции. В каком виде произошло это перемещение, можно видеть из официальных таможенных отчетов о движении золота и серебра во Франции в течение 1855 года:

Ввоз золота в 1855 г.		Ввоз серебра в 1855 г.	
Слитки	11 045 268 ф. ст.	Слитки	1 717 459 ф. ст.
Монета	4 306 887 » »	Монета	3 121 250 » »
Итого . . .		Итого . . .	
15 352 155 ф. ст.		4 838 709 ф. ст.	
Вывоз золота в 1855 г.		Вывоз серебра в 1855 г.	
Слитки	203 544 ф. ст.	Слитки	3 067 229 ф. ст.
Монета	6 306 060 » »	Монета	9 783 345 » »
Итого . . .		Итого . . .	
6 509 604 ф. ст.		12 850 574 ф. ст.	
Превышение ввоза зо-		Превышение вывоза	
лота	8 842 551 ф. ст.	серебра	8 011 875 ф. ст.

Никто, таким образом, не может утверждать, что освобождение столь крупной суммы серебра (пятьдесят три миллиона фунтов стерлингов) объясняется сменой в денежном обращении Франции и Аме-

рики, или накоплением Австрийского банка, или тем и другим вместе взятым. Совершенно верно указывали, что поскольку серебру, в отличие от золота, не угрожало понижение цены, итальянские и ливантинские купцы оказывали ему явное предпочтение перед другой монетой; указывали также, что арабы получали и накапливали большие суммы серебра и, наконец, что французские хлеботорговцы для оплаты своих покупок на Черном и Азовском морях предпочитали брать из Франции серебро, где оно сохраняет свое устарелое соотношение с золотом, а не золото, отношение которого к серебру изменилось на юге России. Учитывая все эти причины отлива серебра, мы не можем определить эту сумму более чем в пятнадцать или шестнадцать миллионов фунтов стерлингов. Поглощение серебра Восточной войной совершенно бессмысленно выдвигается экономистами в английской печати как другой специальный фактор этого отлива, хотя они уже включили его в общую сумму пятидесяти двух миллионов золота, поглощенного возросшими требованиями современной торговли. Совершенно ясно, что они не могут записать за счет серебра то, что они уже записали за счет золота. В таком случае, наряду со всеми этими специальными факторами, должен оперировать какой-то более крупный фактор, которым объясняется отлив серебра; этот фактор — торговля с Китаем и Индией, представлявшая, что довольно любопытно, господствующую черту и в великом кризисе 1847 года. К этому предмету мы еще вернемся, так как важно изучить экономические прецеденты нависшего кризиса над Европой.

Наши читатели поймут, по крайней мере, то, что какова бы ни была временная причина денежной паники и отлива металла, который представляется ее непосредственным поводом, все элементы торговой и промышленной депрессии были налицо в Европе, а во Франции они еще были усугублены плохим сбором шелковых коконов, недостаточным сбором винограда, огромным ввозом зернового хлеба, вызванным частичным неурожаем 1855 г., наводнениями 1856 г. и, наконец, недостатком жилых домов в Париже в результате экономических затей мистера Бонапарта. Что же касается нас, то простого ознакомления с финансовым манифестом г. Манья, опубликованным нами в субботу, кажется достаточным, чтобы оправдать предположение, что, вопреки собирающемуся теперь второму конгрессу в Париже и вопреки неаполитанскому вопросу, третий Наполеон с полным основанием сможет себя поздравить, если 1857 г. принесет Франции не худшие предзнаменования, чем те, которые десять лет тому назад сопровождали 1847 год.

*ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ.

В финансовом мире Европы не замечается никаких признаков облегчения. Из почты, привезенной пароходом «Ниагара», мы узнаем, что приток золота из Лондона на европейский континент теперь сильнее, чем когда-либо, и что предложение еще более повысить учетную ставку было отвергнуто на собрании директоров Английского банка большинством только одного голоса. Нет нужды прибавлять, что причину кризиса все еще следует искать во Франции, и последний полученный нами номер журнала «Economist» рисует положение весьма мрачными красками.

«Отсутствие какого-либо улучшения, — пишет этот журнал, — само по себе представляет фактическое ухудшение, но, кроме того, никакого длительного улучшения, к несчастью, не предвидится. Контраст между нынешним месяцем и соответствующим месяцем прошлого года почти во всех отношениях весьма печален, а ведь еще только в минувшем октябре страна находилась в состоянии ужасной войны, конец которой казался еще весьма далек».

Побуждаемые этими жалобами, мы взяли на себя труд сопоставить состояние парижского фондового рынка в октябре с положением в предшествующий месяц, и результат наших изысканий можно видеть из следующей таблицы:

	30 сентября	31 октября	Повышение	Понижение
3% ⁰ -я рента	67 фр. 50 с.	66 фр. 70 с.	—	— фр. 80 с.
4 ¹ / ₂ %-я рента	90 » — »	91 » — »	1 фр.	— —
Французский банк	4 010 » — »	3 850 » — »	—	160 » — »
«Crédit Foncier»	600 » — »	585 » — »	—	15 » — »
Crédit Mobilier	1 552 » — »	1 372 » — »	—	180 » — »
Орлеанская железная дорога	1 297 » — »	1 241 » — »	—	26 » — »
Северная железная до- рога	950 » — »	941 » — »	—	9 » — »
Восточная железная до- рога	877 » — »	865 » — »	—	12 » — »
Железная дорога Па- риж — Лион	1 265 » — »	1 267 » — »	2 фр.	— —
Средиземноморская же- лезная дорога	1 750 » — »	1 652 » — »	—	98 » — »
Великая центральная железная дорога	610 » — »	663 — »	—	7 » — »

За промежуток времени от 30 сентября до 31 октября падение акций различных компаний можно видеть из следующей таблицы:

Парижская газовая компания . . .	30	фр.
Union des Gaz	35	»
Lits Militaires	27 ¹ / ₂	»
Docks Napoléon	8 ¹ / ₂	»
Compagnie Maritime	40	»
Palais d'Industrie	5	»
Компания омнибусов	35	»
Messageries Impériales	50	»

Ничего не может быть острее того, каким образом бонапартистские журналы Парижа пытаются объяснить это непрерывное падение бумаг на бирже. Взять, напр., газету г. Жирандена «Presse».

«Спекуляция, — говорит эта газета, — все еще не хочет отказаться от своих идей относительно понижения. Вследствие постоянных колебаний акций «Crédit Mobilier» их считают столь опасными, что многие спекулянты не решаются прикоснуться к ним и ограничиваются операциями «à prime» с целью заранее ограничить свой риск потери».

Жесткие меры, принятые Французским банком с целью предупредить или, по крайней мере, отсрочить прекращение платежей наличностью, начали резко сказываться на торгово-промышленных классах. Фактически теперь ведется настоящая ожесточенная война между нормальной торговлей и промышленностью, с одной стороны, и спекулятивными акционерными компаниями — с другой, как уже действующими, так и только что испеченными или проектируемыми; все они борются друг с другом с целью перехватить свободный капитал страны. Неизбежным результатом такой борьбы должно быть повышение процента, падение прибылей во всех отраслях промышленности и обесценение всех видов ценных бумаг, даже если бы не существовало Французского банка или отлива металлического запаса. Достаточно одного взгляда на развитие французской железнодорожной сети, чтобы убедиться в том, что, помимо всех заграничных влияний, это давление на свободный французский капитал должно все более возрастать. Факты, которые мы намерены предложить вниманию читателей, содержатся в «Journal des Chemins de Fer», который, равно как и прочая печать этой страны, может опубликовать лишь то, что разрешается самим бонапартовским правительством. В целом привилегии были даны на постройку железных дорог общим протяжением в 5 584 мили, из которых только 2 884 мили закончены и функционируют. Следовательно, остается еще 2 700 миль в постройке или в подготовке к ней. Но это еще не все. Правительство занято постройкой

Пиренейских линий и распорядилось постройкой новых линий между Тулузой и Байонной, Ажаном и Тарбом, Мон-де-Марсаном и Трабестаном, каковые линии составляют вместе свыше 900 миль. Фактически Франция строит в настоящее время больше железных дорог, чем она имеет. Капитал, потраченный на ее старую железнодорожную сеть, исчисляется в 300 000 000 долл.; но ее постройка длилась в течение долгого периода, — периода, видевшего начало и конец трех правительств, — тогда как ныне разрешенные линии все должны быть закончены в течение, самое большее, шести лет и должны начать работать в самую критическую пору торгового цикла. Попавшие в трудное положение компании осаждают правительство просьбами разрешить им раздобыть денег новыми выпусками акций и облигаций. Правительство, понимая, что это попросту приведет к дальнейшему падению старых ценностей на рынке и, вследствие этого, к дальнейшему расстройству биржи, не решается уступать. Но, с другой стороны, деньги должны быть найдены, ибо приостановка работ будет означать не только банкротство, но и революцию.

В то время как спрос на капитал, необходимый для пуска и эксплуатации новых предприятий на родине, все усиливается, поглощение французского капитала заграничными предприятиями отнюдь не уменьшается. Давно известно, что французские капиталисты взяли на себя огромные обязательства в Испании, Италии, Австрии и Германии, и что именно «Crédit Mobilier» теперь усердно вовлекает их еще в новые предприятия. В особенности Испания в настоящее время увеличивает затруднения Франции, так как недостаток у нее серебра достиг такой степени, что фабриканты Барселоны испытывают величайшие трудности при уплате жалованья своим рабочим.

Что касается «Crédit Mobilier», то мы уже указывали, что стремления этого учреждения отнюдь не соответствуют его названию. Его стремление — увязать капитал, превращая его в постоянный, а не мобилизовать его. Оно мобилизует только титулы на собственность. Акции основываемых ими компаний действительно подвижны, но капитал, который они представляют, неподвижен, завязан. Весь секрет «Crédit Mobilier» и состоит в том, чтобы заманивать капиталы в промышленные предприятия, где они увязываются в виде постоянного капитала, и затем спекулировать на продаже акций, предназначенных представлять эти капиталы. Пока директора «Crédit Mobilier» в состоянии реализовать премии на первом выпуске новых акций, они, конечно, могут позволить себе со стоическим спокойствием взирать на общее угнетенное состояние денежного рынка, на конечную судьбу,

ожидающую акционеров, и на затруднения, испытываемые промышленными компаниями. Этим объясняется то любопытное явление, что в то время как акции «Crédit Mobilier» непрерывно падают на бирже, его деятельность распространяется по всей Европе.

Помимо общего угнетенного состояния денежного рынка существуют еще другие причины, вредно действующие на французскую промышленность. Много фабрик в Лионе остановилось вследствие недостатка и дороговизны шелка-сырца. Подобные же причины парализуют дела в Мюлузе и Руане. Высокие цены на хлопок вызвали там сильное повышение цен на бумажную пряжу, между тем как готовые изделия находят сбыт с трудом, фабриканты не в состоянии получить прежних цен. Следствием этого является усиление бедственного состояния и недовольствия рабочих, особенно в Лионе и на юге Франции, где царит такое же отчаяние, какое сопровождало кризис 1847 года.

От биржи, железных дорог, торговли и промышленности обратимся теперь к французскому сельскому хозяйству. Недавно опубликованные отчеты французских таможен вскрывают тот факт, что последний недород был гораздо значительнее, чем это было признано «Moniteur». Сравнительно с 270 146 квинталами зерна, ввезенными в сентябре 1855 г., в сентябре 1856 г. было ввезено 963 616 квинталов, т. е. на 693 470 квинталов больше количества, ввезенного в сентябре 1855 г., известного своим плохим урожаем. Впрочем, было бы ошибкой видеть только в наводнениях, плохой погоде и других стихийных явлениях причины, превращающие Францию из страны, вывозящей хлеб, в страну, его ввозящую. Сельское хозяйство, которое во Франции никогда не достигало высокого развития, при существующем режиме прямо регрессирует. С одной стороны, мы видим, что налоги все время возрастают; с другой стороны, число рабочих рук сокращается, ибо значительные массы их были временно отвлечены от земли войной и навсегда отвлекаются железными дорогами и иными общественными работами, одновременно капитал все более отливает от сельского хозяйства в спекулятивные предприятия. То, что называлось наполеоновской демократизацией кредита, было на деле лишь повсеместным распространением биржевой игры. То, что «Crédit Mobilier» предлагал буржуазии и высшим классам, было предложено и крестьянству, — а именно подписка на императорские займы. Они довели биржу до крестьянского двора, извлекли из него частные сбережения крестьян и унесли к себе мелкие капиталы, раньше вкладывавшиеся в улучшение сельского хозяйства.

Таким образом, сельскохозяйственный кризис во Франции

является столько же следствием нынешнего политического режима, сколько результатом стихийных бедствий. Если мелкое крестьянство меньше страдает от низких цен, чем крупные фермеры в Англии, то, с другой стороны, оно страдает от дороговизны продуктов, которые для последних часто оказываются источником прибыли. Отсюда недовольство крестьян, выражающееся в поджогах, чрезвычайно частых, хотя о них в силу императорского приказа не упоминается во французской прессе. Если после Февральской революции крестьяне были возмущены при одной мысли о том, что новый налог в 45 сантимов им навязывается для поддержания Национальных мастерских в Париже, то нынешнее крестьянство еще более возмущено тем совершенно неоспоримым фактом, что его истощенные ресурсы обкладываются налогами для того, чтобы дать возможность парижанам покупать хлеб дешевле себестоимости. Если мы вспомним, что Наполеон, в конечном счете, был избран голосами именно крестьян, то нынешнее революционное настроение этого класса бросает совсем новый свет на шансы бонапартвской династии. К каким жалким уловкам ей уже приходится прибегать, чтобы смягчить и отсрочить опасные требования сельскохозяйственной нужды, показывает язык префектов в их циркулярах о «поощрении» благотворительности. Так, напр., префект Сарты обращается к своим супрефектам в следующих выражениях:

«Благоволите с максимальной настойчивостью и уверенностью взять на себя задачу, представляющую одну из прекраснейших прерогатив административной власти, а именно, изыскать средства для поддержки и доставления работы гражданам, нуждающимся в том и другом, благодаря чему вы будете содействовать поддержанию общественного спокойствия. Вы не должны опасаться, что источники благотворительности окажутся истощенными или кошельки частных лиц пустыми вследствие жертв, понесенных в последние годы, как бы значительны они ни были. Помещики и фермеры за последние годы получили значительные прибыли и, будучи особенно заинтересованы в поддержании тишины и спокойствия в своей местности, поймут, что жертвовать для них составляет столько же выгоду, сколько и обязанность».

Если ко всем вышеуказанным причинам неудовольствия присоединить квартирную нужду и продовольственные нехватки в Париже, давление крупного капитала на розничную торговлю, стачки в различных отраслях парижской индустрии, то станет понятно, почему подавленная свобода печати внезапно вырывается на волю в мятежных прокламациях на стенах домов. В частном письме, полученном нами от заслуживающего доверия корреспондента из Парижа, сообщается, что между 1 и 12 октября было произведено не менее девятисот арестов. Стоит отметить некоторые из причин этих арестов, ибо они

красноречиво говорят о беспокойстве и тревоге, охвативших правительство. Некий биржевой делец был арестован за то, что сказал: «в Крымской войне он видит лишь то, что губят множество людей и бесполезно тратят массу денег»; другой, коммерсант, был арестован за то, что утверждал: «торговля так же больна, как и правительство»; третий — за то, что при нем была найдена песнь о Давиде д'Анже и студентах; четвертый, правительственный чиновник, — за опубликование листовки о финансовом кризисе; некий портной — за попытку узнать, действительно ли арестованы его некоторые друзья, как ему об этом сообщали; наконец, один рабочий — за то, что беседовал с своим земляком, жандармом, о дороговизне продуктов, причем его замечание жандарм истолковал как направленное против правительства.

Ввиду всех этих фактов мало вероятно, чтобы французской торговле и промышленности удалось избежать краха, который повлечет за собою более или менее серьезные политические события и катастрофически отразится на устойчивости кредита и деловых отношений не только в Европе, но и в Америке. Стремительный бег к этой пропасти не может не быть ускорен грандиозными железнодорожными спекуляциями в России, которые предпринял теперь «Crédit Mobilier» совместно с многими руководящими банкирскими домами Европы.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в качестве передовой
в «New-York Daily Tribune» № 4866
от 22 ноября 1856 г.*

Без подписи.

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРАВО ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ.

В настоящее время в Европе заняты только одним важным вопросом — о Невшателе. Так, по крайней мере, утверждают прусские газеты. Правда, Невшательское княжество вместе с графством Валенжен занимает скромную площадь всего на всего семнадцать квадратных миль. Однако, как говорят роялистские философы в Берлине, не количество, а качество обычно придает вещам величие или ничтожество и кладет на них печать возвышенного или смешного. Для них Невшательский вопрос — это тот же вечный вопрос о революции и божественном праве, об антагонизме, столь же мало зависящем от географических размеров, как мало зависит закон тяготения от различия между солнцем и теннисным мячом.

Попытаемся разобраться в том, что именно гогенцоллернская династия называет своим божественным правом. В данном случае она ссылается на протокол, помеченный Лондоном, от 24 мая 1852 г., в силу которого уполномоченные Франции, Великобритании и России «признали принадлежащее королю Прусскому право на княжество Невшатель и графство Валенжен, согласно содержанию статей 22 и 76 Венского договора, каковые права от 1815 по 1848 г. существовали одновременно с правами, предоставленными Швейцарии в силу ст. 73 сего же договора». Этим «дипломатическим вмешательством» божественное право короля Прусского признано лишь постольку, поскольку оно является установленным Венским договором. В свою очередь, Венский договор отсылает нас к праву, приобретенному Пруссией в 1707 году. Но как обстояло дело в 1707 году?

Княжество Невшатель и графство Валенжен, в средние века принадлежавшие Бургундскому королевству, после поражения Карла Смелого сделались союзниками Швейцарской федерации и в этом положении они, состоя под непосредственным протекторатомерна, оставались в течение всех последовательных смен их сюзеренов до тех пор, пока Венский договор не превратил их из союзников федерации в ее членов. Сюзеренитет над Невшателем сначала был передан Шалонско-Оранскому дому, затем, вследствие вмешательства Швейцарии, Лонгвильскому дому и, наконец, после того как вымерли

все родственники этой фамилии по мужской линии, он перешел к сестре последнего принца, вдовствующей герцогине Немурской. Когда последняя получила эти владения, Вильгельм III, английский король и герцог Нассау Оранский, заявил протест и передал свои притязания на Невшатель и Валенжен своему двоюродному брату Фридриху I, королю Прусскому, — соглашение, которое, однако, не оказало никакого действия при жизни Вильгельма III. По смерти Марии, герцогини Немурской, Фридрих I выступил со своими притязаниями, но так как на сцене появились еще четырнадцать кандидатов, то он благоразумно предоставил решение о претензиях соперников окончательному суждению сословного собрания Невшателя и Валенжена, заблаговременно обеспечив его приговор подкупом тех кто будет судить. Таким образом, путем подкупа король Прусский сделался князем Невшательским и графом Валенженским. Это звание было у него отнято французской революцией, но возвращено ему Венским трактатом и снова отнято революцией 1848 года. Против революционного права народа он апеллирует к божественному праву Гогенцоллернов, которое, в конечном счете, повидимому, сливается с божественным правом подкупа.

Мелочность является характерной чертой всех феодальных конфликтов; однако и между ними существуют определенные различия. Бесчисленные мелкие войны, интриги и измены, с помощью которых французские короли сумели вытеснить своих вассалов и занять их места, несомненно, навсегда останутся любимой темой историков, ибо они отмечают рождение великой нации. С другой стороны, рассказ о том, как тому или другому вассалу удалось отхватить от Германской империи больший или меньший кусок верховной власти для собственного частного употребления, представляет совершенно бесплодную и скучную тему, если ее не оживляет привхождение каких-либо чрезвычайных обстоятельств, вроде тех, которыми отмечена история Австрии. В последней мы видим, как тот же князь, будучи одновременно выборным главою империи и наследственным вассальным властителем одной ее области, интригует против этой же империи в интересах своей области; как эти интриги удаются, ибо его захваты на юге как бы возобновляют традиционные конфликты между Германской империей и Италией, а захваты на востоке как бы продолжают смертельную борьбу между германской и славянской расами и сопротивление христианской Европы мусульманскому востоку; как, наконец, посредством искусных семейных комбинаций он доводит могущество своего дома до такой высоты, что в известный момент грозит не только поглотить империю, окружая ее мнимым блеском, но и весь

мир похоронить в могиле мировой монархии. Летописи маркграфства Бранденбургского не имеют ничего общего с этими грандиозными масштабами. Там, где история его соперницы производит впечатление сатанинской поэмы, его собственная история звучит как скандальная семейная хроника. Между обоими есть поразительное различие даже там, где можно было бы найти сходство, если не тождество, интереса. Две марки, Бранденбург и Австрия, обе получили свое первоначальное значение, в качестве аванпостов, как в защите, так и в наступлении Германии против соседней славянской расы. Но даже с этой точки зрения история Бранденбурга бедна красками, жизнью и драматическим движением, ибо она теряется в мелочной борьбе с неизвестными славянскими племенами, разбросанными на сравнительно небольшом пространстве между Эльбой и Одером, причем ни одно из них не успело созреть даже для подобия исторического существования. Ни одно славянское племя, сколько-нибудь имеющее историческое значение, не было завоевано или онемечено Бранденбургским маркграфством, и никогда ему не удалось протянуть своих рук к соседнему Вендскому морю. Померания, предмет домогательств Бранденбургского маркграфства начиная с XII века, даже и в 1815 г., все еще не была целиком включена в прусское королевство и когда бранденбургские курфюреты начали захватывать ее по частям, то она уже давно перестала быть славянским государством. Преобразование южных и юго-восточных берегов Балтики, частью путем торговой предприимчивости немецких бюргеров, частью мечом немецких рыцарей, относится к истории Германии и Польши, а не к истории Бранденбурга, который явился только для того, чтобы собрать не им посеянную жатву.

Без особого риска мы можем утверждать, что среди бесчисленного количества читателей, которым удалось составить себе некоторое понятие о том, что за люди носили классические имена Ахилла, Цицерона, Нестора и Гектора, существует лишь весьма незначительный процент таких, которые когда-либо подозревали, что песчаная почва Бранденбурга не только производит в настоящее время картофель и овец, но несколько веков тому назад изобиловала также курфюрстами, в числе не менее четырех, которые были известны под именами Альбрехта Ахилла, Иоганна Цицерона, Иоахима I Нестора и Иоахима II Гектора. Та самая золотая посредственность, которая благоприятствовала медленному росту Бранденбургского курфюршества в нечто, из вежливости называемое европейской державой, надежно оберегала его доморощенную историю от слишком тесной дружбы с гласностью. Полагаясь на этот факт, прусские государствен-

ные люди и политики прилагали величайшие усилия к тому, чтобы внушить всему миру представление, будто Пруссия *по преимуществу* является военной монархией, откуда можно сделать вывод, что божественное право Гогенцоллернов должно означать право меча, право завоевания. Нет ничего более далекого от истины. Напротив, можно утверждать, что, в сущности, из всех провинций, которыми ныне обладают Гогенцоллерны, они завоевали лишь одну, а именно, Силезию, — подвиг, столь беспримерный в летописях их дома, что Фридриху II он доставил прозвище Единственного. Но прусская монархия простирается на 109 314 кв. миль, из которых Бранденбургская провинция, даже в ее нынешнем протяжении, насчитывает не более 15 792, а Силезия — не более 15 820 кв. миль. Как же добрались они до Пруссии с ее 25 126 кв. миль, Познани с ее 12 248 кв. миль, Померании с ее 12 304 кв. миль, Саксонии с ее 9 818 кв. миль, Вестфалии с ее 9 848 кв. миль и Рейнской Пруссии с ее 10 348 кв. миль? Это удалось им благодаря божественному праву подкупа, открытой купле, мелкой краже, погоне за наследствами и предательским договорам о разделе.

В начале XV века маркграфство Бранденбургское принадлежало Люксембургскому дому, глава которого Сигизмунд в то же время владел императорским скипетром Германии. Весьма нуждаясь в деньгах и будучи жестоко тесним своими кредиторами, он нашел покладистого и сговорчивого друга в лице Фридриха, бурграффа Нюрнбергского, князя, ведшего свой род от дома Гогенцоллернов. В 1411 г. Фридрих был водворен в качестве генерального управляющего Бранденбурга, переданного ему как бы в виде залога за различные суммы, авансированные им императору. Как подобает хитрому ростовщику, которому удалось вступить в предварительное владение домом расточителя и мота, Фридрих новыми авансами продолжал запутывать Сигизмунда в новые долги, пока в 1415 г. взаимные расчеты должника и займодавца были закончены путем передачи Фридриху наследственного курфюршества Бранденбургского. Чтобы не оставить никакого сомнения насчет природы этого акта, он был снабжен двумя условиями: одно из них сохраняло за Люксембургским домом право выкупа курфюршества за уплату 400 000 флоринов золотом, другое обязывало Фридриха и его наследников, при каждом новом избрании императора, отдавать свой голос кандидату из этого дома. Первое условие ясно характеризовало заключенное соглашение как меновую сделку, а второе — как подкуп. Чтобы стать полным владельцем курфюршества, алчному другу Сигизмунда оставалась еще только одна операция — отмена

условия о выкупе. Соответственно этому, он выждал удобный момент, когда на Констанцском соборе Сигизмунд снова оказался без денег; он поспешил из своей марки в пределы Швейцарии, опорожнил свой кошелек, и роковая оговорка была уничтожена. Таковы были пути и средства божественного права, на котором еще царствующая династия Гогенцоллернов основывает свое владение Бранденбургским курфюршеством. Так возникла прусская монархия.

Ближайший преемник Фридриха, человек весьма слабый, получивший прозвище «Железного» по причине его странной причуды всегда являться перед публикой в железных доспехах, за 100 000 золотых флоринов купил Новую Марку у тевтонских рыцарей, точно так же как его отец купил Старую Марку и свое звание курфюрста у германского императора. Отныне метод покушки по частям владений задолжавших государей превратился в столь же обычную вещь у гогенцоллернских курфюрстов, как вооруженные вмешательства некогда были обычны в политике римского сената. Оставляя в стороне скучные подробности этой грязной торговли, мы перейдем прямо к эпохе реформации.

Не следует думать, что так как реформация стала главной опорой Гогенцоллернов, что эта династия явилась главной опорой реформации. Совсем наоборот. Основатель династии Фридрих I начал свое правление тем, что повел армии Сигизмунда против гуситов, которые дорядком отколотили его за это усердие. Иоахим I Нестор, царствовавший от 1493 по 1535 г., поступал с германской реформацией так, словно это было таборитским движением. Он до самой своей смерти преследовал ее. Хотя Иоахим II Гектор сам был последователем лютеранства, он отказался обнажить меч в защиту новой веры в тот момент, когда она, казалось, падала в борьбе с подавляющими силами Карла V. Он не только отказался принять участие в вооруженном сопротивлении Шмалькальденского союза, но и предложил свою тайную помощь императору. Таким образом, при своем возникновении германская реформация встретила со стороны Гогенцоллернов открыто враждебное отношение, во время своей ранней борьбы — лживый нейтралитет, а во время своего страшного заключительного акта — Тридцатилетней войны — малодушные колебания, трусливое бездействие и низкое предательство. Как известно, курфюрст Георг-Вильгельм пытался заградить проход через свои владения освободительным армиям Густава Адольфа, который был принужден пинками и тумаками загнать его в протестантский лагерь, откуда он позже пытался улизнуть, заключив сепаратный мир с Австрией. Но если Гогенцоллерны

не были рыцарями германской реформации, то они, несомненно, были ее кассирами. Их неохота сражаться за ее дело могла сравниться только с их алчной готовностью совершать грабежи ее именем. Для них реформация была только религиозным полномочием на проведение секуляризации, так что лучшую часть их приобретений в течение XVI и XVII веков можно возвести к одному обильному источнику — ограблению церкви. Довольно странный способ проявления божественного права!

В истории образования гогенцоллернской монархии три факта являются важнейшими — приобретение Бранденбургского курфюршества, присоединение к нему герцогства Пруссии и возведение последнего в ранг королевства. Мы уже видели, как было приобретено курфюршество. Герцогство Пруссии было получено с помощью трех актов: во-первых, посредством секуляризации; далее, посредством брачной сделки довольно двусмысленного свойства: курфюрст Иоахим-Фридрих женился на младшей, а его сын, Иоганн-Сигизмунд, на старшей дочери безумного и подлого герцога Альбрехта Прусского; наконец, посредством подкупа правой рукой придворных польского короля, а левой рукой — сейма Речи Посполитой. Эти подкупы были настолько сложны, что они растянулись на целый ряд лет. Подобный же метод был применен для преобразования герцогства Пруссии в королевство. Для получения королевского титула курфюрсту Фридриху III, впоследствии королю Фридриху I, нужно было согласие германского императора. Чтобы получить это согласие, против которого возмущалась католическая совесть императора, он подкупил духовника Леопольда I, иезуита Вольфа, и в придачу бросил 30 000 бранденбуржцев в австро-испанскую войну за испанское наследство. Гогенцоллернский курфюрст вернулся к древне-германскому учреждению платежа жизнью с той лишь разницей, что древние германцы платили скотом, он же платил — людьми. Так создалось божьею милостью королевство Гогенцоллернов.

С тех пор как с начала XVIII века Гогенцоллерны пошли в гору, они усовершенствовали свои методы увеличения владений, к подкупу и обмену прибавив договоры с Россией о разделах, направленные против государств, которые они не сваливали сами, но на которые они внезапно набрасывались после их падения. Так мы видим их в сотрудничестве с Петром Великим в разделе шведских владений, с Екатериной II — в разделе Польши и с Александром I — в разделе Германии.

Таким образом те, кто против прусских притязаний на Невшатель

возражают указанием на то, что он был получен подкупом, совершают печальную ошибку, забывая, что подкупом же приобретен Бранденбург, подкупом — Пруссия, подкупом — королевское достоинство. Не может быть сомнений в том, что Невшателем они владеют в силу такого же божественного права, как и своими прочими областями, и что они не могут отказаться от одного из них, не подвергая опасности все остальные.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4906 от 9 января 1857 г.

Без подписи.

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ АВСТРИИ.

Можно сказать, что морская торговля Австрии начинается со времени включения Венеции и ее зависимых областей на Адриатическом побережье в состав империи по мирному договору в Кампо-Формио, подтвержденному впоследствии также Люневильским миром. Наполеон является, таким образом, действительным основателем этой отрасли австрийской торговли. Правда, увидев, какие преимущества он доставил этим Австрии, Наполеон взял обратно эту уступку сначала договором в Пресбурге, а затем при заключении мира в Вене в 1809 году. Однако Австрия, вступив однажды на выгодный путь, воспользовалась первым удобным случаем, чтобы договором 1815 г. восстановить свое преобладание в Адриатическом море. Центром его торговли является здесь Триест, и его превосходство над всеми прочими австрийскими портами, даже в более ранний период, видно из следующей таблицы:

	Порт Фиуме	Триест	Венеция	Прочие порты	Итого
в о ф л о р и н а х					
1838 г. Ввоз	200 000	32 200 000	9 000 000	8 000 000	49 400 000
Вывоз	1 700 000	14 000 000	5 300 000	2 000 000	23 408 000
1841 г. Ввоз	200 000	22 300 000	850 000	5 300 000	36 500 000
Вывоз	600 000	11 200 000	3 100 000	1 900 000	17 800 000
1842 г. Ввоз	200 000	24 900 000	11 500 000	5 100 000	11 800 000
Вывоз	300 000	11 900 000	34 000 000	2 600 000	19 700 000

В 1839 г. ввоз Венеции относился к ввозу Триеста, как 1 к 2,84, а вывоз — как 1 к 3,8. В том же году число судов, вошедших в каждый порт, находилось в отношении 1 к 4. В настоящее время преобладание Триеста достигло такой степени, что он затмил все прочие австрийские порты, включая Венецию. Однако то, что Триест в Адриатике стал на место Венеции, не следует приписывать ни особому покровительству австрийского правительства, ни энергичной деятельности Австрийского Ллойда. Никому неведомая бухта скалистого берега с исключительно рыбацким населением в начале XVIII века, Триест превратился в торговый порт с 23-тысячным населением ко времени эвакуации Истрии французами в 1814 г., причем ег-

торговля уже в три раза превосходила торговлю Венеции в 1815 году. В 1835 г., за десять лет до учреждения Австрийского Ллойда, его население превышало 50 000, и в то время, когда Ллойд явно не успел еще приобрести значительного влияния, Триест занимал второе место после Англии в турецкой торговле и первое место — в египетской. Это видно из следующих таблиц импорта и экспорта Смирны за время от 1835 по 1839 г.:

	Пиастры	Пиастры
Англия	126 313 146	44 618 032
Триест	98 500 456	52 477 756
Соед. Штаты . . .	57 329 165	46 608 320

Поучительны также следующие цифры импорта и экспорта Египта в 1837 г.:

	Пиастры	Пиастры
Триест	13 858 000	14 532 000
Турция	12 661 000	12 150 000
Франция	10 702 000	11 703 000
Англия и Мальта . . .	15 158 000	5 404 000

Как случилось, что колыбелью возродившегося в Адриатике мореплавания стал Триест, а не Венеция? Венеция была городом воспоминаний, Триест, подобно Соединенным Штатам, имел то преимущество, что у него не было никакого прошлого. Созданный пестрой кучкой купцов авантюристов из итальянцев, немцев, англичан, греков, армян и евреев, он не был скован традициями, подобно городу лагун. Так, напр., в то время как хлебная торговля Венеции в XVIII веке еще цеплялась за свои старые связи, Триест сразу связал свою судьбу с восходящей звездой Одессы и благодаря этому сумел уже в начале XIX века совсем вытеснить Венецию из хлебной торговли в Средиземном море. Роковой удар, нанесенный старинным торговым республикам Италии в конце XV века открытием морского пути вокруг Африки, был повторен в меньших размерах континентальной системой Наполеона. В этот раз последние остатки венецианской торговли были уничтожены. Потеряв всякую надежду на доходы от вложений в эту угасающую морскую торговлю, венецианские капиталисты, естественно, перенесли свои капиталы на противоположный берег Адриатики, где в это самое время сухопутная торговля Триеста, повидимому, собиралась удвоить темп своего развития. Так, Венеция сама вскормила величие Триеста — общая участь всех морских владык. Таким же образом Голландия заложила фундамент будущего величия Англии, таким же образом Англия создала мощь Соединенных Штатов.

Войдя в состав Австрийской империи, Триест занял командующее положение, весьма отличное от того, которое когда-то занимала Венеция. По своему положению Триест давал выход обширным, с неисчерпаемыми ресурсами, областям, лежащим у него в тылу, а Венеция всегда оставалась изолированным, отдаленным портом Адриатики, захватившим мировую транзитную торговлю и основавшим свой захват на невежестве варварских стран, которые не сознавали своих возможностей. Поэтому процветание Триеста может иметь лишь те же пределы, как и развитие производительных сил и средств сообщения огромного комплекса стран, ныне находящихся под управлением Австрии. Другим преимуществом Триеста является его близкое соседство с восточным берегом Адриатики; оно дает ему базу для береговой торговли, почти незнакомой венецианцам, и в то же время является питомником той отважной расы моряков, которую Венеция никогда не умела вполне использовать. Как Венеция приходила в упадок по мере подъема Османской державы, точно так же возможности Триеста растут вместе с преобладанием Австрии над Турцией. Даже в лучшие свои времена торговля Венеции ослаблялась раздроблением торговли Востока, всецело зависевшим от политических причин. С одной стороны, существовал торговый путь по Дунаю, едва имевший связь с морской торговлей Венеции; с другой, пока Венеция, под покровительством короля-католика, монополизировала рынки Мореи, Кипра, Египта, Малой Азии и др., генуэзцы, под покровительством греческих императоров, почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря. Триест впервые объединил оба этих великих пути восточной торговли и связал их с торговлей по Дунаю. В конце XV века Венеция оказалась как бы географически смещенной. Преимущества ее соседства с Константинополем и Александрией, тогдашними центрами азиатской торговли, были отняты у нее навигацией вокруг мыса Доброй Надежды, перенесшей центр этой торговли сначала в Лиссабон, потом в Голландию и, наконец, в Англию.

Преимущество, утраченное Венецией, в настоящее время достанется вероятно Триесту благодаря прорытию Суэцкого канала. Триестская торговая палата не только присоединилась к французской компании Суэцкого канала, но и выслала также агентов для исследования Красного моря и берегов Индийского океана в целях содействия развитию торговых операций, которые предвидятся в тех краях. Как только будет прорыт канал, Триест, несомненно, станет снабжать всю Восточную Европу индийскими товарами; он окажется на таком же близком расстоянии от тропика Рака, на каком он

находится теперь от Гибралтара; рейс в 5 600 миль приведет его суда к Зондскому проливу. Набросав контуры и перспективы торговли Триеста, мы в добавление приведем таблицы, показывающие движение торговли этого порта в течение десяти последних лет:

Годы	Судов	Тонн	Годы	Судов	Тонн
1846	16 782	985 514	1851	24 101	1 408 802
1847	17 321	1 007 330	1852	27 931	1 556 652
1848	17 812	926 815	1853	29 317	1 675 886
1849	20 553	1 269 258	1854	25 556	1 780 910
1850	21 124	1 323 756	1855	21 081	1 499 190

Сравнивая среднюю цифру за первые три года этого периода с средней цифрой последних лет (973 220 против 1 631 664), мы находим за столь короткий промежуток прирост в пропорции 68 к 100. Марсель далеко не обнаруживает столь быстрого развития. Сверх того, основа процветания Триеста тем более прочна, что она создана ростом оборота как с собственными австрийскими, так и с иностранными портами. Так, отечественная торговля от 1845 до 1848 г. в среднем равнялась 416 709 тонн в год; от 1853 до 1855 г. она возросла до 854 753 тонн в среднем в год, т. е. более чем удвоилась. В период от 1850 до 1855 г. включительно австрийский тоннаж входящих и выходящих судов через Триест был равен 6 206 316, иностранный тоннаж—2 981 928 тонн. Торговля с Грецией, Египтом, Левантом и Черным морем за тот же период поднялась с 257 741 т. до 496 394 тонн в год в среднем.

При всем том нынешняя торговля и мореплавание Триеста далеко еще не достигли тех размеров, когда оборот превращается в однообразную рутину и становится механическим следствием ресурсов, достигших предела своего развития. Достаточно бросить взгляд на экономическое положение Австрийской империи, с незаконченным развитием ее внутренних путей сообщения, с населением в значительной части еще одетым в овчины и незнакомым с потребностями культурного быта. По мере того как Австрия доведет свои пути сообщения хотя бы только до уровня германских государств, торговля Триеста быстрыми и мощными скачками проникнет в самое сердце империи. Окончание железной дороги из Триеста в Вену с веткой от Цельс до Пешта произведет в австрийской торговле целую революцию, из которой ни один центр не извлечет больших выгод, чем Триест.

Эта железная дорога наверное начнет с грузооборота большего, чем Марсель, но размеры, которых он сможет достигнуть, можно предвидеть, лишь приняв во внимание, что страны, для

которых Адриатическое море является единственным выходом, имеют население в 30 966 000 жителей, т. е. равное населению Франции в 1821 г., и что порт Триеста будет обслуживать территорию в 60 398 000 гектаров, т. е. на 7 млн. гектаров более обширную, нежели Франция. Поэтому Триесту в ближайшем же будущем суждено стать тем же, чем являются Марсель, Бордо, Нант и Гавр, взятые вместе, для Франции.

Написана К. Марксом.

Напечатана в качестве передовой

в «New-York Daily Tribune»

№ 4906 от 9 января 1857 г.

Без подписи.

НОВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ БЮДЖЕТ.

Лондон, 20 февраля 1857 г.

Бюджетный спектакль потерпел сильный ущерб от руки нынешнего канцлера казначейства. При сэре Роберте Пиле изложение перед палатой финансового плана стало неким религиозным актом, который надлежало выполнять со всей торжественностью государственного церемониала, усиленного большой затратой риторической убедительности, причем он должен был длиться не менее пяти часов. Дизраэли подражал этому церемониальному подходу сэра Роберта к национальному кошельку, а Гладстон даже усугубил его. Эту традицию не посмел нарушить и сэр Джордж Льюис. Поэтому он произнес четырехчасовую речь, ползая, мямля, вертясь вокруг да около, пока его внезапно не прервал взрыв хохота, вызванный тем, что достопочтенные члены палаты стали дюжинами хватать свои шляпы и убегать из заседания.

«К моему сожалению, — воскликнул горе-актер, — мне приходится продолжать речь перед поредевшей аудиторией; но оставшимся я должен изложить, каково будет действие предполагаемых изменений».

Еще состоя в числе мудрецов «Edinburgh Review», сэр Джордж Льюис был более известен тяжеловесностью своей аргументации, нежели солидностью своих доводов или живостью изложения. Личные его недостатки, без сомнения, в значительной степени объясняют его неудачу в парламенте. Однако были и другие обстоятельства, лежавшие вне его власти, которые могли бы смутить даже заправского парламентского борца. Как неосторожно проговорился перед собранием избирателей в Гулле сэр Вильям Клей, лорд Пальмерстон сначала решил было сохранить военный налог также и в мирное время, но угроза внесения резолюции о подоходном налоге, возвещенная Дизраэли и поддержанная Гладстоном при открытии палаты общин, сразу заставила его пойти на попятную и сразу изменить свою финансовую тактику. Бедному сэру Джорджу Льюису и пришлось поэтому в кратчайший срок менять все свои вычисления и цифры, всю свою схему, а речь его, приготовленная для военного бюджета, должна была теперь быть подана при квази-мирном бюд-

жете — замена, которая могла бы быть забавной, если бы она не оказалась такой скучной. Но это еще не все. Бюджетам сэра Роберта Пила, в период его управления от 1842 по 1847 г., придавала исключительный интерес бушевавшая тогда борьба между фритредерами и протекционистами, между прибылью и рентой между городом и деревней. Бюджет Дизраэли рассматривался как курьез, поскольку он содержал в себе не то возрождение протекционизма, не то окончательный от него отказ, а бюджету Гладстона придавалось преувеличенное значение как финансовому закреплению победоносной свободной торговли по крайней мере на семь лет. Социальные конфликты, находившие отражение в этих бюджетах, придавали им положительный интерес, между тем как бюджет сэра Джорджа Льюиса с самого начала мог внушать лишь отрицательный интерес как общий объект нападения со стороны всех противников кабинета.

Бюджет сэра Джорджа Льюиса, со стороны его приходной части, может быть резюмирован в весьма немногих словах. Он скидывает те девять добавочных пенсов подоходного налога, которые были установлены на время войны, сокращая его с 1 шиллинга 4 пенсов с фунта до 7 пенсов; эта ставка должна остаться в силе до 1860 года. С другой стороны, весь военный налог на спиртные напитки и часть военного налога на сахар и чай должны остаться в силе. Этим все и исчерпывается.

Подоходный налог текущего финансового года, включая добавочные 9 пенсов военного налога, дает доход более чем в 16 000 000 ф. стерлингов. Доход этот поступает с различных классов общества приблизительно так:

Раздел А — Недвижимая собственность . . .	8 000 000 ф. ст.
> В — Фермеры	1 000 000 » »
> С — Государственные бумаги	2 000 000 » »
> D — Торговля, промышленность и свободные профессии	4 000 000 » »
> E — Жалованья	1 000 000 » »
Итого	16 000 000 » »

Из этой таблицы видно, что налог падает исключительно на высший и средний классы общества; конкретно, более двух третей его составляет доход с аристократии и крупной буржуазии. Но при наличии других военных налогов, а также высоких цен на продукты и роста учетной ставки, мелкая буржуазия в Англии чувствует себя весьма сильно ущемленной подоходным налогом и потому очень хотела бы сбросить его с плеч. Тем не менее, едва ли ее вопли нашли бы себе отклик в прессе, а тем более

в палате общин, если бы аристократия и крупная буржуазия не возглавили агитации, ухватившись за эту возможность скрыть свой черствый эгоизм под маской великодушной филантропии и отделаться от налога, который они не могут переложить на плечи народной массы. В то время как во Франции в период *République honnête et modérée* введение подоходного налога удалось предупредить, клеймя его, как контрабандный социализм, в Англии пытаются отменить этот же налог под предлогом сочувствия народным страданиям. Эту игру повели очень умно. По заключении мира представители мелкой буржуазии направили свои нападки не против подоходного налога как такового, а лишь против его военной надбавки и несправедливого распределения. Высшие классы сделали вид, что сочувствуют предмету народных жалоб, но с единственной целью извратить его подлинный смысл и подменить требование пониженного обложения небольших доходов требованием изъятия из обложения крупных. В пылу борьбы, стгорая желанием получить немедленное облегчение, мелкая буржуазия не заметила этой подтасовки, да и не очень интересовалась условиями, обеспечивающими ей поддержку могущественного союзника. Что же касается рабочего класса, который не имел ни собственных газет, ни избирательного голоса, то его требования даже не ставились на обсуждение.

Фритредерские мероприятия сэра Роберта Пилля, как известно, имели своей основой подоходный налог. Не трудно понять, что прямое обложение есть финансовое выражение свободной торговли. Если свободная торговля вообще имеет какой-либо смысл, то она означает отмену таможенных пошлин, акцизных сборов и всех налогов, непосредственно вторгающихся в производство и обмен. Но если налоги нельзя получить через таможенные пошлины и акцизные сборы, то они должны быть извлечены прямо из собственности и доходов. При данной сумме налогов невозможно произвести сокращения в одном виде обложения, не увеличивая, соответственно, другого вида. Оба они должны подниматься и падать в обратной пропорции. Поэтому, если английская публика желает отменить большую часть прямого обложения, то она должна быть готова обложить более тяжелыми налогами товары и промышленное сырье, — словом, отказаться от системы свободной торговли. Так именно нынешнее движение и истолковывается на континенте. По словам одной бельгийской газеты, «на одном собрании в Генте, обсуждавшем политику свободной торговли и протекционизма, один из ораторов приводил вновь появившуюся в Англии оппозицию против подоходного

налога как доказательство поворота ее общественного мнения к протекционизму».

Точно так же ливерпульские «финансовые реформаторы» в одном из своих недавних обращений выразили опасения, как бы Великобритания не возвратилась к принципам ограничений.

«Мы, — говорят они, — отказываемся верить в возможность подобного проявления национального ослепления, и все же всякий средний мыслящий человек должен видеть, что нынешняя агитация направляется именно к этой цели, а не к какой-нибудь иной».

Так как свободная торговля, а следовательно, и прямое обложение в Великобритании служат наступательным оружием в руках промышленников-капиталистов против аристократов-землевладельцев, то их общий крестовый поход против подоходного налога свидетельствует в области экономической о том же факте, который в политической был доказан образованием коалиционного кабинета, а именно, об усталости английской буржуазии и ее стремлении к компромиссу с олигархами для избежания уступок пролетариату.

Капитулируя перед Лигой борьбы с подоходным налогом, сэр Джордж Льюис в то же время показал обратную сторону медали. Никакой отмены налога на бумагу, никакого отказа от налога на страховые полисы от огня, никакого снижения акциза на вина, а, напротив, повышение ввозных пошлин на чай и сахар. Согласно проекту Гладстона, акциз на чай должен был быть снижен с 1 шилл. 6 пенс. на фунт — сначала до 1 шилл. 3 пенс. и затем до 1 шилл., а акциз на сахар с 1 ф. ст. на центнер — сначала до 15 шилл. и затем до 13 шилл. 4 пенс. Это относится только к рафинаду. Акциз на белый сахар должен был быть понижен с 17 шилл. 6 пенс. последовательно до 13 шилл. 2 пенс. и 11 шилл. 8 пенс.; на желтый сахар — с 15 шилл. до 11 шилл. 8 пенс. и 10 шилл. 6 пенс.; на бурый сахар — с 13 шилл. 9 пенс. до 10 шилл. 7 пенс. и 9 шилл. 6 пенс.; на патоку — с 5 шилл. 4 пенс. до 3 шилл. 9 пенсов. Война приостановила этот проект; но согласно закону, прошедшему в 1855 г., его надлежало осуществить теперь, в два приема, в 1857 и 1858 годах. Сэр Джордж Льюис, который 19 апреля 1855 г. повысил акциз на чай с 1 шилл. 6 пенс. до 1 шилл. 9 пенс. на фунт, предлагает провести это сокращение в течение четырех лет, уменьшив его до 1 шилл. 7 пенс. в 1857/58 г., он предлагает снизить до 1 шилл. 5 пенс. в 1858/59 г., до 1 шилл. 3 пенс. и, наконец, в 1859/60 г. до 1 шиллинга. С акцизом на сахар он предлагает поступить таким же образом. Известно, что на рынке предложение сахара упало ниже спроса и что его запасы на мировых рынках сократились; напр., в Лондоне в настоящее время

имеются только 43 700 тонн против 73 400 два года тому назад. Естественно, что цены на сахар поднимаются. Что же касается чая, то китайский поход Пальмерстона благополучно привел к искусственному ограничению предложения а, следовательно, и к повышению цен. Но нет такого экономиста, который бы не знал, что в период недостатка товаров и роста цен всякое снижение акциза должно быть быстрым и весьма ощутимым, если хотят, чтобы оно пошло на пользу не только импортеру, но и широкому потребителю. Но сэр Джордж Льюис как раз утверждает, что при росте цен снижение акциза тем вернее идет на пользу потребителю, чем менее оно ощутимо. Это утверждение можно сравнить только с его же странной доктриной, что плата за почтовые услуги это прямой налог и что запутанность представляет спасительную черту всякого обложения.

Компенсировать сокращение подоходного налога повышением акциза на чай и сахар, которые являются предметом широкого потребления у англичан, — значит совершенно явно уменьшить обложение богатых и увеличить обложение бедных. Это соображение едва ли помешало бы палате общин голосовать за такую меру. Но имеются чаоторговцы, которые заключили крупные контракты и договора, полагаясь, по их словам, на заявления сэра Джорджа Льюиса в палате общин 19 апреля 1856 г., повторенные Таможенным управлением 11 ноября 1856 г., о том, что 6 апреля 1857 г. акциз на чай будет снижен до 1 шилл. 3 пенсов.

И вот, мы видим, с одной стороны, этих торговцев, настаивающих на соблюдении условия и моральных обязательств бюджета, а с другой — Гладстона, довольного, что он может отомстить Пальмерстону, который предательски выгнал пилитов, предварительно использовав их для того, чтобы опрокинуть сначала кабинет Дерби, затем Росселя и, наконец, их собственного патриарха, престарелого Эбердина. Кроме того, в качестве автора финансовых положений 1853 г., Гладстон, конечно, должен защищать свой собственный образцовый бюджет от бесцеремонных нарушений сэра Джорджа Льюиса. Поэтому он объявил, что намерен предложить следующую резолюцию: «Палата общин не согласится ни на какую прибавку к ставкам, взимаемым с чая и сахара, в силу акта 1855 г. о таможенных пошлинах».

До сих пор я касался одной стороны бюджета — его приходной части. Взглянем теперь на другую сторону баланса — на предполагаемые расходы. Если намеченные приходные статьи характеризуют нынешнее состояние официального английского общества, то предполагаемые расходы тем более характеризуют состояние его нынеш-

него правительства. Пальмерстону нужны деньги, и очень большие деньги, не только для того, чтобы укрепить свою диктатуру, но и для того, чтобы удовлетворить свои страсти к бомбардировкам Кантона, войнам с Персией, неаполитанским экспедициям и т. д. В соответствии с этим он предлагает бюджет мирного времени, превышающий приблизительно на 8 000 000 ф. ст. наивысшие расходы со времени мира 1815 года. Он требует 65 474 000 ф. ст., тогда как Дизраэли довольствовался 55 613 379 ф. ст., а Гладстон — 56 683 000 ф. стерлингами. То, что мечты о военной славе на востоке со временем претворятся в полновесные счета финансовых инспекторов, Джон Булль, конечно, должен был предвидеть. Но ежегодное дополнительное обложение в пользу войны не может быть оценено выше 3 600 000 ф. ст., слагающихся из таких сумм: 2 000 000 ф. ст. по обязательствам казначейства, истекающим в мае 1857 г.; 1 200 000 ф. ст. — по уплате процентов с 26 000 000 ф. ст. нового консолидированного и с 8 000 000 ф. ст. еще не консолидированного долга; наконец, около 400 000 ф. ст. для нового фонда погашения новых долгов. Таким образом, превышения по военным платежам в действительности не составляют и половины добавочных расходов, требуемых лордом Пальмерстоном. Зато его военные сметы объясняют этот рост вполне. Суммарные сметы армии и флота от 1830 по 1840 г. в среднем не достигали 13 000 000 ф. ст., но в льюисовском бюджете они составляют 20 699 000 ф. стерлингов. Если мы сравним их со всеми военными сметами последних пяти лет, предшествовавших войне, то найдем, что они достигали в 1849 г. 15 823 537 ф. ст., в 1850 г. 15 320 944 ф. ст., в 1851 г. — 15 555 171 ф. ст., в 1852 г. — 15 774 893 ф. ст., в 1853 и в 1854 гг. — 17 802 000 ф. ст., причем сметы за 1853 и 1854 гг. были установлены с учетом предстоявшей войны.

Придерживаясь ортодоксальной доктрины вигов, что сок дерева предназначен питать червей, сэр Джордж Льюис приводит рост национального богатства, показанный таблицами экспорта и импорта 1856 г., как причину роста правительственных расходов. Если бы даже заключения были верны, то исходные положения все же остаются ложными. Достаточно указать на тысячи нуждающихся рабочих, слоняющихся по улицам Лондона и обращающихся за помощью в работные дома; на тот явный факт, выступающий в официальных отчетах о доходах казны, что в 1856 г. потребление чая, сахара и кофе в Англии значительно сократилось, но в то же время потребление спиртных напитков несколько повысилось; на торговые циркуляры прошлого года, которые, по признанию самого г. Вильсона, нынешнего секретаря казначейства, ясно доказывают, что

прибыли британской торговли в 1856 г. находятся в обратной пропорции к ее расширению. Казалось бы, что для тактики оппозиционного лидера было бы естественно направить огонь своих главных батарей против этих безрассудных расходов. Но, действуя так и прямо восставая против этой аристократической расточительности, Дизраэли рисковал бы получить удар ножом в спину от собственных своих сторонников. Поэтому ему приходится прибегать к сверх-утонченному маневру — мотивировать свою резолюцию против пальмерstonовского бюджета не раздутыми расходами на 1857 и 1858 гг., а предстоящей нехваткой в поступлениях на 1858/59 и 1859/60 годы.

Во всяком случае, бюджетные прения палаты общин не только обещают быть интересны, потому что от них зависит судьба нынешнего правительства и потому что они покажут любопытное зрелище коалиции Дизраэли — Гладстона — Росселя против Пальмерстона, но и сама противоречивая позиция финансовой оппозиции, которая, настаивая на отмене подоходного налога, в то же время запрещает увеличение акцизов на сахар и чай и не осмеливается ударить по раздутым расходам, явится чем-то совершенно новым.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4956 от 9 марта 1857 г.

Без подписи.

ПОЛОЖЕНИЕ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ.

Лондон, 7 апреля 1857 г.

Недавно изданные отчеты фабричных инспекторов за полгода истекшие 31 октября 1856 г. представляют ценный материал для социальной анатомии Соединенного королевства. Они в немалой степени помогают объяснить реакционную позицию, занятую фабричными лордами на нынешних всеобщих выборах.

Во время сессии 1856 г. через парламент контрабандой был проведен фабричный закон, при помощи которого «радикальные» фабричные лорды, во-первых, изменили закон в части, касающейся ограждения механических приводов и машин, и, во-вторых, ввели принцип третейского суда при спорах между хозяевами и рабочими. Целью одного из них была якобы более действительная охрана жизни и безопасности фабричных рабочих; целью другого было якобы обеспечение этой охраны дешевым процессом суда. На деле же последний закон имел в виду лишить фабричного рабочего защиты закона, а первый — обманом лишить его безопасности. Привожу следующие слова из совместного отчета инспекторов:

«Согласно новому законодательному акту, лица, в силу своих *обычных занятий* находящиеся вблизи к механическим приводам и, следовательно, хорошо знакомые как с опасностями, которые сопряжены с их занятием, так и с необходимостью принимать меры предосторожности, пользуются покровительством закона; но этого покровительства лишены те лица, которые вынуждены, при исполнении специальных поручений прервать свое обычное занятие, подвергнуть себя опасности, которую они не сознают и от которой они, благодаря своему неведению, не могут себя предохранить и именно поэтому, казалось, нуждались бы в специальной охране со стороны законодательства».

Статья о третейском суде, в свою очередь, предписывает, чтобы третейские судьи выбирались из лиц, «сведущих в конструкции того рода машин», которыми причинено увечье. Другими словами, монополия третейского суда отдается инженерам и конструкторам машин.

«Нам кажется, — говорят инспектора, — что инженеров и конструкторов машин следует рассматривать *как лиц, не пригодных* для функций фабричных третейских судей по причине их деловых связей с владельцами фабрик, которые являются их заказчиками».

При наличии таких мер нет ничего удивительного, что число несчастных случаев, причиненных машинами, как то: смерть, отнятие рук и ног, перелом конечностей и костей, пролом головы и лица, ранение мускулов, ушибы и т. д., за шесть месяцев, истекших 31 октября 1856 г., составляет ужасающую цифру 1919. В промышленном бюллетене за полгода зарегистрированы двадцать смертных случаев от машин — приблизительно вдесятеро больше, чем понесено британским флотом в знаменитой резне в Кантоне. Поскольку, таким образом, фабричные магнаты не только не стараются охранять жизнь и безопасность своих рабочих, но стремятся лишь к тому, чтобы избавиться от необходимости платить за руки и ноги, потерянные у них на работе, и свалить со своих плеч издержки по износу своих живых машин, не приходится удивляться, что, согласно официальным отчетам, «применение недозволенной сверхурочной работы, в нарушение фабричного закона, растет». Согласно определению этого закона, сверхурочной работой является принуждение подростков работать более долгое время в течение дня, чем дозволено законом. Это делается различными способами: либо начинают работу до 6 часов утра, либо не прекращают ее в 6 часов вечера, либо сокращают время, установленное законом для принятия рабочим пищи. В течение дня паровая машина пускается в ход трижды, а именно, когда работа начинается утром и когда она возобновляется после завтрака и после обеда; она также трижды останавливается, а именно: в начале каждого перерыва для принятия пищи и при прекращении работы вечером. Таким образом, имеется шестикратная возможность украсть по 5 минут, что в сумме составляет полчаса в день. Работа, увеличенная на 5 минут в день, помноженная на недели, дает два с половиной рабочих дня в год; но мошеннически полученная сверхработа значительно превышает это количество. Привожу слова г. Леонарда Хорнера, фабричного инспектора Ланкашира:

«Выгода, которую можно получить от такой незаконной сверхурочной работы, составляет для фабрикантов, повидимому, слишком большой соблазн, чтобы не поддаться ему. Они рассчитывают не попасться; и когда они видят, как ничтожен штраф, который приходилось платить тем, кто попался, включая судебные издержки, то они находят, что и в случае провала они останутся еще в значительном выигрыше».

Помимо ничтожного размера штрафов, налагаемых фабричным законом, собственники фабрик всячески позаботились о том, чтобы формулировка его давала величайшую возможность обходить его указания, и, как единодушно заявляют инспектора, «почти непреодолимые трудности мешают им действительно прекращать незаконное

продление работы». Равным образом, инспектора единогласно осуждают обманы, бессовестно учиняемые крупными владельцами, низкие уловки, к которым они прибегают для избежания разоблачений, и мелкие интриги, которые они пускают в ход против инспекторов и суб-инспекторов, которым поручена защита их фабричных невольников. Когда инспектора, суб-инспектора или их понятые предъявляют обвинение в применении сверхурочной работы, то они должны быть готовы присягать, что рабочих заставляли работать в незаконные часы. Теперь предположим, что они приходят на фабрику после 6 час. вечера. Фабричные машины мгновенно останавливаются, и хотя рабочие только потому и могут оказаться в здании, что они обслуживают их, обвинение все же не может быть предъявлено вследствие особой формулировки закона. Затем рабочих поспешно выпроваживают из фабрики, и зачастую несколько дверей облегчают их быстрое исчезновение. Были случаи, когда тушили газ, как только суб-инспектор входил в помещение, так что он внезапно оставался в потемках среди сложной системы машин. В местах, стяжавших известность своей практикой в отношении незаконного удлинения рабочего дня, существует специальная система сообщения на фабрику о приближении инспектора при помощи служащих на железнодорожных станциях и в гостиницах.

Эти вампиры, тучнеющие от соков молодого поколения рабочих собственной страны, являются достойными коллегами британских контрабандистов опиума и естественной опорой «истиннобритан-министров».

Отчеты фабричных инспекторов неоспоримо доказывают, что гнусности в британской фабричной системе растут по мере ее роста; что законы, изданные с целью обуздания жестокой алчности фабричных лордов, представляют из себя одну видимость и фикцию, ибо они сформулированы так, чтобы свести на нет свое же назначение и разоружить людей, которым поручено их выполнение; они доказывают, что антагонизм между фабричными лордами и рабочими быстро приближается к той границе, на которой начинается подлинная социальная война; число детей моложе 13 лет, поглощаемых этой системой, увеличивается в некоторых отраслях, а число женщин — растет во всех; хотя в настоящее время количество рабочих рук в отношении к числу лошадиных сил такое же, как и в предшествующие периоды, но число рабочих рук в отношении к количеству машин меньше; благодаря экномии силы паровая машина способна двигать большую массу машин, нежели десять лет тому назад; теперь большее количество работы выполняется благодаря увеличению скорости

движения машин и благодаря другим методам, и фабричные лорды быстро набивают себе карманы.

Интересные статистические данные, приводимые в отчетах, вполне заслуживают дальнейшего рассмотрения. Но уже с первого взгляда становится понятным по крайней мере то, что промышленникам-рабовладельцам Ланкашира нужна внешняя политика, которая могла бы отвлечь внимание от внутренних вопросов.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4994 от 22 апреля 1857 г.

Без подписи.

АНГЛИЙСКАЯ ФАБРИЧНАЯ СИСТЕМА.

Лондон, 10 апреля 1857 г.

Отчеты фабричных инспекторов Соединенного королевства за 1856 г. содержат подробные данные фабричной статистики, как, напр., численность фабрик, число применяемых лошадиных сил, количество машин и число занятых в производстве рабочих. Подобные же отчеты составлялись по распоряжению палаты общин в 1835, 1838 и 1850 гг., причем сведения брались из таблиц, заполнявшихся собственниками фабрик. Таким образом, имеется обильный материал для сравнения различных периодов в развитии фабричной системы, которая в юридическом смысле включает в себя только те предприятия, где пар или водяная энергия применяется для производства текстиля.

Бесспорно быстрое расширение этой системы является самой характерной чертой социальной истории Соединенного королевства за последние шесть лет.

В годы, соответствующие последним трем отчетам, число фабрик было:

	1838 г.	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажное производство . . .	1 819	1 932	2 210
Шерстяное »	1 322	1 497	1 505
Камвольное »	416	501	525
Льняное »	392	393	417
Шелкоткацкое »	268	277	460
Итого	4 217	4 600	5 117

Итак, среднее ежегодное приращение числа фабрик, которое между 1838 и 1850 гг. составляло 32, почти утроилось между 1850 и 1856 гг., когда оно достигло 86. Прирост числа фабрик по отдельным категориям в течение каждого периода дает следующая таблица:

Общий прирост от 1838 по 1850 г.		Общий прирост от 1850 по 1856 г.	
	В про- центах		В про- центах
Хлопчатобумажные фабрики . .	6	Хлопчатобумажные фабрики . .	14,2
Шерстяные фабрики	13	Шерстяные фабрики	5,0
Камвольные »	20	Камвольные »	4,7
		Льняные »	6,0
		Шелкоткацкие »	66,0

Эта таблица показывает, что в течение первого периода прирост ограничивался бумажными, шерстяными, камвольными фабриками, тогда как во второй период он охватывает также льняные и шелкоткацкие фабрики. Соотношения, в которых участвуют различные отрасли, в общем приросте также отличаются в обоих периодах. В 1838—1850 гг. главный прирост происходил в камвольной и шерстяной промышленности, причем в 1850—1856 гг. эта последняя остается почти без изменений, а первая показывает прирост в четыре раза меньше против предыдущего. С другой стороны, хлопчатобумажные и шелкоткацкие фабрики идут впереди всех в течение второго периода, причем шелкоткацкие фабрики занимают в приросте первое место в процентном отношении, а бумажные первое место в абсолютных цифрах.

Местности, в которых происходило это расширение промышленности, значительно менялись: происходило, так сказать, перемещение ее из одной части страны в другую. Рядом с общим ростом промышленности происходит ее сокращение в отдельных местах, доходящее в некоторых графствах и городах до полного исчезновения существовавших там раньше фабрик. Общий закон, диктующий эти изменения в смысле как упадка, так и роста, есть тот же закон, который пронизывает современную промышленность во всех ее направлениях, а именно, закон концентрации. Так, Ланкашир и прилегающие к нему части Йоркшира — главный центр хлопчатобумажной промышленности — стянули ее к себе из других частей королевства. В то время как число хлопчатобумажных фабрик в Ланкашире и Йоркшире возросло за 1838—1856 гг. на 811, в графствах Ланарка (Глазго), Ренфрью (Пеизли) и Антрим оно сократилось на 52. Равным образом, шерстяная промышленность сосредоточивается в Йоркшире; в то время как здесь прибавилось 200 шерстяных фабрик, мы находим соответствующее сокращение фабрик, на 82, в Корнуоле, Девоншире, Глостере, Монмауте, Сомерсете, Уильтшире, Уэльсе и Клакманнана. Камвольная промышленность почти целиком сосредоточивается в Йоркшире, где произошел прирост в 107 фабриках. Льняная промышленность в настоящее время мощнее развилась в Ирландии, чем в какой-либо другой части Соединенного королевства; но прирост на 59 льняных фабрик в Антриме, Армаге, Дауне и Тайроне сопровождается сокращением их числа в Йоркшире на 31, в Девоншире, Дорсетшире и Глостершире на 9 и в Файфшире на 18. Приросту 76 шелковых фабрик в Чeshire, Дербишире, Ноттингеме и Глостершире соответствует убыль 13 в Сомерсетшире. В некоторых случаях упадок одной отрасли промышленности возмещается ро-

стом другой, так что перемещение промышленности может показаться как бы лишь более определенным проявлением принципа разделения труда в крупном масштабе. Однако, в целом, дело обстоит не так: развитие фабричной системы стремится, скорее, к установлению разделения между индустриальными и сельскохозяйственными графствами. Так, в Англии, южные графства Уильтшир, Дорсетшир, Сомерсетшир, Глостершир быстро теряют свою фабричную промышленность, между тем как северные графства, Ланкашир, Йоркшир, Уорикшир, Ноттингемшир, укрепляют свою промышленную монополию. Из общего прироста на 900 фабрик в Соединенном королевстве от 1838 по 1856 г. на один Ланкашир приходится 360, Йоркшир — 344, Уорикшир — 71 и Ноттингемшир — 46, причем прирост в двух последних графствах был вызван введением усовершенствованных машин в двух специальных производствах — применением энергии к вязальному станку в Ноттингеме и к тканью лент в Ковентри.

От роста числа фабрик следует отличать рост применяемого количества лошадиных сил: последнее обусловливается не только появлением новых фабрик, но также и сооружением более мощных машин в старых фабриках, заменой воды паром, присоединением силы пара к водяному колесу и прочими подобными изобретениями. Нижеследующая таблица содержит сравнение номинальной мощности фабрик в 1838, 1850 и 1856 годах:

ЧИСЛО ЛОШАДИНЫХ СИЛ, ПРИМЕНЯЕМЫХ НА ФАБРИКАХ
СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА.

	1838 г.		
	Пар	Вода	Итого
Хлопчатобумажные . . .	46 826	12 977	59 803
Шерстяные	11 525	9 092	20 617
Камвольные	5 863	1 313	7 176
Льняные	7 412	3 677	11 089
Шелкоткацкие	2 457	927	3 384
Итого . . .	74 083	27 926	102 069

	1850 г.		
	Пар	Вода	Итого
Хлопчатобумажные . . .	71 005	14 550	82 555
Шерстяные	13 455	8 639	22 144
Камвольные	9 890	1 625	11 515
Льняные	10 905	3 387	14 292
Шелкоткацкие	2 855	853	3 711
Итого . . .	108 113	26 104	134 217

	1856 г.		
	Нар	Вода	Итого
Хлопчатобумажные . . .	88 001	9 131	97 132
Шерстяные	17 490	8 411	25 901
Камвольные	13 473	4 431	14 904
Льняные	14 337	3 935	18 322
Шелкоткацкие	4 360	816	5 176
Итого . . .	137 711	23 724	161 435

Как ни кажется велик на основании этих цифр прирост энергии — 59 300 лошадиных сил между 1838 и 1856 гг., он значительно ниже действительного количества добавочных сил, применяемых или могущих быть примененными в промышленности. Цифры, данные в отчете, относятся только к *номинальной* силе двигателей и колес, но не к силе, действительно применяемой или могущей быть примененной. Современная паровая машина в 100 лошадиных сил способна развить гораздо большую мощность, чем прежде, благодаря усовершенствованиям в ее устройстве, вместимости и конструкции паровых котлов и т. д.; вследствие этого ее номинальная мощность может рассматриваться только как показатель, на основании которого можно вычислить ее реальные возможности. Гражданский инженер Насмит, объяснив природу новейших усовершенствований паровой машины, благодаря которым та же самая машина может выполнить большую работу с меньшим количеством топлива, резюмирует результаты следующим образом:

«От одной и той же паровой машины мы получаем в настоящее время в среднем по крайней мере на 50% больше работы, а зачастую одни и те же машины, которые в дни ограниченного хода в 220 футов в минуту давали 50 лошадиных сил, в настоящее время дают свыше 100».

Из сопоставления роста числа лошадиных сил с ростом численности фабрик концентрация шерстяной индустрии в немногих руках становится очевидной. Хотя в 1856 г. шерстяных фабрик было всего на восемь больше против 1850 г., однако число применяемых в них лошадиных сил выросло за тот же период на 3 757. Та же тенденция к концентрации, очевидно, существует и на хлопчатобумажных, камвольных и льняных фабриках. Количество веретен в Соединенном королевстве в 1850—1856 гг. равнялось соответственно 25 638 716 и 33 503 580, но среднее количество веретен на каждой фабрике было следующее:

	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажных . . .	14 000	17 000
Камвольных	2 200	3 400
Льняных	2 700	3 700

В ткацких фабриках, правда, наблюдается как бы тенденция к распределению производства между многими владельцами, а не к концентрации его в немногих руках: при общем количестве станков 139 205 в 1856 г. против 301 445 в 1850 г. среднее их число, занятое на отдельной фабрике, оказывается ниже в 1856, нежели в 1850 году. Однако это кажущееся отклонение от общей тенденции английской фабричной системы легко объясняется тем фактом, что в текстильном производстве введение фабричной системы сравнительно еще ново и еще окончательно не вытеснило систему ручных станков. В 1836 г. пар употреблялся почти исключительно еще для бумаготкацких станков или для изготовления полубумажных материй; но спустя несколько лет начался быстрый рост числа паровых станков для изготовления всяких материй, шерстяных, камвольных, льняных и шелковых, и этот рост продолжается до настоящего времени. Следующие цифры показывают рост паровых станков с 1836 года:

	1836 г.	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажные . . .	108 751	249 627	298 847
Шерстяные	2 150	9 439	14 453
Камвольные	2 969	32 617	38 956
Шелкоткацкие	1 719	6 092	9 260
Льняные	209	3 670	7 689
Итого . . .	115 798	301 445	389 205

Рост бумаготкацких станков происходил в результате расширения производства, а не применения энергии к изготовлению материй, раньше ткавшихся только ручным способом; но для других тканей энергия применяется в настоящее время к станкам для тканья ковров, лент и полотна, где до сих пор она применялась мало. Применение пара к чесанию шерсти, которое в обширных размерах вошло в употребление со времени введения чесальной машины, в особенности системы Листера, тоже привело к тому, что большое количество людей осталось без работы.

Степень роста мощности производства ясно обнаруживается из сравнения данных экспорта. В 1850 г. работали 1 932 хлопчатобумажных фабрики, средняя стоимость хлопчатобумажных материй и пряжи, вывезенных за три года, истекшие 5 января 1850 г., равнялась в круглых цифрах 24 600 000 ф. стерлингов. Если бы работавшие в 1856 г. 2 210 хлопчатобумажных фабрик произвели изделий или пряжи в той же пропорции, в какой произвели фабрики в 1850 г., стоимость экспорта должна была бы равняться 28 000 000 ф. стерлингов. Между тем средняя стоимость этого экспорта за три года,

истекшие 31 декабря 1855 г., доходила приблизительно до 31 000 000 ф. стерлингов. То же самое наблюдается и с шерстяными и камвольными фабриками. Таким образом, мы видим, что в то время как количество машин, приводимых в движение одной лошадиной силой, значительно увеличилось, число лиц, обслуживающих одну лошадиную силу, осталось стационарным, а именно, в среднем, по 4 человека. Это видно из следующей таблицы:

	Общее число занятых рабочих		
	1838 г.	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажные фабрики	259 104	330 924	379 213
Шерстяные »	54 808	74 443	79 091
Камвольные »	31 628	79 737	87 794
Льняные »	43 557	68 434	80 262
Шелкоткацкие »	34 303	42 544	56 137
Итого . . .	423 400	596 082	682 497

Общая численность рабочего населения в 682 497 человек кажется весьма малой, если принять во внимание, что число одних только ткачей на ручных станках и их семей доходило в 1838 г. приблизительно до 800 000 человек. Нижеследующая таблица показывает процентное соотношение различных категорий рабочих рук, занятых в производстве:

	Дети моложе 13 л.	Мужчины от 13 до 18 л.	Женщины старше 13 л.	Мужчины старше 18 л.
1838 г.	5,9	16,1	55,2	22,8
1850 »	6,1	11,5	55,9	26,5
1856 »	6,6	10,6	57,0	25,8

Между 1838 и 1850 гг. число занятых в производстве детей возросло, однако, непропорционально общему росту. Рост числа детей между 1850 и 1856 гг. очень значителен: он доходит до 10 761, из которых 9 655 приходилось на хлопчатобумажное производство. Следует упомянуть еще, что гуманный закон 1844 г. разрешил брать на фабрики детей в 8-летнем возрасте, тогда как до того считалось незаконным брать детей моложе 9 лет.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4999 от 28 апреля 1857 г.

Без подписи.

АНГЛИЙСКИЕ БИРЖЕВЫЕ ПЛУТЫ.

Лондон, 1 мая 1857 г.

Расследование тайн «Королевского британского банка» судом по банкротствам уже близится к концу; и со времени банкротства железнодорожного короля Гудсона, быть может, не было более полного разоблачения авантюризма, лицемерия, надувательства и гнусностей, скрывающихся под золоченой внешностью так называемого порядочного общества. Одним из господ, выставленных к позорному столбу общественного мнения, за последнее время является г. Хамфри Браун, бывший член парламента от Тьюксбери, который был характеризован в «*Dodd's Parliamentary Companion*» на 1855 г. как «купец», «деятельный строитель железных дорог», «известный авторитет по железнодорожной политике и планированию железнодорожного движения», «сторонник принципов свободной торговли в самом полном смысле слова» и «к тому же либерал». Немедленно после краха этого дутого предприятия — Королевского британского банка — стало известно, что сия влиятельная особа воспользовалась своим положением директора банка, чтобы обобрать его на сумму около 70 000 ф. ст., но это разоблачение ничуть не помешало ему выполнять свои обычные государственные обязанности. Хамфри Браун спокойно продолжал появляться как в палате общин, так и на судейской скамье. Мало того, он публично проявил высокое понимание своей ответственности перед обществом, наложив, в качестве земского судьи, самое суровое наказание, предусмотренное законом, на одного бедного извозчика, который утаил небольшое количество вверенного ему картофеля, прочитав виновному елейную проповедь на тему о возмутительности нарушения чужого доверия. Одна местная газета в Тьюксбери сочла себя в праве по этому поводу критически отметить особенность британских учреждений, в силу которой крупные воры становятся судьями мелких. Г-н Браун пригрозил тогда не только привлечь к суду несчастного журналиста, но и отвернуться навсегда от доброго города Тьюксбери, если его обитатели не искупят каким-либо торжественным актом раскаяния преступления, заключающегося в оскорблении невинности. Соответственно этому состоялась

торжественная процессия для преподнесения «жертве бессовестного заговора» аттестации, в которой, судя по газетным отчетам того времени, недостатки художественного оформления восполнялись металлической увесистостью. С высоты своего балкона г. Браун произнес торжественную речь к толпе, положил аттестацию в карман, заявил, что, если бы не служебная присяга, обязывавшая его не выдавать секретов банка, то его невинность была бы так же очевидна, как солнце на полуденном небе, и в заключение назвал себя человеком, против которого грешили больше, чем грешил он сам. На последних всеобщих выборах он снова выступил кандидатом своего тихого городка, но кабинет министров, к которому он всегда выказывал стойкую приверженность, был настолько неблагодарен, что не поддержал его.

29 апреля этот важный господин, наконец, был освобожден от уз присяги, налагавшей до тех пор печать молчания на его уста и принуждавшей его беспомощно переносить оскорбления гнусной клеветы; исповедником его был комиссар суда по банкротствам. По общему правилу акционерных компаний директора должны владеть известным числом акций. Перевернув обычный порядок, г. Браун сначала сделался директором, а уже затем акционером; но при этом, владея акциями, он и не подумал уплатить за них. Во владение ими он вступил следующим весьма простым способом: г. Камерон, впоследствии сбежавший управляющий Британского банка, передал ему двадцать акций на сумму в 1 000 ф. ст., он же, Браун, в свою очередь передал г. Камерону вексель в 1 000 ф. ст., по которому, однако, он постарался не уплатить ни одного шиллинга. Сделавшись директором в феврале 1853 г., он начал свои банковские операции в марте. Он вложил в банк внушительную сумму в 18 ф. ст. 14 шилл. и в тот же день взял у банка под вексель ссуду в 2 000 ф. ст.; этим он сразу показал, что он не новичок в управлении акционерными компаниями. Действительно, и до, и после своей деловой связи с Королевским британским банком г. Браун почтил своим директорским руководством привилегированную Австралийскую компанию по импорту и рафинированию, Компанию по производству патентованного водонепроницаемого и простого кирпича и черепицы, Уордловскую водопроводную компанию, одну земельную компанию, одну доковую компанию, — словом, ряд компаний для всех четырех стихий. На вопрос г. Линклейтера, поверенного кредиторов, что стало со всеми этими компаниями, Браун находчиво ответил: «Пока что их надо считать мертвыми». Его счет в Британском банке, начавшийся внесением на его кредит 18 ф. ст. 14 шилл., кончился его дебетом в 77 000 ф. стерлингов. Все эти авансы выплачивались ему

по распоряжению г. Камерона, причем о согласии «прочих директоров не спрашивали». «Исполнительное должностное лицо компании, — сказал г. Браун, — есть то лицо, через посредство которого ведутся все дела. Такова практика этого банка, и, — прибавил он поучительным тоном, — это весьма здоровая практика». Положение, повидимому, было таково, что вся эта публика, администраторы, директора, управляющий, юрисконсульты и счетоводы создали согласно заранее установленному плану круговую поруку, и каждый делал вид, что ему неизвестна доля добычи, достававшаяся тому или другому отдельному партнеру. Г-н Браун почти что намекает, что даже в качестве директора банка он едва знал о собственных своих операциях в качестве его клиента. Что же касается тех клиентов, которые не принадлежали к административному персоналу, то во время своего допроса г. Браун как будто все еще не мог отделаться от тягостного впечатления, что некоторые из них осмеливались вторгаться в привилегии директоров. Так, о некоем г. Оливере он заявляет: «Я решительно утверждаю, что Оливер обокрал банк на 20 000 фунтов. Это — очень резкое выражение, но я не сомневаюсь, что оно правильно: Оливер — мошенник!» На вопрос г. Линклейтера: «А кто же такой вы?» он спокойно отвечает: «К несчастью, директор, бродивший впотьмах». Все его ответы даются в том же невозмутимом тоне. Так, напр., смехотворное несоответствие между его активом и его пассивом в банке дает повод к следующему любопытному диалогу между ним и г. Линклейтером:

Г-н Линклейтер: Не было ли обычным условием операций в банке, что никто не мог иметь в нем дисконтного счета, если он не имел в то же время текущего счета, на котором должен был всегда значиться активный баланс, равный четверти векселей, значащихся на его дисконте?

Г-н Браун: Такое правило было, и, как мне говорили, это — шотландская система.

Г-н Линклейтер: Вы эту систему не применяли?

Г-н Браун: Не применял, потому что это нездоровая система.

Когда г. Браун удаивал представить банку какие-либо обеспечения, то они состояли обычно из векселей или талонов, которые он в то же время предусмотрительно закладывал в другом месте, вообще же он совершенно свободно распоряжался обеспечениями с помощью приемов, которые комиссар имел смелость назвать в высокой степени «мошенническими сделками». 1 марта 1856 г. счет г. Брауна в банке фактически был закрыт, т. е. правление банка постановило больше не разрешать ему увеличивать свою задолженность.

Тем не менее, 7 июля он, оказывается, снова получает в банке 1 020 ф. стерлингов. На вопрос г. Линклейтера: «Путем какого фокуса он устроил это дело?» Браун спокойно отвечает: «Это было нетрудно».

Из нижеследующего его письма к его закадычному другу г. Камерону видно, как он вообще относился к той буре негодования, которую вызвали в печати разоблачения о Королевском британском банке:

Дорогой г. Камерон! Не зная, где Вы в настоящее время находитесь, я пользуюсь оказией, чтобы переслать Вам это письмо через одного из членов Вашей семьи. Так как печальные новости распространяются быстро, то я думаю, что Вы уже знаете, как поносят нас во всех газетах, больших и малых, и какая львиная доля в них достается мне и Вам. Я имею основание думать, что чрезвычайные резкие статьи в «Times» были инспирированы одним или двумя из наших компаньонов через посредство присяжного ревизора. Я в полном неведении о происходящем, знаю лишь то, что содержат публичные отчеты, чтение которых почти принуждает меня заключить, что никто раньше не был должен банку никаких денег, что все прежние сообщения были сделаны по ошибке и что всю свою ярость «Times» приберет для того, чтобы оскорблять специально нас... Я не видал никого из прочих директоров с тех пор, как банк закрылся, — последнее было проведено самым бестолковым образом.

Преданный Вам

Хемфри Браун.

Словно «никто раньше не был должен банку никаких денег!» Г-н Браун, очевидно, считает, что все нравственное негодование излито на него и на его компаньонов так, для проформы. «Все воры!» Так говорит Тимон, так же говорит и г. Браун, и в глубине души он убежден, что так же говорит каждый член так называемого порядочного общества. Важно лишь одно: не быть мелким вором.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5015 от 16 мая 1857 г.

Без подписи.

* НОВЫЙ ЗАКОН О ФРАНЦУЗСКОМ БАНКЕ.

Новый закон о Французском банке и уход в отставку его управляющего, графа д'Аргу, представляют немаловажные события в финансовой истории нынешней империи. Поставленный Луи-Филиппом в 1833 г. во главе французской банкократии, граф д'Аргу отличался тем, что в течение 23 лет цепко держался за свой пост и, благодаря своей осмотрительности и своему благоразумию, благополучно перенес бури 1848 и 1851 годов. Революция 1848 г. была направлена не только против Луи-Филиппа, но еще более против финансовой знати, имевшей своим центром Французский банк. Поэтому могло казаться, что это учреждение и возглавлявшая его непопулярная личность естественно станут первыми объектами для ударов революции. Не понимая своеобразия момента, граф д'Аргу вообразил себя достаточно сильным, чтобы с помощью искусственного обострения финансового кризиса запугать буржуазию и толкнуть ее на путь контрреволюции. С этою целью он сразу прекратил кредитную помощь, на которую привык опираться торговый Париж, но грозная опасность, которую он сознательно вызвал таким путем, потрясла не Временное правительство, а обратилась против самого же банка. Вместо ожидавшейся им с полной уверенностью контрреволюции произошел бешеный набег публики на кассы банка. Но если д'Аргу плохо рассчитал силу народа, то он с гораздо большей проницательностью учел ресурсы правительства. Он не только добился того, что правительство дало его банкнотам принудительный курс и смиренно, на самых невыгодных для себя условиях приняло заем от того же самого предприятия, которое оно только что спасло от окончательного разорения, но граф д'Аргу воспользовался также случаем увеличить источники дохода банка тем, что выхлопотал ему привилегию выпускать банкноты более мелкого достоинства и расширить его монополию уничтожением провинциальных эмиссионных банков. Самые мелкие банкноты, выпускавшиеся Французским банком до 1847 г., были достоинством в 500 фр.; а в 1848 г. ему было разрешено выпускать банкноты достоинством в 200 и 100 франков. Место провинциальных банков, лишенных привилегии выпускать

банкноты, принадлежавшей им до сих пор, заняли новые филиальные отделения Французского банка. В результате этих перемен общая сумма его банкнот, в конце 1847 г. равнявшаяся всего лишь 48 000 000 долл., в конце 1855 г. достигла 122 455 000 долл.; валовая сумма сделок, которая в 1847 г. едва доходила до 375 000 000 долл., уже в 1855 г. поднялась до 940 600 000 долл., из которых 549 000 000 долл. приходились на долю отделений; а его акции, которые до революции обычно котируются приблизительно по 2 000 фр., ныне продаются за 4 500 франков. До 1848 г. Французский банк был учреждением скорее парижским, нежели французским. Новые привилегии, дарованные ему революционным правительством, преобразовали его в частное предприятие национального масштаба. Таким образом, благодаря ловкому руководству графа д'Аргу монополия финансовой аристократии, к уничтожению которой была направлена Февральская революция, была расширена, укреплена, реорганизована через посредство самой же этой революции.

Графу д'Аргу пришлось стать лицом к лицу еще с другой большой катастрофой, а именно с государственным переворотом 1851 г., успех которого зависел главным образом от возможности добраться к доверенным его попечению сундукам банка. Послушный управляющий не только смотрел сквозь пальцы на кражу со взломом, совершенную Бонапартом, но и значительно содействовал рассеянию страхов в торговых кругах тем, что оставался на своем посту в момент, когда массовый уход с административных постов всех порядочных или мнимо порядочных людей серьезно грозил скомпрометировать дело узурпатора. В отплату за эти ценные услуги Бонапарт согласился не прибегать к возможности пересмотра устава банка в 1855 году предусмотренной при последнем возобновлении привилегии банка в 1840 году. Подобно своему другу, покойному маршалу Сульту, д'Аргу сохранял постоянную верность только двум вещам — своей должности и своему окладу. Его уход с поста управляющего Французским банком в настоящий момент можно объяснить лишь такими же мотивами, какие, по народному поверью, заставляют крыс бежать с тонущего корабля.

История нового закона о Французском банке представляет одну из тех нечистых сделок, которые так характерны для эпохи нынешней империи. Изменение существующего закона о Французском банке впервые было поставлено на обсуждение во время финансового кризиса, разразившегося в Европе в конце 1856 г., под тем убедительным предлогом, что колоссальные операции банка базировались на слишком небольшом капитале. В течение более 6 ме-

саяцев в присутствии Наполеона III происходили таинственные совещания между представителями банка, с одной стороны, крупными финансистами Парижа, министрами и Государственным советом — с другой. Тем не менее настоящий законопроект был представлен в Законодательный корпус лишь накануне его окончательного роспуска. При предварительных обсуждениях в бюро законопроект подвергался резким нападкам; комиссия, назначенная для составления о нем доклада, не оставила от него буквально ничего; раздавались даже угрозы целиком отвергнуть проект. Однако Наполеон хорошо знал свои креатуры. Он велел дать им понять, что правительство твердо решило, что они должны быть готовы либо утвердить законопроект, либо потерять свои синекуры на предстоящих выборах. Чтобы помочь им расстаться с последними остатками совести, обсуждение закона было приурочено к последнему дню сессии. Разумеется, он был принят с несколькими незначительными поправками. Каков же должен быть характер закона, который потребовал столько уловок для своего прохождения даже в таком учреждении, как Законодательный корпус?

Даже во времена Луи-Филиппа, когда на всякий неугодный им законопроект Французский банк и Ротшильды могли наложить свой запрет, ни один министр не посмел бы предложить государству такой капитуляции перед ними, а теперь правительство отказывается от своего права, гарантированного еще законом 1846 г., вносить поправки в новый закон о Французском банке до истечения его действия. Привилегии банка, имеющие силу еще на 10 лет, благожелательно пролонгированы на новый срок в 30 лет. Банку разрешается понизить достоинство своих банкнот до 50 фр.; важность этого условия станет понятной, если мы укажем, что введение в 1848 г. двухсот- и стофранковых банкнот позволило банку заменить около 30 000 000 долл. золота и серебра своими собственными бумагами. Благодаря этому нововведению для нации не предусмотрено какого-либо участия в огромных прибылях, которые несомненно достанутся банку, — наоборот, ей придется платить банку за оказанное ему во имя Франции доверие. Привилегия учреждать отделения банка в департаментах, где они еще не существуют, дается Французскому банку не как уступка со стороны правительства, а, напротив, как уступка со стороны банка. Разрешение взимать с клиентов банка больше, чем законные 6%, обусловлено лишь одним обязательством — присоединять полученную таким образом прибыль к капиталу банка, а не к его годичным дивидендам. Снижение процента с четырех до трех по текущим счетам казначейства более чем компенсируется

неприменением статьи закона 1840 г., которая обязывала банк вовсе не взимать процентов, когда счет падал ниже 80 000 000 фр., причем в среднем сумма этих счетов равнялась обычно 82 000 000 франков. Наконец, последней, но не самой малой льготой банку является то, что вновь выпускаемые 91 250 акций по номинальной цене в 1 000 фр. должны распределяться исключительно между владельцами уже существующих 91 250 акций и что в то время как акции банка котируются теперь на бирже по цене 4 500 фр., эти новые акции выдаются старым акционерам по цене в 1 100 франков. Этот акт, направленный всецело к выгоде банкотрации за счет государства, дает самое убедительное доказательство того стеснения в деньгах, в котором уже очутилось бонапартовское правительство. В вознаграждение за все свои уступки это правительство получило сумму в 20 000 000 долл., которую банк обязуется поместить в трехпроцентную ренту, выпускаемую для этой цели по минимальной цене не менее 75 франков. Вся эта сделка, повидимому, вполне подтверждает распространившееся в Европе представление, что Бонапарт уже позаимствовал из сундуков банка значительную сумму и теперь всячески хлопочет о том, чтобы придать своим жульническим сделкам более или менее приличную форму.

Написана К. Марксом.

Напечатана в качестве передовой

в «New-York Daily Tribune»

№ 5045 от 20 июня 1857 г.

Без подписи.

* ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ.

Усыпляющая скука, которая со времени окончания Восточной войны являлась характерной чертой лица Европы, в последнее время быстро сменяется оживленным и даже лихорадочно-оживленным настроением. Вот Великобритания с вырисовывающейся в будущем борьбой ее за реформу и с ее затруднениями в Индии. Правда, лондонский «Times» утверждает перед всем светом, что, не считая лиц, имеющих друзей в Индии, «английская публика в целом ожидает прибытия очередных вестей из Индии с таким же интересом, как вести о запоздавшем пароходе из Австралии или результате восстания в Мадриде». Но в тот же день тот же «Times» в своей статье о денежном рынке сбрасывает эту маску гордого равнодушия и выражает настоящие чувства Джона Булля в таких тонах:

«Депрессия на бирже, вроде нынешней, продолжающейся вопреки непрерывному росту золотого запаса в банке, вопреки видам на прекрасный урожай, является чем-то почти неслыханным. Тревога, возбуждаемая положением в Индии, отодвигает на задний план все прочие соображения, и если бы завтра были получены какие-либо серьезные известия, то они весьма вероятно вызвали бы панику».

Было бы бесполезно строить предположения о ходе событий в Индии именно теперь, когда с каждой почтой можно ожидать достоверных известий. Однако совершенно очевидно, что в случае серьезного революционного взрыва на европейском континенте Англия, у которой все войска и корабли отвлечены целиком китайской войной и индийским восстанием, не смогла бы снова занять ту же надменную позицию, которую она занимала в 1848 и 1849 годах. С другой стороны, она не может позволить себе стоять в стороне, так как Восточная война и союз с Наполеоном еще недавно приковали ее к континентальной политике и в то же время полное разложение ее традиционных политических партий и обостряющееся противоречие между ее производительными классами, более, чем когда-либо, подвергают ее социальную структуру спазмодическим потрясениям. В 1848 — 1849 гг., когда ее мощь, как ночной кошмар, давила европейскую революцию, Англия сначала несколько испугалась этой

революции, затем стала рассеивать свою природную скуку ее зрелищем, затем начала понемногу предавать ее, затем стала слегка кокетничать с нею и, наконец, серьезно принялась на ней наживаться. Ее промышленное благополучие, получившее довольно грубую встряску благодаря торговому кризису 1846—1847 гг., можно сказать, до известной степени обновилось благодаря революции 1848 года. Тем не менее новая революция на европейском континенте не представит для Англии ни интересного для созерцания зрелища, ни возможностей спекуляции на чужом несчастье, а окажется тяжким испытанием.

Переехав Ламанш, мы находим, что там социальная поверхность уже колыхается и вздымается под действием подземных огней. Парижские выборы представляют уже не предвестие революции, они являются скорее ее настоящим началом. Вполне в соответствии с историческим прошлым Франции Кавеньяк дает знамя и имя силзам, направленным против Бонапарта, как в свое время Одилон Барро давал их против Луи-Филиппа. Для народа Кавеньяк, как раньше Одилон Барро, является только предлогом, тогда как для буржуазии оба они воплощают серьезную идею. Имя, с которым революция начинается, никогда не стоит на ее знамени в день ее победы. В современном обществе революционные движения для того, чтобы иметь успех, должны вначале заимствовать свое знамя от тех элементов народа, которые, хотя и оппозиционно настроены против существующего правительства, однако находятся в полном согласии с существующим обществом. Другими словами, революции должны получать входной билет на официальную сцену от самих же правящих классов.

Парижские выборы, равно как аресты и преследования, ныне происходящие там, можно понять в их настоящем свете только в связи с состоянием парижской биржи, смятения которой предшествовали предвыборной агитации и пережили ее. Даже в течение трех последних месяцев 1856 г., когда вся Европа страдала от финансового кризиса, парижская биржа не переживала такого поразительного и непрерывного обесценения всех бумаг, как в продолжение всего истекшего июня и начала июля. Кроме того, на этот раз происходил не резкий и скачкообразный процесс понижения и подъема, а, напротив, все методически шло вниз, следуя обычному закону падения только в последних стремительных прыжках. Акции общества «Crédit Mobilier», которые в начале июня стояли приблизительно на уровне 1 300 фр., 26 июня понизились до 1 162 фр., 3 июля — до 1 095 фр., 4 июля — до 975 фр. и, наконец, 7 июля — до 890 франков. Акции Французского банка, которые в начале июня котировались

выше 4 000 фр., к 26 июня, несмотря на дарованные банку новые монополии и привилегии, упали до 3 065 фр., к 3 июля — до 2 890 фр. и к 9-му они стоили не более 2 900 франков. Трехпроцентная рента, акции главных железных дорог, как то: Северных, Лионских, Средиземноморских, линий «Большого объединения», и акции всех прочих компаний также соответственно покатались вниз.

Новый банковский закон, обнажая отчаянное положение бонапартовского казначейства, в то же время поколебал общественное доверие к самой администрации банка. Последний отчет «Crédit Mobilier», разоблачив природную пустоту этого учреждения и огромные интересы, с которыми он связан, в то же время осведомил публику, что между его директорами и императором происходит борьба и что готовится какой-то финансовый переворот. В действительности для того, чтобы выполнить наиболее срочные обязательства, «Crédit Mobilier» был вынужден выбросить на рынок принадлежащие ему ценности на сумму около 20 миллионов. В то же время, с целью оплатить дивиденды и получить средства для продолжения предпринятых работ или для того, чтобы приступить к ним, железнодорожные и другие акционерные компании тоже были вынуждены продавать свои ценности, истребовать дальнейшие взносы в оплату своих прежних акций или добыть капиталы выпуском новых акций. Отсюда затяжная депрессия на французской бирже, которая отнюдь не является результатом чисто случайных обстоятельств, а будет повторяться в более острых формах при каждом последующем платежном сроке.

О тревожном характере нынешней болезни можно судить по тому факту, что великий финансовый знахарь второй империи Эмиль Перейра выступил с докладом на имя Луи Наполеона, где он приводит цитату из речи, произнесенной последним в 1850 г. перед Генеральным советом земледелия и торговли: «Доверие — не будем забывать этого — есть психологическая сторона материальных интересов, дух, оживляющий тело, оно, вызывая чувство уверенности, десятикратно увеличивает ценность всего, что производится». Г-н Перейра продолжает затем объяснять с помощью уже известных читателю приемов уменьшение ценностей страны на 980 000 000 фр. в течение последних 5 месяцев. Он заканчивает свои сетования такими роковыми словами: «Бюджет страха почти равен бюджету Франции». Если, как утверждает Перейра, к тем 200 000 000 долл., платимым Францией в виде налогов для поддержания империи, она сверх того должна еще платить столько же из за страха лишиться ее, то дни этого столь дорого стоящего учреждения, принятого в свое время с единственной

целью экономить деньги, действительно сочтены. Если финансовые непорядки империи вызвали ее политические затруднения, то последние, в свою очередь, непременно будут оказывать обратное воздействие на первые. Именно в силу такого состояния Французской империи недавние взрывы в Испании и Италии, равно как и предстоящие осложнения в Скандинавии, приобретают свое настоящее значение.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в качестве передовой
в «New-York Daily Tribune»
№ 5075 от 27 июля 1857 г.*

Без подписи.

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ АВСТРИИ.

В одной из предшествующих статей мы проследили географические условия, которые вызвали возрождение адриатической торговли в Триесте. Развитие этой торговли в значительной степени является результатом усилий Австрийского Ллойда, — компании, основанной англичанами, но с 1836 г. находящейся в руках триестских капиталистов. Первоначально Ллойд имел всего лишь один пароход, раз в неделю совершавший рейс между Триестом и Венецией. Вскоре это сообщение стало ежедневным. Постепенно пароходы Ллойда завладели на истрийском и далматском берегах торговлей Ровиньо, Фиуме, Пирано, Зары и Рагузы. Вслед за этим в эту торговлю была вовлечена Романья, затем последовали Албания, Эпир и Греция. Не успели пароходы выйти за пределы Адриатики, как Архипелаг, Салоника, Смирна, Бейрут, Птолемаида (Акра) и Александрия уже стали добиваться включения их в сеть, раскинутую Ллойдом. Наконец, его суда проникли в Черное море и под носом у Турции и России завладели линиями сообщений, связывающими Константинополь с Синопом, Трапезундом, Варной, Брайловым и Галацом. Таким образом, компания, организованная всего лишь для обслуживания адриатических берегов Австрии, постепенно продвинулась в Средиземное море и, обеспечив за собою Черное море, повидимому, только и дожидается прорытия Суецкого перешейка, чтобы пуститься в Красное море и Индийский океан.

Первоначальный капитал Ллойда определялся в 1 000 000 флоринов, однако последовательными эмиссиями новых акций и займов был увеличен до 13 000 000 флоринов. Его развитие и операции с 1836 г. в последнем отчете директоров представлены в следующем виде:

	1836/37 г.	1833/34 г.
Капитал	1 000 000 фл.	5 000 000 фл.
Число пароходов . . .	7 .	47 »
Лошадиных сил	630 »	7 990 »
Тоннаж	1 944 »	23 665 »
Стоимость судов	798 824 »	8 610 000 »
Число рейсов	87 »	1 465 »

	1836/37 г.	1853/54 г.
Покрыто миль	43 652 фл.	776 415 фл.
Число пассажиров	7 967 »	331 688 »
Слитков драгоценных металлов . . .	3 934 269 »	59 523 125 »
Письма и казенные отправления . .	35 205 »	748 930 »
Пакеты	5 752 »	565 508 »
Общие расходы	232 267 »	3 611 158 »
За 17 лет сумма расходов компании (включая выплату дивидендов) составила		25 147 403 »
А сумма доходов		26 632 452 »
Откуда получается резервов . .		385 049 фл.

Лloyd, будучи важным торговым предприятием, как можно судить из вышеприведенной таблицы, оказал огромные услуги росту промышленности и торговли повсюду, куда проникали его суда. По подсчетам, расценивая австрийский квинтал груза в 300 флоринов, а багаж каждого пассажира в 10 флоринов, Lloyd между 1836 и 1853 г. сделал перевозок:

В товарах	на 1 255 219 200 фл.
» багаже	» 84 847 930 »
» монете и слитках	» 461 113 767 »
Итого	на 1 801 180 897 фл.

«Нет сомнения, — говорит один французский автор, — что скромное, но неослабное влияние этой купеческой компании на положение дел на Ближнем Востоке в течение многих лет было, по меньшей мере, столь же плодотворно и гораздо более почтенно, чем влияние австрийской дипломатии».

Оживление торговли и развитие пароходства в Адриатическом море рано или поздно вызовет к жизни адриатический флот, исчезнувший со времени упадка Венеции. Наполеон, по свойственному ему складу ума, думал создать такой флот, не дожидаясь восстановления морской торговли, и сделал в этом смысле опыт одновременно в Антверпене и Венеции. Так как ему удавалось создавать армии без народа как ее опоры, то он не сомневался в своей способности создавать военный флот без торгового флота как базы. Но помимо того, что это и по существу невыполнимо, Наполеон наткнулся на совершенно непредвиденные трудности местного характера. После того как в Венецию были отправлены его самые искусные инженеры, как были расширены укрепления этого города, отремонтирован плывучий материал, восстановлена прежняя деятельность кораблестроительных верфей, вдруг обнаружилось, что технический прогресс в морской войне и мореплавании в такой же мере сделал гавань в

Венеции негодной, в какой новые торговые пути обрекли на бесплодие ее торговлю и судоходство. Выяснилось, что, как бы ни была удобна гавань Венеции для старинных галер, ей нехватало нужной глубины для современных линейных кораблей и что даже фрегаты могли входить в порт лишь после предварительной выгрузки своих пушек и то лишь с помощью южного ветра и прилива. Но от современных морских портов в качестве существенного условия требуется, чтобы доступ к ним был открыт судам во всякое время и чтобы они были достаточно глубоки и просторны для размещения целого флота как при атаке, так и при обороне. Бонапарт, кроме того, убедился, что он совершил еще один промах. Договорами в Кампоформио и Люневилле он отрезал Венецию от восточных берегов Адриатического моря и тем лишил ее людского материала для снабжения экипажем ее флота. На пространстве от устья Изонцо до Равенны он тщетно искал мореходного населения, так как венецианские гондольеры и рыбаки лагун (робкое и малочисленное племя) были совершенно неспособны дать ценную матросскую силу. Лишь теперь Наполеон увидел то, что венецианцы открыли еще в X веке, а именно, что господство в Адриатике может принадлежать только тому, кто владеет ее восточными берегами. Он понял, что договоры в Кампоформио и Люневилле были колоссальной ошибкой потому, что они отдали Австрии прибрежное население Адриатики, а за ним самим оставили лишь имя захудалой гавани (*magni nominis umbram*) (тень великого имени). Чтобы исправить свои прежние промахи, он последующими договорами в Пресбурге и Вене присвоил себе Истрию и Далмацию.

Давным-давно еще Страбон отметил, что в то время как итальянский берег Адриатики совершенно лишен бухт и гаваней, противоположный, иллирийский берег изобилует превосходными портами; действительно, во время гражданской войны в Риме мы видим, что Помпей легко формирует крупные флоты по берегам Эпира и Иллирии, между тем как на итальянском берегу Цезарь только после беспримерных усилий мог собрать небольшое количество судов, чтобы по частям переправить свои войска. Глубоко изрезанный морем, усеянный дикими скалистыми островками и песчаными отмелями, богатый удивительными гаванями для укрытия от непогоды, берег Истрии и Далмации представляет из себя первоклассный питомник превосходных моряков с крепкими мускулами и отважным духом, закаленных бурями, почти ежедневно бушующими на Адриатике. *Bora* (северный ветер), мощный возмутитель этого моря, поднимается всегда внезапно; он бросается на моряков со всей силой урагана и только самым закаленным из них удается устоять против

него. Иногда он свирепствует неделями без перерыва, и область его величайшей ярости лежит как раз между устьем Каттаро и южной оконечностью Истрии. Но далматинец, привыкший с детства бороться с ним, только закаляется под его грозным дыханием и презирает обыденные бури других морей. Таким образом, воздух, суша и море сочетались вместе, чтобы произвести на свет племя крепких и выдержанных моряков этого побережья.

Сисмонди заметил, что тканье шелка столь же свойственно крестьянам Ломбардии, как его прядение — шелковому червю. Точно так же пускаться в море столь же свойственно далматинцу, как и морской птице. Пиратство в такой же мере служит темой их народных песен, как сухопутный разбой является темой древней тевтонской поэзии. Поньше далматинец с любовью хранит память о диких подвигах ускоков, которые в течение полутора столетий держали под ударом регулярные силы Венеции и Турции и деятельность которых была прекращена только договором, заключенным между Турцией и Австрией в 1617 г., вплоть до которого ускоки пользовались приятным покровительством императора. История усконов имеет нечто подобное себе только в истории днепровских казаков: первые были изгнанниками Турции, вторые — Польши, одни наводили ужас в Адриатике, другие — в Черном море; первые сначала пользовались тайной поддержкой Австрии, которая затем их уничтожила, для вторых ту же роль сыграла Россия. Далматские моряки средиземноморской эскадры адмирала Эмериана вызывали восхищение Наполеона. Поэтому не может быть сомнения, что восточные берега Адриатики обладают всем необходимым людским материалом для первоклассного флота. Этим людям нехватает лишь одного — дисциплины. На основании переписи 1813 г. Наполеон установил, что на этом берегу имеется 43 500 моряков.

В Триесте . . .	12 000	В Спалетто . . .	5 000
» Фиуме	6 000	» Рагузе	8 500
» Заре	9 500	» Каттаро	2 500

Итого . . . 43 500

В настоящее же время их число должно быть не менее 55 000.

После того как были найдены люди, Наполеон стал искать для адриатического флота гавани. Иллирийские провинции были приобретены им окончательно по Венскому договору 1809 г., но они были заняты французскими войсками еще с самого Аустерлица, и Наполеон воспользовался состоянием войны для того, чтобы произвести подготовительные работы для грандиозных сооружений, которые он

имел в виду выполнить в мирное время. В 1806 г. Ботан-Бопрэ при содействии нескольких инженеров и гидрографов французского флота был отправлен для изучения берегов Истрии и Далмации, с целью открытия самого подходящего центра для проектируемой в Адриатике морской базы. Был обследован весь берег, и внимание инженеров, в конце концов, остановилось на гавани Пола, расположенной на южной оконечности Истрийского полуострова. Венецианцы, стремясь держать свои морские силы только в самой Венеции, не только запустили Полу, но и старательно распространяли слух, будто она недоступна для военных судов по причине якобы находящейся там отмели. Однако Бопрэ удостоверился, что никакой отмели там не было и что Пола соответствовала всем необходимым условиям современного морского порта. В различные времена она служила местопребыванием морских сил Адриатики. Она была центром морских операций римлян во время их экспедиций в Иллирию и Паннонию и сделалась постоянной стоянкой флота Римской империи. В различные времена она была занята генуэзцами, венецианцами и, наконец, ускоками. Глубокая и просторная во всех своих частях гавань Пола спереди защищена островами, а с тыла — скалами, господствующими над всей позицией. Ее единственным минусом является нездоровый климат и лихорадка, которые, однако, как утверждает Ботан-Бопрэ, исчезнут при системе осушительных каналов, донныне еще не знакомой этим местам.

Австрийцы лишь очень медленно осваивались с мыслью стать морской державой. До самого последнего времени, в их собственных глазах, их морское управление составляло лишь отдел военного ведомства. Полковник в армии имел ранг флотского капитана, подполковник — ранг капитана фрегата, майор — капитана корвета; и соответствие в ранговом списке казалось австрийцам ручательством реального соответствия между военной и морской службами. Они считали, что нашли наилучший способ создать мичмана, сделав его предварительно гусарским корнетом. Рекруты для флота набирались тем же способом, что и рекруты для армии, с единственным исключением, что провинции Истрия и Далмация были предназначены всецело для морской службы. Срок службы был тоже одинаков: восемь лет как на суше, так и на море.

Разграничение обоих видов службы, как и весь современный прогресс Австрии, является результатом революции 1848 года. Вопреки тому, что было создано Наполеоном, Венеция до 1848 г. оставалась единственным арсеналом Австрии. Недостатки венецианской гавани не сознавались австрийцами, ибо фактически они не имели

современного флота. Все их морские силы состояли из 6 фрегатов, 5 корветов, 7 бригов, 6 шлюпок, 16 пароходов и 36 вооруженных лодок — всего с 850 пушками. В виде наказания итальянцев за революцию австрийцы перенесли морскую школу, обсерваторию, гидрографическое ведомство, суда и артиллерийский парк из Венеции в Триест. Верфи и склады остались на старом месте, и таким образом, по милости бюрократической мести, морское ведомство оказалось рассеянным надвое. Вместо того, чтобы наказать Венецию, обе части были лишены боеспособности. Лишь постепенно австрийское правительство нашло, что Триест, при всех своих прекрасных качествах торговой гавани, не годится для стоянки военного флота. В конце концов, ему ничего другого не осталось, как использовать урок, преподанный в Адриатике Наполеоном, и оно сделало Полу центром своего морского управления. И что вполне в духе австрийской практики, первые несколько лет после перенесения адмиралтейства в Полу были потрачены не на постройку верфей, а на постройку казарм. Система защиты основана на том, чтобы создать перекрестный огонь с островов у входа в гавань вместе с цепью максимилиановых башен, которые должны помешать неприятельским судам бросать бомбы во внутрь гавани. Помимо своих стратегических преимуществ Пола обладает необходимыми условиями хорошего порта, так как она в состоянии снабжать материалом крепкий флот. В Истрии имеются дубы, по качеству не уступающие неаполитанским; Карниола, Каринтия и Штирия имеют неистощимые запасы сосны, которая уже составляет главный предмет вывоза из Триеста; Штирия богата железом; для анконской пеньки нет более удобного порта вывоза, чем Пола; уголь до сих пор получался из Англии, но далматские копи в Себенико начинают давать уголь лучшего качества, и когда откроется Венско-Триестская железная дорога, то уголь самого высшего сорта можно будет получать из Земмеринга. Все продукты Истрии, растая на меловой почве, могут выдержать долгую перевозку. Растительное масло имеется в изобилии, венгерский зерновой хлеб под боком, а свинину в огромном количестве можно получать из долины Дуная. Эта свинина в настоящее время идет в Галац и Гамбург, но железная дорога будет доставлять ее в Триест и Полу.

Всем этим великолепным предпосылкам для возрождения флота в Адриатике противостоит лишь одно препятствие: это — сама Австрия. Если бы при своей нынешней организации и с своим нынешним правительством Австрия была способна основать торговое и морское могущество в Адриатике, то она опрокинула бы все исторические традиции, согласно которым морское величие всегда сочеталось с свобо-

дой. С другой стороны, опрокинуть традиции значило бы опрокинуть самое Австрию.

Написана К. Марксом.

Напечатана в качестве передовой

в «New-York Daily Tribune»

№ 5082 от 4 августа 1857 г.

Без подписи.

ФРАНЦУЗСКИЙ «CRÉDIT MOBILIER».

Как мы и предвидели несколько месяцев назад, анализируя цветистый отчет «Crédit Mobilier» за 1856 г., «Crédit Mobilier» снова покатился вниз; на сей раз это падение возбуждает в умах денежных людей Европы значительную тревогу. В течение всего нескольких дней акции Общества упали с 950 фр. приблизительно до 850 фр., причем эта последняя цифра далеко еще не является низшим пределом, до которого, повидимому, дойдет это падение. Явления подъема и убыли первобытных вод представляют не больше интереса для геолога, нежели явления подъема и понижения акций «Crédit Mobilier» для политика. В этих колебаниях следует различать отдельные периоды. Первый выпуск акций в 1852 г. был организован очень ловко. Акции были разделены на три серии, причем владельцы первой серии получили право на приобретение акций второй и третьей серий по паритету. В результате счастливые обладатели первой серии получили всю выгоду от ограниченного выпуска акций на крайне возбужденном рынке, а также от преувеличенных надежд на то, что бумаги Общества будут вскоре котироваться с крупной премией. При 250 фр., уплаченных за акцию первого выпуска, рыночная цена акций сразу поднялась до 1 775 франков. Их колебания в течение 1852, 1853 и 1854 гг. представляют второстепенный политический интерес, ибо они обозначают скорее различные фазы, через которые должно было пройти только что образовавшееся дело, нежели испытания уже вполне сложившегося предприятия. В 1855 г. «Crédit Mobilier» достиг своего апогея, и, доходя на миг до цифры 1 900 фр., цена его акций отметила наибольшее расстояние его от обычного уровня делового мира. С этих пор при ближайшем рассмотрении колебания в цене акций «Crédit Mobilier», беря средние промежутки времени приблизительно в 4 месяца, показывают постепенное снижение, подчинявшееся, несмотря на случайные отклонения, определенному и неуклонному закону. Этот закон заключается в том, что от высшей точки, достигнутой в каждом из этих периодов, цены снижаются до низшей точки, которая, в свою очередь, становится высшим отпра-

ным пунктом для следующего периода. Так, цифры в 1 400 фр., 1 300 фр., 1 100 фр. последовательно означают низшую точку одного периода и высшую точку другого. В течение всего этого лета акциям не могли уже больше подняться до высоты 1 000 фр. на какой-либо длительный срок, и если нынешний кризис не приведет к еще худшим последствиям, то он снизит высшую цену акций приблизительно до 800 фр., чтобы с этой точки спустить ее через некоторое время на еще более низкий уровень. Конечно, этот процесс не может продолжаться до бесконечности, да и сам устав «Crédit Mobilier» не позволит его акциям снизиться до их нарицательной цены в 500 франков. Огромная диспропорция между капиталом и операциями, вытекающее отсюда получение необычайных прибылей и, как следствие этого, необычайная высота рыночной цены его акций сравнительно с их первоначальной ценой — все это представляет для «Crédit Mobilier» условия не процветания, а самого его существования. Нам нет надобности останавливаться на этом пункте, поскольку мы достаточно осветили его, когда рассматривали сокращение его прибылей с 40% в 1855 г. до 23% в 1856 году.

Нынешнее обесценение акций «Crédit Mobilier» связано с обстоятельствами, которые по недоразумению можно принять за причины, тогда как они на деле являются следствием. Один из самых «почтенных» директоров «Crédit Mobilier» А. Тюрнейсен был объявлен банкротом в результате того, что суд признал его ответственным за долг в 15 000 000 фр., лежащий на его племяннике Шарле Тюрнейсене, который обманным образом сбежал из Франции в мае этого года. То, что банкротство отдельного директора никоим образом не объясняет нынешнего состояния дел «Crédit Mobilier», должно быть ясно для всякого, кто вспомнит, что банкротство Пласа благополучно прошло, не поколебав сколько-нибудь ощутительно твердыни бонапартовских дельцов. Однако общественное мнение способно скорее поддаться впечатлению от внезапного паденья отдельного лица, чем подметить медленный упадок какого-нибудь учреждения. Паника охватывает массы лишь тогда, когда опасность принимает материальные и осязательные формы. Например, акции и банкноты Лоу продолжали внушать Франции доверие, граничившее с суеверием, и это в то время, когда регент и его советники довольствовались обесценением металлической монеты, которую должны были представлять банкноты. Публика не понимала, что когда монетный двор чеканил из одной марки¹ серебра вдвое больше первоначального количества ливров,

¹ Марка — вес серебра в 8 унций. *Ред.*

то банкноты, представлявшие данную сумму серебряных ливров, обесценивались наполовину. Но в тот момент, когда по приказу королевского совета сами банкноты были обесценены в своем официальном достоинстве и банкнота в 100 ливров подлежала обмену на банкноту в 50 ливров, то процесс сразу стал ясен публике, и пузырь лопнул. Таким же образом и падение прибылей «Crédit Mobilier» почти на 50% ни на минуту не привлекло внимания даже английских авторов финансовых статей, меж тем как сейчас вся европейская пресса шумит и беспокоится по поводу банкротства Тюрнейсена. Правда, это событие сопровождается отягчающими обстоятельствами. Когда в мае Шарль Тюрнейсен оказался несостоятельным, то Исаак Перейра, с обычным для него нравственным возмущением, выступил в лондонской печати, торжественно отрицая какую бы то ни было связь между А. Тюрнейсеном и «Crédit Mobilier», с одной стороны, и презренным банкротом Шарлем Тюрнейсеном — с другой. Но состоявшееся ныне постановление французского суда решительно опровергло заявление этого велеречивого господина.

Кроме того, сам «Crédit Mobilier», повидимому, охвачен паникой. Один из его директоров, Эрнест Андре, почел нужным публично снять с себя всякую ответственность на будущее время и с помощью законной процедуры порвать всякие связи с этим учреждением. Другие, — как говорят, и банкирский дом Оттингер, в том числе, тоже бьют отбой. Когда сами кормчие спешат к спасательным лодкам, то пассажиры имеют все основания считать, что корабль осужден на гибель. Наконец, тесная связь Тюрнейсена с петербургским банкирским домом Штиглица и большими проектами русских железных дорог должна дать денежным людям Европы обильную пищу для размышлений.

Если директора «Crédit Mobilier» пошли на то, чтобы «создать кредит во Франции», «способствовать производительным силам нации» и поддержать биржевую игру во всем мире, то было бы колоссальной ошибкой думать, что все это они делали безвозмездно. Сверх дохода — приблизительно 25% годовых, в среднем, на капитал, представляемый их акциями, — они в течение первых 5 лет существования этого учреждения регулярно получали еще премию в 5% с валовой прибыли — примерно 275 000 фр., или 50 000 долларов, каждый. Далее, те железнодорожные компании и прочие общественные предприятия, которые особенно пользовались покровительством Общества, постоянно находились в той или иной тесной связи с личными делами директоров. Так, всем было известно, что Перейры были в широкой степени заинтересованы в новых ак-

циях французских Южных железных дорог. Теперь же, просматривая опубликованные отчеты, мы находим, что Общество, как целое, подписалось на акции этих самых железных дорог на сумму не менее 623 000 000 франков. Однако эти пятнадцать директоров не только обычно вели операции Общества сообразно своим частным интересам, но свои частные спекуляции могли сообразовать с теми замышлявшимися Обществом крупными *coups de bourse* [удачных биржевых спекуляций], которые заблаговременно им были известны, и, наконец, они могли расширять свой собственный кредит пропорционально тем колоссальным суммам, которые официально проходили через их руки. Отсюда — прямо чудесное по своей быстроте обогащение этих директоров; отсюда нервная тревога европейской публики, вызываемая финансовыми превратностями, происходящими в их среде; отсюда, наконец, тесная связь между личными состояниями директоров и общественным кредитом Общества. Впрочем, некоторые из этих состояний обеспечены своими обладателями так хорошо, что они наверное переживут кредит Общества.

Написана К. Марксом.

Напечатана в качестве передовой

в «New-York Daily Tribune»

№ 5128 от 26 сентября 1857 г.

Без подписи.

ПОТРЯСЕНИЯ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛИ.

В потрясениях, переживаемых английской торговлей, на всем огромном протяжении их развития можно различить три особые формы: угнетенное состояние денежного и товарного рынков Лондона и Ливерпуля, банковскую панику в Шотландии и промышленный крах в фабричных районах. Относящиеся сюда факты были подробно изложены на страницах нашей газеты в пятницу в форме многочисленных выдержек из британских газет, но их важное значение и будущие последствия требуют от нас дальнейшего рассмотрения.

Как мы предвидели это в одной из предшествующих статей, правительство, хотя было в конце концов вынуждено приостановить акт об Английском банке 1844 г., все же оно сделало это лишь после того, как банк в своей попытке спастись храбро утопил целые массы собственных клиентов. Но, наконец, вечером 11 ноября заправила банка устроили военный совет, результатом которого было обращение к правительству за помощью; в ответ последовало приостановление упомянутого акта. Это распоряжение министерства будет немедленно предложено на одобрение парламента, который должен собраться в конце месяца. Как мы указывали раньше, приостановка акта должна принести сравнительное облегчение. Она устранит искусственную напряженность, которую акт прибавляет к естественной напряженности денежного рынка в моменты торговых кризисов. Эта точка зрения подтверждается данными, привезенными на пароходе «Фультон» и сообщенными по телеграфу на столбцах нашей газеты нынешним утром.

В течение нынешнего кризиса банк пять раз повышал свои учетные ставки в тщетной надежде остановить стремительность потока, который все смыл перед собой. 8 октября ставка была повышена до 6%, 12-го — до 7%, 22-го — до 8%, 5 ноября — до 9% и 9-го — до 10%. Быстрота этого движения представляет замечательный контраст по сравнению с движением, сопровождавшим кризис 1847 года. В то время минимальная учетная ставка была повышена до 5% в апреле, до 5½% в июле и до 8%, т. е. до высшей точки, 23 октября. После этого она упала до 7% 20 ноября, до 6% — 4 декабря и до 5% — 25 декабря.

Пять следующих лет образуют период непрерывного понижения учетной ставки, как если бы оно совершалось по скользящей шкале. 26 июня 1852 г. понижение достигло низшей точки — 2%. Следующие пять лет, от 1852 до 1857 г., дают обратное движение. 8 января 1853 г. ставка составляла $2\frac{1}{2}\%$, 1 октября 1853 г. она составляла уже 5%; с этого момента, пройдя множество последовательных изменений, она достигла, наконец, своего нынешнего уровня. До сих пор колебания ставки учетного процента в течение истекших 10 лет представляли лишь явления, обычно присущие периодическим фазам современной торговли. Коротко говоря, эти фазы представляют крайнее сужение кредита в годы паники с последующим затем постепенным расширением, которое достигает своего максимума, когда ставка учетного процента падает до низшей точки; тогда снова начинается обратное движение, т. е. постепенное суживание, которое достигает высшей точки, когда процент поднимается до максимума, и снова наступает панический год. Все же, при более пристальном рассмотрении, во второй половине нынешнего периода мы найдем несколько явлений, которые значительно отличают его от предшествующих периодов. В годы процветания, от 1844 до 1847, учетная ставка в Лондоне колебалась от 3 до 4%, так что это время представляло период сравнительно дешевого кредита. Когда учетная ставка достигла 5%, что случилось 10 апреля 1847 г., то кризис уже начался, и его всеобщий взрыв был только отсрочен на несколько месяцев с помощью ряда стратегических маневров. С другой стороны, процентная ставка, которая 6 мая 1854 г. уже достигла $5\frac{1}{2}\%$, снова спустилась последовательно до 5%, $4\frac{1}{2}\%$, 4% и $3\frac{1}{2}\%$; на последней цифре она остановилась и продолжала стоять от 16 июня до 9 сентября 1855 года. Затем она снова пошла в обратном направлении через такие же изменения, возрастая до 4%, $4\frac{1}{2}\%$, 5%, пока в октябре 1855 г. не достигла того самого пункта, от которого отправилась в мае 1854 г., а именно $5\frac{1}{2}\%$. Спустя две недели, 20 октября 1855 г., она поднялась до 6% для краткосрочных векселей и до 7% — для долгосрочных. Но затем снова началась реакция. В течение 1856 г. она шла вниз и вверх, пока в октябре этого года не достигла снова 6 и 7%, т. е. той точки, от которой отправилась в октябре предыдущего года. 15 ноября 1856 г. она поднялась до 7%, но с неправильными и часто прерываемыми колебаниями дальнейшего понижающего движения, которое 3 месяца держало ее на уровне $5\frac{1}{2}\%$. Первоначальной высоты 7% она достигла только 12 октября нынешнего года, когда американский кризис начал оказывать влияние на Англию. С этого момента быстрое и неуклонное движение учетной

ставки к повышению в конце концов привело почти до полного прекращения учета.

Все это означает, что в течение второй половины периода от 1848 до 1857 г. колебания процентной ставки усиливались в более частые промежутки, а между октябрем 1855 г. и октябрем 1857 г. протекло 2 года дороговизны денег, когда учетная ставка колебалась между $5\frac{1}{2}$ и 7%. В то же время, наряду с этой высокой ставкой учетного процента, производство и обмен неослабно шли вперед таким темпом, о каком до тех пор не имели и понятия. С одной стороны, эти исключительные явления можно отнести за счет своевременного притока золота из Австралии и Соединенных Штатов, что позволяло Английскому банку от времени до времени смягчать свои жесткие условия; с другой стороны, было очевидным, что кризис должен был наступить уже в октябре 1855 г., что он был отсрочен рядом временных уловок и что вследствие этого его конечный взрыв и по интенсивности симптомов, и по степени заразительности, должен превзойти все кризисы, когда-либо бывшие раньше. Любопытный факт периодического возвращения учетной ставки к 7%, наблюдавшийся 20 октября 1855 г., 4 октября 1856 г. и 12 октября 1857 г., мог бы служить довольно убийственным доказательством в пользу высказанного только что положения, если бы мы, кроме того, не знали, что в 1854 г. Англия уже получила предостережение в виде постигшего ее краха и что на европейском континенте все проявления паники повторились уже в октябре 1855 и 1856 годов. В целом, однако, оставляя в стороне эти приводящие обстоятельства, период от 1848 по 1857 г. представляет поразительное сходство с периодами от 1826 по 1836 и от 1837 по 1847 годы.

Правда, нам говорили, что вместе с британской свободной торговлей все это переменится; но если что другое и остается недоказанным, то уж во всяком случае одно ясно, что фритредерские лекари не более как шарлатаны. Как это было и в прежние периоды, ряд хороших урожаев последовал за рядом плохих. Вопреки панацеям свободной торговли в Англии, средняя цена на пшеницу и все прочие сырые продукты стояла даже выше от 1853 по 1857 г., чем от 1820 по 1853 г.; еще замечательнее, что в то время как промышленность, вопреки высоким ценам на хлеб, получила невиданный размах, в настоящее время, словно для того, чтобы исключить возможность софизмов, она испытала неслыханный крах при наличии обильного урожая.

Наши читатели, конечно, поймут, что эта десятипроцентная учетная ставка Английского банка чисто номинальная и что процент,

действительно уплачиваемый первоклассными векселями в Лондоне, значительно превосходит эту цифру.

«Ставки, которые взимаются на вольном рынке, -- говорит «Daily News», — значительно выше ставок банка».

«Английский банк, — говорит «Morning Chronicle», — не производит учета по 10%, кроме как в очень редких случаях, которые являются исключением, а не правилом; проценты, взимаемые на вольном рынке, уж вовсе не соответствуют официальным ценам».

«Невозможность получить деньги на каких бы то ни было условиях под первоклассные и второклассные векселя, — говорит «Morning Herald», — уже причинила массу бед».

«В результате всего этого, — говорит «Globe», — дела заходят в тупик; бывают крахи таких фирм, у которых актив превосходит пассив; происходит какая-то всеобщая революция в торговле».

Благодаря этому давлению на денежный рынок и наплыву американских сельскохозяйственных продуктов все товары на продукто-вом рынке упали в цене. В течение немногих недель хлопок упал в Ливерпуле на 20—25%, сахар — на 25%, зерновой хлеб — на 25%, а за ним последовали также и кофе, селитра, сало, кожи и пр.

«Почти невозможно учесть векселя и получить авансы под продукты», — говорит «Morning Post».

«В Минсинг-Лейне¹, — говорит «Standard», — торговля совершенно выворочена наизнанку. Нет более возможности продавать товары иначе, как за товары же; об уплате деньгами не может быть и речи».

Но все эти бедствия не поставили бы Английский банк так скоро на колени, если бы не произошла банковская паника в Шотландии. В Глазго за крахом Западного банка последовал крах Городского банка, в свою очередь вызвавший всеобщий набег вкладчиков из буржуазии и держателей банкнот из трудовых классов и в конце концов приведший к беспорядкам, принудившим глазговского городского голову прибегнуть к помощи штыков. Городской банк в Глазго, который имел честь состоять под управлением столь высокого персонажа, как герцог Аргайль, обладает полностью оплаченным капиталом в 1 млн. ф. ст., запасным капиталом в 90 595 ф. ст. и девяно-ста шестью отделениями, рассеянными по всей стране. Его авторизованные эмиссии составляли 72 921 ф. ст., эмиссии Западного шотландского банка—225 292 ф. ст., что вместе составляло 298 213 ф. ст., или около одной десятой всего узаконенного денежного обращения Шотландии. Капитал этих банков в значительной мере состоял из мелких сумм сельского населения.

Паника в Шотландии, естественно, отозвалась на Английском

¹ Продуктовая биржа в Лондоне. *Ред.*

банке; из его золотого запаса для пересылки в Шотландию были взяты 11 ноября 300 000 ф. ст., а 12 ноября — от 600 до 700 тысяч ф. стерлингов. Кроме того, были еще изъяты суммы для помощи ирландским банкам и затребованы обратно крупные вклады провинциальных английских банков, так что правление Английского банка очутилось на краю банкротства. Вероятно, общий кризис послужил двум выше-названным шотландским банкам только поводом для того, чтобы приличным образом сойти со сцены, ибо они уже давно сгнили до самой сердцевины. Все же остается фактом, что хваленая шотландская банковская система, выдержавшая ураганы, которые смели английские и ирландские банки в 1825—1826 г., в 1836—1837 г. и в 1847 г., впервые с тех пор, как действует закон Пилля об Английском банке, навязанный Шотландии в 1845 г., испытала массовую утечку вкладов; впервые в шотландских банках раздался крик: «золото вместо бумаги!» и впервые в Эдинбурге отказывали в обмене на золото даже банкнотам Английского банка. Теперь идея защитников закона Пилля, которые думали, что, если он и не сможет предотвращать денежные кризисы вообще, то может, по крайней мере, обеспечить размен находящихся в обращении банкнот, — эта идея теперь обанкротилась; держатели банкнот разделили участь вкладчиков.

Что касается общего состояния британских промышленных округов, то его лучше всего описывают следующие две выдержки — одна из манчестерского торгового циркуляра, напечатанного в «Economist», а другая — из частного письма из Макльсфильда, напечатанного в лондонском «Free Press». Манчестерский циркуляр дает сравнительное обозрение торговли хлопком за последние пять лет и затем продолжает:

«В течение этой недели цены день за днем падали все более и более стремительно. Для многих сортов нет возможности привести цены, так как ни один из них не мог найти покупателя; даже там, где цены указаны, они определяются скорее положением или опасениями владельца, чем фактическим спросом. *Текущего спроса вообще нет.* Внутренний рынок накопил больше запасов, чем можно надеяться сбыть, судя по перспективам ближайшей зимы. (То что иностранные рынки даже перегружены товарами, об этом циркуляр, конечно, умалчивает.) Сокращенная рабочая неделя введена теперь повсюду из необходимости; она применяется в настоящее время *свыше чем одной пятой всего производства.* Исключения из этой практики с каждым днем становятся реже и в настоящее время *обсуждается вопрос о том, не лучше ли будет вовсе закрыть фабрики на некоторое время.*»

Макльсфильдский корреспондент пишет:

«По крайней мере 5 000 человек квалифицированных рабочих, включая их семьи, которые, вставши утром, не знают, чем позавтракать, обратились за

помощью к попечительству о бедных, и так как они относятся к категориям физически крепких пауперов, то они стоят перед выбором, либо итти бить камни для мостовой за 4 пенса в день, либо итти в рабочий дом, где с ними обращаются как с арестантами и где нездоровая и скудная пища подается им через отверстие в стене; что же касается разбивания камней, то для людей с руками, способными обращаться только с тончайшими материалами, напр., с шелком, такое предложение равносильно отказу в помощи».

Английские авторы видят в нынешнем кризисе, сравнительно с кризисом 1847 г., то преимущество, что он не открывает широкого поля для спекуляций, напр. железнодорожными акциями, которые поглощали бы капиталы. Но это далеко не так. На деле англичане приняли большое участие в спекуляциях за границей как на европейском континенте, так и в Америке; на родине же их избыточный капитал вложен преимущественно в фабричные предприятия, так что более чем когда-либо нынешнее потрясение носит характер промышленного кризиса и поэтому поражает самые корни национального благосостояния.

На европейском континенте зараза распространилась от Швеции до Италии в одном направлении и от Мадрида до Будапешта — в другом. Гамбургу, который является крупнейшим торговым центром как по экспорту, так и по импорту Таможенного союза и общим денежным рынком Северной Германии, пришлось, конечно, выдержать первый удар. Что касается Франции, то Французский банк взвинтил свою учетную ставку до английского уровня: декреты, запрещавшие вывоз зернового хлеба, отменены; все парижские газеты получили секретные предостережения избегать пессимизма, фирмы, торгующие золотом, застрачиваются жандармами, и сам Луи Бонапарт в несколько бахвальном письме снисходительно осведомляет своих подданных, что он не чувствует себя подготовленным для финансового *coup d'état* и что, следовательно, «зло существует только в воображении». Если не ошибаемся, то нечто подобное высказывалось и в Англии, где философы, подобные нашим коллегам из «Times» и «Independent», думали, что возможно предупредить катастрофу, стоит только народу напустить на себя веселость и трижды прокричать «ура».

Написана К. Марксом.

*Напечатана в качестве передовой
в «New-York Daily Tribune»,
№ 5183 от 30 ноября 1857 г.*

Без подписи.

К. Маркс и Ф. Энгельс
ПЕРСИЯ И КИТАЙ

* АНГЛИЯ И РОССИЯ В АФГАНИСТАНЕ.

Вопрос об обладании Гератом — афганским княжеством, занятым, только недавно персами, — дал повод англичанам, действующим от имени Ост-Индской компании, оккупировать Бушир, главный персидский порт в Персидском заливе. Нынешнее политическое значение Герата обусловлено тем, что он является стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем, р. Сыр-Дарьей на западе и севере и р. Индом на востоке вследствие чего, в случае великого столкновения Англии с Россией за преобладание в Азии, — столкновения, которое может ускорить английское вторжение в Персию, — Герат окажется главным предметом спора и вероятным театром первых крупных военных действий.

То, что Герату не без основания приписывается такое важное значение, должно быть ясно всякому, кто уяснит себе его географическое положение. Внутренняя часть Персии представляет возвышенное плато, со всех сторон окруженное горными цепями, не дающими выхода водам, стекающим в это плато. Эти воды недостаточны, чтобы образовать одно или несколько центральных озер; они либо теряются в обширных болотах, либо постепенно исчезают в сухих песках великой пустыни, занимающей большую часть персидского плато и образующей почти непроходимый барьер между Западной и Северо-Восточной Персией. Северную границу этой пустыни образуют горы Хорассана, тянущиеся от юго-восточного угла Каспийского моря почти прямо на восток и представляющие связующее звено между Эльбрусом и горами Гиндукуша, и как раз там, где эти горы выделяют от себя к югу ветвь, отгораживающую персидскую пустыню от лучше орошенных районов Афганистана, расположен Герат, окруженный довольно просторной долиной исключительного плодородия, дающей ему средства существования. К северу от гор Хорассана находится пустыня, похожая на ту, которая лежит у его южного подножия. Мощные реки, вроде Мургаба, здесь также теряются в песке. Однако Аму- и Сыр-Дарья оказываются достаточно полноводными, чтобы пробиться через эти пески, и в своем нижнем течении они образуют долины, допускающие земледелие. в широких размерах. По ту сторону Сыр-Дарьи пустыня постепенно принимает характер

степей Южной России, с которыми она в конце концов и сливается. Таким образом, мы имеем три различных местности с сравнительно развитой цивилизацией, лежащие между Каспийским морем и Британской Индией. Во-первых, города Западной Персии: Шираз, Шустер, Тегеран, Исфагань; во-вторых, афганские города: Кабул, Газни, Кандагар; в-третьих, города Туркестана: Хиву, Бухару, Балх, Самарканд. Между всеми этими местами существует значительное сообщение, и центром этого сообщения является, естественно, Герат. Дороги, ведущие от Каспийского моря к Инду и от Персидского залива к Аму-Дарье, все скрещиваются в этом городе. Между Кабулом и Тегераном, между Ширазом и Балхом Герат является станцией на полдороге. Линия оазисов, отмечающая великий караванный путь поперек персидской пустыни через Иезд и Шехустан, по прямой линии выходят на Герат; с другой стороны, единственная дорога, ведущая из Западной Азии в Восточную и Центральную в обход пустыни, лежит через Хорассанские горы и Герат.

Таким образом, Герат является местом, которое в руках сильной державы может стать командным пунктом как над Ираном и Туркестаном, так и над Персией и за-дарьинскими землями. Своему властелину он в высочайшей степени дает все преимущества центрального положения, из которого можно предпринимать по радиусам нападения во всех направлениях с гораздо большей легкостью и шансами на успех, чем из какого-либо другого города Ирана или Туркестана. В то же время трудности сообщения между любой парой таких городов, как Астрабад, Хива, Бухара, Балх, Кабул и Кандагар, столь велики, что совместное наступление на Герат, даже предпринятое из всех этих пунктов, имело бы мало шансов на успех. Колонны, наступающие на Герат, едва имели бы возможность сообщаться друг с другом, и энергичный генерал, командующий в Герате, мог бы напасть на них поодиночке и разбить одну за другой. Все же, в предполагаемом здесь случае, колонны, выступающие из Кандагара, Кабула и Балха, могли бы скорее рассчитывать на успех, чем те, которые направлялись бы из Астрабада, Хивы и Бухары, ибо наступление со стороны Афганистана шло бы с гор в равнину и по пути совершенно избегло бы пустыни, между тем как нападение со стороны Каспийского моря и Аракса давало бы возможность только одной колонне (идущей от Астрабада) избежать пустыни; всем же остальным пришлось бы идти через нее и вследствие этого потерять всякое сообщение друг с другом.

Три центра цивилизации, имеющие своим общим центром Герат, образуют три отдельные группы государств. На западе нахо-

дится Персия, которую Туркманчайский договор превратил в васала России. На востоке находятся государства Афганистана и Белуджистана, важнейшие из которых, Кабул и Кандагар, могут в настоящее время быть причислены к вассальным государствам Англо-Индийской империи. На севере находятся туркестанские ханства, Хива, Бухара — государства номинально нейтральные, которые, однако, в случае конфликта, почти наверное пойдут вместе с завоевателями. Фактическая зависимость Персии от России и Афганистана от Англии доказывается тем, что русские уже послали войска в Персию, а англичане — в Кабул.

Русские владеют всеми западными и северными побережьями Каспийского моря. Баку, в 350 милях, и Астрахань, в 750 милях от Астрабада, представляют два важных пункта для устройства военных складов и сосредоточения военных резервов. С помощью русского каспийского флота, господствующего над этим внутренним морем, необходимые припасы и подкрепления без всякого затруднения могут быть доставлены в Астрабад. Пункты на восточном берегу Каспийского моря, откуда начинаются дороги к Аральскому озеру, заняты русскими укреплениями. Далее на север и восток линия русских укреплений, обозначающая линию уральских казаков, уже в 1847 г. была продвинута вперед от реки Урала к рекам Эмбе и Улу-Тургай приблизительно на 150 или 200 миль внутрь земель, подчиненных киргизским ордам, в направлении к Аральскому озеру. С тех пор укрепления были возведены на самих берегах этого озера, по которому; как и по реке Сыр-Дарье, в настоящее время плавают русские пароходы. Ходили даже слухи о занятии русскими войсками Хивы, однако эти слухи, по меньшей мере, преждевременны.

Линия, по которой должны развиваться операции русских при всяком серьезном наступлении на Центральную или Южную Азию, указана самой природой. Сухопутный поход от Кавказа вокруг юго-западного угла Каспийского моря встретил бы значительные естественные препятствия в виде гор Северной Персии и заставил бы наступающую армию сделать свыше 1 100 миль пути, прежде чем добраться до своей главной цели, Герата. Сухопутный поход от Оренбурга на Герат проходил бы не только через пустыню, в которой погибла армия Перовского в ее экспедиции против Хивы, но и еще через столь же негостеприимные две пустыни. Расстояние от Оренбурга до Герата по прямой линии составляет 1 500 миль, а Оренбург есть ближайший пункт, который русские, в случае наступления с этой стороны, могли бы избрать в качестве своей оперативной базы. Но как русская Армения, так и Оренбург почти совсем отрезаны от

центра русской мощи, первая — Кавказом, второй — степями. Не может быть и речи о том, чтобы в одном из этих пунктов сосредоточить снаряжение и войска, необходимые для завоевания Центральной Азии. Остается только одна линия, а именно через Каспийское море, с Астраханью и Баку в качестве баз, с Астрабадом на юго-восточном берегу Каспия в качестве наблюдательного пункта и с походом на Герат всего лишь в 500 миль. Эта линия соединяет в себе все преимущества, каких может пожелать Россия. Астрахань на Волге есть то же, что Новый Орлеан на Миссисипи. Расположенная у устья величайшей русской реки, верхний бассейн которой и образует центр империи, Великороссию, Астрахань обладает всеми возможностями для переправки людей и запасов в целях организации крупной экспедиции. Под паром в четыре дня, под парусами в восемь дней можно достигнуть Астрабада на противоположном конце Каспийского моря. Сам же Каспий неоспоримо представляет русское озеро; а Астрабад, ныне предоставленный персидским шахом в распоряжение России, расположен на исходном пункте этого единственного пути с запада к Герату, который, проходя через Хорассанские горы, всюду избегает пустыни.

Русское правительство и действует сообразно этому положению. Главные части, предназначенные, в случае дальнейших осложнений, действовать против Герата, концентрируются в Астрабаде. Затем еще имеются две фланговые части, совместные действия которых с главными силами по меньшей мере проблематичны и каждая из них поэтому имеет свой собственный объект для операций. Легкая колонна, сосредоточенная в Тавризе, имеет назначение прикрывать западную границу Персии от каких-либо враждебных движений турок и, в случае надобности, итти к Хамадану и Шустеру, где она прикроет столицу, Тегеран, как от Турции, так и от английских войск, высаженных в Персидском заливе, в Бушире. Левая колонна, наступающая из Оренбурга и, весьма вероятно, предполагающая получить подкрепления, отправленные из Астрахани к западным берегам Каспийского моря, должна будет обеспечить за собой территорию вокруг Аральского моря и, двигаясь на Хиву, Бухару и Самарканд, добиться либо пассивности, либо содействия этих государств и, по возможности, движением вверх по Аму-Дарье на Балх угрожать флангу и тылу англичан у Кабула или близ Герата. Мы знаем, что все эти части уже в пути и что средняя и правая уже находятся в Астрабаде и Тавризе. О продвижении правой колонны мы в течение некоторого времени, по всей вероятности, не услышим еще ничего.

Для англичан оперативной базой является область Верхнего Инда; их склады должны быть сосредоточены в Пешавере. Оттуда они уже двинули военные части на Кабул, который отстоит от Герата по прямой линии на четыреста миль. Но в серьезной войне они должны занять помимо Кабула еще Газни и Кандагар, равно как и горные укрепления, охраняющие афганские проходы. Здесь они едва ли встретят больше трудностей, нежели русские встретили во время занятия Астрабада, ибо они формально помогают афганцам против персидского нашествия.

Поход от Кабула до Герата не представит никаких непреодолимых трудностей. Выделять какую-либо фланговую колонну не понадобится, ибо ни одна из русских фланговых колонн не сможет подойти; и если после двух-трех походов оренбургская колонна и выйдет из Бухары на Балх, то сильный резерв в Кабуле окажет ей надлежащий прием. У англичан имеется то преимущество, что их операционная линия сравнительно коротка, ибо, хотя Герат лежит как раз на полпути между Калькуттой и Москвой, английская база у слияния рек Кабула и Инда отстоит от Герата всего на 600 миль, тогда как русская база в Астрахани отстоит на целых 1 250 миль. Англичане, будучи в Кабуле, стоят на сто миль ближе к Герату, чем русские в Астрабаде, и, насколько известно, они проходят через лучше возделанные и более населенные районы, а также по лучшим дорогам, чем русские встретят в Хорассане. Что же касается до самих армий, то английская армия, несомненно, более вынослива в отношении климата. Их европейские полки, несомненно, будут вести себя с той же непоколебимой стойкостью, как их товарищи на Инкерманских высотах, а о сипайской пехоте тоже не приходится говорить с пренебрежением. Сэр Чарльз Непир, генерал и солдат с головы до ног, видел их во многих сражениях, он составил себе о них самое высокое мнение. Регулярная индийская кавалерия невысокого качества, зато иррегулярная — великолепна и под командой своих европейских офицеров решительно превосходит казаков.

Разумеется, было бы совершенно бесполезно пускаться в дальнейшие рассуждения относительно шансов такой войны. Нет никакой возможности предугадать численность войск, которые могла бы направить та или другая из сторон. Невозможно предвидеть всего того, что может произойти при наступлении важных событий, вроде тех, которые, повидимому, приближаются теперь. Можно наверное сказать только одно: так как каждая сторона должна пройти колоссальные расстояния, то армии, которым предстоит решить спор в Герате, в этом решающем пункте будут сравнительно невелики.

Многое будет также зависеть от дипломатических интриг и подкупов при дворах различных владык, группирующихся вокруг Герата. В этих делах русские почти наверное одержат верх. Их дипломатия лучше и носит более восточный характер; они умеют, когда надо, сорить деньгами, а главное — в неприятельском лагере у них есть друг. Британская экспедиция в Персидский залив представляет всего лишь диверсию, которая может отвлечь значительную часть персидской армии, но которая, в смысле непосредственных результатов, способна достичь лишь немногого. Если бы 5 000 человек, ныне находящиеся в Бушире, были даже утроены в числе, то они смогли бы, самое большее, пойти на Шираз, там они должны были бы остановиться. Однако от этой экспедиции большего и не ожидают. Если она покажет персидскому правительству, что страна уязвима с моря, то она достигнет своей цели. Было бы нелепо ожидать от нее большего. Линия, на которой судьба всего Ирана и Турана должна быть действительно решена, ведет из Астрабада в Пешавер, и на этой линии решающим пунктом является Герат,

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в качестве передовой

в «New-York Daily Tribune»

№ 4941 от 19 февраля 1857 г.

Без подписи.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРЕНИЯ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В КИТАЕ.

Лондон, 27 февраля 1857 г.

Две резолюции, осуждающие враждебные действия в Китае, одна — графа Дерби и другая — г. Кобдена, были внесены, как было заявлено заранее; первая — 24 февраля в палате лордов, а вторая — 27 февраля в палате общин. Прения в палате лордов окончились в тот самый день, когда начались прения в палате общин. Первые сильно ударили по кабинету Пальмерстона, оставив его в сравнительно слабом большинстве в 36 голосов. Прения в палате общин, возможно, окончатся его поражением. Но каков бы ни был интерес дискуссии в палате общин, прения в палате лордов уже исчерпали доводы сторон и мастерские речи лордов Дерби и Линдхерста предвосхитили красноречие г. Кобдена, сэра Е. Бульвера, лорда Джона Росселя и *tutti quanti*.

Единственный среди членов правительства юрист, лорд-канцлер, заметил, что «если у Англии не было законных оснований в инциденте с лорчей «*Argow*», то все ее действия, от начала и до конца, были неправильны». Дерби и Линдхерст бесспорно доказали, что Англия не имела за собой никакого юридического оправдания во всем этом инциденте с лорчей. Их аргументация настолько совпадает с аргументацией, приведенной в статье в «Трибуне» после первой публикации английских депеш, что я могу ограничиться тем, что передам ее здесь в очень немногих словах.

В чем заключается обвинение против китайского правительства, которым хотят оправдать кантонские зверства? Указывают на нарушение ст. 9 дополнительного договора 1843 года. Статья эта предусматривает, что китайские правонарушители, находящиеся в колонии Гонконг, или на борту британского военного корабля, или на борту британского торгового корабля, не могут быть арестованы китайскими властями, но должны быть предварительно истребованы от британского консула, который может передать их местным китайским властям. Китайские пираты были схвачены на реке Кантон на борту лорчи «*Argow*» китайскими чиновниками без

участия британского консула. Поэтому возникает вопрос, была ли «Аггю» британским судном? Как показывает Дерби, лорча представляла собою «судно, построенное китайцами, взятое в виде приза китайцами, проданное китайцам, купленное китайцами, имело команду из китайцев и принадлежало китайцу». Каким же способом это китайское судно преобразилось в британское торговое судно? Это произошло посредством покупки в Гонконге британского судового свидетельства или навигационной лицензии. Законность такого свидетельства основывается на изданном в марте 1855 г. постановлении местных гонконгских властей. Но это постановление не только нарушало договор, существующий между Англией и Китаем, но и упраздняло само английское право. Поэтому оно было недействительно. Некоторую видимость английского закона оно могло бы получить от акта о торговом мореплавании, но он был издан лишь два месяца спустя после издания гонконгского постановления. Впрочем, последнее никогда не было согласовано с юридическими статьями этого акта. Поэтому постановление, на основании которого лорча «Аггю» получила свое судовое свидетельство, было нечем иным, как простой бумажкой. Но даже согласно этому недействительному документу «Аггю» лишилась его защиты тем, что нарушила предписанные им условия и что срок ее лицензии истек. Этот пункт был признан самим сэром Баурингом. Однако, говорят, — безразлично, была ли «Аггю» английским судном или нет, но на ней был поднят английский флаг, и этот флаг был подвергнут оскорблению. Во-первых, если флаг был действительно поднят, то он был поднят незаконно. А, во-вторых, еще вопрос, был ли он поднят вообще. По этому пункту существует расхождение между английскими и китайскими показаниями. Последние, однако, были подтверждены пересланными через консулов показаниями шкипера и команды португальской лорчи № 83. Относительно этих показаний «Friend of China» от 13 ноября заявляет, что теперь «в Кантоне всем известно, что британский флаг на мачте лорчи не поднимался в течение 6 дней вплоть до ее захвата». Таким образом, вместе с законным поводом отпадает также и вопрос национальной чести.

С большим тактом лорд Дерби в своей речи совершенно воздержался от своей привычки острить и придал своей аргументации строго юридический характер. Впрочем, и без всяких стараний его речь была проникнута глубочайшей иронией. Действительно, граф Дерби, глава английской родовой аристократии, выступает против бывшего доктора, ныне сэра Джона Бауринга, любимого ученика Бентама, в защиту гуманности против профес-

сионального филантропа, отстаивает реальные интересы нации против правоверного утилитариста, настаивающего на соблюдении мелочей дипломатического этикета, взывает к формуле «Vox populi — vox Dei» [глас народа — глас божий], против формулы «наибольшая польза для наибольшего числа людей». Потомок завоевателей, лорд Дерби проповедует мир, в то время как член Общества мира проповедует каленые ядра; он клеймит действия британского флота эпитетами в роде «презренные действия» и «бесславные военные операции», в то время как Бауринг приносит поздравления этому флоту по случаю его подлого нападения, не встретившего сопротивления, за его «блестящие достижения, несравненную храбрость и прекрасное соединение военного искусства с доблестью». Этот контраст воплощал в себе язвительнейшую сатиру, — тем более язвительную, что граф Дерби, казалось, даже не сознавал ее. Он имел на своей стороне ту великую иронию истории, которая происходит не из остроумия отдельных лиц, а из смешных положений. Во всей парламентской истории Англии, пожалуй, не было примера подобной интеллектуальной победы аристократа над выскочкой.

Лорд Дерби с самого начала объявил, что «ему придется полагаться на показания и документы, исходящие исключительно от самих сторон, поведение которых он намерен критиковать», и что «свое обвинение он готов всецело построить на этих документах». Но, как было справедливо замечено, эти документы, в том виде, как они были опубликованы правительством, дают возможность последнему взвалить всю ответственность на своих подчиненных. Это настолько верно, что атаки противников правительства в парламенте были направлены исключительно против Бауринга и К^о и могли бы быть подтверждены самим правительством без ущерба для его собственного положения. Я привожу слова лорда Дерби:

«Я не хочу говорить неуважительно о д-ре Бауринге. Возможно, что он человек с большими достоинствами; но мне кажется, что в вопросе о его допущении в Кантон он форменно одержим *навязчивой идеей*. (Слушайте! слушайте! Смех.) Я уверен, что он спит и видит свое вступление в Кантон. Я уверен, что это его первая мысль поутру, последняя на сон грядущий, а, случись ему проснуться ночью, эта же мысль приходит ему в голову и среди ночи. (Смех.) Я не представляю себе, чтобы какая-нибудь жертва показалась ему слишком большой, какое-нибудь расстройство торговли слишком прискорбным и какое-нибудь кровопролитие слишком плачевным по сравнению с теми огромными выгодами, которые получились бы оттого, что он, сэр Джон Бауринг, добился бы официального приема в кантонском ямене»¹. (Смех.)

¹ Ямен — резиденция китайского мандарина. *Ред.*

Затем выступает лорд Линдхерст:

«Сэр Джон Бауринг, этот выдающийся не только филантроп, но и посланник (Смех), сам признает, что судебное свидетельство не имеет силы и что лорча не имела права поднимать английский флаг. Но, заметьте, он говорит, что «судно не находилось под нашей охраной, но китайцы этого не знают. Бога ради, не говорите им об этом».

Он даже повторил это, ибо по сути дела говорил, что мы знаем, что китайцы не были виновны в нарушении договора, но мы им этого не скажем; мы будем настаивать на репарации и на возвращении арестованных с соблюдением особой формы. К какому средству следовало бы прибегнуть, если бы люди не были возвращены по этой форме? Очень просто, захватили бы джонку, военную джонку. Если бы это не помогло, то следовало захватить больше, пока мы не принудили бы их подчиниться, хотя мы и знали, что право на их стороне, а справедливость не на нашей. (Слушайте!) Был ли когда-либо пример поведения более отвратительного, более гнусного, пример — я не скажу мошеннических, но — что одно и то же в нашей стране — более лживых предлогов, которые были выдвинуты должностным лицом, состоящим на службе британского правительства? (Слушайте!) Удивительно, как это сэр Дж. Бауринг мог думать, что он имел право объявить войну. Я могу понять, что человек в таком положении по необходимости имеет полномочия прибегнуть к самозащите, но на таком основании, под таким предлогом предпринимать наступательные действия — это один из самых необычайных случаев, которые можно найти в мировой истории! Из документов, лежащих на столе, совершенно ясно, что с момента его назначения на нынешнюю должность честолюбие сэра Джона Бауринга было направлено на то, чего не удалось добиться его предшественникам, а именно, на вступление в Кантон. Стремясь только к выполнению своего проекта добиться вступления в Кантон, он без всякой цели ввергнул страну в войну. Какой же получился результат? Принадлежащее британским подданным имущество, ценностью в крупную сумму 1 600 000. ф. ст., ныне конфисковано в городе Кантоне; вдобавок, наши фабрики сожжены до тла, и все это из-за вреднейшей политики одного из вреднейших людей!

«О, человек, исполненный гордыни,
Ты облечен недолгой, слабой властью,
Невежда, мнящий мудрецом себя,
Былинка хрупкая, но злобный, как горилла;
Под ликом солнечным творишь такие вещи,
Что ангелы на небе слезы льют».

И, наконец, лорд Грей:

«Если гг. лорды заглянут в документы, то они убедятся, что когда сэр Джон Бауринг предложил встретиться с губернатором Иек, то губернатор согласился и назначил для этой цели дом купца Хука вне города. Однако достоинство сэра Джона Бауринга не позволило ему идти куда-либо, кроме как в официальную резиденцию губернатора. Я ожидаю от принятия резолюции, по меньшей мере, один положительный результат — немедленное отозвание сэра Джона Бауринга».

То же отношение к себе сэр Джон Бауринг встретил и в палате общин, и г. Кобден даже начал свою речь торжественным отречением от своей «двадцатилетней дружбы с этим человеком».

Дословные выдержки из речей лордов Дерби, Линдхерста и Грея доказывают, что для парирования удара правительству лорда Пальмерстона достаточно было бы пожертвовать сэром Джоном Баурингом и не отождествлять себя с «выдающимся филантропом».

Не снисхождение и не тактика его противников, а исключительно представленные парламенту документы дали бы возможность правительству так легко выпутаться из положения: это становится ясным из самого беглого обзора этих документов и имевших место прений.

Может ли оставаться какое-либо сомнение относительно «навязчивой идеи» сэра Джона Бауринга о вступлении в Кантон? Разве не доказано, что этот субъект, как говорит лондонский «Times», «взял такой курс исключительно по собственной инициативе, не посоветовавшись с своим начальством на родине и не сообразуясь с его политикой»? Зачем же в таком случае Пальмерстон, в момент, когда его правительство зашаталось, когда его путь загроможден всякого рода затруднениями, финансовыми, в связи с персидской войной, в связи с тайными договорами, с избирательной реформой, затруднениями коалиционными, — когда он чувствует, что глаза палаты обращены на него «с большим напряжением, но с меньшим восхищением, чем когда-либо раньше», — зачем он выбрал как раз этот момент для того, чтобы в первый раз за всю свою политическую карьеру проявить непоколебимую верность другому человеку, к тому же своему подчиненному, с риском не только еще более ухудшить свое положение, но и окончательно испортить его? Зачем он доводит свой новобретенный энтузиазм до того, чтобы приносить себя в искупительную жертву за грехи какого-то д-ра Бауринга? Разумеется, ни один здравомыслящий человек не считает благородного виконта способным на подобные романтические заблуждения. Политическая линия, которой он придерживается в этих китайских осложнениях, дает убедительное доказательство того, что документы, переданные им парламенту, не полны. Кроме опубликованных документов должны существовать секретные документы и секретные инструкции, которые должны показать, что если д-р Бауринг и был одержим «навязчивой идеей» вступления в Кантон, то за его спиной стоял хладнокровный глава Уайтхолла, подстрекавший его на эту

навязчивую идею и, ради собственных целей, превративший ее из состояния скрытой теплоты в состояние всепожиряющего пламени.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4962 от 16 марта 1857 г.

Без подписи.

АНГЛО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ.

Лондон, вторник, 3 марта 1857 г.

Прения о китайских событиях принимают угрожающий характер, и лорд Пальмерстон чувствует себя беспокойно в связи с предстоящим этой ночью голосованием. Прения эти интересны главным образом по той неискренности, которую проявляют обе стороны, за исключением немногих отдельных лиц, которые действительно сконфужены ролью Англии в Китае. То, что там произошло, есть по существу морской разбой гигантских размеров, и вопрос о том, прав или виноват сэр Джон Бауринг в инциденте с «*Arrow*», не имеет никакого значения, хотя он и является исключительной темой всех парламентских речей. «*Times*» ставит вопрос ясно и без всяких сентиментальных прикрас: это вопрос об экспансии Англии на Востоке.

«Продвижение английской предприимчивости столкнулось со структурой самоизолирующегося китайского общества. Ничтожные детали, является ли *этот* акт легальным, а *тот* — целесообразным, преданы забвению. При нормальном и неизбежном развитии мира было необходимо, чтобы в известный момент предприимчивый народ мореплавателей, подобно англичанам, *насильно* вступил в сношения со слабым, неспособным к прогрессу народом, вроде китайцев, *населяющих богатую страну, доступную нашей торговле*».

Таково действительно реальное положение вещей, и если мы признаем право цивилизованных белых народов игнорировать права народов, менее прогрессивных, то нет никакой нужды всякий раз, как представляется случай к умышленной агрессии, доказывать мудреными аргументами, что Англия была права или неправа.

Аргументация «*Times*», это — старый довод всех завоевателей, от Александра Великого до Уокера и полковника Тита; еще лучше она формулируется известным изречением — «сила создает право». В высшей степени замечательно, однако, то, что никто из членов палаты, участвовавших в дискуссии, не взглянул на это дело шире и не настаивал на снабжении точными инструкциями тех многочисленных английских дипломатических агентов, которые собственной

опрометчивостью так легко вовлекают страну в войну, как это было ныне в Китае или совсем недавно в Бирме, или ухитряются навлечь оскорбление на себя или на английский флаг, как мы это видели в инциденте с г. Огюстом Мурреем в Персии. Это, разумеется, очень серьезная вещь, когда любой вспыльчивый консул или посланник может затевать войну, хотя в теории объявить ее может исключительно корона. Если британские чиновники всегда будут находить поддержку для подобных опрометчивых и возмутительных действий, как они неизменно находили ее у лорда Пальмерстона, то станет невозможным избежать опаснейших конфликтов, в которые смогут вовлечь страну эти суетливые чиновники, тщеславие и болезненное самолюбие которых неизменно стоят в обратном отношении к их умственным способностям. Нет сомнения, что если тори завтра заменят в правительстве вигов, то они с величайшей энергией поведут войну, но консул Паркс и комиссар сэр Джон Бауринг будут отозваны и лишатся своих постов вместо того, чтобы удостоиться похвалы и награды и быть выставленными образцами для своих коллег на Востоке. Великим событием этой сессии является примирение между ториями лорда Дерби и пилитами, а также зарождающиеся дружеские чувства между манчестерцами и их старыми противниками ториями. Это примирение произошло благодаря личной дружбе между лордом Стенли и Джоном Брайтом, благодаря настойчивым усилиям сэра Джона Пекингтона по проведению широких мероприятий в области народного образования и, наконец, благодаря гарантии, представляемой пилитами в том, что отныне в консервативном лагере на все протекционистские проекты будет налагаться запрет. Это воссоздание большой партии, расколотой покойным сэром Робертом Пилем, окажется прочным, если предстоящее голосование оставит кабинет в меньшинстве.

Приходящие вести из Китая возмутительны: возможно, что мы скоро услышим о полном разрушении Кантона, предместья которого, насчитывающие около 5 000 домов, сожжены англичанами. Сводка известий, доставленных континентальной почтой из Китая, гласит:

«С каждым часом становится все более необходимо расправиться с Кантоном быстро и сурово; тогда, вероятно, будет положен конец небезопасности нашего существования здесь и всем мелким неприятностям. Однако мы сомневаемся, чтобы одними морскими силами можно было сделать все, что нужно для восстановления и оживления торговли и обеспечения в будущем безопасности торговли, собственности и самой жизни. Мы убедились в том, что мы можем стрелять, жечь и разрушать, а в результате мы получим лишь то, что смелость и упорство нашего врага еще более возрастут».

Китайцы ведут войну варварским способом, пуская в ход яд, поджоги и убийства, но англичане действуют не лучше, бомбардируя и поджигая город с 3 млн. жителей. Вся эта история с начала и до конца вызывает лишь отвращение.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4970 от 25 марта 1857 г.

Без подписи.

ПОРАЖЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ПАЛЬМЕРСТОНА.

Лондон, 6 марта 1857 г.

Бурные дебаты о китайском конфликте, длившиеся четыре вечера в палате общин, закончились принятием резолюции, осуждающей политику министерства Пальмерстона. На резолюцию порицания Пальмерстон отвечает «принудительным роспуском палаты». Он наказывает депутатов тем, что отсылает их по домам.

Сильнейшее возбуждение, господствовавшее в последний вечер прений как в самой палате общин, так и среди массы народа, собравшегося в прилегающих улицах, вызвано не только крупным значением затронутых этим делом интересов, но еще больше характером партии, над которой происходил суд. Правительство Пальмерстона не было обыкновенным кабинетом. Оно было диктатурой. С начала Крымской войны парламент почти отказался от своих конституционных функций; он не осмеливался вернуть их себе обратно и после заключения мира. Постепенно и почти незаметно спускаясь все ниже, он докатился до уровня Законодательного корпуса, отличаясь от подлинного бонапартовского учреждения только своей фальшивой вывеской и громко звучащими претензиями. Уже самый факт образования коалиционного кабинета показывал, что старых партий, от взаимного трения которых зависел ход парламентской машины, больше нет. Это бессилие партий, сначала выразившееся в коалиционном кабинете, получило благодаря войне свое воплощение во всемогуществе одного человека, который в течение полувека своей политической жизни никогда не входил ни в какую партию, но всегда их использовал. Если бы даже не случилась война с Россией, истощение старых официальных партий само по себе привело бы к преобразованию. В организм парламента была бы влита новая жизнь введением в его жилы свежей крови—допущением к политическим правам по крайней мере небольшой части народных масс, которые все еще лишены права голоса и представительства. Война оборвала этот естественный процесс. Препятствуя тому, чтобы нейтрализация старых парламентских антагонизмов пошла на пользу массам, война обратила ее к исклю-

чительной выгоде одного человека. Вместо политического освобождения британского народа мы получили диктатуру Пальмерстона. Война была мощным фактором, приведшим к этому результату, и война же была единственным средством его упрочения, а потому она и сделалась существенным условием диктатуры Пальмерстона. Русская война у британского народа была популярнее, нежели Парижский мир. Почему, в таком случае, британский Ахилл, на ответственности которого лежит позор Редана и сдача Карса, не использовал этой конъюнктуры? Очевидно потому, что выбор был вне его власти. Отсюда его Парижский трактат, усугубленный недоразумениями с Соединенными Штатами, его экспедицией в Неаполь, его демонстративной склокой с Бонапартом, его вторжением в Персию и его резней в Китае.

Осуждая эти убийства, палата общин отняла у Пальмерстона средства его узурпированной власти. Поэтому нынешнее голосование не было простым парламентским голосованием, а бунтом, действенной попыткой вернуть парламенту его конституционные функции. Таково было чувство, охватившее палату, и, каковы бы ни были отдельные мотивы у различных фракций разнородного большинства, состоявшего из сторонников Дерби, Пиля, Росселя, манчестерцев и так называемых независимых, — все они были вполне искренни в своих уверениях, что их отнюдь не объединял вульгарный заговор против министерства. Но именно такое обвинение в заговоре составляло главный пункт пальмерстоновской защиты. Слабость своей позиции он старался прикрыть жалостливыми доводами, изображая собою жертву беспринципного заговора. Ничего не могло быть удачнее отповеди Дизраэли на этот аргумент, столь обычный в устах уголовников на суде.

«Нашелся человек, — сказал Дизраэли, — который терпеть не может коалиции, это — наш премьер. Да, ведь он — живое воплощение политических коалиций и притом заведомо беспринципных. Взгляните, как составлено его правительство. Еще в прошлом году все члены его кабинета в этой палате поддерживали законопроект, внесенный, если не ошибаюсь, одним из бывших их коллег. Этот законопроект, однако, встретил сопротивление в палате лордов со стороны члена правительства, который в оправдание своей явной непоследовательности, не стесняясь, заявил, что когда он вступал в должность, то премьер ни по одному вопросу не брал у него обязательств. (Смех.) Тем не менее, благородный лорд встревожен и возмущен создавшейся ныне беспринципной комбинацией! Благородный лорд не выносит коалиции! Благородный лорд работал-де только с теми, с которыми он был политически рожден и вскормлен! (Рукоплескания и смех.) Этот младенец Геракл (указывая на лорда Пальмерстона) был взят из колыбели вигов, и как последовательна была его политическая жизнь! (Снова смех.) Оглядываясь на истекшие полвека, в течение

которых он исповедывал почти все принципы и вступал в союз почти со всеми партиями, благородный лорд сегодня громко предостерегал против коалиции, боясь, что большинство членов палаты — среди них несколько весьма выдающихся лиц, бывших коллегами благородного лорда, — не одобрит его политики в отношении Китая, которая началась возмутительным насилием и, в случае дальнейшего продолжения, кончится катастрофой. Такова позиция благородного лорда. Какую же защиту этой политики слышали мы от благородного лорда? Выдвинул ли он хоть один принцип, на котором должны базироваться наши отношения с Китаем? Привел ли он хоть одно политическое правило, которым мы должны руководиться в этот момент опасности и замешательства? Напротив, слабую и шаткую позицию он прикрывал заявлением — о чем? — о том, что он является жертвой заговора! Он не стал на смелый путь защиты своего поведения, достойный государственного деятеля. Он упомянул несколько пустяковых замечаний, сделанных во время прений и как будто, как мне казалось, уж исчерпанных и сданных в архив, и затем вдруг заявил, что вся история не что иное, как заговор! Благородный лорд привык всегда опираться на большинство, которое он собирал вокруг себя, не выдвигая ни единого принципа, и которое на деле всегда было случайным; являясь результатом фактически того положения, что благородный лорд сидел на правительственной скамье, не будучи обязан высказывать мнение о каком-либо вопросе, внешнем или внутреннем, способном волновать сердце народа или повлиять на мнение нации. Теперь он, наконец, поймет, что пришло время, когда для того, чтобы быть государственным деятелем, необходимо иметь определенную политику, и что, когда ошибки его кабинета стали очевидны и все, кто привык определять мнение палаты, объединились в своем осуждении их, ему не следует жаловаться стране, будто он жертва заговора».

Впрочем, было бы ошибкой предполагать, что прения были интересны, потому что они касались столь волнующих тем. Один за другим вечера проходили в прениях, а голосования все не было. В продолжение большей части борьбы голоса бойцов тонули в шуме и гаме частных разговоров. Вечер за вечером министерские ставленники пространно ораторствовали, чтобы выиграть еще сутки для интриг и закулисных махинаций. В первый вечер Кобден произнес остроумную речь. Так же говорили Бульвер и лорд Россель. Но государственный прокурор был несомненно прав, когда он сказал им, что «он ни на минуту не может сравнить их рассуждения и аргументации по такому вопросу, как этот, с аргументацией, высказанной в палате лордов». Второй вечер был занят тяжеловесными апологиями прокуроров с обеих сторон — лорда адвоката г. Уайтсайда и государственного прокурора. Правда, сэр Джемс Грэхем попытался оживить прения, но потерпел неудачу. Когда этот человек, морально ответственный за убийство братьев Бандьера, с елейным видом воскликнул, что он хотел бы умыть руки в этом деле невинно-пролитой крови, то в виде отголоска на его пафос по залу пронесся сдержанный иронический смех. Третий вечер был еще

скучнее. Выступал сэр Ф. Тэзигер, чающий быть государственным прокурором, с ответом действительному государственному прокурору, а также адвокат Ши с попыткой ответа сэру Ф. Тэзигеру. Выступал сэр Джон Пакингтон со своим деревенским красноречием. Выступал генерал Уильямс Карский, которого палата слушала в молчании только несколько минут, а затем единодушно оставила без внимания, поняв что он не тот, за кого она его принимала.

Наконец, выступал сэр Сидней Герберт. Этот изящный воспитанник государственной мудрости произнес речь, правда, заостренную, парадоксальную, но скорее высмеивающую аргументы министерских ставленников, чем дававшую собственные новые аргументы. Однако в последний вечер прения поднялись на высоту, достойную палаты. Робак, Гладстон, Пальмерстон и Дизраэли, каждый в своем роде, были действительно великолепны.

Самым трудным в прениях было отделаться от ширмы, за которую прятались во время дебатов, т. е. сэра Джона Бауринга, и сосредоточить вопрос на самом лорде Пальмерстоне, возложив «лично на него ответственность» за избиение младенцев. В конце концов палате это удалось. Так как предстоящие общие выборы в Англии главным образом будут вращаться вокруг этой темы, то нам кажется нелишним возможно короче резюмировать результат дискуссии. На следующий день после поражения министерства и до его объявления о роспуске палаты общин лондонский «Times» отважился на такие утверждения:

«Нация будет в недоумении относительно того, на какой, собственно, вопрос надлежит дать ответ. Потерял ли кабинет лорда Пальмерстона доверие народа благодаря ряду действий, совершенных на другом конце земного шара за 6 недель до того, как о них здесь узнали, и притом чиновниками, назначенными при прежнем правительстве? Министры услышали впервые об этих событиях лишь во время рождества, а до этого времени они были так же неосведомлены, как и все остальные. Фактически, если бы все это произошло на луне или было рассказано в арабских сказках «В тысяче и одной ночи», то оно имело бы не меньшее отношение к этому кабинету... Неужели следует осудить и сменить правительство лорда Пальмерстона за то, чего оно никогда не делало и не могло делать, о чем оно только слышало, когда все другие также слышали, за то, что было сделано людьми, которых оно не навзачало и с которыми оно тогда еще не могло иметь никаких сношений».

Этому бесстыдному словоизвержению газеты, которая все время оправдывала кантонскую резню как высшее достижение пальмерстоновской дипломатии, мы можем противопоставить несколько фактов, с трудом выясненных во время долгих дебатов и ни разу не опровергнутых Пальмерстоном или его подчиненными. В 1847 г.,

когда Пальмерстон возглавлял министерство иностранных дел, его первая депеша о допущении британских гонконгских властей в Кантон была составлена в угрожающих выражениях. Однако его пыл был охлажден его коллегой графом Греем, в то время статс-секретарем колоний, который отправил офицерам, командовавшим морскими силами не только в Гонконге, но и у Цейлона, самый решительный запрет при каких бы то ни было обстоятельствах допускать какие-либо враждебные действия против китайцев без формального разрешения из Англии. Но 18 августа 1849 г., незадолго до своего ухода из кабинета Росселя, лорд Пальмерстон отправил следующую депешу британскому уполномоченному в Гонконге:

«Пусть высшие чиновники Кантона и пекинское правительство не занимаются самообманом. Сдержанность, проявленная до сих пор британским правительством, происходит не от слабости, а от сознания превосходства своих сил. Британское правительство хорошо знает, что если бы того потребовали обстоятельства, то британские военные силы смогли бы разрушить город Кантон, не оставив камня на камне, и таким образом подвергнуть население этого города примеру наказанию».

Таким образом бомбардировка Кантона, происшедшая в 1856 г., когда лорд Пальмерстон был премьером, была возвещена еще в 1849 г. в последнем послании, отправленном в Гонконг лордом Пальмерстоном, в то время министром иностранных дел в кабинете Росселя. Все правительства в этот промежуток времени отказывались ослабить запрет британским представителям в Гонконге вынудить китайцев разрешить им войти в Кантон. Так было при графе Гренвиле в кабинете Росселя, при графе Малмсбери в министерстве Дерби и при герцоге Ньюкэстле в министерстве Эбердина. Наконец, в 1852 г. д-р Бауринг, до тех пор консул в Гонконге, был назначен уполномоченным. Как указал Гладстон, его назначение было делом лорда Кларендона, орудия Пальмерстона, без ведома или согласия кабинета Эбердина. Когда Бауринг впервые поставил ныне обсуждаемый вопрос, то Кларендон депешей от 5 июля 1854 г. сообщил ему, что он прав, но что он должен ждать необходимых для этого дела морских сил. Англия вела в то время войну с Россией. Когда встал вопрос с «Аггю», то Бауринг только что узнал, что мир был заключен и ему высылаются морские силы. Тогда-то был найден предлог для ссоры с губернатором Иек. 10 января, получив донесение обо всем происшедшем, Кларендон уведомил Бауринга, что «правительство ее величества всецело одобряет образ действий, избранный сэром М. Сеймуром и вами». Это одобрение, высказанное в столь немногих словах, не сопровождалось

никакими дальнейшими инструкциями. Напротив, г. Хаммонд в своем письме к секретарю адмиралтейства передал от лица лорда Кларендона адмиралу Сеймуру выражение восхищения правительства по поводу «умеренности, с какой он действовал, и проявленного им бережного отношения к жизни и имуществу китайцев».

Таким образом, не может быть сомнения, что китайская резня была задумана самим лордом Пальмерстоном. Под каким знаменем надеется он теперь собрать вокруг себя избирателей Соединенного королевства? На этот вопрос, я надеюсь, вы позволите мне ответить в другом письме, ибо это уже превысило положенные ему размеры.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4970 от 25 марта 1857 г.

Без подписи.

АНГЛИЙСКИЕ ЖЕСТОКОСТИ В КИТАЕ.

Несколько лет тому назад, когда ужасающая система пыток, применяемая в Индии, была разоблачена в парламенте, сэр Джемс Хогг, один из директоров достопочтенной Ост-Индской компании, упрямо утверждал, что предъявленные обвинения ни на чем не основаны. Однако последующее расследование доказало, что обвинения опирались на факты, которые должны были быть хорошо известны директорам, и сэру Джемсу не оставалось ничего другого, как сознаться либо в «преднамеренном неведении», либо в «преступном знании» тех ужасов, в которых обвиняли Индийскую компанию. Повидимому, в таком же незавидном положении оказались теперь нынешний английский премьер лорд Пальмерстон и министр иностранных дел граф Кларендон. На недавнем банкете лорд-мэра он, премьер, в речи, в которой пытался оправдать жестокости против китайцев, сказал, между прочим, следующее:

«Если бы в данном случае правительство одобрило меры, которым нельзя найти оправдания, то оно, без сомнения, вступило бы на путь, который заслужил бы порицание парламента и страны. Но мы, напротив, были уверены, что эти меры существенно необходимы. Мы считали, что нашей стране была нанесена большая обида. Мы считали, что наши сограждане в отдаленной части земного шара подверглись ряду оскорблений, насилий и жестокостей, которые нельзя было обойти молчанием. (Возгласы одобрения.) Мы считали, что договорные права нашей страны были нарушены и что лица, по месту своей службы обязанные защищать наши интересы в данной части света (в Китае), не только имели право, но и были обязаны энергично реагировать на эти насилия, насколько это позволяли находившиеся в их распоряжении средства. Мы знали, что мы обманули бы доверие, которым облекли нас наши сограждане, если бы мы не одобрили признанных нами правильными мер, к которым мы сами считали бы своим долгом прибегнуть, если бы мы оказались в таком же положении. (Возгласы одобрения.)»

Но как бы ни были введены в заблуждение этими благовидными речами английский народ и весь мир, сам сиятельный лорд, без сомнения, не верит в их истинность, а если верит, то проявляет «преднамеренное неведение», почти столь же непростительное, как и «преступное знание». С того момента, как до нас дошло первое известие о военных действиях англичан в Китае, в английских прави-

тельствующих газетах и части американской прессы не перестают сыпаться обвинения против китайцев: обвинения в нарушении договорных обязательств, в оскорблении английского флага, в издевательствах над живущими в Китае иностранцами и т. п. При всем том, однако, ни одного определенного обвинения, ни одного факта еще не было представлено в подтверждение этих оговоров, кроме инцидента с лорчей «Аггю», да и в этом случае обстоятельства дела были так искажены и перетолкованы парламентской риторикой, что совершенно сбили с толку даже тех, кто серьезно желал уяснить себе этот вопрос.

Лорча «Аггю» было небольшое китайское судно с командой из китайцев, но на службе у нескольких англичан. Оно получило временное разрешение плавать под английским флагом, но срок разрешения истек еще до того, как произошло вышеупомянутое «оскорбление». Говорили, что оно употреблялось для контрабанды соли, и в числе его команды было несколько подозрительных типов — китайских пиратов и контрабандистов, которых власти давно уже пытались арестовать как давнишних нарушителей закона. В то время, как судно с убранными парусами стояло на якоре у Кантона, без какого-либо флага на мачте, полиция получила сведения о том, что на борту находятся преступники, и арестовала их, сделав то же, что непременно произошло бы у нас, если бы портовая полиция проведала, что речные воры и контрабандисты скрываются поблизости на местном или иностранном судне. Но так как этот арест явился помехой в торговых делах владельцев, то капитан обратился с жалобой к английскому консулу. Консул, человек молодой и недавно назначенный на должность, к тому же, как нам сообщают, опрометчивый и горячий, собственной персоной является на судно, возбужденно объясняется с полицией, выполнявшей лишь свою прямую обязанность, и в результате ничего не добивается. Тогда он бросается обратно в консульство, в повелительном тоне пишет генерал-губернатору Квантунской провинции, требуя освобождения арестованных и представления извинений, а сэру Джону Баурингу и адмиралу Сеймуру отправляет в Гонконг письмо, докладывая, что он и английский флаг подверглись нестерпимому оскорблению, и намекая довольно ясно, что наступил, наконец, давно жданный удобный момент для демонстрации против Кантона.

Губернатор Иек дает вежливый и спокойный ответ на дерзкие требования потерявшего хладнокровие молодого британского консула. Он объясняет мотивы ареста и выражает сожаление по поводу

происшедшего недоразумения; в то же время он решительно отвергает малейшее намерение оскорбить английский флаг и возвращает арестованных, которых он, несмотря на законность их ареста, не желает удерживать ценою столь серьезного недоразумения. Всего этого английскому консулу г. Парксу оказывается, однако, мало — ему нужно официальное извинение и удовлетворение по всей форме, иначе губернатору Иеку придется взять на себя ответственность за последствия. Затем появляется адмирал Сеймур с английским флотом, и тут начинается уже другая переписка; адмирал приказывает и угрожает, китайский сановник отвечает спокойно, хладнокровно и вежливо. Адмирал Сеймур требует личного свидания в стенах Кантона. Губернатор Иек отвечает, что это противоречило бы прецедентам, и что сэр Джордж Бонхем согласился на то, что такого требования англичане ставить не будут. Если это необходимо, то он охотно согласился бы увидеться, как обычно, в части города, лежащей вне стен, или удовлетворить желания адмирала каким-либо иным образом, не противоречащим китайским обычаям и традиционному этикету. Однако это не удовлетворяло воинственного представителя британской державы на Востоке.

На основании кратко изложенных здесь мотивов, — а официальные отчеты, имеющиеся ныне к услугам английского народа, полностью подтверждают это изложение, — и ведется эта в высшей степени несправедливая война. Ни в чем неповинные жители и мирные купцы Кантона перебиты, их дома разрушены бомбардировкой, все законы человечности попорчены под пустым предлогом, будто «жизнь и собственность англичан находятся в опасности вследствие агрессивных действий китайцев»! Британское правительство и британский народ, — по крайней мере лица, которые захотели разобрататься в вопросе, — знают, как неосновательны и лживы эти обвинения. Была сделана попытка отвлечь расследование от главного вопроса и внушить общественному мнению, будто целый ряд оскорблений, предшествовавших инциденту с лорчей «Аггоу», уже сам по себе представляет достаточный повод к войне. Но эти огульные обвинения лишены основания, на каждую жалобу англичан китайцы могут предъявить по крайней мере девяносто девять своих жалоб против них.

Английские газеты хранят полное молчание о грубых нарушениях договора, ежедневно совершаемых иностранцами, живущими в Китае под британским покровительством. Мы ничего не слышим о недозволенной торговле опиумом, которая ежегодно обогащает британскую казну за счет человеческих жизней и морали. Мы ни-

чего не слышим о постоянных подкупах низших чиновников, лишаящих китайское правительство его законных доходов от ввоза и вывоза товаров. Мы ничего не слышим об обидах, «вплоть до убийства», причиняемых обманутым законтрактованным эмигрантам, которых продают в наихудшее рабство на берегах Перу и в кабалу на Кубе. Мы ничего не слышим о грубом поведении иностранцев, часто практикуемом в отношении робких по натуре китайцев, или о пороках, которые им прививают эти иностранцы в портах, открытых для торговли. Обо всем этом и о многом другом мы ничего не слышим, во-первых, потому, что большинство людей вне Китая мало интересуется общественными и моральными условиями этой страны; а, во-вторых, потому, что одним из правил политики и благоразумия является: не затрагивать вопросов, не приносящих материальной выгоды. Таким образом, английский обыватель, кругозор которого не простирается дальше колониальной лавки, где он покупает чай, легко верит у себя дома всем искажениям, которые министерству и газетам заблагорассудится навязать общественному мнению.

Тем временем утихший было огонь ненависти к англичанам, загоревшийся в Китае во время войны из-за опиума, вспыхнул теперь новым пламенем ярости, которое едва ли смогут потушить все заявления о дружбе и мире.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в качестве передовой
в «New-York Daily Tribune»
№ 4984 от 10 апреля 1857 г.*

Без подписи.

* НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АНГЛИЧАН В КИТАЕ.

Если ссора с китайцами, для которой англичанам удалось найти повод, будет доведена до крайности, то можно ожидать, что она кончится новой военно-морской экспедицией, вроде той, которая была предпринята в 1841 — 1842 гг. в связи со спорами из-за опиума. Легкий успех, с каким англичане тогда вынудили у китайцев огромную сумму серебра, способен вовлечь в новый эксперимент такого же рода народ, который, при всем своем негодовании на наши корсарские склонности, не меньше, чем мы, сохранил порядочную дозу того хищнического, пиратского духа, который отличал общих наших предков XVI и XVII столетий. Однако значительные изменения, происшедшие в положении вещей в Китае со времени последнего удачного грабительского набега в интересах торговли опиумом, заставляют очень сомневаться, даст ли подобная экспедиция в настоящее время сколько-нибудь подобный результат. Новая экспедиция, как и первая в 1841 — 1842 гг., несомненно, будет иметь своим исходным пунктом остров Гонконг. Первая экспедиция была предпринята эскадрой из 2 семидесятичетырехпушечных кораблей, 8 фрегатов, большого числа шлюпок и военных бригов, 12 пароходов и 40 транспортов, с военным отрядом численностью, включая морскую пехоту, в 15 тысяч человек. Новая экспедиция будет предпринята едва ли с меньшими силами; некоторые соображения, которые мы намерены изложить, указывают даже на то, что ее собираются предпринять с силами гораздо более крупными.

Экспедиция 1841 — 1842 гг. отплыла из Гонконга 21 августа 1841 г.; сначала она завладела Амоем, а затем 1 октября — островом Чжушань, который она превратила в базу для дальнейших операций. Эти операции имели целью проникнуть в великую центральную реку Янцзы и подняться по ней вверх до города Нанкина, в расстоянии около двухсот миль от устья. Река Янцзы делит Китай на две совершенно различные части — север и юг. Приблизительно на 40 миль ниже Нанкина входит в великую реку, пересекая ее, Императорский канал, который является средством для торговых сношений между северными и южными провинциями. Кампания была

построена на той теории, что захват этого важного пути будет для Пекина роковым и принудит императора немедленно заключить мир. 13 июня 1842 г. английские военные силы, под командой сэра Генри Поттингера, появились под Усуном у входа в маленькую реку того же имени. Эта река течет с юга и вливается в устье Янцзы близ ее впадения в Желтое море. Устье реки Усуна образует гавань Шанхая, расположенного немного выше. Берега Усуна были прикрыты батареями, которые, однако, без труда были взяты приступом. Затем одна колонна атакующих направилась к Шанхаю, который сдался без всякого сопротивления. От мирных и робких обитателей берегов Янцзы, которые после долгого, почти двухсотлетнего мира переживали теперь свой первый опыт войны, англичанам почти не пришлось встретить сопротивления, зато устье реки и подступы к ней с моря, как оказалось, представили огромные трудности. Широкое устье Янцзы вливается в море между берегами, наполовину покрытыми илом; его едва можно различить, так как море, на протяжении нескольких лиг, имеет мутно-желтый цвет, откуда и происходит его название. Корабли, намеревающиеся проникнуть в Янцзы, должны осторожно продвигаться вдоль южного берега, все время измеряя глубину лотом, чтобы избежать больших отмелей, загораживающих подступы. Эти отмели тянутся вдоль устья вверх по течению до оконечности большого острова Цзунмин, лежащего посреди устья и разделяющего его на два канала. Выше этого острова, имеющего около 30 миль в длину, берега начинают подниматься над водой, но русло реки становится очень извилистым. Прилив достигает Чженьцзян приблизительно в полпути от Нанкина, и то, что до сих пор представляло широкое устье или залив моря, здесь впервые, для поднимающихся вверх по течению судов, принимает характер реки. Прежде чем достигнуть этого пункта, английскому флоту пришлось встретиться с серьезными препятствиями. Потребовалось 15 дней, чтобы пройти расстояние в 80 миль от якорной стоянки в Чжушань. Близ острова Цзунмин несколько больших кораблей сели на мель, однако им удалось сняться с нее благодаря поднявшемуся приливу. Преодолев эти препятствия и подходя к городу Чженьцзяну, англичанам пришлось убедиться, что татарско-китайские солдаты, хотя и не обладали военным искусством, однако далеко не были лишены храбрости и воодушевления. Эти татарские солдаты, в числе всего $1\frac{1}{2}$ тысяч человек, сражались с мужеством отчаяния и были перебиты все до одного. Перед тем как идти в битву, они, словно предчувствуя ее исход, передушили или перетопили своих жен и детей; множество их трупов

было впоследствии извлечено из колодцев, в которые они были брошены. Главнокомандующий, видя, что битва проиграна, поджег свой дом и сам погиб в пламени. Англичане потеряли в атаке 185 человек; и за эту потерю отомстили ужасными зверствами при разграблении города, ибо война велась англичанами с зверской жестокостью, вполне соответствовавшей породившей ее контрабандистской жадности. Если бы нападающие встретили подобное же сопротивление повсюду, они не добрались бы до Нанкина. Но этого не случилось. Город Гуачжоу, на противоположной стороне реки, сдался и уплатил выкуп в 3 млн. долл., которые английские пираты, конечно, с полным удовлетворением положили в карман.

Выше этого пункта канал реки имеет глубину в 40 шестифутовых сажен, и русло становится легким для плавания, но кое-где течение очень быстрое, не менее 6 и 7 миль в час. Однако ничто не могло остановить продвижение линейных кораблей вверх по течению к Нанкину, под стенами которого 9 августа англичане бросили, наконец, якорь. Достигнутый результат вполне отвечал ожиданиям. Страх заставил императора подписать договор 29 августа; нарушение якобы, этого договора и выставляется теперь, как предлог для новых требований, грозящих новой войной.

Если эта война действительно начнется, ее будут вести, вероятно, по образцу первой. Однако по ряду причин англичане не могут ожидать такого же легкого успеха. Опыт прошлой войны не пропал даром для китайцев. В недавних военных операциях на реке Кантон они обнаружили столь повышенную технику в артиллерийской стрельбе и в искусстве обороны, что возникает подозрение, не имеются ли среди них европейцы. Во всех практических делах, — а война есть по преимуществу практическое дело, — китайцы далеко превосходят все восточные народы, и нет сомнения, что в военном деле англичане найдут в них способных учеников. Далее, англичане при продвижении вверх по Янцзы, по всей вероятности, встретят искусственные препятствия, каких им, повидимому, не пришлось встретить в прошлый раз. Но, кроме того, — и это самое серьезное соображение — вторичное занятие Нанкина едва ли внушит прежний ужас и тревогу императорскому двору в Пекине. В течение вот уж ряда лет Нанкин и значительная часть его области находится в руках повстанцев и даже один или несколько из их вождей имеют в нем даже свои главные квартиры; при таких условиях его занятие англичанами может оказаться скорее приятным, чем неудобным, императору. Они скорее окажут ему услугу, прогнав повстанцев из города, удерживать который для них самих будет делом трудным,

беспокойным и опасным, и, как недавний опыт показал, он может быть удержан неприятельской силой и без того, чтобы создавать непосредственно роковые последствия для Пекина или императорской власти.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в качестве передовой
в «New-York Daily Tribune»
№ 4990 от 17 апреля 1857 г.*

Без подписи.

ПЕРСИЯ И КИТАЙ.

Лондон, 22 мая 1857 г.

Англичане только что закончили одну войну в Азии и начинают другую. Сопrotивление, оказанное персами, и то, которое оказывают до сих пор британскому вторжению китайцы, представляет контраст, достойный нашего внимания. В Персии европейская система военной организации была привита к азиатскому варварству; в Китае разлагающаяся полудивилизация древнейшего государства в мире борется с европейцами со своими собственными средствами. Персия была разбита на-голову, тогда как расстроенный, полуразвалившийся Китай сумел найти систему сопротивления, которая, будучи проведена последовательно до конца, сделает невозможным повторение триумфального шествия первой англо-китайской войны.

Персия находилась в состоянии, аналогичном Турции во время войны с Россией 1828 — 1829 годов. Английские, французские, русские офицеры поочередно пытались организовать персидскую армию. Одна система сменяла другую, и каждая поочередно срывалась благодаря зависти, интригам, невежеству, жадности и подкупности восточных людей, которых эти системы должны были превратить в европейских офицеров и солдат. Новой регулярной армии ни разу не представился случай испытать свою организацию и мощь на поле битвы. Все ее подвиги ограничивались несколькими походами против курдов, туркменов и афганцев, во время которых она служила ядром или резервом для многочисленной персидской иррегулярной кавалерии. Сражалась главным образом эта последняя; регулярные же отряды должны были действовать на неприятеля демонстративным эффектом своего по внешности страшного боевого порядка. Но вот, наконец, разразилась война с Англией.

Англичане напали на Бушир и натолкнулись на храброе, но безуспешное сопротивление. Однако в Бушире сражались иррегулярные отряды; они были составлены из иррегулярных рекрутских наборов персов и арабов, обитателей побережья. Регулярные от-

ряды находились еще только в процессе концентрации в расстоянии приблизительно 60 миль, в гористой местности. Наконец, они двинулись вперед. Англо-индийская армия встретила их на полдороге, и, хотя персы использовали свою артиллерию с большой уверенностью и построили каре по всем правилам искусства, атака всего лишь одного индийского кавалерийского полка смела с поля сражения всю персидскую армию, как гвардию, так и линейные полки. Чтобы понять, какую ценность придают этой индийской регулярной кавалерии в собственной индийской армии, достаточно сослаться на посвященную этой теме книгу капитана Нолана. Среди англо-индийских офицеров индийскую регулярную кавалерию считают более чем бесполезной и стоящей гораздо ниже англо-индийской иррегулярной кавалерии. Капитан Нолан не может привести ни одного боя, в котором она показала бы себя на высоте. И, тем не менее, 600 таких солдат погнались перед собой 10 тысяч персов. Страх, охвативший персидские регулярные отряды, был таков, что с тех пор они ни разу нигде не оказали сопротивления англичанам, за исключением одной артиллерии. У Мохаммеры они держались вдали от опасности, предоставив артиллерии защищать береговые батареи, и удалились, как только последние были приведены к молчанию; а когда англичане во время одной рекогносцировки высадили 300 стрелков и 50 иррегулярных всадников, вся персидская рать отступила, бросив обоз, запасы провианта и пушки на произвол — не победителей, каковыми их нельзя назвать, а завоевателей.

Впрочем, все это еще не дает основания клеймить персов как нацию трусов и не свидетельствует о невозможности научить восточные народы европейской тактике. Русско-турецкие войны 1809 — 1812 и 1828 — 1829 гг. представляют множество таких примеров. Главное сопротивление русским было оказано иррегулярными отрядами, набранными в укрепленных городах и горных провинциях; регулярные же отряды, где бы они ни появлялись в открытом поле, сразу терпели поражение и очень часто обращались в бегство при первом же выстреле. Между тем, какая-нибудь одна рота иррегулярных арнаутов в ущельи у Варны в течение целых недель с успехом сопротивлялась осадным операциям русских. Однако в последней войне регулярная турецкая армия уже разбивала русских в каждом отдельном сражении, от Ольтеницы и Четати до Карса и Ингура.

Дело в том, что введение европейской военной организации у варварских народов еще далеко нельзя считать законченным, после того как новая армия разделена, снаряжена и вымуштрована по

европейскому образу. Все это представляет только первый шаг. Недостаточно также ввести какой-нибудь европейский военный устав; он не более гарантирует создание европейской дисциплины, чем свод правил европейской муштры, который приведет сам собой к европейской тактике и стратегии. Главным делом и в то же время главной трудностью является создание корпуса офицеров и унтер-офицеров, воспитанных по новейшей европейской системе, вполне освободившихся от национальных предрассудков и пережитков военного дела и способных вдохнуть жизнь в новые формирования. Все это требует долгого времени и наверное натолкнется на самое упорное сопротивление со стороны восточного невежества, невыдержки, предрассудков, превратностей судьбы и фаворитизма, присущих восточным дворам. Султаны и шахи слишком склонны считать свои армии подготовленными ко всему на свете, коль скоро солдаты умеют продефилировать на параде, делать повороты и развертывания, строиться в колонны, не производя безнадежной путаницы. Что же касается военных школ, то даваемые ими плоды созревают столь медленно, что при неустойчивости восточных правительств едва ли можно ожидать, что эти плоды когда-либо созреют. Даже в Турции количество обученных офицеров очень ничтожно, и турецкая армия в последней войне не смогла бы ничего сделать без многочисленных ренегатов¹ и европейских офицеров в ее рядах.

Единственный род оружия, повсюду составляющий исключение, есть артиллерия. Тут восточные народы настолько сдают, настолько беспомощны, что им приходится передавать руководство ею всецело в руки своих европейских инструкторов. В результате, как в Турции, так и в Персии артиллерия стоит неизмеримо выше пехоты и кавалерии.

Совершенно естественно, что при таких обстоятельствах англо-индийская армия, старейшая из всех восточных армий, организованных по-европейски, единственная из всех, подчиненная не восточному, а чисто европейскому правительству, стоящая под командой почти исключительно европейских офицеров, — что эта армия, при поддержке сильного резерва из британских частей и мощного флота, должна была с легкостью рассеять персидские регулярные войска. Это поражение принесет персам большую пользу пропорционально его значительности. Они увидят теперь, как уже увидели турки,

¹ Значительная часть даровитых турецких генералов и офицеров по происхождению были словаки, албанцы, арнауты и т. д., принявшие магометанство и называвшиеся в европейской литературе ренегатами. *Ред.*

что европейский мундир и парадная муштровка сами по себе не являются еще талисманами, и может случиться, что через двадцать лет персы окажутся такими же признанными солдатами, какими турки проявили себя в своих последних победах.

Военные части, взявшие Бушир и Мохаммеру, как говорят, предназначены к немедленной отправке в Китай. Там они встретят иного противника. Им будут противопоставлены не попытки военных маневрирования на европейский лад, но иррегулярные азиатские полчища. Несомненно, с такими войсками они справятся легко; но что, если китайцы начнут против них национальную войну и если варварство не поколеблется пустить в ход единственное оружие, которым оно умеет владеть?

Повидимому, настроение китайцев в настоящее время совсем иное, чем в войне 1840—1842 годов. Тогда народ оставался спокоен; он предоставлял императорским солдатам сражаться с завоевателями и после поражения подчинился с восточным фатализмом силе неприятеля. Но теперь, по крайней мере в южных провинциях, территорией которых до сих пор ограничивались столкновения, народная масса принимает активное, — более того, фанатическое участие в борьбе против чужеземцев. Китайцы совершенно хладнокровно и преднамеренно отравляют большое количество хлеба в европейском квартале Гонконга. (Несколько хлебов были посланы Либиху для анализа. Он обнаружил большое количество мышьяка, пропитавшее все частицы хлеба, что свидетельствует о том, что мышьяк был впущен уже в тесто. Однако доза была настолько сильна, что должна была действовать, как рвотное, и, таким образом парализовать действие яда.) Китайцы со спрятанным оружием являются на торговые пароходы, во время плавания избивают команду, пассажиров-европейцев и захватывают судно. Они похищают и убивают каждого европейца, который подвергается им под руку. Даже кули, эмигрирующие в чужие страны, словно по уговору, устраивают мятежи на каждом эмигрантском корабле, дерутся за овладение им и предпочитают пойти вместе с ним ко дну или погибнуть в его пламени, чем сдаваться. Даже за пределами своей родины китайские колонисты, донныне самые покорные и кроткие подданные, устраивают заговоры и внезапно поднимают ночные восстания, как это было в Саравак или Сингапуре, и их можно держать в покорности только физической силой, при помощи большой бдительности. Это возмущение китайцев против всех чужеземцев было вызвано пиратской политикой британского правительства, которая придала ему характер войны на истребление.

Что может сделать армия против народа, прибегающего к таким способам войны? Где и насколько должна она проникнуть в неприятельскую страну и как ей продержаться там? Культуртрегеры, которые бросают каленые ядра в беззащитные города и к убийствам прибавляют изнасилования, назовут эту систему трусливой, варварской, жестокой; но что за дело до этого китайцу, если она ведет к успеху? Если британцы обращаются с китайцами, как с варварами, то они не могут отказать им в праве на все преимущества, вытекающие из их варварства. Если похищения, нападения врасплох, ночные избиения принято считать у нас трусостью, то культуртрегеры не должны забывать, что они сами же признали, что китайцы не могут устоять против европейских средств разрушения при помощи нормальных способов войны.

Короче говоря, вместо того, чтобы читать проповедь по поводу ужасных жестокостей китайцев, как делает рыцарственная английская пресса, было бы лучше, если бы мы признали, что это — война *pro aris et focis* [за алтари и очаги], что это — война народная, ради сохранения китайской национальности, если хотите, со всеми ее высокомерными предрассудками, глупостью, ученым невежеством и педантичным варварством, но все же — настоящая народная война. А в народной войне средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения общепризнанных правил регулярного ведения войны или какого-либо другого абстрактного критерия, а лишь с точки зрения той ступени цивилизации, которой достиг восставший народ.

На этот раз англичане попали в трудное положение. До сих пор национальный китайский фанатизм, повидимому, распространяется только в тех южных провинциях, которые не примыкали к великому восстанию. Ограничится ли война этими провинциями? В таком случае она наверное не приведет ни к какому результату, так как все жизненные центры империи останутся вне угрозы. В то же время война станет для англичан чрезвычайно опасна, если фанатизм охватит также население внутренних областей. Можно до основания разрушить Кантон и во всевозможных пунктах бомбардировать берега, но и любых сил, которые англичане смогут собрать, будет недостаточно, чтобы завоевать и удержать за собой две провинции — Гуандун и Гуанси. Что же в таком случае могут они сделать в дальнейшем? Страна к северу от Кантона до Шанхая и Нанкина находится в руках китайских повстанцев, восстановить которых против себя было бы политической ошибкой, а к северу от Нанкина единственным пунктом, нападение на который дало бы решительный

результат, является Пекин. Но где взять армию для создания укрепленной и снабженной гарнизоном оперативной базы на берегу, для преодоления каждого препятствия по пути, для обеспечения сообщений с берегом при помощи особых частей и для того, чтобы появиться под стенами города, величиною с Лондон и в расстоянии ста миль от береговой базы, со сколько-нибудь солидными силами? С другой стороны, удачная демонстрация против столицы может глубоко потрясти самое существование Китайской империи, ускорить падение династии Мин и проложить дорогу не английскому, а русскому продвижению.

Новая англо-китайская война сулит так много осложнений, что положительно немислимо угадать ее возможный оборот. В течение нескольких месяцев недостаток войск, а еще дольше — недостаток решительности, более или менее обрекут англичан на бездействие, за исключением, пожалуй, нескольких неважных пунктов, к которым при нынешних обстоятельствах можно причислить Кантон.

Несомненно одно: смертный час старого Китая приближается быстрыми шагами. Гражданская война уже разделила юг и север империи, и вождь повстанцев, сидя у себя в Нанкине, повидимому, чувствует себя в такой же безопасности от императорских войск (если не от интриг своих собственных сторонников), в какой сам небесный император пребывает от повстанцев в своем Пекине. До сих пор Кантон вел нечто в роде самостоятельной войны с англичанами и вообще с иностранцами; но пока британские и французские флоты и войска собираются к Гонконгу, сибирские линейные казаки медленно, но неуклонно продвигают свои станицы от Даурских гор к берегам Амура, а русская морская пехота окружает укреплениями великолепные гавани Манчжурии. Самый фанатизм южных китайцев в их борьбе против иностранцев довольно красноречиво говорит о сознании огромной опасности, грозящей старому Китаю; пройдет немного лет, и мы будем свидетелями предсмертной борьбы самой древней империи мира и вместе с тем зарю новой эры для всей Азии.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5032 от 5 июня 1857 г.

Без подписи.

ДОГОВОР С ПЕРСИЕЙ.

Лондон, 12 июня 1857 г.

Несколько времени тому назад, когда лорду Пальмерстону в его же собственной палате общин был задан вопрос о персидской войне, он насмешливо ответил: «Как только произойдет ратификация *мирного договора*, палата сможет высказать свое мнение о *войне*». Мирный договор, подписанный 4 марта 1857 г. в Париже и ратифицированный в Багдаде 2 мая 1857 г., в настоящее время представлен палате общин. Он состоит из четырнадцати статей, из которых восемь загружены обычным балластом мирных договоров. Статья V предусматривает эвакуацию персидскими войсками Герата, как провинции, так и города, и всех занятых ими частей Афганистана в течение трех месяцев со дня обмена ратификациями настоящего договора. Со своей стороны, по статье XIV, британское правительство обязуется, как только вышеупомянутое условие будет выполнено, «немедленно вывести британские войска из всех портов, мест и островов, принадлежащих Персии». Необходимо, однако, вспомнить, что эвакуация персидских войск из Герата была предложена по собственной инициативе персидского посланника Ферух-ханом во время его длительных переговоров с лордом Стратфордом де-Редклиф в Константинополе, еще до того, как произошел захват Бушира. Таким образом, единственная новая выгода, извлекаемая Англией из этого условия, ограничивается тем, что она получит привилегию в течение самого нездорового времени года приковать свои войска в этом самом зачумленном месте Персидской империи. Ужасные опустошения, которые солнце, болота и море в летние месяцы производят даже среди местного населения Бушира и Мохаммеры, занесены в летописи истории древними и новыми писателями; нам, однако, нет надобности ссылаться на них, ибо всего лишь несколько недель тому назад один весьма компетентный судья в этом деле и к тому же приверженец Пальмерстона, сэр Генри Раулинсон, публично заявил, что англо-индийские войска наверное погибнут от ужасов климата. Лондонский «Times», получив известия о победе при Мохаммере, сразу заявил, что, несмотря на мирный договор, необходимо ради спасения войск

продвинутся в Шираз. Равным образом самоубийства британского адмирала и генерала, поставленных во главе этой экспедиции, объясняются их страхом за вероятную участь войск, которые, согласно правительственной инструкции, они не смели продвинуть далее Мохаммеры. Таким образом, следует наверное ожидать повторения крымской катастрофы в меньшем масштабе, — катастрофы, которая на этот раз вызывается не нуждами войны и не грубыми ошибками правительства, а мирным договором, написанным мечом победителя. В приведенных выше статьях договора встречается одна фраза, которая, если того пожелает Пальмерстон, может стать «маленьким яблоком раздора».

Статья XIV предписывает «вывод британских войск из всех портов, мест и островов, *принадлежащих Персии*». Но вот вопрос: *принадлежит* ли Персии город Мохаммера или нет? Турки никогда не отказывались от своих притязаний на этот пункт, расположенный в дельте Евфрата, который являлся для них единственным, всегда доступным, морским портом на этой реке, так как порт Басра в известные времена года становится слишком мелким для судов большого водоизмещения. Поэтому, если Пальмерстону заблагорассудится, то он сможет удержать за собой Мохаммеру под тем предлогом, что она «не принадлежит» Персии, и ждать окончательного решения пограничного вопроса между Турцией и Персией.

Статья VI предусматривает, что Персия согласна «отказаться от всех притязаний на суверенитет над территорией и городом Гератом и над областями Афганистана»; «воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела Афганистана»; «признать независимость Герата и всего Афганистана и навсегда отказаться от попыток нарушить независимость этих государств»; обращаться в случае разногласий с Гератом и Афганистаном к дружеским услугам британского правительства «в целях устранения этих разногласий и прибегать к оружию только в том случае, если эти услуги окажутся безрезультатны». Со своей стороны, британское правительство обязуется «во всякое время оказывать свое влияние на государства Афганистана чтобы не позволять им давать какие-либо поводы для подозрений», и «прилагать все свое старание в целях улаживания споров способами справедливыми и соответствующими достоинству Персии».

Если освободить эту статью от казенных формулировок, то она означает не более, не менее, как признание Персией независимости Герата, — уступка, которую Ферух-хан объявлял себя готовым сделать еще на совещаниях в Константинополе. Правда, согласно этой

статье, британское правительство назначается официальным посредником между Персией и Афганистаном, однако с начала нынешнего столетия оно всегда играло эту роль. Окажется ли оно в силах продолжать эту роль или нет, вопрос не права, а силы. Кроме того, если при тегеранском дворе имеется свой персидский Гуго Гроций, то он укажет на то, что, согласно международному праву, всякое условие, которым независимое государство дает иностранному правительству право вмешиваться в свои международные отношения, не имеет силы, и тем более не имеет силы в данном случае, поскольку оно трактует Афганистан, этот поэтический термин для обозначения различных племен и государств, как действительное государство. В дипломатическом смысле государство Афганистан существует не в большей мере, чем государство Панславия.

Статья VII, содержащая предписание о том, что в случае какого-либо нарушения персидской границы афганскими государствами «персидское правительство имеет право предпринимать военные действия для подавления и наказания нападающих», однако «должно вернуть свои войска в свои собственные пределы, как только цель будет достигнута», есть не более, как буквальное повторение той самой статьи договора 1852 г., которая дала непосредственный повод к Буширской экспедиции.

В силу ст. XIV Персия дает согласие на учреждение и признание британских генерального консула, консулов, вице-консулов и консульских агентов, которым должно быть предоставлено положение наиболее благоприятствуемой нации; однако в силу ст. XII британское правительство отказывается от «права покровительствовать впредь какому-либо персидскому подданному, не состоящему фактически на службе британской миссии или британского генерального консула, консулов, вице-консулов и консульских агентов».

На учреждение британских консульств в Персии Ферух-хан дал согласие еще до начала войны, и нынешний договор прибавляет только отказ Англии от права оказывать покровительство персидским подданным, — права, которое послужило одной из официальных причин войны. Австрия, Франция и другие государства добились учреждения своих консульств в Персии, не прибегая к разбойничьим экспедициям.

Наконец, договор насильно водворяет г. Муррея при тегеранском дворе и предписывает принести ему извинения в том, что в одном письме шаха, адресованном Садир Азиму, он был характеризован как «глупый, невежественный и сумасбродный человек», как «простофиля» и автор «грубого, бессмысленного и омерзительного документа».

Принесение извинений г. Муррею тоже было предложено в свое время Ферух-ханом, но тогда отклонено британским правительством, которое настаивало на отставке Садир-Азима и торжественного въезда г. Муррея в Тегеран «под звуки рожков, флейт, арф, волынок, гуслей, цитр и всякого рода музыки». Г-н Муррей, в качестве генерального консула в Египте принимал подарки от французского консула г. Барро; при своем первом прибытии в Бушир отправлял на рынок для открытой продажи табак, подаренный ему тогда шахом; фигурируя при одной персидской даме сомнительной репутации в качестве странствующего рыцаря, и поэтому не мог внушить восточной публике очень высокие представления о неподкупности и достоинстве англичан. Поэтому его вторичное допущение к персидскому двору следует признать скорее сомнительным успехом. Договор в целом, помимо предложений, сделанных Ферух-ханом до начала войны, не содержит ни одного условия, которое можно было бы признать стоящим хотя бы потраченной на него бумаги, а тем более истраченных ради него денег и крови. Чистой прибылью Англии от персидской экспедиции можно признать следующее: ненависть, заработанную ею по всей Центральной Азии; недовольство в Индии, усиленное отправкой индийских войск и новыми тяготами, возложенными на индийское казначейство; почти неизбежное повторение крымской катастрофы; признание официального посредничества Бонапарта между Англией и азиатскими государствами и, наконец, приобретение Россией двух участков, территории важного значения — одного у Каспийского моря, другого на северной береговой границе Персии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5048 от 24 июня 1857 г.

Без подписи.

* ГОРНАЯ ВОЙНА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Недавняя и еще не вполне исчезнувшая возможность вторжения в Швейцарию естественно вызвала общественный интерес не только к оборонительным средствам этой горной республики, но и к условиям горной войны вообще. Публика обычно склонна считать Швейцарию неприступной страной и приравнивать наступающую на нее армию к тем римским гладиаторам, прощальный возглас которых: «*Ave Caesar, morituri te salutant*», Да здравствует Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» получил такую широкую известность. Припоминают Земпах и Моргартен, Морат и Грансон и замечают, что неприятельской армии было бы довольно легко проникнуть в Швейцарию, зато, как сказал шут Альберта Австрийского, выбраться оттуда ей было бы трудно. Даже военные перечисляют дюжину горных проходов и ущелий, в которых горсть людей без труда могла бы с успехом противостоять тысяче-другой лучших солдат.

Это традиционное представление о неприступности так называемой швейцарской горной крепости дошло до нас от эпохи войн Швейцарии с Австрией и Бургундией в XIV и XV веках. В войне с Австрией главным орудием нападающих была закованная в латы рыцарская конница; ее сила заключалась в сокрушительной атаке против армий, не имевших для защиты огнестрельного оружия. Но такая атака была как раз невозможна в стране, как Швейцария, где кавалерия, за исключением самой легкой, притом в небольшом числе, даже и теперь неприменима. Во сколько раз бессильнее были рыцари XIV века, таскавшие на себе три пуда железа! Им приходилось спешиваться и драться в пешем строю. Таким образом они теряли последние остатки своей подвижности, из нападающих превращались в обороняющихся, а, будучи захвачены в ущелья, оказывались беззащитными даже против дубин и палиц. В эпоху бургундских войн пехота, вооруженная копьями, заняла более важное место в войсках; кроме того, было введено огнестрельное оружие; тем не менее пехота все еще была стеснена тяжестью своих оборонительных доспехов, пушки тоже были тяжелые, а ручное оружие было неудобно и сравнительно мало пригодно. Все снаряжение войск было

еще настолько громоздко, что делало их совершенно непригодными для горной войны, особенно в те времена, когда дорог, можно сказать, почти не существовало. В результате всякий раз, когда эти малоподвижные армии попадали в трудно проходимую местность они основательно застревали в ней, и легко вооруженные швейцарские крестьяне имели полную возможность наступать, обходить противника, окружать и в конце концов разбивать его.

В течение трех столетий после бургундских войн Швейцария ни разу не подвергалась серьезному нашествию. Легенда о непобедимости швейцарцев стала от старости почтенной, пока великое событие, Французская революция, разбившее вдребезги так много почтенных легенд, не разрушила и эту легенду, по крайней мере в глазах людей, знакомых с военной историей. Времена изменились. Закованная в железо конница и тяжелые копейщики исчезли, тактика прошла целый ряд революций, главным качеством армий стала их подвижность, линейная тактика Мальборо, Евгения Савойского и Фридриха Великого была опрокинута колоннами и застрельщиками революционных армий, и с того дня, как в 1796 г. генерал Бонапарт перешел Альпы у Коль де Кадибон и, бросившись между разбросанными колоннами австрийцев и сардинцев, разбил их с фронта, одновременно отрезав им пути отступления в тесных долинах Приморских Альп и захватив в плен большую часть их состава, — с того дня создавалась новая наука горной войны, положившая конец неприступности Швейцарии.

В период линейной тактики, который непосредственно предшествовал периоду современной войны, оба противника старательно избегали трудных для движения местностей. Чем более ровной была равнина, тем лучшим полем она считалась для сражения, лишь бы только на ней было какое-нибудь препятствие, обеспечивавшее один или оба фланга. Но с французскими революционными армиями началась другая система. Для обороны старались найти позицию с препятствием перед фронтом, которое могло бы служить укрытием для застрельщиков, равно как для резервов. В целом революционные армии оказывали предпочтение местности с тяжелыми условиями для передвижения; их войска были гораздо подвижнее и их боевой порядок из рассыпного строя и колонн допускал не только быстрое передвижение в любом направлении, но и извлекал выгоды из прикрытий, предоставляемых пересеченной местностью, тогда как их противник на ней совершенно терялся. Таким образом, фактически термин «трудная местность» был вычеркнут из военной терминологии.

Это и пришлось почувствовать швейцарцам в 1798 г., когда четыре

французских дивизии, невзирая на упорное сопротивление со стороны жителей и на трехкратное восстание старых лесных кантонов, завладели страной, которая в течение дальнейших трех лет стала одним из важнейших театров войны между Французской республикой и коалицией. Как мало пугали французов недоступные горы и ущелья Швейцарии, это они показали еще в марте 1798 г., когда Массена сразу предпринял наступление на самый дикий и гористый кантон, Граубинден, занятый тогда австрийцами. Последние держали в своих руках верхнюю долину Рейна. Концентрическими колоннами войска Массены вторглись в эту долину через горные перевалы, едва доступные для лошадей, заняли все выходы из нее и после непродолжительного сопротивления принудили австрийцев сложить оружие. Однако австрийцы быстро использовали этот урок; под командой генерала Котце, который достиг большого искусства в горной войне, они снова перешли в наступление, повторили тот же маневр и выбили французов. Тогда последовало отступление Массены к оборонительным позициям у Цюриха, где он разбил русскую армию Корсакова, затем вторжение Суворова в Швейцарию через Сен-Готард и его злополучное отступление и, наконец, новое продвижение французов через Граубинден в Тироль, где Макдональд глубокой зимой перевалил через три горных хребта, считавшихся тогда трудно проходимыми даже гуськом. Последовавшие после этого большие кампании Наполеона разыгрались уже в больших бассейнах рек Дуная и По, так как грандиозные стратегические замыслы, лежавшие в основе их, строились на том, чтобы отрезать неприятельские армии от центра их снабжения, разбить их и потом захватить самый центр, а для этого требовалась менее пересеченная местность и сосредоточение масс для решительных битв, невозможное в альпийских местностях. Однако, начиная с первой альпийской кампании Наполеона в 1796 г. и его похода через Юлийские Альпы на Вену в 1797 г. и до 1801 г., вся история ведения войны указывает, что альпийские хребты и долины совершенно перестали пугать современные армии; точно так же с тех пор до 1815 г. Альпы не дали ни французам, ни коалиции ни одной хоть сколько-нибудь серьезной оборонительной позиции.

Проходя по любой из глубоких ложбин, вдоль которых, извиваясь, поднимаются дороги, ведущие от северных склонов Альп к их южному спаду, вы на каждом повороте дороги встретите солиднейшие оборонительные позиции. Возьмите, напр., хорошо известную Виа Мала. Не найдется офицера, который не вызвался бы с одним батальоном удержать это ущелье против неприятеля, *при условии,*

что его не обойдут с тыла. Но в этом-то и заключается все дело. Даже на самых высоких хребтах Альп нет ни одного горного прохода, которого нельзя было бы обойти. Правилом Наполеона в горной войне было: «Где может пройти козел, там может пройти человек; где пройдет человек, пройдет батальон, а где батальон, там армия». Так Суворов и был вынужден поступить, когда он был полностью заперт в долине Рейсса: ему пришлось вести свою армию по пастушьим тропинкам, где можно было идти только в колонне по одному, в то время как по его пятам следовал сам Лекурб, лучший французский генерал в горной войне!

Вот эта-то возможность обойти неприятеля с фланга и нейтрализует с избытком силу оборонительных позиций, которые часто было бы совершенным безумием пытаться брать фронтальной атакой. Охрана всех путей, по которым можно обойти оборонительные позиции, означала бы для обороняющейся стороны такое распыление сил, что поражение было бы неминуемо. В лучшем случае эти пути можно только держать под наблюдением, и отражение обхода должно зависеть от правильного использования резервов и от сообразительности и быстроты командиров отдельных частей. Все же, если из трех или четырех обходящих колонн всего лишь одна добьется успеха, то обороняющаяся сторона попадет в такое же трудное положение, как и в случае успеха всех колонн. Таким образом, со стратегической точки зрения в горной войне положение нападающего имеет решительное превосходство над положением обороняющегося.

Тот же вывод получается при рассмотрении вопроса с чисто тактической точки зрения. Оборонительными позициями всегда будут служить тесные горные ущелья, занятые сильными колоннами в долине и прикрытые стрелками на соседних высотах. Эти позиции могут быть обойдены либо с фронта, когда группы стрелков взбираются по склонам, окружающим долину, и охватывают фланги стрелков обороняющейся стороны, или когда части наступающей стороны движутся по хребтам там, где это возможно, или по параллельно идущим долинам, причем обходящие используют какой-нибудь перевал для нападения с фланга или тыла на обороняющихся. Во всех этих случаях обходящие части имеют на своей стороне преимущества *командующего положения*; они занимают более возвышенные участки местности и стоят над долиной, занятой их противниками. Они могут скатывать на него камни и деревья, ибо в настоящее время ни одна воинская часть не настолько глупа, чтобы вступить в глубокое ущелье, не очистив предварительно его стен; таким образом, этот еще недавно излюбленный способ обороны обращается теперь

против обороняющегося. Другим невыгодным условием для обороны является то, что огнестрельное оружие, на которое она главным образом, опирается, в значительной степени теряет свою эффективность в гористой местности. Артиллерия либо бесполезна, либо, если ею пользуются всерьез, ее приходится бросать при отступлении. Так называемая горная артиллерия, состоящая из легких гаубиц, перевозимых на вьючных мулах, дает весьма незначительный результат, как это в достаточной мере доказывает опыт французов в Алжире. Что же касается использования ружья и пр., то укрытия, которые повсюду имеются в гористой местности, лишают оборону весьма большого преимущества, а именно наличия перед оборонительной позицией открытого пространства, которое неприятель должен пройти под огнем. Таким образом, и с тактической, и со стратегической точек зрения мы приходим к заключению, сделанному эрцгерцогом Карлом Австрийским, одним из лучших генералов горной войны и одним из классических теоретиков этого вопроса, гласящему, что в войне этого типа наступление имеет огромные преимущества перед обороной.

Значит ли это, что оборона горной страны — вещь совершенно бесполезная? Конечно, нет. Это значит лишь, что оборона не должна быть только пассивной, и что она должна черпать свою силу в подвижности и всюду, где представляется случай, действовать наступательно. В альпийских странах сражения едва ли могут иметь место; вся война представляет непрерывную цепь мелких действий, попыток нападающей стороны там или тут вогнать тонкое острие клина в расположение противника и затем продвигаться вперед. По необходимости обеим армиям приходится разбрасываться; обеим приходится на каждом шагу рисковать попасть под удачный удар; обеим приходится полагаться на счастливые случаи. Таким образом, единственное преимущество, которое может получить обороняющаяся армия, заключается в том, чтобы найти уязвимое место неприятеля и броситься между его разобщенными колоннами. В этом случае сильные оборонительные позиции, на которые только и полагалась бы чисто пассивная оборона, могут сыграть для неприятеля роль ловушек, куда его можно завлечь для фронтальной атаки, в то время как главные усилия защиты направлены против обходящих колонн, каждая из которых может в свою очередь оказаться обойденной и попасть в то самое беспомощное положение, в которое она собиралась поставить обороняющуюся сторону. Совершенно ясно, однако, что такая активная оборона требует особенно активных опытных и искусных генералов, в высшей степени дисциплинированных и

подвижных войск и в первую очередь очень искусных и надежных руководителей бригад, батальонов и даже рот, ибо в этих случаях все зависит от быстрого и осмотрительного действия отдельных частей.

Существует еще другая форма оборонительной горной войны, которая приобрела широкую известность в наше время; эта форма присуща национальным восстаниям и партизанской войне, для которой требуется, по крайней мере в Европе, наличие горной страны. Мы имеем четыре примера такой войны: тирольское восстание, испанская партизанская война против Наполеона, баскское карлистское восстание и войну кавказских племен против России. Хотя все они причиняли завоевателям большие неприятности, ни одна из них, сама по себе, не увенчалась успехом. Тирольское восстание было внушительно лишь до тех пор, пока, как это было в 1809 г., его поддерживали австрийские регулярные войска. Испанские партизаны, хотя и имели на своей стороне огромное преимущество обширных пространств, могли оказать длительное сопротивление лишь благодаря англо-португальской армии, против которой французам приходилось постоянно направлять свои главные усилия. Продолжительность карлистской войны объясняется упадком, в который пришла к тому времени испанская регулярная армия, и нескончаемыми переговорами между карлистами и генералами Христины; поэтому она и не является подходящим примером. Наконец, борьба на Кавказе, которая из всех таких войн покрыла горцев наибольшей славой, их относительные успехи объясняются наступательной тактикой, которой они по преимуществу держались при обороне своей территории. Всякий раз как русские войска, которые наряду с британскими менее всего пригодны для ведения горной войны, нападали на кавказцев, последние терпели поражение, их деревни подвергались разрушению, и русские закрепляли за собой горные перевалы при помощи сторожевых фортов. Сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах против передвигающихся русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики. В этом отношении они в корне отличаются от швейцарских восстаний 1798 и 1799 гг., в которых восставшие занимали какую-либо сравнительно сильную оборонительную

позицию и ожидали французов, которые каждый раз разбивали их на-голову.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана

в «New York Daily Tribune».

№ 4921 от 27 января 1857 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ В АНГЛИИ.

Лондон, 13 марта 1857 г.

«Станьте среди попов, мой добрый лорд,
Ибо на эту тему будет мой священный напев.»

Пальмерстон не совсем следует совету, преподанному Бэкин-гемом Ричарду III. Он стал между попами, с одной стороны, и контрабандистами опиума—с другой. В то время как епископы новейшей церкви, которых матерый обманщик позволил своему родственнику, графу Шефтсбери, назначить, свидетельствуют о его «праведности», контрабандисты опиумом, торговцы «сладким ядом вкуса времени», ручаются за его верную службу этому «товару — пристрастию мира». Шотландец Берк гордился лондонскими «воскрешателями»¹. Пальмерстон так же гордится ливерпульскими «отравителями». Эти гладко выбритые господа являются достойными представителями города, величие которого можно проследить по прямой родословной к торговле рабами. Ливерпуль, вообще не славящийся поэтическим творчеством, может, по крайней мере, притязать на ту оригинальную заслугу, что он обогатил поэзию одами на тему о работоторговле. В то время как Пиндар начинает свой гимн победителям на олимпийских играх знаменитой строфой: «Нет ничего лучше воды» (*ariston men hudor*), современный ливерпульский Пиндар мог бы снабдить свой гимн о чемпионах с Даунингстрита еще более остроумным вступлением: «Нет ничего лучше опиума».

Рядом с благочестивыми епископами и нечестивыми контрабандистами опиума идут крупные чаоторговцы, в большинстве своем прямо или косвенно причастные к торговле опиумом и потому заинтересованные в том, чтобы перешагнуть через существующие договоры с Китаем. Кроме того, у них имеются еще и свои особые мотивы. Так как в прошлом году они предприняли огромные спекуляции чаем, то продолжение военных действий одновременно поднимет цены на имеющиеся у них огромные запасы чая и позволит им

¹ Так назывались люди занимавшиеся тайным выкапыванием трупов, чтобы доставлять их за плату изучавшим анатомию. *Ред.*

отсрочить свои крупные платежи кредиторам в Кантоне. Таким образом, война даст им возможность обмануть в одно и то же время и своих британских покупателей, и своих китайских продавцов и таким образом осуществить то, что они понимают под словами: «национальная слава» и «коммерческий интерес». Как правило, британские промышленники не разделяют догм этого ливерпульского катехизиса в силу того же возвышенного принципа, который противопоставляет манчестерцев, добивающихся низких цен на хлопок, господам из Ливерпуля, добивающихся высоких цен на него. Во время первой англо-китайской войны, длившейся от 1839 до 1842 г., британские промышленники тешили себя ложными надеждами на чудесное расширение экспорта. В своем воображении они аршин за аршином вымеривали бумажные материи, в которые они будут одевать население Небесной империи. Практический опыт разрушил гипноз, под которым пальмерстоновские политики держали их мозги. От 1854 до 1857 г. экспорт в Китай британских мануфактурных товаров не превышал в среднем 1 250 000 ф. ст., т. е. суммы, которую он часто достигал в годы, предшествовавшие первой войне с Китаем.

«Фактически, — говорил Кобден, представитель английских промышленников, в палате общин — мы (т. е. Соединенное королевство) с 1842 г. несколько не увеличили нашего экспорта в Китай — по крайней мере, по промышленным изделиям. Мы увеличили наше потребление чая — и только».

Вот почему английские промышленники шире подходят к вопросам китайской политики, чем английские епископы, контрабандисты опиума и чаоторговцы. Если не считать налогопожирателей и карьеристов, которые цепляются за полы каждого правительства, а также глупых патриотов-завсегдатаев кофеен, которые верят, что под эгидой Пама «дух нации мужает», то окажется что мы перечислили всех сторонников Пальмерстона. Впрочем, мы не должны еще забывать лондонской газеты «Times» и великого жреца британской прессы; журнала «Punch» — ее клоуна; оба они прикованы к нынешнему правительству золотыми и казенными цепочками и потому наполняют свои описания деланным энтузиазмом перед героем кантонских убийств. Но в таком случае необходимо иметь в виду, что голосование палаты общин обозначало мятеж не только против Пальмерстона, но и против «Times». Поэтому предстоящие выборы должны решить вопрос как о том, заберет ли Пальмерстон всю власть в государстве, так и о том, монополизировать ли «Times» обработку общественного мнения.

Каким лозунгом может Пальмерстон привлечь к себе голоса на общих выборах? Лозунгом о расширении торговли с Китаем?

Но ведь он разрушил самый порт, от которого эта торговля зависела. Он переключил на более или менее продолжительное время эту торговлю с моря на сушу, переместив ее из пяти портов в Сибирь, перенес от Англии к России. В Соединенном королевстве он повысил пошлину на чай — самое большое препятствие к расширению китайской торговли. Выдвинет ли он в качестве лозунга безопасность британских купцов-предпринимателей? Но Синяя книга, озаглавленная «Переписка, касающаяся оскорблений, нанесенных англичанам в Китае», представленная министерством палате общин, показывает, что за последние семь лет было только шесть случаев оскорблений, причем в двух из них зачинщиками были сами англичане, а в четырех прочих китайские власти приложили все старания к тому, чтобы наказать обидчиков и дать полное удовлетворение британским властям. Если в настоящее время имущество и жизнь английских купцов в Гонконге, Сингапуре и др. находятся под угрозой, то эти опасности вызваны самим же Пальмерстоном. Но честь английского флага! Пальмерстон продал ее по частям по 50 ф. ст. контрабандистам Гонконга и запятнал его «массовыми убийствами незащитных покупателей британских товаров». А между тем эти лозунги — расширение торговли, безопасность британских купцов-предпринимателей и честь британского флага — являются единственными, выдвинутыми теми правительственными оракулами, которые до сего времени обращались к избирателям. Они благоразумно избегают затрагивать вопросы внутренней политики, ибо выдвигать такие лозунги, как «никаких реформ» или «больше налогов», не годится. Один из членов пальмерстоновского кабинета, лорд Мельгрэв, казначей королевского дома, заявляет своим избирателям, что он «не будет излагать никаких политических теорий». Другой министр, Боб Лоу, в своей речи в Киддерминстере высмеивает тайное голосование, расширение избирательного права и тому подобную «чепуху». Наконец, третий, г. Лабушир, тот самый умник, который защищал бомбардировку Кантона на том основании, что если палата признает ее несправедливой, то английскому народу придется уплатить по счету около 5 000 000 ф. ст. иностранным купцам, собственность которых была уничтожена в Кантоне, — этот-то Лабушир в своем воззвании к тонтонским избирателям совсем игнорирует политику и обосновывает свои притязания на великих деяниях Баурина, Паркса и Сеймура.

В таком случае замечание одной британской провинциальной газеты, что Пальмерстон не только не нашел «удачного лозунга для избирательной платформы, но не нашел вообще никакого лозунга»,

вполне верно. Все же его дело не совсем безнадежно, со времени голосования палаты общин обстоятельства совершенно изменились. Местный акт насилия в Кантоне повел к общей войне с Китаем. Остается лишь решить, кто должен вести эту войну? Человек, утверждающий, что эта война справедлива, разве не способен более энергично вести ее, нежели его противники, которые надеются пройти на выборах потому, что осуждают ее? Не запутает ли Пальмерстон во время своего междуцарствия дела так, что без него уже нельзя будет обойтись? И не одержит ли Пальмерстон победу уже в силу того факта, что имеет место избирательная борьба? Для большинства британских избирателей в их нынешнем составе избирательная борьба означает борьбу между вигами и тори. Но так как Пальмерстон является настоящим главой вигов, а его поражение должно отдать власть тори, то не отдаст ли большинство так называемых либералов свои голоса Пальмерстону, с тем, чтобы исключить Дерби? Таковы по сути соображения, на которые рассчитывают сторонники министерства. Если их расчеты окажутся правильными, то диктатура Пальмерстона, которую до сих пор переносили молча, будет провозглашена открыто. Новое парламентское большинство своим существованием будет обязано формальному признанию своей пассивной покорности министру. Вслед за апелляцией Пальмерстона от парламента к народу может в надлежащее время последовать государственный переворот, подобно тому как он последовал за апелляцией Бонапарта от Национального собрания к нации. Народ, быть может, к своему несчастью, убедится тогда, что Пальмерстон, это — старый член кабинета Каслри-Сидмауса, который зажал рот печати, запретил свободу собраний, приостановил действие «*Nabeas corpus*», узаконил право кабинета производить аресты и ссылки по своему произволу и, наконец, избивал народ в Манчестере за протесты против хлебных законов.

Написана К. Марксом.

Напечатана

в «New-York Daily Tribune»

№ 4975 от 31 марта 1857 г.

в качестве передовой

Без подписи.

АНГЛИЙСКИЕ ВЫБОРЫ.

Лондон, 20 марта 1857 г.

Будущий историк, который напишет историю Европы периода от 1848 до 1858 г., поразится сходством между обращением Бонапарта к народу Франции в 1851 г. и обращением Пальмерстона к народу Соединенного королевства в 1857 году. И тот, и другой мотивировали свой акт тем, что они будто бы апеллируют от парламента к нации, от предательской коалиции партий к бесхитроственному общественному мнению. Оба выставляли те же основания. Если Бонапарту приходилось спасать Францию от социального кризиса, то Пальмерстону нужно спасти Англию от международного кризиса. Пальмерстону, подобно Бонапарту, приходится отстаивать необходимость сильной исполнительной власти против пустой болтовни и назойливого вмешательства законодательной власти. Бонапарт обращался одновременно и к консерваторам, и к революционерам; к первым, как врагам аристократии, ко вторым, как врагам буржуазной узурпации. Разве Пальмерстон не оскорблял каждое деспотическое правительство? Может ли он быть неприятен какому-либо либералу? С другой стороны, разве он не предавал каждую революцию? Не должен ли он быть избранником консерваторов? Он противодействовал всякой реформе, и могут ли консерваторы не поддерживать его? Он не подпускает тори к должностям, — как же могут либеральные карьеристы покинуть его? Бонапарт носит имя, грозное для иностранцев и олицетворяющее славу Франции. Не то же ли самое положение занимает Пальмерстон по отношению к Соединенному королевству? По крайней мере, за исключением некоторых небольших перерывов, он ведал иностранными делами с 1830 г., со времени реформированной Англии, т. е. с начала ее современной истории. Поэтому международное положение Англии, каким бы оно ни было «грозным» или «славным» в глазах иностранцев, сосредоточивается в личности лорда Пальмерстона. Одним ударом Бонапарт уничтожил всех официальных людей Франции, а разве Пальмерстон не «расшибает вдребезги» Росселей, Грэхемов, Гладстонов, Робаков, Кобденов, Дизраэлей и tutti quanti? У Бонапарта не было никаких

принципов, никаких сдерживающих начал, но он обещал дать стране то, чего она желала, — человека. То же самое делает и Пальмерстон. Он — человек. Его худшие враги не решаются обвинить его в том, что он представляет принцип.

Разве режим Законодательного собрания не являлся режимом коалиции легитимистов и орлеанистов с легкой прослойкой республиканских буржуа? Сама эта коалиция доказывала разложение представляемых ими партий и в то же время старые партийные традиции позволяли им объединиться только в отрицательном единстве. Такое отрицательное единство неспособно к действию; его действия могут быть только отрицательными; оно может только преградить путь; отсюда могущество Бонапарта. Не так ли обстоит дело и с Пальмерстоном? Разве парламент, заседавший с 1852 г., не был коалиционным парламентом и разве он потому не воплотился с самого начала в коалиционном кабинете? Когда Бонапарт силой закрыл Национальное собрание, в нем уже не было дееспособного большинства. То же самое было и с палатой общин, когда Пальмерстон объявил ее распущенной. Но здесь сходство прекращается. Бонапарт произвел государственный переворот до того, как он обратился к нации. Связанный узами конституции, Пальмерстон должен обратиться к нации раньше, чем произвести государственный переворот. В этом отношении нельзя отрицать все преимущества на стороне Бонапарта. Убийства в Париже, солдатские погромы в провинциях, военное положение повсюду, массовые изгнания, аресты и ссылки, штык позади и пушка впереди избирательных урн — все это придавало аргументам бонапартовской прессы (единственной, не смытой декабрьским потоком) зловещее красноречие, убедительности которого не могла умалить ни плоская софистика, ни возмутительная логика, ни тошнотворно-цветистая лесть этой прессы. Напротив, позиция Пальмерстона становится тем слабее, чем более его наемники напрягают свои легкие. Большой дипломат, он забыл приказать своим лакеям, чтобы они помнили предписание хромого, который хотел вести слепого, он забыл внушить им талейрановское «*pas trop de zèle*» [«не слишком усердствуйте»]. И действительно, они переселили, исполняя свою роль. Возьмите, напр., такой дифирамб в одном столичном органе:

«Да здравствует Пальмерстон!» — таков клич, который мы надеемся услышать на каждом избирательном собрании. Самая беззаветная преданность лорду Пальмерстону — таков первый догмат, которого нужно требовать от символа веры каждого кандидата... Необходимо принудить либеральных кандидатов признать, что лорд Пальмерстон на посту премьера эта политическая

необходимость момента. Во что бы то ни стало нужно, чтобы он был признан человеком эпохи, не человеком, который грядет, но человеком, который уже пришел; не только как человек, выдвигаемый кризисом, но как человек и притом единственный из смертных, предназначенный для такого сочетания обстоятельств, навстречу которому явно идет наша страна... Он кумир нынешнего дня, любимец народа, восходящее, восшедшее уже солнце...»

Неудивительно, что Джон Булль неохотно терпит все это и что начинается реакция против пальмерстоновской горячки.

Так как сама личность Пальмерстона провозглашается политическим знаменем, то неудивительно, что его противники сделали своей политикой проработку его личности. Даже больше: мы видим, что Пальмерстон, словно волшебством, вызвал воскресение мертвых всех прежних светил парламентской Англии. Доказательством нашего утверждения служит выступление лорда Джона Росселя (вига) перед столичными избирателями на собрании в Лондонской таверне, появление пилита сэра Джемса Грэхема перед избирателями в Карлайле и, наконец, выступление Ричарда Кобдена, представителя манчестерской школы, на огромном митинге в Фритред-Холле в Манчестере. Пальмерстон поступил отнюдь не как Геркулес. Он не убил великана, подняв его на воздух, а придал новую силу пигмеям, повергнув их на землю. Если был человек, упавший в глазах общества, то это несомненно лорд Джон Россель, отец всех законодательных выкидышей, герой оппортунизма, посредник в Вене, человек, в руках которого роковым образом все превращалось в ничто. Взгляните же теперь на его триумфальное появление перед лондонскими избирателями. Откуда эта перемена? Она вызвана просто обстоятельствами, в которые поставил его Пальмерстон. Я, — сказал Россель, — отец закона об отмене протестантской присяги и законов о корпорациях, о парламентской реформе, о реформе муниципальных учреждений, отец урегулирования вопроса о церковных десятинах и некоторых либеральных мероприятий, касающихся диссидентов, и других законов, касающихся Ирландии. Словом, я воплощаю в себе сущность всего, что было прогрессивного в политике вигов. Пожертвуете ли вы мною ради человека, который представляет вигизм без его народных элементов, вигизм не как политическую партию, а только как клику карьеристов? Самые свои недостатки Россель обращал к своей выгоде. Я всегда был противником тайного голосования. Неужели вы ожидаете, что оттого, что Пальмерстон подверг меня опале, я теперь унижу себя отказом от своих убеждений и возьму на себя обязательство поддерживать радикальные реформы? — Нет! — закричала

его аудитория — Лорд Джон сейчас не должен быть принужден поддерживать тайное голосование. — Есть своего рода величие в маленьком человеке, который при данных обстоятельствах признает себя сторонником реформ по кусочкам. Трижды ура и еще раз ура лорду Росселю без тайного голосования! И затем он окончательно склонил чашку весов, спросив присутствующих, позволяют ли они маленькой клике торговцев опиумом, по приказанию Пальмерстона, организовать в избирательную корпорацию для того, чтобы навязать подсказанные правительством решения свободным избирателям столицы и по приказанию Пальмерстона устранить лорда Джона Росселя, их друга на протяжении шестнадцати лет? Нет, нет, закричало собрание, долой клику! Да здравствует лорд Джон Россель! Весьма вероятно, что Россель теперь не только пройдет в парламент от Лондона, но и пройдет первым в списке.

Но еще интереснее то, что было с сэром Джемсом Грэхемом. Если лорд Джон Россель стал смешным, то Грэхем стал жалким. Что же, — говорил он своим избирателям в Карлайле, — меня следует погасить, как догоревшую свечку, или я должен убраться, поджав хвост, как прогнанная с бегов собака, потому лишь, что один раз в жизни я поступил по совести и рискнул скорее потерять свое политическое положение, нежели подчиниться приказанию одного человека? Вы выбрали меня своим представителем, несмотря на все мои постыдные поступки. Неужели вы дадите мне отставку за единственно хороший поступок, который я совершил? — Конечно, нет, — откликнулись эхом карлайльские избиратели.

В отличие от Росселя и Грэхема, Кобдену в Манчестере пришлось предстать не перед собственными своими избирателями, а перед избирателями Брайта и Гибсона. Он говорил не за себя, а за всю манчестерскую школу. Это обстоятельство усиливало его позицию. Избирательный лозунг «Пальмерстон» нигде не носил такого искусственного характера, как в Манчестере. Интересы промышленных капиталистов существенно отличаются от интересов торговцев и контрабандистов Лондона и Ливерпуля. Оппозиция против Брайта и Гибсона в Манчестере не опиралась на материальные интересы местного общества, а в то же время избирательный клич, поднятый за Пальмерстона, прямо противоречил всем его традициям. Она, эта оппозиция, исходила из двух источников: во-первых, от дорогих газет, которые хотят отомстить за отмену газетного гербового сбора и уменьшение налога на объявления, и, во-вторых, от той части богатых снобов-фабрикантов, которые, завидуя выдающемуся политическому положению Брайта, пытаются разыгрывать мещан в

дворянстве и считают более модным и соответствующим хорошему тону стать скорее под аристократическое знамя Пальмерстона, чем присоединиться к трезвой программе Брайта. Этот особый характер пальмерстоновской клики в Манчестере позволил Кобдену в первый раз со времени агитации, поднятой Лигой борьбы с хлебным законом, выступить снова в качестве плебейского вождя и снова призвать под свое знамя трудящиеся классы. Он мастерски использовал это обстоятельство. Какой высокий штиль он избрал для нападения на Пальмерстона, видно из следующего отрывка из речи:

«Так вот, со всем этим связан большой вопрос, который наш народ, думается мне, должен был бы принять близко к сердцу. Хотите ли вы, чтобы члены палаты общин следили за вашими интересами, наблюдали за расходами (да, да!) и не позволяли вовлекать вас в бесполезные и дорого стоящие войны? (Да!) Прекрасно, но вы действуете не так, как надо, если то, что я читаю в ваших газетах, подтвердится в процессе выборов, ибо мне говорят, что тех членов палаты, которые бдительно охраняли ваши интересы и голосовали на основании имеющихся фактов по вопросу об этой войне, — что всех этих членов вы подвергнете изгнанию — вернете к частной жизни, а на их место пошлете других лиц (нет, нет!) — для чего? — блюсти ваши интересы? Нет, для того, чтобы идти и выполнять грязную, низкую работу для министра нынешнего дня. (Громкие рукоплескания). В самом деле, мне говорят, что вы готовы сделать лорда Пальмерстона деспотическим правителем нашей страны. (Нет, нет!) Хорошо, но ведь если над ним нет узды парламента, если при попытке парламента обуздать его он распускает парламента и если, вместо того, чтобы посылать в парламента людей, достаточно независимых для отстаивания своих и ваших прав, вы пошлете простых проводников его воли, то что иначе означает это, как не облечение его властью деспота? Позвольте же мне сказать вам, что этот деспотизм самый громоздкий, наиболее дорого стоящий и в то же время самый безответственный во всем мире, ибо вы окружаете этого министра ложной внешностью представительной формы правления; вы не можете добраться до него, ибо у него есть парламента, за щитом которого он может укрыться; и если на выборах вы не исполните своего долга и не пошлете в палату общин людей, которые будут зорко следить за министром нынешнего дня, то вам придется тем хуже, что вами будут управлять более безответственно, чем под властью прусского короля или французского императора. (Громкие рукоплескания.)»

Теперь понятно, почему Пальмерстон торопится с выборами. Он может победить, только захватив врасплох, а время — враг захвата врасплох.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4980 от 6 апреля 1857 г.

Без подписи.

ПОРАЖЕНИЕ КОБДЕНА, БРАЙТА И ГИБСОНА.

Лондон, 31 марта 1857 г.

Свое намерение оказать широкую поддержку лорду Пальмерстону большинство кандидатов выдвинуло в качестве наилучшего довода в пользу их переизбрания в новый парламент как выразителей общественного мнения... Пальмерстон хочет войти в палату не как глава консервативной партии, или партии вигов, или фракции Пиля, или радикальной партии, а как вождь английского народа, как великий начертатель планов и доверенный некоей национальной партии».

Так говорит «Morning Post», личный орган лорда Пальмерстона. Пальмерстон в качестве диктатора, новый парламент в качестве его Законодательного корпуса — таков смысл этих слов, который, повидимому, находит подтверждение и в избирательных манифестах. Что же касается «общественного мнения», о котором говорит «Morning Post», то справедливо замечено, что Пальмерстон фабрикует одну половину его и насмехается над другой.

Крупнейшим событием избирательной кампании является полный провал манчестерской школы: Брайт и Мильнер-Гибсон потерпели поражение в Манчестере, Кобден в Хаддерсфильде, сэр Э. Армтейдж в Солфорде, Фокс в Ольдхаме и Майелль в Рочдейле. В особенности поразил всех, даже пальмерстоновское правительство, исход выборов в Манчестере. Как мало оно надеялось на победу в этом городе, видно было из того, как нерешительно и неопределенно оно действовало. Сначала, получив несколько избирательных воззваний из Манчестера, Пальмерстон грозился лично отправиться в хлопчатобумажную столицу и там дать бой противникам на «их собственной навозной куче». Подумав, однако, он отступил... Тогда выступил вперед Боб Лоу, министерский подручный. Получив от одной клики хлопчатобумажных магнатов приглашение выступить кандидатом в Манчестере под гарантию уплаты в случае поражения 2 000 ф. ст., на которые он сможет тогда купить одно из гнилых провинциальных местечек, он публично принял предложение и дал разрешение своему избирательному комитету начать сбор голосов от его имени. Тогда Кобден произнес в Манчестере

свою большую речь. Пальмерстон предложил Лоу отказаться от своей кандидатуры, что тот и сделал. При дальнейшем размышлении попытка в Манчестере показалась настолько лишенной каких бы то ни было шансов на успех, что «Times» получил приказ взять на себя роль лисы в басне. Боб Лоу должен был написать передовицу и настаивать на переизбрании Брайта и К^о, увещевая манчестерцев не позорить себя изменой своим старым представителям. Когда же, вопреки всему этому пессимизму, телеграф принес на Даунингстрит известия о поражении Кобдена, о провале Брайта и Гибсона, и притом подавляющим большинством голосов, то можно себе представить, каков был бешеный восторг и исступленные крики торжества в министерском лагере! Что же касается самого Пальмерстона, то он, вероятно, считал, что для собственных его целей этот успех был даже слишком велик, ибо, как старый плут, он отлично понимает, что для обуздания хотя бы титана достаточно ввести его в палату общин, в то время как для ускорения развала самой палаты — ее фундамента, привилегированного корпуса избирателей, и ее надстройки, министерской узурпации — достаточно лишь выгнать ее выдающихся членов на улицу, снабдив, таким образом, стоящую за дверьми «британской конституции» обездоленную массу именитыми вождями.

Поражение манчестерской школы в ее твердыне, нанесенное большинством ее же собственной армии, является личной победой Пальмерстона, и притом не потому только, что вотум недоверия, который должен был удалить его из кабинета и послужил предлогом к роспуску парламента, был внесен как раз Кобденом и Гибсоном. В личностях этих противников, Пальмерстона — с одной стороны, Брайта, Кобдена и К^о — с другой, как бы воплотился ожесточенный антагонизм принципов и положений. Пальмерстон — фанфара национальной славы, они — глашатаи промышленных интересов; дипломатствующий виконт — воплощение в своей личности всех узурпаций британской олигархии, они, выскочки-демагоги — представители всей жизненности британской буржуазии; он — черпающий свою силу в загнивании партий, они же своей силой обязаны борьбе классов; он — последнее беспринципное олицетворение старого торизма, против него вожди ныне покойной Лиги борьбы против хлебных законов. Таким образом, поражение Кобдена, Брайта и К^о является личным триумфом для Пальмерстона, тем более, что их счастливые оппоненты на выборах не могут притязать ни на какое особенное персональное значение. Так, противник Брайта, сэр Джон Поттер, известен лишь как самый толстый человек в Манчестере.

Он мог бы сойти за своего рода манчестерского Фальстафа, если бы его малый ум и большой кошелек не спасали его от сравнения с этим бессмертным рыцарем. Противник Мильнера Гибсона, А. Тернер, обосновывал свои личные притязания тем, что он-де человек совсем заурядный, а потому никогда не заденет чувств своих сограждан неприятными претензиями на гений или блеск. Наконец, г. Акройд, противник Кобдена, обвинял его в том, что он фигура национальная, меж тем как он, Акройд, никогда не был и, наверное, никогда не будет ничем иным, как простым хаддерсфилдцем. Все они гордились тем, что талантов у них нет, зато есть характер, а этот дар, наверное, не даст им, подобно их предшественникам, совершить такую ошибку, как «быть в оппозиции ко всем правительствам», или отказываться, как Мильнер Гибсон, от выгодных должностей ради каких-то теоретических доктрин.

Тем не менее, вопреки видимости, обращение Пальмерстона к избирателям против Кобдена и К^о послужило не причиной, а лишь поводом для взрыва горючих материалов, которые уже давно накапливались вокруг манчестерской школы. Так как Манчестер представляет ядро партии, а Брайт, по общему признанию, является ее настоящим героем, то достаточно присмотреться внимательно к его поражению, чтобы отдать себе отчет также и в неудаче, одновременно постигшей его товарищей по оружию в других промышленных центрах. В Манчестере были, во-первых, старые виги и тори, жаждавшие отомстить за политическое ничтожество, в которое они впали со времени Лиги борьбы против хлебных законов. Выборы 1852 г., когда Брайт одержал над ними победу большинством всего лишь в 100 голосов, уже показали, что к их численной силе отнюдь не следовало относиться с пренебрежением. Победить под собственным флагом они, конечно, не могли, зато они представляли мощный вспомогательный отряд для любой дезертирствующей части армии Брайта. Затем, во второй линии, шли вожди дорого стоящей прессы с их старой обидой и клокочущей злобой против парламентских крестных отцов дешевой прессы. Г-н Гарнет, редактор газеты «Manchester Guardian», метал громы и молнии против Брайта и неутомимо облакал в более или менее пристойные формы низкие мотивы антибрайтовской коалиции, что было довольно легко благодаря непопулярности, которую навлекли на себя Брайт и Кобден во время Крымской войны. В то время они действительно не смели появляться на митингах в Манчестере и были вынуждены выступать частным образом в ограниченном кругу под видом приглашений на чашку чая в залах Ньюэлля, этого старого местопребыва-

ния Лиги борьбы против хлебных законов. Подавляющее большинство либеральной буржуазии, фабричных лордов и крупных торговых фирм голосовало против Брайта; из мелкой буржуазии и «лавочничества» — того значительного меньшинства, которое повсюду в Англии следует за своими естественными «вождями», — только квакеры и ирландцы до одного голосовали за Брайта. Откуда это дезертирство либеральной буржуазии? В значительной мере оно объясняется нетерпением богатых «манчестерцев» стать «господами» подобно их соперникам в Ливерпуле. Если они мирились с превосходством гениального человека, как Брайт, пока он был необходимым орудием их классовых интересов, то теперь они считали, что настало время, когда они могут позволить себе обычный для преуспевающих посредственностей акт завистливого остракизма. Впрочем, с их стороны это был бунт не только против личного превосходства Брайта, но еще более против устаревших претензий охвостья Лиги борьбы против хлебного законов, которое давило на Манчестер приблизительно так же, как когда-то охвостье-парламент¹ давил на английскую республику, периодически собираясь под председательством Вильсона, этого постоянного украшения и отставного торговца крахмалом по профессии, которого поддерживали на этой платформе г. Робинзон, почетный секретарь Лиги, и другие незначительные лица без общественного положения. Эти лица были вынесены на поверхность волнами бурного периода, а теперь упорно отказывались опуститься, хотя, в сущности, не могли бы привести никаких мотивов для своего затянувшегося пребывания на политической арене. Кроме изношенной традиции прошлого и условной лжи настоящего, едва ли можно поднять на ноги Манчестер всякий раз, когда Брайт этого захочет. Один из вождей этого бунта, Энтуисл, прямо заявил на избирательном собрании:

«Вопрос не в китайской или русской войне, или какой бы то ни было войне вообще. Весь вопрос в том, будет ли Манчестер и впредь подчиняться приказам остатков партии, которая собирается в залах Ньюэлл».

Окончательно погребая призрак охвостья Лиги борьбы против хлебных законов, манчестерские фабричные лорды льстили себя надеждой, что этим они закрыли двери своего яacobинского клуба, но они, разумеется, не подозревали, что этим самым они смели прочь главный оплот против нового революционного движения.

Однако действительная подоплека выборов в Манчестере была раскрыта одним подвыпившим избирателем из числа противников

¹ Насмешливое прозвище парламента при Кромвеле. *Ред.*

Брайта, во время голосования неистово вопившим: «Не надо нам внутренней политики, давайте нам политику внешнюю!» Это означает: долой реформы и борьбу классов! В конце концов, буржуазия представляет большинство избирателей, и это все, что нам нужно. Крики против аристократии стали скучными и бесплодными и только возбуждают рабочих. Мы добились свободы торговли и чувствуем себя отлично, особенно с тех пор, как военный подоходный налог снижен. При всем том мы очень любим лордов. «Не надо нам внутренней политики, давайте нам внешнюю политику». Объединимся же все на этой почве, на которой мы все равны, — на национальной почве. Будем все англичанами, настоящими Джонами Буллями под предводительством нашего истинно британского министра, лорда Пальмерстона.

Таким образом, настоящий секрет манчестерских выборов заключается в том, что фабричные лорды отказались от революционного руководства, которое они узурпировали во время агитации Лиги борьбы против хлебных законов.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4990 от 17 апреля 1857 г.

Без подписи.

РЕЗУЛЬТАТ ВЫБОРОВ.

Лондон, 7 апреля 1857 г.

Избирательная процедура заканчивается. Ее очевидный результат — триумф Пальмерстона, сильное изменение в личном составе палаты, коснувшееся около четверти ее старых членов, и небывалое снижение ее интеллектуального уровня. Впрочем, ориентировочные вычисления английских газет насчет численности министерского большинства, их препирательства и склоки из-за этих вычислений, а еще более их попытки распределить вновь выбранных в палату членов по группировкам, уже утратившим значение, все это представляет весьма глупое занятие. Так, напр., «Morning Post» хвалится министерским большинством в 80 человек, тогда как Дизраэлевская «Press» исчисляет потерю своей партии в 4 мандата в городах и 20 мандатов в графствах. Согласно лондонскому «Times», исключение пилитов и манчестерцев, а также заведомых протекционистов, восстановило в парламенте *status quo ante* [первоначальное положение] и вернуло парламент законным владельцам, допотопным партиям вигов и тори. Газета желала бы убедить мир, что «британский народ вернулся к тому, чем он был лет 30 тому назад». Дизраэлевская «Press» почти готова подписаться под мнением «Times». Однако этот оптимизм, которым пытается себя утешить олигархия, представляет не бóльший абсурд, чем оптимизм лжерадикальных органов, вроде «Examiner». «Парламент реформ, — говорит эта газета, — отвечает на призыв Пальмерстона». Пальмерстон требовал себе поголовно лакеев, а просвещенная страна, т. е. небольшое меньшинство привилегированных избирателей, возвращает его комплимент присылкой в палату народных трибунов. Воскликая: «Да здравствует Пальмерстон!», они лишь обманывают хитрого виконта! Если новый парламент предпримет какуюнибудь большую реформу, то это будет не его заслугой, и Великобритании, подобно Синдбаду в «Тысяче и одной ночи», будет гораздо труднее сбросить с себя старика, чем посадить его себе на плечи.

Сравнивая новую палату с предыдущими, нам кажется уместнее начать со старых парламентских групп, которые совершенно

исчезли в течение избирательной борьбы, — с фракции пилитов и манчестерской школы.

В отличие от вигов, тори и манчестерской школы, фракция пилитов не была представителем класса или части класса. Она являлась только парламентской кликой, которая вне стен обеих палат, может быть, имела кое-каких друзей, но никогда не могла собрать армию. Представляя собою обломок одного из прошлых правительств, отдалившись от тори вследствие измены своего покойного вождя по хлебному закону, не желая раствориться в рядах вигов из-за незабытой еще старой вражды и по причине убеждения, питаемого ими самими и до известной степени принятого публикой, что они являются средоточием государственных талантов страны, не имея возможности, благодаря своим аристократическим связям, слиться в одну массу с манчестерской школой, питая уверенность в своем влиянии на парламентские прения благодаря ораторскому таланту некоторых своих членов, — эта претенциозная группа самозванных государственных людей отличалась текучестью и неопределенностью состава, не поддаваясь точной классификации и представляя, под внешней формой особой парламентской фракции, продукт разложения всех парламентских партий в результате фритредерского законодательства Пилия. Этот принцип разложения, которому они были обязаны своим происхождением, они развили дальше, содействуя падению министерства Дерби и дав своего официального вождя в качестве главы комбинации партий, известной под именем коалиционного кабинета или кабинета всех талантов. Благодаря явно стремительному разложению парламента их клике досталась честь поднять флаг, под сенью которого должно было совершиться взаимное самоубийство старых партий. Обеспечивая себе, таким образом, на короткий срок командующее положение, они в то же время разрушали единственное оправдание своего собственного существования в качестве особой группы. Объединенная сила коалиционных партий с неизбежностью привела в конце концов к их общему бессилию и к совместному падению ниц перед одним человеком. Пилиты держали лестницу, по которой взобрался Пальмерстон.

Уже в 1852 г. они потеряли на поле битвы при выборах половину своих сил, а выборы 1857 г. смели всю их армию. Оба Филимора, лорд Харви, сэр Дж. Кларк, сэр Стаффорд Норткот, лорд В. Поулет, А. Гордон, Сеттон, Харкорт, Лешингтон, Смайт, сэр Т. В. Хогг из памятной Ост-Индской компании, Раундел Палмер и, наконец, Кардвелл, — все они исчезли. Став премьером, Пальмерстон предложил последнему пост канцлера казначейства, но тот отклонил предло-

жение по совету Гладстона, Грэхема и К^о. Все же в предсмертную сессию ныне похороненной палаты общин он, надеясь опередить Гладстона, откололся от своих друзей и при обсуждении бюджета голосовал с Пальмерстоном. Наконец, во время прений о Кантоне, боясь перемены ветра, он снова переменял партию, вернулся к пилитам и подписался под предложением Кобдена о порицании министерству. Этот господин, таким образом, представляет настоящий образец характерного для клики пилитов любопытного соединения моральной изысканности с беззастенчивым карьеризмом. После того как вся армия пилитов провалилась, остались только три ее генерала: г. Гладстон, сэр Джеймс Грэхем и г. Герберт — три лица, не способные образовать трио, ибо своим происхождением и склонностями они противоположны друг другу: сэр Джеймс Грэхем начал свою общественную карьеру как радикал, г. Гладстон — как высокопробный тори, а г. Герберт — как нечто неопределенное.

Одно разоблачение, сделанное Гербертом на собрании его южноуильтширских избирателей, весьма характерно для той манеры, с какой Пальмерстон *подвел* фракцию пилитов. Членов этой фракции ничто так не дискредитировало, как их поведение в войне с Россией, в особенности то, что они пощадили Одессу, — обстоятельство, приписываемое тому, что Герберт приходится племянником князю Воронцову. В распространении этой ядовитой клеветы особенно отличались пальмерстоновские наемники, как «Morning Post», «Sun» и «Morning Advertiser». Но Герберт заявил своим избирателям, что как раз он и подписал приказ бомбардировать Одессу и что после его ухода с министерского поста лорд Пальмерстон издал приказ пощадить этот город. Это сообщение такого же порядка, как и разоблачение лорда Джона Росселя на собрании избирателей лондонского Сити. Как известно, он потерпел крушение в результате своей дипломатической миссии в Вену. Во время избирательной суматохи пропахнувший пивом «Morning Advertiser», собственная газета трактирщиков и пальмерстоновский желтый орган, — а Пальмерстон имеет газеты всех сортов и для всех вкусов, начиная от фешенебельных салонов и кончая пивными, — почти надорвал свой грубый голос, вопя о великой измене Росселя в Вене. Спровоцированный этим бесстыдным поведением, Россель обрел, наконец, в себе мужество заявить миру, что лорд Кларендон отказал ему в разрешении опубликовать инструкции, составленные самим Пальмерстоном, написанные его собственной рукой и предписывавшие ему ту самую венскую политику, которая ему, Росселю, стоила потери популярности. Один греческий философ сказал, что его соотечественники, поэты, сочинили об эллинских богах худшие

*

истории, чем какие кто-либо посмел бы рассказать о своем смертельном враге. Современная Франция и Англия превозносят, как своих богов, Бонапартов и Пальмерстонов, которые не нуждаются в поэтах для того, чтобы потерять репутацию.

Из сказанного выше явствует, что те немногие пилиты-генералы, которые пережили свою армию, снова появятся в парламенте, но уже не как представители группы, а как отдельные личности. Как личность, Гладстон, освободившийся теперь от прежней клики, возбужденный гневом и, бесспорно крупнейший оратор новой палаты, вероятно, будет играть в ней более выдающуюся роль, чем когда-либо раньше. Во время своего длительного парламентского поединка Гладстон и Дизраэли, как иногда бывает в жарких схватках, от времени до времени бросали свое собственное оружие, чтобы подхватить оружие своего противника. До некоторой степени Гладстон присвоил себе полемическую язвительность Дизраэли, а Дизраэли перенял напыщенную елейность Гладстона, едва ли выиграв от такого обмена.

Расставаясь с пилитами, мы можем еще указать на иронию истории, которая отметила рождение этой фракции моментом распада старых парламентских фракций под действием Лиги борьбы против хлебных законов, а теперь регистрирует ее смерть одновременно с исчезновением в парламенте манчестерской школы.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 4994 от 22 апреля 1857 г.

Без подписи.

* ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ.

Когда в Европе разразилась последняя война, многие военные не без некоторого чувства благоговейного страха указывали на изумительную организацию русской армии. В то время, говорили они, как во Франции и Англии бригады, дивизии и армейские корпуса должны были формироваться из элементов, до тех пор не имевших между собою никакой связи, в то время как командиры назначались командовать войсковыми частями, которых они до того никогда не видели, а штабы должны были формироваться из офицеров, прибывавших со всех концов страны, в России вся огромная военная машина во всех своих подразделениях была доведена до совершенства задолго до войны. Каждый полк имел свое неизменное место в общей организации; каждая группа, начиная от роты и кончая армейским корпусом, имела своего постоянного командира, и каждая более значительная единица имела свой постоянный штаб. Говорили, что машина находилась действительно в полной рабочей готовности и только ждала распоряжения, пуска пара, чтобы притти в движение с величайшей легкостью. Каждый зубец, колесо, винт, блок, ремень, клапан и рычаг были на своем месте и выполняли свою работу, и только эту работу. Как нам говорили, все это мы должны были увидеть, а на самом деле мы увидели, увы, нечто совершенно другое. Армейские корпуса никогда почти не имели полного состава, так как целые дивизии, а еще чаще бригады, выделялись на отдаленные театры войны, в то время как основные соединения доукомплектовывались другими частями. Стремление держать елико возможно вместе составные элементы каждого корпуса, дивизии и бригады, как оказалось, мешало движениям армии в походе не менее, чем строгие правила, устанавливавшие порядок ведения боя. Наконец, прекрасная организация управления, со всеми генералами, командующими корпусами, дивизиями, бригадами, с их соответствующими штабами, хорошо известными своим частям, хорошо знающими друг друга, свои места и свои обязанности, — все это оказалось сплошным заговором огромных размеров для присвоения казенных денег и расхищения солдатских пайков, обмундирования и подарков.

Если бы эти факты еще нуждались в официальном подтверждении, то его только что дало само русское правительство. Новая организация армии прежде всего и главным образом стремится уничтожить очаги сплошного казнокрадства — второстепенные штабы и управления. Штабы, как корпусные, так и бригадные, упразднены. Даже самое название бригады исчезает из русской армии. Все шесть армейских корпусов подчинены одному лицу, князю М. Д. Горчакову, бывшему командующему армией в Крыму. Правда, каждый корпус имеет своего командующего генерала, но так как последний не имеет штаба, т. е. не имеет возможности фактически выполнять эти функции в конкретных деталях, то он в лучшем случае является только инспектором своего корпуса, своего рода контролером для пяти подчиненных ему дивизионных генералов. В действительности все генералы 30 дивизий (18 пехотных, 6 кавалерийских и 6 артиллерийских), образующих так называемую «первую армию», зависят непосредственно от главнокомандующего. Равным образом в каждой дивизии полковники четырех полков, пехотных и кавалерийских, а также командиры батарей, непосредственно зависят от дивизионного генерала. Бригадные генералы, упраздненные этим новым порядком, прикреплены к штабу дивизионного генерала в качестве его заместителей и помощников. Смысл всего этого достаточно ясен.

Император может положиться на князя Горчакова, а Горчаков, со своей стороны, до известной степени может положиться на офицеров своего личного состава. При бюрократической тонкости и иерархических градациях прежней системы непосредственное влияние главнокомандующего не шло дальше командиров корпусов. Последние с их штабами должны были передавать приказания в дивизии, штабы дивизий, в свою очередь, передавали их бригадам, а из штабов этих последних приказы доходили до полковых командиров, которым надлежало уже фактически провести их в жизнь. Это было нечем иным, как прекрасно организованной системой мошенничества, растрат и воровства. Чем лучше была организована армия, тем лучше было организовано и тем успешнее шло ограбление казны. Это обнаружилось в походе первого, второго и третьего армейских корпусов из Польши на юг во время войны. Единственно с целью уничтожить это зло русское правительство оставило только по имени должность корпусного командира и совершенно упразднило должность командира бригады. Теперь между главнокомандующим и ротными командирами есть только две промежуточные ступени — начальник дивизии и командир полка, — и только один штаб, а именно: штаб дивизии, который может быть использован в целях хищений. Если бы правительству удалось

искоренить привычку воровать из штабов дивизий, то оно могло бы с полным основанием надеяться постепенно изгнать ее также и из полков.

Таким образом, вся организация армии расстроена благодаря изъятию из цепи двух звеньев, нужда в которых скажется, несомненно, во время войны. Фактически русское правительство признает, что ни командиры корпусов, ни бригадные генералы не могут быть вполне выключены из его военной иерархии. Командир корпуса в ней сохранен, но в роли статиста, между тем как бригадный генерал вовсе лишен командования и превращен в простой придаток начальника дивизии. Это означает только то, что командные функции этих генералов приостановлены во время мира, но их держат наготове на случай войны. Действительно, только в одной кавказской армии, которая еще имеет перед собой противника, бригады сохранились. Нужны ли еще другие доказательства того, что упразднение бригад в остальной армии есть всего лишь попытка обезвредить бригадных генералов и их штабы на мирное время?

Другое важное изменение, это — расформирование большого корпуса драгун, состоявшего из десяти полков по восьми эскадронов в каждом, обученных как для кавалерийской, так и для пехотной службы. Этот корпус должен был играть выдающуюся роль во всех больших сражениях. В решительный момент боя корпус должен был с быстротою кавалерии обрушиваться на какой-либо важный пункт на фланге или в тылу неприятеля, спешиваться, превращаться в 16 батальонов пехоты и защищать этот пункт при поддержке своей тяжелой конной артиллерии. В течение всей минувшей войны корпус был в «нетях», и полная непригодность этих улюбодочных частей для активных боевых операций была, повидимому, признана всеми. Следствием этого явилось превращение этой ездящей пехоты в регулярную кавалерию и распределение их 12 полков 8-эскадронного состава по 6 армейским корпусам «первой армии». Таким образом оба великих творения, которыми император Николай думал обеспечить себе место среди величайших военных организаторов своей эпохи, исчезли всего лишь через несколько лет после его смерти.

Среди прочих перемен можно упомянуть о создании второго батальона стрелков для каждого армейского корпуса и сформирование двух новых пехотных полков в кавказской армии. Первое нововведение до некоторой степени смягчает большой недостаток легкой кавалерии. Второе показывает, что Россия решила закончить борьбу на Кавказе в возможно краткий срок. По той же причине резервные бригады кавказских корпусов все еще остаются нерасформированными.

Возможно, что к этому времени там уже началась более важная кампания.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана

в «New-York Daily Tribune»

№ 5006 от 6 мая 1857 г.

в качестве передовой

Без подписи.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС.

Лондон, 11 августа 1857 г.

Восточный вопрос, который, как нас уверяли, четырнадцать месяцев тому назад был разрешен Парижским миром, ныне, повидимому, вновь поставлен дипломатической забастовкой в Константинополе. Местные посольства Франции, России, Пруссии и Сардинии спустили свои флаги и прекратили сношения с Портой, а английский и австрийский послы поддерживают сопротивление Дивана требованиям этих четырех держав, заявляя, что они не побоятся взять на себя ответственность в этом конфликте.

События эти произошли 6-го числа сего месяца. История самой драмы довольно стара, но ее действующие лица поменялись ролями, и, благодаря новой постановке, сюжет приобрел видимость новизны. На этот раз авангардом является уже не Россия, а Франция. Ее посол в Константинополе, Тувенель, в несколько аффектированном, меньшиковском тоне властно потребовал от Порты кассации выборов в Молдавии под тем предлогом, что молдавский каймакам Вогоридес своим недопустимым вмешательством нарушив Парижский договор искусственно доставил противникам об'единения Молдавии с Валахией большинство мандатов. Порта отказалась принять это требование, но выразила согласие вызвать каймакама в Константинополь для дачи ответа на обвинения против его административных действий. Это предложение было надменно отвергнуто Тувенелем, который настаивал на том, чтобы расследование о выборных махинациях было передано европейской реорганизационной комиссии, имеющей свое местопребывание в Бухаресте. Так как большинство комиссии составлено из уполномоченных Франции, России, Пруссии и Сардинии, т. е. как раз тех стран, которые стоят за объединение дунайских провинций и возводят на Вогоридеса обвинение в незаконном вмешательстве, то Порта, подстрекаемая послами Великобритании и Австрии, естественно, отказалась сделать своих явных противников судьями в их же собственном деле. Тогда то и произошла катастрофа.

Ясно, что настоящий спорный вопрос — тот же самый, из-за которого возникла война с Россией, а именно: фактическое отделебие

дунайских провинций от Турции, которое на этот раз пытаются осуществить не в форме «материальной гарантии», а в форме объединения княжеств под властью какого-нибудь европейского князя-марионетки. Россия, со свойственной ей спокойной, осмотрительной и терпеливой манерой, никогда не отклоняется от однажды намеченной цели. В деле, интересующем только ее, она уже сумела сплотить часть своих противников против остальных и теперь может надеяться подчинить себе одних с помощью других. Что же касается Бонапарта, то его мотивы разнообразны. Он надеется во внешних осложнениях найти выход для внутреннего неудовольствия. Он бесконечно польщен тем, что Россия соблаговолила выступать под французской эгидой и предоставляет ему первое место в кадрили. Его империя, сотканная из фикций, вынуждена довольствоваться театральными триумфами, и в глубине своей души Бонапарт, быть может, тешит себя надеждой посадить с помощью России кого-либо из Бонапартов на игрушечный трон Румынии, импровизированной дипломатическими протоколами. Со времени знаменитой Варшавской конференции 1850 г. и похода австрийской армии к северным границам Германии Пруссия горит желанием хоть чем-нибудь отомстить Австрии, если только ей при этом самой удастся уберечься от беды. Сардиния возлагает все свои надежды на конфликт с Австрией, но уже не в опасном союзе с итальянской революцией, а за спиной деспотических континентальных держав.

Австрия так же серьезно противодействует объединению придунайских княжеств, как Россия стремится осуществить его. Она отлично понимает основной мотив этого проекта, который более непосредственно направлен против ее могущества, нежели против могущества Порты. Наконец, Пальмерстон, в популярности которого главным козырем является напускное руссофобство, само собою разумеется, должен притворяться, будто он разделяет реальное опасение Франца-Иосифа. Он должен всеми способами показать вид, что он заодно с Австрией и Портой и уступит давлению России только в случае принуждения со стороны Франции. Такова позиция заинтересованных сторон. Румынский народ является здесь только предлогом и сам по себе совершенно в счет не идет. Даже самые отчаянные энтузиасты едва ли найдут в себе достаточно легковерия, чтобы серьезно допустить, что Луи Наполеон искренно ратует за неподдельность народных выборов, а Россия действительно горит желанием укрепить румынскую национальность, разрушение которой со времен Петра Великого всегда являлось целью ее интриг и войн.

Газета, основанная в Брюсселе несколькими самозванными румын-

скими патриотами под названием «Etoile du Danube», недавно опубликовала ряд документов, относящихся к молдавским выборам; важнейшие из них я намерен перевести здесь для «Tribune». Они состоят из писем, адресованных Николаю Вогоридесу, молдавскому каймакаму, его отцом Стефаном Вогоридесом, далее его зятем, турецким послом в Лондоне, Мессурусом, его братом и секретарем турецкого посольства в Лондоне А. Вогоридесом, другим его зятем, доверенным молдавского правительства в Константинополе, М. Фотиадесом и, наконец, бароном Прокешем, австрийским интернунцием при Высокой Порте. Эта переписка была несколько времени тому назад выкрадена из дворца каймакама в Яссах, и «Etoile du Danube» теперь хвастается тем, что обладает оригиналами писем. «Etoile du Danube», очевидно, считает кражу со взломом вполне приличным способом дипломатической информации; впрочем, в этом взгляде на вещи ее, как видно, поддерживает вся официальная европейская пресса.

СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА, КАСАЮЩАЯСЯ МОЛДАВСКИХ ВЫБОРОВ, ОПУБЛИКОВАННАЯ «ETOILE DU DANUBE».

*Отрывок из письма М. Ц. Мессуруса, турецкого посла в Лондоне,
каймакаму Вогоридесу.*

Лондон, 23 апреля 1857 г.

Конфиденциально сообщаю Вам, что лорд Кларендон одобряет ответ, данный Вами на советы Франции и России по вопросу о печати. Он нашел его достойным, справедливым и законным. Я хвалил его превосходительству благоразумие Вашего поведения в нынешних обстоятельствах. Я пишу Порте и стараюсь обеспечить Вам успех в блестящей карьере, коей Вы высказываете себя столь достойным. Вы избавите эту прекрасную страну от опасности, в которую стараются ее ввергнуть изменники, недостойные имени молдаван. Побуждаемые материальными интересами и вознаграждениями, они, в своей извращенности, доходят до содействия превращению своей родины Молдавии в простой придаток Валахии и исчезновению ее из среды самоуправляющихся народов. Под предлогом создания какой-то фантастической Румынии они хотят свести Молдавию и молдаван на положение Ирландии и ирландцев, не смущаясь проклятиями нынешнего и будущего поколений. С презрением отвергая этот сброд, имеющий наглость называть себя национальной партией, Вы выполняете долг честного и доблестного патриота. Партия объединения может называть себя национальной партией в Валахии, где она стремится к увеличению своего отечества; но по той же самой причине в Молдавии она может называться только антинациональной партией. Здесь единственной национальной партией является та, которая противодействует объединению, английское правительство — Вы можете не сомневаться в этом — относится к объединению враждебно. Конфиденциально сообщаю Вам, что инструкции в этом смысле недавно были посланы английскому поверенному в делах (который является моим другом) в Бухаресте, и ваше превосходительство скоро увидите результаты этих инструкций. Вы дали

надлежащий ответ французскому и русскому консулам по поводу прессы... Вашим долгом, как главы самоуправляющегося княжества, было дать отпор скандальному и незаконному вмешательству чужестранцев во внутренние дела. Не Ваша вина, если оба эти консула сами поставили себя в ложное положение, выбраться из которого их правительства смогут помочь им только тем, что отзовут их с их постов... Я не опасаясь того, что, под принуждением иностранного вмешательства, Порты будет поставлена в неприятное положение по отношению к Вам и будет против выражения Вам всей той похвалы и всего того удовлетворения, которое доставляет ей Ваше умеренное и благоразумное поведение. В качестве каймакама Молдавии Вы, конечно, обязаны подчиниться верховному правительству; но в то же время, в качестве главы независимого княжества и молдавского боярина, Вы должны выполнить Ваш долг перед своей страной и, если окажется нужным, указать Порте, что первой, исконной привилегией Молдавии является ее существование, как особого, самоуправляющегося княжества.

А. Вогоридес, секретарь турецкого посольства в Лондоне, каймакаму Вогоридесу.

Спешу уведомить Вас, что Ваш зять только что посетил лорда Пальмерстона. Он принес важные известия об отрицательном отношении лорда к объединению княжества. Лорд Пальмерстон является его решительным противником; он считает его нарушением прав нашего государя, и, в соответствии с этим, надлежащие инструкции будут отправлены сэру Генри Бульверу, уполномоченному Великобритании в княжествах. Таким образом, как я уже писал Вам раньше, необходимо Вам напрячь все силы, чтобы не позволить молдаванам так или иначе выразить свои пожелания в пользу объединения и выказать себя достойным расположения Порты и поддержки Англии и Австрии. Поскольку эти три державы решили противодействовать объединению, Вам нет надобности беспокоиться насчет намерений или угроз Франции, пресса которой третирует Вас как грека.

От того же к тому же.

Лондон, 15 апреля 1857 г.

Советую Вам без рассуждений следовать во всем указаниям австрийского консула, вопреки всем его недостаткам, даже если бы его поведение стало еще более неприятно. Вы должны иметь в виду, что этот человек действует согласно инструкциям своего правительства. Австрия вполне солидарна во взглядах с Высокой Портой и Великобританией, а потому, если Австрия высказывает удовлетворение, то то же сделают Турция и Англия. Итак, повторяю, Вы должны слушаться советов и пожеланий австрийского консула и без всяких возражений пользоваться услугами тех лиц, которых он предложит Вам, не осведомляясь о их нравственных качествах или репутации. Достаточно, если эти лица являются искренними противниками объединения. Этого достаточно; ибо если объединение будет провозглашено молдавским Диваном, то Австрия возложит ответственность на Вас за противодействие советам ее консула, являющегося столь деятельным противником объединения. Что же касается Англии, то она никогда не допустит осуществления объединения, хотя бы все Диваны высказались за него. Тем не менее желательно, чтобы Вы не позволили молдавскому Дивану высказаться в пользу объединения, ибо тогда трем державам будет

легче действовать против Франции и России, и Вы заслужите их благодарность... Вы были вполне правы, не допустив свободы печати, ибо молдавские сумасброды, друзья России, прикрывающиеся маской Франции, стали бы злоупотреблять ею, с целью вызвать народное движение в пользу объединения. Не допускайте махинаций такого рода. Я уверен, что если бы «Etoile du Danube» и другие издания столь же низкого сорта выходили во Франции, то правительство не замедлило бы сослать их авторов в Кайенну. Франция, которая жаждет допущения клубов свободы и политических собраний в Молдаво-Валахии, должна бы сначала разрешить их у себя дома и не подвергать изгнанию и предостережениям всех журналистов, которые отваживаются говорить сколько-нибудь свободно. Есть французская поговорка: «Charité bien ordonnée commence par soi-même» [настоящее милосердие начинается со своего дома]. Парижский договор не говорит об объединении княжеств; он говорит только, что Диваны должны высказаться относительно внутренней реорганизации страны; но сумасброды, которые объединение делают своим лозунгом, совершенно забывая условия договора и не заботясь о внутренних реформах, исключительно стремятся к международной организации и мечтают о независимости под властью иностранного государя... Англия, вполне примыкая к Австрии, решительно высказывается против объединения и в согласии с Высокой Портой никогда не допустит его осуществления. Если французский консул говорит Вам обратное, то не верьте ему, ибо он лжет.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5102 от 27 августа 1857 г.

Без подписи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ.

Лорд Пальмерстон воспользовался предпоследним заседанием палаты общин накануне закрытия ее сессии, чтобы вкратце поведать ей о тех развлечениях, которые он припас для английской публики на время междуцарствия, отделяющего последнюю сессию от предстоящей. Первый пункт его программы содержит оповещение о возобновлении войны с Персией, которая, согласно его же заявлению несколько месяцев тому назад, была окончательно закончена мирным договором 4 марта. Генерал сэр де Ласи Эванс выразил надежду, что полковник Джейкоб будет отправлен обратно в Индию с своей частью, ныне стоящей на берегу Персидского залива, но лорд Пальмерстон категорически заявил, что, пока Персия не выполнит условий договора, войска полковника Джейкоба не могут быть выведены из ее пределов. Герат, однако, до сих пор еще не эвакуирован персами. Напротив, даже были слухи, что Персия послала туда еще новые войска. Правда, персидский посланник в Париже опровергал их, но искренность Персии не без основания подвергается большому сомнению, и потому британские войска под командой полковника Джейкоба по-прежнему останутся в Бушире. На следующий день после заявления Пальмерстона по телеграфу было получено известие, что г. Муррей предъявил персидскому правительству категорическое требование эвакуировать Герат, — требование, которое с большим основанием можно рассматривать как предвестие нового объявления войны. Таков первый международный результат индийского восстания.

Второй пункт программы Пальмерстона пополняет скудость деталей широтой перспектив. Когда Пальмерстон в первый раз объявил об отправке из Англии значительных военных сил в Индию, то на обвинения своих противников в том, что он лишает Великобританию военной защиты и этим дает иностранным державам случай использовать ее временную слабость, он ответил, что «народ Великобритании никогда не потерпит такого обращения с собой и что в случае нужды можно будет сразу и быстро набрать достаточно людей для любого случая». Ныне, накануне закрытия парламентской сессии, он говорит совсем в другом тоне. На совет генерала де Ласи Эванса —

отправить в Индию войска на винтовых военных пароходах, он уже не отстаивает, как прежде, преимущества парусов над паровым винтовым двигателем, а, напротив, соглашается, что план генерала для начала имеет огромные преимущества.

Однако палата должна иметь в виду, что «существуют также другие соображения, с которыми приходится считаться, относительно целесообразности оставления в стране достаточного количества военных и морских сил... Некоторые обстоятельства указывают на нецелесообразность отправки из страны более крупных морских сил, чем это требуется безусловной необходимостью. Конечно, паровые военные линейные суда обычно стоят в бездействии и в настоящее время не могут принести особой пользы; но если произойдут события, на которые он намекает, и морским силам понадобится бы выйти в море, то каким образом можно будет отразить *угрожающую опасность*, если военным кораблям придется заняться перевозкой войск в Индию? Было бы крупной ошибкой отправить в Индию флот, который обстоятельства в Европе могут заставить привести в кратчайший срок в боевую готовность для собственной защиты».

Нельзя отрицать, что лорд Пальмерстон ставит Джона Булля перед очень щекотливой дилеммой. Если он будет применять соответствующие меры для решительного подавления индийского восстания, то он подвергнется нападению у себя на родине; если же он позволит индийскому восстанию окрепнуть, то он, как говорил Дизраэли, «встретит на арене помимо князей Индии лиц другого характера, с которыми ему придется бороться».

Прежде чем взглянуть на «обстоятельства в Европе», на которые делались столь таинственные намеки, будет нелишним привести признания, высказанные в том же самом заседании палаты общин по поводу нынешнего положения британских войск в Индии. Прежде всего, все радужные надежды на взятие Дели путем налета, как бы по взаимному уговору, оставлены, и грандиозные ожидания прежних дней уступили место более благоразумному взгляду на вещи, а именно, что можно будет радоваться, если англичане сумеют удержать свои позиции до ноября, когда придут подкрепления, отправленные с родины. Во-вторых, высказаны были опасения о возможности потери Каунпура, важнейшей из этих позиций; от участи ее, говорил Дизраэли, зависит все, и ее освобождению придавалось даже больше значения, нежели взятию Дели. Благодаря своему центральному расположению на Ганге и тому, что он опирается на Ауд, Рохилькунд, Гвалиор и Бунделькунд и служит передовым фортом для Дели, Каунпур, в данной обстановке, действительно является пунктом первостепенного значения. Наконец, сэр Ф. Смит, один из членов палаты, по профессии военный, обратил ее внимание на то, что в индийской

армии фактически нет инженерных и саперных частей, так как все они дезертировали, и весьма возможно, что «они превратят Дели во вторую Сарагоссу». С другой стороны, лорд Пальмерстон не позаботился о том, чтобы отправить из Англии офицеров или солдат саперного корпуса.

Возвращаясь к вопросу о европейских событиях, которые, как говорят, «вырисовываются в перспективе будущего», мы с удивлением читаем комментарий, которым лондонский «Times» сопровождает намеки Пальмерстона. Нынешний французский режим, говорит газета, может быть свергнут, и Наполеон может исчезнуть со сцены, и тогда наступит конец союзу с Францией, на котором зиждется нынешняя система безопасности. Другими словами, «Times», этот влиятельный орган британского кабинета, признает, что в один прекрасный день может произойти революция во Франции, и тут же возвещает, что нынешний союз основывается не на симпатиях французского народа, а только на секретном соглашении с французским узурпатором. Кроме революции во Франции, существует еще дунайский спор. Аннулирование выборов в Молдавии не прекратило его, а лишь ввело в новую фазу. Главное, мы имеем скандинавский север, который в недалеком будущем наверное станет театром сильных потрясений и, возможно, даст сигнал к началу международного столкновения в Европе. Мир еще не нарушен на севере, потому что выжидаются два события — смерть шведского короля и отречение от престола нынешнего короля датского. На последнем съезде естествоиспытателей в Христиании шведский наследный принц в своем выступлении решительно высказался за объединение Скандинавии. Наследный принц — человек во цвете лет, обладающий решительным и энергичным характером, и скандинавская партия, в рядах которой стоит пылкая молодежь Швеции, Норвегии и Дании, будет рассматривать его вступление на престол как удобный момент взяться за оружие. С другой стороны, слабый, выживший из ума датский король Фредерик VII, говорят, получил, наконец, от своей мorganатической супруги, графини Даннер, позволение удалиться в частную жизнь, в чем до сих пор она ему отказывала. Именно из-за нее дядя короля, принц Фердинанд, предполагаемый наследник датского престола, был вынужден перестать заниматься государственными делами, к которым он потом вернулся в результате соглашения между другими членами королевской фамилии. Ныне, говорят, графиня Даннер склонна променять Копенгаген на место своего пребывания и даже побудить короля распрощаться с тревожениями политической жизни и передать скипетр принцу Фердинанду. Этот принц, которому уже около 65

лет, всегда занимал по отношению к копенгагенскому двору такую же позицию, как граф Артуа — впоследствии король Карл X — по отношению к тюильрийскому двору. Правда, он никогда не снисходил к тому, чтобы притворяться сторонником конституционного режима; но первым условием его восшествия на престол будет принятие присяги конституции, которую он открыто ненавидит. Отсюда вероятность международных осложнений, которые скандинавская партия, как в Швеции, так и в Дании, твердо решила использовать в своих интересах. С другой стороны, конфликт между Данией и германскими герцогствами Гольштейном и Шлезвигом, поддерживаемыми в своих требованиях Пруссией и Австрией, еще более осложнит положение и втянет Германию во внутреннюю борьбу на севере; в то же время Лондонский договор 1852 г., гарантирующий датский престол принцу Фердинанду, может вовлечь в эту борьбу на севере Россию, Францию и Англию.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5110 от 5 сентября 1857 г. в качестве передовой

Без подписи.

Ф. ЭНГЕЛЬС.
1862 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

I.

Римское «разделяй и властвуй» было тем великим правилом, которым Великобритания пользовалась в течение ста пятидесяти лет, чтобы сохранить господство над своей Индийской империей. Антагонизм различных рас, племен, каст, верований и государств — совокупность чего образует географическое целое, именуемое Индией, — все время оставался жизненным принципом для британского господства. Однако в последнее время условия этого господства подверглись изменениям. Завоеванием Синда и Пенджаба Англо-Индийская империя не только достигла своих естественных границ, но она стерла последние следы существования независимых индийских государств. Все воинственные туземные племена были покорены, со всеми значительными внутренними столкновениями было покончено, и недавнее присоединение Ауда ясно показало, что остатки так называемых независимых индийских княжеств существуют лишь постольку, поскольку их еще терпят. Отсюда большая перемена в положении Ост-Индской компании. Она больше уже не нападала на одну часть Индии при помощи другой, а оказалась во главе ее, и вся Индия лежала у ее ног. Ничего более не завоевывая, она стала ее завоевателем; с тех пор армии, находящиеся в ее распоряжении, имели своей задачей не расширение ее власти, а лишь сохранение ее. Из солдат они были превращены в полицейских, 200 000 000 туземцев держались в повиновении при помощи туземной армии в 200 000 человек, во главе которой стояли английские офицеры, а эту туземную армию в свою очередь держала в узде английская армия, насчитывающая только 40 000 человек. С первого же взгляда очевидно, что подчинение индийского народа покоится на верности туземной армии, созданием которой британское правительство одновременно организовало против себя же первый основной центр сопротивления, каким индийский народ когда-либо обладал. Насколько можно полагаться на эту туземную армию, ясно показали недавние восстания, вспыхнувшие тотчас же после того, как война с Персией почти оголила от

европейских солдат Бенгальское президентство. Мятежи бывали и до этого в индийской армии, но нынешнее восстание отличается от предшествующих характерными и особо-опасными чертами. Это первый случай в истории, что сипайские полки перебили своих европейских офицеров; что мусульмане и индусы, забыв взаимную неприязнь, объединились против своих общих господ; что «волнения, начавшись среди индусов, привели к возведению на трон в Дели магометанского императора»; что восстание не ограничилось небольшим количеством местностей и что, наконец, восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением общего недовольства против английского господства со стороны великих азиатских народов, ибо восстание бенгальской армии, вне всякого сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами.

Как причину недовольства, начавшегося уже 4 месяца тому назад среди бенгальских войск, официально выставляют подозрение туземцев, что правительство собирается нарушить их религиозные верования. Выдача патронов, бумажные гильзы которых были, по рассказам, смазаны говяжьим и свиным жиром и откусывание которых, как это приходилось делать, рассматривалось поэтому туземцами как нарушение их религиозных предписаний, — и явилась сигналом для местных волнений. 22 января произошел пожар в военных поселениях недалеко от Калькутты. 25 февраля вспыхнул мятеж в 19-м туземном полку в Баррампуре, солдаты которого отказались взять упомянутые выше патроны. 31 марта этот полк был расформирован; в конце марта солдаты 38-го полка сипаев, расположенного в Барракпуре, решили во время парада одному солдату с заряженным мушкетом выступить вперед и после того как он призвал своих товарищей к восстанию, они не препятствовали тому, чтобы он напал на полкового адъютанта и вахмистра и ранил их. В последовавшей рукопашной схватке сотни сипаев держались пассивно, а другая часть их бросилась в драку и напала на офицеров, пустив в ход приклады. Впоследствии этот полк был также расформирован. Апрель ознаменовался поджогами в нескольких военных поселениях бенгальских войск, а именно в Аллахабаде, Агре и Умбалла, восстанием 3-го полка легкой кавалерии в Мируте и подобными же проявлениями недовольства среди войск Мадраса и Бомбея. В начале мая подготавливался мятеж в Лукноу, столице Ауда, но он был предотвращен быстрыми действиями сэра Г. Лоренса. 10 мая мятежники 3-го полка легкой кавалерии в Мируте были по приговору суда отправлены в

тюрьму на различные сроки. Вечером следующего дня солдаты 3-го кавалерийского полка, совместно с двумя туземными полками, 11-м и 20-м, собрались на плац-параде, перебили офицеров, которые пытались их успокоить, подожгли казармы и вырезали всех англичан, попавших им в руки. Хотя английская часть бригады и состояла из одного пехотного и одного кавалерийского полков и огромной массы конной и пешей артиллерии, она все же не могла выступить до наступления темноты. Причинив повстанцам лишь незначительный урон, они дали им возможность отступить за город и уйти в Дели, находящийся в 40 милях от Мирута. В Дели к ним присоединился туземный гарнизон, состоявший из 38-го, 54-го и 74-го пехотных полков и одной роты туземной артиллерии. Они напали на английских офицеров и перебили всех попавших им англичан, и потомок последнего Могола Дели был провозглашен королем Индии. Среди войск, посланных на выручку Мируту, где порядок был вновь восстановлен, 6 туземных рот саперов и минеров, прибыв туда 15 мая, убили своего командира майора Фрейзера и ушли за город, преследуемые конной артиллерией и частью 6-го гвардейского драгунского полка. 50 или 60 повстанцев были убиты, но остальным удалось добраться до Дели. В Фирузпуре, в Пенджабе, восстали 57-й и 45-й туземные пехотные полки, но мятеж был подавлен. Частные письма из Лагоры утверждают, что все туземные войска находятся в состоянии открытого мятежа. 19 мая сипаи, расположенные в Калькутте, сделали неудачную попытку захватить форт Сент-Вильям. Три полка, прибывшие из Бушира в Бомбей, были немедленно отправлены в Калькутту.

При изучении этих событий всякого поражает поведение английского командира в Мируте; его запоздалое появление на поле битвы еще менее понятно, чем вялость, с которой он преследовал мятежников. Так как Дели расположен на правом берегу Джумны, а Мирут на левом — и оба берега соединены только одним мостом у Дели, — то ничего не могло быть легче, как отрезать отступление бежавшим.

Тем временем было объявлено военное положение во всех районах, охваченных восстанием; силы, состоявшие главным образом из туземных солдат, концентрируются против Дели с севера, востока и юга; соседние князья, говорят, объявили о своем присоединении к англичанам; на Цейлон посланы приказы задержать отправку войск лорда Эльжена и генерала Ашбернгема, находящихся на пути в Китай, и, наконец, 14 000 человек подкрепления должны были быть отправлены из Англии в Индию в течение двух недель. Как бы

ни препятствовал в настоящее время года климат Индии для английских войск, а также совершенный недостаток транспортных средств, все же повстанцы в Дели, вероятно, сдадутся без особенно длительного сопротивления. Но даже и тогда это будет только прологом к ужаснейшей трагедии, которая должна разыграться.

Написано К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5065 от 15 июля 1857 г.

в качестве передовой

Без подписи.

II.

Лондон, 17 июля 1857 г.

8 июня миновал ровно месяц с тех пор, как восставшие силой захватили Дели и провозгласили императором одного из моголов. Было бы, однако, нелепо думать, что повстанцы смогут удержать древнюю столицу Индии против вооруженных сил Британии. Укрепления Дели состоят лишь из стены и простого рва; между тем, высоты, господствующие над городом и окружающие его, уже находятся в руках англичан, которые, даже не прибегая к разрушению стен, могут в самый короткий срок принудить город к сдаче, отрезав его водоснабжение. Кроме того, разношерстная толпа взбунтовавшихся солдат, перебивших своих офицеров, разорвавших скрепы дисциплины и не сумевших выдвинуть из своей среды человека, способного взять на себя верховное командование, наверное меньше всего способна организовать серьезное и длительное сопротивление. Как бы для того, чтобы еще более усугубить путаницу, пестрые ряды защитников Дели ежедневно разбухают благодаря притоку все новых и новых контингентов повстанцев со всех концов Бенгальского президентства, которые, словно по заранее условленному плану, бросаются в обреченный город. Обе вылазки, на которые повстанцы отважились 30 и 31 мая, были отбиты с тяжелыми для них потерями и, очевидно, явились результатом скорее отчаяния, нежели уверенности в себе и сознания своей силы. Единственно, что вызывает удивление, это — медлительность британских операций, хотя до некоторой степени это можно объяснить ужасными климатическими условиями этого времени года и недостатком перевозочных средств. Помимо главнокомандующего генерала Ансона, около 4 000 европейских солдат, по французским сообщениям, уже пали жертвой убийственного зноя, и даже английские газеты признаются, что в схватках под стенами Дели люди больше страдали от солнца, чем от неприятельских пуль. Вследствие скудости перевозочных средств главные силы англичан, стоявшие в Умбалла, потратили около 27 дней на поход к Дели, двигаясь, таким образом, в среднем по $1\frac{1}{2}$ мили в день. Дальнейшая задержка была вызвана отсутствием в Умбалла тяжелой артиллерии и необходимостью доставить осадный парк из ближайшего арсенала, который находился в Филлуре, на другой стороне Сетлэджа.

Несмотря на это, со дня на день можно ждать известий о падении Дели. Но что будет дальше? Если бесспорное владение повстанцами

в течение месяца древним центром Индийской империи являлось могучим возбуждающим средством, вызвавшим полный развал бенгальской армии, широкую волну возмущения и дезертирства от Калькутты до Пенджаба на севере и до Раджпутаны на востоке и потрясение власти Британии от одного конца Индии до другого, то было бы величайшей ошибкой предполагать, что падение Дели, хотя бы оно и вызвало смятение среди сипаев, оказалось бы достаточным для подавления восстания, его локализации, или для восстановления британского господства. Из всей туземной бенгальской армии, насчитывавшей около 80 000 человек и состоявшей приблизительно из 28 000 раджпутов, 23 000 браминов, 13 000 магометан, 5 000 индусов низших каст и в остальном из европейцев, — 30 000 человек исчезло вследствие восстания, дезертирства или увольнения со службы. Что касается остальной части этой армии, многие полки открыто заявили, что они останутся верными и будут поддерживать британские власти только не в том деле, которым заняты в настоящее время туземные войска: они не желают помогать властям против повстанцев из туземных полков, а, напротив, окажут поддержку своим «bhaies» (братьям). Правильность этого подтверждается примерами, начиная от Калькутты, почти в каждом гарнизоне. В течение некоторого времени туземные полки оставались пассивными, но как только у них созревало убеждение, что они достаточно сильны, они восставали. Один индийский корреспондент лондонского «Times» не оставляет никаких сомнений относительно «лояльности» полков, которые еще открыто не высказались, и туземного населения, которое еще не присоединилось к восставшим.

«Если вы читаете, — говорит он, — что *все спокойно*, понимайте это так, что туземные войска еще не подняли открытого мятежа, что недовольная часть населения еще не находится в состоянии открытого восстания, что они либо слишком слабы, либо считают себя таковыми, или они выжидают более подходящего момента. Если вы читаете о «демонстрациях лояльности» со стороны того или другого бенгальского туземного полка, кавалерийского или пехотного, то понимайте это так, что только половина этих полков, в лучшем случае, является действительно верной и что другая половина лишь притворяется, чтобы тем успешнее захватить европейцев врасплох, когда наступит подходящий момент, или, усыпив подозрения, тем с большей легкостью притти на помощь своим мятежным товарищам».

В Пенджабе открытое восстание было предупреждено лишь расформированием туземных частей. В провинции Ауд, можно сказать, что англичане удерживают только административный центр Лукноу, меж тем как повсюду в других местах туземные полки восстали, разбежались, захватив с собою боевые припасы, выжгли до тла все

английские жилища и присоединились к восставшему населению. Действительное положение английской армии лучше всего характеризуется фактом, что в Пенджабе, равно как и в Раджпутане, было признано необходимым создать летучие отряды. Это означает, что англичане не могут полагаться ни на свои сипайские части, ни на туземцев для обеспечения сообщений между своими разбросанными частями. Подобно французам во время войны в Испании, власть их распространяется лишь на пункты, которые заняты непосредственно их собственными войсками, и на те ближайшие окрестности, над которыми эти пункты занимают командные позиции. Что же касается сообщений между разьединенными частями армии, то здесь они всецело зависят от летучих отрядов, действия которых весьма ненадежны сами по себе, естественно становятся тем менее эффективными, чем обширнее пространство, на которое они распространяются. Абсолютный недостаток британских сил подтверждается еще тем, что при отправке казны из угрожаемых пунктов англичане были принуждены пользоваться конвоем из самих же сипаев, которые неизменно в пути поднимали мятеж и скрывались вместе с вверенной их охране казной. Так как высланные из Англии войска, в лучшем случае, могут прибыть не ранее ноября, а вывести европейские части из Мадрасского и Бомбейского президентств было бы еще более рискованно, ибо 10-й полк мадрасских сипаев уже проявлял признаки недовольства, то всякая мысль о сборе обычных налогов в Бенгальском президентстве должна быть отброшена, и процесс дальнейшего разложения невозбранно должен будет продолжаться. Если даже мы предположим, что население Бирмы не воспользуется этим случаем, что магараджа Гвалиора будет и впредь поддерживать англичан, что правитель Непала, командующий лучшими войсками в Индии, останется спокойным, что недовольный Пешавер не объединится с беспокойными горными племенами и что шах персидский не будет столь наивным, чтобы эвакуировать Герат, все же и в этом случае англичанам придется снова завоевывать Бенгальское президентство и создавать заново англо-индийскую армию. Издержки этого колоссального предприятия целиком лягут на плечи английского народа. О реальности мысли, выдвинутой в палате лордов лордом Гренвилем, будто бы Ост-Индская компания сможет, при помощи индийских займов, добыть нужные для этого средства, можно судить по эффекту, произведенному на бомбейский денежный рынок тревожным положением в северо-западной провинции. Паника мгновенно охватила туземных капиталистов, очень крупные суммы были изъяты из банков, правительственные ценные

бумаги почти перестали находить покупателей и хранение денег по домам начало принимать широкие размеры как в Бомбее, так и в его окрестностях.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»,

№ 5082 от 4 августа 1857 г.

Без подписи.

ИНДИЙСКИЙ ВОПРОС.

Лондон, 28 июля 1857 г.

Трехчасовая речь, которую произнес вчера вечером в «мертвой палате» Дизраэли, скорее выигрывает, нежели проигрывает, когда ее не слушаешь, а читаешь ее в отчете. С некоторого времени Дизраэли усвоил ужасно торжественную манеру говорить; выработанная медлительность в дикции и бесстрастный формализм в методе — эти качества как бы они ни соответствовали его своеобразным представлениям о достоинстве, подобающем кандидату в министры, являются настоящей пыткой для его несчастной аудитории. Когда-то ему удавалось даже общим местам придавать заостренность эпиграммы. Теперь же он ухитряется даже эпиграммы хоронить под скучными условностями респектабельности. Оратор, который, подобно Дизраэли, умеет владеть вернее, кинжалом, чем мечом, никогда не должен забывать слова Вольтера: «Все манеры хороши, за исключением скучной».

Помимо этих технических особенностей, характеризующих нынешнюю манеру красноречия Дизраэли, он, со времени прихода Пальмерстона к власти, стал тщательно удалять из своих парламентских выступлений все, что может иметь актуальный интерес. Его речи не предназначены к тому, чтобы обосновывать и развивать его предложения, но его предложения предназначены к тому, чтобы подготавливать аудиторию к его речам. Их можно назвать самоотрицающимися предложениями, поскольку они построены так, чтобы в случае их принятия не обидеть противника, а в случае их отклонения не повредить автору. Фактически они рассчитаны не на то, чтобы их принимать или отклонять, а на то, чтобы просто оставлять их на бумаге и переходить к другим делам. Они не отнюются ни к кислотам, ни к щелочам; они нейтральны по природе. Не речь является толчком к действию, а лицемерие действия дает повод для речи. Возможно это и есть, действительно классическая и окончательная форма парламентского красноречия; но в таком случае эта окончательная форма парламентского красноречия не должна отказаться разделить участь всех окончательных форм парламентаризма, а именно: попасть в категорию вредоносных вещей.

Как сказал Аристотель, действие есть закон, управляющий драмой. То же самое и в политическом красноречии. Речь Дизраэли о восстании в Индии могла бы быть опубликована в числе брошюр Общества распространения полезных знаний, она могла бы быть произнесена в технической школе или представлена в Берлинскую академию как сочинение на премию. Это любопытное безразличие его речи в отношении места, времени и повода, по которому она произносится, доказывает, что она не подходила ни к месту, ни к времени, ни к поводу. Глава об упадке Римской империи представляет увлекательное чтение в книгах Монтескье или Гиббона, но она будет звучать колоссальной нелепостью, если вложить ее в уста римского сенатора, специальной обязанностью которого было воспрепятствовать этому упадку. Правда, в наших современных парламентах достойную и интересную роль можно вообразить для какого либо независимого оратора, который, отчаявшись в возможности повлиять на ход событий, ограничился бы позицией иронического нейтралитета. Такую роль с большим или меньшим успехом играл покойный Гарнье Пажес — не Гарнье Пажес Временного правительства, а Гарнье Пажес палаты депутатов Луи-Филиппа; но г. Дизраэли, признанный лидер устарелой партии, должен бы даже успех в этом направлении рассматривать как величайшее фиаско. Восстание индийской армии, несомненно, давало великолепный повод для ораторского выступления. Но, не говоря уже о тоскливой манере, с какой он трактовал эту тему, в чем состояла сущность предложения, ради которого он произнес свою речь? Предложения-то как раз и не было. Он делал вид, что жаждет познакомиться с двумя официальными документами, однако в существовании одного он не был уверен, а относительно другого он был убежден, что он не имеет непосредственного отношения к его предмету. Таким образом, его речь и его предложение не имели никаких точек соприкосновения, за исключением той, что предложение возвещало речь без предмета, а самый предмет, который выдвигался, не стоил речи. Тем не менее, в качестве продуманного мнения самого выдающегося государственного деятеля находящегося вне правительства Англии, речь Дизраэли заслуживает внимания заграницы. Я удовольствуюсь тем, что в самых подлинных его словах дам краткий анализ его «рассуждений об упадке Англо-Индийской империи»:

«На что указывают беспорядки в Индии: на военный ли бунт или на национальное восстание? Является ли поведение войск следствием внезапного импульса или оно представляет следствие организованного заговора?»

Вокруг этих пунктов, как утверждает Дизраэли, вращается весь вопрос. До последнего десятилетия, — говорит он, — власть Британии в Индии была основана на старом принципе «разделяй и властвуй», но этот принцип приводился в действие тем, что правительство считалось с различными национальностями, из которых состоит Индия, избегало вмешательства в их религию и охраняло их земельную собственность. Армия сипаев служила предохранительным клапаном, поглощавшим буйные элементы страны. Но последние годы в управлении Индией был принят новый принцип — принцип разрушения национальности. Он осуществлялся насильственной ликвидацией туземных князей, нарушением владельческих отношений и вмешательством в религиозные дела народа. В 1848 г. финансовые затруднения Ост-Индской компании дошли до того, что для нее необходимо стало тем или иным путем увеличить свои доходы. Тогда было обнародовано постановление совета, в котором почти без маскировки был провозглашен принцип, который гласил что единственный способ достичь повышения доходов заключался в расширении британской территории за счет туземных князей. Сообразно этому, после смерти раджи Саттары его приемный сын и наследник не был признан Ост-Индской компанией, и княжество было включено в ее собственные владения. С тех пор принцип аннексий стал применяться всякий раз, как туземный князь умирал без кровного наследника. Принцип усыновления — этот краеугольный камень индийского общества — систематически игнорировался правительством. Таким образом, в период от 1848 по 1854 г. к Британской империи были принудительно присоединены владения более дюжины независимых князей. В 1854 г. было насильственно захвачено княжество Берарс, с территорией в 80 000 кв. миль населением от 4 до 5 млн. и колоссальными сокровищами. Список принудительных аннексий Дизраэли завершается Аудом, который привел ост-индское правительство к конфликту не только с индусами, но и с магометанами. В дальнейшем Дизраэли показывает, как в течение последних 10 лет владельческие отношения Индии были нарушены новой системой управления.

«Принцип закона об усыновлении, — говорит он, — не является только прерогативой князей и княжеств в Индии, он применяется в Индостане к каждому человеку, который владеет земельной собственностью и исповедует индусскую религию».

Привожу одно место:

«Крупные ленники или джагодары, держащие землю за несение общественной службы сеньору, а также земиндары, держащие землю, свободную».

от всякой земельной подати и соответствующие, если не вполне точно, то, по крайней мере, в общепринятом смысле, нашим фригольдерам, — эти два класса, представляющие два самых многочисленных класса в Индии, в случае отсутствия кровно-родственных наследников, всегда находят в этом принципе усыновления средство получить преемника во владении своим имением. Оба эти класса были задеты аннексией Саттары, равно как и аннексией территорий десяти менее значительных, но независимых князей, о которых я уже упоминал; все они были не только задеты, но и до последней степени науганы, когда было присоединено Берарское княжество. Кто мог чувствовать себя в безопасности? Какой ленник, какой фригольдер, не имевший собственных детей, был застрахован в Индии? (Слушайте, слушайте!) То были не пустые страхи; им вполне соответствовали образ действий и широко применявшаяся практика компании. Впервые в Индии началось отбирание джагеров и инамов. Без сомнения, и раньше бывали бестактные попытки проверять права владения, но никому ни разу не пришло в голову отменить закон об усыновлении, а потому никакая власть и никакое правительство никогда не было в состоянии взять обратно джагеры и инамы, держатели которых не оставляли кровно-родственных наследников. Здесь открылся новый источник дохода; но пока все это действовало на умонастроение данных классов индусского общества, правительство сделало еще другой шаг, нарушивший существующие отношения земельной собственности, шаг, на который я должен теперь обратить внимание палаты. Из чтения показаний, данных перед комиссией 1853 г. палате, конечно, известно о существовании в Индии больших площадей земли, изъятых от уплаты поземельной подати. Это изъятие представляет в Индии нечто гораздо более значительное, нежели аналогичное изъятие в нашей стране, ибо, вообще говоря, поземельная подать в Индии является почти единственным налоговым обложением со стороны государства.

Добраться до начал этих пожалований весьма трудно, но нет сомнения, что они относятся к глубокой древности.

Они различного рода. Наряду с очень распространенными держаниями существуют крупные земельные пожалования, свободные от поземельного налога, принадлежащие мечетям и храмам».

Под предлогом существования дутых притязаний на изъятия британский генерал-губернатор взял на себя смелость произвести обследование документов индийского землевладения. На основании установленной в 1848 г. новой системы,

«этот план обследования прав на владения был немедленно принят к исполнению в знак могущества правительства и энергии исполнительной власти, и, как весьма богатый источник государственных доходов, были назначены комиссии для обследования прав на земельную собственность в Бенгальском президентстве и в прилегающей области. Они были назначены также в Бомбейском президентстве, и, кроме того, было предписано произвести межевания во вновь созданных провинциях с тою целью, чтобы, по окончании этих межеваний, работа комиссий могла вестись достаточно плодотворно. Нет сомнения, что в течение последних девяти лет деятельность этих комиссий по обследованию свободного держания земельной собственности в Индии совершалась в огромном масштабе и что она дала колоссальные результаты».

Дизраэли вычисляет, что отобрание имений от их владельцев дает ежегодно не менее 500 000 ф. ст. в Бенгальском президентстве, 370 000 ф. ст. в Бомбейском, 200 000 ф. ст. в Пенджабе и т. д. Не довольствуясь только этим способом захвата собственности туземцев, британское правительство прекратило уплату пенсий туземным вельможам, что оно было обязано делать в силу договоров. «Это, — говорит Дизраэли, — представляет собою конфискацию новыми способами и притом в самых широких, поразительных и скандальных размерах».

Затем Дизраэли рассматривает случаи вмешательства в религиозные дела туземцев, вопрос, на котором нам нет надобности останавливаться. Исходя из всех этих предпосылок, он заключает, что нынешние беспорядки в Индии являются не простым военным мятежем, а национальным восстанием, в котором сипаи играют лишь роль орудия. В заключение своей речи он советует правительству отказаться от нынешней своей агрессивной политики и обратить внимание на улучшение внутреннего положения Индии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5091 от 14 августа 1857 г.

Без подписи.

ВОССТАНИЕ В ИНДИИ.

I.

Лондон, 31 июля 1857 г.

Последняя индийская почта, доставившая известия из Дели по 17 июня и из Бомбея по 1 июля, подтверждает самые мрачные предположения. Когда м-р Вернон Смит, председатель Департамента контроля по делам Индии, впервые осведомил палату общин об индийском восстании, он с уверенностью заявил, что следующая же почта принесет известие, что Дели снесен до основания. Почта пришла, а Дели все еще не «вычеркнут со страниц истории». Тогда было возвещено, что артиллерию невозможно будет подвести раньше 9 июня и что поэтому атаку обреченного города придется отложить до указанного дня. Но миновало 9 июня, ничего замечательного не произошло. 12 и 15 июня произошли некоторые события, однако в противоположном направлении, ибо не Дели подвергся штурму англичан, а, наоборот, англичане подверглись нападению со стороны повстанцев, повторные вылазки которых были, впрочем, отбиты. Таким образом, падение Дели снова отложено, но на этот раз в качестве объяснения фигурирует уже не только отсутствие осадной артиллерии, но и решение генерала Барнарда дожидаться подкреплений, так как его сил — около 3 тысяч человек — совершенно недостаточно для взятия древней столицы, защищаемой 30 тысячами сипаев и снабженной всевозможными военными припасами. Повстанцы же устроили лагерь даже вне Эмирских ворот. До сих пор все военные писатели единодушно считали, что английского отряда в 3 тысячи человек совершенно достаточно для того, чтобы сокрушить армию сипаев в 30 или 40 тысяч человек; иначе — употребляя выражение лондонского «Times» — каким образом могла бы Англия когда-либо «вновь завоевать» Индию?

Фактически британская армия в Индии насчитывает 30 тысяч человек. Самое большее, что можно отправить из Англии в течение ближайшего полугодия, не может превышать 20 или 25 тысяч человек, из которых 6 тысяч должны пополнить убыль в рядах европейских войск в Индии, а остающееся количество в 18 или 19 тысяч человек

сократится вследствие потерь в пути, потерь от климата и от других причин приблизительно до 14 000 человек, которые и смогут появиться на театре военных действий. Британская армия должна будет решиться на борьбу с мятежниками в очень неравном числе, либо вовсе должна отказаться от борьбы с ними. Тем не менее, мы затрудняемся объяснить медленность концентрации английских сил вокруг Дели. Если в настоящее время года зной оказывается таким непреодолимым препятствием, каким он не был во времена сэра Чарльза Немира, то через несколько месяцев, по прибытии европейских войск, дожди станут еще более основательным предлогом для затишья. Надо помнить, что нынешнее восстание фактически началось уже в январе месяце и что, следовательно, британское правительство было задолго предупреждено, что оно должно держать свой порох сухим и свои силы наготове.

Долгое пребывание Дели в руках сипаев на виду осаждающей английской армии, конечно, привело к соответственным результатам. Мятеж распространился до самых ворот Калькутты, 50 бенгальских полков перестали существовать, сама бенгальская армия превратилась в миф о прошлом, а европейцы, рассеянные по огромной территории, осажденные в изолированных пунктах, были либо перебиты повстанцами, либо вынуждены отчаянно обороняться. После того как был раскрыт заговор, который, как говорили, был тщательно разработан во всех подробностях и имел целью захватить врасплох резиденцию правительства, в самой Калькутте христианское население сформировало добровольческий отряд. Вслед за этим стоявшие там туземные полки также были расформированы. В Бенаресе попытка разоружить туземный полк натолкнулась на сопротивление отряда сикхов и 13-го полка иррегулярной конницы. Этот факт очень важен, ибо он показывает, что сикхи, подобно магометанам, были заодно с браминами и что таким образом быстро налаживался общий союз разнообразных племен против англичан. С давних пор англичане были убеждены, что армия сипаев представляет всю их военную силу в Индии. Теперь они вдруг приобрели уверенность, что эта самая армия представляет собой основную опасность для них. Во время последних прений по поводу Индии еще г. Вернон Смит, председатель Департамента контроля, заявлял, что «следует подчеркнуть со всей силой, что между туземными князьями и восстанием нет никакой связи». Два дня спустя тот же Вернон Смит должен был опубликовать следующую депешу, содержащую такой зловеший абзац: «14 июня бывший король Ауда, уличенный благодаря перехваченным документам в участии в

заговоре, был интернирован в форте Вильяма, а его приверженцы разоружены». Со временем просочатся и другие факты, которые убедят даже Джона Булля в том, что то, что он считает военным мятежом, в действительности есть национальное восстание.

Английская пресса делает вид, что ей доставляет большое удовлетворение уверенность в том, что восстание еще не распространилось за пределы Бенгальского президентства и что не существует ни малейшего сомнения насчет лояльности бомбейских и мадрасских войск. Однако этот оптимистический взгляд на положение вещей как-то не совпадает со сведениями, полученными последней почтой о мятеже кавалерии Низама, вспыхнувшем в Аурунгабаде. Так как Аурунгабад является центром одноименного округа, прилегающего к Бомбейскому президентству, то, согласно сообщению последней почты, восстание началось и среди бомбейских войск. Правда, мятеж в Аурунгабаде, говорят, был сразу подавлен генералом Вудманом. Но разве не говорили, что и мирутский мятеж был сразу подавлен? Разве мятеж в Лукноу, после его подавления сэром Г. Лоренсом, не возобновился в еще более серьезных размерах через две недели? Не следует ли вспомнить, что самое первое сообщение о мятеже индийской армии сопровождалось сообщением о восстановлении порядка? Хотя основное ядро бомбейских и мадрасских войск состоит из людей, принадлежащих к низшей касте, все же в каждом их полку имеется около сотни раджупотов — вполне достаточное число для того, чтобы образовать связующее звено с мятежниками бенгальской армии, принадлежащими к высшей касте. В Пенджабе, говорят, все спокойно, но одновременно сообщают нам, что «13 июня в Фирузпуре происходили военные экзекуции», а в то же время отряд Воона — 5-й пенджабский пехотный полк — удостоивается похвалы «за блестящие действия при преследовании 55-го туземного пехотного полка». Надо признать, что это весьма странное «спокойствие».

Написана, К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5091 от 14 августа 1857 г.

Без подписи.

II.

Лондон, 4 августа 1857 г.

По прибытии в Лондон с последней индийской почтой объемистых отчетов, скудные резюме которых были уже предварительно сообщены по телеграфу, слух о взятии Дели быстро распространился по городу и держался так прочно, что повлиял на биржевые сделки. Это было в сокращенном виде вторым изданием знаменитого мифа о взятии Севастополя. Достаточно самого поверхностного анализа дат и содержания мадрасских газет, из которых будто бы черпались эти благоприятные известия, чтобы рассеять этот самообман. Сообщение из Мадрасса ссылалось, как на свой источник, на частные письма из Агры от 17 июня, но официальное сообщение из Лагора, тоже от 17 июня, утверждало, что 16-го, до 4 часов пополудни, под Дели было все спокойно; в то же время «Bombay Times» от 1 июля заявляет, что «генерал Барнард отразил несколько вылазок утром 17-го и ожидает подкреплений». Вот все, что можно сказать по поводу даты мадрасского сообщения. Что же касается его содержания, то оно, очевидно, было составлено на основании бюллетеня генерала Барнарда, помеченного 8 июля и посвященного занятию им после боя высот у Дели, а также на основании некоторых частных сообщений о вылазках осажденных 12 и 14 июня. На основании неопубликованных планов Ост-Индской компании некий капитан Лоренс составил, наконец, военный план Дели и его казарм, из коего видно, что Дели укреплен вовсе не так слабо, как это утверждали раньше, однако и не так сильно, как это стараются доказать теперь. Он имеет цитадель, взять которую можно либо штурмом, при помощи лестниц, либо правильными апрошами. Стены, протяжением более 7 миль, представляют собой прочную, но не высокую каменную кладку. Ров узок и не очень глубок, фланкирующие верки не позволяют надлежащим образом подвергнуть куртины продольному обстрелу. На известных промежутках имеются башни-мартеллосы. Они полукруглой формы и снабжены бойницами для ружейного огня. Спиральные лестницы ведут сквозь башни от самого верха стен к камерам для боеприпасов на одном уровне со рвом; последние имеют бойницы для огня пехоты, который может оказаться очень губительным для штурмующего отряда при переходе его через ров. Бастионы, защищающие куртины, тоже снабжены валами для стрелков, однако их можно сбить артиллерийским огнем. Когда вспыхнуло восстание, то арсенал внутри

города имел 900 000 патронов, два полных осадных парка, большое количество полевых орудий и 10 000 ружей. Пороховой склад был значительно раньше по желанию жителей перенесен из города в казармы вне Дели и имел не менее 10 000 боченков пороха. Командующие высоты, занятые генералом Барнардом 8 июля, расположены к северо-востоку от Дели; там также были устроены казармы вне стен города.

Из описания, основанного на подлинном плане, становится понятным, что твердыня восставших не устояла бы против одного смелого налета, если бы британские войска, ныне находящиеся у Дели, были там уже 26 мая, а они могли бы быть там, если бы их снабдили достаточными перевозочными средствами. Опубликованный в «Bombay Times» и перепечатанный лондонскими газетами общий список восставших полков до конца июля, с обозначением дат восстания, неоспоримо доказывает, что 26 мая Дели был занят всего лишь 4 или 5 тысячами повстанцев — отряд, который не мог ни минуты думать о защите стены протяжением в 7 миль. Мирут находится от Дели на расстоянии всего лишь 40 миль и с начала 1853 г. всегда служил штабом для бенгальской артиллерии; он имел главную лабораторию для военно-научных работ и учебные полигоны для упражнений полевой и осадной артиллерии; тем более непонятно, каким образом британский командующий оказался лишенным средств, необходимых для выполнения одного из тех смелых налетов, посредством которых британские войска в Индии всегда умеют сохранить свое господство над туземцами. Сначала нам сообщали, что ожидался осадный парк, затем, что нужны были подкрепления, а теперь «Press», одна из наилучше осведомленных лондонских газет, пишет, что «правительству достоверно известно, что генералу Барнарду нехватает провианта и боевых припасов и что запас последних составляет по 24 патрона на человека». Из собственного бюллетеня генерала Барнарда о занятии высот у Дели, датированного 8 июня, мы видим, что первоначально он намеревался штурмовать Дели на следующий день. Вместо того, чтобы выполнить этот план, он в силу каких-то случайных обстоятельств ограничился тем, что занял оборонительную позицию по отношению к осажденным.

В настоящий момент чрезвычайно трудно подсчитать силы обеих сторон. Сообщения индийской прессы совершенно противоречат друг другу; однако мы думаем, что известного доверия заслуживает корреспонденция из Индии в бонапартистской газете «Pays», которая, по видимому, исходит от французского консула в Калькутте. Согласно этому сообщению 14 июня армия генерала Барнарда состояла приблизительно из 5 700 человек, причем ожидалось, что она будет удвоена (?)

подкреплениями, долженствовавшими прибыть 20-го числа того же месяца. Его парк насчитывал 30 тяжелых осадных орудий в то же время силы повстанцев определялись в 40 000 человек, плохо организованных, но обильно снабженных всеми средствами нападения и обороны.

Заметим мимоходом, что 3 000 повстанцев, расположенных вне Аджмерских ворот, быть может среди гробниц Кази-Хана, вопреки тому, что думают некоторые лондонские газеты, не расположены фронтом против английской армии, а, напротив, отделены от нее всем пространством Дели: Аджмерские ворота расположены на крайней оконечности северо-западной части нового Дели, к югу от развалин старого Дели. На этой стороне города ничто не может мешать повстанцам устроить еще несколько таких лагерей. На прилегающей к реке, юго-восточной стороне города они держат в своих руках понтонный мост и поддерживают непрерывную связь с населением, от которого могут непрерывно получать пополнения людьми и продовольствием. Дели представляет собой в малом размере крепость, сохраняющую (подобно Севастополю) свободу коммуникации с внутренней территорией своей собственной страны.

Промедление в операциях британских войск не только позволило осажденным сконцентрировать для обороны большое число людей, но, помимо этого, сознание, что они сумели удержать Дели в течение многих недель и неоднократно тревожить вылазками европейские войска, вместе с ежедневно получаемыми известиями о новых восстаниях во всей армии, несомненно укрепили *моральное* состояние сипаев. Располагая лишь малыми силами, англичане, конечно, не могут думать об обложении города со всех сторон, но будут принуждены штурмовать его. Однако, если следующая очередная почта не принесет известия о взятии Дели, то можно почти быть уверенными, что в течение ближайших нескольких месяцев всякие серьезные операции со стороны британских войск должны будут приостановиться. Дождливый период будет в полном разгаре и юго-восточную сторону города защитит тем, что наполнит ров «глубоким и быстрым потоком Джумны», а температура, колеблющаяся от 75 до 102° (по Фаренгейту) в сочетании с ежедневным средним осадком дождей в 9 дюймов, начнет бичевать европейцев самой настоящей азиатской холерой. Тогда оправдаются слова лорда Элленборо:

«По моему мнению, сэр Г. Барнард не может оставаться там, где он теперь находится, этого не допускает климат. Когда начнутся проливные дожди, он будет отрезан от Мирута, от Умбалла и Пенджаба; он будет заперт на узкой полосе земли и окажется, не скажу, просто в рискованном положении,

но в положении, которое может кончиться только развалом и гибелью. Я надеюсь, что он сумеет уйти во-время».

Итак, что касается Дели, все зависит от того, окажется ли у генерал Барнарда достаточно людей и боевых припасов, чтобы в последние недели июня предпринять штурм города. С другой стороны, его отступление чрезвычайно увеличит моральные силы восстания и, может быть, побудит бомбейскую и мадрасскую армии открыто присоединиться к ним.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5094 от 18 августа 1857 г.

Без подписи.

III.

Прибывшая почта с пароходом «Балтик» ничего не сообщает о каких-либо новых событиях в Индии, но зато дает множество в высшей степени интересных подробностей, которые мы предлагаем здесь в сжатом виде для осведомления наших читателей. Первое, что необходимо отметить, это то, что 15 июля англичане все еще не проникли в Дели. В то же время в их лагере появилась холера, начались сильные дожди, и снятие осады и отход осаждающих войск является, повидимому, лишь вопросом времени. Английская пресса пытается нас убедить в том, что эпидемия, которая унесла генерала сэра Г. Барнарда, пощадила его войска, которые и питались хуже, и работали больше. Поэтому мы можем составить себе представление об опустошениях, произведенных в рядах осаждающей армии этой страшной болезнью, не по прямым сведениям, сообщаемым для публики, а только путем выводов из признаваемых фактов. Один офицер, находящийся в лагере под Дели, в письме от 14 июля, пишет:

«Мы ничего не делаем для взятия Дели, а только обороняемся против вылазок неприятеля. У нас имеются части пяти европейских полков, но для скольконибудь серьезной атаки мы располагаем только 2 000 европейцев: крупные части от каждого полка были оставлены для защиты Джуллундара, Лудианы, Субату, Дагшеля, Куссоулии, Умбаллы, Мирута и Файлора. Фактически лишь небольшие части каждого полка присоединились к нам. Неприятель значительно превосходит нас артиллерией».

Это показывает, что войска, прибывшие из Пенджаба, нашли важную северную коммуникационную линию от Джуллундара до Мирута охваченной восстанием и, следовательно, были принуждены уменьшить свою численность, выделив от себя отряды для главных постов. Этим можно объяснить уменьшение численности прибывших из Пенджаба ожидавшихся войск, но этим нельзя объяснить сокращение европейских сил до 2 000 человек. Бомбейский корреспондент лондонского «Times» в своем письме от 30 июля пытается истолковать иначе пассивность осаждающих. Он говорит:

«Подкрепления действительно прибыли к нам в лагерь — одно крыло 8-го (королевского) полка, одно крыло 61-го полка, рота пешей артиллерии и два орудия туземной артиллерии, 14-й полк иррегулярной кавалерии (эскортирующий большой обоз с боевыми припасами), 2-й полк пенджабской кавалерии, 1-й полк пенджабской пехоты и 4-й полк сикхской пехоты; но туземные части войск, присоединенные к осадному корпусу вполне и не в одинаковой мере надежны, хотя они и распределены по бригадам совместно с европейцами.

В кавалерийских пенджабских полках имеется много мусульман и индусов высших каст из собственно Индостана и Рохильканда, между тем как бенгальская иррегулярная кавалерия состоит главным образом из этих элементов. Этот разряд людей в общем крайне нелюбим и их присутствие в более или менее значительном числе среди войск должно быть не особенно удобным, что и подтвердилось на деле. Во 2-м пенджабском кавалерийском полку было признано необходимым разоружить человек 70 индусов и повесить троих, в том числе одного старшего туземного офицера. Из 9-го полка иррегулярной кавалерии, который одно время был при войсках, дезертировало несколько кавалеристов, а 4-й иррегулярный полк, кажется, убил своего адъютанта во время несения службы развозов».

Здесь открывается другой секрет. Лагерь под Дели, повидимому, имеет некоторое сходство с лагерем Аграманте, и англичанам приходится бороться не только с неприятелем на фронте, но также с союзником в своих собственных рядах. Все же этот факт не дает достаточного объяснения тому, что для наступательных действий у них остается только 2 000 европейцев. Третий автор, бомбейский корреспондент «Daily News», сообщает точный перечень войск, собранных под командой генерала Рида, преемника Барнарда, перечень, который, повидимому, заслуживает доверия, ибо он перечисляет по отдельным частям различные элементы, из которых эти войска состоят. Согласно его сообщению, из Пенджаба в Дели прибыло с 23 июня по 3 июля около 1 200 европейцев, 1 600 сикхов, иррегулярная кавалерия и пр., всего около 3 000 человек под командой бригадного генерала Чемберлена. С другой стороны, все войска, собранные теперь под командой генерала Рида, он исчисляет в 7 000 человек, включая артиллерию и осадный парк, так что армия под Дели, до прибытия подкреплений из Пенджаба, не могла превысить 4 000 человек. В номере от 13 августа лондонский «Times» утверждал, что сэр Г. Барнард собрал армию из 7 000 англичан и 5 000 туземцев. Хотя это и очевидное преувеличение, тем не менее есть полное основание полагать, что европейские войска к тому времени достигали 4 000 человек, подкреплённых несколько меньшим числом туземцев. Таким образом, войска, находившиеся раньше под командой генерала Барнарда, были одинаковой численности с войсками, собранными теперь под командой генерала Рида. Из этого следует, что подкрепления из Пенджаба только пополнили убыль, почти наполовину сократившую силы осаждающих, — огромную убыль, причиненную отчасти беспрестанными вылазками повстанцев, отчасти опустошениями холеры. Таким образом, становится понятным, почему англичане для «серьезной атаки» могут выставить только 2 000 европейских солдат.

Так обстоит вопрос с численностью британских войск у Дели. Теперь обратимся к их операциям. То, что они были не особенно блестя-

щи, это можно с полным правом вывести из того простого факта, что с 8 июня, когда генерал Баргард оповестил о взятии лежащей напротив Дели высоты, ставка не выпустила ни одной сводки. За одним единственным исключением, военные действия состояли из вылазок осажденных, которые были отражены осаждающими. Осаждающие подвергались нападениям то с фронта, то с флангов, но больше всего с тылу на правом фланге. Вылазки имели место 27 и 30 июня, 3, 4, 9 и 14 июля. 27 июня бой ограничивался аванпостными стычками, длившимися несколько часов, но около полудня они были прерваны сильным дождем, первым за это время года. 30 июня повстанцы в значительном количестве показались среди изгородей вправо от осаждающих, нападая на пикеты и поддержки. 3 июля, рано утром, осажденные произвели ложную атаку в тыл правого фланга английского расположения, затем продвинулись на несколько миль в тыл, вдоль Кернаульской дороги до Алипора с целью перехватить обоз с припасами и казной, который под конвоем направлялся в лагерь. В пути они встретили аванпост 2-го пенджабского иррегулярного кавалерийского полка, который немедленно отступил. При своем возвращении в город 4 июля повстанцы подверглись атаке отряда из 1 000 человек пехоты и 2 эскадронов кавалерии, отправленного из английского лагеря с целью перехватить их. Однако повстанцам удалось выполнить свое отступление с малыми потерями или даже вовсе без потерь и спасти все свои пушки. 8 июля из британского лагеря был выслан отряд с поручением разрушить мост на канале у деревни Басси, приблизительно в 6 милях от Дели. Во время прежних вылазок этот мост облегчал повстанцам нападение на глубокий тыл англичан и на их сообщения с Кернаулем и Мирутом. Мост был разрушен. 9 июля повстанцы снова сделали вылазку и значительными силами атаковали тыл правого фланга британского расположения. В официальном сообщении, в тот же день poslanном по телеграфу в Лагор, потери нападающих определены приблизительно в 1 000 убитых, но это сообщение, повидимому, сильно преувеличено, ибо в одном письме из лагеря от 13 июля мы читаем: «Наши люди похоронили и сожгли 250 убитых со стороны противника, и, кроме того, большое число убитых было унесено им в город». То же самое письмо, напечатанное в «Daily News», не подтверждает, что англичане принудили сипаев отступить, а, напротив, говорит, что «сипаи отбросили назад все наши отряды, производившие работы, а затем отошли назад». Потери осаждающих были значительны, достигая 212 убитых и раненых. 14 июля, в результате новой вылазки, опять произошло упорное сражение, подробности которого еще не получены.

Тем временем осажденные получили сильные подкрепления; 1-го июля повстанцы Рохильканда из Барели, Мурадабада и Шахджанпура, в составе четырех полков пехоты, одного полка иррегулярной кавалерии и одной батареи артиллерии успешно соединились с их товарищами в Дели.

«Предполагали, — говорит бомбейский корреспондент «Times», — что они не смогут перейти Ганг, однако ожидаемый разлив реки не произошел, и они перешли ее у Гурмукезера, затем перешли Дораб и достигли Дели. В течение двух дней нашим войскам пришлось с чрезвычайным огорчением наблюдать, как длинная вереница людей, пушек, лошадей и всякого рода вьючного скота (с повстанцами была казна, около 50 000 ф. ст.) потоком лилась по пловучему мосту в город, причем невозможно было ни помешать им, ни каким-либо образом потревожить их».

Этот успешный марш повстанцев через весь Рохильканд доказывает, что вся страна к востоку от Джумны до гор Рохильканда закрыта для английских войск, а беспрепятственный марш повстанцев от Нимача до Агры, в связи с восстанием в Индоре и Мхоу, доказывает, что в таком же положении находится вся страна к юго-западу от Джумны и до самых Виндийских гор. Единственной вообще операцией англичан в районе Дели, единственно успешной, является умиротворение страны к северу и северо-востоку от него при помощи пенджабских частей сикхов генерала Ван-Кортландта. По всему округу между Лудьяной и Сирсах он имел дело главным образом с разбойничьими племенами, населяющими деревни, разбросанных на большом расстоянии друг от друга по дикой песчаной пустыне. По имеющимся сведениям, 11 июля он покинул Сирсах и направился в Фаттехабад, чтобы оттуда двинуться на Гиссар и таким образом, проникнуть в тыл осаждающей армии.

Помимо Дели, центрами борьбы между туземцами и англичанами стали еще три пункта в северо-западных провинциях — Агра, Каунпур и Лукноу. Дело при Агре характерно тем, что здесь повстанцы в первый раз планомерно предприняли экспедицию на расстояние около 300 миль с целью атаки отдаленной военной стоянки англичан. Согласно «Mofussilite», журнала, издаваемого в Агре, сипайские полки из Нуссерабада и Нимача численностью около 10 000 человек (около 7 000 пехоты, 1 500 кавалерии и 8 пушек) в конце июня подошли к Агре, в начале июля расположились лагерем на равнине позади деревни Суссия в милях 20 от Агры, а 4 июля стали как будто готовиться к нападению на город. При этом известии европейцы, находившиеся в поселении у Агры, укрылись в форт. Комендант Агры сначала отправил котакхский контингент конницы, пехоты и артиллерии в качестве авангарда против неприятеля; однако, прибыв к месту своего

назначения, солдаты, все как один, перебежали на сторону повстанцев. 5 июля гарнизон Агры в составе 3-го бенгальского полка европейцев, одной батареи артиллерии и отряда европейцев-добровольцев выступил с целью атаковать повстанцев, и будто бы ему удалось выгнать их из деревни в равнину позади ее, но затем он, очевидно, в свою очередь, был отеснен назад и, потеряв из 500 человек участников 49 убитыми и 92 ранеными, должен был отступить под натиском и угрозой неприятельской кавалерии с такой поспешностью, что отступавшие, как говорит «Mofussilite», не могли «даже дать по ней выстрела». Другими словами, англичане попросту обратились в бегство и заперлись в своем укреплении, между тем как сипаи, подойдя к Агре, разрушили почти все дома поселения. На следующий день, 6 июля, они отправились в Бхертпор, на пути в Дели. Серьезное значение этой операции заключается в том, что повстанцы прервали коммуникационную линию англичан между Агрой и Дели и предотвратили их вероятное появление перед древним городом Моголов.

В Каунпуре, как сообщалось в последней почте, отряд приблизительно из 200 европейцев под командой генерала Уилера, имея с собою жен и детей 32-го пехотного полка, был заперт в одном из укреплений и окружен подавляющей массой повстанцев под командой Наны Саиба из Биттура. Укрепление подвергалось повторным атакам 17 и с 24 по 28 июня, причем в последней атаке у генерала Уилера была прострелена нога, и он умер от ран. 28 июня Нана Саиб предложил англичанам сдаться с условием, что они получают разрешение отправиться на лодках вниз по Гангу в Аллахабад. Эти условия были приняты, но, едва англичане достигли середины реки, как с правого берега по ним был открыт огонь из пушек. Те из англичан, которые попытались спастись с лодок на противоположный берег, были захвачены и изрублены отрядом кавалерии. Женщины и дети были взяты в плен. Ввиду того, что из Каунпура в Аллахабад неоднократно отправлялись посланцы с настойчивыми просьбами о помощи, 1 июля в Каунпур была отправлена колонна мадрасских фузилеров и сикхов под командой майора Рено. В 4 милях от Фаттипура, на рассвете 13 июля, к этой колонне присоединился бригадный генерал Хавелок, который, имея под своей командой около 1 300 европейцев 84-го и 64-го полков, 13-й иррегулярный кавалерийский полк и остатки аудской иррегулярной конницы, 3 июля достиг Аллахабада со стороны Бенареса и форсированным маршем последовал за майором Рено. В самый день своего соединения с Рено он был принужден принять сражение перед Фаттипуром, куда Нана Саиб привел свои туземные войска. После упорного боя генералу Хавелоку удалось ударом во фланг вытеснить противника из

Фаттипура в направлении на Каунпур, где ему снова пришлось встретиться с ним два раза, 15 и 16 июля. В этот последний день Каунпур был снова взят англичанами, Нана Саиб отступил к Биттуру, расположенному на Ганге в 12 милях от Каунпура, и который, как говорят, сильно укреплен. Перед тем, как начать свою экспедицию против Фаттипура, Нана Саиб перебил всех пленных английских женщин и детей. Обратный захват Каунпура имело для англичан громадное значение, ибо оно обеспечило им путь сообщения по Гангу.

В Лукноу, столице Ауда, британский гарнизон попал примерно в такое же тяжелое положение, которое для их товарищей в Каунпуре имело столь роковой исход: он был заперт в форт, окружен подавляющими силами, терпел недостаток в продовольствии и потерял своего командира. Этот последний, сэр Г. Лоренс, умер 4 июля от столбняка в результате ранения в ногу, полученному 2 июля во время вылазки. 18 и 19 июля Лукноу еще держался. Его единственная надежда на избавление заключалась в том, что генерал Хавелок со своим отрядом продвинется вперед от Каунпура. Весь вопрос в том, отважится ли он на это движение, имея у себя в тылу Нана Саиба. Но всякая отсрочка должна стать для Лукноу роковой, ибо периодические дожди могут вскоре сделать всякие военные операции в поле невозможными.

Анализ всех этих событий приводит нас к заключению, что в северо-западных провинциях Бенгалии британские войска были постепенно сведены на положение мелких постов, разбросанных по изолированным скалам среди бушующего моря революции. В нижней Бенгалии имели место лишь отдельные случаи неповиновения в Мирзапуре, Динапуре и Патне, не считая безуспешной попытки бродячих браминов в окрестностях Бенареса захватить этот священный город. В Пенджабе дух восстания подавлен силой — восстание в Сайлькоте, было также подавлено, другое восстание в Джелуме и брожение в Пешавере было также пресечено. Были уже попытки восстания в Гуджерате, в Пандерпуре, в Саттарах, в Нагпуре и Саугоре, в Нагпурском районе, в Гайдерабаде, на территории Низама и, наконец, на юге в Майссоре. Из всего этого следует, что спокойствие в президентствах Бомбея и Мадраса отнюдь нельзя считать вполне обеспеченным.

Написана, повидимому, К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5118 от 15 сентября 1857 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

IV.

Лондон, 4 сентября 1857 г.

Жестокости, совершенные возмущившимися сипаями, действительно ужасны, отвратительны, невыразимы — таковы как это бывает только в войнах гражданских, национальных, расовых и особенно религиозных, — словом, таковы, каким «порядочная» Англия рукоплескала в тех случаях, когда их совершали вандейцы над «синими» или испанские партизаны над безбожниками-французами, сербы над своими немецкими и венгерскими соседями, кроаты над венскими повстанцами или, наконец, гвардия мобилей Кавеньяка и бонапартовские герои 2 декабря над сыновьями и дочерьми пролетариата Франции. Как ни гнусно поведение сипаев, оно представляет лишь концентрированное отражение поведения самой же Англии в Индии не только в период основания этой Восточной империи, но даже в последние десятилетия ее долгого и ничем не нарушаемого управления ею. Для характеристики этого управления достаточно сказать, что попытка представляла органическое звено в английской финансовой политике. Есть в истории человечества как бы некое возмездие, и, по закону этого исторического возмездия, орудие его действия должно выковываться не потерпевшим, а самим преступником.

Французская монархия получила первый удар не от крестьянства, а от знати. Восстание в Индии начали не измученные англичанами, униженные, ограбленные до нитки райоты, а одетые, сытые, выхоленные, избалованные англичанами сипаи. Чтобы найти аналогии жестокостям сипаев, нам вовсе не надо, по примеру некоторых лондонских газет, пускаться в глубь средневековья или даже покидать современную Англию. Достаточно познакомиться с первой китайской войной, событием, так сказать, вчерашнего дня. В этой войне английская солдатчина совершала ужасающие жестокости исключительно ради забавы; ее страсти не освящал религиозный фанатизм, не обостряла ненависть против надменного завоевателя, не вызывало упорное сопротивление героического врага. Насилование женщин, насаживание детей на штыки, сжигание людей целыми деревнями — факты, зарегистрированные не мандаринами, а британскими же офицерами, — совершались тогда исключительно ради распутного озорства. Да и в нынешней катастрофе было бы грубейшей ошибкой предполагать, что сипаи совершают только жестокости, а англичане расточают только благодеяния. Письма британских офицеров пышат

злостью. В письме из Пешавера один офицер дает картину разоружения 10-го полка иррегулярной кавалерии за отказ выполнить приказание атаковать 55-й пехотный туземный полк. Он захлебывается от восторга по поводу того, что солдат не только обезоружили, но также раздели и разули, затем, раздав по 12 пенсов на человека, всех погна-ли к берегу реки, где посадили в лодки и пустили вниз по Инду, при-чем автор с упоением ожидает, что никому из них не удастся избежать гибели в стремнинах реки. Другой автор сообщает, как несколько жи-телей Пешавера вызвали ночную тревогу взрывами маленьких мин из ружейного пороха в честь новобрачных (национальный обычай); на следующее утро виновные были связаны и «получили такую порку, какую они не скоро забудут». Из Пинди пришло сообщение, что три вождя из туземцев составили заговор. В ответ сэр Джон Лоренс при-казал подослать к ним на свидание шпиона. На донос шпиона сэр Джон отправил второе приказание: «повесить их». Вожди были пове-шены. Один гражданский чиновник пишет из Аллахабада: «Нам при-надлежит власть над их жизнью и смертью, и, смеем вас уверить, что мы действуем беспощадно». Другой пишет из того же места: «Не про-ходит дня без того, чтобы мы не вздернули человек 10—15 из них (мирных жителей)». Один офицер пишет с ликованием: «Холмс вешает их дюжинами, как и подобает такому молодчине!» Другой, по поводу казни через повешение сразу целой группы туземцев, говорит: «Тут пошла потеха». Третий пишет: «Мы производим военный суд, сидя вер-хом на лошадях, и каждого черномазого, который попадаетея нам на глаза, мы либо вздергиваем, либо пристреливаем». Из Бенареса со-общают, что 30 земиндаров были повешены по одному только подозре-нию в сочувствии своим землякам, и целые деревни сжигались до тла под тем же предлогом. Один офицер из Бенареса, письмо которого напечатано в лондонском «Times», говорит: «Европейские солдаты превратились в зверей, когда они натолкнулись на туземцев». Не сле-дует также забывать, что в то время как жестокости англичан описы-ваются как акты воинской доблести и передаются просто, кратко, без отталкивающих подробностей, насилия туземцев, достаточно воз-мутительные и сами по себе, еще умышленно преувеличиваются. Так, напр., кто является автором появившегося сначала в «Times», а затем обошедшего всю лондонскую прессу обстоятельного рассказа о злодействах, совершенных в Дели и Мируте? Какой-то трус-пастор, проживающий в Банголоре (Маисор), в расстоянии по прямой линии более чем на тысячу миль от места действия! Рассказы о действитель-ных событиях в Дели воочию свидетельствуют, что воображение ан-глийского пастора способно создать еще бóльшие ужасы, нежели ди-

кая фантазия индусского мятежника. Отрезывание носов, грудей и т. д. и другие ужасы, творимые сипаями, больше возмущают европейцев, и конечно, сильнее, нежели метание раскаленных ядер в кантонские жилища секретарем Манчестерского общества мира, или зажаривание загнанных в погреб арабов французским маршалом, или сдирание плетью кожи с живых британских солдат по приговору импровизированных военных судов, или иное «гуманное» средство, применяемое в британских исправительных колониях. Жестокость, как и всякая вещь, тоже имеет свои моды, которые меняются сообразно времени и месту. Образованнейший Цезарь откровенно рассказывает о том, как по его приказанию отрубали правые руки тысячам галльских воинов. Подобный образ действий Наполеон почел бы для себя позором. Он предпочитал свои собственные французские полки, заподозренные в республиканских чувствах, ссылать на остров Сан-Доминго, где им предстояло погибнуть от чернокожих или от эпидемий.

Ужасные увечья, причиняемые своим жертвам сипаями, напоминают практику христианской Византийской империи, предписания Уголовного кодекса императора Карла V, наказания за государственную измену в Англии, как пишет еще судья Блэкстон. Индусам, которых религия сделала виртуозами в искусстве самоистязаний, причиняемые ими врагам своего народа и религии мучения кажутся вполне естественными; они должны казаться таковыми еще больше англичанам, которые всего лишь несколько лет тому назад еще извлекали доходы из празднеств Джаггернаута, покровительствуя и поощряя кровавые обряды этой религии жестокости.

Неистовый рев «старого гнусного» «Times», как любил называть его Коббет, взятая им на себя роль неистового персонажа из оперы Моцарта, который в мелодичнейших ариях наслаждался мыслью о том, как он своего врага сперва повесит, затем изжарит, затем четвертует, затем нанижет на вертел и, наконец, сдерет с живого кожу, его постоянное разжигание жажды мести — все это могло бы казаться очень глупым, если бы под пафосом трагедии явно не проглядывали трюки комедии. Лондонский «Times» пересаливает в исполнении своей роли не только под влиянием паники. Он доставляет комедии сюжет, упущенный даже Мольером, а именно: Тартюфа мести. На деле все, что ему нужно, это — рекламировать государственные бумаги и оградить правительство от нападков. Так как стены Дели не пали, подобно стенам Иерихонским, от колебаний воздуха, то необходимо Джона Булля так оглушить воплями

о мести, чтобы он забыл, что его правительство ответственно за те бедствия и за те колоссальные размеры, до которых оно дало им разрастись.

Написана К. Марксом.

Напечатано в «New-York Daily Tribune»

№ 5119 от 16 сентября 1857 г.

Без подписи.

•

РАССЛЕДОВАНИЕ О ПЫТКАХ В ИНДИИ.

Наш лондонский корреспондент, письмо которого о восстании в Индии мы напечатали вчера, сделал весьма уместное указание на некоторые явления, подготовившие почву для этого бурного взрыва. Сегодня мы предполагаем несколько продолжить наши сообщения в том же направлении с целью показать, что британские правители Индии вовсе не являются столь мягкими и безупречными благодетелями индийского народа, какими они хотели бы казаться в глазах всего мира. С этой целью мы обратимся к официальным Синим книгам о пытках в Ост-Индии, которые были представлены палате общин в сессии 1856 и 1857 годов. Как увидим, их показания совершенно неопровержимы.

Во-первых, мы имеем доклад Комиссии по вопросу о пытках в Мадрасе; комиссия заявляет, что она «не сомневается в существовании вообще пытки в целях сбора дохода». Она сомневается, чтобы «по уголовным обвинениям ежегодно подвергалось истязаниям хотя бы приблизительно столько лиц, сколько их подвергалось за неплатеж податей». Комиссия заявляет, что существует «одно обстоятельство, которое произвело на нее даже более тягостное впечатление, нежели уверенность в самом существовании пыток; это — трудность для потерпевшей стороны получить удовлетворение». Причины этой трудности, по данным комиссии, следующие: 1) расстояния, которые приходится проезжать желающим лично принести жалобу сборщику податей, что требует расходов и потери времени на ожидание у него приема; 2) опасение, что письменная жалоба «будет возвращена с обычной надписью, отсылающей жалобщика к тахсильдару», чиновнику, заведующему полицией и сбором налогов округа, т. е. к тому самому лицу, которое либо самолично, либо через своих низших полицейских агентов причинило ущерб жалобщнику; 3) недостаток средств подвергнуть законным наказаниям правительственных чиновников, даже когда они формально обвинены и уличены в подобных злоупотреблениях. Оказывается, что если такого рода обвинение доказано перед полицейским судом, то суд может приговорить виновного только к штрафу в 50

рупий или к месячному тюремному заключению. Другой выход состоял только в передаче обвиняемого в руки уголовного судьи, который наложил бы на него наказание или представил бы его дело на разбирательство окружного суда. «Но это представляет такую утомительную процедуру, причем применимую только к одной категории проступков, а именно: к злоупотреблению полицией властью, что в данном случае она ни к чему не приведет».

Полицейский или податной чиновник, представляющий одно и то же лицо, ибо подати собираются полицией, в случае обвинения его в насильственном вымогательстве денег, сначала подлежит суду помощника сборщика; от него он может апеллировать к сборщику, а от последнего в департамент налогов. Этот департамент может направить обвиняемого либо в правительственный, либо в гражданский суд. «При таком состоянии правосудия ни один забитый нуждой (райот) не может бороться с богатым податным чиновником, и мы не знаем ни одного случая подачи кем-либо жалоб в порядке этих двух законодательных постановлений (1822 — 1828 годов)». Причем обвинение полицейского чиновника в вымогательстве денег касается только к присвоению государственных сумм или к принуждению райота уплатить добавочный налог, который прикарманивает сам чиновник. Таким образом, нет никаких законных средств наказания за применение насилия при сборе государственных налогов.

Отчет, из которого берутся эти данные, относится только к мадрасскому представительству, однако сам лорд Далузи в сентябре 1856 г. писал директорам компании, что

«он давно перестал сомневаться в том, что пытка в той или иной форме практикуется низшим агентом кампании в каждой британской провинции».

Таким образом, всеобщее распространение пыток, как неотъемлемая часть финансового устройства Британской Индии, признается официально, однако форма этого признания такова, что прикрывает участие самого британского правительства. Действительно, мадрасская комиссия приходит к заключению, что применение пыток всецело является виною низших индусских чиновников, между тем как европейские чиновники всегда, хотя и безуспешно, делали все от них зависящее с целью не допустить этих пыток. В ответ на это утверждение Мадрасская туземная ассоциация в январе 1856 г. представила в парламент петицию с жалобой на то каким образом производится расследование о пытках, приводя следующие факты: 1) не было вообще никакого расследования, ибо комиссия заседала только в городе Мадрасе и притом в течение лишь трех месяцев, меж тем как ту-

земцы, желавшие подать жалобу, за весьма редкими исключениями, не могли покинуть своих домов; 2) члены комиссии не пытались проследить зло до самых его корней; если бы они это сделали, то оказалось бы, что корень лежит в самой системе сбора доходов; 3) обвиняемых туземных чиновников не опрашивали, в какой мере их начальство знало об этой практике.

«Источник этого принуждения, — говорят авторы петиции, — надо искать не у фактических ее исполнителей, он восходит выше, к чиновникам, являющимся их непосредственным начальством; последние же, в свою очередь, ответственны за определенную сметой сумму сбора перед своим европейским начальством, а это в свою очередь отвечает по той же статье перед высшей правительственной властью».

Действительно, нескольких выдержек из свидетельских показаний, на которых якобы основывается мадрасский отчет, достаточно, чтобы опровергнуть его утверждение, что «англичане не заслуживают никакого порицания».

Так В. Д. Колхоф, купец, говорит:

«Практикуемые способы пытки отличаются разнообразием в соответствии с фантазией тахсильдара и его подчиненных, однако я затрудняюсь сказать, давали ли высшие власти какое-либо удовлетворение потерпевшим, ибо все жалобы обычно направляются ими к тахсильдару для расследования и донесения».

Среди жалоб туземцев мы находим следующее:

«В прошлом году, так как наш реасанум (главный сбор или урожай риса) не удался вследствие недостатка дождей, мы не могли внести обычную плату. Когда был сделан джамабунди (раскладка) мы попросили о сбавке ввиду наших потерь, согласно пунктам договора, заключенного нами в 1837 г., тогда нашим сборщиком был г. Иден. Так как сбавка не была разрешена, мы отказывались принять наши повестки. Тогда тахсильдар с большой жестокостью от июня до августа стал заставлять нас платить. Я и еще другие были отданы в распоряжение людей, которые выставляли нас на солнце. Нас заставляли нагибаться и на спину нам клали камни, нас держали в раскаленном песке, и только после 8 часов нас отпускали на наше рисовое поле. Такое жестокое обращение продолжалось 3 месяца, в течение которых мы иногда ходили подавать прошения сборщику податей, который, однако, отказывался их принимать. Мы собрали эти прошения и обратились с ними в выездную сессию суда, которая передала их сборщику. Так мы и не добились управы. В сентябре нам прислали повестку, и спустя 25 дней наше имущество было описано и затем продано. Кроме того, что я сказал выше, наши женщины позже были подвергнуты жестокому обращению, им на грудь клали «kitee».

Туземец-христианин в ответ на заданный ему членами комиссии вопрос заявляет:

«Когда приходит европейский или туземный полк, то всех райотов заставляют приносить продовольствие *бесплатно*, и если кто-либо из них попробует спросить плату за товар, то его подвергают жестокой пытке».

Затем следует случай с брамином, который, вместе с своими односельчанами и жителями соседней деревни, получил от тахсильдара приказание доставить безвозмездно доски, древесный уголь, дрова и пр. для того, чтобы тахсильдар мог продолжить постройку моста через Колерун; ввиду его отказа он был схвачен 12 людьми и подвергнут ими разного рода истязаниям. Он прибавляет:

«Я представил жалобу помощнику сборщика г. В. Каделлю, но он не произвел никакого расследования и разорвал мою жалобу. Так как он хочет дешево закончить постройку колерунского моста за счет бедняков и быть на хорошем счету у правительства, то какое бы увещье ни причинил тахсильдар, он не производит об этом никакого дознания».

В каком свете этот незаконный образ действий, доходивший до последней степени вымогательства и насилия, рассматривался высшими властями, всего лучше показывает дело Брертонна, комиссара, стоявшего во главе Лудианского округа в Пенджабе в 1855 году. Согласно докладу главного комиссара Пенджаба было доказано, что

«в делах, непосредственно подлежащих компетенции или руководству самого заместителя комиссара г. Брертонна, дома богатых граждан были без всякой причины подвергнуты обыску, взятое в связи с этим имущество задерживалось в течение продолжительного времени, многие лица были брошены в тюрьму и оставались там неделями без предъявления им какого-либо обвинения, и закон о мерах предосторожности против подозрительных лиц применялся огульно и со всей строгостью: заместитель комиссара следовал из округа в округ в сопровождении нескольких полицейских чиновников и доносчиков, наущением которых он пользовался всюду, где он бывал, и эти люди были главными виновниками всех бед».

В своих замечаниях об этом деле лорд Далузи говорит:

«Мы имеем неопровержимое доказательство, которое, впрочем, не оспаривается и самим г. Брертонном, что этот чиновник действительно был виновен по каждому пункту в том тяжком списке неправильных и незаконных действий, который предъявил ему главный комиссар и который покрыл позором часть британской администрации и подверг значительное количество британских подданных большим несправедливостям, произвольному лишению свободы и жестоким пыткам».

Лорд Далузи предлагает «показать публичный пример» и в связи с этим выражает мнение, что

«г. Брертону *в настоящее время* не может быть полностью вверена власть заместителя комиссара, и он должен быть снижен с этой должности на должность первого помощника».

В заключение к этим выдержкам из Синей книги можно привести петицию жителей Талука в Канаре на Малабарском берегу, которые, заявив, что они совершенно безрезультатно представляли

различные петиции правительству, делают такое сравнение своего прежнего и нынешнего положения:

«Обрабатывая сырые и сухие земли, холмистые, низменные и лесные пространства, уплачивая установленную для нас легкую подать мы наслаждались спокойствием и счастьем под управлением «Рани», Бадур и Типпу, бывшие тогда слугами Сиркара, которые если они и накладывали на нас добавочную подать, то мы никогда не платили ее. При сборе подати мы не были подвергнуты лишениям, притеснениям и злоупотреблениям. Но после того как эта страна была передана почтенной компании, она придумала всевозможные способы с целью выжать из нас деньги. С этой зловердной целью она изобрела правила и сочинила регламенты и направила своих сборщиков и гражданских судей для того, чтобы привести их в исполнение. Но тогдашние сборщики и их подчиненные чиновники из туземцев некоторое время оказывали должное внимание нашим жалобам и действовали в согласии с нашими желаниями. Напротив, нынешние сборщики и их подчиненные чиновники, *желая получить продвижение по службе каким бы то ни было способом*, пренебрегают благами и интересами народа вообще, остаются глухи к нашим жалобам и подвергают нас всякого рода притеснениям».

Мы дали здесь всего лишь краткий, составленный в мягких тонах очерк из действительной истории британского господства в Индии. Ввиду подобных фактов люди беспристрастные и вдумчивые могут спросить, не прав ли народ в своей попытке изгнать чужеземных завоевателей, которые позволяли себе такие злоупотребления по отношению к своим подданным. И если англичане могли проделывать такие вещи обдуманно и преднамеренно, то удивительно ли, что возмущившиеся индусы, в яростном возбуждении восстания и борьбы, совершают приписываемые им преступления и жестокости?

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5120 от 17 сентября 1857 г. в качестве передовой

Без подписи.

* ДОХОДЫ ИНДИИ.

Нынешнее положение дел в Азии заставляет спросить: какую реальную ценность для британского государства и британского народа представляют их индийские владения? В прямом виде, как, например, в форме дани, или в виде превышения индийских доходов над расходами, британская казна не получает ничего. Наоборот, ее ежегодные издержки очень велики. С того момента, как Ост-Индская компания энергично вступила на путь завоеваний, — а это было почти 100 лет тому назад, — ее финансы пришли в расстройство, и ей неоднократно приходилось обращаться к парламенту не только за военной помощью для удержания завоеванных территорий, но и за финансовой помощью для избавления ее от банкротства. Так дело шло вплоть до настоящего момента, когда от британской нации требуют так много войск, после чего, несомненно, последует и соответствующее требование денег. До сих пор, проводя свои завоевания и создавая учреждения, Ост-Индская компания довела свой долг до 50 000 000 слишком ф. ст.; со своей стороны, английское правительство в течение ряда лет тратило деньги на перевозку туда и обратно и на содержание в Индии регулярной армии в 30 тысяч человек сверх тех туземных и европейских сил, которые принадлежат самой компании. При таком положении дела ясно, что выгоды, проистекающие для Англии от обладания Индийской империей, должны ограничиваться прибылями и выгодами, которые получают отдельные британские подданные. Эти прибыли и выгоды, надо признать, весьма значительны.

Прежде всего имеются акционеры Ост-Индской компании в числе около 3 тысяч человек, которым уставной грамотой гарантируется ежегодный дивиденд в $10\frac{1}{2}\%$ на уплаченный капитал в 6 млн. фунтов, т. е. 650 000 ф. стерлингов. Так как капитал Ост-Индской компании состоит в анонимных акциях, то акционером может стать кто угодно, если у него есть достаточно денег для покупки акций, котирующихся сейчас, при существующем уставе, с премией в 125 до 150%. Акции на сумму в 500 ф. ст., стоящие около 6 тысяч долл., дают владельцу право совещательного голоса на собраниях акционеров, но, чтобы иметь право решающего голоса, не-

обходимо иметь акций на 1 000 ф. стерлингов. Владельцы акций на 3 тысячи ф. ст. имеют два голоса, владельцы акций на 6 тысяч ф. ст. — три голоса и владельцы акций на 10 тысяч ф. ст., и больше — четыре голоса. Впрочем, голоса акционеров имеют вообще мало значения исключение составляют выборы правления, акционеры выбирают 12 директоров, а правительство, со своей стороны, назначает 6, но эти королевские директора могут быть назначены только из лиц, проживших в Индии 10 или более лет. Третья часть директоров ежегодно выходит из правления, но может быть снова выбрана или назначена. Чтобы быть директором, необходимо иметь на 2 тысячи ф. ст. акций. Директора получают жалованье в 500 ф. ст. каждый, а председатель и вице-председатель вдвое больше; но главное побуждение, заставляющее искать эту должность, состоит в связанной с ней обширной властью назначать всех индийских гражданских и военных чиновников, — с властью, которая, однако, в значительной, а при назначении на наиболее важные должности даже в очень большой мере делится с Наблюдательным советом. Последний состоит из 6 членов — все тайные советники, — обычно двое или трое даже члены кабинета министров. Председатель совета непременно министр и фактически статс-секретарь по делам Индии.

Затем идут те, кто получает от правления должностные назначения, разделяющиеся на пять групп: гражданская, духовная, медицинская, военная и военно-морская. Чтобы служить в Индии, по крайней мере по гражданской линии, требуется некоторое знание туземных языков, и Ост-Индская компания содержит колледж в Хэльсбери для подготовки молодых людей к этой гражданской службе. Такой же колледж для подготовки к военной службе, в котором главными предметами преподавания являются, впрочем, начальные основы военных наук, основан в Аддискомбе близ Лондона. Принятие в эти колледжи раньше зависело от усмотрения директоров компании, но после недавних изменений ее статута доступ в них стал открыт для всех кандидатов на основе публичных конкурсных экзаменов. В первое время по прибытии в Индию гражданский чиновник получает обычно около 150 долл. в месяц; затем, когда он выдержит надлежащий экзамен по одному или нескольким туземным языкам (что он обязан сделать в течение 12 месяцев после приезда), он получает службу с окладом, размер которого колеблется в Индии от 2 500 до 50 000 долл. в год. Последняя цифра представляет жалованье членов Бенгальского совета; члены Бомбейского и Мадрасского советов получают около 30 тысяч долл. в год. Никто, кроме члена совета, не может получать более 25 тысяч долл., причем, для получения жалованья в 20 тысяч

долл. или более, нужно прожить в Индии не менее 12 лет. Девять лет пребывания в Индии дают право на жалованье от 15 до 20 тысяч долл., а три года пребывания — на жалованье от 7 до 15 тысяч в год. Повышения по гражданской службе номинально определяются старшинством и заслугами, но фактически они в значительной степени зависят от протекции. Так как гражданская служба оплачивается лучше всего, то имеется множество желающих поступить на эту службу, и офицеры нередко покидают для этого свои полки, если имеют возможность попасть туда. Средний оклад всех жалований гражданской службы равен приблизительно 8 тысяч долл., но сюда не входят побочные и чрезвычайные доходы, которые часто бывают очень значительны. Гражданские чиновники суть: губернаторы, советники, судьи, посланники, секретари, сборщики доходов и т. д., общим числом около 800. Жалованье генерал-губернатора Индии равно 125 тысяч долл., но всякие дополнительные статьи часто достигают еще большей суммы. Церковное ведомство состоит из 3 епископов и около 160 священников. Епископ Калькутты получает 25 тысяч долл. в год; епископ Мадраса и Бомбея вдвое меньше; священник получает от 2 500 до 7 000 долл., не считая разовой оплаты по услугам. Медицинское ведомство насчитывает около 800 врачей и хирургов с жалованьем от 1 500 до 10 000 долларов.

Число европейских офицеров, служащих в Индии, включая тех, которые состоят в войсках, выставляемых зависимыми князьями, равно приблизительно 8 тысячам. Их жалованье в пехоте следующее: прапорщик получает 1 080 долл., поручик — 1 344, капитан — 2 226, майор — 3 810, подполковник — 5 520, полковник — 7 680. Таков оклад в военных поселениях. В случае военных действий он увеличивается. Жалованье в кавалерии, артиллерии и инженерных войсках несколько больше. Попадая в штаб или на работу по гражданской линии, многие офицеры удваивают свое жалованье.

Таким образом, около 10 тысяч британских подданных занимают выгодные посты в Индии и получают жалованье по индийскому бюджету. Сюда надо присоединить значительное число лиц, переселившихся в Англию на пенсию, которая полагается по каждой должности по истечении известного числа лет. Эти пенсии, вместе с дивидендами и процентами по долгам, подлежащим уплате в Англии, поглощают приблизительно от 15 до 20 млн. долл.; эти суммы ежегодно извлекаются из Индии и могут действительно рассматриваться как дань, косвенным путем платимая британскому правительству его индийскими подданными. Лица, ежегодно покидающие различные должности, привозят с собой весьма значительные сбережения от

своего жалованья, которые тоже надо прибавить к ежегодным поступлениям из Индии.

Кроме европейцев, состоящих на правительственной службе, в Индии проживают еще другие европейцы в числе 6 тысяч или более, занимающиеся торговлей или частной спекуляцией. За исключением немногих владельцев плантаций индиго, сахарных и кофейных в сельских округах это, главным образом купцы, торговые агенты и фабриканты, живущие в городах Калькутте, Бомбее и Мадрасе и в их ближайших окрестностях. Внешняя торговля Индии, состоящая из импорта и экспорта на сумму приблизительно 50 млн. долл., почти целиком находится в их руках, и их прибыли, без сомнения, очень значительны.

Ясно, что отдельные лица извлекают огромные выгоды из связи, существующей между Англией и Индией, и их прибыли, конечно, увеличивают общую сумму национального богатства. Но всему этому надо противопоставить другую очень крупную сумму. Расходы на военные и морские силы, оплачиваемые из кармана английского народа по индийскому счету, непрерывно возрастали вместе с расширением индийских владений. К этому надо прибавить издержки по войнам бурмийской, афганской, китайской и персидской. В сущности, также и все издержки последней войны с Россией можно полностью отнести за счет Индии, поскольку страх перед Россией, приведший к этой войне, всецело проистекал из подозрений насчет ее планов в Индии. Если сюда прибавить ту бесконечную цепь завоеваний и беспрестанной агрессии, в которую Англия вовлекается благодаря обладанию Индией, то с полным основанием можно усомниться, не обойдется ли Англии содержание этих индийских владений в целом, по крайней мере, в такую же сумму, какую она когда-либо сможет получить от них?

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5123 от 21 сентября 1857 г.

Без подписи.

ВОССТАНИЕ В ИНДИИ.

I.

Полученные вчера известия из Индии рисуют положение весьма катастрофическим и угрожающим для англичан, хотя наш сведущий лондонский корреспондент, как можно убедиться из других столбцов газеты, смотрит на дело иначе. Из Дели мы имеем подробности о событиях вплоть до 29 июля и более позднее сообщение о том, что вследствие опустошений, причиняемых холерой, осаждающие город войска были принуждены удалиться и расположиться в Агре. Правда, этому сообщению ни одна лондонская газета не придает значения, но мы можем считать его в лучшем случае лишь несколько преждевременным. Как нам известно из всех писем, приходящих из Индии, осаждающая армия понесла жестокий урон от вылазок, произведенных осажденными 14, 18 и 23 июля. При этом повстанцы дрались с отвагой еще более отчаянной, чем когда-либо, и имели значительное преимущество над англичанами благодаря превосходству своей артиллерии. «Мы стреляем, — пишет один английский офицер, — из 18-фунтовых и 8-дюймовых гаубиц, а мятежники отвечают нам из 24- и 32-фунтовых». «В восемнадцати вылазках, — говорится в другом письме, — которые нам пришлось выдержать, мы потеряли убитыми и ранеными одну треть нашего состава». Все, чего можно было ждать в смысле подкреплений, это был отряд сикхов под командой генерала Ван Кортландта. Генерал Хавелок, выдержав несколько удачных боев, был принужден отступить к Каунпуру и оставить на время мысль об освобождении Лукноу. В то же время «в Дели начались сплошные дожди», которые, естественно, усилили холеру. Сообщение, в котором говорится об отступлении к Агре и, по крайней мере, временном отказе от попытки завладеть столицей Великого Могола, должно вскоре подтвердиться, если оно уже не подтвердилось на самом деле.

На линии Ганга главный интерес привлекают к себе операции генерала Хавелока, подвиги которого при Фаттипуре, Каунпуре и Битуре, вполне естественно, чрезмерно восхвалялись лондонскими газе-

тами. Как сказано нами выше, продвинувшись на 25 миль вперед от Каунпура, Хавелок был принужден снова отступить к нему с целью не только оставить в нем своих больных, но и дожидаться подкреплений. Об этом факте приходится весьма сожалеть, ибо он указывает, что попытка освободить Лукноу потерпела неудачу. Британскому гарнизону этого города осталась теперь лишь единственная надежда на отряд в 3 тысячи гуркас, высланных Джуог Бахадуром из Непала для его освобождения. Если они не принудят мятежников снять осаду, то каунпурская бойня повторится в Лукноу. Но этим дело не ограничится. Взятие повстанцами Лукноуской крепости и, в связи с этим, упрочение их власти в Ауде угрожает флангу всех британских операций против Дели и дает силам повстанцев перевес в Бенаресе и во всем Бехарском округе. Если повстанцы будут держать в своих руках Лукноу, то Каунпур потеряет половину своего значения, и его сообщения как с Дели, так и с Бенаресом окажутся под угрозой. Эта перспектива усиливает тот болезненный интерес, с которым ожидают известия из этого города. 16 июня гарнизон считал, что он может продержаться шесть недель на голодном пайке. Когда была отправлена последняя депеша, пять из этих недель уже истекли. Все теперь зависит от обещанных, но еще не прибывших подкреплений из Непала.

Если от Каунпура мы передвинемся ниже по течению Ганга к Бенаресу и к округу Бехара, то здесь перспективы англичан складываются еще мрачнее. Письмо в «Bengal Gazette» из Бенареса от 3 августа сообщает, что «повстанцы из Динапура перешли Соану и двинулись на Аррах». Европейская часть населения, естественно опасаясь за свою безопасность, отправила в Динапур просьбу о подкреплениях. В результате были посланы буксирные пароходы с частями 5-го, 10-го и 37-го полков ее величества. Среди ночи один из пароходов наскочил на тинистую отмель и прочно застрял. Люди были поспешно высажены на берег и двинулись вперед пешим порядком, не приняв, впрочем, надлежащих предосторожностей. Неожиданно они попали под сильный перекрестный огонь с близкого расстояния, и из их небольшого отряда были выведены из строя 150 человек, включая нескольких офицеров. Предполагают, что все европейцы в стоянке, около 47 человек, перерезаны. Город Аррах расположен в британском округе Шахабада, Бенгальского президентства, по дороге из Димпура в Газероп, в 25 милях к западу от первого и 75 к востоку от второго. Даже Бенарес был под угрозой. В этом городе имеется построенный по европейскому образцу форт, и если он попадет в руки мятежников, он станет вторым Дели.

В Мицапуре, расположенном к югу от Бенареса и на противоположном берегу Ганга, среди мусульманского населения был открыт заговор, а в Багампуре, на Ганге, в 18 милях от Калькутты, был разоружен 63-й полк туземной пехоты. Одним словом, возмущение на одной стороне и паника на другой распространились по всему Бенгальскому президентству до самых ворот Калькутты, где господствовали тревожные опасения, как бы великий пост Мохаррама не окончился общим нападением на англичан в то время когда последователи ислама в фанатическом исступлении расхаживают с саблями в руках, готовые начать драку по малейшему вызову, и генерал-губернатор был вынужден разоружить свою собственную лейб-гвардию. Читатель, таким образом, сразу поймет, что основная коммуникационная линия англичан по Гангу находится под угрозой постоянных нападений и прорыва. А это может повлиять на продвижение подкреплений, которые должны прибыть в ноябре и изолировать линию британских операций на Джумне.

В Бомбейском президентстве дела тоже принимают очень серьезный оборот. Восстание 27-го бомбейского туземного пехотного полка в Колапуре есть факт, а сведения о его разгроме британскими войсками — только слух. Бомбейская туземная армия совершила удачные восстания в Нагпуре, Аурангабаде, Хайдарабаде и, наконец, в Колапуре. Численность бомбейской туземной армии в настоящее время равна 43 048 человек, европейских же войск в этом президентстве фактически имеется только два полка. На туземную армию рассчитывали не только для поддержания порядка в пределах Бомбейского президентства, но и в целях отправки подкреплений в Синд в Пенджабе, а также для формирования колонн, которые предполагалось двинуть на Мхоу и Индор с целью снова захватить их и закрепить за собой, а также для восстановления сообщения с Агрой и освобождения ее гарнизона.

Колонна бригадира Стюарта, на которого была возложена эта операция, состояла из 300 человек 3-го бомбейского европейского полка, 250 человек 5-го бомбейского туземного пехотного полка, 1 000 человек 25-го бомбейского туземного пехотного полка, 200 человек 19-го бомбейского туземного пехотного полка, 800 человек 3-го кавалерийского полка гайдерабадского контингента. При этом отряде численностью в 2 250 туземных солдат имеется около 700 европейцев, главным образом из состава 86-го пехотного и 14-го легкого драгунского королевских полков. Сверх того, англичане организовали колонну из туземных войск в Аурангабаде, чтобы держать в страхе незатронутые еще районы Кандейша и Нагпура и

в то же время иметь поддержку для летучих колонн, действующих в Центральной Индии.

Что касается этой части Индии, то нам сообщают, что здесь «спокойствие восстановлено», однако на такой исход отнюдь нельзя полагаться. В действительности этот вопрос решается не занятием Мхоу, а линией поведения двух махраттских князей — Холкаора и Синдиа. Та же депеша, которая сообщает о прибытии Стюарта в Мхоу, добавляет, что, хотя Холкаор остается попрежнему надежным, его войска вышли из повиновения. О политической позиции Синдиа не говорится ни слова. Он молод, популярен, исполнен пыла, и его можно было бы рассматривать как естественного главу и связующий центр всей махраттской национальности. Он имеет собственных 10 тысяч отлично дисциплинированных войск. Его отход от англичан не только стоил бы им потери Центральной Индии, но придал бы огромную мощь и прочность революционному союзу. Отступление армии от Дели, угрозы и требования недовольных могут, в конце концов, заставить его стать на сторону соотечественников. Главное влияние как на Холкаора, так и на Синдиа окажут, однако, махратты Декана, где, как мы уже сообщали, восстание, наконец, решительно подняло голову. Именно здесь праздник Мохаррама особенно опасен. Следовательно, есть некоторое основание ожидать общего восстания бомбейской армии. Мадрасская армия, насчитывающая 60 555 человек и набранная из жителей Гайдерабада, Нагпура, Мальвы, самых фанатичных магометанских округов, также не замедлит последовать ее примеру. Таким образом, учитывая, что дождливый период в августе и сентябре парализует передвижение британских войск и прервет их сообщения, можно не без основания предположить, что, несмотря на свою кажущуюся численность, подкрепления, высланные из Европы, которые придут слишком поздно и по частям, могут оказаться слишком слабыми по сравнению с теми задачами, которые будут стоять перед ними. В предстоящей кампании мы почти можем ожидать повторения афганских катастроф.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5134 от 3 октября 1857 г.,

в качестве передовой.

Без подписи.

II.

Известия, полученные вчера из Индии с «Атлантиком», содержат два важных пункта, а именно, неудача генерала Хавелока в его продвижении для освобождения Лукноу и все еще продолжающаяся осада Дели англичанами. Этот последний факт находит себе аналогию только в британских летописях, а именно в Вальхеренской экспедиции. Когда к середине августа 1809 г. неудача этой экспедиции окончательно выяснилась, англичане оторочили посадку войск на суда до ноября. Когда Наполеон узнал, что английская армия высадилась в этом месте, то он рекомендовал не атаковать ее, а, не требуя от Франции никаких расходов, предоставить ей погибнуть от болезней, будучи уверен, что болезни причинят ей больше вреда, чем пушки. Нынешний Великий Могол находится в более выгодном положении, чем Наполеон, — он имеет возможность подкреплять эпидемии своими вылазками, а вылазки эпидемиями.

Британское правительственное сообщение, отправленное из Кальяри 27 сентября, сообщает нам, что «последние данные о Дели доходят до 12 августа, когда этот город был еще в руках мятежников, но что вскоре ожидается атака города, так как генерал Никольсон с значительными подкреплениями находится в расстоянии одного дня пути». Если Дели не будет взят штурмом войсками, находящимися в распоряжении Вильсона и Никольсона, то его стены будут стоять, до тех пор пока сами не упадут. Значительные силы Никольсона насчитывают около 4 тысяч сикхов — подкрепление до смешного недостаточное для атаки Дели, но вполне достаточное для нового убийственного предлога не сниматься с лагеря и не уходить из-под города.

После того, как генерал Хьюит совершил ошибку (а с военной точки зрения это можно даже преступлением), позволив повстанцам Мирута пройти в Дели и первые две недели были даром потрачены, благодаря чему повстанцами удалось неожиданно захватить этот город, план осады Дели кажется почти необъяснимым недоразумением. Один авторитет, которого мы позволим себе поставить несколько выше военных оракулов «Times», а именно Наполеон, устанавливает два правила ведения войны, которые кажутся почти банальными: во-первых, «предпринимать надо лишь то, что является посильным и что обещает всего больше шансов на успех»; во-вторых, «главные силы должны быть направлены только в сторону главной цели войны — уничтожения врага». При соста-

составлении плана осады Дели оба эти элементарные правила были нарушены. В Англии военные эксперты должны были знать, что само индийское правительство недавно привело в надлежащее состояние укрепления Дели, так что город можно взять только правильной осадой, требующей осадной армии, по крайней мере, в 15 — 20 тысяч человек и даже гораздо больше, если защита будет вестись со средним успехом. Но если для предприятия требуется от 15 до 20 тысяч человек, то было явным безумием начинать его с 6 или 7 тысячами человек. Кроме того, англичане знали, что длительная осада, совершенно неизбежная ввиду их численной слабости, должна подвергнуть их войска в данной местности, в данном климате и в данное время года нападению неуязвимого и невидимого врага, который будет сеять семена гибели в их рядах. Таким образом, все шансы говорили против успеха осады Дели.

Что же касается цели войны, то она, без всякого сомнения, состояла в том, чтобы сохранить английское господство в Индии. Для достижения же этой цели Дели не имел никакого стратегического значения. Правда, историческая традиция придавала ему в глазах туземцев суеверное значение, стоящее в противоречии с его действительным значением, и это являлось для восставших сипаев достаточным мотивом, чтобы избрать его в качестве главного сборного пункта. Но если бы, вместо того, чтобы строить свой военный план, исходя из предрассудков туземцев, англичане предоставили Дели самому себе и изолировали его, то они лишили бы его того искусственного значения, которое придали ему. Раскинув же свои палатки перед городом, разбивая себе голову о его стены, сосредоточивая на нем все свои силы и внимание всего мира, они лишили себя даже возможности отступления или, вернее, придали этому отступлению значение крупного поражения. Таким образом, они попросту сыграли на-руку повстанцам, которые хотели сделать из Дели главный центр кампании. Но это еще не все. Не требовалось много ума, чтобы убедить англичан в том, что для них делом первостепенной важности являлось создание действующей полевой армии, операции которой могли бы подавить искры недовольства, поддерживать сообщения между собственными военными стоянками, отбросить неприятеля к нескольким пунктам и изолировать Дели. Вместо того, чтобы действовать по этому простому и ясному плану, они обрекают на неподвижность единственную действующую армию, имеющуюся в их распоряжении, сосредоточивая ее у Дели, и предоставляют повстанцам открытое поле, между тем как их собственные гарнизоны занимают разбросанные, лишенные взаимной связи и разделенные большими расстояниями пункты, блокируемые

подавляющими силами врага, которому дана была возможность действовать не спеша.

Приковав свою главную подвижную группу к Дели, англичане не связали этим неприятеля, но парализовали свои собственные гарнизоны. Однако, помимо этой основной ошибки у Дели, трудно найти в военных летописях что-либо подобное тому тупоумию, которое руководило операциями указанных гарнизонов, действовавших самостоятельно, не считаясь друг с другом, без высшего руководства, — гарнизонов, действовавших не как части единой армии, а скорее как части отдельных и даже враждебных народов. Взять к примеру случай с Каунпуром и Лукноу. Это два соседних пункта с малочисленными и не соответствовавшими положению отдельными гарнизонами, каждый под самостоятельным командованием. Хотя расстояние между ними всего 40 миль, их действия были так мало согласованы, точно они находились на противоположных полюсах. Простейшее правило стратегии требовало, чтобы сэр Хью Уилер, комендант Каунпура, получил право отозвать обратно в Каунпур сэра Г. Лоренса, главного комиссара Ауда, вместе с его отрядом, и этим укрепить свое положение, эвакуировав временно Лукноу. Такой операцией *оба* гарнизона были бы спасены, а последующее слияние с ними отряда Хавелока дало бы возможность создать маленькую армию, способную держать в своих руках Ауд и освободить Агру. Вместо этого, вследствие самостоятельных действий обоих гарнизонов, гарнизон Каунпура был истреблен, гарнизон Лукноу наверное попадет в руки повстанцев вместе с крепостью, и даже удивительные усилия Хавелока, совершившего со своим отрядом переход 126 миль в 8 дней, выдерживая при этом каждый день бои, и все это в условиях Индийского климата в разгаре лета, — даже эти геройские усилия обречены на неудачу. Еще более измотавши свои переутомленные войска тщетными попытками выручить Лукноу и зная наверное, что он будет вынужден нести новые бесплодные жертвы повторными экспедициями из Каунпура, выполняемыми при все уменьшающемся радиусе, он, по всей вероятности, должен будет в конце концов отступить на Аллахабад с какой-нибудь маленькой горсточкой людей. Операции этого отряда лучше всего показывают, что могла бы сделать даже маленькая английская армия у Дели, если бы она была приспособлена для действий в поле, а не заперта в зачумленном лагере. Тайна стратегии это есть сосредоточение. Англичане же в основу своего плана в Индии положили децентрализацию. Им следовало бы свести свои гарнизоны до возможного минимума, лишить их всякого стратегического значения и, таким образом собрать возможно более многочисленную полевую армию. На деле

же даже те горсточки, которые были посланны на подкрепление из Калькутты вверх по Гангу, были целиком поглощены многочисленными изолированными гарнизонами, так что ни один отряд не достиг Аллахабада.

Что касается Лукноу, то самые мрачные ожидания, внушенные предыдущей почтой, теперь подтвердились. Хавелок снова был принужден вернуться в Каунпур; освобождение города союзными войсками Непала не представляется возможным, и мы должны теперь ждать известий о взятии города измором и об истреблении его храбрых защитников вместе с их женами и детьми.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5142, от 13 октября 1857 г. в качестве передовой.

Без подписи.

III.

Вчера мы получили комплекты лондонских газет по 7 октября. Обсуждая настоящую фазу индийского восстания, они преисполнены тем же оптимизмом, который они проявляли с самого начала событий. Нас уверяют не только в том, что должна была состояться успешная атака против Дели, но и в том, что она должна была состояться 20 августа. Само собой разумеется, что прежде всего необходимо отдать себе отчет в нынешней численности осаждающих войск. Один артиллерийский офицер, приславший из лагеря у Дели письмо от 13 августа, дает следующие подробности о наличных силах британских войск на 10-е число того же месяца:

	Британские войска		Туземные войска		
	Число офицеров	Число солдат	Число офицеров	Число солдат	Число лошадей
Штаб	30	—	—	—	—
Артиллерия	39	598	—	—	—
Саперы	26	39	—	—	—
Кавалерия	18	570	—	—	520
<i>1-я бригада</i>					
Ее величества 75-й полк	16	502	—	—	—
2-й фузилерный полк им. Ост-Индской компани	17	487	—	—	—
Кюмаонский батальон	4	—	13	435	—
<i>2-я бригада</i>					
Ее величества 60-й стрелковый полк	15	251	—	—	—
2-й фузилерный полк им. Ост-Индской компани	20	493	—	—	—
Тимурский батальон	4	—	9	319	—
<i>3-я бригада</i>					
Ее величества 8-й полк	15	153	—	—	—
Ее величества 61-й полк	12	249	—	—	—
4-й сикхский	4	—	4	365	—
Отряд разведчиков	4	—	4	196	—
Отряд Кока	5	—	16	709	—
Итого	229	3 342	46	2 024	520

Таким образом, все наличные британские военные силы в лагере под Дели к 10 августа насчитывали ровно 5 641 человек. Из этого числа мы должны вычесть 120 человек (112 солдат и 8 офицеров), кото-

рые, согласно английским сообщениям, выбыли из строя 12 августа при атаке, произведенной против новой батареи, которая была поставлена повстанцами вне стен перед левым флангом англичан. Таким образом, оставалось 5 529 человек к тому времени, когда командир бригады Никольсон присоединился к осаждающей армии с нижеследующими войсками из Фирузпура, сопровождавшими осадный парк второго класса: 52-й полк легкой пехоты (около 900 человек), часть 61-го полка (около 4 рот, 360 человек), полевая батарея Бурчира, часть 6-го пенджабского полка (около 540 человек) и некоторое количество мультанской кавалерии и пехоты, всего около 2 000 человек, из которых несколько больше 1 200 были европейцы. Прибавляя эти силы к 5 529 человек, бывшим в лагере при прибытии отряда Никольсона, получаем общий итог в 7 529 человек. Передают, что сэр Джон Лоренс, губернатор Пенджаба, отправил еще подкрепления, состоящие из оставшейся части 8-го пехотного полка, трех рот 24-го полка с тремя орудиями конной артиллерии войск капитана Пейтона из Пешавера, 2-го и 4-го полков пенджабской пехоты и другой части 6-го пенджабского полка. Однако этот отряд, численность которого можно определить самое большее в 3 тысячи человек и большая часть которого вообще состоит из сикхов, еще не прибыл. Если читатель вспомнит, что около месяца тому назад прибыли пенджабские подкрепления под командой Чемберлена, которых хватило только на доведение армии генерала Рида до ее первоначальной численности при сэре Г. Барнарде, то ему станет ясно, что и новых подкреплений хватит только для доведения армии бригадира Уильсона до ее первоначальной силы при генерале Риде; единственной реальной помощью для англичан является прибытие, наконец, осадного парка. Но если даже предположить, что ожидаемые 3 тысячи человек прибыли в лагерь и вся английская армия достигла численности в 10 тысяч человек, целая треть которых внушает сильные сомнения насчет своей лояльности, то что предстоит делать тогда? Нам говорят, что армия обложит Дели со всех сторон. Но, не говоря уже о том, что попытка с 10 тысячами человек окружить сильно укрепленный город протяжением более чем в 7 миль является совершенно смехотворным замыслом, англичане, прежде чем думать об обложении города, должны сначала отвести Джумну от ее естественного русла. Предположим, что англичане вошли бы в Дели утром; тогда у мятежников была бы возможность покинуть его вечером либо перейдя через Джумну и направившись в Рохильконд и Ауд, либо двигаясь вниз Джумне в направлении к Муттре и Агре. Во всяком случае, обложение четырехугольника, одна из сторон которого осаждающему

корпусу недоступна, но дает осажденным пути для сношений с внешним миром и для отступления, является пока еще не разрешенной проблемой. «Все согласны в том, — говорит офицер, у которого мы заимствовали вышеприведенную таблицу, — что о взятии Дели штурмом не может быть и речи». В то же время он сообщает нам, чего, собственно, ждут в лагере: там ждут «бомбардировки города в течение нескольких дней для пробития достаточно большой брешы в стене». Тот же самый офицер добавляет, что «по скромному подсчету силы неприятеля достигают теперь 40 тысяч человек, кроме большого количества хорошо подготовленной артиллерии, а также пехоты, которая тоже хорошо дерется». Если принять во внимание отчаянное упорство, с каким мусульмане обычно сражаются за укреплениями, то представляет еще большой вопрос, удастся ли маленькой английской армии, ворвавшись в город через «достаточно большую брешь», вырваться через нее обратно.

В действительности для успешной атаки Дели с наличными силами у англичан остается только один шанс: это — возникновение среди повстанцев внутренних разногласий, истощение их боевых припасов, деморализация их войск и исчезновение веры в свои силы. Однако мы должны признать, что непрерывные бои, которые они ведут с 31 июля по 12 августа, мало подтверждают такие предположения. В то же время письмо из Калькутты объясняет нам довольно откровенно, почему английские генералы, вопреки всем правилам ведения войны, решили оставаться у Дели.

«Когда несколько недель тому назад, — читаем мы в письме, — возник вопрос, не должны ли наши части уйти из-под Дели, — ибо они были слишком измучены ежедневными боями, чтобы выносить дальше непосильное напряжение, то это намерение встретило самое упорное сопротивление со стороны сэра Джона Лоренса, который откровенно объяснил генералам, что их отступление послужит сигналом для восстания всего местного населения и этим подвергнет их неминуемой опасности. Этот совет одержал верх, и сэр Джон Лоренс обещал им послать все подкрепления, какие он сможет собрать».

После того как сэр Джон Лоренс совсем оставил Пенджаб без войск, в этой провинции в свою очередь начнется восстание, и это в то время, как солдаты в лагере перед Дели, по всей вероятности, будут валяться больными и массами погибать от миазмов, испаряемых землею в конце дождливого времени года. Об отряде генерала Ван Кортландта, который, согласно сообщениям, 4 недели тому назад достиг Гиссара и направился далее в Дели, больше ничего не слышно. Очевидно, он либо встретил серьезные препятствия на своем пути, либо был расформирован в пути.

Положение англичан на Верхнем Ганге действительно отчаянное. Генералу Хавелоку угрожают операции аудских повстанцев, которые движутся от Лукноу через Биттур и пытаются отрезать ему отступление у Феттипура, что к югу от Каунпура; в то же время Гвалиорский отряд движется на Каунпур от Кальпи — города, лежащего на правом берегу Джумны. Это концентрическое движение, руководимое, быть может, Наной Саибом, который, как говорят, облечен верховным командованием в Лукноу, в первый раз обнаруживает у повстанцев известное знакомство с правилами стратегии, меж тем как англичане как будто только о том и думают, чтобы утрировать свой глупый центробежный метод ведения войны. Так, нам сообщают, что 90-й пехотный и 5-й фузилерный полки, отправленные из Калькутты на подкрепление генерала Хавелока, были перехвачены в Динапуре сэром Джоном Утрамом, который задумал вести их через Файзабад на Лукноу. Лондонский «Morning Advertiser» приветствует этот план операций как мастерской маневр, так как-де теперь Лукноу будет находиться между двух огней: справа от Каунпура и слева от Файзабада. Согласно обычным правилам ведения войны, если неизмеримо более слабая армия вместо попытки сосредоточить свои разбросанные отряды сама разбивается на две части, разделенные всем протяжением неприятельского фронта, то она только делает задачу противника по ее уничтожению излишней. Фактически для генерала Хавелока вопрос заключается уже не в том, чтобы спасти Лукноу, а в том, чтобы спасти остатки маленьких отрядов как своего собственного, так и генерала Нила. Весьма вероятно, ему придется отступить на Аллахабад. Аллахабад является действительно позицией решающего значения, будучи расположен у слияния Ганга и Джумны и составляя ключ к Доабу, лежащему между этих двух рек.

С первого же взгляда на карту видно, что главное операционное направление английской армии, которая попытается вернуть себе северо-западные провинции, идет вдоль долины Нижнего Ганга. Поэтому районы Динапура, Бенареса, Мирзапура и, в первую очередь, Аллахабада, отправного пункта операций, должны быть усилены посредством сосредоточения в них всех гарнизонов из мелких и стратегически менее важных пунктов собственно Бенгальской провинции. Что это главное операционное направление в настоящий момент само находится под серьезной угрозой, явствует из следующего отрывка письма, присланного из Бомбея в лондонский «Daily News»:

«Недавний мятеж трех полков в Динапуре прервал сообщения между Аллахабадом и Калькуттой (за исключением пароходного сообщения по реке). Этот мятеж представляет самое серьезное из событий последнего времени,

поскольку весь Берарский округ, находящийся менее чем в 200 милях от Калькутты, охвачен теперь пожаром восстания. Сегодня пришло известие, что сангалы снова восстали, и положение Бенгалии, наводненной полчищем в 150 тысяч дикарей, которые наслаждаются кровью и грабежом, должно быть поистине ужасно».

Пока Агра выдерживает осаду, второстепенными операционными линиями для бомбейской армии являются пути, идущие через Индор и Гвалиор на Агру, а для мадрасской армии пути, идущие через Саугор и Гвалиор на Агру, с которой пенджабская армия, равно как отряд, занимающий Аллахабад, должны восстановить свои линии сообщения. Однако, если колеблющиеся князья Центральной Индии открыто вступят против Англии и мятежи среди бомбейской армии примут серьезный характер, то всем расчетам по военным операциям на данное время наступит конец, и ничего нельзя будет предсказать на верное, кроме колоссальной резни на всем пространстве от Кашмира до мыса Коморина. В лучшем случае все, что можно будет сделать, — это отсрочить решающие события до ноября, когда придут войска из Европы. Осуществится ли это — будет зависеть от способностей сэра Колина Кемпбелля, о котором до сих пор ничего неизвестно, кроме того, что он обладает личной храбростью. Если он окажется на высоте своего положения, то он создаст любой ценой, независимо от того, падет ли Дели или нет, хотя бы небольшую, но боеспособную силу для борьбы. Мы все же считаем нужным повторить, что окончательное решение зависит от бомбейской армии.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5151 от 23 октября 1857 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

IV.

Почта с парохода «Аравия» принесла нам важное известие о падении Дели. Насколько можно судить на основании скудных имеющихся у нас данных, — это событие, очевидно, явилось результатом совпадения ряда обстоятельств: острых раздоров среди повстанцев, изменения в численном соотношении борющихся сторон и прибытия 5 сентября осадного парка, ожидавшегося еще с 8 июня.

После прибытия подкрепления под командой Никольсона мы определили численность армии у Дели в 7 529 человек, и наш расчет теперь полностью подтвердился. После присоединения в дальнейшем 3 тысяч кашмирских войск, переданных в распоряжение англичан раджей Ранбир Сингом, британские силы, по словам «Friend of India», достигли в общем 11 тысяч человек. С другой стороны, по утверждению лондонского «Military Spectator», силы мятежников уменьшились примерно до 17 тысяч человек, в том числе 5 тысяч кавалеристов, между тем как «Friend of India» исчисляет их силы приблизительно в 13 тысяч человек, включая тысячу человек иррегулярной кавалерии. Так как, после пробития бреши и начала борьбы внутри города, кавалерия стала совершенно бесполезной и, следовательно, оставила город в момент проникновения туда англичан, то вся сила сипаев, по вычислению как «Military Spectator», так и «Friend of India», не могла превышать 11 или 12 тысяч человек. Таким образом, силы англичан почти сравнялись с силами повстанцев, но не столько за счет своего увеличения, сколько за счет уменьшения сил противника, а незначительный численный перевес повстанцев больше чем компенсировался моральным эффектом успешной бомбардировки города и преимуществами наступления, позволившего выбирать место для удара главными силами, в то время как защитникам приходилось разбрасывать свои сравнительно недостаточные силы по всем пунктам угрожаемой окружности.

Убыль повстанческих войск была вызвана в гораздо большей степени уходом целых контингентов в результате внутренних раздоров, чем их тяжелыми потерями в беспрестанных вылазках в течение десяти дней. Не говоря уже о том, что сам призрачный Могол и купцы города Дели тяготились господством сипаев, грабивших их до последней рупии, наличие религиозных разногласий между

сипаями-индусами и сипаями-магометанами и раздоров между старым гарнизоном и новыми подкреплениями оказалось достаточным для того, чтобы взорвать их плохо склеенную организацию и сделать их крушение неизбежным. Все же, если англичанам пришлось бороться с противником, лишь незначительно превосходящим их численно и лишенным единства командования, ослабленным и упавшим духом вследствие внутренних раздоров, если этот противник после 84-часовой бомбардировки все же целых 6 дней выдерживал обстрел и уличные бои внутри стен, а потом спокойно переправился через Джумну по понтонному мосту, то надо признать, что повстанцы в конце концов со своими главными силами сделали все, что могли, в своем тяжелом положении.

Подробности занятия города, повидимому, таковы: 8 сентября английские батареи были установлены значительно впереди первоначального расположения их войск, на расстоянии 700 ярдов от стен. Между 8 и 11 сентября тяжелые орудия и мортиры были выдвинуты еще ближе к укреплениям. Батареи были установлены на приготовленные для них площадки сравнительно с небольшими потерями, принимая во внимание, что гарнизон Дели сделал две вылазки — 10-го и 11-го, предпринимал повторные попытки поставить новые батареи и поддерживал непрерывный ружейный огонь из бойниц. 12-го англичане потеряли около 56 человек убитыми и ранеными. Утром 13-го на одном из бастионов был взорван расходный склад снарядов противника, равно как и зарядный ящик одного легкого орудия, которое фланкировало британские батареи из предместья Таливара, и у Кашмирских ворот британские батареи пробиты в стене достаточно широкую брешь. 14-го начался штурм города. Войска проникли в брешь у Кашмирских ворот, не встретив серьезного сопротивления, завладели большими зданиями по соседству с ними и продвинулись вдоль укреплений к Морийскому бастиону и Кабульским воротам, где сопротивление неприятеля сделалось весьма упорным; английские войска стали терпеть сильный урон. Были сделаны приготовления к тому, чтобы повернуть против города пушки взятого бастиона и подвезти к командующим пунктам новые пушки и мортиры. 15-го начался обстрел Бернского и Лагорского бастионов пушками, взятыми на Морийском и Кабульском бастионах, в то же время была пробита брешь в здании складов и началась бомбардировка дворца. Склады были взяты приступом на рассвете 16 сентября, а 17-го мортиры из-за ограды продолжали обстрел дворца.

С этого числа официальные сообщения о штурме города обры-

ваются. «Bombay Courier» объясняет это тем, что в этот день почта из Пенджаба в Лагора была разграблена на границе Синда.

В одном частном сообщении, адресованном губернатору Бомбея, говорится, что город Дели был окончательно занят в воскресенье, 20-го, в 3 часа утра, когда главные силы повстанцев покинули его и по понтонному мосту ушли в направлении на Рохильканд. Так как до занятия Селимгара, расположенного на реке, погоня англичан не представлялась возможной, то повстанцы, очевидно, медленно пробивая себе дорогу от крайнего северного пункта города к его юго-восточной окраине, удерживали до 20-го числа позицию, необходимую для прикрытия отступления.

Что касается вероятных последствий взятия Дели, то один компетентный авторитет, а именно «Friend of India», отмечает, что «внимание англичан в настоящее время должно быть обращено не на состояние города Дели, а на положение в Бенгалии. Слишком запоздалое взятие города совершенно лишило нас того престижа, который мы приобрели бы, если бы успех произошел раньше, а результат в смысле уменьшения силы и численности повстанцев был бы при продлении осады не меньшим, чем при взятии города штурмом».

Тем временем восстание, по имеющимся сведениям, распространяется на северо-восток от Калькутты и через Центральную Индию до крайнего северо-запада. На Ассамской границе восстали два сильных пурбийских полка и открыто предложили восстановить бывшего раджу Парандура Синга. Динапурские и рангурские повстанцы, под предводительством Куер Синга, направились на Банду и Нагод в направлении Суббульпура и заставили раджу Реваха, при помощи его собственных войск, присоединиться к ним. В самом Суббульпуре 52-й бенгальский туземный полк покинул свою стоянку, захватив с собою одного британского офицера в виде заложника за своих оставшихся товарищей. Гвалиорские повстанцы, как говорят, переправились через Комбаль и расположились лагерем где-то между рекой и Дальпуром. Остается отметить самое верное из всех сообщений. Оказывается, что Тодпурский легион перешел на службу к восставшему радже из Арвы, находящегося в 90 милях к юго-востоку от Бихара. Он нанес поражение значительным силам, высланным против него раджей Тодпура, причем был убит генерал и капитан Монк Мейсон и захвачено 3 орудия. Генерал Ст. П. Лоренс двинулся против них с частью нассирабадского отряда и принудил их отступить в город, против которого его дальнейшие попытки оказались, однако, безуспешными. Вывод из Синда европейских войск

попелек за собой возникновение широко распространившегося заговора, причем попытки поднять восстание имели место по крайней мере в пяти различных пунктах, в том числе в Хайдерабаде, Карачи и Сикапуре. Имеются также тревожные симптомы в Пенджабе, где на 8 дней было прервано сообщение между Мультаном и Лагором.

В другом месте наши читатели найдут перечень войск, отправленных из Англии с 18 июня, причем дни прибытия соответствующих судов вычислены нами согласно официальным данным, т. е. в сроки, благоприятные для британского правительства. Из этого перечня видно, что, помимо небольших отрядов артиллерии и саперов, посланных сухим путем, вся посаженная на суда армия насчитывает до 30 899 человек, в том числе 24 884 человек пехоты, 3 826 кавалерии и 2 334 артиллерии. Там же указано, что до конца октября нельзя ожидать прибытия значительных подкреплений.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5170 от 14 ноября 1857 г.

в качестве передовой

Без подписи.

V.

У нас нет охоты присоединяться к хору голосов в Великобритании, который до небес превозносит храбрость войск, взявших штурмом Дели. Ни один народ, даже французы, не могут сравниться с англичанами в способности к самопрославлению — особенно, когда дело идет о храбрости. А между тем анализ фактов в 99 случаях из 100 сводит очень быстро этот героизм к весьма банальным размерам, и каждого нормального человека должно отталкивать это старание извлечь барыши из чужой храбрости, посредством которого любой английский папаша, сидя за печкой, вдали от всего, что хоть сколько-нибудь грозит боевой славой, пытается приобщить себя к несомненным, но все же не таким уж необыкновенным подвигам, совершенным при штурме Дели.

Если сравнивать Дели с Севастополем, то придется, конечно, признать, что сипаи — не чета русским, что ни одна из их вылазок против британского расположения не может и отдаленно сравниться с Инкерманом, что в Дели не было Тотлебена и что, как ни храбро в большинстве случаев сражался каждый сипай и каждая рота в отдельности, их батальоны — не говоря уже о бригадах и дивизиях — оставались без руководства; поэтому у них согласованность действий не шла дальше роты и вовсе отсутствовала военная наука, без которой в настоящее время армия является беспомощной, а защита города безнадежной. Тем не менее неравенство в числе и в средствах действия, превосходство сипаев над европейцами в смысле выносливости климата, чрезвычайная численная слабость, к которой временами сводился корпус, осаждавший Дели, — все это выравнивает многие различия и делает возможным без натяжек сравнивать обе осады (если только операции под Дели можно назвать осадой). Опять же мы не считаем штурм Дели актом какой-то исключительной, сверх героической храбрости, хотя и в нем, как во всякой битве, отдельные подвиги необычайного мужества, без сомнения, совершались с обеих сторон; тем не менее мы утверждаем, что англо-индийская армия перед Дели проявила больше настойчивости и силы характера, больше рассудительности и искусства, нежели английская армия в выпавшем на ее долю испытании между Севастополем и Балаклавой, которая после Инкермана совсем уже собралась садиться обратно на суда и, несомненно, так бы и сделала, если бы не французы. Между тем армия перед Дели, которую

побуждали к отступлению время года и связанные с ним губительные болезни, перерыв сообщений и отсутствие всякой надежды на быстрые подкрепления вместе с общим положением в Верхней Индии, взвешивала, правда, целесообразность такого шага, но, несмотря на это, до конца оставалась на своем посту.

Когда восстание достигло высшего пункта, то первое, в чем нуждались англичане, это — подвижная колонна в Верхней Индии. Были только две военные силы, пригодные для этой цели, — маленький отряд Хавелока, который, впрочем, скоро оказался недостаточным, и армия у Дели. Не может быть и спора о том, что при тогдашних обстоятельствах стоять перед Дели, растрачивая наличные силы в бесполезных боях с неуязвимым противником, было с военной точки зрения ошибкой, что в движении армия была бы вчетверо ценнее, нежели стоя на месте, что она могла бы очистить Верхнюю Индию, за исключением Дели восстановить сообщения, свести на-нет все попытки повстанцев сосредоточить свои силы и что тогда последовало бы падение Дели, как естественное и легко достижимое следствие всего этого. Однако политические соображения не позволяли снять осаду Дели. Порицания заслуживают умники из главной квартиры, распорядившиеся отправить армию для осады Дели, а не настойчивость этой армии, которая, однажды начав осаду, осталась там стоять. Вместе с тем следует упомянуть, что влияние на армию дождливого времени года оказалось гораздо слабее, чем можно было ожидать, и что если бы болезни, связанные с активными военными операциями в это время года, хоть сколько-нибудь достигли своей обычной нормы, то отход армии или ее развал стали бы неизбежными. Армия находилась в опасности до августа. После этого стали прибывать подкрепления, в то время как внутренние раздоры продолжали ослаблять лагерь повстанцев. В начале сентября прибыл осадный парк, и от обороны англичане перешли к наступлению. 7 сентября первая батарея открыла огонь, а вечером 13-го были пробиты две годные для прохода брешы.

Рассмотрим теперь, какие события имели место в течение этого промежутка времени.

Если бы для этой цели нам пришлось полагаться на официальные сообщения генэрала Вильсона, то мы были бы в очень плохом положении. Эти доклады так же путаны, как были путаны сообщения английской главной квартиры во время Крымской кампании. Никто в мире не мог бы на основании этих докладов определить положение двух брешей, а также соответствующие позиции и порядок штурмующих колонн. Что же касается частных сообщений, то

они, конечно, еще более путанные. К счастью, один из тех искусных и образованных офицеров, из состава бенгальских саперов и артиллеристов, которым принадлежит главная честь успеха, напечатал в «Bombey Gazette» отчет о происшедших событиях, ясный и деловой и вместе с тем простой и непритязательный. В течение всей Крымской войны не нашлось ни одного английского офицера, который был бы способен дать такое вразумительное описание, как это. К несчастью, наш автор был ранен в первый же день атаки, и на этом заканчивается его письмо. Что касается дальнейших событий, то они остаются поэтому для нас еще совершенно невыясненными.

В свое время англичане настолько усилили укрепления Дели, что они могли выдержать осаду со стороны любой азиатской армии. По современным понятиям, Дели едва ли заслуживал названия крепости: он был лишь защищен от действия полевых войск. Каменная стена в 16 футов вышины и 12 футов толщины, снабженная сверху парапетом в 3 фута толщины и 8 футов вышины, представляла собою не считая парапета, 6 футов каменной кладки, не прикрытой гласисом, которая была подвержена непосредственному огню нападающих. Узость этого каменного вала не позволяла ставить на нем пушки иначе, как в бастионах и башнях. Последние недостаточно фланкировали куртину, и так как осадными орудиями не трудно сбить каменный парапет в 3 фута толщины (это можно сделать даже полевыми), то привести к молчанию артиллерию защитников и в особенности орудия, фланкирующие ров, было совсем легко. Между стеной и рвом проходила широкая берма или горизонтальная дорога, облегчавшая образование доступной для прохода бреша, и при таких обстоятельствах ров уже не представлял собою *coure-gorge* [волчью яму] для всякого отряда, попадавшего в него, а стал местом передышки и перестройки для тех колонн, которые могли расстроить свои ряды при наступлении на гласис.

Наступление против такого пункта при помощи настоящих траншей, согласно правилам осады, было бы безумием, даже если бы в наличии было первое необходимое для этого условие, а именно военные силы, достаточно многочисленные, чтобы окружить город со всех сторон. При общем состоянии укреплений Дели, при дезорганизованности и возраставшем упадке духа защитников всякий другой способ атаки, кроме избранного в действительности, был бы глубоко ошибочным. Этот способ хорошо известен военным под названием атаки живой силой (*attaque de vive force*). Когда укрепления таковы, что могут служить защитой против открытой

атаки только при отсутствии тяжелых орудий, то их без дальнейших околичностей разрушают артиллерией; в это время внутренность крепости подвергается непрерывной бомбардировке, и как только бреши в стене становятся достаточно велики для прохода, войска переходят к атаке.

Атака была направлена на северную часть, как раз против английского лагеря. Этот участок состоит из двух куртин и трех бастионов, образующих слегка входящий угол у центрального (Кашмирского) бастиона. Восточная часть от Кашмирского до Водяного бастиона является более короткой и немного выступает вперед сравнительно с западной частью между Кашмирским и Морийским бастионами. Пространство перед Кашмирским и Водяным бастионами было покрыто низким кустарником, садами, постройками и пр., которые не были снесены сипаями и явились прикрытием для атакующих. (Это обстоятельство объясняет, каким образом англичане при вылазках сипаев так часто могли преследовать их до самых пушек крепости; это считалось величайшим геройством с их стороны, на самом же деле это было мало опасным делом, поскольку англичане имели эти укрытия.) Кроме того, на расстоянии около 400 или 500 ярдов от крепости в одинаковом направлении со стеною проходила глубокая канава, которая представляла естественную параллель для атаки. Так как, сверх того, река давала прекрасную опору английскому левому флангу, то выбор в качестве главного пункта для атаки участка между Кашмирским и Водяным бастионами, с его легким выступом вперед, был очень целесообразен. Одновременно была произведена демонстративная атака против западной куртины и бастиона, причем этот маневр оказался столь удачным, что сипаи направили свои главные силы для его отражения. Они собрали сильный отряд в предместьях вне Кабульских ворот с целью угрожать правому флангу англичан. Их маневр был бы совершенно правилен и эффектен, если бы западная куртина между Морийским и Кашмирским бастионами была местом главного удара. Фланкирующая позиция сипаев была бы превосходна в качестве средства активной обороны, так как каждая колонна нападающих при ее продвижении вперед была бы сразу взята ими во фланг. Но выгоды этой позиции не могли оказать своего влияния вплоть до восточной куртины, которая находится между Кашмирским и Водяным бастионами; таким образом, это расположение отвлекло лучшую часть сил защитников от решающего пункта.

Выбор позиции для батарей, их устройство, вооружение и способы обслуживания заслуживают величайшей похвалы. У англичан

было около 50 пушек и мортир, сосредоточенных в мощные батареи, укрытые за отличными, прочными парапетами. У сипаев, согласно официальным сообщениям, на атакованном участке было 55 орудий, но они были разбросаны по небольшим бастионам и башням, не могли действовать сосредоточенно и были едва прикрыты жалкими парапетами в 3 фута вышины. Вероятно, 2 — 3 часов оказалось достаточным, чтобы привести к молчанию артиллерию осажденных, а после этого оставалось сделать уже немного.

Восьмого числа десятиорудийная батарея № 1 открыла огонь с расстояния в 700 ярдов от стены. В течение следующей ночи канава, о которой мы говорили выше, была переделана в некоторое подобие траншеи. Девятого числа пересеченная местность и дома перед этой канавой были захвачены без сопротивления, а 10-го 2-я батарея из 8 пушек заняла позицию без укрытия. Эта батарея находилась в 500 или 600 ярдах от стены. Одиннадцатого числа батарея № 3, с большой отвагой и искусством поставленная в 200 ярдах от Водяного бастиона на довольно пересеченной местности, открыла огонь из 6 орудий, в то же время 10 тяжелых мортир громили город. Вечером 13-го числа пришло донесение, что бреши — одна в куртине, примыкающей к правому флангу Кашмирского бастиона, другая — в левом фесе и фланге Водяного бастиона — достаточно широки для штурма, и тогда был отдан приказ для атаки. Одиннадцатого числа сипаи соорудили контр-апроши в гласисе между двумя угрожаемыми бастионами и прорыли траншею для стрелков на расстоянии около 350 ярдов от фронта английских батарей. Кроме того, от позиции вне Кабульских ворот они продвинулись вперед для фланговых атак. Но эти попытки активной защиты выполнялись без общего плана, без взаимной связи и без подъема и не привели ни к какому результату.

На рассвете 14-го числа 5 британских колонн двинулись в атаку. Одна из них, на правом фланге, должна была завязать бой с отрядом сипаев вне Кабульских ворот и, в случае успеха, атаковать Лагорские ворота. Против каждой бреши было направлено по одной колонне, одна была направлена против Кашмирских ворот с задачей взорвать их а другая должна была служить резервом. За исключением первой колонны, действия всех увенчались успехом. Осажденные лишь слабо защищали бреши, зато сопротивление в соседних ср стеною домах было очень упорным. Благодаря геройству одного саперного офицера и трех сержантов (ибо на этот раз действительно совершались акты геройства) удалось посредством взрыва открыть Кашмирские ворота, и таким образом эта колонна тоже проникла

в город. К вечеру весь северный участок находился в руках англичан. Однако здесь генерал Вильсон сделал остановку. Беспорядочный штурм был прекращен, подвезли пушки и направили их против каждой сильной позиции в пределах города. За исключением штурма склада, повидимому, было очень мало действительной борьбы. Восставшие пали духом и стали массами покидать город. Вильсон начал осторожно продвигаться во внутрь города, после 17-го числа уже почти не встречал сопротивления и занял город полностью 20-го числа.

Мы высказали наше мнение о действиях атакующих. Что касается защитников, то попытка наступательных контр-движений, фланкирующая позиция у Кабульских ворот, контр-апроши, окопы для стрелков показывают, что кое-какие понятия об искусстве ведения войны уже проникли в среду сипаев; но эти понятия были либо недостаточно им ясны, либо они недостаточно владели ими, и поэтому они не в состоянии были их осуществить со сколько-нибудь значительным эффектом. Трудно решить, исходили ли эти понятия от самих индусов или от нескольких европейцев, действовавших заодно с ними. Наверное можно сказать лишь одно, что как бы ни были несовершенны эти попытки, в своих основах они обнаруживают близкое сходство с активной защитой Севастополя, и их выполнение заставляет предполагать, что какой-то европейский офицер составил для сипаев правильный план, но они не были в состоянии уяснить себе вполне его идею а дезорганизация и отсутствие единого командования превращали практические проекты в слабые и бессильные попытки.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5188 от 5 декабря 1857 г. в качестве передовой.

Без подписи.

VI.

Последняя почта из Калькутты принесла некоторые подробности, о которых сообщают лондонские газеты. По этим сообщениям можно составить себе суждение о достижениях сэра Колина Кемпбелля у Лукноу. Так как британская пресса утверждает, что его боевой подвиг не имеет себе равных в военной истории, то не мешает этот вопрос рассмотреть несколько ближе.

Город Лукноу расположен на правом берегу реки Гумти, которая пересекает этот район в юго-восточном направлении. В 2 — 3 милях от реки, почти параллельно ей, проходит канал, который пересекает город и ниже его подходит все ближе к реке и в расстоянии около одной мили от города сливается с ней. По берегам реки расположены не многолюдные улицы, а дворцы с садами и отдельные общественные здания. У слияния канала и реки, на правом, или южном, берегу, расположены рядом школа по имени Мартиньер и охотничий дворец с парком под названием Делькуша. По другую сторону канала, на южной стороне реки, у самого берега, сначала расположен дворец и сад Секандарбаг, далее на запад тянутся казармы и офицерские казино, а затем Мати-Магал (Жемчужный дворец), расположенный в нескольких сотнях ярдов от резиденции. Это последнее здание построено на единственной возвышенности, имеющейся в этих местах; оно господствует над городом и состоит из большой ограды с несколькими дворцами и пристройками внутри ее. К югу от этих зданий расположена самая густо населенная часть города, а еще в 2 милях к югу от него парк и дворец Аламбагх.

Преимущества выгодного расположения резиденции сразу же объясняют, почему англичане могли продержаться в ней против значительно более многочисленного противника, но самый этот факт показывает также, к какому роду бойцов надо отнести аудийцев. Фактически люди, частично обученные европейскими офицерами и располагавшие многочисленной артиллерией, которые не смогли преодолеть единственную жалкую ограду, защищаемую европейцами, такие люди с военной точки зрения являются не более как дикарями, и победа над ними не доставляет много лавров армии, хотя бы на стороне туземцев был большой численный перевес. Другим фактом, подтверждающим, что аудийцев надо отнести к разряду самых жалких противников, является то, что Хавелок проложил себе дорогу через самую населенную часть города, несмотря на

баррикады, дома с бойницами и тому подобное. Правда, его потери были велики, но какое сравнение даже с наиболее неудачными уличными боями 1848 года! Ни один человек из его слабой колонны не смог бы пройти, если бы туземцы дрались по-настоящему. Дома, как видно, совершенно не оборонялись, иначе потребовались бы недели на то, чтобы овладеть таким количеством домов чтобы обеспечить свободный проход. Насколько благоразумно поступил Хавелок, взяв таким образом быка за рога, мы пока судить не можем. Говорят, он был вынужден к этому тяжелым положением, в котором находилась резиденция. Приводят также и другие мотивы, но достоверно ничего не известно.

Когда прибыл сэр Колин Кемпбелл, с ним было около 2 тысяч человек европейской и 1 тысячи человек сикхской пехоты, 350 человек европейской и 600 человек сикхской кавалерии, 16 орудий конной артиллерии, 4 осадных орудия и 300 моряков с тяжелыми морскими пушками, в общем 5 тысяч человек, в том числе 3 тысячи европейцев. По своей численности этот отряд не уступал в среднем большинству англо-индийских армий, которые в прошлом совершали большие подвиги. Фактически полевые войска, с которыми сэр Ч. Непир завоевал Синд, едва составляли половину этого числа, а часто и того меньше. С другой стороны, наличие в этом отряде в большем числе европейского элемента и то обстоятельство, что его туземная часть состояла из самой воинственной народности Индии — сикхов, придавали ему внутреннюю крепость и спайку, гораздо более высокие, чем это обычно встречается в англо-индийских армиях. Его противник, как мы уже видели, в основном был ничтожен, ибо он представлял собою плохо сколоченную милицию, а не обученных солдат. Правда, аудийцы слывут за самое воинственное племя Нижнего Индостана, но это лишь в сравнении с трусливыми бенгальцами, моральное состояние которых до крайности убито самым расслабляющим климатом в мире и веками угнетения. Готовность, с которой они подчинились флибустьерской аннексии их страны к владениям Ост-Индской компании, а также все их поведение во время восстания, несомненно ставит их ниже сипаев как в смысле храбрости, так и природного ума. Правда, нам сообщают, что количество возмещало качество. Некоторые авторы писем говорят, что их было в городе до 100 тысяч. Без сомнения, они в четыре или в шесть раз, а может быть даже более численностью превосходили англичан; но с таким противником это превосходство не играет большой роли. Всякая позиция может быть защищаема только определенным числом бойцов, и если все они решили бежать, то не имеет большого значения, сколько таких

героев находится в расстройстве полумили. Нет сомнения, что было немало примеров личной храбрости даже среди этих аудиенцев. Возможно даже, что некоторые из них дрались, как львы, но какое значение это могло иметь для защиты местности, если их силы были слишком слабы и после того как гарнизон, состоявший из различного сброда бежал? Повидимому, среди них ни разу не было сделано попытки объединить всех под общим командованием. Их отдельные вожди пользовались авторитетом только у своих собственных людей и сами не желали подчиняться никому.

Сэр Колин Кемпбелл сначала двинулся на Аламбаг; затем, вместо того, чтобы силой пробивать себе дорогу через город, как сделал Хавелок, он воспользовался опытом этого генерала и повернул к Делькуша и Мартиньер. Пространство перед оградами этих зданий было очищено от аудиенских сторожевых постов 13 ноября. Пятнадцатого началась атака. Противник был настолько небрежен, что к тому времени еще даже не закончил приготовлений по укреплению Делькуша окопами; он был взят сразу без большого сопротивления, равно как и Мартиньер. Две эти позиции обеспечили за англичанами линию канала. Противник еще раз перешел в наступление, перейдя это препятствие с целью вернуть себе оба пункта, потерянные утром, но был вскоре отбит с тяжелыми потерями. 16 ноября англичане переправились через канал и атаковали дворец Секандрабаг. Здесь окопы были в несколько лучшем состоянии, и поэтому генерал Кемпбелл благоразумно атаковал этот пункт при поддержке артиллерии. После того как укрепления были разрушены, пехота пошла в атаку и заняла его. Следующий укрепленный пункт, Семак, был в течение 3 часов подвергнут бомбардировке и затем занят «после одного из самых жестоких сражений, когда-либо виденных», как говорит сэр К. Кемпбелл, а один мудрый корреспондент с театра войны прибавляет: «мало кто видел больше жестоких сражений, чем этот генерал». Хотелось бы нам знать, где это он видел эти сражения. Уж наверное не в Крыму, где он после битвы при Альме проживал спокойно в Балаклаве; только один из его полков участвовал в сражении при Балаклаве, но ни один не участвовал при Инкермане.

Семнадцатого ноября артиллерия была направлена на казармы и казино, которые составляли следующую позицию на пути к резиденции. Бомбардировка длилась до 3 часов, после чего пехота заняла этот район штурмом. Бегущий неприятель подвергся энергичному преследованию. Между наступающей армией и резиденцией оставалась еще одна позиция — Мати-Магал. До наступления

сумерок эта позиция была тоже взята, и сообщение с гарнизоном полностью установлено.

Кемпбелл заслуживает похвалы за сообразительность, проявленную им в выборе более легкого пути и в использовании тяжелой артиллерии для разрушения окопов перед их атакой колоннами пехоты. Англичане сражались, имея на своей стороне все преимущества подготовленных солдат, повинующихся одному командиру, над полудикарями, лишенными всякого командования, и, как мы видим, они полностью использовали эти преимущества. Они не подвергали опасности своих людей больше, чем это было необходимо. Они пользовались артиллерией все время, пока еще оставалось что разрушать. Нет сомнения, что они дрались доблестно, но похвалы они всего более заслуживают за свою осмотрительность. Лучшим доказательством этого является число убитых и раненых. Данные о потерях среди людей еще не опубликованы, но из состава офицеров выбыло 5 убитых и 32 раненых. На 5 тысяч человек армии должно было быть, по крайней мере, от 250 до 300 офицеров. Несомненно, английские офицеры не падают своей жизни. Показывать пример храбрости своим людям слишком часто является в их глазах единственной их обязанностью. И если в течение трех дней непрерывных боев при таком положении и обстоятельствах, которые, как известно, требуют большого количества жизней, потери выражаются всего лишь в отношении один на восемь или девять, то не может быть и речи о жестоком сражении. Взять хотя бы пример только из истории Англии! Что значат все эти бои в Индии, взятые вместе, сравнительно с одной защитой Угемона и Ла Лэ Сент при Ватерлоо? Что сказали бы авторы, превращающие каждую местную стычку в настоящее сражение, о Бородино, где одна армия потеряла половину, а другая одну треть своих бойцов?

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5235 от 30 января 1858 г.

Без подписи.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛУКНОУ.

Мы получили, наконец, официальную депешу сэра Колина Кемпбелла об освобождении Лукноу. Она подтверждает во всех отношениях выводы, которые мы сделали на основании первых, неофициальных сообщений об этом сражении. Жалкий характер оказанного аудийцами сопротивления выступает в этом документе еще отчетливее, а, с другой стороны, сам Кемпбелл, повидимому, гораздо больше гордится своим искусным водительством, чем каким-либо особенным мужеством со своей стороны или со стороны своих войск. Депеша сообщает, что силы британских войск состояли приблизительно из 5 тысяч человек, в том числе 3 200 пехоты и 700 кавалерии; и кроме того артиллерия, инженерные войска, морская бригада и т. д. Операции начались, как уже раньше сообщалось, атакой на Делькуш. Этот парк был взят после боя с отступающим противником. «Потери были совсем пустяковые. Неприятельские потери, благодаря быстроте отступления, были также ничтожны». При таких обстоятельствах действительно не было возможности проявлять героизм. Аудийцы отступали с такой поспешностью, что прошли территорию Мартиньера, даже не воспользовавшись той новой линией обороны, какую давала им эта местность. Первые признаки более упорного сопротивления обнаружались в Секундрабаге, — огороженной высокой стеной с бойницами, позиция в 120 квадратных ярдов, фланкируемой на расстоянии около 100' ярдов такой же укрепленной деревушкой. Здесь-то Кемпбелл и применил свой рассудительный, если и не блестящий, способ ведения войны. Тяжелая и полевая артиллерия сосредоточили свой огонь с главной позиции по этой ограде, а одна из бригад атаковала укрепленный поселок, в то время как другая отбрасывала назад группы неприятеля, которые пробовали делать вылазку. Оборона была жалкой. Две укрепленные позиции, подобно только что описанным, поддерживая друг друга своим огнем, даже в руках посредственных солдат или смелых недисциплинированных повстанцев потребовали бы для своего взятия порядочных усилий. Но в данном случае, повидимому, не было ни смелости,

ни согласованности, ни даже тени здравого смысла. О применении артиллерии при обороне как будто не было и речи. Деревушка (очевидно, небольшая группа хижин) была взята при первом же натиске. В открытой местности войска были рассеяны без всяких усилий. Таким образом, Секундрабаг был очень скоро изолирован, и когда после часовой канонады стена была в одном месте разрушена, шотландцы штурмовали пролом и уничтожили всех оборонявшихся до единого. По словам сэра К. Кемпбелла там было найдено около 2 тысяч убитых туземцев.

Следующим опорным пунктом был Шах-Нэдждиф — огороженная стеной и приспособленная к обороне позиция с мечетью в качестве редута. Это опять-таки была как раз такая позиция какую желал бы располагать любой начальник храбрых, полудисциплинированных войск. Этот пункт был взят штурмом после трехчасовой бомбардировки, разрушившей стены. На следующий день, 17 ноября, было атаковано казино. Это была группа построек, окруженная земляным валом и крутым рвом — 12 футов ширины, другими словами — заурядное полевое укрепление с небольшим рвом и парапетом сомнительной толщины и высоты. Почему-то эта позиция показалась генералу Кемпбеллу довольно трудной. Поэтому, прежде чем штурмовать ее, он решил дать артиллерии порядочно времени, чтобы ее разгромить. Бомбардировка длилась все утро до 3 часов пополудни, когда пехота двинулась вперед и налетом захватила позицию. Во всяком случае и здесь не было упорного боя. Моти-Махаль, последний опорный пункт аудиенцев на пути к резиденции, подвергся бомбардировке в течение часа. Было сделано несколько проломов, и укрепление было взято без труда. Этим была закончена борьба за освобождение гарнизона.

Вся эта операция носила характер наступления хорошо дисциплинированных европейских войск, руководимых достаточным количеством офицерских кадров, привычных к войне и отличающихся средней храбростью, против азиатской толпы, не имеющей ни дисциплины, ни офицеров, ни навыков в войне, ни даже достаточного вооружения и потерявшей мужество от сознания двойного превосходства противника над ней, — превосходства солдата над штатским и европейца над азиатом. Мы видели, что сэр Колин Кемпбелл нигде как будто не наталкивался на артиллерию противника. Дальше мы увидим, что отчет бригадира Инглиса приводит к выводу, что значительная часть повстанцев вообще была без огнестрельного оружия, и если верно, что 2 тысячи туземцев были вырезаны в Секундрабаге, то, очевидно; они были очень плохо вооружены, так

как в противном случае даже величайшие трусы сумели бы защитить позицию против одной наступающей колонны.

С другой стороны, руководство генерала Кемпбелла боем заслуживает величайшей похвалы в отношении проявленного им тактического искусства. Он должен был знать, что вследствие недостатка артиллерии у противника его продвижение не встретит сопротивления, именно поэтому он использовал свои орудия в полной мере для очистки пути, прежде чем бросить свои колонны в атаку. Атака на Секундрабаг и его фланговое укрепление представляет собою отличный образчик ведения подобной операции. В то же время, как только он убеждался в жалком характере защиты, он без дальнейших церемоний с противником посылал свою пехоту, когда в стенах образовалась первая брешь. Вообще со времени боев под Лукноу сэр К. Кемпбелл завоевал себе признание как полководец; до сих пор он был известен только как солдат.

С освобождением Лукноу мы, наконец, имеем в нашем распоряжении документ, описывающий события, имевшие место во время осады резиденции. Бригадир Инглис, принявший командование от сэра Г. Лоренса, представил свой доклад генерал-губернатору, и, по словам генерала Утрама и единодушному мнению британской прессы, он рисует эпизод исключительного героизма. Такой-де доблести, такого-де упорства и выносливости при усталости и лишениях никогда никто еще не проявлял, и оборона Лукноу не имеет себе равной в истории осад. Бригадир Инглис в своем докладе сообщает, однако, что 30 июня британцы сделали вылазку против туземцев, которые в это время как раз сосредоточивались вокруг резиденции. Вылазка была отбита с такими тяжелыми потерями, что осажденные сразу же должны были ограничиться только защитой резиденции и даже покинуть и взорвать группу построек по соседству, где находилось 240 бочек пороха и 6 млн. мушкетных патронов. Неприятель сразу же окружил резиденцию, захватив и укрепив постройки в непосредственной близости (в некоторых случаях менее 50 ярдов от обороняемого пункта), которые сэр Г. Лоренс отказался снести вопреки советам саперов. Часть британских оборонительных сооружений к тому времени еще не была закончена и только две батареи были в полном порядке; но, несмотря на ужасный и непрерывный огонь, «поддерживаемый» 8 тысячами человек, обстреливавших «одновременно позицию», англичане оказались в состоянии быстро закончить укрепления и установить 30 пушек. Этот ужасный огонь должно быть, был весьма беспорядочной и случайной стрельбой, никоим образом не заслуживающей названия меткой стрельбы,

которым генерал Инглис ее украшает; в противном случае как мог бы остаться в живых один из тех 1 200, которые, повидимому, защищали эту позицию? В подтверждение ужасающего характера этой стрельбы отчет упоминает случай, когда ее огнем убивались женщины, дети и раненые, находившиеся в хорошо укрытых местах. Это весьма слабые примеры, ибо такие случаи чаще всего бывают именно тогда, когда огонь ведется не по определенным объектам, а по укреплениям вообще, и поэтому никогда не поражает действительных защитников. 1 июля Лоренс был смертельно ранен и командование принял Инглис. Неприятель имел в это время на позиции 20 — 25 пушек, «все пушки были расположены вокруг нашего поста». Это было большим счастьем для обороны, так как, если бы они сосредоточили свой огонь по одной или двум точкам бруствера, укрепление по всей вероятности было бы взято. Часть этих пушек была расположена в пунктах, «куда не достигал огонь наших собственных тяжелых орудий». Ввиду того, что резиденция занимала командующее положение, расположенные в указанных пунктах пушки атакующих не могли стрелять по брустверам, а только по верхушкам построек внутри резиденции. Это было очень выгодно для обороны, так как стрельба не причиняла большого вреда. Эти же самые пушки могли бы быть с несравненно большей пользой использованы для стрельбы по парашютам и баррикадам. В общем, с обеих сторон артиллерия была использована из рук вон плохо, так как в противном случае бомбардировка на таком коротком расстоянии должна была бы очень скоро прекратиться, ибо батареи взаимно подбили бы друг друга. Почему этого не случилось, остается до сих пор тайной.

Двадцатого июля аудийцы взорвали мину под парашютом, но это не причинило никакого вреда. Непосредственно за этим двинулись на штурм две главные колонны, в то время как на других участках были произведены демонстративные атаки. Но действия огня гарнизона оказалось достаточным, чтобы их отбросить назад. Десятого августа была взорвана другая мина и образовалась брешь, «через которую мог бы пройти целый полк в полном порядке. Одна колонна бросилась на штурм, поддержанная с флангов вспомогательными атаками, но до бреши дошли лишь немногие из самых решительных среди неприятеля». Эти немногие были взяты под фланговый огонь гарнизона, в то время как наступавшая на флангах остальная недисциплинированная масса была легко отброшена назад при помощи гранат и небольшого ружейного огня. Третья мина была взорвана 18 августа, образовалась новая брешь, но последовавший штурм оказался еще более вялым и был легко отбит. Последний взрыв и штурм произошли

15 сентября, но штурм был вновь отбит ручными гранатами и ружейным огнем. С этого времени, вплоть до занятия, осада, повидимому, превратилась в простую блокаду, сопровождаемую в той или иной степени ружейным и артиллерийским огнем.

Это действительно необычайная операция. Толпа в 50 тысяч или даже больше человек, состоявшая из жителей Лукноу и окружающей местности, с 5 — 6 тысячами вымуштрованных солдат блокировали в резиденции Лукноу 1 200 — 1 500 европейцев и пытались принудить их сдаться. Среди осаждающих было так мало порядка, что, хотя связь осажденных с Каунпором и была отрезана, снабжение гарнизона, повидимому, никогда не прерывалось вполне. Проведение так называемой «осады» отличалось смесью азиатского невежества и дикости с отдельными проблесками некоторых военных знаний, занесенных европейскими образцами, европейской армией и властью. Среди аудиенцев, очевидно, были отдельные артиллеристы и саперы, которые знали, как установить батареи, но их работа, повидимому, ограничивалась сооружением убежищ от неприятельского огня. Они, повидимому, довели это искусство прикрытия до большого совершенства, так что их батареи, должно быть, стали безопасными не только для стреляющих, но и для осажденных, ибо ни одно орудие в этих укрытиях не могло действовать с эффектом. Они и не действовали: как же иначе можно объяснить небывалый факт, что 30 пушек внутри резиденции и 25 вне ее действовали друг против друга на чрезвычайно близком расстоянии (некоторые не более, чем на 50 ярдов), и все-таки мы ничего не слышим ни о подбитых пушках, ни о том, что одна сторона заставила замолчать артиллерию другой стороны? Что же касается ружейного огня, то мы прежде всего должны спросить, как это было возможно, чтобы 8 тысяч туземцев занимали позицию на расстоянии ружейного выстрела от британских батарей и не были разнесены британской артиллерией? А если так, как же могло случиться, что они не перебили и не переранили всех защитников этого пункта? Нам же говорят, что они все-таки удержали свои позиции и вели огонь круглые сутки, что вопреки всему этому 32-й полк, который после 30 июня насчитывал, самое большее, 500 человек, вынес всю тяжесть осады и все еще насчитывал в конце ее 300 человек? Если это не точная копия «последнего десятка оставшегося в живых от четвертого (польского) полка», который отправился в Пруссию в составе 38 офицеров и 1 815 солдат, то что же это такое? Британцы совершенно правы, что такого боя, как под Лукноу, никто никогда не видел. И на самом деле никто не видел. Вопреки скромному и

внешне безыскусственному тону доклада Инглиса, его странные замечания о пушках, расположенных так, что им нельзя было отвечать, о 8 тысячах солдат, стреляющих день и ночь без всякого эффекта, о 50 тысячах повстанцев, блокирующих его, об ущербе, наносимом пулями, летящими туда, где им нечего делать, об атаках, выполненных с большой решительностью и все же отбитых без всяких усилий, — все эти замечания заставляют нас признать, что весь доклад изобилует самыми очевидными преувеличениями и не выдерживает ни на один момент беспристрастной критики.

Но ведь осажденные наверное пережили необычайные трудности? Послушайте:

«Недостаток в слугах-туземцах был также источником *многих лишений*, Некоторые лэди даже должны были сами заняться уходом за своими детьми. даже стирать свое белье и готовить свою скудную пищу совершенно без чьей бы то ни было помощи».

Бедные лукноуские дамы!

Правда, в наше превратное время, когда династии создаются и исчезают в один день, когда революции и торговые крахи как бы объединились для того, чтобы сделать чрезвычайно неустойчивым благосостояние всех, от нас никто не может ожидать большого сочувствия при известии о том, что та или иная бывшая королева вынуждена штопать свои собственные чулки и даже стирать их, не говоря уже о необходимости самой приготовить баранью котлету. Но когда речь идет об англо-индийской даме, одной из того громадного числа сестер, кузин и племянниц отставных офицеров, правительственных чиновников, купцов, клерков или искателей приключений, которые — по крайней мере до восстания — прямо со школьной скамьи каждый год посылались на обширный брачный рынок в Индию с такими же малыми церемониями и часто с гораздо меньшей охотой, чем красивые черкешенки отправляются на константинопольский рынок, — когда подумаешь, что одна из таких дам должна стирать свое белье и варить свою скромную пищу совершенно без чьей либо помощи, то у каждого из нас закипает кровь в жилах! Совершенно без «слуг-туземцев», да еще ходить за своими собственными детьми — ведь это возмутительно, ведь это хуже, чем восстание в Каунпуре!

Толпа, осаждавшая резиденцию, может быть, насчитывала 50 тысяч человек, но значительное большинство из них не могло иметь огнестрельного оружия. 8 тысяч «метких стрелков» могли иметь огнестрельное оружие, но что это были за стрелки и каково

было их оружие, об этом говорит тот эффект, который они производили своим огнем. 25 пушек, насчитывавшихся в их артиллерии, как показали факты, были использованы самым жалким образом. Подкопы производились наугад, точно так же, как и стрельба. Их атаки даже не заслуживают названия рекогносцировок. Так обстоит дело с осаждающими.

Осажденные заслуживают всяческой похвалы за проявленную ими большую силу характера, с какой они продержались почти 5 месяцев, в течение этого времени они большей частью не получали никаких сведений от британской армии. Они дрались и надеялись вопреки всему, как это и подобает людям, которые должны отдать свою жизнь возможно дороже и защитить женщин и детей от азиатских зверств. Также необходимо отдать им должное за бдительность и стойкость. Но кто поступил бы иначе после опыта Уиллера с его сдачей Каунпура.

Что же касается попытки представить оборону Лукноу как беспримерный случай героизма, то она, конечно, смешна — особенно после неуклюжего доклада генерала Инглиса. Лишения, пережитые гарнизоном, ограничивались недостатком укрытий и непривычной погодой, которая, однако, не вызвала серьезных заболеваний. Что же касается продовольствия, то самое худшее продовольствие, которое они имели, состояло «из грубой говядины и еще более грубой муки» т. е. стола гораздо лучшего, чем тот, к которому привыкли в Европе солдаты в осажденных крепостях! Достаточно сравнить оборону Лукноу против невежественной толпы варваров с обороной Антверпена в 1831 г. или с обороной форта Мальгера близ Венеции в 1848 — 1849 гг., не говоря уже об обороне Севастополя генералом Тотлебенем, у которого было несравненно больше трудностей, чем у генерала Инглиса. Форт Мальгера был атакован самыми лучшими саперами и артиллеристами Австрии, а защищался он небольшим гарнизоном, состоявшим из только что набранных солдат. Четыре пятых гарнизона не имели укрытий от бомб. Низкая местность порождала малярию более опасную, чем индийский климат; 100 орудий вели огонь по форту, и в течение последних 3 дней бомбардировки каждую минуту посылалось 40 снарядов. Все же форт держался целый месяц и наверное устоял бы больше, если бы австрийцы не захватили одной позиции, которая принудила защитников к отступлению. Или взять пример Данцига, где Рапп с обессиленными остатками французских полков, вернувшихся из России, держался 11 месяцев. Возьмите любую значительную осаду нового времени, и вы найдете там больше искусства, больше присутствия духа больше храбрости

и выносливости, чем в операции под Лукноу при таком же неравенстве сил.

Инсургенты Ауда, как бы жалки они ни были в открытом поле, все же выявили, непосредственно после прибытия Кемпбелла, силу национального восстания. Кемпбелл сразу увидел, что он своими силами не сможет ни атаковать город Лукноу, ни удержаться на собственных позициях. Это совершенно естественно и станет вполне очевидным каждому, кто внимательно изучал французское вторжение в Испанию при Наполеоне. Сила национального восстания заключается не в регулярных боях, а в малой войне, в обороне городов, в перерыве коммуникаций противника. Поэтому Кемпбелл подготовил отступление с таким же искусством, с каким он организовал наступление. Им было захвачено еще несколько позиций около резиденции. Это было сделано для того, чтобы обмануть врага относительно собственных намерений и скрыть приготовления к отступлению. Со смелостью, вполне оправдываемой в борьбе с таким противником, вся армия, за исключением небольших резервов, была использована для того, чтобы занять растянутую линию застав и пикетов, позади которой была произведена эвакуация женщин, больных, раненых и багажа. Как только эта предварительная операция была выполнена, выдвинутые пикеты были оттянуты назад, постепенно были сосредоточены более крупные части, которые, пройдя через следующую линию, образовывали резерв в тылу. Этот маневр без какого-либо нападения со стороны повстанцев был выполнен в полном порядке. За исключением Утрама и маленького гарнизона, оставленного в Аламбаге (неизвестно пока для какой цели), вся армия направилась в Каунпур, эвакуировав таким образом королевство Ауд.

За это время в Каунпуре произошли неприятные события. Уиндгэм, «герой Редана», — один из тех офицеров, в военных способностях которых нас уверяют, говоря, что они их доказали своей большой личной храбростью, — разбил 26-го авангард гвалиорской группы, но 27-го сам потерпел жестокое поражение, его лагерь был захвачен и сожжен, и он сам принужден был укрыться в старом укреплении Уиллера в Каунпуре. Двадцать восьмого повстанцы атаковали и эту позицию, но были отброшены, а 6-го Кемпбелл разбил их почти без потерь для себя, захватил все их орудия и обоз и преследовал их 14 миль. Подробности о всех этих операциях пока очень скудны, но ясно одно, что индийское восстание еще далеко не подавлено, хотя большинство или даже все британские подкрепления уже высажены в Индии, но они исчезают почти необъяснимым способом. Около 20 ты-

сяч человек было высажено в Бенгалии, и все-таки действующая армия теперь не больших размеров, чем при взятии Дели. В этом кроется что-то неладное. Вероятно, климат производит среди вновь прибывающих страшные опустошения.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune»
№ 5236 от 1 февраля 1858 г.*

Без подписи.

ПРЕДСТОЯЩИЙ ИНДИЙСКИЙ ЗАЕМ.

Лондон, 22 января 1858 г.

Оживление на лондонском денежном рынке, вызванное изъятием огромной массы капиталов из обычных производительных вложений и их дальнейшим перемещением на фондовые рынки, было за последние 2 недели несколько ослаблено видами на предстоящий *индийский заем* в сумме 8 или 10 млн. ф. стерлингов. Этот заем, который имеется в виду произвести в Англии и который должен быть одобрен парламентом немедленно после открытия сессии в феврале, он имеет своим назначением удовлетворить требованиям, предъявленным к Ост-Индской компании ее отечественными кредиторами, а также покрыть ее чрезвычайные расходы на военные материалы, припасы, перевозку войск и пр., вызванные восстанием в Индии. В августе 1857 г., перед закрытием сессии парламента, британское правительство торжественно объявило в палате общин, что выпускать подобный заем не предполагается, так как финансовые ресурсы компании более чем достаточны, чтобы справиться с кризисом. Но приятные иллюзии, внушенные этим заявлением Джону Буллю, были вскоре разрушены, как только в публику проникли сведения, что Ост-Индская компания с помощью весьма двусмысленной процедуры забрала себе сумму приблизительно в 3 500 000 ф. ст., вверенную ей различными компаниями на постройку железных дорог в Индии, и что, кроме того, она секретно заняла в Английском банке 1 млн. ф. ст. и еще 1 млн. в лондонских акционерных банках. После того как публика была таким образом подготовлена к худшим возможностям, правительство, оставив дальнейшие колебания, сбросило маску и в полуофициальных статьях в «Times», «Globe» и других правительственных органах признало необходимость займа.

Можно, конечно, спросить, почему требуется специальный акт законодательной власти для выпуска такого займа и, далее, почему подобное событие должно вызывать какие либо опасения. Ведь всякая отдушина для британского капитала, ныне тщетно ищущего выгодного помещения, наоборот, должна считаться при данных обстоятельствах настоящим кладом и спасительным средством против его быстрого обесценения.

Как известно, существование Ост-Индской компании, как торгового предприятия, прекратилось в 1834 г., когда был уничтожен главный оставшийся у нее источник торговой прибыли — монополия торговли с Китаем. Так как акционеры Ост-Индской компании, по крайней мере номинально, получали дивиденды из ее торговых прибылей, то в результате возникла необходимость устроить для них какую-то новую финансовую базу. Дивиденды, выплачиваемое до тех пор из торговых прибылей компании, были перечислены на счет ее политических доходов. Владельцы акций Ост-Индской компании должны были оплачиваться из доходов, получаемых ею в качестве правительства, и, в силу парламентского акта, капитал компании, состоявший из акций общей суммой в 6 млн. ф. ст. и приносящий доход в 10%, был конвертирован в капитал, подлежащий ликвидации не иначе, как по цене 200 ф. ст. за каждую стофунтовую акцию. Другими словами, первоначальный капитал компании в 6 млн. ф. ст. был превращен в капитал в 12 млн. ф. ст., приносящий 5% прибыли, выплачиваемой из налоговых поступлений с населения Индии. Таким образом, долг Ост-Индской компании с помощью парламентского фокуса превратился в долг индийского народа. Кроме того, существует еще долг свыше 50 млн. ф. ст. в результате займа, заключенного Ост-Индской компанией в самой Индии, который ложится целиком на ее государственные доходы. Этого рода займы, заключенные компанией в Индии, всегда считались не подлежащими компетенции парламентского законодательства и столь же мало его касающимися, как и займы, заключенные колониальными правительствами, например Канады или Австралии.

С другой же стороны, Ост-Индской компании было запрещено заключать процентные займы в самой Англии без специального разрешения парламента. Несколько лет тому назад, когда компания принялась проводить в Индии железнодорожные и телеграфные линии, она просила о разрешении выпустить индийский облигационный заем на лондонском рынке, и эта просьба была удовлетворена в сумме 7 млн. ф. ст., подлежавшей выпуску в форме четырехпроцентных облигаций, обеспеченных только индийскими государственными доходами. В начале индийского восстания облигации этого займа составляли сумму в 3 894 400 ф. ст., и самая необходимость нового обращения к парламенту показывает, что в течение этого восстания Ост-Индская компания исчерпала свое легальное право заключать займы на родине.

Ни для кого не секрет, что раньше, чем предпринять этот шаг, Ост-Индская компания открыла подписку на заем в Калькутте,

который, однако, потерпел полную неудачу. С одной стороны, это доказывает, что индийские капиталисты смотрят на перспективы британского владычества далеко не столь радужно, как лондонская пресса; с другой стороны это доводит Джона Булля до крайней степени раздражения, поскольку он знает, в каких огромных размерах в течение последних семи лет накоплялся капитал в Индии, куда, согласно недавно опубликованному отчету фирмы Хаггарда и Пиксли, в 1856 и 1857 гг. из одного лондонского порта было отправлено золотых слитков на сумму в 24 млн. ф. стерлингов. Лондонский «Times» самым убедительным тоном поучал своих читателей, что

«из всех способов побудить туземцев стать лояльными — наименее сомнительный — это превратить их в наших кредиторов; с другой же стороны, ничто в такой степени не может вызывать неудовольствие и измену в этом импульсивном, скрытном и алчном народе, как мысль, что его ежегодно облагают налогами для пересылки дивидендов богатым кредиторам в других странах».

Однако индусы, повидимому, не понимают всей прелести плана, который не только восстановит английское господство за счет индийского капитала, но в то же время откроет косвенным путем для британской торговли туземные сокровища. В действительности, если бы индийские капиталисты так сильно любили британское владычество, как это в качестве некоего символа веры каждый истый англичанин считает возможным утверждать, нельзя было бы предоставить им более благоприятного случая выразить свою лояльность и заодно сбыть с рук свое серебро. Но, поскольку индийские капиталисты закрывают свои кассы, Джону Буллю приходится открывать ту суровую истину, что приходится оплатить стоимость индийского восстания, по крайней мере на первых порах, из собственного кармана, без всякого содействия туземцев. Более того, предстоящий заем является лишь прецедентом; это, повидимому, первая страница грассбуха, озаглавленной «Англо-индийский внутренний заем». Ни для кого не тайна, что Ост-Индской компании требуется не 8 или 10 млн., а от 25 до 30 млн. ф. ст., и даже эта сумма должна быть только первым взносом, и притом не для покрытия предстоящих расходов, а для уплаты уже сделанных долгов. Дефицит в доходах за последние 3 года выразился в сумме 5 млн. ф. ст.; ценности, разграбленные инсургентами до 15 октября с. г., согласно отчету «Phoenix», индийской правительственной газеты, равняются 10 млн. ф. ст., потеря доходов в северо-восточных провинциях в результате восстания доходит до 5 млн. ф. ст., а военные издержки по крайней мере до 10 млн. ф. стерлингов.

Правда, последовательные займы Ост-Индской компании на

лондонском денежном рынке повысили бы ценность денег и предотвратили бы растущее обесценение капитала, т. е. дальнейшее падение процентной ставки, но как раз такое падение требуется для оживления британской промышленности и торговли. Всякая искусственная задержка понижающегося движения учетной ставки равноценна повышению издержек производства и условий кредита, какое английская промышленность и торговля по своей нынешней слабости не чувствуют себя способными вынести. Отсюда общий вопль отчаяния по поводу объявления индийского займа. Хотя санкция парламента не дает имперской гарантии займу компании, такую гарантию придется дать, если нельзя будет получить денег на других условиях; и как только Ост-Индская компания будет заменена британским правительством, ее долг, вопреки всем тонким различиям, присоединится к общему британскому государственному долгу. Повидимому, дальнейший рост и без того крупного национального долга явится, таким образом, одним из первых финансовых последствий восстания в Индии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5243 от 9 февраля 1858 г.

Без подписи.

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ.

В то самое время, как в Крымской войне вся Англия искала человека, способного организовать и вести английскую армию, и когда командование было доверено таким бездарностям, как Раглану, Симпсону и Кодрингтону, в Крыму находился генерал, одаренный качествами настоящего полководца. Мы говорим о сэре Колине Кемпбелле, который теперь ежедневно в Индии дает доказательства того, что он мастер своего дела. После того как в Крыму под Альмой Кемпбеллу было поручено командование бригадой, где неподвижная линейная тактика британской армии не позволила ему проявить свои способности, его усадили в Балаклаве и не позволили больше участвовать в операциях. Между тем задолго до этого его военные таланты были полностью признаны в Индии никем иным, как сэром Чарльзом Джемсом Непиром, самым крупным полководцем, которого выдвинула Англия после Мальборо. Но Непир был человек независимого характера, слишком гордый, чтобы склониться перед господствующей олигархией, и его рекомендации было достаточно, чтобы Кемпбелла отметили и сделали предметом недоверия.

Отличия и почести в этой войне достались, однако, на долю других лиц. Среди них были Вильям Фенвик Виллямс Кареский, который ныне признан за благо почтить на лаврах, приобретенных бесстыдством, самохвальством и обманным присвоением себе славы, справедливо заслуженной генералом Кинетти. Титул баронета, ежегодная пенсия в тысячу фунтов, теплое местечко в Вуличе и место в парламенте — всего этого, конечно, достаточно, чтобы заставить его не подвергать риску своей репутации в Индии. В отличие от него, «герой Редана», генерал Уиндем отправился командовать дивизией против сипаев, и первые же его действия дискредитировали его навсегда. Этот Уиндем, никому неизвестный полковник с хорошими семейными связями, командовал бригадой при штурме Редана и вел себя чрезвычайно вяло; в конце концов, так как подкрепления все еще не подходили, он дважды оставлял свои отряды на произвол судьбы и сам отправлялся в тыл разузнавать о них. За такое весьма сомнительное поведение, которое в другой армии повлекло бы предание военному суду, он

был немедленно произведен в генералы и вскоре затем назначен на пост начальника штаба.

Когда Колин Кемпбелл начал наступать на Лукноу, он оставил старые укрепления, лагерь и город Каунпур вместе с мостом через Ганг на попечение генерала Уиндема с отрядом, достаточным для выполнения этой задачи. У Уиндема было 5 полков пехоты, частью полного, частью неполного состава, много крепостных орудий, 10 полевых и 2 морских орудия и сверх того 100 человек конницы; весь отряд насчитывал свыше 2 тысяч человек. Пока Кемпбелл действовал у Лукноу, различные отряды повстанцев, бродившие вокруг Доаба, объединились с целью напасть на Каунпур. Помимо разного сброда, набранного восставшими земиндарами, нападавший отряд состоял из обученных частей (дисциплинированными их нельзя назвать), в состав которых входили остатки сипаев из Динапура и часть войск Гвалиора. Последние представляли единственные части восставших, которые были соединены в более крупные единицы, чем роты, так как ими почти исключительно командовали туземные офицеры; таким образом, они со своими штаб-офицерами и капитанами сохраняли некоторое подобие организованных батальонов. По этой причине англичане относились к ним с известным почтением. Уиндем имел прямые указания ограничиваться обороной, но, ввиду перерыва связи, не получая от Кемпбелла ответа на свои донесения, он решил активно действовать под свою личную ответственность. Двадцать шестого ноября он с отрядом в 1200 человек пехоты, 100 всадниками и 8 пушками отправился навстречу наступающим повстанцам. Без труда разбив их авангард, он заметил приближение главной колонны повстанцев и отступил к самому Каунпуру. Здесь он занял позицию перед городом, разместив 34-й полк на левом фланге стрелков (в числе 5 рот) и две роты 82-го полка на правом. Путь отступления лежал через город, а в тылу левого фланга находилось несколько кирпичных заводов. Впереди, на расстоянии 400 ярдов от фронта и еще ближе к флангам, находились рощи и джунгли, представлявшие прекрасное укрытие для наступающего неприятеля. На самом деле не легко было выбрать худшую позицию: британские войска были расположены на открытой местности, тогда как индусы могли незаметно подойти на 300 или 400 ярдов. Чтобы подчеркнуть героизм Уиндема еще более ярко, надо добавить, что совсем рядом у него была весьма удобная позиция с открытой равниной перед фронтом и в тылу и с каналом в виде препятствия впереди; но он, конечно, настоял на выборе худшей позиции. Двадцать восьмого ноября неприятель начал обстрел из пушек, подкатив их к краю прикрытия, образуемого джунглями. Со

скромностью, свойственной герою, Уиндем называет этот обстрел «бомбардировкой» и говорит, что его отряд выдерживал ее в течение 5 часов; но в это время случилось нечто, о чем ни Уиндем, ни кто-либо из присутствовавших там лиц, ни какая-либо индийская или британская газета еще не решились сообщить. С момента окончания обстрела и начала сражения все наши прямые источники информации иссякают, и нам остается лишь сделать вывод из двусмысленных, противоречивых и неполных данных, находящихся в нашем распоряжении. Уиндем ограничивается следующим бессвязным сообщением:

«Несмотря на жестокую бомбардировку со стороны неприятеля, мои войска оказывали сопротивление наступлению (называть наступлением обстрел полевых войск, пожалуй, будет новостью) в течение 5 часов и продолжали удерживать свои позиции до тех пор, пока, по количеству заколотых солдатами 88-го полка неприятельских солдат, я не убедился, что мятежники полностью проникли в город; когда мне донесли, что они атакуют форт, я приказал генералу Дюпризу отступить. Незадолго до наступления темноты весь отряд отступил в форт со всеми нашими припасами и пушками. Вследствие бегства обозных мне не удалось вывезти обоз и часть вещей. Если бы не произошла ошибка при передаче отданного мною приказа, то я убежден, что мне удалось бы удержать мою позицию во всяком случае до наступления темноты».

Генерал Уиндем со свойственной ему интуицией, уже проявленной при Редане, направляется в резерв (ибо, как мы заключаем, 88-й полк занимал город) и здесь находит не живую силу неприятеля, ведущего сражение, а большое количество неприятельских солдат, заколотых солдатами 88-го полка. И этот факт приводит его к заключению, что неприятель (причем не упоминая, живой или мертвый) полностью проник в город. Как ни странно это заключение как для читателя, так и для нашего героя, последний на этом не останавливается. Ему доносят, что форт подвергается атаке. Самый заурядный генерал проверил бы правильность этих слухов, которые, конечно, оказались ложными. Иначе действует Уиндем. Он приказывает отступать, хотя его войска могли бы удерживать свою позицию по крайней мере до наступления темноты, если бы не произошло ошибки при передаче одного из его приказов. Таким образом, мы имеем, во-первых, приличествующее герою заключение Уиндема, что там, где много убитых сипаев, должно было быть также много живых; во-вторых, ложную тревогу по поводу нападения на форт и, в-третьих, ошибку, совершенную при передаче приказа; комбинация всех этих бед позволила многочисленной толпе туземцев разбить героя Редана и сломить неукротимую отвагу его британских солдат.

Другой корреспондент, офицер, присутствовавший при событиях, сообщает:

«Я не думаю, чтобы кому-либо удалось точно описать сражение и отступление, происшедшие в это утро. Было приказано отступить; ее величества 34-му пехотному полку было указано отступить за кирпичный завод, но ни офицеры, ни солдаты полка не знали, где его найти. Быстро разнеслась весть по районам расположения войск, что наши разбиты и отступают, и все стремглав бросились к внутренним укреплениям, подобно неудержимому потоку воды в Ниагарском водопаде. Солдаты пехотные и морские, европейцы и туземцы, мужчины, женщины и дети, кони, верблюды и волы, начиная с двух часов дня, стекались в укрепления в бесчисленном множестве. С наступлением ночи укрепленный лагерь с его пестрым сборищем людей, животных, поклажи, багажа и тысячи нагроможденных вещей представлял собою настоящее столпотворение».

Наконец, калькуттский корреспондент «Times» сообщает, что британцы 27-го числа, очевидно, потерпели «нечто почти похожее на поражение», но из патриотических соображений англо-индийская пресса окутывает этот позор непроницаемым покровом милосердия. Все же и этот корреспондент признает, что один из полков ее величества, в большинстве состоящий из новобранцев, на мгновение пришел в расстройство, хотя и не покинул своей позиции, что в форту царил чрезвычайное смятение благодаря тому, что Уиндем потерял управление над войсками, пока вечером 28-го не прибыл Кемпбелл и «несколькими резкими словами» не вернул снова всех на свои места.

Каковы же выводы, явно вытекающие из всех этих сбивчивых и умышленно искажающих суть дела сообщений? Вывод один, а именно: что бездарное командование Уиндема привело британские войска к поражению, которого можно было вполне избежать; что, когда был дан приказ отступить, офицеры 34-го полка, которые даже не потрудились ознакомиться с местностью, где они дрались, не смогли отыскать тот пункт, к которому им было приказано отступить; что полк пришел в расстройство и, в конце концов, бежал; это привело к панике в лагере, которая уничтожила весь порядок и дисциплину и привела к потере обоза и части багажа; что, наконец, вопреки утверждению Уиндема, склады, 15 тысяч патронов системы Минье, денежный ящик, а также обувь и одежда для многих полков и новых рекрутов, попали в руки неприятеля.

Английская пехота в развернутом строю или в колонне редко обращается в бегство. Подобно русской пехоте, она обладает естественной спайкой, которая свойственна только старым солдатам и отчасти объясняется значительным числом последних в обеих армиях, но отчасти является также очевидным свойством национального характера. Это качество, которое не имеет ничего общего с «храбростью», а, наоборот, является скорее своеобразным развитием инстинкта

самосохранения, все же очень ценно, в особенности при обороне. Оно, кроме того, наряду с флегматической натурой англичан, предупреждает панику; но необходимо заметить, что, когда ирландские войска приходят в расстройство и поддаются панике, то привести их снова в порядок не легко. Так именно и случилось с Уиндемом 27 ноября. Отныне он будет фигурировать в коротком, но отборном списке тех английских генералов, которым удалось заставить свои войска бежать в панике.

Двадцать восьмого ноября гвалиорские повстанцы получили значительное подкрепление в виде отряда из Битура и подошли на 400 ярдов к заставам британских укрепленных линий. Произошел новый бой, в котором нападающие действовали без особой энергии. При этом солдаты и офицеры 64-го полка дали пример истинной храбрости, который мы с удовольствием отмечаем, хотя сам по себе их подвиг был так же безрассуден, как и знаменитая атака при Балаклаве. Ответственность за него, между прочим, возлагается на убитого командира этого полка полковника Вильсона, который, как передают, с 180 солдатами выступил против 4 неприятельских пушек, защищаемых гораздо более многочисленным отрядом. Нам не говорят, из кого состоял этот отряд; но результат боя заставляет сделать вывод, что это была гвалиорская часть. Англичане захватили пушки с налета, заклепали три из них и некоторое время удерживали занятое положение, но, не получая подкреплений, были вынуждены отступить, оставив на месте 60 солдат и большую часть офицеров. Значительные потери являются доказательством напряженности боя. Здесь перед нами небольшой отряд, который, судя по понесенным потерям, был встречен не плохо, однако он удерживал батарею до тех пор, пока треть его людей не была перебита. Это был действительно горячий бой и первый пример этого рода с тех пор, как был взят штурмом Дели. Тем не менее, человек, затеявший подобное наступление, заслуживает полевого суда и расстрела. Уиндем говорит, что это был Вильсон. Но Вильсон пал в бою и не может дать ответа.

Вечером вся британская армия была загнана в форт, где продолжал царить беспорядок, и позиция вместе с мостом находилась в явной опасности. Но тогда прибыл Кемпбелл. Он восстановил порядок, утром подтянул свежие силы и так далеко отогнал неприятеля, что мост и укрепление оказались вне опасности. Затем он переправил на другой берег реки раненых, женщин, детей и багаж, удерживая оборонительную позицию, пока они не были уже достаточно далеко по дороге в Аллахабад. Как только он справился с этим, 6 декабря он атаковал сипаев, разбил их, и его кавалерия и артиллерия в тот

же день преследовали их на 14 миль. То, что повстанцы оказали слабое сопротивление, видно из сообщения Кемпбелла. Он описывает лишь продвижение своих отрядов, ни разу не упоминая о каком-либо сопротивлении или маневре неприятеля. Здесь не было никакого препятствия, и это было не сражение, а бойня. Бригадир Хоуп Грачт с легким дивизионом преследовал беглецов и настиг их 8-го числа при переправе через реку; загнанные таким образом в тупик, они повернули обратно и понесли жестокие потери. Этим закончилась первая кампания Кемпбелла у Лукноу и Каунпура. В дальнейшем предстоит, очевидно, новая серия операций, о развертывании которых мы, вероятно, услышим в течение ближайших двух или трех недель.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5253 от 20 февраля 1858 г.

Без подписи.

* ВЗЯТИЕ ЛУКНОУ.

Закончился второй критический период индийского восстания. Первый перисд его, имевший своим центром Дели, кончился штурмом этого гѣрода. События второго периода концентрировались в Лукноу, но теперь пал и этот город. Если не произойдет новых восстаний в местах, до сих пор спокойных, то мятеж должен теперь перейти в свой заключительный затяжной период, когда повстанцы окончательно превратятся в бандитов и грабителей и будут встречать со стороны туземцев такую же вражду, как и со стороны англичан.

Подробности штурма Лукноу еще не получены, но подготовительные операции к нему и даже общая картина самого штурма уже известны. Наши читатели помнят, что после оставления правительственной резиденции в Лукноу генерал Кемпбелл взорвал ее, но оставил генерала Утрама с 5 тысячами человек в Алумбаге, укрепленной позиции в нескольких милях от города. Сам же он с остальными своими войсками двинулся обратно в Каунпур, где генерал Уиндем был разбит отрядом повстанцев. Он разбил повстанцев на-голову и прогнал за реку Джумну у Кальпи. В Каунпуре он дождался прибытия подкреплений и тяжелых орудий, подготовил план своей атаки, отдал распоряжение о сосредоточении всех колонн, предназначенных для вторжения в Ауд, и особенно позаботился о превращении Каунпура в укрепленный лагерь такой силы и размеров, чтобы сделать из него ближайшую и главную базу операций против Лукноу. Когда все это было сделано, он должен был выполнить еще одну задачу, прежде чем считать свое выступление безопасным, задачу, постановка которой отличает его почти от всех предыдущих командиров в Индии. Он решительно возражал против женщин, болтающихся в лагере. У него было достаточно хлопот с «героинями» в Лукноу и по дороге в Каунпур. Эти «героини» считали совершенно естественным, чтобы движение армии, как это всегда и было в Индии, подчинялось их капризам и их удобству. Достигнув Каунпура, Кемпбелл тотчас же сплавил всю эту интересную беспокойную компанию в Аллахабад и немедленно послал за второй партией дам, находящихся в Агре. Только когда они прибыли в Каунпур и он устроил их в безопас-

ности в Аллахабаде, он присоединился к войскам, выступившим на Лукноу.

Для похода в Ауд были сделаны приготовления небывалых до сих пор в Индии размеров. Самой большой экспедицией, когда-либо предпринятой англичанами в Индии, было вторжение в Афганистан. Участвовавшие в ней войска никогда не превышали 20 тысяч, большинство которых к тому же составляли туземцы. В походе на Ауд число одних только европейцев превосходило число всех войск, посланных в Афганистан. Главные силы под личным командованием Кюлина Кемпбелла состояли из трех пехотных дивизий, одной кавалерийской дивизии, одной дивизии артиллерии и инженерных войск.

Первая пехотная дивизия под командой Утрама занимала Алумба. Она состояла из 5 европейских и 1 туземного полков. Вторая дивизия (4 европейских и 1 туземный полк), третья дивизия (5 европейских и 1 туземный полк), кавалерийская дивизия под начальством сэра Хоуп-Гранта (3 европейских и 4 или 5 туземных полков) и вся масса артиллерии (48 полевых пушек, осадный артиллерийский парк и инженерные войска) образовали действующую силу Кемпбелла, с которой он выступил из Каунпура. Одна бригада под командой бригадира Франкса, сосредоточенная в Джуанпуре и Азимгуре между реками Гумти и Гангом, должна была наступать вдоль реки Гумти на Лукноу. Эта бригада состояла, кроме туземных войск, из 3 европейских полков и 2 батарей; она должна была образовать правое крыло Кемпбелла. Вместе с этой бригадой силы Кемпбелла в общем достигали:

	Пехота	Кавалерия	Артиллерийские и инж. войска	Всего
Европейцы	15 000	2 000	3 000	20 000
Туземцы	5 000	3 000	2 000	10 000
Всего				30 000

К этому числу нужно прибавить 10 тысяч непальских гуркас, выступивших, под командой Дранга Багадура, из Горакпура на Султанпур. Это доводило численность вторгшейся армии до 40 тысяч человек почти исключительно регулярных войск. Но это не все. Южнее Каунпура наступал сэр Г. Рооз с сильной колонной от Сангар на Кальпи и к Нижней Джумне, чтобы перехватить беглецов, которые могли бы проскользнуть между колоннами Франка и Кемпбелла. На северо-западе бригадир Чемберлен в конце февраля перешел Верхний Ганг и прибыл в Рохильканд, расположенный на северо-западе Ауда, который, как совершенно правильно предполагалось, является

главным пунктом для отступления восставшей армии. Гарнизоны городов, окружающих Ауд, должны быть также включены в силы, прямо или косвенно направленные против этого королевства, так что общее количество сил, вероятно, достигало 70 — 80 тысяч бойцов, из которых, согласно официальным данным, англичан было не менее 28 тысяч. В указанное общее количество войск не включена масса войск сэра Джона Лоренса, которые занимают в Дели своего рода фланговую позицию и которые состоят из 5 500 европейцев в Мируте и Дели и из 20 — 30 тысяч туземцев в Пенджабе.

Концентрация этих огромных сил является отчасти результатом плана генерала Кемпбелла, отчасти также результатом подавления восстания в различных частях Индостана, вследствие чего войска естественно оказались сосредоточенными близко к арене действий. Несомненно, что Кемпбелл решился бы действовать и с меньшими силами, но пока он выжидал эту возможность, и действительно благодаря ряду обстоятельств подброшенные свежие силы попали прямо к нему в руки, а он был не такой человек, который отказался бы их использовать, даже в борьбе с таким жалким противником, какого он ожидал встретить в Лукноу. Но нельзя забывать, что, как бы внушительно ни выглядели эти силы, они были разбросаны на территории, равной Франции, и что в решающем месте, у Лукноу, он мог появиться только с 20 тысячами европейцев, 10 тысячами индусов и 10 тысячами гуркас, причем ценность последних под командованием туземцев была весьма сомнительна. Этих сил состоящих из одних только европейцев наверное было больше чем достаточно для того, чтобы обеспечить быструю победу; во всяком случае большого несоответствия с поставленной задачей не было. Весьма вероятно, что Кемпбелл хотел раз навсегда показать населению Ауда грозную армию белолицых, какой еще ни один из народов Индии до сих пор не видел, показать ее как неизбежное следствие восстания, возникшего в условиях малочисленности и разбросанности европейцев по стране. Силы повстанцев в Ауде состояли из остатков большинства восставших бенгальских полков и пополнений из местного населения. Первых было самое большее 35 — 40 тысяч. Бои, дезертирство и деморализация должны были уменьшить эти силы, первоначально достигавшие 80 тысяч, по меньшей мере наполовину, а те, которые остались, были дезорганизованы, деморализованы, плохо снаряжены и совершенно непригодны для боя в открытом поле. Количество вновь набранных пополнений определялось от 100 до 150 тысяч человек; но та или другая их численность не имеет никакого значения. Они были вооружены только частично огнестрельным оружием старых конструкций, боль-

шая часть имела только оружие для рукопашного боя, т. е. для такого вида боя, с каким им меньше всего предстояло встречаться. Большая часть этих сил была в Лукноу и вела борьбу с отрядом сэра Дж. Утрама, а две колонны действовали на Аллахабадском и Джуанпурском направлениях. Концентрическое движение на Лукноу началось в середине февраля. С 15 по 26 февраля главная армия и ее огромный обоз (одного обслуживающего персонала было 60 тысяч) двигались из Каунпура к столице Ауд, не встречая сопротивления. Между тем повстанцы атаковали, но без успеха, позицию Утрама 21 и 24 февраля. Девятнадцатого февраля Франкс повел наступление на Султанпур, разбил в один день обе колонны повстанцев и преследовал их, насколько это ему позволило наличие его кавалерии. После объединения обеих разбитых колонн Франкс снова разбил их 23 февраля, причем они потеряли 20 пушек и весь свой лагерь и обоз. Генерал Хоуп Грант, командуя авангардом главных сил, форсированным маршем отделился от них и, повернув влево, разрушил 23 и 24 февраля два форта на дороге из Лукноу на Рохильканд. Второго марта главные силы сосредоточились на южной стороне Лукноу. С этой стороны город защищен каналом, который нужно было перейти Кемпбеллу, прежде чем атаковать город; позади канала были воздвигнуты сильные окопы. Третьего марта англичане заняли парк Делькуша, штурмом которого началась первая атака. Третьего марта бригадир Франкс присоединился к главным силам, образовав ее правый фланг, упиравшись своим правым флангом в реку Гумти. Тем временем были установлены батареи против окопов противника и наведены два пловучих моста через Гумти ниже города. Когда они были уже готовы, сэр Дж. Утрам со своей пехотной дивизией, 1 400 всадниками и 30 пушками перешел реку, чтобы занять позицию на левом или северо-восточном берегу. Отсюда он мог фланкировать значительную часть линии окопов противника вдоль канала и часть укрепленных дворцов, находящихся позади нее. Он отрезал также сообщения противника со всей северо-восточной частью Ауда. Шестого и 7 марта он встретил значительное сопротивление, но продолжал теснить противника. Восьмого марта он опять был атакован, но с таким же успехом. Тем временем батареи, расположенные на правом берегу, открыли огонь. Батареи Утрама открыли огонь вдоль реки во фланг и по тылу противника. Девятого марта 2-я дивизия под командой сэра Е. Люгарда, взяла штурмом Мартиньер — колледж с парком, расположенный, — если читатели помнят, — на северном берегу канала, при его соединении с рекой Гумти и против парка Делькуша. Десятого — в здании банка была пробита брешь и здание взято штурмом. Утрам, наступая дальше вверх по реке, брал под

продольным огнем всякую новую позицию повстанцев. Одиннадцатого марта шотландские полки (42-й и 93-й) взяли штурмом дворец королевы, а Утрам атаковал и захватил каменный мост, соединяющий левый берег с городом. После этого он перевел свой отряд на другой берег и принял участие в атаке расположенного напротив ближайшего здания. Тринадцатого марта началась атака следующего укрепленного здания Имамбарра. Чтобы устроить укрытия для батареи, к нему была подведена траншея. На следующий день была пробита брешь и укрепление взято штурмом. Энергично преследуя противника, спасавшегося бегством в Кайсарбаг, т. е. в королевский дворец, англичане ворвались во дворец по пятам бегущего врага. Последовала ожесточенная борьба, но в 3 часа пополудни дворец уже был во власти англичан. Это, как видно, вызвало перелом в борьбе, дух сопротивления был сломлен, и Кемпбелл тотчас принял меры к преследованию и перехватыванию беглецов. Бригадир Кемпбелл с бригадой кавалерии и небольшой частью конной артиллерии был послан, чтобы их преследовать, а Грант с другой бригадой отправился в обход на Ситапур, который находится на дороге из Лукноу в Рохильканд, чтобы перехватить их. После того как были приняты меры по отношению к той части гарнизона, которая бежала, пехота и артиллерия двинулись дальше внутрь города, чтобы очистить его от тех, которые все еще держались. С 15 по 19 марта борьба, как видно, велась главным образом в узких улицах города, так как полоса дворцов и парков вдоль реки была захвачена раньше; 19 марта весь город был в руках Кемпбелла. Говорят, что около 50 тысяч повстанцев бежало частью в направлении на Рохильканд, частью на Доаб и Бандельканд. В этом последнем направлении беглецы имеют возможность избежать плена, так как генерал Рооз со своей колонной был, по крайней мере, еще в 60 милях от Джумны и имел против себя, по имеющимся сведениям, 30 тысяч повстанцев. В направлении на Рохильканд для повстанцев была возможность снова сосредоточиться, так как Кемпбелл не был в состоянии достаточно быстро двинуться за ними, а о месторасположении Чемберлена нам ничего неизвестно. Провинция же достаточно велика, чтобы дать повстанцам убежище на короткое время. Поэтому наиболее вероятно, что следующей характерной чертой восстания будет образование двух повстанческих армий в Бандельканде и Рохильканде, причем последняя время может быть быстро ликвидирована концентрическим движением армий из Лукноу и Дели.

Насколько мы можем теперь уже судить, операции сэра К. Кемпбелла в этой кампании отличаются обычными для него бларазу-

мием и энергией. План его концентрического движения на Лукноу был превосходителен, а в подготовке атак были использованы все обстоятельства. С другой стороны, поведение повстанцев было, пожалуй, даже более жалким, чем прежде. Один вид красных курток всюду приводил их в состояние паники. Колонна Франкса била повстанцев много раз, не потеряв при этом почти ни одного человека; и хотя телеграммы говорят об «упорном сопротивлении» и «ожесточенной борьбе», британские потери, когда они упоминаются в сообщениях, обычно до смешного малы, так что мы опасаемся, что от англичан требовалось под Лукноу не больше героизма и ими собрано там было не больше победных лавров, чем в предыдущих боях.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5312 от 30 апреля 1858 г.

Без подписи.

• ВЗЯТИЕ ЛУКНОУ.

Мы располагаем, наконец, подробными сведениями об атаке на Лукноу и его падении. Правда, главный источник информации с военной точки зрения, депеши сэра Колина Кемпбелла, до сих пор не опубликованы, но сообщений британской прессы, и особенно писем г. Росселя в лондонском «Times», из которых наиболее важные выдержки уже были сообщены нашим читателям, совершенно достаточно, чтобы дать общее представление о действиях нападающей стороны.

Заключение, к которому мы пришли на основании телеграфных сообщений, о невежестве и трусости, проявленных при обороне, больше чем подтверждается подробными отчетами. Укрепления, воздвигнутые индусами, грозные по внешности, в действительности имели не больше значения, чем огненные драконы и «страшные маски», которые изображаются китайскими «храбрецами» на своих щитах или на стенах их городов. Каждое отдельное укрепление представляло, казалось, неприступную позицию — всюду одни бойницы, стены с амбразурами, парапеты, всякого рода препятствия на подступах, всюду пушки и ружья. Но это только с фронта. Фланги же и тыл каждой позиции были совершенно забыты, о взаимной поддержке различных укреплений никто никогда не думал и даже пространство между укреплениями и перед укреплениями не было очищено, так что фронтовые и фланговые атаки можно было подготовить, не боясь, что защитники об этом узнают; враг мог подойти к парапетам под превосходным укрытием на расстоянии нескольких ярдов. Это был как раз такой комплекс укреплений, какой можно было ожидать от группы рядовых саперов, лишившихся своих офицеров и служащих в армии, где господствует невежество и недисциплинированность. Укрепления вокруг Лукноу были лишь переводом сипайского метода ведения войны на язык глиняных стен и земляных парапетов. Механическая сторона европейского военного искусства частично им была втолкована, они знали ручную и взводную муштру достаточно хорошо; они могли также построить батарею и бойницы в стене, но как сочетать движения рот и батальонов при обороне позиций или как сочетать

батареи с бойницами в зданиях и стенах, чтобы устроить укрепленный лагерь, способный оказать сопротивление, — всего этого они совершенно не знали. Так, например, они ослабили крепкие каменные стены своих дворцов, наделав в них чрезмерное количество отверстий для стрельбы, нагромодили целые ярусы бойниц и амбразур один над другим, поместили батареи, защищенные парапетами, на их крышах, и все это совершенно без пользы, потому что все это можно было обойти с флангов удобнейшим образом. Подобным же образом, сознавая свою тактическую слабость в сравнении с врагом, повстанцы старались компенсировать ее тем, что набивали каждый пост возможно большим количеством людей, добившись этим лишь того, что английская артиллерия получила возможность действовать с ужасающим эффектом и что как только атакующие колонны напали на эту разношерстную толпу с неожиданной стороны — спокойная и планомерная оборона стала невозможной. И даже когда англичанам приходилось в силу каких-либо обстоятельств вести фронтальную атаку на укрепления, последние оказывались настолько неправильно построенными, что к ним можно было подойти, пробить брешь и штурмовать почти без всякого риска. Так именно было с Имамбарра. На расстоянии нескольких ярдов от постройки находилась стена из необтесанного кирпича. К этой стене англичане подвели короткую сапу, достаточное доказательство того, что амбразур и бойницы в верхней части постройки не давали возможности вести отвесный огонь сверху на территорию, лежащую непосредственно перед укреплением, и затем использовали эту стену для осадной батареи, приготовленной для них самими же индусами. Они поставили за эту стену две 68-фунтовые судовые пушки. Самая легкая 68-фунтовая английская пушка весит без лафета 87 центнеров, но, предполагая даже, что речь шла о 8-дюймовой пушке, то все же самая легкая из этой категории весит 50 центнеров, а с лафетом по меньшей мере 3 тонны. То, что такие пушки могли быть вообще подвезены так близко к дворцу, имеющему несколько этажей высоты, да еще с батареей на крыше, показывает такое игнорирование командной позиции и такое невежество в военно-инженерном деле, каких не мог бы проявить ни один рядовой сапер какой-либо цивилизованной армии.

Так обстоит дело с уровнем военных знаний противника, с которым англичанам пришлось бороться. Что же касается его мужества и упорства обороны, то они также блистали своим отсутствием. От Мартиньера до Мусабага туземные войска вели себя одинаково единодушно: они стремительно убегали, как только колонна врага двинулась на них в атаку. Во всей серии этих столкновений не было

ничего, что можно было бы даже отдаленно сравнить с побоищем, ибо боем его назвать нельзя. В Сакандрабаге во время освобождения резиденции Кемпбеллом, как только атакующие части начинали наступать, у повстанцев начиналось повальное беспорядочное бегство, и если в тылу оказывалось лишь несколько узких выходов, заставляющих сгрудившуюся толпу остановиться, то повстанцы без сопротивления и в свалку падали под залпами и штыками наступающих англичан. Работа британского штыка в любой из этих атак на охваченных паникой туземцев была основательнее, чем во всех английских войнах в Европе и Америке, вместе взятых. На Востоке такие штыковые бои, в которых одна сторона действует, а другая рабски пассивна — обычное явление во время войны: палисады в Бирме давали всякий раз живой пример этому. По словам м-ра Росселя, главные потери англичан были причинены индусами, отрезанными от отступления и забаррикадировавшимися в комнатах дворца, откуда они стреляли через окна по офицерам, находящимся во дворах и садах.

При штурме Имамбарра и Кайсарбага индусы так стремительно бежали, что дворец не был даже взят силой, а в него просто вошли. Но самая интересная сцена только началась, ибо, как невозмутимо замечает Россель, захват Кайсарбага был настолько неожидан, что не было даже времени принять меры против беззащитного грабежа. Это наверное был веселый спектакль для истинного, свободолюбивого Джона Булля, наблюдавшего, как его британские гренадеры свободно распоряжались драгоценностями, дорогим оружием, одеждами и прочим домашним скарбом его величества короля Ауда. Сикхи, гуркасы и лагерная челядь были вполне готовы подражать им, и последовавшая сцена грабежа и разрушения, очевидно, превзошла даже изобразительный талант г. Росселя. Каждое новое продвижение сопровождалось грабежом и опустошением. Кайсарбаг пал 14-го, а спустя полчаса в войсках исчезла всякая дисциплина, и офицеры потеряли над своими людьми всякий контроль. Семнадцатого марта генерал Кемпбелл был вынужден поставить посты, чтобы прекратить грабеж и приостановить всякие действия «до тех пор, пока своеволие не прекратится». Было очевидно, что войска совершенно отбились от рук. Восемнадцатого мы узнаем, что наиболее разнузданные формы грабежа прекратились, но опустошение все же продолжается свободно. В центре города, в то время как авангард дрался с туземцами, стрелявшими из домов, арьергард грабил и разрушал в свое удовольствие. Вечером появляется другой приказ против грабежа; о высылке сильных отрядов из каждого полка, чтобы заставить своих людей вернуться в полк и не выпускать слуг из расположения части, никому не разрешается

оставить лагерь, кроме как по службе. Двадцатого повторение той же картины: В тот же день два британских «офицера и джентльмена», лейтенанты Кейп и Такцел, пошли в город *пограбить* и были убиты в одном доме, а 26-го положение было все еще так плохо, что были изданы самые строгие приказы для прекращения грабежа и насилий, были установлены ежечасные переклички солдат, всем солдатам строго запрещено входить в город, лагерная челядь, появившаяся в городе с оружием, подлежала повешению, солдаты должны носить оружие только на службе, все не имеющие отношения к военной службе должны быть разоружены. Чтобы придать вес этим приказам, на «соответствующих местах» было устроено известное количество треугольников для порки.

Это действительно милое состояние вещей в цивилизованной армии XIX века, и если бы другие войска где-либо совершили одну десятую этих эксцессов, каким бы позором заклеимила их негодующая британская пресса! Но это дела британской армии, и поэтому нам говорят, что они являются только нормальными последствиями войны. Британские офицеры и джентльмены могут без стеснения присваивать себе серебряные ложки, осыпанные бриллиантами браслеты и другие маленькие сувениры, какие им попадутся на месте славы. А если Кемпбелл вынужден разоружить свою собственную армию в разгаре войны, чтобы приостановить всеобщий грабеж и насилия, то наверное для этого были и военные соображения, и никто, конечно, не пожалеет, что бедным парням дали недельку отдыха и небольшую возможность пошалить после стольких трудов и лишений!

Фактически ни в Европе, ни в Америке нет такой звероподобной армии, как британская. Грабеж, насилие, убийство — вещи, которые всюду совершенно изгнаны из армии, — являются издавна установленной привилегией, узаконенным правом британского солдата. Гнусности, совершенные англичанами после штурма Бадайос и Сен-Себастиано в испанской войне, не имеют параллелей в летописях других наций со времени Французской революции. Средневековый обычай отдачи на грабеж города, взятого штурмом, уже всюду исчезнувший, все же остается правилом у британской армии.

Наступательные военные соображения заставили сделать исключение для Дели, но армия, хотя и подкупленная дополнительной платой, все же роптала, и теперь, в Лукноу, она компенсировала себя за то, что упустила в Дели. В течение 12 дней и ночей в Лукноу была не британская армия, а необузданная, пьяная, грубая толпа, превратившаяся в банды грабителей и притом гораздо более необузданные, неистовые и жадные, чем сипаи, которые только что были выгнаны

оттуда. Разграбление Лукноу в 1858 г. остается вечным позором для британской армии.

Если разнузданная солдатчина, в своем культурническом и цивилизаторском продвижении по Индии, могла разграбить только движимую собственность туземцев, то британское правительство, которое шло по следам за нею, захватывало также и их земли. Толкуют о произведенных первой Французской революцией конфискациях земель дворянства и церкви. Толкуют о конфискации Луи Наполеоном собственности Орлеанской династии. Но вот приходит Кanning, британский дворянин, мягкий на словах, в манерах и в чувствах, конфискует по приказу своего начальника, виконта Пальмерстона, земли целого народа, конфискует каждую пядь, каждый клочек, каждый акр земли на пространстве десятков тысяч квадратных миль. Хорошенький кусочек добычи для Джона Булля! Когда лорд Элленборо от имени нового правительства выражает осуждение этой неслыханной меры, сейчас же вскакивает «Times» и куча других меньших британских газет, чтобы оправдать массовый грабеж и ломать копыя за право Джона Булля конфисковывать все, что ему заблагорассудится. Но, конечно, Джон исключительное существо, и то, что для других было бы позором, для него, согласно «Times», является добродетелью.

Тем временем, благодаря полному распаду британской армии из-за грабежа, повстанцы никем не преследуемые, скрылись в разных местах. Они сосредоточились в Рохильканде, а в то же время часть их начала малую войну в Ауде, а другая часть беглецов направилась на Бандельканд. Между тем быстро приближается знойное и дождливое время, и нельзя ожидать, что погода будет столь же благоприятна для европейцев, как это было в прошлом году. Тогда большая часть европейских войск была более или менее акклиматизирована, а в этом году большинство из них только что прибыло в Индию. Нет никакого сомнения, что кампания в июне, июле и августе будет стоить британцам огромного количества жизней, и при необходимости держать в каждом завоеванном городе гарнизоны действующая армия быстро растает. Уже теперь нам сообщают, что ежемесячных пополнений в 1 тысячу человек едва ли будет достаточно, чтобы сохранить за армией ее наличную силу, а что касается гарнизонов, то один Лукноу требует по меньшей мере 8 тысяч человек, т. е. свыше одной трети армии Кемпбелла. Нам сообщают также, что среди британских офицеров крепнет убеждение, что партизанская война, которая неизбежно последует за распылением крупных повстанческих отрядов, будет больше истощать и губить жизнь англичан, чем нынешняя

война с ее боями и осадами. Наконец, и сикхи начинают уже разговаривать языком, который не предвещает для англичан ничего хорошего. Они понимают, что без их помощи британцы едва ли смогли бы удержать Индию, и если бы они присоединились к восстанию, то Индостан был бы, по крайней мере на время, потерян для Англии. Они говорят об этом громко и, конечно, по-восточному преувеличивают это. Для них англичане уже более не кажутся той высшей расой, которая была их при Муудке, Фирузпуре и Аливале. От такого настроения до открытой враждебности у восточных народов только один шаг: искра может вызвать пламя.

В общем взятие Лукноу так же мало покончило с восстанием, как и взятие Дели. Летняя кампания может привести к таким результатам, что британцам придется ближайшей зимой по существу проходить снова по тем же территориям и может быть даже снова завоевывать Пенджаб. Но и при самых лучших обстоятельствах перед нами стоит длительная и утомительная партизанская война, — под солнцем Индии вещь, отнюдь не завидная для европейцев.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5333 от 25 мая 1858 г.

Без подписи.

* АНЕКСИЯ КОРОЛЕВСТВА АУДА АНГЛИЧАНАМИ.

Примерно полтора года тому назад британское правительство провозгласило в Кантоне новую доктрину международного права, согласно которой государство может в широком размере предпринимать против какой-либо области другого государства враждебные действия без объявления ему войны и вообще не находясь по отношению к нему в положении воюющей державы. В настоящее время то же британское правительство, в лице генерал-губернатора Индии лорда Каннинга, сделало еще один шаг вперед в деле упразднения существующего международного права. Оно объявило, что «право собственности на землю в провинции Ауд конфискуется в пользу британского правительства, которое будет располагать им, как ему заблагорассудится».

После падения Варшавы в 1831 г., когда русский император конфисковал «право собственности на землю», до тех пор принадлежавшее многочисленному польскому дворянству, это вызвало в британской печати и парламенте единодушный взрыв негодования. Далее, когда после битвы при Новаре австрийское правительство не конфисковало, а всего лишь обратило в пользу короны доходы с имений тех членов ломбардской знати, которые приняли активное участие в войне за независимость, в Британии это снова вызвало единодушный взрыв негодования. Наконец, когда после 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеон конфисковал имения Орлеанского дома, которые, согласно французскому праву, при вступлении на престол Луи-Филиппа, должны были быть присоединены к государственному домену, но избежали этой участи благодаря юридическому крючкотворству, негодование в Британии на сей раз превзошло все границы, и лондонский «Times» объявил, что этот акт разрушает самые основы социального порядка и делает дальнейшее существование гражданского общества невозможным. Ныне это благородное негодование получило иллюстрацию на практике. Единым росчерком пера Англия конфисковала не только имения нескольких лиц, не только земли королевской фамилии, но всю территорию королевства величиною почти с Ирландию, «наследие целого народа», как называет его сам лорд Элленборо.

Посмотрим, однако, какой предлог, — основанием назвать это нельзя, — выдвигает лорд Каннинг от имени британского правительства в оправдание столь неслыханного образа действий: во-первых, «Лукноу находится во власти армии»; во-вторых, «сопротивление, начатое бунтом солдат, нашло поддержку со стороны жителей города и всей провинции в целом»; в-третьих, «население Ауда повинно в тяжком преступлении и само накликало на себя справедливое возмездие». На простом английском языке все это означает: так как британская армия завладела Лукноу, то правительство имеет право конфисковать всю землю в Ауде, которая еще не находится в ее руках. Далее, так как туземные солдаты, состоящие на жалованьи у англичан, взбунтовались, то туземцы Ауда, которые были подчинены британскому господству силой, не имеют права поднять восстание за свою национальную независимость. Словом, народ Ауда возмутился против законной власти британского правительства, и британское правительство ныне громогласно объявляет, что возмущение является достаточным основанием для конфискации. Таким образом, оставляя в стороне многоречивость лорда Каннинга, весь вопрос заключается в его предположении, что британское владычество в Ауде было установлено законом.

Но британское владычество было установлено в Ауде следующим способом: когда в 1856 г. лорд Далузи счел что наступил момент, чтобы действовать, он сосредоточил в Каунпуре армию, которая, как было сказано королю Ауда, должна была служить обсервационным корпусом против Непала. Внезапно эта армия вторглась в Ауд, завладела Лукноу и захватила короля в плен. Его уговаривали уступить свою страну англичанам, но безрезультатно. Тогда его отвезли в Калькутту, а его страна была присоединена к территориям Ост-Индской компании. Это предательское вторжение было произведено на основании ст. 6 договора 1801 г., заключенного лордом Уэллсли. Самый же договор был естественным продолжением другого договора, заключенного в 1798 г. сэром Джоном Шором. Согласно обычной политике англо-индийского правительства в его сношениях с туземными князьями этот первый договор 1798 г. представлял собою оборонительный и наступательный союз на обоюдных началах. Ост-Индской компании он обеспечивал ежегодную субсидию в 76 лаков¹ рупий (3 800 000 долл.); но, в силу ст. 12 и 13 договора, король обязался уменьшить налоговое обложение страны. Само собою разумеется, оба эти условия, находясь в противоречии друг с другом, не могли одновременно

¹ Лак — 100 тысяч рупий. *Ред.*

выполняться королем. Этот результат, заранее предвиденный Ост-Индской компанией, дал повод для новых осложнений, приведших к договору 1801 г., в силу которого король обязался уступкой территории возместить якобы совершенное им нарушение прежнего договора, — уступкой, которая, кстати сказать, была тогда же обличена в парламенте как акт подлинного разбоя и привела бы лорда Уэллсли в качестве обвиняемого в следственную комиссию, если бы его не выручило политическое влияние которым в то время обладала его семья.

Взамен этой уступки территории Ост-Индская компания, в силу ст. 3, взяла на себя защиту оставшихся за королем территорий против всякого внешнего и внутреннего врага и, в силу ст. 6, гарантировала королю и его наследникам и преемникам владение этими территориями на вечные времена. Но та же самая ст. 6 содержала также ловушку для короля, а именно: король обязывался установить такую систему управления, осуществляемую его собственными чиновниками, которая приведет к благоденствию его подданных и к обеспечению жизни и собственности жителей. Предположим теперь, что король Ауда нарушил этот договор, что он своим управлением не обеспечил жизни и собственности жителей (скажем, к примеру, расстреливал их из пушек и конфисковал все их земли); какими средствами против этого располагала Ост-Индская компания? По договору король считался независимым государем, свободно действующим лицом одной из договаривающихся сторон. Ост-Индская компания, объявив договор нарушенным и вследствие этого аннулированным, имела перед собой лишь два пути: она могла либо путем переговоров, оказывая определенное давление, притти к новому соглашению, либо объявить королю войну. Но вторгнуться в его территорию без объявления войны, неожиданно для короля захватить его в плен, лишит его престола и присоединить к своим владениям его страну — все это явилось нарушением не только договора, но и всех принципов международного права.

Один любопытный факт доказывает, что аннексия Ауда не была внезапным решением британского правительства. Как только лорд Пальмерстон стал в 1831 г. министром иностранных дел, он немедленно отправил тогдашнему генерал-губернатору Индии распоряжение аннектировать Ауд. Его подчиненный отказался в то время исполнить это распоряжение. Слухи об этом, однако, дошли до короля Ауда, который воспользовался каким-то предлогом, чтобы отправить в Лондон миссию. Несмотря на все препятствия, миссии удалось довести до сведения английского короля Виллиама IV, пребывавшего

в полном неведении относительно всего происходившего, какая опасность угрожала королевству Ауд. В результате произошла бурная сцена между королем и Пальмерстоном, которая окончилась тем, что последний получил строжайшее предписание, под страхом немедленной отставки, никогда более не предпринимать подобного *coup d'état* [государственного переворота]. Здесь важно напомнить, что нынешняя аннексия Ауда и конфискация всей земельной собственности страны произошла как раз, когда Пальмерстон снова пришел к власти. Несколько недель тому назад палатой общин были затребованы документы, относящиеся к первой попытке аннектировать Ауд в 1831 г., но г. Бейли, секретарь департамента контроля, объявил, что документы исчезли.

В 1837 г., когда Пальмерстон вторично был секретарем по иностранным делам, а лорд Окленд—генерал-губернатором Индии, король Ауда был опять вынужден заключить с Ост-Индской компанией новый договор. Этот договор дополняет ст. 6 договора 1801 г., потому что «она не предусматривает никаких санкций за содержащееся в ней обязательство» (хорошо управлять страной), и поэтому ст. 7 специально предусматривает,

«что король Ауда должен совместно с британским резидентом немедленно наметить наилучшие средства для устранения недостатков в полиции и в судебном и финансовом управлении своих владений; и если его величество не последует советам и указаниям британского правительства и если грубое и систематическое притеснение, анархия и неурядица водворятся в пределах королевства Ауд настолько, что общественное спокойствие окажется в опасности, то британское правительство сохраняет за собою право назначить собственных должностных лиц для управления любой большой или малой частью территории Ауда, в которой будет обнаружена такого рода неурядица, на срок, какой ему покажется необходимым, причем остатки полученных доходов, после покрытия всех расходов, будут в таких случаях вноситься в королевское казначейство, и его величеству будет представлен верный и добросовестный отчет в доходах и расходах».

Далее, ст. 8 договора предусматривает,

«что в случае, если генерал-губернатор Индии будет вынужден воспользоваться возложенной на него ст. 7 властью, то он, по мере возможности, будет стараться сохранять и, по мере сил, улучшать туземные учреждения и формы управления на данных территориях, дабы этим облегчить возвращение их государю Ауда, когда наступит подходящий момент для этого».

Этот договор был заключен между генерал-губернатором Британской Индии, с одной стороны, и королем Ауда— с другой. В качестве такового он был по всей форме ратифицирован обеими сторонами, и в надлежащее время был произведен обмен ратификациями. Но когда договор был предложен на утверждение правления

директоров Ост-Индской компании, то он был им аннулирован (10 апреля 1838 г.) как нарушение дружеских отношений между компанией и королем Ауда и посягательство генерал-губернатора на права этого монарха. Пальмерстон не спрашивал у компании разрешения заключить этот договор; он и не обратил внимания на это постановление о его аннулировании. Равным образом, и король Ауда не был уведомлен о том, что договор был когда-либо аннулирован. Последний факт доказан самим лордом Далузи (протокол от 5 января 1856 года):

«Весьма вероятно, что король в ходе предстоящих переговоров с резидентом сошлется на договор, заключенный с его предшественником в 1837 г.; резидент знает, что договор не остался в силе, ибо он был аннулирован правлением директоров немедленно после его получения в Англии. Далее, резидент знает, что, хотя король Ауда в свое время был уведомлен, что некоторые отягчающие условия договора 1837 г. в отношении увеличения военных сил не будут выполняться, однако факт *полной отмены договора никогда не был доведен до сведения его величества*. В настоящее время последствия этого умолчания и отсутствие полной своевременной информации ставит нас в затруднительное положение, — тем более, что аннулированный документ был включен в собрание договоров, изданное в 1845 г. по распоряжению правительства».

В том же самом распоряжении, в разделе 17, говорится следующее:

«Если бы король упомянул о договоре 1837 г. и спросил, если теперь требуются дальнейшие мероприятия по управлению Аудом, почему не применяются те обширные полномочия, которыми упомянутый договор наделил британское правительство, то надлежит осведомить его величество, что договор прекратил свое существование с тех пор, как он был сообщен правлению директоров, которое полностью его аннулировало. Его величеству необходимо напомнить, что двор в Лукноу был в свое время уведомлен о том, что будут аннулированы некоторые статьи договора 1837 г., которыми на короля были возложены расходы по содержанию добавочных военных сил. Надо полагать, что в то время не было признано нужным сообщить его величеству что-либо о тех статьях договора, которые не подлежали немедленному вступлению в силу, а позже сделать такое сообщение было упущено по недосмотру».

Но этот договор был не только включен в официальное собрание актов, изданных в 1845 г., но он также официально упоминался, как существующий, в сообщении лорда Окленда королю Ауда от 8 июля 1839 г. в представлениях, сделанных лордом Гардингом (тогдашним генерал-губернатором) тому же королю 23 ноября 1847 г., и в сообщении полковника Слимана (резидента в Лукноу) самому лорду Далузи 10 декабря 1851 года. Спрашивается, зачем лорду Далузи понадобилось с таким упорством отрицать сохранение в силе договора, который все его предшественники и даже его собственные агенты в своих сношениях с королем Ауда признавали существующим? Исключо-

чительно затем, что, согласно этому договору, какой бы предлог король Ауда ни подал для вмешательства британского правительства, это вмешательство ограничивалось передачей управления британским должностным лицам от имени короля Ауда, которому надлежало получать излишние доходы. Но как раз это представляло полную противоположность тому, что требовалось теперь. Теперь англичан могла удовлетворить только аннексия Ауда. Это отрицание силы договоров, которые составляли официально признанную основу взаимоотношений в течение 20 лет; этот насильственный захват независимых территорий с явным нарушением признанных договоров; наконец, эта конфискация каждого акра земли во всей стране, — все эти предательские и жестокие приемы обращения британцев с туземцами Индии начинают теперь мстить за себя не только в Индии, но и в самой Англии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5336 от 28 мая 1858 г.

Без подписи.

* АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ИНДИИ.

В прошлую субботу мы напечатали несколько важных документов, относящихся к манифесту лорда Каннинга по поводу Ауда. Этот манифест вновь вызвал обсуждение вопроса о землевладении в Индии, — вопроса, который в прошлом давал повод к большим спорам и разногласиям, неправильное понимание которого, по мнению многих, повлекло за собой серьезные практические ошибки в управлении частями Индии, находящимися под непосредственным господством Англии. Главное в этом споре, это — вопрос о том, каково, собственно, положение так называемых земиндаров, талукдаров или сирдаров в общей экономической системе Индии? Следует ли рассматривать их как настоящих земельных собственников или только как простых сборщиков податей?

Все согласны в том, что в Индии, как и в большинстве азиатских стран, право собственности на землю, в конечном счете, принадлежит правительству. Но в то время как одна сторона в данном споре утверждает, что правительство надо рассматривать как настоящего землевладельца, сдающего землю участками земледельцам, другая сторона стоит на той позиции, что, по существу, в Индии земля в такой же степени составляет частную собственность, как и во всякой другой стране; приписываемое же правительству право собственности есть лишь производное от факта политического суверенитета, теоретически признанное во всех странах, кодексы которых основаны на феодальном праве, и материально признанное во всех без исключения странах, где по существу правительство имеет право взимать подати с земли в размере, соответствующем его нуждам, совершенно независимо от каких-либо соображений — за исключением политических — об удобствах владельцев.

Однако, допуская, что земли в Индии являются частной собственностью, основанной на таком же безупречном частно-правовом титуле, как и повсюду, кого же надлежит считать настоящим собственником? Существуют две категории лиц, предъявляющих притязание на этот титул. Одна из них, это — класс, известный под именем земиндаров и талукдаров, которые по своему положению приравнялись

к земельной аристократии и мелкому дворянству в Европе. Их и считают действительными собственниками земли, подлежащими лишь известному обложению в пользу правительства, и в качестве собственников имеющими право по своему произволу сменять непосредственных земледельцев, которые с данной точки зрения рассматриваются только как арендаторы по воле землевладельца которые обязаны вносить в виде ренты платежи любого размера, какие земиндару ваблагорассудится наложить на них. Эта точка зрения, естественно, совпавшая с английскими правовыми понятиями о важности и необходимости земельного мелкого дворянства как главной опоры социального здания, была положена в основу знаменитого землеустройства Бенгалии 70 лет тому назад в генерал-губернаторство лорда Корнуэльса, — землеустройства, которое еще остается в силе, но которое, как утверждают многие, причинило большую несправедливость одинаково как правительству, так и действительным непосредственным земледельцам. Более тщательное изучение институтов Индостана наряду с отрицательными явлениями как социального, так и политического характера, вызванными бенгальским землеустройством, привело к тому мнению, что, согласно первоначальным индусским институтам, собственность на землю принадлежала деревенским общинам, обладавшим правом сдавать ее участками отдельным лицам для обработки; земиндары же и талукдары, по самому своему происхождению, являлись всего лишь должностными лицами правительства, назначенными для того, чтобы заботиться, собирать и передавать властителю налоги, следуемые с деревни.

Эта точка зрения оказала значительное влияние на урегулирование землевладений и поступлений, произведенное в последние годы в тех индийских провинциях, непосредственное управление которыми было принято на себя англичанами. Держались того мнения, что исключительные права собственности, на которые притязали, земиндары и талукдары происходят из узурпации произведенной в ущерб как правительству так и земледельцам, и все усилия были приложены к тому, чтобы освободиться от них, как от кошмара тяготеющего на непосредственных земледельцев и препятствующего общему прогрессу страны. Поскольку, однако, эти посредники каково бы ни было происхождение их прав, могли ссылаться в защиту своих интересов на право давности, не было возможности не признать за их претензиями некоторой доли законности, как бы они ни были неудобны, произвольны и притеснительны для народа В Ауде, при слабой власти туземных князей, эти феодальные помещики зашли очень далеко в деле сокращения как требовани

правительства, так и прав земледельцев, и когда, после недавней аннексии страны, этот вопрос был подвергнут пересмотру, то комиссия, которой было поручено провести новое землеустройство, вскоре вступила с ними в резкие пререкания относительно действительного объема их прав. Отсюда и возникло среди них недовольство, которое побудило их присоединиться к восставшим сипаям.

Сторонники вышеуказанной теории деревенской общины, которые рассматривают непосредственных земледельцев как обладателей права собственности на землю, превалирующего над правом посредников, через которых правительство получает свою долю земледельческих продуктов, — эти сторонники защищают манифест лорда Каннинга, за то что он удачно использовал положение, в которое поставило себя в Ауде большинство земиндаров и талукдаров, для открытия пути гораздо более широким реформам, чем те какие были бы возможны при других обстоятельствах: владельческие права, конфискованные этим манифестом, являются-де лишь правами земиндаров и талукдаров и затрагивают лишь очень небольшую часть населения, к тому же даже не состоящую из непосредственных земледельцев.

С другой стороны, независимо от вопросов справедливости и человечности, позиция, занятая в отношении манифеста лорда Каннинга министерством Дерби, в достаточной мере соответствует общим принципам, исповедуемым торийской или консервативной партией относительно неприкосновенности благоприобретенных старых прав и важности поддержания клана земельной аристократии. Говоря о земельных интересах на родине, они всегда имеют в виду прежде всего помещиков и получателей ренты, а не ее плательщиков или непосредственных земледельцев, и потому неудивительно, что они склонны ставить интересы земиндаров и талукдаров, как бы ни было незначительно их число, наравне с интересами главной массы народа.

Здесь и заключается одно из крупнейших неудобств и затруднений управления Индией из Англии. При рассмотрении индийских вопросов могут легко оказывать влияние чисто английские предрассудки и убеждения в применении к такому состоянию общества и такому положению вещей, к которым они фактически имеют весьма мало реального отношения. В опубликованном сегодня сообщении лорд Каннинг с внешней стороны весьма убедительно отстаивает намеченную в его манифесте политику против возражений комиссара Ауда сэра Джемса Утрема, хотя, повидимому, уступая его представлениям, он включил в свой манифест смягчающую фразу,

отсутствовавшую в присланном в Англию первоначальном тексте, который лег в основу депеши лорда Элленборо.

Мнение лорда Каннинга о том, как надо отнестись к поведению землевладельцев Ауда, присоединившихся к восстанию, повидимому, не сильно расходится с мнением сэра Джона Утрема и лорда Элленборо. Он утверждает, что их положение совсем иное, нежели мятежных сипаев или даже жителей восставших округов, где британское управление существовало уже давно. Он признает, что они имеют право на обращение с ними как с лицами, действовавшими не без провокации; но в то же самое время он настаивает, чтобы им дать почувствовать, что нельзя затевать мятеж, не навлекая на себя тем самым серьезных последствий. Мы вскоре узнаем, какое действие оказало издание этого манифеста и кто был ближе к истине в своих суждениях о его возможных последствиях лорд Каннинг или сэр Джеймс Утрем.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5344 от 7 июня 1858 г.

Без подписи.

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ.

I.

Несмотря на крупные военные операции англичан при взятии сначала Дели, а затем Лукноу, городов, последовательно служивших главными центрами восстания сипаев, умиротворение Индии еще далеко не закончено. Фактически можно почти даже сказать, что настоящие трудности здесь только еще начинаются. Пока восставшие сипаи держались вместе крупными массами, пока война состояла из осад и правильных сражений в большом масштабе, огромное превосходство английских войск в такого рода операциях давало им все преимущества. Но при том новом характере, какой в настоящее время принимает война, эти преимущества в значительной степени будут, вероятно, утрачены. Взятие Лукноу еще не влечет за собой добровольное подчинение Ауда, и даже добровольное подчинение последнего не приведет к умиротворению Индии. Все королевство Ауда усеяно крепостями большего или меньшего значения, и хотя, быть может, ни одна из них не в состоянии будет долго держаться против регулярной атаки, взятие в одиночку одну за другой этих крепостей не только будет весьма утомительным процессом, но и повлечет за собой пропорционально гораздо большие потери, нежели операции против таких крупных городов, как Дели и Лукноу.

Но не одно только королевство Ауда придется завоевывать и умиротворять. Разбитые сипаи, вытесненные из Лукноу, рассеялись и бежали во всех направлениях. Большое число их нашло себе убежище в холмистых округах на севере Рохильканда, который все еще целиком остается во власти повстанцев. Другие бежали в Горакпур, округ на востоке, который британские отряды проходили, уже направляясь к Лукноу, но который ныне приходится завоевывать вторично; многим удалось пробраться также на юг, в Бандельканд.

Фактически же спорят о том, как лучше действовать, и не целесообразнее ли было бы в свое время подчинить сначала все районы на периферии, которые могли дать повстанцам убежище, и потом уже направить операции против их главных сил, собравшихся в Лукноу. Таков, говорят, и был план операций, который предпочитали

военные. Однако трудно понять, каким образом можно было с тем ограниченным числом войск, которое находилось в распоряжении англичан, так эффективно занять эти окружающие районы, чтобы не дать возможности бежавшим сипаям, по окончательном вытеснении их из Лукноу, проникнуть туда, и чтобы не надо было завоевывать их снова, как например Горакпур.

Со времени взятия Лукноу главные силы повстанцев, повидимому, отступили на Барейли. Передают, что и Нена Саиб находился там. Было признано необходимым предпринять летний поход на этот город и округ, находящиеся в расстоянии свыше 100 миль к северо-востоку от Лукноу, и, по последним сообщениям, туда отправился сам сэр Колин Кемпбелл.

Между тем, партизанская война распространяется, повидимому, в различных направлениях. В то время как войска оттягиваются с севера, отдельные партии восставших солдат переправляются через Ганг в Доаб, прерывая сообщение с Калькуттой и своими опустошениями лишая земледельцев возможности уплачивать поземельный налог или, по крайней мере, создавая для них предлог не вносить его.

Даже взятие Барейли не только не явится средством против этих бедствий, но скорее, пожалуй, еще увеличит их. Преимущество сипаев заключается именно в этом беспорядочном способе ведения войны. Они могут побить английские войска в передвижении, точно так же как англичане могут побить их в боях. Английская колонна не в состоянии передвигаться со скоростью 20 миль в день, а отряд сипаев может делать 40, а при большом усилии и 60 миль в день. Эта быстрота движения и составляет главную ценность сипайских войск, что, в соединении с их способностью переносить климат и сравнительной легкостью их продовольствования, делает их незаменимыми для войны в Индии. Убыль английских войск в походах и особенно во время летних кампаний огромна. Уже теперь остро чувствуется недостаток в людях. Быть может, придется преследовать бегущих повстанцев с одного конца Индии до другого. Для этой цели европейские войска едва ли окажутся пригодными, в то же время соприкосновение бродящих всюду повстанцев с туземными полками Бомбея и Мадраса, которые до сих пор оставались верными, может привести к новым восстаниям.

Но и без присоединения новых повстанцев в стране все еще имеется не менее 150 тысяч вооруженных людей, а безоружное население не оказывает англичанам помощи и не дает им сведений.

Кроме того, отсутствие дождя в Бенгалии грозит голодом —

бедствием, не известным в нынешнем столетии, хотя в прошлом и даже после занятия Индии англичанами оно являлось источником страшных страданий.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5351 от 15 июня 1858 г.

Без подписи.

II.

Любовь к изобретательности побудила недавно нашего нескромного друга Вильяма Росселя из лондонского «Times» еще раз дать картину разграбления Лукноу до того откровенную, что иностранцы получают не особенно лестное представление о британском национальном характере. Оказывается, что и Дели был изрядно ограблен и что кроме Кайсербага город Лукноу также внес свою лепту в фонд вознаграждения британских солдат за их предыдущие лишения и героические усилия. Приводим слова Росселя:

«Имеются роты, которые могут похвастаться наличием в своих рядах солдат, обладающих ценностями на тысячи фунтов. Я слышал о случае, когда один солдат любезно предлагал офицеру взаймы «накую угодно сумму, если тот желает подкупить капитана». Другие солдаты переслали крупные суммы своим друзьям. Еще до того, как это письмо придет в Англию, множество брильянтов, изумрудов и отборных жемчугов спокойным и приятным образом расскажут свою повесть о штурме и разграблении Кайсербага. Как хорошо, что прелестные носительницы этих блестящих безделушек... не видели, каким образом они были добыты, и не представляют себе сцен, сопровождавших захват этих сокровищ... Некоторые офицеры в буквальном смысле нажили себе состояния... В изношенных чмоданах, где лежит военное обмундирование, спрятаны иной раз маленькие шкатулки, которые содержат в себе целые имения в Шотландии и Ирландии, уютные охотничьи и рыболовные дачи во всех богатых дичью и рыбой уголках мира».

Этим объясняется бездействие британской армии после взятия Лукноу. Две недели, посвященные грабежу, были потрачены даром. Офицеры и рядовые вошли в город бедняками или обремененными долгами, а вышли из него неожиданно богачами. Это были уже не прежние люди; и от них ожидали, что они вернутся к прежним военным обязанностям, к покорности, молчаливому повиновению, готовности выносить усталость, лишения и бои. Однако ни о чем подобном не могло быть более речи. Армия, распущенная для грабежа, изменяется навсегда; ее не могут вернуть в прежнее состояние никакие слова команды и никакой авторитет генерала. Послушайте еще раз Росселя:

«Любопытно наблюдать, до какой степени богатство развивает болезни, в какой мере печень человека может быть поражена учиненным грабежом и какие огромные опустошения в семье, среди самых близких, самых дорогих, могут причинить несколько сверкающих кристаллов углерода... Тяжелый кожаный пояс вокруг талии рядового солдата, набитый рупиями и золотыми мураями, ручается ему за то, что витающий перед ним образ (уютной

независимости на родине) может стать действительностью, и неудивительно, в таком случае, что его раздражает команда «становись, равняйся!»... Два сражения, две доли в денежной награде, грабеж двух городов и много случаев наживы мимоходом сделали некоторых наших людей слишком богатыми для солдатского ремесла.

Неудивительно, что, как говорят, свыше 150 офицеров подали сэру Колину Кемпбеллу прошение об отставке, — весьма исключительный поступок в армии, стоящей лицом к лицу с неприятелем. В других армиях он повлек бы за собой разжалование в 24 часа и другие строжайшие наказания, но, как видно, в британской армии на него смотрят как на нечто вполне естественное для «офицера и джентльмена», который внезапно составил себе состояние. Что касается рядовых солдат, то их поведение иное. Грабеж порождает жажду нового грабежа; и если для этой цели в данный момент уже не остается сокровищ индусов, то почему не начать грабить сокровища британского правительства? Неудивительно, что, как рассказывает Россель:

«Было два случая подозрительной аварии повозок с денежными ящиками, охранявшихся европейской стражей, причем оказалась недостача некоторого количества рупий, вследствие чего казначеи для ответственной задачи по охране казенных сумм предпочитают туземных солдат!

Хорошее дело! Индусский или сикхский солдат лучше дисциплинирован, он в меньшей мере вор и хищник, нежели британский солдат, этот несравненный образец воина! Впрочем, до сих пор мы видели, как действует отдельный британец. Бросим же взгляд на британскую армию «грабящую» всем коллективом:

Захваченное имущество растет с каждым днем и, согласно оценкам, продажа его даст, как полагают, 600 тысяч. Говорят, что город Каупнур завален добром, награбленным в Лукноу; и если бы возможно было исчислить ущерб, причиненный общественным зданиям, разрушение частной собственности, обесценение домов и земель, результат обезлюдения, то оказалось бы, что национальный капитал уменьшился на 5 или 6 млн. ф. стерлингов.

Калмыцкие орды Чингиз-хана и Тимура, налетавшие на города, подобно тучам саранчи, и пожиравшие все, что попадалось им на пути, были вероятно благодеянием для страны по сравнению с нашествием этих христианских, цивилизованных, рыцарственных британских солдат. Первые, по крайней мере, быстро проходили свой хаотический путь, но эти методические англичане повсюду приводят с собой своих призовых агентов, которые превращают грабеж в систему, регистрируют награбленное, продают его с аукциона и бдительно следят за тем, чтобы британский героизм не был обманут ни на копейку причитающейся ему награды. Мы с любопытством будем наблюдать, на что окажется способной эта армия с ее дисциплиной, ослабленной массо-

вым грабежом, в момент, когда трудности похода в жаркое время года потребуют величайшей строгости.

Впрочем, индусы к этому времени должны быть еще менее пригодными для регулярных военных действий, чем они были у Лужноу. Но главный вопрос заключается теперь не в этом. Гораздо важнее знать, что надо предпринять в случае, если повстанцы, оказавши видимость сопротивления, снова переменят район военных действий, перенесут его, например, в Раджпутану, которая еще далеко не покорена. Сэр Колин Кемпбелл должен повсюду оставлять гарнизоны; его полевая армия растаяла до половины и даже менее половины того состава, который она имела у Лужноу. Если ему придется оккупировать Рохильканд, то какие силы останутся для полевой войны? Теперь он застигнут жарким временем года; в июне дожди приостановят активные военные операции и дадут повстанцам передышку. Потери среди европейских солдат из-за болезней будут возрастать после середины апреля, когда погода становится невыносимо знойной, и, в частности, молодые солдаты, привезенные в Индию прошлой зимой, будут падать жертвой губительного климата в гораздо большей степени, нежели закалившиеся участники индийских походов, которые прошлым летом сражались под командой Хавелока и Вильсона. Рохильканд является пунктом не менее решающим, чем были Лужноу или Дели. Правда, восстание значительно утратило способность к открытым боям, но оно гораздо страшнее в своей настоящей разбросанной форме, которая вынуждает англичан изводить свою армию походами в неблагоприятных условиях климата и погоды. Посмотрите на это множество новых центров сопротивления: это Рохильканд, где собралась масса старых сипаев; это северо-восточный Ауд по ту сторону Гогры, где население Ауда заполнило позиции; это, наконец, Кальпи, которая в настоящее время служит местом концентрации для повстанцев Банделькунда. Весьма вероятно, что через несколько недель, если не раньше, мы услышим, что как Барейли, так и Кальпи пали. Падение Барейли будет иметь мало значения, поскольку эта задача поглотит все или почти все силы, находящиеся в распоряжении Кемпбелла. Кальпи же, которому угрожают теперь генерал Уайтлок, приведший свою колонну из Нагпура в Банду, находящегося в Банделькунде, и генерал Рооз, подходящий со стороны Джанси и уже нанесший поражение передовому отряду кальпийских войск, явится более важной добычей; падение Кальпи освободит оперативную базу Кемпбелла, Каунпур, от единственной угрожающей ей опасности и таким образом, быть может, позволит ему пополнить свои полевые войска некоторым количеством

освободившихся отрядов. Однако весьма сомнительно, будет ли у него достаточно войск, чтобы сделать что-нибудь еще кроме очистки Ауда от повстанцев.

Таким образом, самая сильная английская армия, какая когда-либо была сконцентрирована в Индии в одном пункте, теперь снова разбросана по всем направлениям и имеет перед собою столько дел, что вряд ли она будет сражаться с повстанцами. Опустошения, причиненные климатом во время летней жары и дождей, должны быть ужасны; и, каково бы ни было моральное превосходство европейцев над индусами, все же позволительно спросить, не окажется ли физическое превосходство индусов не боящихся жары и дождей индийского лета тем средством которое поможет истребить английские военные силы. В настоящее время на пути в Индию находится лишь немного британских войск, и раньше июля или августа не предполагается посылать туда крупных подкреплений. Поэтому до самого октября и ноября Кемпбелл остается только с одной этой армией, с которой ему приходится держаться, но которая быстро тает. Что, если тем временем восставшим индусам удастся поднять восстание в Раджпутане и в Маратте? Что, если восстанут сикхи, 80 тысяч которых состоят теперь на британской службе, которые склонны присваивать себе всю честь побед и проявляют в отношении англичан не совсем дружеское настроение?

В общем итоге англичанам, повидимому, предстоит по меньшей мере еще одна зимняя кампания в Индии, а ее невозможно провести без присылки из Англии новой армии.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5361 от 26 июня 1858 г.

Без подписи.

III.

Война в Индии переходит постепенно в ту стадию беспорядочной партизанской войны, на близость и особо опасную фазу развития которой мы неоднократно указывали. После ряда последовательных поражений в боях и при обороне городов и укрепленных лагерей армии повстанцев постепенно раздробляются на более мелкие отряды, от 2 до 6 или 8 тысяч человек в каждом, действующие до известной степени независимо друг от друга, но всегда готовые объединиться для кратковременной операции против того или иного британского отряда, который можно застигнуть в одиночку. Оставление Барейли без боя, после того как активные полевые войска сэра К. Кемпбелла были отвлечены от Лукноу на 80 миль, явилось в этом отношении поворотным пунктом для главной армии повстанцев; оставление Кальпи имело то же значение для второй большой группы войск туземцев. В обоих случаях повстанцы покинули последнюю обороноспособную центральную базу своих операций, и так как вследствие этого ведение войны силами целой армии стало невозможным, то они отступили по разным направлениям, разбившись для этого на меньшие отряды. Эти подвижные колонны не нуждаются в большом городе в качестве центральной базы для операций. Они могут находить средства к существованию и пополнению своего снаряжения и людского состава в тех районах, по которым они движутся; небольшой город или большая деревня может стать для каждого из них таким же ценным центром для реорганизации, как Дели, Лукноу или Кальпи для более крупных армий. При такой перемене положения война в значительной степени теряет свой интерес; нет возможности следить во всех деталях за движением различных колонн повстанцев, отчеты о которых становятся теперь сбивчивыми; операции британских командиров в значительной степени не поддаются критике вследствие тумана, неизбежно заволакивающего предпосылки, из которых они исходят, единственным критерием остается их успех или неудача, что является, конечно, из всех критериев наиболее обманчивым.

Движения туземцев уже сейчас в значительной мере не поддаются учету. После взятия англичанами Лукноу они отступили в разных направлениях: часть на юго-восток, часть на северо-восток, часть на северо-запад. Последний отряд был самый сильный, и Кемпбелл

последовал за ним в Рохильканд: Повстанцы сосредоточились и реорганизовались в Барейли, но когда появились британцы, то они без сопротивления покинули его и опять отступили в различных направлениях. Подробности, касающиеся этих разнообразных путей отступления, неизвестны. Мы знаем только, что часть туземцев направилась к холмам на границе Непала, в то время как одна или несколько колонн, повидимому, пошли в противоположном направлении к Гангу и Доабу (местность между Гангом и Джумной). Но едва Кемпбелл успел занять Барейли, как повстанцы, отступившие в восточном направлении, соединились с несколькими отрядами на границе Ауда и напали на Шабджеханпур, где был оставлен небольшой британский гарнизон; в этом же направлении спешно продвигались и другие колонны повстанцев. К счастью для гарнизона, уже 11 мая прибыл бригадир Джонс с подкреплениями и разбил туземцев; но последние, в свою очередь получили подкрепления в виде колонн, концентрировавшихся на Шабджеханпур, и 15-го числа снова окружили этот город. В тот же день Кемпбелл, оставив гарнизон в Барейли, выступил на помощь городу. Однако только 24 мая он атаковал и отеснил повстанцев, причем различные их колонны, участвовавшие в этом маневре, снова рассеялись в разных направлениях.

В то время, как Кемпбелл был занят этим на границах Рохильканда, генерал Хоуп-Грант водил свои войска взад и вперед по Южному Ауду без всяких результатов, кроме причинения самому себе потерь, вызванных изнурением людей от зноя индийского лета. Повстанцы были для него слишком проворны. Они находились повсюду, только не там, где он разыскивал их, и, когда он ожидал найти их впереди, они уже давно оказывались у него в тылу. Дальше вниз по Гангу генерал Люгард охотился за таким же призраком на пространстве между Динапуром, Джугдиспуром и Буксаром. Туземцы заставляли его все время двигаться и, отвлекши его в сторону от Джугдиспура, одновременно напали на гарнизон последнего. Тогда Люгард повернул обратно, и телеграмма сообщает о том, что 26 мая он одержал победу. Тожеество тактики этих повстанцев с повстанцами Ауда и рохилькандскими колоннами очевидно. Однако победа, одержанная Люгардом, едва ли имеет большое значение. Подобные отряды могут терпеть поражения по многу раз, прежде чем впадать в деморализацию и потерять силы. Таким образом, около середины мая вся армия повстанцев Северной Индии отказалась от войны в крупном масштабе, за единственным исключением армии Кальпи. Эта часть в сравнительно короткое время организовала в названном городе настоящий центр операций. Она располагала там

в изобилии продовольствием, порохом и прочими припасами, множеством пушек и даже линейными и оружейными заводами. Хотя эти войска находились в 25 милях от Каунпура, Кемпбелл оставил их в покое; он только держал их под наблюдением, выставив отряд на Доабе на западном берегу Джумны. Генералы Рооз и Уайтлок давно уже шли походом на Кальпи; наконец, Рооз прибыл и разбил повстанцев в ряде битв у Кальпи. Тем временем наблюдающий отряд на другом берегу Джумны обстреливал из пушек город и форт; внезапно повстанцы очистили и тот, и другой, разбив свою последнюю значительную армию на самостоятельные колонны. Из полученных отчетов неясно, какие пути они избрали; мы знаем только, что некоторые из них направились в Доаб, а другие на Гвалиор.

Таким образом, вся область от Гималаев до Бихара и Виндгайских гор и от Гвалиора и Дели до Джорукпура и Динапура кишит активными отрядами повстанцев, организованными в известной степени на основе опыта 12 месяцев войны и ободренными, несмотря на ряд поражений, нерешительным характером этих поражений и незначительными преимуществами, доставшимися англичанам. Правда, все свои крепости и центры для ведения операций они потеряли; они потеряли большую часть своих запасов и артиллерии, и все важные города находятся в руках их врагов. Но, с другой стороны, во всей этой обширной области англичане занимают только города, а из открытых местностей — только те участки, на которых случайно останавливаются их подвижные колонны: им приходится охотиться за своим подвижным врагом без всякой надежды догнать его; и при этом они поставлены в необходимость предпринять этот изнуряющий способ войны в самое гибельное время года. Индийский туземец с сравнительной легкостью может выносить полуденный зной родного лета, тогда как для европейца подвергаться действию солнечных лучей означает почти верную смерть; туземец может в такое время года делать по 40 миль, тогда как его противник-северянин сваливается с ног после 10 миль; даже горячие дожди и болотистые джунгли сравнительно безвредны для туземцев, между тем как дизентерия, холера и малярия являются неперенным спутником всякого напряжения, которое делает европеец в период дождей или вблизи болот. Мы не имеем точных данных о санитарном состоянии британской армии; но, сравнивая количество людей, пораженных солнечными лучами и неприятельскими пулями в армии генерала Рооза и исходя из донесения, что гарнизон Лукноу страдает от болезней, что 38-й полк при своем прибытии последней осенью насчитывал тысячу человек, а теперь

едва насчитывает 550, а также на основании других данных мы можем прийти к заключению, что летний зной в апреле и мае сделал свое дело среди закаленных зноем старых солдат индийской армии, участников прошлогоднего похода. Кемпбелл с имеющимися у него солдатами не может предпринять форсированные марши, как Хавелок, или предпринять среди дождливого периода осаду, подобную осаде Дели. И хотя британское правительство снова посылает сильные подкрепления, сомнительно, чтобы они оказались достаточно многочисленными, чтобы пополнить убыль, причиненную этой летней кампанией, и продолжать борьбу с врагом, который не принимает боя с англичанами кроме как в условиях, наиболее благоприятных для себя. Способ боев, избранный повстанцами, начинает теперь принимать такой характер, как бой алжирских бедуинов против французов, с той лишь разницей, что индусы далеко не так фанатичны и не представляют собою нацию всадников. Это последнее обстоятельство имеет большое значение в стране, представляющей равнину огромного протяжения. Среди жителей Индии есть множество магометан, из которых можно было бы создать хорошую иррегулярную кавалерию, однако главные народности Индии, поставляющие всадников, до сих пор еще не присоединились к восстанию. Сила их армии заключается в пехоте, а так как этот род оружия мало пригоден для борьбы с англичанами в открытом поле, то он становится помехой в партизанской войне на равнине, ибо в такой стране нервом несистематической партизанской войны является иррегулярная кавалерия. Время покажет, в какой мере этот недостаток будет возмещен повстанцами во время перерыва военных действий, к которому англичан принудит период дождей. Этот перерыв вообще дает туземцам удобный случай реорганизовать и пополнить свои боевые силы. Помимо задачи организовать кавалерию, здесь имеются еще два важных момента. Как только наступит холодная погода, одной партизанской войны станет недостаточно для того, чтобы до конца холодного времени года не дать англичанам передышки; и исургентам необходимы оперативные центры, запасы артиллерии, укрепленные лагеря или города, иначе партизанская война может замереть раньше, чем наступление ближайшего лета снова оживит ее. Из всех провинций Гвалиор является, повидимому, наиболее подходящей областью, если только повстанцы действительно овладели им. Во-вторых, судьба восстания зависит от того, насколько оно способно к дальнейшему расширению. Если разбросанные колонны туземцев не смогут перейти из Рохильканда в Раджпутану и если движение ограничится только северным центральным районом, то нет сомнения, что ближайших

зимних месяцев будет достаточно, чтобы рассеять отряды туземцев и превратить их в бандитов, которые вскоре станут для населения более ненавистны, чем сами бледнолицые завоеватели.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5381 от 21 июля 1858 г.

Без подписи.

* НАЛОГИ ИНДИИ.

По сведениям лондонских газет, индийские процентные бумаги и железнодорожные акции в последнее время обнаруживают на индийском рынке тенденцию к понижению, что далеко не свидетельствует об основательности оптимистической оценки хода партизанской войны в Индии, которую любит высказывать Джон Буль, и, во всяком случае, является признаком упорного недоверия к эластичности финансовых ресурсов Индии. По вопросу об этих ресурсах здесь высказывают два противоположных взгляда. С одной стороны, утверждают, что налоги в Индии высоки и обременительны более чем в какой-либо другой стране мира; что, как общее правило, земледельцы, т. е. масса индийского народа, в большинстве президентств и особенно в тех, которые дольше всего находились под британским управлением, находятся в условиях полного обнищания и деградации и что, следовательно, доходы Индии напряжены до крайнего предела, вследствие чего индийские финансы не могут быть оздоровлены. Этот вывод — довольно неутешительный в момент, когда, по словам Гладстона, в течение ближайших лет одни только чрезвычайные расходы Индии будут ежегодно выражаться в сумме около 20 млн. ф. стерлингов. С другой стороны, утверждают — и это подкрепляется целой вереницей статистических иллюстраций, — что Индия представляет страну, платящую менее всего налогов; что если расходы увеличиваются, то можно увеличить также и доходы; и что крайне ошибочно думать, будто индийский народ не выдержит новых налогов. Брайт, которого можно назвать самым ревностным и влиятельным представителем «неутешительной» теории, в связи со вторым чтением законопроекта о новом индийском правительстве высказался следующим образом:

«Управлять Индией стоило индийскому правительству больше, чем оно могло выжать из ее населения, хотя оно отнюдь не стеснялось ни в отношении налагаемых податей, ни в отношении способов их взимания. Управлять Индией стоит более 30 млн. ф. ст., ибо таков валовой государственный доход; отсюда неизменный дефицит, который приходится покрывать займами, полученными под высокие проценты. Индийский долг ныне доходит до суммы в 60 млн. ф. ст., и этот долг продолжает возрастать, а между тем кредит правительства падает

отчасти потому, что оно неоднократно поступало не совсем честно со своими кредиторами, и теперь также по причине бедствий, только что разразившихся в Индии. Я упомянул валовой доход; но так как этот доход включает поступления от торговли опиумом, которые едва ли являются налогом на индийский народ, то я готов определить обложение, действительно ложившееся на население, в сумме 25 млн. ф. стерлингов. Не следует эти 25 млн. ф. ст. сравнивать с теми 60 млн. ф. ст., которые взимаются в нашей стране. Палата должна помнить, что в Индии можно купить 12-дневный труд за такую же сумму золота или серебра, за какую в Англии можно купить однодневный. Эти 25 млн. ф. ст., затраченные на покупку труда в Индии, купят такое же количество труда, какое в Англии можно купить за 300 млн. ф. ст.; меня могут спросить, какую ценность имеет труд индуса? Я отвечаю: если труд индуса ценится только в 2 пенса в день, то ясно, что мы не можем ожидать, чтобы он платил столько налога, как если бы его труд стоил 2 шиллинга. В Великобритании и Ирландии мы имеем 30 млн. населения; в Индии 150 млн. жителей. У себя здесь мы взимаем в виде налогов 60 млн. ф. ст.; в Индии, исходя из поденного труда населения, мы получаем 300 млн. ф. ст. дохода или в 5 раз больше, нежели мы собираем у себя дома. Принимая во внимание, что население Индии в 5 раз превосходит население Англии, можно сказать, что на душу населения приходится в Индии и в Англии приблизительно одинаковое обложение и что поэтому на индийское население не падает никакого особо тяжелого бремени. Однако в Англии существует колоссальная сила машин и пара, средств перевозки и все, что капитал и человеческая изобретательность могут создать в помощь народному труду. Ничего подобного нет в Индии. В ней вряд ли имеется хотя бы одна приличная дорога».

Надо признать, что этот способ сравнения индийских налогов не совсем правилен. С одной стороны, индийское население в 5 раз превосходит население Англии, с другой — индийское налоговое обложение составляет лишь половину британского. Но, говорит Брайт, зато труд в Индии равен приблизительно только одной двенадцатой труда в Англии. Следовательно, 30 млн. ф. ст. налогов в Индии равняются 300 млн. ф. ст. налогов в Великобритании, а не 60 млн. ф. ст., взимаемых в действительности. К какому же заключению должен был прийти Брайт? Он должен был заключить, что пропорционально своей численности народ Индии платит *такую же* сумму налогов, как и население Великобритании, если учесть сравнительную бедность населения Индии и предположить, что 30 млн. ф. ст. ложатся таким же бременем на 150 млн. индусов, как 60 млн. ф. ст. на 30 млн. британцев. Но при таком предположении, несомненно, ошибочно повернуть и сказать, что бедный народ не может платить столько же, сколько богатый; сравнительная бедность индийского народа уже была принята во внимание, когда доказывалось, что индус платит столько же, сколько англичанин. На деле здесь можно спросить другое, а именно, можно ли ожидать, чтобы человек, зарабатывающий 12 центов в день, был в состоянии платить 1 цент

налога с такой же легкостью, с какой другой человек, зарабатывающий 12 долл. в день, уплачивает 1 долл. налога? Пропорционально оба сдавали бы одинаковую долю дохода, но на удовлетворении их потребностей налог отзывался бы в совершенно различной пропорции. Однако Брайт не поставил вопрос в такой форме; если бы он это сделал, то сравнение налогового бремени, лежащего на британском наемном рабочем, с одной стороны, и на британском капиталисте—с другой, быть может, было бы ближе к цели, нежели сравнение между индийскими британским налоговым обложением. Более того, он сам признает, что из суммы индийских налогов в 30 млн. ф. ст. надлежит вычесть 5 млн. ф. ст., составляющих доход с опиума, ибо последний, собственно говоря, является не налогом, отягощающим индийский народ, а скорее экспортной пошлиной, падающей на китайского потребителя. Далее, защитники англо-индийского правительства напоминают нам, что часть его дохода, равная 16 млн. ф. ст. имеет своим источником поступления с земли или ренту, которая с незапамятных времен принадлежала государству как верховному земельному собственнику и никогда не составляла доли частного имущества земледельца, и потому, эта часть дохода так же мало может быть причислена к обложению в собственном смысле, как рента, уплачиваемая британскими фермерами британской аристократии, не может быть отнесена к британскому налоговому обложению. Согласно этой точке зрения обложение Индии должно принять такой вид:

	ф. ст.
Общая сумма взимаемых налогов	30 000 000
Вычет дохода с опиума	5 000 000
» земельной ренты	16 000 000
Собственно налоговое обложение	9 000 000

Опять же необходимо признать, что из этой суммы в 9 млн. ф. ст. некоторые важные статьи, как, например, почтовые сборы, гербовые сборы и таможенные пошлины, лишь в очень малой степени затрагивают массу населения. В соответствии с этим в докладе об индийских финансах, недавно сделанном Британскому статистическому обществу, г. Гендрике пытается доказать, на основании парламентских и других официальных документов, что из всего дохода, поступающего с населения Индии, не более одной пятой взимается в настоящее время в виде налогов, т. е. действительно с дохода населения; он утверждает, что в Бенгалии только 27%, в Пенджабе 23%, в Мадрасе 21%, в северно-западных провинциях 17% и в Бомбее только 16% всего дохода поступают в виде налогов.

Мы заимствуем из доклада г. Гендрикса следующую сравнительную таблицу средней суммы обложения, поступившей с каждого жителя Индии и Соединенного королевства за 1855 — 1856 годы.

Бенгалия, доход с кажлого жителя	5 шилл.	0 пенс.	Собств. облож.	1 шилл. 4 пенс.
Северо-западные провинции . . .	3	»	5	»
Мадрас	4	»	7	»
Бомбей	8	»	3	»
Ценджаб	3	»	3	»
Соединенное королевство	—	»	—	»
				» 1 ф. ст. 10

Генерал Брикс произвел для другого года следующий подсчет средней суммы налога, внесенного каждым отдельным жителем в государственный доход.

В Англии в 1852 г.	1 ф. ст. 19 шилл. 4 пенса
Во Франции	1 » » 12 » — »
В Пруссии	— » » 19 » 3 »
» Индии в 1854 г.	— » » 3 » 8½ »

На основании этих цифр апологеты британского правительства заключают, что в Европе нет ни одной страны, в которой было бы такое легкое обложение народа, как в Индии, даже принимая в расчет сравнительную бедность ее населения. Таким образом, мы видим, что по вопросу об индийском налоговом обложении не только мнения расходятся, но и факты, на которых эти мнения будто бы основываются, противоречат друг другу. С одной стороны, мы должны признать, что номинальная сумма индийского обложения относительно невелика; с другой же стороны, можно привести множество данных как из парламентских документов, так и из произведений крупнейших авторитетов по индийскому вопросу, с очевидностью доказывающих, что это по видимости легкое налоговое обложение давит колоссальной тяжестью на массу индийского народа и что для его взимания приходится прибегать к таким возмутительным способам, как, например, пытка. Но нужны ли еще другие доказательства, помимо постоянного и быстрого роста индийского долга и увеличения индийского дефицита? Никто, конечно, не станет утверждать, что индийское правительство предпочитает увеличивать долг и дефицит, потому что не решается слишком глубоко задевать ресурсы населения. Оно вступает на путь займов, потому что оно, по видимому, не имеет других способов сводить концы с концами. В 1805 г. индийский долг равнялся 25 626 631 ф. ст., в 1829 г. он достиг приблизительно 34 000 000 ф. ст.; в 1850 г. — 47 151 018 ф. ст.; в настоящее же время он составляет приблизительно 60 000 000 ф. стерлингов. Между прочим, мы оставляем

в стороне задолженность Ост-Индии в Англии, которую тоже придется погашать из ост-индских доходов.

Ежегодный дефицит, который в 1805 г. равнялся приблизительно 2 500 000 ф. ст., достиг под управлением лорда Далузи в среднем 5 000 000 ф. стерлингов. Джордж Кемпбелл, чиновник бенгальской службы, человек, весьма расположенный к англо-индийскому правительству, в 1825 г. был принужден сделать следующее признание:

«Хотя ни один из восточных завоевателей никогда не достигал такого полного преобладания, такого спокойного, всеобщего и неоспоримого владычества в Индии, как мы, тем не менее все они разбогатели насчет доходов страны, и многие из них израсходовали из своего избытка значительные суммы на общественные сооружения... Мы так поступать не можем... Общий объем бремени (под британским владычеством) отнюдь не уменьшился, однако *мы все же не располагаем излишками*».

При оценке налогового бремени следует учесть не только его номинальную сумму, но в одинаковой мере и способ его взимания и расходования. Способ взимания налогов в Индии возмутителен, так, например, в области поземельного налога при таком способе, пожалуй, погибает больше продуктов, нежели собирается. Что же касается расходования собранных налогов, то достаточно сказать, что они ни в какой части не возвращаются народу в форме общественно-полезных сооружений, более необходимых в азиатских странах, чем где-либо, и что, по справедливому замечанию Брайта, нигде так щедро не тратится на содержание правящего класса, как в Индии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5383 от 23 июля 1858 г.

Без подписи.

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ.

Во время жарких и дождливых месяцев боевые действия в Индии почти совершенно приостановились. Сэр Колин Кемпбелл, обеспечив энергичными действиями в начале лета все важные позиции в Ауде и Рохильканде, весьма благоразумно расположил свои войска по квартирам, оставив открытую местность во власти повстанцев и сосредоточив свои усилия на поддержание коммуникации. За этот период в Ауде произошел лишь один заслуживающий внимания эпизод; это — экспедиция сэра Хоуп Гранта в Шахджунж для выручки туземного вождя Маун Синга, который после долгих уверток и колебаний, наконец, помирился с англичанами и был теперь блокирован своими бывшими союзниками-туземцами. Экспедиция оказалась простой военной прогулкой, хотя она, вероятно, причинила англичанам большие потери от солнечных ударов и холеры. Туземцы рассеялись, не приняв боя, и Маун Синг соединился с англичанами. Хотя легкий успех этой экспедиции и не может служить показателем того, что легко будет покорить также весь Ауд, но он все же свидетельствует, что повстанцы совершенно пали духом. Если в интересах англичан было важно отдохнуть на время жаркой погоды, то для повстанцев было важно тревожить их как можно больше. Но вместо того, чтобы организовать активные партизанские действия, прервать сообщение между городами, находящимися в руках неприятеля, подстергать мелкие отряды, мешать фуражировке и прервать подвоз продовольствия, без которого не мог бы жить ни один большой город, занятый англичанами, туземцы ограничились сбором налога и наслаждались досугом, предоставленным им неприятелем. Более того они, повидимому, даже стали ссориться друг с другом. Они, повидимому, также не воспользовались этими несколькими неделями перерыва в военных действиях для реорганизации своих сил, для пополнения боевых припасов и восстановления своей потерянной артиллерии. Их бегство при Шахджунже, более чем какое-либо прежнее поражение, показывает, что им недостает уверенности в своих силах и в своих вождях. Тем временем между большинством их вождей и британским правительством ведется тайная переписка;

последнее в конце концов признало нецелесообразным присваивать все земли Ауда и готово предоставить их прежним владельцам на приемлемых условиях. Таким образом, поскольку окончательный успех англичан ныне не подлежит сомнению, восстание в Ауде обещает постепенно замереть, не проходя через стадию активной партизанской войны. Как только большинство землевладельцев заключит соглашение с англичанами, отряды повстанцев распадутся, и те из них, которые имеют слишком много оснований бояться правительства, превратятся в бандитов (дакойтов), в поимке которых крестьянство будет охотно принимать участие.

Юго-западная часть Ауда, джугдиспурские джунгли создают; повидимому, центр для сосредоточения этих бандитов. Эти непроходимые бамбуковые леса с кустарниковыми зарослями заняты отрядом повстанцев под командой Оммар Синга, который проявляет несколько больше активности и знаний в ведении партизанской войны; во всяком случае, вместо пассивного выжидания он сам атакует англичан где только может. Есть опасения, что часть аудских повстанцев соединится с ним раньше, чем его удастся выгнать из этого убежища; в этом случае англичан ожидает более трудная задача, чем та, которую они имели перед собой в последнее время. Эти джунгли уже около 8 месяцев служат убежищем для повстанческих отрядов, которые сделали чрезвычайно опасным движение по большой дороге из Калькутты в Аллахабад, главной коммуникации англичан.

В Западной Индии генерал Робертс и полковник Холмс все еще заняты преследованием гвалиорских повстанцев. Во время взятия Гвалиора весьма важное значение имел вопрос о том, какое направление изберет отступающая армия, ибо вся Маратта и часть Раджпутаны были, повидимому, готовы восстать, как только там появится достаточно сильный отряд регулярных войск, который мог бы образовать ядро для повстанцев. Отступление гвалиорского отряда в юго-западном направлении казалось тогда наиболее подходящим маневром для осуществления такого плана. Однако повстанцы по мотивам, угадать которые на основании имеющихся у нас донесений мы не можем, избрали северо-западное направление. Они направились на Джейпур, а оттуда повернули на юг к Кодейпуру, пытались достигнуть дороги в сторону мараттов. Но это движение круглым путем дало Робертсу возможность настигнуть их и без больших усилий нанести им поражение. Остатки этого отряда без пушек, без боевых припасов и без известных массам вождей неспособны вызвать новые восстания. Наоборот, огромное количество награблен-

ного добра, которое они таскают за собой и которое тормозит все их движения, повидимому, возбудило уже алчность крестьян. Они убивают каждого оставшего от своих войск сипая и забирают себе его запас золотых могуров¹. Если дело дошло до этого, то генерал Робертс может спокойно предоставить окончательное рассеивание этих сипаев сельскому населению. Разграбление сокровищ Синдии его войсками спасает англичан от нового восстания в области, более опасной, чем Индостан, ибо восстание в Маратта подвергло бы бомбейскую армию крайне тяжелому испытанию.

В окрестностях Гвалиора возникло новое восстание. Мелкий вассал Синдии Маун Синг (его не надо смешивать с аудским Маун Сингом) присоединился к повстанцам и завладел небольшой крепостью Паори, которая, впрочем, уже осаждена англичанами и вскоре должна сдаться.

Тем временем постепенно умиряют завоеванные округа. Передают, что сэр Джон Лоренс водворил полное спокойствие в окрестностях Дели, так что европейцы могут путешествовать там в полной безопасности, без оружия и охраны. Секрет заключается в том, что все население каждой деревни коллективно отвечает за всякое преступление или насилие, совершенное на его земле; далее—в том, что англичанами организована военная полиция, и особенно в том, что ускоренная судебная процедура полевых судов, которая столь действует на воображение восточных людей, повсюду находится в полном ходу. Все же этот успех представляется нам исключением, ибо ничего подобного мы не слышали из других округов. Полное успокоение Рохильканда и Ауда, Банделькунда и многих других крупных провинций потребует еще долгого времени и доставит не мало дела британским войскам и полевым судам.

В то время как восстание в Индостане постепенно сокращается до размеров, которые лишают его почти всякого интереса с военной точки зрения, на отдаленных границах Афганистана произошли события, которые могут привести в будущем к большим затруднениям. Среди нескольких сикхских полков в Дере-Измаил-Хане был открыт заговор, ставивший задачу перебить офицеров и восстать против англичан. Мы не можем сказать, как далеко простирались разветвления этого заговора. Быть может, это было чисто местное дело, возникшее среди отдельной группы сикхов, однако определенно мы не можем это утверждать. Во всяком случае, это в высшей степени опасный симптом. На британской службе состоит ныне около 100 тысяч

¹ Индийская золотая монета. *Ред.*

сикхов, и мы уже знаем, какой дерзостью они отличаются; сегодня, по их словам, они сражаются на стороне англичан, а завтра, быть может, они станут сражаться против них, как богу будет угодно. Храбрые, вспыльчивые, непостоянные, они еще скорее, чем прочие восточные племена, поддаются внезапным и неудержимым порывам. Если среди них начнется серьезное восстание, то англичанам будет очень трудно сохранить свое положение. Среди туземцев Индии сикхи всегда были самыми грозными противниками англичан; в прошлом они представляли сравнительно могущественное государство; они принадлежат к особой секте браминизма и одинаково ненавидят и мусульман, и индусов. Теперь им пришлось увидеть британское владычество в состоянии крайней опасности; они значительно содействовали его восстановлению и даже уверены, что их роль в этом деле была решающей. Не будет ли вполне естественным, если у них зародится идея, что наступило время, когда британское владычество должно быть заменено владычеством сикхов, и что император-сикх должен управлять страной имея столицей Дели или Калькутту? Возможно, что эта идея еще далеко не созрела среди сикхов, возможно что они так искусно распределены в войсках, что их значение уравновешивается европейцами и их восстание может быть легко подавлено; однако то, что эта идея существует среди них, должно быть очевидно для всякого, кто читал сообщения о поведении сикхов после Дели и Лукноу.

Но пока что англичане снова завоевали Индию. Великое восстание, начавшееся бунтом бенгальской армии, повидимому, действительно утихает. Но это вторичное завоевание не усилило власти Англии над умами индийского народа. Жестокие репрессии со стороны английских войск, подстрекаемых преувеличенными и ложными рассказами о зверствах, якобы совершенных туземцами, и попытка оптом и в розницу конфисковать королевство Ауд явно не создали особой симпатии к победителям. Напротив, они сами признают, что как среди индусов, так и среди мусульман наследственная ненависть к незванным пришельцам-христианам теперь сильнее, чем когда-либо. Как ни бессильна эта ненависть в настоящее время, она не лишена важности и значения, пока грозное облако висит над сикхским Пенджабом. Но это еще не все. Две великие азиатские державы, Россия и Англия, в настоящее время обе держатся за один, лежащий между Сибирью и Индией, пункт, где русские и английские интересы должны притти в непосредственное столкновение. Этот пункт — Пекин. В непродолжительном времени от этого пункта протянется на запад через весь азиатский континент линия, на которой

постоянно будут происходить столкновения этих соперничающих интересов. И, может быть, не так уж далеко то время, когда «сипаи и казаки встретятся на равнинах Аму-Дарьи», и если это действительно случится, то антибританский гнев 150 тысяч индийских туземцев даст пищу для серьезных размышлений.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5443 от 1 октября 1858 г.

Без подписи.

1858.

5th Month.

AUGUST.

29 SUNDAY.

28

(13th after Trinity)

30 MONDAY.

27

31 TUESDAY. *Kept by the O. Committee*

26

2 THURSDAY.

245

3 FRIDAY.

246

Kept by the O. Committee.

SEPTEMBER 1, WEDNESDAY.

244

4 SATURDAY.

247

1858.

К. Маркс и Ф. Энгельс
КИТАЙ. ТОРГОВЛЯ ОПИУМОМ.
ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

* ТОРГОВЛЯ ОПИУМОМ.

I.

Известие о новом договоре, исторгнутом союзными уполномоченными у Китая, породило, повидимому, такие же фантастические расчеты на колоссальное расширение торговли, какие носились в воображении купцов в 1845 г. по окончании первой китайской войны. Допуская, что сообщение петербургского телеграфного агентства соответствует действительности, можно ли быть уверенным в том, что за увеличением числа торговых пунктов непременно последует рост китайской торговли? Есть ли какая-либо вероятность, что война 1857 — 1858 гг. приведет к более блестящим результатам, нежели война 1841 — 1842 годов? Бесспорно лишь то, что договор 1843 г. вместо увеличения американского и английского экспорта в Китай содействовал лишь ускорению и углублению торгового кризиса 1847 года. Точно так же и нынешний договор, вызывая мечты о неисчерпаемом рынке и поощря спекулятивный ажиотаж, может содействовать подготовке нового кризиса как раз в тот момент, когда мировой рынок так медленно оправляется от недавнего всеобщего потрясения. Кроме этого отрицательного результата, первая опиумная война содействовала росту торговли опиумом за счет легальной торговли, и такой же точно результат будет иметь эта вторая опиумная война, если только совместное давление цивилизованного мира не заставит Англию отказаться от принудительного возделывания опиума в Индии и вооруженной пропаганды сбыта опиума в Китае. Мы не станем подробно останавливаться на нравственной стороне этой торговли, о которой даже англичанин Монтгомери Мартин говорит следующее:

«Что и говорить, торговля рабами была милосердной по сравнению с торговлей опиумом; мы не убивали африканских негров, ибо наш непосредственный интерес требовал сохранения их жизни; мы не извращали их человеческой природы, не разрушали их ума, не умерщвляли их души. Продавец же опиума убивает тело, после того как развратил, унижил и опустошил нравственное существо несчастных грешников; он ежечасно приносит новые жертвы ненасытному Молоху, и убийца-англичанин и самоубийца-китаец соперничают друг с другом в приношении жертв на его алтарь».

Китаец не может покупать одновременно и товары, и отраву; в нынешних условиях расширение китайской торговли означает расширение торговли опиумом; рост последней несовместим с развитием легальной торговли — эти положения уже два года тому назад были признаны почти повсюду. Комиссия палаты общин, назначенная в 1847 г. для рассмотрения состояния торговых сношений между Англией и Китаем, докладывала:

«Мы должны с сожалением признать, что торговля с этой страной за последнее время находится в весьма неудовлетворительном состоянии и что *результат расширения наших сношений отнюдь не оправдал справедливых ожиданий*, основанных, естественно, на факте *свободного доступа к этому великолепному рынку*. Мы находим, что трудности торговли происходят не от слабости китайского спроса на английские изделия и не от растущей конкуренции других наций; *оплата опиума* поглощает серебро к большому ущербу для общей торговли китайцев, а чай и шелк должны фактически оплачивать остальные товары».

«Friend of China» от 28 июня 1849 г., обобщая то же самое положение, устанавливает следующее:

«Торговля опиумом непрерывно растет. Потребление чая и шелка в Великобритании и Соединенных Штатах привело бы только в дальнейшем росту торговли опиумом; шансы фабричных товаров безнадежны».

Один из руководящих американских купцов в Китае в статье, напечатанной в «Hunt's Merchants Magazine» в январе 1850 г., весь вопрос торговли с Китаем свел к следующему:

«Какая отрасль торговли должна быть уничтожена: либо торговля опиумом, либо экспортная торговля американскими или английскими товарами?»

Сами китайцы смотрят на дело точно таким же образом; Монтегомери Мартин рассказывает:

«Я спросил дудая¹ в Шанхае, каково было бы наилучшее средство увеличить нашу торговлю с Китаем, и он, в присутствии *британского консула* капитана Бальфура, тут же мне ответил: «Прекратите отправку таких количеств опиума, и мы будем в состоянии брать ваши изделия».

История мировой торговли за последние 8 лет дала новую, поразительную иллюстрацию этому положению; но прежде чем рассмотреть вредное влияние торговли опиумом на легальную торговлю, мы дадим краткий обзор происхождения и роста этой удивительной торговли, которая и своими трагическими противоречиями, вокруг которых она вращается как бы вокруг своей оси, и своим влиянием на общие отношения между восточным и западным миром предста-

¹ Гражданский губернатор. *Ред.*

влет собой явление, единственное в анналах человечества. До 1767 г. количество опиума, вывозимого из Индии, не превышало 200 ящиков весом каждый около 133 фунтов. Ввоз опиума в Китай был законом разрешен в качестве медикамента при уплате пошлины приблизительно в 3 долл. с ящика; почти единственными импортерами опиума в Небесную империю были португальцы, привозившие его из Турции.

В 1773 г. полковник Уотсон и вице-президент Уилер, лица, достойные занять место рядом с Эрманьте, Пальмерами и прочими всемирно-известными отравителями, подали Ост-Индской компании мысль начать с Китаем торговлю опиумом. В результате был устроен склад опиума на судах, стоявших на якоре в бухте к юго-западу от Макао. Спекуляция потерпела неудачу. В 1781 г. бенгальское правительство отправило в Китай вооруженный корабль с грузом опиума, а в 1794 г. компания поставила большой корабль с опиумом в Вампу, якорную стоянку кантонского порта. Повидимому, Вампу оказался более подходящим депо, нежели Макао, ибо уже 2 года спустя китайское правительство сочло нужным издать закон, карающий китайских контрабандистов опиумом ударами бамбуком и выставлением на улице с надетыми на них деревянными ошейниками. Около 1798 г. Ост-Индская компания перестала быть непосредственным экспортером опиума, зато она сделалась его производителем. В Индии была учреждена монополия опиума, и в то время как собственным кораблям компании торговля этим снадобьем была лицемерно запрещена, разрешения, даваемые ею частновладельческим судам, торгующим с Китаем, содержали условие, по которому они подвергались штрафу за провоз опиума, не произведенного самой компанией.

В 1800 г. ввоз в Китай достиг уж 2 тысяч ящиков. Если в течение XVIII века борьба между Ост-Индской компанией и Небесной империей носила такой же характер, как и все вообще склоки между иностранными купцами и китайской таможней, то с начала XIX века она приняла черты совершенно особые и исключительные; в то время как китайский император, с целью приостановить самоубийство своих поданных, запретил ввоз этого яда иностранцами и его потребление китайцами, Ост-Индская компания превращала возделывание опиума в Индии и его контрабандную продажу в Китае в составную часть своей финансовой системы. В то время как полуварвар становился на позицию морали, цивилизованный мир противопоставлял ему принцип грабежа. И вот колоссальная империя, заключающая в себе почти треть всего человеческого рода,

прозябавшая вопреки общему движению, униженная насильственным выключением из системы мировых связей и поэтому умудрявшаяся обманывать себя иллюзией насчет своего «небесного совершенства», — эту империю судьба в конце концов заставляет вести смертельный поединок, в котором представитель одряхлевшего мира вдохновляется этическими побуждениями, а представитель самого современного общества борется за привилегию покупать на самых дешевых и продавать на самых дорогих рынках. Какой трагический сюжет! Вряд ли какая фантазия поэта отважилась бы вообразить что-нибудь причудливее!

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5443 от 20 сентября 1858 г.

Без подписи.

II.

Запрещение торговли опиумом в Китае было вызвано именно тем обстоятельством, что британское правительство присвоило себе монополию опиума в Индии. Жестокие наказания, которые законодатель Небесной империи налагал на своих собственных непослушных подданных и предписанный китайским таможеням строжайший запрет ввоза оказались одинаково бессильными. Ближайшим результатом морального сопротивления китайцев было то, что англичане развратили имперские власти, таможенных чиновников и мандаринов вообще. Подкупность, которая въелась в самую сердцевину «небесной бюрократии» и разрушила оплот патриархального уклада, была ввезена вместе с ящиками опиума контрабандным путем с английских складочных кораблей, стоявших на якоре у Вампу.

Питаемая Ост-Индской компанией, безуспешно запрещаемая центральным правительством Пекина, торговля опиумом постепенно возрастала все больше и больше, пока в 1816 г. не достигла суммы почти в 2 500 тысяч долларов. Разрешение в этом году свободной торговли в Индии, за единственным исключением торговли чаем, которая все еще продолжает составлять монополию Ост-Индской компании, дало новый мощный толчок развитию операций английских контрабандистов. В 1820 г. число ящиков, ввезенных контрабандой в Китай, достигло 5 147, в 1821 г. — 7 000, а в 1824 г. — 12 639. Одновременно с посылкой угрожающих протестов иностранным купцам китайское правительство наказывало гонконгских купцов, которые были известны как их сообщники, развивало необычайную энергию в преследовании туземных потребителей опиума, а в таможенных вводило все более строгие мероприятия. Конечным результатом этих усилий, как и аналогичных в 1794 г., было перенесение складов опиума из ненадежного места в более подходящую базу для торговых операций. Макао и Вампу были покинуты, склады перенесены на остров Лин-Гин у входа в р. Кантон, где их постоянным местонахождением стали суда, вооруженные до зубов и снабженные многочисленными командами. Равным образом, когда китайскому правительству временно удалось прекратить операции старых кантонских фирм, торговля перешла лишь в другие руки, к более мелким торговцам, которые были готовы вести ее с каким угодно риском и любыми средствами. Благодаря достигнутому таким образом большим

возможностям, торговля опиумом в течение десяти лет — с 1824 по 1834 г. — возросла с 12 639 до 21 785 ящиков.

Подобно годам 1800, 1816 и 1824, также и 1834 г. отмечает собой эпоху в истории торговли опиумом. Ост-Индская компания не только лишилась в этом году своей привилегии в торговле китайским чаем, но и вообще должна была прервать и прекратить всякие торговые дела. Вследствие преобразования ее из торгового учреждения в чисто административное торговля с Китаем сделалась вполне доступна частной английской предприимчивости, которая стала развиваться с такой энергией, что в 1837 г., несмотря на отчаянное сопротивление правительства Небесной империи, в Китай были успешно ввезены контрабандным путем 39 тысяч ящиков опиума стоимостью в 25 млн. долларов. Здесь привлекают наше внимание два факта: во-первых, на каждом этапе развития экспортной торговли Англии с Китаем начиная с 1816 г. непропорционально значительная доля все более и более приходилась на контрабандную торговлю опиумом, и, во-вторых, рука об руку с постепенным исчезновением чисто коммерческой заинтересованности англо-индийского правительства в торговле опиумом возрастало значение его фискальной заинтересованности в этой нелегальной торговле. В 1837 г. китайское правительство достигло, наконец, той черты, когда решительные меры нельзя было уже дальше откладывать. Непрерывный отлив серебра, вызываемый ввозом опиума, начал вносить расстройство как в дела казначейства, так и в денежное обращение Небесной империи. Хэ-Нэлдзи, один из самых выдающихся государственных людей Китая, предложил узаконить торговлю опиумом и извлекать из нее доходы; однако после всестороннего, длившегося свыше года обсуждения, в котором приняли участие все высшие чины империи, китайское правительство пришло к решению, что «ввиду вреда, причиняемого народу этой гнусной торговлей, она не должна быть разрешена». А между тем уже в 1830 г. 25-процентная пошлина могла бы принести казне доход в 3 850 тыс. долл., а в 1837 г. она принесла бы вдвое больше. Но «небесный» варвар отказался от взимания налога, который неизбежно должен был бы возрастать в той же пропорции, в какой деградировал бы его народ. В 1853 г. нынешний император Сянь-Фын, при еще более бедственных обстоятельствах и при полном сознании тщетности всех усилий остановить растущий ввоз опиума, все же остался верен непреклонной политике своих предшественников. Замечу мимоходом, что, преследуя потребление опиума как ересь, император использовал против этой торговли всю религиозную пропаганду. Чрезвычайные

меры китайского правительства в 1837, 1838 и 1839 гг., апогеем которых было прибытие в Кантон правительственного комиссара Лина и последовавшая затем по его приказу конфискация и уничтожение контрабандного опиума, послужили поводом для первой англо-китайской войны, которая в качестве своего дальнейшего результата привела к восстанию в Китае, к крайнему истощению императорской казны, к успешным захватам России на севере и к колоссальному росту торговли опиумом на юге. Хотя эта торговля и была подвергнута запрету в договоре, которым Англия закончила свою войну с Китаем, начатую и проведенную в целях ее защиты, однако на деле торговля опиумом пользовалась полной неприкосновенностью с 1843 года. Ввоз опиума в Китай в 1856 г. оценивался приблизительно в 35 млн. долл., и в том же году англо-индийское правительство получило от своей опиумной монополии доход в 25 млн. долл., ровно шестую часть своего общего государственного дохода. Причины, вызвавшие вторую опиумную войну, относятся к слишком недавнему прошлому, чтобы нуждаться в комментариях.

В заключение нашего анализа мы не можем не отметить особо одного вопиющего внутреннего противоречия христианско-ханжеского британского правительства, постоянно болтающего о цивилизации. В качестве имперского правительства оно делает вид, будто не имеет ничего общего с контрабандной торговлей опиумом, и даже заключает договоры, запрещающие ее. А в качестве индийского правительства оно навязывает Бенгалии возделывание опиума к великому ущербу для производительных сил этой страны; принуждает одну часть индусских крестьян заниматься возделыванием мака, другую их часть соблазняет к этому же посредством денежных авансов; держит в своих руках в виде строгой монополии все производство этого вредного снадобья; следит с помощью целой армии официальных шпионов за его возделыванием, сдачей его в определенные пункты, его выпариванием и приготовлением применительно ко вкусам китайского потребителя, наблюдает за его упаковкой в тюки, специально приспособленные для удобства контрабанды, наконец, за его перевозкой в Калькутту, где опиум продается с аукциона на правительственных торгах и государственными чиновниками, передается спекулянтам, чтобы перейти в руки контрабандистов, которые выгружают его в Китае. Ящик, обходящийся британскому правительству приблизительно в 250 рупий, продается на аукционном рынке в Калькутте по цене от 1 210 до 1 600 рупий. Но, не довольствуясь еще этим своим фактическим соучастием, это

же самое правительство и по сей день входит в определенные сделки по участию в прибылях и убытках с купцами и судовладельцами, которые предпринимают авартные операции по отравлению ядом целой империи.

Индийские финансы британского правительства фактически поставлены в зависимость не только от торговли опиумом с Китаем, но и от контрабандного характера этой торговли. Если бы китайское правительство узаконило торговлю опиумом и одновременно допустило возделывание мака в Китае, то англо-индийскому казначейству пришлось бы пережить серьезную катастрофу. Открыто проповедуя свободную торговлю ядом, оно тайком охраняет монополию его производства. Всякий раз, когда мы пристально присматриваемся к природе британской свободной торговли, мы в основе ее «свободы» почти повсюду видим монополию.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5438 от 25 сентября 1858 г.

Без подписи.

* ДОГОВОР МЕЖДУ КИТАЕМ И БРИТАНИЕЙ.

I.

Неудачный с коммерческой точки зрения результат китайского договора, заключенного сэром Генри Поттингером 29 августа 1842 г., который, подобно новым договорам с Китаем, был продиктован под дулами пушек, есть факт, признанный теперь даже высокопоставленным органом британских фритредеров «The London Economist». Этот журнал выступал убежденнейшим апологетом недавнего вторжения в Китай, но теперь он чувствует себя обязанным «умерить» пылкие надежды, усиленно питаемые в иных кругах. Значение договора 1842 г. для британской внешней торговли «Economist» рассматривает как «прецедент, который должен уберечь нас от результатов неправильных операций». Это, конечно, очень благоразумно. Однако приведенные г. Вильсоном мотивы, которые должны объяснить неуспех первой попытки насильственного расширения китайского рынка для товаров Запада, представляются далеко неубедительными.

В качестве первой важной причины этой решительной неудачи приводится вызванное спекуляцией переполнение китайского рынка товарами в течение первых 3 лет после договора Поттингера и невнимание английских купцов к характеру китайского спроса. Английский вывоз в Китай, доходивший в 1836 г. до 1 326 388 ф. ст., в 1842 г. упал до 960 тысяч ф. стерлингов. Его быстрый и неуклонный рост в течение шести следующих лет показан в таких цифрах:

Годы	Ф. ст.	Годы	Ф. ст.
1842	969 000	1844	2 305 000
1843	1 456 000	1845	2 396 000

Все же в 1846 г. вывоз не только пал ниже уровня 1836 г., но, кроме того, крахи китайских домов в Лондоне во время кризиса 1847 г. доказали, что нарицательная стоимость вывоза 1843 — 1846 гг., как она значится в отчетных официальных таблицах, отнюдь не соответствует действительно реализованной стоимости. Если, таким образом, английские экспортеры ошиблись в количестве товаров,

предложенных китайским потребителям, то не менее ошиблись они и в их выборе. Для доказательства этого последнего утверждения «Economist» приводит следующие слова г. В. Кука, прежнего корреспондента лондонского «Times» в Шанхае и Кантоне:

«В 1843, 1844 и 1845 гг., когда северные порты только что открылись, публика пришла в дикое возбуждение. Одна известная шеффильдская фирма отправила большую партию ножей и вилок и объявила, что она готова снабдить этим товаром весь Китай. Товар был продан по ценам, которые едва вернули стоимость фрахта. Другая лондонская фирма с большим именем отправила огромную партию фортепьяно, которую постигла такая же участь. То, что случилось с ножевым товаром и фортепьяно, произошло также, хотя менее заметно, с шерстяной и бумажной мануфактурой. Манчестер сделал большое усилие в слепую, когда открылись порты, и это усилие потерпело неудачу. С тех пор он впал в апатию и надеется только на случайности».

Наконец, чтобы доказать зависимость сокращения, стабильности или роста торговли от изучения вкусов покупателя, «Economist» заимствует у того же автора следующие цифры за 1856 год:

	1843 г.	1846 г.	1836 г.
Шерстяные материи (в кусках) . . .	13 569	8 415	7 428
Камлот	13 374	8 034	4 470
Лонгел	91 530	75 784	36 642
Шерстяные изделия	62 761	56 996	88 583
Набивные бумажные материи	100 615	81 150	281 784
Гладкие > >	2 998 126	1 854 740	2 817 624
Бумажная пряжа (в фунтах)	2 640 098	5 324 050	5 579 600

Однако все эти аргументы и иллюстрации ничего не объясняют, кроме реакции, последовавшей за слишком раздутой торговлей 1843 — 1845 годов. Мы имеем дело с явлением, вовсе не свойственным специально торговле с Китаем, — явлением, состоящим в том, что внезапное расширение торговли сменяется сильным ее сокращением, или в том, что при открытии нового рынка он забрасывается до бесчувствия чрезмерным количеством товаров, без точного учета действительных потребностей или покупательной способности потребителей. Фактически, это — постоянное явление в истории мирового рынка. После падения Наполеона, когда открылся европейский континент, вывоз из Англии оказался в такой диспропорции с емкостью континента, «что переход от войны к миру» оказался более катастрофическим, чем сама континентальная система. Признание Каннингом независимости испанских колоний в Америке тоже вызвало торговый кризис 1825 года. Товары, рассчитанные для московского климата, были тогда направлены в Мексику и Колумбию.

И, наконец, в наше время, несмотря на свою гибкость, даже Австралия не избежала общей участи всех новых рынков — перегружать свои потребительные способности и платежные средства. Характерное явление специально для китайского рынка состоит в том, что с тех пор как он открылся, в силу договора 1842 г., экспорт в Великобританию китайского чая и шелка непрерывно возрастал, между тем как ввоз британской мануфактуры в Китай оставался, в целом, без изменения. Все возрастающий торговый баланс в пользу Китая может показаться аналогичным состоянию торгового баланса между Россией и Великобританией; но в последнем случае все объясняется протекционистской политикой России, между тем как ввозные пошлины в Китае ниже, чем в какой-либо другой из стран, с которыми Англия ведет торговлю. Общая ценность китайского экспорта в Англию, равнявшаяся до 1842 г. приблизительно 7 млн. фунтов, в 1856 г. достигла суммы около 9 500 000 фунтов, между тем как количество чая, ввозимого в Великобританию, никогда не превышало 50 млн. фунтов. С другой стороны, ввоз в Англию китайского шелка приобрел большое значение только в 1852 году. Его рост представляется в следующем виде:

Годы	Ввоз шелка в фунтах	Ценность в ф. ст.
1852	2 418 343	—
1853	2 838 847	—
1854	4 576 706	3 318 112
1855	4 436 862	3 013 396
1856	3 723 693	3 676 116

Возьмем теперь движение британского экспорта в Китай, выраженного в фунтах стерлингов:

Годы	Ф. ст.	Годы	Ф. ст.
1834	842 852	1836	1 326 388
1835	1 074 708	1838	1 120 356

За период времени после открытия рынка в 1842 г. и приобретения Британией Гонконга, мы имеем следующие цифры:

Годы	Ф. ст.	Годы	Ф. ст.
1845	2 359 000	1853	1 749 597
1846	1 200 000	1854	1 000 716
1848	1 445 950	1855	1 122 241
1852	2 508 599	1856	2 000 000

«Economist» пытается отнести застой и относительное сокращение ввоза британской мануфактуры на китайский рынок за счет

иностранный конкуренции, причем и в этом случае ссылается на свидетельство г. Кука. Согласно этому авторитету, на китайском рынке во многих отраслях торговли конкуренция побивает англичан. Он говорит, что в ввозе тика и полотна для простынь американцы побили англичан. В 1856 г. в Шанхай было ввезено 221 716 штук американского тика против 8 745 штук английского и 14 420 штук американского полотна для простынь против 1 240 английских. С другой стороны, как говорят, Германия и Россия в шерстяных товарах сильно теснят своих английских конкурентов. Нам не нужно других доказательств, кроме этих примеров, чтобы убедиться, что и г. Кук и «Economist» ошибаются в своей оценке китайского рынка. Они приписывают специально англо-китайской торговле особенности, которые точно так же повторяются и в торговле между Соединенными Штатами и Небесной империей. В 1837 г. превышение китайского экспорта в Соединенные Штаты над импортом в Китай равнялось приблизительно 860 тысяч ф. стерлингов. В течение периода, последовавшего за договором 1842 г., Соединенные Штаты ежегодно получали китайской продукции в среднем на 2 млн. ф. ст., за которые они уплачивали своими товарами 900 тысяч ф. стерлингов. Из общего ввоза в Шанхай, достигшего в 1855 г. суммы в 1 602 849 ф. ст. (не считая звонкой монеты и опиума), на долю Англии падает — 1 122 241 ф. ст., на долю Америки — 272 708 ф. ст. и на долю прочих стран — 207 900 ф. ст., между тем как экспорт через Шанхай достиг суммы в 12 603 540 ф. ст., из которых 6 405 040 ф. ст. пали на долю Англии, 5 396 406 — Америки и 102 088 на долю прочих стран. Сопоставим только американский экспорт в Шанхай ценностью в 272 708 ф. ст. с его импортом, превышающим 5 млн. ф. стерлингов. Если американская конкуренция, несмотря на это, принесла какой-нибудь существенный ущерб британской торговле, то, значит, китайский рынок представляет чрезвычайно ограниченное поле деятельности для совокупной торговли иностранных наций.

Наконец, последняя причина, которую приводят для объяснения ничтожного значения китайского импортного рынка со времени его открытия в 1842 г., это — китайская революция; однако, несмотря на нее, экспорт в Китай в 1851—1852 гг. относительно рос при общем росте торговли, а торговля опиумом в течение всей революции вместо того чтобы падать быстро достигла колоссальных размеров. Так или иначе, необходимо признать, по крайней мере, то, что все помехи к иностранному ввозу, созданные беспорядками в империи, должны увеличиться, а не уменьшиться, благодаря последней

пиратской войне и унижениям, которым подвергли правящую династию.

При внимательном обзоре истории торговли Китая нам кажется, что потребительская и платежная способность подданных Небесной империи, вообще говоря, была сильно переоценена. В рамках нынешнего хозяйственного уклада китайского общества, основным стержнем которого является мельчайшее сельское хозяйство и домашняя мануфактура, не может быть и речи о сколько нибудь значительном ввозе иностранной продукции. Все же Китай мог бы постепенно поглотить большее против нынешнего количество английских и американских товаров в размере того лимита в 8 млн. ф. ст., в котором, по грубому подсчету, выражается общее сальдо в его пользу по торговле с Англией и Соединенными Штатами, но при том условии, что торговля опиумом была бы уничтожена. Это заключение необходимо вытекает из рассмотрения того простого факта, что китайские финансы и денежное обращение, вопреки благоприятному торговому балансу, находятся в сильном расстройстве по причине ввоза опиума на сумму около 7 млн. ф. стерлингов.

Однако Джон Булль, привыкший кичиться своей высокой нравственностью, предпочитает исправлять свой неблагоприятный баланс периодическим взиманием военных контрибуций, вымогаемых у Китая под пиратскими предлогами. Он лишь забывает, что соединение в одних руках карфагенского и римского способов выжимания денег из чужих народов должно неминуемо привести к их столкновению и взаимному уничтожению.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5446 от 5 октября 1858 г. в качестве передовой.

Без подписи.

II.

Лондон, 28 сентября 1858 г.

Официальное резюме англо-китайского договора, которое британское министерство, наконец, опубликовало, в общем лишь немного прибавляет к тем сведениям, которые уже раньше проникли в публику различными путями. Фактически первая и последняя статьи содержат те пункты в договоре, которые представляют интерес исключительно для Англии. В силу первой статьи «дополнительный договор и общие правила торговли», установленные после заключения Нанкинского договора, «отменяются». Указанным дополнительным договором было установлено, что английские консулы, находящиеся в Гонконге и в 5 китайских портах, открытых для британской торговли, должны были оказать содействие китайским властям в случае прибытия английских судов с грузом опиума. Таким образом, английским купцам было формально запрещено ввозить это контрабандноеснадобье, и английское правительство до известной степени брало на себя роль таможенных чиновников Небесной империи. То, что вторая опиумная война кончится снятием оков, которые будто налагались на торговлю опиумом первой войной, кажется вполне логичным результатом и желанным достижением для тех английских торговых кругов, которые рукоплескали с особенным усердием кантонским фейерверкам Пальмерстона. Однако мы сильно ошибемся, если предположим, что этот официальный отказ со стороны Англии от лицемерного противодействия торговле опиумом не приведет к последствиям, прямо противоположным тем, которые от него ожидаются. Обязуя британское правительство содействовать ликвидации торговли опиумом, китайское правительство тем самым признало себя неспособным добиться этого собственными силами. Дополнительный Нанкинский договор был последним отчаянным усилием освободиться от ввоза опиума с помощью иностранцев. Так как это усилие потерпело неудачу, как это открыто признано в настоящее время, и так как торговля опиумом ныне узаконена, поскольку это касается Англии, то едва ли можно сомневаться в том, что китайское правительство испробует способ, одинаково подсказываемый политическими и финансовыми соображениями, т. е. разрешит возделывание мака в Китае и наложит пошлины на ввоз иностранного опиума. Каковы бы ни были намерения нынешнего китайского правительства, сами обстоятельства, в которых оно очутилось в силу

Тяньцзинского договора, указывают ему этот путь. Как только эта мера будет проведена, индийская монополия опиума, а вместе с нею и индийское казначейство должны получить смертельный удар, и британская торговля опиумом сократится до размеров обычной торговли и очень скоро окажется убыточной. До сих пор это была игра, которую вел Джон Бульз при помощи крапленых карт. Поэтому самым очевидным результатом этой второй опиумной войны явится, повидимому, то, что она не достигнет своей цели.

Объявив «справедливую войну» России, великодушная Англия отказалась при заключении мира от требования какого-либо возмещения своих военных издержек. С другой стороны, провозглашая все время, что она находится в мире с самим Китаем, Англия не может не заставить Китай уплатить себе издержки, вызванные, даже по мнению ее же собственных нынешних министров, ее пиратством. Однако первое известие о предстоящей уплате китайцами 15 или 20 млн. ф. ст. успокоительно подействовало на самую щепетильную британскую совесть; «Экономист» и вообще авторы финансовых статей пустились в приятные вычисления насчет благодетельных последствий серебряных слитков для торгового баланса и для металлического запаса Английского банка. Но, увы, первые впечатления, которые пальмерстоновская пресса с такими усилиями старалась создать в публике, оказались слишком хрупкими, чтобы выдержать удар, нанесенный им раскрытием действительного положения вещей.

«Особая статья предусматривает, что сумма в 2 млн. таэлей» должна быть уплачена в счет убытков, «понесенных британскими подданными вследствие злонамеренного поведения китайских властей в Кантоне, дальнейшая же сумма в 2 млн. таэлей — в счет военных издержек». Обе эти суммы вместе составляют только 1 334 000 ф. ст., между тем как в 1842 г. китайский император должен был уплатить 4 200 000 ф. ст., из которых 1 200 000 ф. ст. представляли возмещение за конфискованную контрабанду опиума и 3 000 000 ф. ст. за военные издержки. Спуститься с 4 200 000 ф. ст. с Гонконгом в придачу до маленькой суммы в 1 344 000 ф. ст. кажется в конце концов совсем не блестящей сделкой; но самого худшего мы еще не сказали. Так как, говорит китайский император, вы вели войну не с Китаем, а «провинциальную войну» с одним Кантоном, то попытайтесь сами выжать из Гуандуньской провинции убытки, которые ваши любезные военные пароходы заставили меня присудить вам. А тем временем ваш знаменитый генерал Стробензи может

занять Кантон в качестве материальной гарантии и попрежнему делать британское оружие посмешищем даже для китайской молодежи. Грустные чувства сангвиника Джона Булля по поводу этих условий, которыми обременено получение ничтожной добычи в 1 334 000 ф. ст., уже вылились в громких стенаниях. «Вместо того, — говорит одна лондонская газета, — чтобы иметь возможность отвести назад наши 53 военных корабля и увидеть их триумфальное возвращение с миллионами серебра в слитках, мы стоим перед приятной необходимостью посылать армию в 5 тысяч человек для того, чтобы снова занять и удержать в своих руках Кантон и помогать флоту в ведении этой провинциальной войны, которую объявил консульский помощник. Но не повлечет ли эта провинциальная война иных последствий, помимо перенесения нашей торговли из Кантона в другие китайские порты?.. Не отдаст ли продолжение ее большую часть чайной торговли в руки России? Не попадет ли европейский континент вместе с самой Англией в зависимость от России и Соединенных Штатов в получении чая? Страхи Джона Булля насчет последствий «провинциальной войны» для торговли чаем не совсем безосновательны. Из «Торговых тарифов» Мак-Грегора можно видеть, что в последнем году первой китайской войны Россия получила через Кяхту 120 тысяч цибиков чая. В год после заключения мира с Китаем русский спрос на чай упал на 75%, достигнув всего лишь 30 тысяч цибиков. Во всяком случае издержки, в которые вовлечет англичан занятие Гуандуна, наверное еще увеличат неблагоприятный баланс настолько, что вторая китайская война едва ли окупит себя, — самая большая погрешность, которая, согласно верному замечанию г. Эмерсона, по мнению англичан может быть когда либо поставлена в вину.

Другой крупный успех английского вторжения закреплен ст. 51, согласно которой термин «варвар» не должен применяться к британскому правительству или к британским подданным ни в каком официальном документе, изданном китайскими властями. Китайские власти величают себя «небесными»; какую смиренную фигуру должен представлять в их глазах Джон Бульль, который не настаивает на том, чтобы его называли божественным или олимпийским, а удовольствуется устранением иероглифа, означающего «варвар», из официальных документов!

Статьи договора не дают торговле Англии никаких выгод, которыми бы не пользовались ее соперники, и в условиях настоящего времени представляют неопределенные обещания, по большей части не стоящие пергамента, на котором они написаны. Статья 10

ставит условие: «Британские торговые суда допускаются к торговле вверх по реке Янцзы, но в настоящем тревожном состоянии в Верхней и Нижней Долине ни один порт не может быть открыт для торговли, за исключением Чжень-Цзяна, который должен быть открыт через год по подписании договора. Когда мир будет восстановлен, британские корабли будут допущены к торговле в портах, лежащих не далее Ханькоу, и в числе не более трех, которые британский посланник определит по соглашению с китайским государственным секретарем». В силу этой статьи англичанам фактически закрывается доступ к великой торговой артерии всей империи, к «единственной линии», как справедливо замечает «Morning Star», по которой они могут продвигать свои фабричные изделия внутрь страны. Если они будут пай-мальчиками и помогут императорскому правительству вытеснить повстанцев из областей, ныне занятых ими, тогда они, пожалуй, смогут плавать по великой реке, да и то только к особым гаваням. Что же касается новых морских портов, открытых для торговли, то объявленные в начале «все» порты теперь сократились всего лишь до пяти, в добавление к пяти портам, обусловленным Нанкинским договором, которые, как замечает одна лондонская газета, «вообще лежат далеко или находятся на островах». Кроме того, в настоящее время обманчивая идея о том, что рост торговли пропорционален числу открываемых для нее гаваней, должна быть сдана в архив. Взгляните на гавани по берегам Великобритании, Франции или Соединенных Штатов: как мало среди них таких, которые развились в настоящие центры торговли. До первой китайской войны англичане торговали исключительно в Кантоне. Уступка пяти новых портов, вместо создания пяти новых торговых центров, постепенно перенесла торговлю из Кантона в Шанхай, как можно видеть из нижеследующих цифр, извлеченных из парламентской Си-ней книги о торговле различных мест в 1856—1857 годах. В то же время надо вспомнить, что ввоз в Кантон включает также ввоз в Амой и Фучжоу, который перегружается в Кантоне.

Г о д ы	Британская ввозная торговля		Британская вывозная торговля	
	В Кантон долл.	В Шанхай долл.	Из Кантона долл.	Из Шанхая долл.
1844	15 500 000	2 500 000	17 900 000	2 300 000
1845	10 700 000	5 100 000	27 700 000	6 000 000
1846	9 900 000	3 800 000	15 300 000	6 400 000
1847	9 600 000	4 300 000	15 700 000	6 700 000
1848	6 500 000	2 500 000	8 600 000	5 000 000
1849	7 900 000	4 400 000	11 400 000	6 500 000
1850	6 800 000	3 900 000	9 900 000	8 000 000

Годы	Британская ввозная торговля		Британская вывозная торговля	
	В Кантон долл.	В Шанхай долл.	Из Кантона долл.	Из Шанхая долл.
1851	10 000 000	4 500 000	13 200 000	11 500 000
1852	9 900 000	4 600 000	6 500 000	11 400 000
1853	4 000 000	3 900 000	6 500 000	13 300 000
1854	3 300 000	1 100 000	6 000 000	11 700 000
1855	3 600 000	3 400 000	2 900 000	19 900 000
1856	9 100 000	6 100 000	8 200 000	25 800 000

«Условия о торговле в договоре неудовлетворительны» — таково заключение, к которому приходит «Daily Telegraph», самый низкий льстец Пальмерстона; но газета посмеивается по поводу «самого блестящего пункта в программе», а именно, «что в Пекине засядет британский посланник, а какой-нибудь мандарин водворится в Лондоне и, возможно, будет приглашать королеву на балы в Альберт-Гейте». Как бы ни потешался Джон Бульль этой шутке, не может быть сомнения, что если возможно будет оказывать политическое влияние в Пекине, то это будет влияние России, которая в силу последнего договора получила новую территорию величиною с Францию, с границей, в большей своей части отстоящей только на 800 миль от Пекина. Для Джона Булля представляется далеко не утешительной мысль, что своей первой опиумной войной он обеспечил России договор, разрешающий ей плавание по Амуру и свободную торговлю в приграничной области, а своей второй опиумной войной он помог ей приобрести богатейшее пространство земли, лежащее между Татарским заливом и Байкалом, область, обладания которой так жаждала Россия, и начиная с царя Алексея Михайловича и до Николая I постоянно пыталась получить ее. Лондонский «Times» так глубоко почувствовал этот удар, что, печатая известия из Петербурга, которые сильно преувеличивали выгоды, полученные Великобританией, умышленно выпустил ту часть текста в телеграмме, которая говорит о приобретении Россией по договору долины реки Амура.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5455 от 15 октября 1858 г.

Без подписи.

* РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Несколько недель тому назад мы отметили огромное продвижение России за последние несколько лет в Восточной Азии, на западных берегах Великого океана. Сегодня мы обратим внимание читателей на такое же продвижение этой же державы в другой части в Средней Азии.

Вопрос о возможном столкновении двух великих азиатских держав, России и Англии, где-нибудь на полпути между Сибирью и Индией, о столкновении между казаками и сипаями на берегах Амударьи, часто обсуждался с тех пор, как в 1839 г. Англия и Россия одновременно отправили армии в Среднюю Азию. Своеобразное поражение обеих армий — поражение, причиненное в обоих случаях суровой природой и климатом страны, на некоторое время лишило эти разговоры интереса. Свое поражение Англия загладила удачным, но бесплодным походом на Кабул. Россия, казалось, молчаливо проглотила свой позор, но мы сейчас увидим, как мало она отказалась от своих планов и как успешно она осуществила свои цели. Когда началась последняя война, вопрос о практических возможностях наступления России на Индию был снова поднят, но публика даже не знала, где находились русские аванпосты и где их передовые патрули производили разведки. Индийские газеты помещали случайные заметки о русских завоеваниях в Средней Азии, но на них не обращали внимания. Наконец, во время англо-персидской войны 1856 г. весь вопрос был вновь подвергнут обсуждению.

Однако в последнее время, да еще и теперь, положение дел в Средней Азии быстро меняется. Когда в 1812 г. Наполеон на своей военной карте отметил Москву как оперативную базу похода на Индию, то он только следовал по стопам Петра Великого. Еще в 1717 г. этот дальновидный монарх, начертавший своим преемникам всевозможные направления для завоеваний, отправил экспедицию против Хивы, — конечно, потерпевшую неудачу. В течение долгого времени после этого русские оставили туркестанские степи в покое, но в то же время область между Волгой и рекой Уралом заселялась казаками; вдоль реки Урала была установлена линия

казацких военных поселений. Тем не менее по ту сторону реки верховная власть России над тремя ордами или племенами киргизов оставалась чисто номинальной, и русские торговые караваны подвергались разграблениям со стороны как киргизов, так и хивинцев, пока в 1833 г. генерал Василий Перовский не был послан в Оренбург в качестве главнокомандующего. Он нашел торговые сношения России с внутренними и южными областями Азии совершенно прерванными благодаря этим грабителям-кочевникам, так что даже военных конвоев, в течение нескольких последних лет сопровождавших караваны, оказалось недостаточно для их защиты. Чтобы положить конец этому, Перовский, во-первых, организовал подвижные колонны против киргизов и вскоре затем расположил на их территории казацкие военные посты. Таким путем в течение нескольких лет он подчинил их действительному контролю и владычеству России и тогда только возобновил прежние планы Петра Великого против Хивы.

Получив разрешение императора, Перовский организовал небольшую армию, численностью приблизительно в одну дивизию пехоты (8 тысяч человек), с многочисленными отрядами полурегулярной казацкой и иррегулярной башкирской и киргизской конницы. Было собрано 15 тысяч верблюдов, которые должны были нести продовольствие по пустынным степям. За недостатком воды не могло быть и речи о том, чтобы предпринять экспедицию летом. Поэтому Перовский избрал зимнюю кампанию и выступил из Оренбурга в ноябре 1839 года. Результат известен. Снежные метели и страшные холода разрушили его армию, уничтожили его верблюдов и лошадей и заставили его отступить с огромными потерями. Тем не менее этой попыткой поставленная цель была выполнена, и в то время как Англия до сих пор еще не смогла отомстить за убийство своих посланников Стоддарта и Конолля в Бухаре, хан хивинский отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Петербург посольство просить о мире.

Тогда Перовский принялся за работу по подготовке оперативной линии через киргизскую степь. Не прошло и 18 месяцев, как уже работала научная и инженерная экспедиция, которая под военной охраной обследовала всю страну к северу от Сыр-Дарьи и Аральское озеро. Были исследованы природные свойства почвы, наилучшие направления для дорог и самое удобное расположение больших колодцев. Эти колодцы буравились или выкапывались через небольшие промежутки и огораживались укреплениями достаточной солидности, чтобы выдерживать любое нападение кочевых племен, и достаточного размера, чтобы вмещать значительные запасы. Карабу-

лак на Аму-Дарье и Югис на реке того же имени служили центральными пунктами защиты в северной части киргизской степи; между ними и городами на реке Урале пути были отмечены фортами меньшего размера, а также колодцами в расстоянии 10 или 12 миль друг от друга.

Следующий шаг был сделан в 1847 г., когда был воздвигнут форт на реке Сыр-Дарье приблизительно в 45 милях вверх от ее устья; этот форт был назван Аральск. В нем мог разместиться гарнизон численностью в один батальон и больше. Он вскоре сделался центром обширной русской земледельческой колонии, раскинутой в нижней части реки и по прилегающим берегам Аральского озера, и тогда Россия формально объявила свою власть над всей территорией к северу от этого озера и от дельты Сыр-Дарьи. В 1848 и 1849 гг. озеро было впервые тщательно исследовано; была открыта новая группа островов, которые тут же были отведены под главную стоянку аральской пароходной флотилии, к созданию которой было приступлено немедленно. Другой форт был построен на острове, который возвышался над устьем Сыр-Дарьи, и в то же время было усилено и дополнено дорожное сообщение между Оренбургом и Аральским озером.

Перовский, который в 1842 г. оставил-было командование в Оренбурге, теперь снова вернулся на свой пост и весной 1853 г. двинулся с значительными силами к Аральску. Переход через пустыню был совершен без особенных затруднений, после чего армия направилась вверх по Сыр-Дарье, в то время как мелкосидящий пароход сопровождал ее движения по реке. Прибыв в Акметхет, крепость приблизительно в 450 милях вверх по течению реки, принадлежавшую кокандскому хану, русские взяли ее приступом и немедленно превратили ее в свою крепость, и так успешно, что когда в декабре того же года кокандская армия напала на нее, то она потерпела полное поражение.

Пока внимание Европы, как и в 1854 г., было приковано к военным действиям, происходившим на Дунае и в Крыму, Перовский с 17 тысячами человек двинулся от своей вновь обретенной оперативной базы на Сыр-Дарье на Хиву. Но хан не стал дожидаться его прибытия на Аму-Дарье. Он отправил послов в русский лагерь и они заключили договор, *по которому хан признал верховную власть России*, уступил ей право объявления войны и заключения мира, вручил верховную власть над своими подданными и предоставил право устанавливать пути для караванов, назначать пошрины и таможи и регулировать торговлю по всей Хиве на вечные времена. В Хиве

водворился русский консул, который взял на себя обязанности вершителя всех политических дел, относящихся к Хиве, под контролем русского правительства.

С подчинением Хивы вопрос о покорении Туркестана был принципиально решен; быть может, с этих пор он уже решен фактически. Ханы Коканда и Бухары также отправили посольства в Петербург; заключенные с ними договоры не опубликованы, но их содержание легко угадать. В какой бы мере Россия ни была склонна оставить независимыми эти мелкие государства, единственная сила которых заключалась в их неприступности, ныне — по крайней мере для России — уже не существующей, эта независимость все равно будет номинальной: отряда в каких-нибудь 20 тысяч человек, посланного из Хивы или Акметхета в более плодородные долины Верхнего Туркестана, оказалось бы совершенно достаточно для того, чтобы подавить всякую попытку сопротивления и пройти всю страну от края и до края. Можно быть уверенным, что Россия и с 1854 г. в тех местах не бездействовала, хотя она и держит в секрете свои достижения; и после быстрых, бесшумных и непрерывных успехов, достигнутых ею в Туркестане за последние 25 лет, можно наверняка ожидать, что ее флаг вскоре будет развеваться над горными проходами Гиндукуша и Болортага.

С военной точки зрения огромная ценность этих завоеваний заключается в их значении как ядра наступательной оперативной базы против Индии; и можно сказать, что после такого глубокого продвижения русских в Средней Азии план нападения на Индию с севера уже покидает область неопределенных предположений и приобретает довольно определенные формы. Тропические области Азии отделены от частей, принадлежащих к умеренному поясу, широкой полосой пустынь, проходящих от берегов Балхаша прямо через весь материк к истокам Амура. Оставляя в стороне область Амура, эта полоса до последнего времени была почти непроходима для армии; единственной мыслимой дорогой через нее являлся путь от Астрабада на Каспийское море через Герат на Кабул и к Инду. Но при наличии русских на нижнем течении Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, военных дорог и фортов, снабжающих идущую походом армию водой и продовольствием, средне-азиатская пустыня уже не представляет военного препятствия. Вместо одной неподготовленной дороги из Астрабада на Герат и Инд Россия располагает ныне тремя различными дорогами, которые в недалеком будущем могут быть в совершенстве подготовлены для похода армий. Прежде всего имеется старая дорога через Герат, которая при существующем положении

вещей не может больше оставаться закрытой для России; во-вторых, имеется долина Аму-Дарьи от Хивы до Балха; в-третьих, есть долина Сыр-Дарьи от Акметхета до Ходжента, откуда военный отряд может избрать путь через хорошо орошенную и населенную область в Самарканд и Балх. Герат, Самарканд и Балх могут образовать прекрасную оперативную базу против Индии. Балх находится всего в 500 милях от Пешавера, северо-западного аванпоста англо-индийской империи. Самарканд и Балх принадлежат хану бухарскому, который уже теперь вполне зависит от России, а когда Астрабад (который либо уже занят русскими, либо может быть ими занят в любой день) и Балх будут находиться в руках России, то нельзя будет удержать Герат, когда она решится его захватить. И как только эта оперативная база окажется в реальном обладании России, то Англии придется бороться за свою Индийскую империю. От Балха до Кабула едва ли много дальше, чем от Кабула до Пешавера, и уже один этот факт показывает, как стала узка теперь нейтральная полоса между Сибирью и Индией.

Бесспорно, что если проникновение русских будет продолжаться тем же темпом и с тою же энергией и последовательностью, как в течение последних 25 лет, то уже через 10 или 15 лет русские будут стучать в ворота Индии. Стоит им только пройти Киргизскую степь, и они очутятся в сравнительно хорошо обработанной и плодородной области Юго-Восточного Туркестана, завоевание которого нельзя будет у них оспаривать и который без труда и напряжения сможет в течение годов содержать армию в 50 или 60 тысяч человек, совершенно достаточную для похода по любому направлению Инда. Такая армия может в 10 лет полностью покорить страну, создать охрану для постройки дорог, для колонизации обширных пространств земли русскими удельными крестьянами (как теперь делается на Аральском озере), держать в страхе все окружающие государства и подготовить операционную базу и оперативные линии для индийской кампании. Будет ли когда-нибудь предпринята такая кампания, зависит от политических условий, которые в настоящее время могут служить пока лишь предметом отдаленных гаданий.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5471 от 3 ноября 1858 г.

Без подписи.

* УСПЕХИ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.

Россия ныне дала реванш, который она должна была Франции и Англии за свое военное поражение под Севастополем. Хотя упорные, затяжные бои на Херсонесском полуострове и унизили национальную гордость России и в результате лишили ее небольшого клочка территории, она по окончании войны все же осталась в очевидном барыше. Положение «больного человека» стало значительно хуже; христианское население Европейской Турции, как греческое, так и славянское, более чем когда-либо стремится сбросить с себя турецкое иго и взирает на Россию как на своего единственного покровителя. Без сомнения, рука русских агентов имеется во всех восстаниях и заговорах, происходящих ныне в Боснии, Сербии, Черногории и на Крите. Но крайнее обессиление Турции, обнаружившееся самой войной и усугубленное обязательствами, наложенными на нее по мирному договору, уже само по себе в достаточной степени объясняет это общее возбуждение в среде христианских подданных султана. Таким образом, ценою временного пожертвования узкой полосой территории, — ибо совершенно очевидно, что она не преминет возвратить ее себе при первой же возможности, — Россия сделала значительный шаг вперед к окончательному осуществлению своих планов относительно Турции. Еще более расшатать Турцию и установить свой протекторат над ее христианскими подданными — таковы были цели, к которым Россия стремилась в начале войны, и кто может оспаривать теперь, что более чем когда-либо России принадлежит этот протекторат.

Таким образом, Россия оказалась в круглом выигрыше даже при неудачном исходе войны. Тем не менее, она должна была отыграться и для этого она выбрала такое поле, на котором ее успехи не имеют соперников, — на поле дипломатии. Пока Англия и Франция занимались дорого стоящей борьбой с Китаем, Россия оставалась нейтральной; она вмешалась лишь в самом конце. В результате оказалось, что Англия и Франция вели войну с Китаем единственно ради выгоды России. Действительно, ее положение в этом случае было наиболее благоприятное. Мы здесь имели перед собой одну из тех

шатких азиатских империй, которые, одна за другой, становятся добычей предприимчивости европейцев, — империю, настолько слабую, настолько разбитую, что у нее не было даже энергии пройти через кризис народной революции; даже острая вспышка восстаний превратилась у нее в затяжной и явно неизлечимый недуг, — империю, настолько разложившуюся, что едва ли где-нибудь она способна держать в руках свой народ или оказать сопротивление чужеземному вторжению. Пока англичане препирались в Кантоне с мелкими китайскими чиновниками и обсуждали у себя важный вопрос о том, действовал ли губернатор Иек согласно воле своего императора или нет, русские тем временем завладели территорией к северу от Амура и большею частью берега Манчжурии к югу от этой реки, укрепились там, произвели изыскания для железнодорожной линии и начертали планы городов и гаваней. Когда Англия, наконец, решилась идти войной на Пекин и Франция примкнула к ней в надежде получить что-либо в свою пользу, Россия, отбирая в этот самый момент у Китая территорию, по величине равную Франции и Германии, вместе взятым, и реку протяжением с Дунай, в то же время ухитрилась выступить в качестве бескорыстного покровителя слабого Китая, а при заключении мира сыграть роль чуть ли не посредника. Когда мы сравним различные заключенные при этом договоры, то мы должны будем признать совершенно очевидным, что война оказалась выгодной не для Англии и Франции, а для России.

Полученные выгоды победителями, в которых имеют свою долю как Россия, так и Соединенные Штаты, имеют чисто торговый характер и, как мы раньше указывали, являются большею частью совершенно мнимыми. При настоящих условиях китайская торговля, за исключением опиума и некоторого количества ост-индского хлопка, должна попрежнему состоять главным образом в вывозе китайских товаров, чая и шелка, — вывозе, зависящего больше от иностранного спроса, нежели от больших или меньших удобств, предоставляемых китайским правительством. Мир умел получать чай и шелк еще до Нанкинского договора, а после заключения его результат открытия доступа к пяти портам выразился в том, что часть торговли Кантона перешла к Шанхаю. Прочие порты почти не имеют никакой торговли и, как единственный порт, который имеет, по крайней мере, некоторое значение, Сватоу не принадлежит к числу пяти открытых портов. Что касается открытия торговли вверх по течению Янцзы, то оно было отсрочено до той поры, когда его императорское величество полностью восстановит свою власть над

охваченной восстанием территорией в данной области, т. е. до греческих календ¹. Но относительно ценности этой новой конвенции возникли сомнения еще другого порядка. Некоторые утверждают, что транзитные пошлины, упоминаемые в ст. 28 англо-китайского договора, существуют только потому, что китайцы нуждались очень мало в английских товарах, поэтому означенные товары вовсе не проникали внутрь страны, в то время как некоторые сорта русского сукна, удовлетворявшие потребностям китайцев и провозившиеся через Кяхту или Тибет, проникали даже к морскому берегу. Упускали из виду, что если такие пошлины существуют, то они распространяются на русские товары в такой же степени, как и на английские. Достоверно во всяком случае, что г. Уингров Кук, специально командированный внутрь страны, оказался не в состоянии найти эти предполагаемые «транзитные пошлины», и когда его публично спросили на этот счет, то он сделал внушительное признание, что «наше незнакомство с Китаем — точно непроходимый мрак». С другой стороны, в одном опубликованном письме есть простой и ясный ответ на вопрос, «имеются ли данные о существовании таких внутренних пошлин»; там сказано, что «я не в состоянии дать вам просимые вами сведения о данных, подтверждающих наличие внутренних пошлин в Китае». Таким образом, помимо довольно неприятного убеждения, что лорд Эльджин, выговаривая возмещение убытков Англии, не назначил срока для его уплаты и перенес войну из Кантона в столицу исключительно для того, чтобы заключить договор, который отправит британские войска обратно из столицы, чтобы драться в Кантоне, в уме Джона Булля возникло смутное подозрение, что ему самому придется, из собственного кармана выплачивать обусловленное в договоре возмещение убытков, так как ст. 28 окажется для китайских властей большим стимулом к установлению на британские фабричные изделия пошлины в 7,5%, которые, по требованию, будут превращены в 2,5-процентную ввозную пошлину. Чтобы не дать Джону Буллю слишком глубоко вдумываться в свой договор, лондонский «Times» нашел нужным притвориться сильно разгневанным на американского посла и свирепо поносить его за то, что он будто бы испортил похлебку, хотя на самом деле он имел такое же отношение к неудаче второй англо-китайской войны, как человек на луне.

Таким образом, мир, поскольку это касается английской торговли, принес в результате новую ввозную пошлину и целый ряд

¹ Поговорка у римлян: «до греческих календ» означала: до времени, которое никогда не наступит, так как «календ» в качестве названия первого дня календарного месяца в греческом календаре не существовало. *Ред.*

условий, которые либо не имеют никакого практического значения, либо не могут быть соблюдены китайцами и потому в любой момент рискуют стать предлогом для новой войны. Англия не получила никакого приращения территории, — она не могла бы требовать этого, не дав повода Франции сделать то же самое, а возникновение французских владений на китайском побережье в результате начатой Англией войны было бы для последней совершенно невыгодно. Что касается России, то ее положение совершенно иное. Помимо того, что она участвует во всех выгодах, каковы бы они ни были, которые якобы обеспечены за Англией и Францией, она заполучила все Приамурье, которым она так незаметно овладела. Не довольствуясь этим, она добилась учреждения русско-китайской комиссии по установлению границ, а мы знаем, чем является комиссия этого рода в руках России. Мы видели такую комиссию за работой на азиатской границе Турции, где она в течение более 20 лет отрезала кусок за куском от турецкой территории, пока ее деятельность не была прервана последней войной; теперь ее работа должна начаться с самого начала. Далее, в русском договоре есть статья, регулирующая почтовую службу между Кяхтой и Пекином. То, что раньше представляло собою нерегулярную и лишь терпимую китайскими властями линию сообщений, теперь превратится в регулярную, правильно организованную и установленную на основании законного права службу. Предполагается установить ежемесячную почту между обоими пунктами и проезд приблизительно в 1 000 миль будет совершаться в 15 дней; кроме того, раз в 3 месяца по той же самой дороге будет отправляться торговый караван. Ясно, однако, что китайцы либо не захотят, либо не смогут выполнять эту службу; и так как почтовое сообщение гарантировано ныне за Россией пока только в качестве права, то в результате окажется, что оно постепенно перейдет в ее руки. Мы видели, как русские проводили свои почтовые линии через Киргизскую степь; мы не сомневаемся, что не пройдет и нескольких лет, как подобная же линия будет проведена через пустыню Гоби, и тогда прощай мечта о британском господстве в Китае, ибо каждый день русская армия сможет выступить походом на Пекин.

Не трудно себе представить, каков будет результат учреждения постоянных посольств в Пекине. Взгляните на Константинополь или Тегеран. Где бы русская дипломатия ни встречалась с английской или французской, она неизменно оказывается успешной. Кто же может сомневаться, что русский посол, который через несколько лет сможет располагать в Кяхте, находящейся в расстоянии месяца

пути от Пекина, армией, достаточно сильной для любой цели, и железнодорожной линией, сооруженной для ее продвижения по всему пути, — кто может сомневаться, что такой русский посол будет всемогущ в Пекине?

Факт тот, что Россия быстро становится первенствующей азиатской страной и весьма скоро отодвинет Англию на этом континенте на второй план. Завоевание Средней Азии и присоединение Манчжурии увеличивает ее владения территорией, по величине равной всей Европе, за исключением собственно Российской империи, и из снежной Сибири приводит ее в умеренный пояс. В непродолжительном времени долины среднеазиатских рек и Амура будут заселены русскими колонистами. Приобретенные таким образом стратегические позиции имеют такое же важное значение для Азии, как Польша для Европы. Обладание Туркестаном угрожает Индии; обладание Манчжурией угрожает Китаю, а Китай и Индия, с их 450 млн. жителей, являются в настоящее время решающими странами Азии.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5484 от 18 ноября 1858 г.

Без подписи.

Карл Маркс
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ.
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ РОСТ СОВРЕМЕННОГО
БОГАТСТВА И ПАУПЕРИЗМА

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

На последней чрезвычайной сессии британского парламента лорд Дерби заявил в палате лордов, что за последние 3 года ценность британского импорта на 150 млн. ф. ст. превысила ценность британского экспорта. Это заявление возбудило вне парламента полемику, и несколько частных лиц обратились к председателю департамента торговли лорду Стенли-оф-Олдерли с запросом насчет правильности утверждения лорда Дерби. Председатель департамента торговли в письме к авторам запроса ответил следующее:

«Утверждение лорда Дерби в палате лордов, будто ценность нашего импорта за последние 3 года превысила ценность нашего экспорта на 150 млн. ф. ст., неточно; ошибка вызвана тем, что лорд Дерби взял общую ценность импорта, включая наш ввоз из колоний и из чужих стран, тогда как ему надлежало исключить отсюда обратный экспорт товаров, полученных нами из колоний и чужих стран. Таким образом, вычисление лорда Дерби дает:

	ф. ст.
Импорт	468 000 000
Экспорт	308 000 000
Разность	160 000 000

На самом деле оно должно быть таково:

	ф. ст.
Импорт	468 000 000
Экспорт	371 000 000
Разность	97 000 000

Председатель департамента торговли в подтверждение своего заявления приводит сравнительные данные о ценности экспорта и импорта Соединенного королевства за 1855, 1856 и 1857 годы. Мы прилагаем ниже этот интересный документ, которого лондонские газеты не сообщают. Прежде всего, укажем, что этому соотношению можно придать такую форму, которая подтверждает высказанное лордом Дерби положение, а именно:

	ф. ст.
Импорт в целом	468 000 000
Экспорт чисто британской продукции	308 000 000
Превышение импорта над экспортом чисто британской продукции	160 000 000
Обратный экспорт ввезенной иностранной продукции	63 000 000
Неблагоприятный для Британии торговый баланс	97 000 000

Таким образом, мы действительно имеем превышение иностранного импорта над экспортом собственно британской продукции, равное сумме в 160 млн. ф. ст., а по вычете обратного экспорта ввезенной в Англию иностранной продукции на сумму в 63 млн. ф. ст. остается неблагоприятный для Великобритании торговый баланс, по признанию самого председателя департамента торговли равный сумме в 97 млн. ф. ст., или, в среднем, более 32 млн. ф. ст. в год за 1855, 1856 и 1857 годы. Этот факт недавно вызвал недовольство лондонского «Times»: «Фактические потери нашей торговли продолжались в течение последних 5 — 6 лет, а мы выяснили это только теперь». Однако эти потери имеют своим источником не превышение экспорта над импортом, а специфический характер значительной части экспорта.

Дело в том, что половина обратного вывоза состоит из потребляемого в промышленности иностранного сырья, которое способствует усилению иностранной конкуренции к ущербу для промышленных интересов Британии, и некоторая часть этого сырья в форме фабричных изделий остается даже для ее внутреннего потребления. Необходимо запомнить, что решающим моментом является, однако, то, что реэкспорт сырья в крупном масштабе, вызываемый конкуренцией континентальных фабрикантов, настолько повысил цены на это сырье, что они почти поглотили остававшуюся у британского фабриканта прибыль. В прошлом мы уже имели случай сделать некоторые указания в этом смысле в отношении британской хлопчатобумажной промышленности. Так как в настоящий момент промышленный кризис сильнее всего свирепствует в британских округах шерстяной промышленности, где банкротства следуют одно за другим, и так как все это тщательно скрывается от широкой публики лондонской прессой, то мы считаем уместным привести здесь несколько цифр, показывающих, как сильно конкурируют континентальные фабриканты с британскими за сырую шерсть и как эта конкуренция вызвала беспримерное повышение цен на данное сырье, разорительное для фабри-

канта и раздувающее спекуляцию на эти товары. Нижеследующая таблица охватывает первые 9 месяцев каждого из 5 последних лет:

Импорт в фунтах (по весу)			
Годы	Иностраный	Колониальный	Всего
1853	37 568 199	46 277 276	83 845 475
1854	27 006 173	50 187 692	77 193 865
1855	17 293 842	53 896 173	71 190 015
1856	22 377 714	62 148 467	84 526 181
1857	27 607 364	63 050 100	90 657 464

Экспорт в фунтах (по весу)			
Годы	Иностраный	Колониальный	Всего
1853	2 480 410	4 343 166	6 823 576
1854	5 993 366	13 117 102	19 110 468
1855	8 860 909	12 948 561	21 809 470
1856	5 523 345	17 433 958	22 957 303
1857	4 561 000	25 068 787	29 629 787

Таким образом, количество иностранной и колониальной шерсти, оставшейся для британского внутреннего потребления, выразилось в таких цифрах:

Годы	Шерсть в фунтах
1853	77 021 899
1854	58 083 397
1855	49 396 545
1856	61 568 778
1857	61 027 677

С другой стороны, количество экспортированной британской деморощенной шерсти равнялось:

Годы	Фунты
1853	4 755 443
1854	9 477 396
1855	13 592 756
1856	11 539 201
1857	13 492 386

Вычитая из общего количества иностранной шерсти, ввезенной в Соединенное корольство, во-первых, количество, обратно вывезенное за границу, и, во-вторых, количество вывезенной английской шерстяной продукции, мы находим следующее действительное количество заграничной шерсти, предоставленное для внутреннего потребления Британии:

Годы	Фунты
1853	72 266 456
1854	48 606 001
1855	35 80 3789
1856	50 029 577
1857	47 535 251

Итак, в то время как импорт колониальной шерсти в Соединенное королевство возрос с 46 277 276 фунтов в начале 1853 г. до 63 050 100 фунтов за период 1853—1857 годов, а общий импорт всех сортов в этот промежуток времени возрос с 83 845 475 фунтов до 90 657 464 фунта, спрос на европейском континенте тем временем настолько вырос, что количество иностранной и колониальной шерсти, оставшейся для внутреннего потребления Британии за 5 лет, сократилось с 77 021 899 фунтов в 1853 г. до 61 027 677 фунтов в 1857 г.; принимая во внимание еще и количество экспортированной английской шерстяной продукции, получается общее сокращение с 71 266 456 фунтов в 1853 г. до 47 535 251 фунта в 1857 году. Значение изложенного здесь будет более понятным, если обратим внимание на факт, вскрытый в одной финансовой статье лондонского «Times», а именно на то, что одновременно с ростом экспорта шерсти из Соединенного королевства возрастает ввоз континентальных шерстяных фабрикатов, в особенности из Франции.

Из сообщенных лордом Стенли-оф-Олдерли цифр мы сделали следующие извлечения в виде таблицы, показывающей, в какой степени баланс торговли различных стран с Великобританией является для тех или иных среди них благоприятным или неблагоприятным:

**НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ДЛЯ АНГЛИИ ТОРГОВЫЙ БАЛАНС
ЗА 1856 И 1857 ГГ.**

	ф. ст.
1. Соединенные Штаты	28 571 764
2. Китай	22 675 433
3. Ост-Индия	19 605 742
4. Россия	16 642 167
5. Пруссия	12 842 488
6. Египет	8 214 941
7. Испания	7 146 917
8. Британская Вест-Индия	6 906 314
9. Перу	6 232 382
10. Швеция	5 027 934
11. Куба и Порто-Рико	4 853 484
12. Остров Маврикия	4 672 090
13. Новый Брауншвейг	3 431 303
14. Дания	3 391 144
15. Цейлон	3 134 575
16. Франция	2 696 291
17. Канада	1 808 454
18. Норвегия	1 686 962
19. Африка (Западная)	1 432 195
20. Португалия	1 233 075
21. Обе Сицилии	1 030 139
22. Чили	693 153
23. Буэнос-Айрес	107 676

БЛАГОПРИЯТНЫЙ ДЛЯ АНГЛИИ ТОРГОВЫЙ БАЛАНС
ЗА 1855, 1856 И 1857 ГГ.

	ф. ст.
1. Ганзейские города	18 883 428
2. Австралия	17 761 889
3. Турция	6 947 220
4. Бразилия	7 131 160
5. Бельгия	2 214 207
6. Голландия	1 600 904
7. Мыс Доброй Надежды	59 661

Простой факт превышения британского импорта над экспортом, достигшего за 3 года суммы в 97 млн. ф. ст., отнюдь не дает права британцам поднимать крик о том, «что они ведут торговлю с ежегодным для себя убытком в 33 000 000 ф. ст.» и обогащают ею только чужие страны. Колоссальная и все возрастающая масса британского капитала, вложенного во всех частях света, должна выплачиваться британцам в виде процентов, дивидендов и прибылей, которые в значительной мере переводятся им в форме иностранной продукции и, следовательно, увеличивают список ввозимых в Британию товаров. Помимо импорта соответствующего их экспорту, должен существовать еще добавочный импорт, поступающий не в уплату за вывозимые товары, а в качестве дохода с капитала. Таким образом, вообще говоря, так называемый торговый баланс должен быть всегда благоприятным для заграницы и неблагоприятным для Англии, ибо мир должен платить Англии не только за покупаемые у нее товары, но также и проценты за свои долги ей. Единственно, что может в этом положении действительно вызывать у Англии беспокойство, это то, что Англия, очевидно, не в состоянии найти у себя в стране достаточно широкое поле для приложения своего огромного капитала и потому принуждена все в больших количествах отдавать его в ссуду и, подобно Голландии, Венеции и Генуе в эпоху их упадка, выковывать собственными руками оружие для своих конкурентов. Предоставляя в широких размерах кредиты, она принуждена поощрять спекуляцию в других странах, чтобы найти поле для приложения своего излишнего капитала и таким образом подвергать риску созданное ею богатство ради его же сохранения и увеличения. Благодаря тому, что она вынуждена оказывать широкий кредит промышленным странам, как, напр., континентальной Европе, она сама же дает своим промышленным соперникам средства для конкуренции при покупке сырья и таким образом сама содействует повышению цен на сырье для собственных своих фабрик. Незначительная прибыль, достающаяся таким образом

британскому фабриканту и еще более с необходимостью снижающаяся в стране, самое существование которой обусловлено ее монопольным положением, как мастерской мира, постоянно продавать дешевле других стран, — эта незначительная прибыль компенсируется потом сокращением заработной платы рабочего класса и созданием у себя быстро растущей нищеты. Такова естественная цена, уплачиваемая Англией за все ее торговое и промышленное преобладание.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА СТОИМОСТИ ИМПОРТА И ЭКСПОРТА СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА В ГЛАВНЫЕ СТРАНЫ И В БРИТАНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В 1854, 1855 И 1856 ГОДЫ

Страны Иностранные государства	Годы	Импорт Исчисленная реальная цен- ность импорта	Ценность экспорта		
			Заявленная ценность продукции Соединенного королевства	Исчисленная реальная ценность иностранной и коловальной продукции	Итого
В фунтах стерлингов					
Россия	1854	4 252 288	54 301	19 738	74 039
	1855	478 169	—	—	—
	1856	11 561 924	1 595 237	1 775 617	3 370 854
Швеция	1854	2 509 539	334 518	249 792	584 310
	1855	2 325 171	545 384	279 515	824 899
	1856	2 031 861	629 697	300 795	930 492
Норвегия	1854	1 369 440	402 290	106 244	508 534
	1855	1 099 642	487 400	102 551	589 951
	1856	947 934	488 489	143 080	631 569
Дания	1854	2 706 186	758 228	230 010	988 238
	1855	3 086 979	756 967	260 264	1 017 691
	1856	2 201 831	1 033 142	352 173	1 385 315
Пруссия	1854	9 055 503	798 434	1 717 285	2 515 719
	1855	10 242 862	1 100 021	2 016 650	3 116 671
	1856	4 534 815	933 715	624 908	1 558 623
Ганзейские города.	1854	6 224 524	7 413 715	2 720 274	10 133 989
	1855	4 816 298	8 350 228	3 344 416	11 694 644
	1856	5 302 739	10 134 813	3 260 543	13 395 356
Голландия	1854	6 731 141	4 573 034	2 320 877	6 893 911
	1855	6 460 932	4 558 201	2 611 767	7 169 977
	1856	7 433 442	5 728 253	2 434 278	8 162 531

Страны Иностранные государ- ства	Годы	Ценность экспорта			
		Импорт Исчисленная реальная цен- ность импорта	Заявленная ценность продукции Соединенного королевства	Исчисленная реальная ценность иностранной и колонияльной продукции	Итого
Бельгия	1854	3 631 161	1 406 932	1 948 740	3 355 672
	1855	2 533 732	1 707 693	2 239 514	3 947 207
	1856	2 936 796	1 689 975	2 323 042	4 013 017
Франция	1854	10 447 774	3 175 290	3 216 175	6 391 465
	1855	9 146 418	6 012 658	4 409 223	10 421 881
	1856	10 386 522	6 432 650	4 038 427	10 471 077
Испания	1854	3 594 501	1 270 464	165 642	1 436 106
	1855	4 799 728	1 158 800	135 192	1 293 992
	1856	3 645 083	1 734 483	377 820	2 112 303
Куба и Порто-Рико.	1854	3 369 444	1 073 861	4 727	1 078 588
	1855	2 332 753	1 077 745	22 933	1 100 678
	1856	2 654 580	1 398 837	25 190	1 424 027
Португалия	1854	2 101 126	1 370 603	148 997	1 519 600
	1855	1 962 044	1 350 791	184 580	1 535 371
	1856	2 164 090	1 455 754	433 470	1 889 224
Обе Сицилии	1854	1 411 457	563 033	109 258	672 291
	1855	1 281 940	921 220	175 220	1 096 441
	1856	1 505 582	1 202 183	197 925	1 400 108
Турция (в соб- ственном смысле)	1854	2 219 298	2 758 605	317 476	3 076 081
	1855	2 294 571	5 639 898	419 119	6 059 017
	1856	2 383 029	4 416 029	291 991	4 708 020
Египет	1854	3 355 928	1 253 353	113 895	1 367 248
	1855	3 674 682	1 454 371	117 235	1 571 606
	1856	5 753 518	1 587 682	43 151	1 630 333
Соединен. Штаты (с Калифорнией).	1854	29 795 302	21 410 369	923 034	22 333 403
	1855	25 741 752	17 318 086	744 517	18 062 603
	1856	36 047 773	21 918 105	698 772	22 616 377
Бразилия	1854	2 083 589	2 891 840	119 982	3 011 822
	1855	2 273 819	3 312 728	123 550	3 441 278
	1856	2 229 048	4 084 537	179 979	4 264 516

Страны Иностранные государ- ства	Годы	Импорт Исчисленная реальная цен- ность импорта	Ценность экспорта		
			Заявленная ценность продукции Соединенного королевства	Исчисленная реальная ценность иностранной и колоннальной продукции	Итого
Буэнос-Айрес . . .	1854	1 285 186	1 267 125	32 565	1 299 690
	1855	1 052 033	742 442	26 383	768 825
	1856	981 193	998 329	43 892	1 042 221
Чили	1854	1 380 563	1 421 855	43 589	1 465 444
	1855	1 925 271	1 330 385	56 688	1 387 073
	1856	1 700 766	1 396 446	64 492	1 460 938
Перу	1854	3 138 527	949 289	22 236	971 525
	1855	3 484 288	1 285 160	60 278	1 345 438
	1856	3 048 694	1 046 010	26 154	1 072 164
Китай (с Гонкон- гом)	1854	9 125 040	1 000 716	26 400	1 027 116
	1855	8 746 590	1 277 944	26 052	1 303 996
	1856	9 421 648	2 216 123	70 611	2 286 734
Западный берег Африки (без бри- танских и фран- цузских владен- ий)	1854	1 528 896	646 868	174 073	820 941
	1855	1 516 729	839 831	219 827	1 059 658
	1856	1 657 375	666 374	223 842	890 216
Итого иностран- ных стран	1854	118 239 554	63 800 605	15 645 612	79 446 217
	1855	109 959 539	69 524 475	18 710 749	88 235 224
	1856	129 517 568	83 327 154	20 035 442	103 362 596
Британские вла- дения					
Канада	1854	4 007 052	3 957 085	180 569	4 137 654
	1855	2 296 277	1 515 823	90 298	1 606 121
	1856	3 779 741	2 418 250	128 591	2 541 841
Новый Брауншвейг	1854	2 079 674	863 704	40 273	909 977
	1855	4 379 041	370 560	27 718	398 278
	1856	1 891 707	572 542	34 322	606 864
Британские Вест- Индские острова	1854	3 977 271	+1 870 674	166 690	2 037 364
	1855	3 978 278	1 389 992	136 022	1 526 014
	1856	4 157 098	1 462 156	180 799	1 642 955

Страны Иностранные государства	Годы	Импорт Исчисленная реальная цен- ность импорта	Ценность экспорта		
			Заявленная ценность продукции Соединенного королевства	Исчисленная реальная ценность иностранный и колоннальной продукции	Итого
в фунтах и шиллингах					
Британская Гвиана	1854	1 636 267	+	31 779	31 779
	1855	1 491 935	421 398	35 189	456 587
	1856	1 418 264	411 241	41 248	452 489
Британские посе- ления в Австра- лии	1854	4 301 868	11 931 352	1 474 634	13 405 986
	1855	4 500 200	3 278 966	942 659	7 221 625
	1856	5 736 043	9 912 575	1 759 814	11 672 389
Британская Ост- Индия	1854	10 672 862	9 127 556	493 154	9 620 710
	1855	12 668 732	9 949 154	404 321	10 358 475
	1856	17 262 851	10 546 190	478 328	11 024 518
Цейлон	1854	1 506 646	382 276	31 228	413 504
	1855	1 474 251	305 576	20 321	325 897
	1856	1 304 174	388 435	22 660	411 095
Острова Маврикия.	1854	1 677 533	383 210	17 936	401 146
	1855	1 723 807	303 173	14 772	317 945
	1856	2 427 007	420 180	16 977	437 157
Мыс Доброй На- дежды и Британ- ские владения в Южной Африке.	1854	691 352	921 957	63 309	985 266
	1855	949 640	791 313	45 437	836 750
	1856	1 502 828	1 344 338	73 127	1 417 465
Итого Британских владений	1854	34 149 499	33 384 121	2 990 754	36 374 875
	1855	33 583 311	26 163 610	2 292 466	28 456 076
	1856	43 026 586	32 499 794	3 357 963	35 857 757
Всего иностран- ных и британ- ских владений . .	1854	152 389 053	97 184 726	18 636 366	115 821 092
	1855	143 542 850	95 688 085	21 003 215	116 691 300
	1856	172 544 154	115 826 948	23 393 405	139 220 353

+ Включая Британскую Гвипану + Включена в Вест-Индию.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5238 от 3 февраля 1858 г.

Без подписи.

БЮДЖЕТ ДИЗРАЭЛИ.

Лондон, 20 апреля 1858 г.

Речь Дизраэли о бюджете 19 апреля в палате общин заполняет около 10 столбцов лондонского «Times», тем не менее ее читаешь с удовольствием, пожалуй даже большим, чем роман «Молодой герцог» того же автора. По ясности анализа, простоте построения, искусному расположению и умелому использованию деталей, она представляет удачный контраст с громоздкими и многословными риторическими упражнениями его пальмерстоновского предшественника. Речь не содержит ничего особенно нового, да и не претендует на это. Дизраэли очутился в счастливом положении министра финансов, которому пришлось иметь дело с дефицитом не собственной фабрикации, а унаследованным от соперника. Его роль была не пациента, а врача. С одной стороны, ему предстояло отыскать средства для покрытия дефицита; с другой — не могло быть и речи о серьезном сокращении расходов, вызванных авантюрами, в которые Англия пустилась под эгидой лорда Пальмерстона. Дизраэли в упор заявил палате общин, что если она за политику нашествий и агрессий, то она должна за нее платить, и ее громкий вопль об экономии — простая насмешка, поскольку палата наряду с этим высказывала без всяких колебаний готовность тратить деньги. По его исчислению, расходы на 1858/59 финансовый год должны быть следующие:

	Ф. ст. .
Проценты по консолидированному долгу . . .	28 400 000
Постоянный расход за счет консолидированного фонда	1 900 000
Военная смета	11 750 000
Расходы на флот, включая пароходство	9 860 000
Гражданское ведомство	7 000 000
Департамент доходов	4 700 000
Казначейские бонусы, подлежащие ликвидации в мае 1858 г.	2 000 000
Фонд амортизации военного долга	1 500 000
<hr/>	
Всего расходов	67 110 000

Доходы на 1858/59 г. исчислены в следующих цифрах:

	Ф. ст.
Таможенные пошлины	28 400 000
Акциз	18 000 000
Гербовый сбор	7 550 000
Налог поземельный и с недвижимостей	3 200 000
Почтовые сборы	3 200 000
Поимущественный и подоходный налог	6 100 000
Коронные земли	270 000
Разные доходы	1 300 000
Итого доходов	63 999 000 ¹

Сравнение сметы расходов со сметой доходов показывает, что несмотря на несколько оптимистические предположения Дизраэли относительно ожидаемых поступлений от таможенных сборов, акциза и почтового ведомства, чистый дефицит равен 4 млн. ф. стерлингов. Каким образом можно его покрыть? Пальмерстоновцы посмеивались при одной мысли о том, что Дизраэли придется прибегнуть в ближайшем году к приостановке сокращения подоходного налога с 7 пенсов до 5 пенсов на 1 ф. стерлингов—мера, которой, когда она была предложена сэром Корнуолем Льюисом, он и Гладстон оказали сильнейшее сопротивление. Пальмерстоновцы готовились поднять крик о беспринципных оппозициях и использовать в своих целях непопулярность подоходного налога. Словом, подоходный налог был тем подводным камнем, о который, как с уверенностью предсказывали пальмерстоновцы, предстояло разбиться государственному кораблю графа Дерби. Но Дизраэли — старая лиса — не имел никакого желания попасть в подобную ловушку. Вопреки ожиданиям, он заявил в палате, что Джон Булл в течение последних 5 лет вел себя в финансовых делах как пай-мальчик; он с бодрым духом нес на себе государственное бремя и потому при настоящих тяжелых обстоятельствах его не следует огорчать налогом, к которому он всегда питал особое отвращение; тем более, что, на основании принятого огромным большинством палаты соглашения 1853 г., пай-мальчику были обещаны прогрессивное сокращение этого налога и его окончательная отмена по истечении известного числа лет. Собственный рецепт Дизраэли для покрытия дефицита и даже получения некоторого излишка свелся к следующему: отложить на более поздний срок ликвидацию 2 млн. казначейских бон; не выплачивать 1 500 000 ф. ст. на

¹ Повидимому «New York Daily Tribune» допущена ошибка при перепечатке как слагаемых, так и суммы, доходы должны быть меньше расходов на 4 млн. ф. стерлингов. *Ред.*

амортизацию военного долга, пока не появится подлинного излишка, который можно было бы ассигновать на это дело; уравнивать налог на спиртные напитки в Англии и Ирландии, повысив налог в Ирландии с 6 шилл. 10 пенс. до 8 шилл. на галлон, что должно дать казне повышение дохода на 500 тысяч ф. ст.; и, наконец, обложить банкирские чеки штемпельным сбором в 1 пенс, что даст добавочный доход в 300 тысяч ф. стерлингов.

Разберемся во всем этом. Что касается введенных Дизраэли новых незначительных налогов, то они не могут вызвать серьезных возражений. Хотя представители Падди¹, конечно, сочли своим долгом протестовать, однако всякую помеху потреблению спиртных напитков в Ирландии должно рассматривать как целительную меру. Предлагая ее, канцлер казначейства не мог удержаться от искушения немного подшутить над своими ирландскими друзьями. «С полнейшей искренностью» (in the most cordial spirit) он просил «пылких ирландцев» (the high-spirit Irishmen) содействовать этому предложению обложить налогом «ирландские спиртные напитки» (Irish spirit) и слить воедино свое «настроение» (spirits) с «настроением»² англичан и шотландцев и т. д. Гербовый сбор с банкирских чеков подвергся жестокой атаке со стороны Глина, представителя интересов лондонских банкиров и банковых маклеров. Он высказал уверенность, что этот злосчастный пенс помешает денежному обращению страны выполнить свое назначение; но какой бы ужас г. Глин ни испытывал или притворно ни напускал на себя по случаю дерзкого наложения ничтожного налога на банкиров и биржевых маклеров, его чувства едва ли найдут отклик среди масс британского народа.

Серьезной чертой бюджета Дизраэли является прекращение операции искусственного амортизационного фонда — этого великого финансового обмана, введенного вновь сэром Корнуолем Льюисом в связи с долгами, вызванными Крымской войной. Подлинно-британский амортизационный фонд представляет одну из тех чудовищных иллюзий, которые помрачают умственные способности целого поколения и сущность которых едва ли может понять грядущее поколение. В 1771 г. д-р Ричард Прайс в своих замечаниях о преемственных платежах впервые раскрыл миру тайны сложных процентов и амортизационного фонда.

¹ Падди — уменьшительное от Патрик, шутовское прозвище ирландцев. Ред.

² Тут непереводимая игра слов, основанная на том, что в английском языке слово «spirit» значит дух, душа, а «spirits» — «спиртные напитки» и «бодрое настроение». Ред.

«Деньги, — говорит он, — приносящие сложные проценты, сначала растут медленно, но в дальнейшем темп роста непрерывно ускоряется, и через некоторое время он достигает такой быстроты, что превосходит всякое воображение. Один пенс, отданный в рост в год рождения нашего Спасителя из 5⁰ 0, к нашему времени вырос бы в сумму большую, чем представили бы 150 млн. земных шаров сплошь из чистого золота. Но если положить его в рост по простым процентам, то за тот же период времени он даст не более 7 шилл. $4\frac{1}{2}$ пенса. До сих пор наше правительство имело обыкновение увеличивать свои суммы скорее вторым способом, нежели первым. Государство никогда не должно испытывать трудности, ибо при самых малых сбережениях оно может уплатить самые крупные долги в такой короткий срок, какого могут потребовать его интересы. Согласно такой системе, совершенно неверно, какой процент государство принуждено платить за деньги, ибо, чем выше будет процент, тем скорее таким фондом можно выплатить основной долг».

В соответствии с этим Прайс предлагал «ежегодно некую постоянную сумму с тем, чтобы, вместе с процентами от всех выкупаемых ею сумм, употребить на выплату государственного долга, — другими словами, учредить фонд амортизации».

Этот фантастический план, такой же остроумный, как и финансовый план дурачка в одном из сервантесовых романов, предлагавшего испанскому народу в течение лишь двух недель воздержаться от пищи и питья с целью добыть средства для уплаты государственного долга, все же пленил воображение Питта.

На этой именно основе он в 1780 г. учредил свой амортизационный фонд, уделяя «неукоснительно» определенную сумму в 5 млн. ф. ст. каждый год для этой цели. Эта система просуществовала вплоть до 1825 г., когда палата общин приняла резолюцию, что только подлинные излишки доходов страны могут идти на уплату государственного долга. Благодаря этому курьезному амортизационному фонду вся система государственного кредита пришла в хаотическое состояние. Создалась совершенная неразбериха между тем, что занималось из нужды, и тем, что занималось для удовольствия, между займами, которые увеличивали долг, и займами, которые его выплачивали. Проценты и сложные проценты, долг и выкуп носились в какой-то пляске перед глазами людей такой нескончаемой чередой, это была такая фантазмагория консолей и бон, облигаций и векселей казначейства, капитала без процентов и процентов без капитала, что самые крепкие головы приходили в полную растерянность. План д-ра Прайса заключался в том, чтобы государство брало деньги взаймы по простым процентам, а приращивало их по сложным процентам. Фактически, Соединенное королевство взяло займы 1 000 млн. ф. ст., из которых 600 млн. было получено условно, причем 390 млн. из этой суммы были предназначены не для уплаты долга, а для

содержания фонда амортизации. Это замечательное учреждение, знаменующее золотую эру биржевых маклеров и спекулянтов, пальмерстоновский канцлер казначейства пытался снова взвалить на плечи Джона Буллля, но Дизраэли нанес ему теперь смертельный удар.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5318 от 7 мая 1858 г.

Без подписи.

ВАЖНЫЕ БРИТАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ.

Лондон, 30 апреля 1858 г.

Недавно британское правительство опубликовало несколько статистических документов — отчет департамента торговли за первый квартал 1858 г., сравнительные данные о пауперизме в Англии за январь 1857 и 1858 гг. и, наконец, полугодовой отчет о деятельности фабричных инспекторов. Отчеты департамента торговли, как и следовало ожидать, показывают значительное сокращение как экспорта, так и импорта в первые 3 месяца 1858 г. сравнительно с тем же кварталом предшествующего года. Общая объявленная ценность всех вывезенных товаров, которая в течение предшествующего периода выражалась в сумме 28 827 493 ф. ст., за первые 3 месяца текущего года упала до 23 510 290 ф. ст., так что общее сокращение британского экспорта можно определить приблизительно в 19%. Таблица ценности главных статей ввоза, данная только до конца февраля, показывает снижение, сравнительно с первыми 2 месяцами 1857 г., с 14 694 806 ф. ст. до 10 117 920 ф. ст., так что падение ввоза оказывается еще резче выраженным, нежели вывоза. Сравнительное состояние экспортной торговли Соединенного королевства с Соединенными Штатами в течение первых 3 месяцев 1857 и 1858 гг. можно установить из следующей выдержки:

ВЫВОЗ ИЗ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

	Количество		Объявленная ценность	
	1857 г.	1858 г.	1857 г.	1858 г.
			в фунтах стерлингов	
Пиво и эль (в бочках) . . .	9 504	6 581	40 893	29 269
Уголь и мелкий уголь (в тоннах)	19 972	44 299	11 975	21 818
Бумажная пряжа (в ярдах).	61 198 140	35 271 538	1 128 453	618 540
Скобяной и ножевой товар (в центнерах)	44 096	14 623	301 275	104 668

	Количество		Объявленная ценность	
	1857 г.	1858 г.	1857 г.	1858 г.
			в футах стерлингов	
Льняная пряжа (в ярдах) .	18 373 022	8 757 750	527 076	265 536
Железные болванки (в тоннах)	10 172	6 569	39 927	20 344
Железные полосы (в тоннах)	70 877	6 417	601 124	54 602
Чугун	207	2 362	4 659	14 475
Железо ковачное всех сортов	12 578	2 079	151 602	29 218
Сталь некованная	3 607	1 108	128 178	43 666
Медь (в центнерах)	11 075	1 954	69 286	10 595
Свинец (в тоннах)	941	60	21 793	1 324
Растительное масло (в галлонах)	400 200	42 790	62 576	5 768
Соль (в тоннах)	66 022	35 205	33 169	16 990
Шелковые изделия (в футах)	66 973	22 920	82 280	25 212
Шерстяные материи, сукно (в штуках)	106 519	30 624	351 911	110 096
Шерстяные материи, смешанные материи (в штуках)	9 030 643	6 368 551	401 249	232 202
Камвольные материи (в штуках)	212 763	80 601	249 013	106 913
Глиняная и фаянсовая посуда	—	—	155 700	70 998
Галантерея и головные уборы	—	—	614 825	288 752
Жесть (в листах)	—	—	273 409	105 847

За немногими, совершенно незначительными исключениями, этот список показывает огромное падение экспорта; но что особенно поражает, это то, что в большинстве случаев падение в ценности далеко не пропорционально сокращению его количества. В этом отношении Соединенные Штаты оказались гораздо лучшим рынком, нежели другие страны, откуда британцы за большее количество выручали меньшую цену. Так, напр., они в 1858 г. вывезли в Голландию 277 342 фута шерсти против 245 593 фунтов в 1857 г.; но в первом случае они выручили только 24 949 ф. ст., а во втором — 25 563 ф. ст.; точно так же за 1 505 621 фунт, вывезенный во Фран-

цию в 1858 г., была выручена меньшая сумма в 103 235 ф. ст., нежели сумма в 108 412 ф. ст., вырученная за меньшее количество, т. е. с 1 445 322 фунтов, вывезенных туда же в 1857 году. Кроме того, если мы сравним данные за первый квартал 1858 г. с данными за один март, то мы обнаружим в британском вывозе в Соединенные Штаты тенденцию к улучшению. Так, экспорт камвольных товаров в марте 1858 г., сравнительно с мартом 1857 г., уменьшился всего с 66 617 ф. ст. до 54 346 ф. ст., тогда как по всему кварталу он сократился с 249 013 ф. ст. до 106 913 ф. стерлингов. Единственной страной, представляющей исключение из общего правила и дающей значительный рост спроса на британские фабричные изделия, является Индия, как это показывают следующие цифры:

	Количество		Объявленная ценность	
	1857 г.	1858 г.	1857 г.	1858 г.
			в фунтах стерлингов	
Пиво и эль (в бочках) . . .	24 817	51 913	77 845	166 567
Бумажн. материи (в ярдах) .	120 092 475	151 463 533	1 385 888	1 781 948
Скобяные и ножевые товары (в центнерах)	10 642	16 776	42 849	67 287
Бумажная пряжа (в ярдах) .	5 185 044	10 609 434	276 409	531 567
Железные полосы (в тоннах)	20 674	26 286	191 528	217 539
Медь (листы и прутья, в центнерах)	18 503	23 313	115 927	132 156
Шерстяная материя, сукна.	12 128	19 571	63 846	90 584
Глиняная и фаянсовая посуда	—	—	9 989	19 631
Галантерея и головные уборы	—	—	21 350	34 427
Паровые машины	—	—	31 408	36 019

Рост британского ввоза в Индию для некоторых его статей, как, напр., для шерстяных материй, можно объяснить спросом на нужды войны. В целом, однако, объяснение этого повышательного движения нельзя искать в этом направлении. Дело просто заключается в том, что восстание на несколько месяцев совершенно закрыло индийский рынок, благодаря чему имевшиеся там товары были потом поглощены, и в результате образовался недостаток, который ныне вновь заполнен. Что касается Австралии, то данные показывают значительный рост в британском экспорте некоторых товаров, но письма полученные из Сиднея и Мельбурна, не оставляют сомнения

относительно того, что отправки туда товаров носят чисто спекулятивный характер и что эти товары будут проданы не по объявленной цене, а со значительной скидкой.

Сравнительные данные о пауперах в Англии и Уэльсе, получавших официальное пособие в конце января 1857 и 1858 гг., показывают, что их число с 920 608 возросло до 976 773, что дает общий прирост в 6,1⁰/₀. Однако в Северо-Центральном, Северо-Западном и Йоркширском округах, т. е. в промышленных районах, процентный рост количества пауперов возрастает соответственно на 20,52⁰/₀, 44,87⁰/₀ и 23,13⁰/₀. Кроме того, надо иметь в виду, что значительная часть рабочего класса упорно предпочитает скорее голодать, чем вступать в работный дом. Следующее извлечение из официальных отчетов любопытно в том отношении, что оно показывает, какой малый процент, даже в Англии, собственно фабричное население составляет ко всей массе народа.

ПРОМЫШЛЕННАЯ СТАТИСТИКА

Административные деления	Число лиц 20-летнего возраста и старше	Процент лиц 20-летнего возраста и старше, занятых в			
		ручных ремеслах, торговле и домашнем услужении	земледелии	фабричном производстве	горном и горнозаводском деле
1. Столица	1 394 963	47,6	1,1	6,0	3,5
2. Юго-восток	887 134	30,7	20,8	2,5	2,4
3. Южная часть центра.	660 775	28,8	25,4	7,1	2,4
4. Восток	603 720	27,4	26,5	4,0	2,3
5. Юго-запад	978 025	28,6	23,3	4,6	5,6
6. Западная часть центра	1 160 387	29,1	15,5	5,2	12,6
7. Северная часть центра	654 679	31,8	21,7	6,4	5,3
8. Северо-запад	1 351 830	29,8	8,3	21,5	5,4
9. Йоркшир	961 945	25,2	14,3	17,5	7,3
10. Север	521 460	27,7	16,1	4,2	12,4
11. Уэльс	641 680	21,8	25,7	2,5	12,4
Англия и Уэльс . .	9 816 597	31,0	16,1	8,4	6,3

Отчеты фабричных инспекторов, доходящие только до конца октября 1857 г., не представляют обычного интереса, ибо, как единодушно заявляют их авторы, закрытие фабрик, сокращение рабочего

времени, многочисленные банкротства предпринимателей и общая экономическая депрессия, начавшаяся как раз в то время, когда они составляли свои отчеты, помешали им собрать те точные надежные данные, на основании которых они в прошлом могли составлять свои отчеты о числе новых фабрик, а также фабрик, увеличивших количество своих двигателей, и фабрик, прекративших работу. Поэтому только из следующего отчета можно будет получить промышленную статистику, отражающую последствия кризиса. Единственно, что дает нынешний отчет, это некоторые новые разоблачения, касающиеся режима детей и молодых рабочих в типографиях. Британское законодательство только в 1845 г. распространило свой контроль с текстильных фабрик также на типографские предприятия. Закон о типографиях во всех деталях повторяет предписания фабричных законов касательно прав инспекторов и мероприятий, на которые они уполномочены в отношении к правонарушителям, и различных могущих возникнуть при применении закона затруднений. Как на фабриках, так и здесь он предписывает регистрацию занятых в предприятии лиц; медицинское освидетельствование малолетних до их принятия на постоянную работу и строгое соблюдение времени начала и конца ежедневной работы согласно установленным часам. Он применяет также установленную фабричными законами номенклатуру для подразделений рабочих на категории, но значительно отличается от них в определении того, какие лица должны составлять ту или иную категорию, и, следовательно, в определении того, кому должна быть оказана защита в деле ограничения труда.

Фабричные работы устанавливают следующие категории: 1) лица мужского пола старше 18 лет, труд которых не подлежит ограничению; 2) лица мужского пола от 13 до 18 лет и лица женского пола старше 13 лет, труд которых подлежит ограничению; 3) дети от 8 до 13 лет, труд которых подлежит ограничению и которые обязаны ежедневно посещать школу.

Соответствующие категории в типографиях следующие: 1) лица мужского пола старше 13 лет, труд которых не подлежит ограничению; 2) лица женского пола старше 13 лет, рабочие часы которых подлежат ограничению; 3) дети обоих полов от 8 до 13 лет, труд которых подлежит ограничению и которые обязаны посещать школу *периодически*. Закон о типографиях существенно отличается от фабричных законов тем, что не содержит никаких предписаний относительно следующего: определения особых часов для принятия пищи, субботнего отдыха, прекращения работы в день рождества

и в страстную пятницу, предоставления периодических полудней отдыха, надежного ограждения опасных машин, сообщения о несчастных случаях и вознаграждения потерпевших, периодической побелки всего помещения. Рабочие часы на фабриках в настоящее время приравнены к обычным рабочим часам квалифицированных и других рабочих на заводах, т. е. от 6 час. утра до 6 час. вечера с полуторачасовым перерывом для принятия пищи. Рабочие часы в типографиях можно считать фактически неограниченными, несмотря на существование ограничения по закону. Единственное ограничение содержится в § 22 закона о типографиях (8 и 9 Vict., 29), который предписывает, что дети от 8 до 13 лет и женщины не должны работать ночью, причем за ночь считается время от 10 час. вечера до 6 час. следующего утра. Таким образом, 8-летние дети вполне законно могут быть и действительно бывают заняты в работе, во многих отношениях аналогичной с работой на фабриках, большей частью в помещениях с высокой температурой, и без перерыва для отдыха или принятия пищи от 6 час. утра до 10 час. вечера; а мальчик, достигший 13-летнего возраста, вполне законно может быть и часто бывает занят работой днем и ночью в течение какого угодно числа часов, без всяких ограничений. Посещение школы детьми, работающими в типографиях, определяется следующим образом: малолетний до поступления в типографию должен иметь зачет посещения школы в течение не менее 30 дней и не менее 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествовавших его первому дню работы в типографии; затем в продолжение всего срока его работы в типографии он должен посещать школу в течение такого же периода в 30 дней и 150 часов в каждый последующий шестимесячный промежуток. На посещение школы отводится время между 8 час. утра и 7 час. вечера. Присутствие в школе менее чем два с половиной часа или свыше пяти часов в один и тот же день не должно засчитываться в счет указанных 150 часов. Гуманность хозяина типографии особенно проявляется в том, как он выполняет это правило. Иной день ребенка пошлют в школу на положенное число часов в одно время дня, в другой день в другое время, но никогда не регулярно; напр., посещение в один день может приходиться от 8 час. до 11 час. утра, а в другой день от 1 час. до 4 час. дня, а затем малолетний может опять не посещать школу в течение нескольких дней, после чего он снова начинает посещать ее, быть может, от 3 до 6 час. дня; или он может посещать школу 3 или 4 дня подряд или даже целую неделю, а затем может не появляться в школе 3 недели или месяца, после чего он снова посещает ее в случайные дни или в случай-

ные часы, когда владельцу удобно обходиться без него. Таким-то образом ребенок перебрасывается из школы на работу и с работы в школу, пока повесть о 150 школьных часах не бывает досказана до конца.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5320 от 20 мая 1858 г.

Без подписи.

* ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АНГЛИИ И СИМПТОМЫ НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЕВРОПЕ.

Англия представляет в настоящее время интересное зрелище появившегося в государственных верхах разложения, между тем как основа общества кажется устойчивой. Не слышно ни о каких волнениях народных масс, зато в правящих сферах наблюдаются явные изменения. Значит ли это действительно, что верхние слои общества разлагаются, в то время как нижние сохраняют свою старую косность? Мы, конечно, не имеем в виду цинические попытки Пальмерстона и иже с ним «огрбить» казначейство. Вооруженные столкновения между политическими изгнанниками и их гонителями являются в средневековых летописях итальянских городов такой же постоянной чертой, как и борьба между стоящими у власти и стоящими вне власти в парламентской истории Англии. Но сейчас перед нами торийский лидер в палате общин, который заканчивает свою речь многозначительным заявлением, что «между нами (радикалами и тори) существует нечто, нас соединяющее в палате и в стране,—это то, что мы более не хотим быть орудием или жертвами пережившей себя олигархии». Перед нами палата лордов, которая проводит в законодательном порядке один из пунктов народной хартии — отмену цензовой квалификации для членов палаты общин; здесь же потомок вигского реформатора, лорд Грей, предостерегает своих благородных товарищей, говоря, что они скатываются к «настоящей революции во всей системе правительства и в характере конституции». Перед нами, далее, герцог Ратлендский, смертельно перепуганный предстоящей перспективой проглотить «полную порцию пяти пунктов хартии и кой-чего вдобавок к ним», и тут же лондонский «Times» в зловещем тоне один день предостерегает буржуазию, что Дизраэли и Бульвер не желают их блага и для обуздания ее могут еще объединиться с подлой чернью, а на другой день, тот же «Times» предостерегает земельную аристократию, что она будет затоплена лавочничеством, которое возводится на престол только что прошедшим через нижнюю палату во втором чтении законопроектом Локка Кинга, согласно которого избирательные права распространяются и на съемщиков помещений в графствах, платящих 10 ф. стерлингов.

Дело в том, что обе правящие олигархические партии в Англии

уже давно превратились в простые клики без каких бы то ни было определенных принципов. После безуспешных опытов сначала коалиции, а потом диктатуры они обе пришли теперь к той точке, когда каждая может надеяться продлить свою жизнь, лишь предав общие им обоим интересы в руки общего им обоим врага, — буржуазной радикальной партии, которая в палате общин блестяще представлена Джоном Брайтом. До нынешнего времени тори представляли собою аристократов, правивших именем аристократии, а виги — аристократов, правивших именем буржуазии; но с тех пор как буржуазия стала править от своего собственного имени, роль вигов кончилась. Тори, с целью держать вигов вдали от власти, готовы уступать напору буржуазной партии до тех пор, пока терпение вигов не истощится и эти олигархи не убедятся, что ради спасения интересов своего класса они должны раствориться в рядах консерваторов и отказаться от своих традиционных претензий быть представителями либеральных интересов или составлять собственную партию. Поглощение вигской клики торийской и их совместное превращение в одну аристократическую партию, противостоящую новой буржуазной партии, действующей под руководством собственных вождей, под своим собственным знаменем, со своими собственными лозунгами, — вот что происходит ныне на наших глазах в Англии.

Если мы примем во внимание это внутреннее положение в Англии, прибавив к тому же то обстоятельство, что индийская война будет попрежнему поглощать у нее людей и деньги, мы можем быть уверены, что Англия уже не сможет, как в 1848 г., вставлять палки в колеса явно приближающейся европейской революции. Существует еще другая великая держава, которая десять лет тому назад с чрезвычайной силой задержала поток революции. Мы говорим о России. В настоящее время у нее самой под ногами накопился горячий материал, который, при сильном ветре с запада, может внезапно воспламениться. Симптомы восстания крепостных крестьян внутри России настолько очевидны, что губернаторы не находят иного объяснения необычайному брожению, как обвинения Австрии в распространении по всей стране, с помощью тайных эмиссаров, социалистических и революционных учений. Подумать только, что Австрию не только подозревают, но и открыто обвиняют в том, что она приняла на себя роль эмиссара революции! Галицийские зверства воочию показали всему миру, как, в случае нужды, венский кабинет умеет учить крепостных крестьян социализму своего изобретения. Впрочем, Австрия, со своей стороны, сердито отвечая на эти обвинения, утверждает, что ее восточные провинции наводнены и отравлены

русскими панславистскими агентами, а ее итальянские подданные обрабатываются совместными интригами Бонапарта и царя. Наконец, Пруссия, остро чувствует опасность положения, но она связана по рукам и ногам и не может двинуться ни в каком направлении. Фактически королевская власть парализована умпомешательством короля и недостатком полномочий регента. Борьба между камарильей короля, который отказывается отречься от престола, и камарильей принца-регента, который не смеет царствовать, открывает шлюзы народному потоку.

При таком положении все зависит от Франции, где кризис торговли и сельского хозяйства, финансовый переворот и замена господства при помощи армии господством самой армии способствуют ускорению взрыва. Даже французская пресса, наконец, признала, что все надежды на возвращение благосостояния, пока что должны быть оставлены. «Мы думаем, что было бы глупо возбуждать надежды публики химерическими видами на скорую реакцию», — говорит «Constitutionnel». «Застой продолжается, — говорит «Patrie», — и, несмотря на наличие благоприятных элементов, мы не должны ожидать непосредственной перемены»; «Union» и «Univers», как эхо, повторяют эти жалобы. «Все признают, что со времени революции 1848 г. Париж не испытывал такого торгового кризиса, как теперь», — говорит парижский корреспондент лондонского «Times»; а акции «Crédit Mobilier» упали до 550 франков или около того, т. е. ниже нарицательной цены, по которой они продавались широкой публике. С другой стороны, пустота в императорском казначействе вынуждает Наполеона настаивать на своем плане конфискации. «Единственно, о чем приходится спрашивать, — говорит клерикальная газета, выходящая в Анжу, — это о том, следует ли уважать собственность». До собственности ли теперь? Единственный вопрос в настоящее время, — отвечает Бонапарт, — это — как обеспечить себе верность армии, и он разрешает этот вопрос своим обычным способом. Его распоряжением произвести общее повышение ее жалованья вся армия была куплена вторично. Тем временем Англия встревожена, а Австрия в ужасе. Со всех сторон считают войну неизбежной. У Луи-Наполеона нет другого средства избежать скорого крушения. Начало конца уже близко.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5359 от 24 июня 1858 г.

Без подписи.

* РОСТ ЧИСЛА УМАЛИШЕННЫХ В АНГЛИИ.

В развитии британского общества, пожалуй, не найдется более установленного факта, чем параллельный рост современного богатства и пауперизма. Любопытно, что тот же самый закон имеет, видимо, силу также и в отношении числа умалишенных. Рост числа умалишенных в Великобритании идет наравне с ростом экспортной торговли и обогнал рост населения. Его быстрый прогресс в Англии и Уэльсе в течение периода от 1852 до 1857 г., в период неслыханного торгового процветания, наглядно показывает следующая сравнительная таблица из годовичных отчетов о пауперах, умалишенных и идиотах за 1852, 1854 и 1857 годы:

Г о д ы	Население	Больные в домах умалишенных в графствах и городах	В разрешенных частных домах для умалишенных	В рабочих домах	На попечение друзей и пр.	Общее количество умалишенных и идиотов	Пропорциональное отношение к населению
1 января 1852 . .	17 927 609	9 412	2 584	5 055	4 107	21 158	1 на 847
» » 1854 . .	18 649 849	11 956	1 878	5 713	4 940	24 487	1 » 761
» » 1857 . .	19 408 464	13 488	1 908	6 800	5 497	27 693	1 » 701

Соотношение числа острых и излечимых заболеваний к числу хронических и явно неизлечимых составляло в конце 1856 г. несколько меньше одного к пяти, как это видно из следующего официального отчета:

	Больные всех категорий	Признанные излечимыми
В домах для умалишенных в графствах	14 398	2 070
В больницах	1 742	340
В столичных частных домах для умалишенных	2 578	390
В провинциальных частных домах для умалишенных	2 598	527
Всего	21 311	3 327
Признанных излечимыми	3 327	—
Признанных неизлечимыми	17 984	—

Для умалишенных и идиотов всех категорий и всех классов в Англии и Уэльсе существует 37 общественных домов, из которых 33 в графствах и 4 в городах, затем 15 больниц, 116 лицензированных частных домов, из которых 37 в столице и 79 в провинции, и, наконец, работные дома. Общественные дома для умалишенных, иначе называемые домами сумасшедших, предназначались по закону исключительно для приема умалишенных из бедных слоев населения, причем они должны были служить лечебницами, а не просто местами изоляции для содержания помешанных, находящихся под каздором. В общем можно считать, что, по крайней мере, в графствах они административно хорошо поставлены, хотя они слишком громоздки, чтобы обеспечить надлежащий надзор; они чрезвычайно переполнены, в них нет строгого подразделения по категориям, вместе с тем в них нехватает помещения более чем для половины всего числа умалишенных из бедного населения. Фактически эти 37 учреждений, разбросанных по всей стране, вмещают не свыше 15 690 больных. Насколько масса психически больных нуждается в этих ценных приютах, можно иллюстрировать таким примером. Когда в 1831 г. был построен дом для умалишенных Гануэль (в Мидльсексе) на 500 больных, то полагали, что его хватит для нужд всего графства. Однако уже спустя два года этот дом был переполнен; еще через два года он был расширен для приема еще 300 больных (тем временем был построен дом Кольни Хач для помещения 1 200 умалишенных пауперов того же графства); в настоящее же время Гануэль имеет свыше тысячи больных. Кольни Хач был открыт в 1851 г.; не прошло и пяти лет, как появилась необходимость обратиться к налогоплательщикам для постройки нового приюта для умалишенных, и последние отчеты показывают, что в конце 1856 г. было более 1 100 умалишенных пауперов из числа местного населения графства, для которых нехватало места ни в том, ни в другом доме. Существующие дома для умалишенных слишком громоздки, чтобы обеспечить надлежащее руководство, в то же время их число слишком мало, чтобы справляться с быстрым ростом психических заболеваний. Что нужнее всего — это разбить дома для умалишенных на две отдельные категории: приюты для неизлечимо больных и больницы для излечимых. При смешении обеих категорий ни та, ни другая не получают надлежащего ухода и лечения.

Существующие с разрешения правительства частные дома для умалишенных, в общем, предназначаются для более зажиточной части больных. Недавно негодование общественного мнения было возбуждено против этих «уютных убежищ», как их любят называть их вла-

дельцы в связи с похищением и насильственным увозом лэди Бульвер в Уайкхауз и жестоким обращением с г-жей Тернер в Аком-Хаузе в Иорке. Так как в ближайшее время предстоит парламентское обследование тайн торговли психическими заболеваниями, то этой частью нашей темы мы можем заняться впоследствии. Теперь мы обратим внимание только на условия лечения 2 тысяч умалишенных из бедных слоев населения, которых попечительства о бедных и прочие местные власти сдают в порядке подряда владельцам частных лицензионных домов. Еженедельная плата за человека, т. е. его содержание, лечение и одежду, уделаемая этим частным предпринимателям, колеблется от 5 до 12 шилл., но в среднем ее можно определить от 5 шилл. до 8 шилл. 4 пенсов. Так как все старание предпринимателя, конечно, направлено исключительно к извлечению большего дохода из этой ничтожной платы, то на содержание своих пациентов он по возможности производит наименьшие расходы. В своем последнем отчете комиссия по психическим заболеваниям констатирует, что даже там, где в частных домах имеется достаточно помещения, предоставляемая больным площадь совершенно ничтожна, а уход за больными безобразен.

Правда, лорд-канцлер имеет право, по представлению комиссии по психическим заболеваниям, аннулировать лицензию на содержание частного дома для умалишенных или не разрешить ее возобновления; но во многих случаях в тех местах, где общественных домов для умалишенных не имеется или где существующие дома уже переполнены, комиссии не остается ничего другого, как либо продлить лицензию, либо отправить массу больных бедняков в соответствующие работные дома. Но те же члены комиссии считают, что, как ни велико зло частных домов, оно все же меньше той опасности и того зла, которое получается при оставлении этих больных пауперов почти без ухода в работных домах. В последних в настоящее время находится около 7 тысяч умалишенных. Отделения для умалишенных в работных домах предназначались только для больных пауперов, для которых требовалось немногим больше обычного присмотра и которые в состоянии были общаться с прочими обитателями этих домов. Ввиду того что трудно получить места для умалишенных бедняков в хорошо поставленных приютах приходские советы заботясь об экономии превращают работные дома все более и более в дома умалишенных, но только в такие где нет ухода, лечения и надзора за больными, т. е. всего того что составляет основную гарантию для больных в правильно устроенных приютах. Многие из более крупных работных домов имеют

отделения для умалишенных, в которых находятся от 40 до 120 больных. Эти отделения мрачны и лишены каких бы то ни было приспособлений для занятий, прогулок или развлечений. Ухаживают за больными по большей части те же живущие в этих домах пауперы, совершенно непригодные для возложенной на них задачи. Питание, имеющее особенное значение для несчастных умалишенных, редко бывает лучше, чем питание, положенное здоровым и физически нормальным обитателям этих домов. В результате содержание в работных домах не только ухудшает состояние пауперов, страдающих тихим помешательством, для которых оно первоначально предназначалось, но грозит также превратить в хронические и постоянные такие случаи заболеваний, которые могли бы поддаться своевременному лечению. Однако решающим моментом для попечительств о бедных является экономия.

По закону умалишенный паупер должен сначала поступить на осмотр участкового приходского врача, который обязан сообщать о нем чиновнику попечительства о бедных; последний должен уведомить судью, по приказу которого больные препровождаются в сумасшедший дом. Фактически же ни одно из этих предписаний не выполняется. Умалишенные пауперы сразу же поспешно отвозятся в работные дома, чтобы там и оставаться навсегда, если будет признано, что с ними могут справиться. Предложения членов комиссии по психическим заболеваниям при их посещениях работных домов о переводе в дома умалишенных тех больных, которые могут поддаться лечению, или тех, которые не получают надлежащего лечения, обычно аннулируются свидетельством окружного врача попечительств о том, что данный — больной «не буйный». А что представляет собою пребывание в работных домах, можно видеть из следующих примеров в последнем отчете о психических заболеваниях, «который дает верную общую картину порядка в работных домах».

В доме для умалишенных в Нориче тюфяки и подушки даже больных и слабых пациентов набиты соломой. Полы в 14 маленьких комнатах были каменные. Ватерклозетов не было. Ночной надзор в мужской половине был отменен. Ощущался сильный недостаток в одеялах, полотенцах, фланели, жилетах, тазах для умывания, стульях, тарелках, ложках и других столовых принадлежностях. Вентиляция была плохая. Приводим следующую выдержку из отчета:

«Нельзя было верить даже тому, что по виду представляло улучшение. Так, напр., обнаружилось, что значительное число постелей, занятых грязными больными, обычно убиралось по утрам и заменялось только для видимости в течение дня чистыми, для чего на кровати клали чистые простыни

и одеяла, которые регулярно убирались вечером, когда опять клали грязные постели».

Возьмем в качестве другого примера Блэкбернский рабочий дом:

«Дневные комнаты в нижнем этаже, занятые мужчинами, малы, низки, темны и грязны, и площадь, предоставленная одиннадцати пациентам, в значительной части занята несколькими тяжелыми стульями, к которым пациенты привязаны ремнями, а также большой, выступающей вперед каминной решеткой. Комнаты женщин на верхнем этаже тоже весьма переполнены, и в одной из них, служащей также спальней, большое пространство отгорожено под отхожее место; кровати поставлены вплотную друг к другу без промежутков между ними. В спальне, где ютилось 16 больных мужчин, воздух спертый и дурной запах. Она имеет 29 футов в длину и 17 футов 10 дюймов в ширину, 7 футов 5 дюймов в высоту, и, таким образом, на каждого больного приходится 2,39 куб. фута. Все постели были из соломы, исключения не было сделано даже для заболевших и прикованных к постели пациентов. Подушки были вообще очень грязны и носили на себе следы ржавых железных прутьев кроватей. Уборка постелей, повидимому, предоставлена главным образом самим пациентам. Многие пациенты отличаются нечистоплотностью в своих привычках, что объясняется, главным образом, отсутствием надлежащего ухода и внимания. Имеется очень мало ночной утвари, и посреди большого дортуара ставится, говорят, боченок для всеобщего пользования мужчин. Есть два двора, по одному для каждого пола, усыпанные гравием, в которых гуляют пациенты; они окружены высокой стеной и лишены скамей. Большой из этих дворов имеет 74 фута в длину при 30 футах и 7 дюймах в ширину, а меньший — 32 фута на 17 футов и 6 дюймов. В одном из этих дворов имеется камера, которая, при случае, служит для изоляции впавших в буйство пациентов. Она целиком выстроена из камня и имеет маленькое квадратное отверстие для пропуска света со вставленными в него железными прутьями для предупреждения побега, но без ставен и рамы. На полу камеры лежала большая соломенная постель, а в одном из углов стоял тяжелый стул. Отделение находится на полном попечении санитары и сестры; заведующий рабочим домом редко вмешивается в их работу и вообще не наблюдает за этим отделением так тщательно, как за другими».

Слишком отвратительно было бы давать здесь выдержки из отчета членов комиссии о рабочем доме св. Панкратия в Лондоне, представляющем собою ад крошечный. Говоря вообще, в Англии найдется не много конюшен, которые по сравнению с приютами для умалишенных в рабочих домах не показались бы будуарами и в которых обращение с четвероногими нельзя было бы не назвать сентиментальным по сравнению с обращением, которому подвергаются несчастные умалишенные.

Написана К. Марком.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5407 от 20 августа 1858 г.

Без подписи.

* ОТМЕНА ЗАКОНА 1844 Г. ОБ АНГЛИЙСКОМ БАНКЕ.

Читатели наверное помнят, что в 1857 г. британский парламент был поспешно созван в связи с приостановкой действия закона об Английском банке (Bank charter act), который премьер-министр и канцлер казначейства в самый разгар финансовой паники на свой риск и страх декретировали письмом от 12 ноября. Как только прошел билль, одоббивший их действия, парламент был отсрочен, выделив лишь комиссию «для расследования действия законов 1844 и 1845 гг. об Английском банке, а также причин недавнего торгового кризиса». Комиссия действительно заседала с начала 1857 г. и уже публиковала два увесистых тома — один со свидетельскими показаниями, а другой с приложениями относительно действия и последствий закона 1844 — 1845 годов о банке. Труды комиссии были почти забыты, когда начавшийся торговый кризис снова вызвал ее к жизни и доставил ей «дополнительный материал для расследования». В двух упомянутых нами увесистых томах, ровно за два месяца до гигантского краха, комиссия заявляла, что экономическое положение вполне «здорово» и «невредимо». Что же касается действия закона о банке, изданного сером Робертом Пилем, то лорд Оверстон 14 июля 1857 г. выступил в комиссии почти с такими дифирамбами.

«Благодаря точному и быстрому принятию к руководству принципов закона 1844 г., — сказал он, — все прошло гладко и легко; денежная система прочна и непоколебима; процветание страны не подлежит сомнению; доверие публики к мудрости закона 1844 г. растет с каждым днем, и если комиссия хочет получить дальнейшие практические доказательства солидности принципов, на которых он основан, или благотельных результатов, к которым он привел, то надлежащим и достаточным ответом ей будет: посмотрите вокруг себя; посмотрите на нынешнее состояние промышленности и торговли страны; посмотрите на довольство народа; посмотрите на богатства и процветание, наблюдаемые в каждом классе; после этого можно по всей справедливости предложить комиссии решить, считает ли она нужным нарушать дальнейшее действие закона, благодаря которому были достигнуты такие результаты».

Прошло 6 месяцев, и той же самой комиссии пришлось поздравлять правительство с тем что оно приостановило этот же самый закон.

Комиссия насчитывала среди своих членов не менее пяти канц-

леров и экс-канцлеров казначейства, а именно: Дизраэли, сэра Дж. К. Люиса, Гладстона, сэра Чарльза Вуда и сэра Фрэнсиса Беринга, да еще в придачу Вильсона и Кардуэла, двух людей, давно привыкших снабжать идеями и советами английское министерство финансов. Кроме этих лиц комиссия была пополнена всеми светилами английской бюрократии. Фактически она насчитывала свыше двух десятков членов и представляла собою замечательный ареопаг финансовой и экономической мудрости. Ей пришлось решать следующие вопросы: во-первых, о принципах банковского закона 1844 г.; во-вторых, о влиянии на торговые кризисы выпуска банкнот, оплачиваемых по требованию, и, наконец, общие причины недавнего экономического кризиса. Мы предполагаем сделать краткий обзор ответов, данных на эти различные вопросы.

Сэр Роберт Пиль, парламентский восприемник, и лорд Оверстон, духовный отец закона 1844 г., запретившего Английскому банку выпускать банкнот более чем на сумму в 14 500 000 ф. ст. иначе как под обеспечение золотом, гордились тем, что они предупредили возможность таких депрессий и паники, какие периодически происходили между 1815 и 1844 годами. Но за 10 лет их ожидания были дважды обмануты, несмотря на то, что действие закона получило чрезвычайную и неожиданную поддержку благодаря новому открытию богатых приисков. Как это видно из свидетельских показаний, представленных комиссии, паника в 1847 и 1857 гг. была более сильной и разрушительной, чем когда-либо раньше. В 1847 и 1857 гг. правительству пришлось дважды нарушить банковский закон с целью спасти банк и вращающийся вокруг него финансовый мир.

Казалось бы, комиссии надлежало сделать очень простой выбор. Одно из двух: либо периодические нарушения закона правительством были правильны, и в таком случае закон должен быть неправильным, либо же закон был составлен правильно, и тогда следовало запретить правительству произвольно проделывать с ним эксперименты. Но поверит ли читатель, что комиссия умудрилась одновременно оправдать и жизненность закона, и периодические его нарушения. Законы обычно имеют своим назначением ограничивать бесконтрольную власть правительства. В данном случае, напротив, закон, повидимому, оставляется в силе только для того, чтобы оставить в силе бесконтрольное право исполнительной власти приостанавливать его действие. Письмо правительства, уполномочивающее Английский банк удовлетворять спрос на учет и авансы под солидные обеспечения свыше предписанного в законе 1844 г. предела денежного обращения, было издано 12 ноября, но вплоть до 30 ноября банку приходилось,

сверх законом установленной нормы, ежедневно выбрасывать в денежное обращение в среднем около полумиллиона банкнот. 20 ноября незаконное превышение суммы денежного обращения достигло приблизительно одного миллиона. Какое еще нужно доказательство вредного бессилия попытки сэра Роберта Пиля «регулировать» денежное обращение? Комиссия была вполне права, утверждая, «что никакая система денежного обращения не может обеспечить торговую страну от последствий ее собственного неблагоприятия». Однако это мудрое замечание не относится к делу. Вопрос заключался, скорее, в том, можно ли, или нельзя законодательными мерами искусственно усилить панику, представляющую только одну из фаз торгового кризиса.

В оправдание закона об Английском банке комиссия говорит:

«Главной целью законодательства, о котором идет речь, было, без сомнения, обеспечить изменения в объеме бумажного денежного обращения королевства согласно тому же самому закону, по которому изменяется объем металлического денежного обращения. Никто не станет утверждать, что эта цель была достигнута».

Отметим прежде всего, что комиссия уклоняется от выражения своего мнения относительно законов, по которым меняется объем металлического денежного обращения; причина этого заключается в опасении комиссии, что ей «не удастся притти к какому-либо заключению без значительного расхождения во мнениях». По мнению сторонников чисто металлического денежного обращения, возглавляемых сэром Робертом Пилем, это обращение должно сокращаться или расширяться в соответствии с состоянием курса, — другими словами, золото должно приливать в страну при благоприятном курсе и покидать ее при неблагоприятном. В первом случае цены должны повышаться; во втором — они должны понижаться. Но если такие резкие колебания цен присущи чисто металлическому обращению, то Дж. С. Милль был, несомненно, прав, когда утверждал в комиссии, что цель, которой должно добиваться бумажное денежное обращение, заключается не в подражании, а в исправлении и ликвидации таких катастрофических превратностей.

Но предпосылки, из которых исходят в своих рассуждениях сторонники чисто металлического денежного обращения, как опыт доказал, существуют лишь в фантазии. В странах, где нет кредитных операций, а следовательно, нет и бумажного денежного обращения, как это до последнего времени, сравнительно с другими странами, было во Франции и до сих пор еще продолжается повсюду в Азии, происходит накопление золота и серебра в виде кладов. Когда не-

благоприятный курс вызывает отлив золота, то, в результате повышения процентной ставки, эти клады открываются, а когда курс опять становится благоприятным, клады снова начинают поглощать избыток драгоценных металлов. Ни в том, ни в другом случае в денежном обращении не образуется пустоты или, наоборот, избытия. Отлив и прилив золота влияет на состояние кладов, а не на состояние денежного обращения, и таким образом цены не подвергаются ровно никакому воздействию. К чему же, в таком случае, сводится оправдание комиссии, утверждающей, будто закон 1844 г. об Английском банке в периоды депрессии имеет тенденцию вызывать внезапные колебания цен, которые, как она ошибочно предполагает, происходили бы на основе чисто металлического денежного обращения? Но, говорит комиссия, законом сэра Роберта Пиля, по крайней мере, гарантируется обеспечение размена банкнот, поддерживать которое является первым долгом банка. Она прибавляет:

«Обеспечение, которое обязательно хранится в сундуках этого учреждения согласно постановлению закона 1844 г., больше, чем обеспечение, какое когда-либо хранилось в условиях депрессии в прежние времена. Во время кризисов в 1825 г. золотой запас упал до 1 261 000 ф. ст., в 1837 г. до 3 831 000 ф. ст. и в 1839 г. до 2 406 000 ф. ст., между тем низшая точка падения с 1844 г. доходила в 1847 г. 8 313 000 ф. ст., а в 1857 г. 6 080 000 ф. стерлингов».

Прежде всего, размен банкнот в моменты паники производился не потому, что банк обладал достаточным запасом золота, чтобы выполнить свои обязательства, а просто потому, что от него не требовали их оплаты в золоте. Так, напр., в 1825 г. банк выдержал наплыв требований, выпустив банкноты достоинством в один фунт. Если сравнительно более крупные золотые резервы 1847 и 1857 гг. считать просто следствием закона 1844 г., то на том же основании следует приписать этому закону и то, что в 1857 г. золотой запас, несмотря на австралийское и калифорнийское золото, упал более, чем на 2 млн. ф. ст. ниже своего уровня в 1847 году. И хотя Английский банк обладал двойным или тройным количеством золота сравнительно с запасом 1825 и 1836 гг., он все же благодаря закону сэра Роберта Пиля в 1847 и 1857 гг. очутился на краю банкротства. По показаниям правления банка, весь резерв банковского департамента 12 ноября 1857 г., т. е. в день издания письма казначейства, составлял всего 580 751 ф. ст., а его вклады в то же время выражались в сумме 22 500 000 ф. ст., из которых 6 500 000 ф. ст. принадлежали лондонским банкирам. Если бы не появилось казначейское письмо, то лавочку пришлось бы закрыть. Повышение или понижение процентной ставки, — а банк признается, что у него нет другого средства воздействовать на

денежное обращение, — является приемом, который применялся и до издания закона 1844 г. и который, конечно, мог бы применяться и после его отмены. Но, говорит банк, директора хотят, чтобы закон поддерживал их добродетель, и было бы нецелесообразно «предоставить им действовать по их собственной беспомощной мудрости и решительности». В обычные времена, когда закон является заведомо мертвой буквой, директора хотят поддержать себя его фиктивным действием, а в момент депрессии — единственный момент, когда закон может действовать вообще, — директора хотят избавиться от него с помощью правительственного «указа».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5409 от 23 августа 1858 г.

Без подписи.

* ТОРГОВЫЕ КРИЗИСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

В политической экономии нет, вероятно, более распространенного заблуждения, чем обычное приписывание эмиссионным банкам способности влиять на рыночные цены посредством расширения или сокращения денежного обращения. Мнение, будто банки, чрезмерно увеличив количество денежного обращения, вызывают вздутие цен, которые затем резко восстанавливаются крахом, является таким упрощенным объяснением любого кризиса, что не удивительно, что все за него хватаются. Заметьте, вопрос заключается не в том, могут ли банки являться орудием создания фиктивной системы кредита, а в том, способны ли они определять количество денежного обращения, находящегося в руках публики.

Бряд ли кто станет оспаривать положение, что интерес каждого эмиссионного банка побуждает его держать в обращении возможно большее количество своих банкнот. Если у какого-нибудь банка в этом отношении можно предположить не только волю, но и способность ее осуществить, то это, конечно, у Английского банка. Но если, напр., мы посмотрим на период от 1844 по 1857 г., то мы увидим, что, за исключением моментов паники, банк, несмотря на присвоенную ему привилегию выбрасывать на рынок свои банкноты посредством закупки государственных бумаг и несмотря на последовательные снижения процентной ставки, ни разу не смог довести свои находившиеся в обращении банкноты до предоставленной ему законом границы. Но есть и другое, еще более поразительное явление. В период между 1844 и 1857 гг. вся торговля Соединенного королевства, примерно, утроилась, а британский экспорт за последние 10 лет, как установлено цифрами, удвоился. Однако одновременно с этим огромным ростом торговли обращение банкнот Английского банка на деле сократилось и продолжает постепенно сокращаться.

Возьмем следующие цифры:

Г о д ы	Экспорт ф. ст.	Обращение банкнот ф. ст.
1845	60 110 000	20 722 000
1854	97 184 000	20 709 000
1856	115 826 000	19 648 000
1857	122 155 000	19 467 000

Таким образом, одновременно с ростом экспорта на сумму в 62 645 000 ф. ст. денежное обращение уменьшилось на 1 255 000 ф. ст., хотя в течение того же самого периода, на основании закона 1844 г. об Английском банке, число филиальных отделений этого банка возросло, число конкурирующих с ним провинциальных эмиссионных банков уменьшилось, и его собственные банкноты были превращены в законные средства платежа для провинциальных банков. Быть может, скажут, что золотая монета, поступавшая из богатых новых источников, вытеснила часть банкнот Английского банка, заполнив каналы денежного обращения, которые раньше были заняты этими банкнотами. Действительно, управляющий Английским банком в 1857 г., г. Вегелин, заявил в комиссии палаты общин, что прирост золотого обращения за истекшие последние шесть лет наиболее компетентными лицами определяется в 30%. Сам он считал, что все золотое обращение ныне достигает суммы в 50 млн. ф. стерлингов. Это увеличение золотой монеты было, однако, так мало связано с сокращением бумажного денежного обращения, что в действительности количество банкнот мелкого наименования, в 5 и 10 ф. ст., — единственные, которые могли бы быть заменены золотой монетой в розничной торговле и в обороте между продавцами и покупателями, — увеличилось как раз тогда, когда увеличилось и металлическое обращение. Следующая таблица показывает пропорциональное увеличение количества этих банкнот:

Г о д ы	Банкноты в 5 и 10 ф. ст.	Доля в процентах от всего обращения банкнот
1845	9 698 000	46,9
1854	10 565 000	51,0
1855	10 628 000	53,6
1856	10 680 000	54,4
1857	10 659 000	54,7

Таким образом, уменьшение произошло за счет банкнот высшего наименования, ценностью от 200 до 1 000 ф. ст., которые выполняют такие функции внутреннего обращения, из которых монета в собственном смысле почти исключена. Достигнутая экономия в использовании этих банкнот была такова, что, несмотря на расширение торговли, общий подъем цен и рост мелкого бумажного денежного обращения, обращение банкнот в целом постепенно уменьшалось. С суммы в 5 856 000 ф. ст., которой оно достигало в 1852 г., количество банкнот ценностью от 200 до 1 000 ф. ст. упало до 3 241 000 ф. ст. в 1857 году. В то время как в 1844 г. эти банкноты составляли 26% всего денежного обращения, они в 1854 г. составляли только 20,5%, в

1855 г. — 17,5%, в 1856 г. — 16,9% и, наконец, в 1857 г. — всего 16,7%.

Этот новый момент в бумажном денежном обращении Великобритании вызван растущей конкуренцией между лондонскими акционерными банками и частными банками, а также накоплением в их руках крупных сумм благодаря заведенной ими практике оплачивать депозиты процентами. После долгого, но тщетного сопротивления 8 июня 1854 г. частные лондонские банкиры вынуждены были согласиться на допущение акционерных банков к участию в операциях расчетной палаты, и вскоре после этого окончательный расчет был перенесен в помещение Английского банка. Так как ежедневные расчеты стали отныне выполняться посредством переводов в счетах, которые различные банки имеют в этом учреждении, то крупные банкноты, употреблявшиеся раньше банкирами для производства своих взаимных расчетов, утратили значительную часть своего применения и поэтому в большой степени были выброшены из обращения. Тем временем находящиеся в Лондоне депозиты акционерных банков, как явствует из опубликованных ими отчетов, увеличили свои депозиты с 8 850 774 ф. ст. в 1847 г. до 43 100 724 в 1857 году. Таким образом, то влияние, какое банки оказали или могли оказать на общее направление торговли и на цены, было несомненно осуществлено депозитными манипуляциями, т. е. кредитными операциями, а не чрезмерным выпуском банкнот, которые они оказались не в силах удержать даже на прежнем уровне денежного обращения.

Как мало участвует наличных денег, золота и банкнот Английского банка в оптовых сделках британской торговли, убедительно показывает анализ непрерывных торговых операций на несколько миллионов фунтов стерлингов ежегодно, представленный комиссии палаты общин г. Слейтером, членом одной из крупнейших лондонских фирм. Размеры поступлений и платежей сведены к масштабу в один миллион ф. ст. для 1856 г. и представляются в следующем виде:

ПОСТУПЛЕНИЯ

	Ф. ст.
В чеках банкиров и векселях, оплачиваемых после известного срока	533 596
В чеках на банкиров, оплачиваемых по требованию	357 715
В банкнотах провинциальных банков	9 627
Итого	900 938
В банкнотах Английского банка	68 554
В золоте	28 069

	Ф. ст.
В серебре и меди	1 468
» почтовых переводах	933
<u>Итого</u>	<u>99 062</u>
Общий итог	1 000 000

ПЛАТЕЖИ

	Ф. ст.
Векселями, подлежащими оплате после известного срока . .	302 674
Чеками на лондонских банкиров	663 672
<u>Итого</u>	<u>966 346</u>
Банкнотами Английского банка	22 743
Золотом	9 427
Серебром и медью	1 484
<u>Итого</u>	<u>33 654</u>
Общий итог	1 000 000

Эти цифры могут служить иллюстрацией для английской оптовой торговли, имеющей своим центром Лондон. Из них видно, что в общей сумме поступивших денег банкноты Английского банка составляют менее 10%, а золото и серебро только 3% денежного обращения. Из произведенных платежей банкноты Английского банка составляют только 2%, а золото и серебро только 1% денежного обращения. С другой стороны, платежи получаются в размере около 90% и производятся в размере около 97% в той форме денежного обращения, которую образуют кредит и капитал самих торгующих лиц.

Анализ эмиссии нью-иоркских банков, примерно, за шесть последних лет должен привести нас к такому же выводу, а именно, что сумма банкнот, находящихся в обращении, не зависит от самих банков и фактически сокращалась в то самое время, когда торговля расширялась и цены вздувались, пока не слетели катастрофически. Поэтому вульгарное представление, связывающее недавний кризис, как и кризисы вообще, с чрезмерным выпуском банкнот, должно быть отброшено как сущая фантазия.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5414 от 28 августа 1858 г.

Без подписи.

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ.

Лондон, 14 сентября 1858 г.

В нашем обзоре отчета комиссии по кризису 1857 — 1858 гг., назначенной палатой общин, мы, во-первых, вскрыли вредные тенденции закона сэра Роберта Пиля об Английском банке и, во-вторых, опровергли ложную идею, будто эмиссионные банки своим произвольным расширением или сокращением бумажного обращения могут оказывать влияние на общий уровень цен. Но в таком случае встает вопрос: каковы же были действительные причины кризиса? Комиссия заявляет, что она «убедилась, что последний торговый кризис как в Англии, так и в Америке и в Северной Европе был вызван главным образом чрезмерной спекуляцией и злоупотреблением кредитом». Ценность такого решения, разумеется, ничуть не умаляется тем обстоятельством, что для нахождения его миру вовсе не нужно было ждать парламентской комиссии и что вся польза, которую общество могло извлечь из этого откровения, к этому времени уже полностью учтена. Допустим, что данный тезис правилен, — мы отнюдь не оспариваем этого, — разрешает ли он данную социальную проблему или только изменяет формулировку вопроса? Для того, чтобы могла возникнуть система фиктивного кредита, всегда требуется наличие двух сторон — занимающих и ссужающих деньги. Что занимающие всегда готовы пользоваться чужим капиталом и стараются обогатиться за чужой риск и страх, явление это как будто так элементарно и просто, что, если бы это было не так, это привело бы нас только в недоумение. Вопрос, скорее, заключается в том, каким образом это случается, что у всех современных промышленных народов публика внезапно как бы охватывается периодическим пароксизмом, хочет расстаться со своими капиталами под влиянием самых явных иллюзий и вопреки сильнейшим предостережениям, повторяющимся каждые десять лет? Каковы те социальные условия, которые почти регулярно вновь вызывают к жизни эти моменты всеобщего самообмана, чрезмерной спекуляции и фиктивного кредита? Если бы мы раз навсегда проследили их, то мы пришли бы к очень простому выводу. Одно из двух: либо общество может регулировать эти явления,

либо же они присущи нынешней системе производства. В первом случае общество может предотвращать кризисы; во втором же до тех пор, пока существует данная система, кризисы будут наступать подобно естественным переменам времен года.

Существенный недостаток последнего парламентского отчета, а также «Отчета о кризисе 1847 г.» и всех аналогичных вышедших затем отчетов, мы усматриваем именно в том, что они трактуют каждый новый кризис как изолированное явление, впервые возникающее на социальном горизонте и, следовательно, объясняющееся событиями, движениями и факторами совершенно исключительными и своеобразными (или кажущимися таковыми) для периода между двумя потрясениями. Если бы естественники рассуждали так по-детски, то даже появление кометы застало бы мир врасплох. При попытке выявить законы, от которых зависят кризисы мирового рынка, необходимо дать объяснение не только их периодическому характеру, но также и точным датам этой периодичности. Кроме того, те отличительные черты, которые присущи каждому новому торговому кризису, не должны затушевывать черты, свойственные всем им. Мы вышли бы из рамок нашей нынешней задачи, если бы мы попытались дать хотя бы самый приблизительный очерк такого исследования. Ясно одно: комиссия палаты общин не только не разрешила вопрос, но даже не формулировала его в надлежащих терминах.

Факты, на которых комиссия останавливается с целью иллюстрировать систему фиктивного кредита, лишены, конечно, интереса новизны. Сама система в Англии осуществлялась весьма простым способом. Фиктивный кредит создавался посредством дружеских векселей. Последние учитывались главным образом акционерными банками, которые, в свою очередь, переучитывали их у лондонских биржевых маклеров. Лондонские биржевые маклера, глядя только на индоссамент банка, а не на самые векселя, в свою очередь полагались не на свои собственные резервы, а на возможности, предоставляемые им Английским банком. Принципы лондонских биржевых маклеров характеризуют следующий анекдот, сообщенный комиссии г. Диксоном, бывшим директором-управляющим Ливерпульского городского банка:

«В случайном разговоре обо всем этом деле один из биржевых маклеров сделал замечание, что, если бы не закон сэра Роберта Пиля, то Городскому банку не надо было бы приостанавливать платежей. В ответ на это я сказал: каковы бы ни были заслуги сэра Роберта Пиля, но я, с своей стороны, не пошевелил бы пальцем, чтобы помочь Городскому банку в его затруднениях,

если бы знал, что я этим содействовал продолжению такой вредной системы ведения дел, какая практикуется банками, и прибавил, что если бы до моего вступления в должность директора-управляющего я знал о практике Городского банка хотя бы половину того, что должны были знать вы, которые видели огромное количество учтенных векселей Городского банка, то вы никогда не увидели бы меня держателем этих акций».

На это последовал такой ответ:

«Вам также не удалось бы увидеть меня акционером; мне было выгодно учитывать векселя, но и я не хотел бы быть акционером».

Пальма первенства по бесхозяйственности принадлежит, по-видимому, Городскому банку в Ливерпуле, Западному, Шотландскому, банку в Глазго, Нортумберлендскому и Дергемскому окружному банку, операции которых комиссия подвергла тщательнейшему обследованию. Западный банк в Глазго, имевший 101 отделение по всей Шотландии и деловые связи в Америке, позволял брать у себя деньги только ради одних комиссионных; он повысил свои дивиденды в 1845 г. с 7 до 8%, в 1856 г., — с 8 до 9% и объявил дивиденд в 9%, еще в июле 1857 г., когда большей части его капитала уже не было и в помине. Сумма его учетов, равнявшаяся в 1853 г. 14 987 000 ф. ст., возросла в 1857 г. до 20 691 000 ф. стерлингов. Переучеты этого банка в Лондоне, составлявшие в 1852 г. 407 000 ф. ст., возросли в 1856 г. до 5 407 000 ф. ст.; при его банкротстве в ноябре 1857 г. фигурировала сумма в 1 603 000 ф. ст., которые ему были должны только четыре ссудные фирмы: Макдональда, Монтейса, Уоллеса и Паттисона. Одна из главных операций банка состояла в выдаче авансов под «проценты»: фабриканты снабжались капиталом, обеспечение которого состояло в будущей продаже продукции, которую надо было еще создать с помощью авансированной суммы. Легкомыслие, с каким производились учеты, видно из того обстоятельства, что векселя Макдональда были акцептированы 127 различными фирмами, были наведены справки относительно 37 из них и о 21 был дан неудовлетворительный или определенно отрицательный отзыв. Тем не менее кредит Макдональда продолжал стоять высоко. С 1848 г. в книгах банка была произведена подмена, при помощи которой долги были превращены в кредиты, а убытки в актив.

«Способы, — говорит доклад, — с помощью которых можно сделать подмену этого рода, лучше всего можно пояснить, проверив, каким образом ликвидирован был долг, именующийся долгом Скарта и значившийся в другом отделе активов. Этот долг составлял 120 тысяч ф. ст. и должен был фигурировать среди опротестованных векселей. Однако он был разделен на 4 или 5 открытых кредитных счетов, носивших имена акцептеров скартова векселя. Эти счета были дебетованы суммой их соответствующих акцептов, и жизнь должников была

застрахована на сумму 75 тысяч ф. стерлингов. Из этих страховок 33 тысячи ф. ст. были выплачены в виде премий самим банком. Все это значится теперь в книгах в качестве актива».

Наконец, обследование показало, что собственные акционеры банка должны были ему 988 тысяч ф. стерлингов.

В то время как весь капитал Нортумберлендского и Дергемского окружного банка составлял только 600 тысяч ф. ст., сумма приблизительно в один миллион ф. ст. была выдана в качестве займа обанкротившейся Дервентской компании железодельных заводов. Хотя Джонатан Ричардсон, главное лицо в банке, фактически заправлявшее в нем всем, и не был прямым участником Дервентской компании, но он в весьма широкой степени был заинтересован в этом мало обещающем предприятии в качестве получателя ренты с минералов, вырабатывающихся этими заводами. Таким образом, мы здесь имеем любопытный пример проедания всего капитала акционерного банка исключительно ради покрытия спекуляции одного из управляющих директоров.

Эти два образчика разоблачений, содержащихся в отчете комиссии, бросают довольно безрадостный свет на нравственные принципы и общее ведение дел акционерных предприятий. Ясно, что эти институты, быстро растущее влияние которых на народное хозяйство страны едва ли можно переоценить, еще далеко не выработали себе надлежащую структуру. Являясь могущественным рычагом в развитии производительных сил современного общества, они еще не создали, подобно средневековым корпорациям, собственную корпоративную совесть на место чувства индивидуальной ответственности, от которой они сумели отделаться в силу самой своей организации.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5445 от 4 октября 1858 г.

Без подписи.

ИНТЕРЕСНАЯ СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ.

Манчестер (Англия), 18 мая 1858 г.

Вскоре после окончания последней русской войны появилось сообщение, что некий Мохамед-бей, полковник турецкой армии, он же М. Бандя, бывший полковник венгерской армии, отправился из Константинополя в Черкесию с некоторым числом польских добровольцев. По прибытии он сразу же стал чем-то вроде начальника штаба Сефера-паши, вождя черкесов. Те, кто знали предыдущую карьеру этого венгерского освободителя Черкесии, нисколько не сомневались в том, что он поехал в названную страну с единственной целью продать ее России. В свое время было публично и неопровержимо доказано, что этот человек был в Лондоне и Париже шпионом на жалованьи одновременно у французской и прусской полиции. Неудивительно, что около месяца тому назад в европейских газетах промелькнуло сообщение, что Бандя — Мохамед-бей — был действительно уличен в изменнической переписке с русским генералом Филипсоном и что состоявшийся военный суд приговорил его к смерти. Тем не менее вскоре после этого Бандя внезапно очутился в Константинополе и, изображая собою жертву интриги, со свойственной ему наглостью объявил, что все рассказы об измене, военном суде и прочее являются чистейшими выдумками его врагов.

В наши руки попали чрезвычайно важные документы, касающиеся этого любопытного эпизода черкесской войны, и мы дадим здесь некоторые выдержки из них. Документы эти были доставлены в Константинополь поручиком польского батальона в Черкесии Францем Стоком, который был одним из членов военного суда, осудившего Бандю. Читатели могут таким образом, сами составить себе суждение.

Выдержки из протокола заседавшего в Адбери, в Черкесии, военного суда над Мохамедом беем, он же Бандя, из Илмосульвы.

(№ 1) Заседание 9 января 1858 года. Показания Мустафы, уроженца провинции Натконаца:

Когда полковник Мохамед-бей прибыл в Шепсоур, он просил меня отправить письмо командиру черноморских казаков, генералу Филипсону. На мое

замечание, что я не могу сделать этого, не уведомив Сефера-пашу и не получив его разрешения, Мохамед-бей осведомил меня, что, в качестве посланника и представителя падишаха и командующего военными силами в Черкесии, он имеет право обмениваться письмами с русскими, что Сефер-паша знаком с делом и что его цель — ввести русских в заблуждение. Когда Сефер-паша и Национальное собрание препроводили мне манифест Черкесии, адресованный царю, то Мохамед-бей передал мне также письмо для генерала Филипсона. Я не нашел генерала Филипсона в Анапе и передал письмо майору, командовавшему там местными силами. Майор обещал отправить манифест дальше, но отказался принять письмо, которое не имело ни адреса, ни подписи. Я привез письмо обратно, но частная переписка Мохамеда-бея возбудила во мне подозрения, и, опасаясь самому оказаться скомпрометированным, я довел о всем деле до сведения властей...

(№ 2) Показание Ахмета эфенди, бывшего турецкого секретаря при Мохамеде-бее:

Мохамед-бей был очень зол на Тефик-бея (полковника Лапинского) и очень дурно отзывался о нем, говоря, что он всячески будет ему вставлять палки в колеса. На вторую ночь после нашего прибытия в Адерби... рано на рассвете я был разбужен слугою Мохамеда-бея. Мохамед-бей сам сказал мне, что со стороны Геленджика слышен сильный гул пушечной пальбы. Он уже был на ногах и казался не в духе... Донесение, что полковник Лапинский взят в плен со всем своим отрядом, не знаю каким способом было получено в Адерби еще раньше, чем прекратился гул пушечной пальбы. Я слышал, как Мохамед-бей говорил об этом. Когда пришли дальнейшие известия о том, что ни полковник, ни его люди не попали в плен, Мохамед-бей сказал в большом раздражении: «Вероятно, он продал свои пушки русским»...

(№ 3) Показания офицеров и солдат польского отряда, квартирующего в Адерби:

Накануне внезапного захвата Геленджика в лагерь явился Мохамед-бей и сказал, что получил из Константинополя письма, сообщающие ему, что, если они ниоткуда не получают помощи, то в этом будет виноват один лишь полковник Лапинский... Он велел дать солдатам спиртные напитки и давал им всяческие обещания, если они покинут своего полковника и последуют за ним... Когда впоследствии оказалось, что известие (будто Лапинский взят в плен) было неверно, Мохамед-бей лично явился в лагерь и обратился к солдатам с речью, уговаривая их отказаться от повиновения полковнику. Когда же полковник вернулся, то он сделал вид, будто он ничего не знает, и покинул на произвол судьбы несколько человек, перешедших на его сторону, допустив, чтобы их наказали, и ничего не сделал для их защиты. Впоследствии, в отсутствие полковника, Мохамед-бей при помощи некоторых венгров пытался поднять среди войск мятеж: эти венгры составили против полковника обвинительный акт и пытались заставить людей подписать его. За исключением трех человек, которые признали, что их уговорили дать свою подпись, все прочие заявили под присягой, что их подписи были подделаны... Произвести эту подделку было тем легче, что в отряде только немногие солдаты умели писать.

(№ 4) Признание Банди на военном суде:

Мне надоел долгий допрос, и я настоящим представляю комиссии признание, написанное мной собственноручно и подписанное мною. Я надеюсь, что мои судьи, поскольку я своим признанием избавляю их от долгой и трудной задачи, будут склонны вспомнить, что с моей судьбой связана также судьба моей неповинной семьи*. Прежде мое имя было Иван Бандя из Иллосфальвы; мое нынешнее имя Мохамед-бей, возраст — 40 лет, моя религия раньше была римско-католическая, но в 1853 г. я перешел в магометанство... Моя политическая деятельность... направлялась прежним вождем моей страны, Людвигом Кошутом... Снабженный рекомендательными письмами моего политического вождя, я 22 декабря 1853 г. прибыл в Константинополь... Я вступил в турецкую армию в чине полковника. В это время я часто получал от Кошута письма и инструкции, касающиеся интересов моей страны. В то же время Кошут отправил оттоманскому правительству послание, в котором он горячо рекомендовал туркам остерегаться союза с Францией, Англией или Австрией и советовал им лучше связаться с итальянскими и венгерскими революционерами... В данной мне инструкции рекомендовалось тем или иным путем вступить в число войск, предназначенных для действия на черкесских берегах... Прибыв в Черкесию, я в первое время ограничился изучением положения дела на месте и передачей моих наблюдений моим политическим друзьям... Я старался сблизиться с Сефером-пашей... Согласно инструкции я должен был предупреждать всякие наступательные операции со стороны черкесов и противодействовать всякому иностранному влиянию среди них. Не долго до моего отъезда из Константинополя полковник Тюрр, который получал свои инструкции из того же источника, что и я, и с которым я много лет был политически близок, получил приказание присоединиться к греческому восстанию. Генерал Штейн (Ферад-паша), тоже принадлежавший к нашей партии, был направлен в Анатолию. Что касается плана создания близких отношений с Сефером-пашей, то он удался, и весьма скоро я приобрел полное его доверие. После этого я уже мог легко следовать моим инструкциям и выполнять их... Я убедил Сефера-пашу, что после войны Черкесия будет возвращена под власть султана... Турецким командирам я доказывал, что всякие наступательные операции их войск будут опасны, ибо черкесы... в критический момент их покинут. Обстоятельства были для меня благоприятны, и, хотя русские отправили свои войска на театр военных действий и оставили свои границы без прикрытия, они все же не пострадали от сколько-нибудь серьезных черкесских набегов. Моим политическим вождям я отправлял регулярные донесения о моих тайных действиях... В то же время я наткнулся на людей и на обстоятельства, которые противодействовали моим планам. Я имею в виду прибытие в Анапу британского консула Лонгуорта. Лонгуорт имел предписание заставить Сефера-пашу организовать на средства Великобритании отряд из 6 тысяч черкесов и отправить его в Крым... Я получил подобное же приказание от турецких властей, но в то же время мои тайные начальники прислали мне самый решительный приказ приложить все усилия, чтобы свести на-нет миссию британского консула... В разговоре с Лонгуортом... я просил у него службу в британской армии с чином полковника или сумму в 10 тысяч ф. стерлингов... Консул

* Здесь он намекает на свою семью № 3. Он имеет жену, живущую в Венгрии, и другую в Париже, помимо мусульманской семьи в Константинополе.

Лонгуорт думал привлечь меня на свою сторону, предложив мне 50 тысяч пиастров... Моя интрига увенчалась успехом. Принц Сефер, столько раз обманутый пустыми обещаниями, почувствовал подозрение и наотрез отказал консулу выполнить то, что тот требовал от его народа... В это время я нажил себе врага в лице принца Ибрагима Карабатира, сына Сефера-паши, который должен был командовать 6 тысячами черкесов...

21 марта 1856 г. Сефер-паша уведомил меня, что Национальным собранием было постановлено отправить депутацию к турецкому, французскому и британскому правительствам, чтобы просить их о воссоединении Черкесии с Турцией. Я добился того, что Сефер-паша отправил меня вместе с этой депутацией... По прибытии в Константинополь я представил моим политическим друзьям и Кошуту подробный отчет о состоянии Черкесии... В ответ я получил инструкции, предписывающие мне связаться с полковником Тюрром и генералом Штейном и вести дела сообща с ними, привлекая как можно больше венгров. В то же время я установил связь с Измаилом-пашей, начальником почт Османской империи, черкесом по происхождению, который казался мне патриотом, способным на жертвы для своей страны. Я совещался с ним относительно способов отправки в Черкесию оружия, боевых припасов, инструментов для ремесленников, хороших офицеров и мастеров. *Но настоящий план экспедиции был установлен генералом Штейном, полковником Тюрром и мной. Капитан Франкини, военный секретарь русского министра, присутствовал на нескольких наших совещаниях. Нашей целью было переманить Черкесию на сторону русских мирным, медленным, но верным путем...* Если бы удалось подчинить Черкесию моему руководству и генерала Штейна, то наш план должен был состоять в следующем:

1. Избрать какого-либо туземного принца, который подчинил бы своему управлению страну.

2. Убедить черкесов, что им нечего ждать какой-либо помощи от султана или другой державы.

3. Деморализовать горцев обдуманными и подготовленными заранее поражениями на поле сражения.

4. Добиться, чтобы они признали царя своим номинальным верховным государем, которому они не платят податей, но гарнизоны которого они допускают в свою страну...

Принца предполагалось окружить привезенными в Черкесию венграми; наиболее способных из них надо было поставить на важные посты... Капитан Франкини уверял меня, что Россия добивается только формального подчинения... Знаки императорской милости, деньги и русские ордена должны были сделать остальное...

22 сентября 1856 г. Измаил-паша посоветовал мне привлечь на службу в Черкесию несколько сот поляков, которые находились в казармах в Скутари и составляли часть легиона Замоиского... Это предложение не входило в наши планы, но отвергнуть его было неудобно... Я знал М. Лапинского, который с отличием служил в Венгрии, около.....¹ Он жил в Скутари... Мы условились с генералом Штейном, что наилучшим планом будет привлечь на службу полковника Лапинского, который питал ко мне абсолютное доверие... 24 сентября я уведомил полковника Лапинского письмом, что черкесские патриоты поручают ему сформировать в Черкесии польский корпус. В ответ полковник потребовал ору-

¹ Пропуск в оригинале. *Ред.*

жия и обмундирования для 700 поляков... После совещания — где участвовали генерал Штейн, Тюрр, Франкини и я — было решено, что Тюрр отправится в Англию для покупки инструментов и машин для изготовления патронов, но что посылку всякого оружия он отсрочит. Мы хотели получить полную уверенность в поляках, раньше чем дать им оружие... Серьезные возражения полковника Лапинского... заставили поспешить меня с отъездом, хотя у меня не было возможности взять с собой завербованных мною венгерских офицеров... В январе 1857 г. я получил письма и инструменты от Кошута и от других моих политических друзей. Мой план был одобрен... Незадолго до моего отъезда я и генерал Штейн сделали вид, будто между нами произошло охлаждение. Я хотел еще отложить мой отъезд, чтобы дать возможность нескольким венграм отправиться вместе со мной, однако капитан Франкини объявил, что невозможно было терять ни одного дня, потому что о нашей экспедиции уже пошли толки в Константинополе, и если русское посольство не вмешается в это дело, то его могут обвинить в соучастии с нами. 15 февраля полковник Лапинский сел на английский пароход «Кенгуру». Я также сел на пароход... По прибытии в Доб (у русских — Кабардинск) я отправил письма Сеферу-паше, Наибу и прочим вождям племен; в этих письмах я объявлял, что я послан его императорским величеством султаном для командования военными силами Черкесии... Поведение полковника Лапинского не внушало мне большой уверенности... Несколько недель спустя по прибытии польского отряда в Шапсухо (у русских — форт Тенжинск), резиденцию Сеферапаши, в Доб прибыл м-р Ремер на двухмачтовом судне, нагруженном оружием и боевыми припасами, которые мы оставили в Босфоре... Вторжение русских через Аттакум в мае собрало из всех частей страны тысячи черкесских воинов. В первый раз черкесы увидели, что их собственная артиллерия с успехом атакует русскую. Хотя это сражение само по себе не было серьезным, однако оно придало важное значение польскому отряду и мне... Я использовал это настроение публики для того, чтобы выполнить свою задачу; я выступил публично как посланный султана и требовал повиновения себе... Позже я узнал, что полковник Лапинский изо всех сил старался разрушить мои планы... Я пытался приобрести сторонников среди офицеров и солдат его отряда, и так как положение последнего было критическое, то я приписал вину за это его команде... Захват русским кораблем нескольких сандалов¹ в портах Суояка и Геленджика дал мне повод удалить полковника на некоторое расстояние от театра войны в окрестности Аттакума и совершенно изолировать его... Несколько дней спустя я получил от полковника Лапинского письмо, в котором он сообщал, что в Геленджике нет никаких военных сил и что нет возможности удержать позицию. Я лично отправился в Геленджик, и полковник Лапинский на месте указал мне на опасность своего положения и неминуемость нападения со стороны русских. Девять дней спустя его предсказание сбылось...

Возбуждение, которое я поддерживал среди офицеров и солдат в Адерби во время и после катастрофы в Геленджике, было простым следствием принятого мною решения сеять раздоры между полковником Лапинским и его отрядом... Через своих эмиссаров я пустил среди черкесов слух, будто полковник продал пушки русским... Я дал обмануть себя притворной искренностью полковника, который следил за мной с большей бдительностью, нежели когда-либо раньше...

¹ Особый вид лодок у мусульманских народов Средиземного моря. *Ред.*

Согласно инструкциям я должен был завязать сношения с русским генералом. Мое анонимное письмо, которое в настоящее время находится в руках комиссии, должно было служить началом к постоянной переписке, но по глупости русского командира оно попало в ваши руки...

Внезапно полковник сбросил маску и напрямик объявил мне в доме Сефера-паши, что он не признает меня ни своим начальником, ни военным командиром Черкесии, и прервал со мною всякие сношения... Он отправил также общий приказ в этом смысле своему польскому отряду. Я попытался отстранить его от должности другим приказом, обращенным к солдатам, но мои старания оказались тщетны...

(Подпись) *Мохамед-бей*.

(№ 5) Письмо Ивана Банди генералу Филиппону:

Не будет ли в интересах России умиротворить Черкесию? Можно при огромных усилиях овладеть на время равнинами Черкесии, но взять горы и естественные крепости не удастся никогда. Русские пушки утратили свое значение. Черкесская артиллерия будет отвечать русской не менее успешно. Черкесы уже не те, какими были 5 лет назад; поддерживаемые небольшим регулярным отрядом, они сражаются так же хорошо, как и русские войска, и будут бороться до последнего человека за свою веру и отечество. Не лучше ли будет дать черкесам нечто вроде призрачной свободы: установить в Черкесии власть национального принца, а этого последнего держать под покровительством русского царя. — Словом, превратить Черкесию во вторую Грузию или в нечто подобное? Раз Черкесия будет тесно связана с Россией, дороги в Анатолию и Индию будут для русских открыты. Sapienti sat [для осведомленном этого достаточно]. На этой основе можно будет начать переговоры. Обдумайте и дайте ответ.

(№ 6) Приговор военного суда 20 января 1858 года:

Заслушав признания полковника Мохамеда-бея в заседаниях 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 11 января, заслушав показания свидетелей на заседании от 9 января, военный суд в своем сегодняшнем заседании объявляет Мохамеда-бея, в силу его признания и показания свидетелей, уличенным в измене стране и в тайных сношениях с врагом, объявляет его лишенным чести и военного чина в этой стране и приговаривает его к смерти — единогласно.

Подписи: *Яков Бекерт*, рядовой; *Филипп Тертельтауб*, бомбардир; *Матвей Бедничек*, сержант; *Отто Линовский*, канонир; *Франц Сток*, подпоручик; *Антон Крыслевич*, подпоручик; *Михаил Мареский*, поручик; *Леон Завадский*, канонир; *Станислав Танковский*, ефрейтор; *Иван Гаманский*, фельдфебель; *Александр Милицкий*, фельдфебель; *Казимир Вастоцкий*, подпоручик; *Иосиф Араноский*, поручик; *Петр Станкевич*, капитан; *Теодиль Лапинский*, полковник.

К вышеприведенным документам нам остается только прибавить, что Сеферу-паше не хотелось привести в исполнение смертный приговор над человеком, который имел чин полковника в армии султана, и поэтому он отправил его в Трапезунд. Венгры, жившие в Константинополе, заявили, что предательство Мохамед-бея есть чистая клевета. Однако польские офицеры немедленно протестовали против этого заявления и грозили в случае надобности опубликовать до-

кументы, относящиеся к этому делу. Выше мы привели эти документы в выдержках, ибо они представляют чрезвычайно интересный вклад в историю черкесской войны.

Что касается поведения русского посольства во время этого дела, то мы можем привести еще следующие факты: в Константинополе было широко известно, что «Кенгуру» было зафрахтовано для перевозки отрядов и военных припасов в Черкесию. Однако русское посольство ни словом не обмолвилось перед Портой относительно этой экспедиции; и в тот самый день, когда «Кенгуру» вышло из Босфора, русский посол направил Порте протест и добился назначения следствия с целью открытия инициаторов этой экспедиции. Посольство напрягало все усилия, чтобы впутать в дело графа Замойского, который в это время находился в Константинополе, но потерпело полное фиаско. На основании якобы требования России генерал Штейн и Измаил-паша были отправлены в ссылку за свое причастие к делу. После нескольких месяцев ссылки, по случаю какого-то праздника в русской императорской фамилии, генералу Штейну и Измаилу-паше, опять же по просьбе русского посла, было разрешено вернуться в Константинополь.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5352 от 16 июня 1858 г.

Без подписи.

ЕЩЕ ОДНА НЕОБЫЧАЙНАЯ ГЛАВА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ.

Лондон, 7 сентября 1858 г.

Несколько месяцев тому назад я послал вам ряд документов, касающихся Мохамеда-бея, он же полковник Бандя, о его попытке предать черкесов. С тех пор к этому странному эпизоду черкесской войны прибавилась еще новая глава; декларации и контрдекларации различных заинтересованных партий вызвали, во-первых, серьезные распри между венгерской и польской эмиграцией в Константинополе, а затем большие споры в Лондоне в главной квартире европейской эмиграции, по вопросу о приписываемой некоторым выдающимся лицам причастности к делу Банди. Отлично зная, с каким интересом революционная эмиграция всех оттенков и всех национальностей относится ко всему, что печатает «Tribune», я умышленно не хотел возобновлять обвинение, пока собственными глазами не увидел оригиналов нескольких писем, которые появились в константинопольских газетах, но подлинность которых впоследствии оспаривалась, и пока я, таким образом, не удостоверился вполне во всех фактах данного дела. Тем не менее я счел бы нарушением долга не противодействовать трусливым махинациям, имеющим целью замять дальнейшее расследование и набросить покров тайны на все это дело. Если среди революционной эмиграции имеются люди, которые собираются вступить в заговор с русским правительством и стать на сторону таких профессиональных шпионов, как Бандя, то пусть они выступят и имеют мужество защищать свои взгляды.

Читатели вспомнят, что признание Банди и прочие связанные с этим документы были привезены в Константинополь поручиком польского отряда в Черкесии Стоком, который имел при себе депеши своего начальника, полковника Лапинского и был членом военной комиссии, судившей Бандю. Сток 4 месяца оставался в Константинополе для того, чтобы своими показаниями подтвердить правильность обвинения в измене, выдвинутого Лапинским против Банди, в случае, если бы оказалось необходимым прибегнуть к судебному разбирательству. В своем признании Бандя указал

на причастность к его интригам в Черкесии Кошута, генерала Штейна, полковника Тюрра и части возглавляемой Кошутым венгерской эмиграции. Проживающие в Константинополе поляки получив известия и документы, привезенные поручиком Стоком, не сразу поверили обвинениям Банди против его соотечественников и, сомневаясь в подлинности этих документов, они решили оставить документы при себе. В ожидании дальнейших известий из Черкесии они ограничились тем, что поместили в газете «*Presse d'Orient*» краткую заметку об измене и осуждении Мохамеда-бея, он же Бандя. После появления этой заметки у них перебывало несколько венгров, в том числе полковник Тюрр, который заявил, что эта заметка является оскорблением как для него, венгра, так и для всей эмиграции вообще. Однако, прочитав документы, привезенные из Черкесии, Тюрр сначала весьма слабо стал опровергать утверждения Банди, касающиеся его собственного соучастия, а затем воскликнул, что Бандю следовало бы повесить, и просил поляков отправить эмиссара к Сеферу-паше, чтобы уговорить его утвердить и привести в исполнение приговор военного суда. При этом он получил от поляков разрешение взять с собою письмо Банди, где он советует своим соотечественникам воздерживаться от всякого вмешательства в Черкесии и от всяких интриг против поляков.

«Что касается наших планов, — говорит Бандя в этом письме, — то они окончательно разрушены, и моя судьба находится в руках Лапинского».

Не довольствуясь передачей Тюрру и другим венграм документов, впоследствии напечатанных в «*Tribune*», поляки дали еще другое неопровержимое доказательство своей добросовестности и искренности. Чтобы втереться в милость своим судьям после своего осуждения на смерть, доказав им свою готовность выложить все, что он знает, Бандя полностью раскрыл председателю военного суда Лапинскому всю историю приготовлений, делаемых его соотечественниками против Австрии. Он рассказал ему, какого рода ресурсами они располагают, назвал города, в которых они устроили склады оружия, и имена лиц, попечению которых они были поручены. Поляки тотчас же уведомили венгров об угрожавшей им опасности, показали им все полученные документы, касающиеся этого дела, которые никогда не были опубликованы, и, чтобы уверить их в том, что эти документы навсегда останутся в секрете, предложили им запечатать в их присутствии собственными печатями. Эти документы еще существуют, и их печати еще целы. Среди лиц, которые таким образом наложили свои печати, были Тюрр, Туконы (Селим-ага), Тальмайр (Эмин-ага) и другие вожди кальмаровской эмиграции в

Константинополе, которые впоследствии подписали манифест, реабилитирующий Бандю.

Вскоре после свидания Тюрра с поляками в Париже в литографированной корреспонденции Гаваса появилась телеграмма следующего содержания:

«Полученное в Марселе письмо полковника Тюрра разоблачает ложное утверждение «*Presse d'Orient*» относительно предательства и осуждения полковника Мохамеда-бея».

Эта заметка была напечатана в большей части европейской прессы. В то же время несколько венгров представили в редакцию «*Presse d'Orient*» письма из Черкесии о том, что Мохамед-бей находится на свободе и попрежнему поддерживает сношения с Сефером-пашей. Бандя был представлен публике как мученик за дело свободы; полковник Лапинский обвинялся в подлогах и других преступлениях, а поляки в Константинополе были изображены как его сообщники. Не обошлось и без смешных попыток запугать поляков. И только тогда поляки опубликовали признание Банди и ряд документов по этому делу в «*Tribune*» и лондонской «*Free Press*». Тем временем Бандя прибыл в Константинополь и явился в редакцию «*Presse d'Orient*». Редакция этой газеты сказала ему, что она опубликовала касающееся его сообщение, ибо у нее не было ни малейшего основания сомневаться в его правильности, но что она готова опровергнуть его, если Бандя сможет доставить неопровержимые доказательства его лживости. Бандя ограничился ответом, что все это ложь, что он является жертвой интриги, и затем рассказал множество деталей, касающихся событий в Черкесии, о которых его никто не спрашивал. Когда его спросили, каким же образом он, турецкий офицер и черкесский главнокомандующий, мог написать письмо, очевидно предназначенное для русского генерала Филипсона, письмо, достаточное, чтобы подтвердить все выдвинутые против него обвинения, то Бандя ухитрился обойти этот опасный пункт, небрежно заметив, что он готовится ответить на ложно приписываемое ему признание. Свой разговор он закончил обещанием ответить в газете на выдвинутое против него обвинение; это предложение было принято на том условии, что в его письме не будет никаких личных нападок. При этом разговоре присутствовали также один французский офицер, французский священник и армянский публицист, которые выразили готовность выступить в качестве свидетелей перед любым трибуналом. При вторичном посещении, 25 апреля, Бандя передал редакции «*Presse d'Orient*» свое письмо, которое, вопреки условию, содержало гнусные нападки на полковника Лапинского и

Ибрагим-бей, но в то же время старательно избегало упоминать имя поручика Стока, который, к несчастью для Банди, все еще находился в Константинополе. После того как в письме, по настоянию редакции, было сделано несколько изменений, оно появилось в «Presse d'Orient»; главные места в этом письме гласят:

«Я оказался жертвой гнусных интриг со стороны Ибрагим-бея и г. Лапинского. 31 декабря, к вечеру, Ибрагим-бей вызвал меня к себе на дом для частной беседы. Я явился, не имея при себе оружия; едва я вошел в комнату Ибрагим-бея, где уже собрались мои враги, как я был арестован и в ту же ночь отведен в направлении к Адерби. Так как я находился во власти моих врагов, то моя жизнь и жизнь всей моей семьи подвергалась величайшей опасности; если бы не угрозы черкесов, то меня бы убили. Но, в конце концов, 19 марта черкесские вожди освободили меня, и теперь настала очередь Лапинского, Ибрагим-бея и самого Сефера-паши трепетать и просить у меня прощения за все зло, которое они мне причинили. Одного моего слова было бы достаточно, чтобы их головы покатались в прах... Что касается захвата документов, доказывающих измену, или совещания черкесских вождей и европейских офицеров, а также какого-то осуждения, то все эти милые вещи являются выдумкой корреспондента — агента и подголоска г. Лапинского... Документ, выдаваемый за исторические мемуары, копия которого находится перед вашими глазами, представляет *выдумку, отчасти сфабрикованную в Константинополе* г. Т... и выправленную г. Лапинским. Это — интрига, подготовленная уже давно и *скомбинированная со времени моего отъезда в Черкесию*. Этот документ предназначен для того, чтобы скомпрометировать одно таинственное лицо и выманить деньги у одной великой державы».

Несколько дней спустя после напечатания этого письма в «Presse d'Orient» Бандя, по мотивам, превосходно известным ему самому, объявил с характерной для него наглостью в «Journal de Constantinople», что редактор «Presse d'Orient» изменил его письмо до такой степени, что он не может признать его подлинность. Однако я видел оригинал письма, я знаю почерк Банди и могу засвидетельствовать, что все изменения, на которые он жалуется, заключаются попросту в замене имен инициалами и в прибавке, в качестве введения, нескольких строк, в которых сотрудников «Presse d'Orient» хвалят за точность их информации. Вся цель Банди заключалась в том, чтобы заронить сомнение в общественном мнении. Не имея сказать ничего больше, он, точно выполнив долг, решил напустить на себя упорное молчание гонимой добродетели. Тем временем в лондонских газетах появились два документа: один, подписанный главою венгерской эмиграции в Константинополе, другой — полковником Тюрром. В первом письме те самые лица, которые приложили свои печати к бумагам, доказывающим виновность Банди, выражают уверенность, что «Бандя сможет оправдаться», делают вид, будто они

«рассматривают все дело Мохамеда-бея как вопрос, только лично его касающийся» и «лишенный всякого международного характера»; в то же время они клеймят друзей полковника Лапинского как «демонов, целью которых является сеять раздоры между двумя эмиграциями». Тюрр, который тем временем преобразился в Ахмета Риамилля-бея, в своем письме заявляет:

«Едва я услышал о прибытии в Константинополь Мохамеда-бея, как я отправился к нему в сопровождении капитана Кабата (поляка) и задал ему прямой вопрос, верны ли признания, которые имеются в меморандуме, опубликованном в газетах. Он ответил, что он был предательски арестован и представлен комиссии, состоявшей из поляков; однако после двух заседаний этой комиссии в его камеру явился г. Лапинский, командир 82 поляков в Черкесии, и заявил ему, что все его признания в комиссии не принесут ему никакой пользы и, чтобы помочь его (Лапинского) планам, Мохамед-бей должен был собственноручно написать меморандум, уже составленный и написанный Лапинским. Он (Мохамед-бей) *отказался переписать первый меморандум*, предложенный ему, тот самый, который опубликовали газеты. Тогда Лапинский видоизменил его и приготовил второй меморандум, *который он (Мохамед-бей) переписал и подписал*; он сделал это под угрозой, что его застрелят и таким образом лишат возможности защититься против обвинений, которыми Лапинский наверно запятнал бы его память после его смерти. Никто не видел до сих пор оригинала этого документа.

После этого заявления Мохамеда-бея я не в состоянии узнать, кто из двух является *негодяем*».

Таким образом, мы видим, что Тюрр утверждает, будто Бандя подписал свое признание только под принуждением и угрозами Лапинского, а в то же время сам Бандя заявляет, что его признание сфабриковано в Константинополе и даже до его отъезда в Черкесию.

Всем этим махинациям был положен конец прибытием письма Сефера-паши и множества черкесов. Депутация последних посетила редактора «*Presse d'Orient*», подтвердила все опубликованные подробности измены Банди и выразила свою готовность дать свидетельское показание, подкрепленное клятвой на Коране, о правильности своих утверждений в присутствии самого Банди и любого числа свидетелей. Бандя не осмелился выступить лично перед трибуналом чести, а Тюрр, Туюны, Кальмар, Веррес и прочие его покровители также не заставили его выступить с доказательством своей невинности.

Еще во время русской войны французский посол в Константинополе Тувенель писал в Париж с целью получить информацию относительно Банди; ему сообщили, что Бандя — шпион, готовый служить всякому, кто ему платит. Тувенель потребовал его удаления из Анапы, но Бандя защитился с помощью рекомендаций Кошута.

На призыв к братству наций в венгерском манифесте, о котором мы выше говорили, поляки с полным правом ответили следующее:

«Вы говорите о братстве наций; мы давали вам уроки этого братства в ущельях Карпат, на всех дорогах Трансильвании, на равнинах Тиссы и Дуная. Венгерский народ не забудет этого, как забыли те конституционалисты, которые в 1848 г. вотировали миллионы флоринов и тысячи людей для выступления против Италии, как забыли это те республиканцы, которые в 1849 г. просили у России короля, как забыли это те главы государства, которые во время войны за независимость и свободу требовали изгнания с венгерской территории всего валахского народа, как забыли это пресловутые уличные ораторы в своих странствованиях по Америке. Сказал ли он, по крайней мере, американцам, — которые платили ему также, как платят они Лоле Монтец или Дженин Линд, — сказал ли он им, что он, этот оратор, был первым, который покинул свою умирающую страну, и что последним, кто покинул эту залитую кровью страну, шедшую навстречу скорби, был старый генерал, герой и поляк, Бем?»

В дополнение к нашему сообщению мы присоединяем следующее письмо полковника Лапинского:

ПОЛКОВНИК ЛАПИНСКИЙ — ПАШЕ.

Адерби, Черкесия.

Милостивый государь! Уже прошло почти 2 года с тех пор, как я, уступая Вашей просьбе и доверяя Вашему слову, прибыл сюда. Мне нет надобности напоминать Вашему превосходительству, как это слово было сдержано. Меня оставили без оружия, без одежды, без денег и даже без достаточного количества пищи.

Я надеюсь, что все это следует приписать не злой воле со стороны Вашего превосходительства, а другим причинам, и в особенности Вашей злополучной связи с людьми, которым чужды интересы вашей страны. В течение года мне навязали одного из самых ловких русских шпионов. С божьей помощью я расстроил его интриги, показал ему, что мне известно, кто он такой, и теперь я держу его в своих руках. Очень прошу Ваше превосходительство порвать всякие сношения с венграми; в особенности избегайте Штейна и Тюрра — это русские шпионы. Остальные венгры служат русским, отчасти бессознательно. Не давайте обмануть себя всякого рода проектами фабрик, разработки рудников и обширной торговли. Каждая затраченная таким образом копейка окажется выброшенной на улицу, — именно к этому направлены все усилия Тюрра, который желает только, чтобы Вы тратили деньги таким способом, который не принес бы пользы Вашей стране и не причинил бы никакого вреда русским. Здесь нам требуется: пороховой завод, прибор для чеканки монет, небольшой типографский станок, мукомольная мельница и оружие, которое здесь не только плохого качества, но и вдвое дороже, нежели французские военные седла. Что же касается рудников, то думать о них — сущее ребячество. Здесь каждая копейка должна быть израсходована на защиту страны, а не на спекуляцию. Тратьте все Ваши средства на обучение войск; тогда Вы не только будете способствовать благополучию Вашей страны, но Вы укрепите также свое личное влияние. Не расточайте ваших средств, пытайтесь склонить на свою сторону ту или иную партию. Состояние страны в настоящее время кажется спокойным, но на самом деле

это спокойствие окажется роковым. Сефер-паша и Наиб еще не помирились, и причина этого то, что им мешают русские шпионы. Не жалейте денег, которые Вы истратите на обучение здесь войск. Только таким образом деньги будут затрачены с пользой. Не думайте о пушках. Как человек, получивший свое образование в артиллерии, я точно знаю их ценность. Произошло то, что я предвидел перед моим отъездом. Сначала русские были поражены пушечной пальбой, теперь же они смеются над нею. Там, где я ставлю 2 пушки, они ставят 20; и если у меня не будет регулярных отрядов, чтобы защищать мои пушки и так как черкесы не умеют защищать их, то русские завладеют ими, и мы сами попадем к ним в плен.

Последнее слово. Я и мои люди готовы, паша, отдать себя на защиту Вашей страны, и через 8 месяцев, считая от сегодняшнего дня, я увеличу свой отряд до 600 стрелков, 260 всадников, 260 артиллеристов, если Вы пришлете мне все необходимое для их снаряжения и вооружения. Если в течение 2 месяцев я не получу ничего, то я вернусь в Турцию, и вся вина падет на Вас, а не на меня и не на поляков. Я не намереваюсь ни использовать черкесов, ни обмануть их. Если я не смогу надлежащим образом служить их стране и моей собственной, то я покину их.

Я отправил Стока в Константинополь. Самое лучшее для вас будет, если Вы дадите ему все, что можете, и немедленно отправите его назад... Да хранит Вас бог! Умоляю Вас, ничего не откладывайте до завтра. Не теряйте ни минуты, ибо Вам придется дорого заплатить за потерянное время!

Лапинский.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5436 от 23 сентября 1858 г.,

Без подписи.

Карл Маркс
ПРУССИЯ И ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ

УМОПОМЕШАТЕЛЬСТВО ПРУССКОГО КОРОЛЯ.

Берлин, 12 октября 1858 г.

Сегодня король покинул Берлин, отправился в путешествие в Тироль и Италию. Среди молчаливой толпы, присутствовавшей при его отъезде с Потсдамского вокзала, было не мало лиц, которые в 1840 г. были свидетелями его коронации и слышали его первое публичное выступление, когда он торжественно клялся, что он никогда не позволит, «чтобы какой-нибудь галльский клочок бумаги встал между ним и его народом». Этот человек имел несчастье впоследствии не только присягнуть на верность «галльскому клочку бумаги» — какое романтическое имя для писаной хартии или конституции! — но и стать восприемником прусской конституции и даже в известном смысле потерял престол в силу того же зловредного «клочка бумаги». Читатель, вероятно, заметил разницу между рескриптом короля принцу прусскому и рескриптом принца министерству. В своем рескрипте король говорит:

«Так как мне лично все еще невозможно руководить государственными делами, то я прошу Вас, Ваше королевское высочество и мой любезный брат и т. д., принять на себя временно отправление королевских полномочий, в качестве регента от моего имени, согласно Вашему разумению и Вашей совести, отвечая только перед богом».

В своем контррескрипте принц говорит:

«Вследствие настоящей королевской просьбы и на основании ст. 56 конституции, я, в качестве ближайшего мужского престолонаследника, сим возлагаю на себя регентство над страной и, согласно ст. 56 конституции, созываю обе палаты ландтага королевства».

Таким образом, король в своем рескрипте действует как свободное лицо и актом собственной свободной воли временно слагает с себя власть; принц же одновременно ссылается и на королевскую просьбу, и на «ст. 56 конституции», которая предполагает, что король находится в состоянии невеняемости или в плену и вследствие этого не может лично устанавливать регентство. Далее, в своем рескрипте король призывает регента выполнять свои полномочия «и быть ответственным только перед богом», между тем как принц своей

ссылкой на конституцию возлагает всю ответственность на существующее министерство. Согласно приведенной регентом статье, «ближайший престолонаследник» обязан немедленно созвать палаты, которые в объединенном заседании должны внести решение по вопросу о необходимости регентства». Чтобы лишить ландтаг этой компетенции, в рескрипте подчеркивается добровольный отказ короля, но, с целью избежать зависимости от королевской прихоти, сделана ссылка на конституцию. Таким образом, в притязании регента есть слабое место, поскольку оно признает, что имеет своим источником два права, взаимно исключающие друг друга. 58-я статья конституции заявляет, что «с момента его (регента) присяги конституции (перед объединенным ландтагом) существующее министерство остается ответственным за все правительственные акты». Каким же образом это согласуется с «ответственностью только перед богом»? Признание королевского рескрипта есть только предлог, ибо при этом созывается ландтаг, а созыв ландтага есть тоже предлог, потому что вопрос о «необходимости» регентства не подлежит его решению. В силу такого стечения обстоятельств принц прусский, в 1850 г. отказавшийся присягнуть конституции, видит теперь себя в неловком положении: ему приходится не только признавать конституцию, но и прибегать к ее помощи. Нельзя забывать, что с осени 1848 г. и до начала 1850 г. сторонники абсолютизма, в особенности в рядах армии, носились с планом, при случае открыто его высказывая, заменить колеблющегося и нерешительного короля рассудительным принцем, в котором сила воли во всяком случае не подавлялась особенной гибкостью ума и который, кроме того, благодаря своему поведению в мартовские дни, своему бегству в Англию, народной ненависти, направленной против него, и, наконец, подвигам во время баденской кампании казался вполне подходящим человеком для того, чтобы стать представителем сильного правительства в Пруссии, подобно Францу-Иосифу и сыну Гортензии на западных границах гогенцоллернских владений. Принц действительно никогда не изменял своих убеждений, но обиды, которые ему, а еще более его жене, ученице Гете, женщине высокой культуры, с честолюбивым и гордым характером, приходилось переносить со стороны королевы и ее камарильи, не могли не толкнуть его в некоторую оппозицию. Болезнь короля не оставляла ему иного выбора, кроме одного, либо предоставить управление королеве, либо самому признать конституцию. Кроме того, теперь отпадает характерная для этого человека разборчивость, психологически связывавшая его в 1850 году. Тогда он был лишь первым офицером прусской армии, присягал на верность

только королю, а не конституции. Если бы в 1850 г. он принес присягу конституции, то он связал бы армию, представителем которой он являлся. При настоящем же положении дела он может принести присягу; но, если он пожелает, то, в силу простого акта отречения, он даст своему сыну возможность упразднить конституцию с помощью армии. Самый пример правления его брата в течение последних 8 лет, дал достаточное доказательство того, что если нужен еще какой-то иной стимул, то конституция налагает на королевскую прерогативу только воображаемые оковы, а с финансовой точки зрения является прямо таки находкой. Достаточно вспомнить финансовые затруднения короля в период между 1842 и 1848 гг., тщетные попытки занять деньги через посредство банка «*Seehandlung*», холодные отказы Ротшильдов ссудить небольшое количество миллионов долларов, неутверждение мелких займов Соединенным ландтагом 1847 г., полное истощение государственной казны и сопоставить с этим финансовые возможности, возникшие уже в 1850 г., в первом году конституции, когда три бюджета с дефицитом в 70 млн. были сразу покрыты палатами в мгновение ока. Действительно, только совершенный дурак отказался бы от такого великолепного механизма для чеканки монет. Поскольку дело касалось народа, прусская конституция только прибавила политическое влияние аристократии к традиционной власти бюрократии; королевская же власть благодаря ей получила возможность создать государственный долг и увеличить ежегодный бюджет более чем на 100 процентов.

Сама история этой конституции представляет одну из самых необычайных страниц современной истории вообще. 20 мая 1848 г. был сначала составлен проект конституции кабинетом Кампгаузена, который предложил ее прусскому Национальному собранию. Деятельность последнего заключалась главным образом в переработке правительственного проекта. Собрание все еще было занято этим делом, когда с ним разделались с помощью померанских штыков. 5 декабря 1848 г. король даровал свою собственную конституцию, так как революция еще не совсем была изжита, она предназначалась только как временное средство для успокоения. В целях ее пересмотра были созданы палаты, и их работа совпала как раз с эпохой бешеной реакции. Эти палаты очень напоминали в прусском масштабе знаменитую «бесподобную палату» («*la chambre introuvable*») Людовика XVIII. Все же король колебался: «клочок бумаги» хотя и был подслащен, пропитан душком верноподданничества и прикрашен средневековыми геральдическими фигурами,

все же приходился королю не по вкусу. Король пробовал все возможное, чтобы отбить аппетит у любителей конституционной стряпни, но последние твердо решили не смущаться ни перед какими актами у ижения, не пугаться никаких уступок, лишь бы добиться номинальной конституции с каким угодно содержанием, достигнуть ее, даже ползая в грязи. Действительно королевские послания, которые следовали одно за другим подобно залпам взвода, расстреливающего мятежника, отводили не резолюции ревизирующей палаты, которая держалась совсем пассивно, а предложения, которые непрерывно поступали от собственных министров короля, делавшиеся от имени самого же короля. Сегодня они предлагали одну статью. Спустя два дня после принятия ее палатой в ней уже находили недостатки, и король объявлял, что ее изменение безусловно необходимо. Наконец, утомленный этой игрой, король в своем послании от 7 января 1850 г. решился на последнюю и окончательную попытку заставить своих верных подданных потерять всякую надежду в своих конституционных вожделениях: В нарочито для этого составленном послании он предложил длинный ряд поправок, которые, как он предполагал, даже эти палаты по всем человеческим вероятностям не смогут проглотить. Однако они проглотили их, даже не поморщившись. Таким образом, ничего другого не оставалось, как покончить с канителью и провозгласить конституцию. Королевская присяга еще отзывалась той балаганщиной, которая сопровождала рождение этой конституции. Король признал ее с тем, что «он найдет возможным править с ее помощью»; палаты приняли это двусмысленное заявление как присягу и полный расчет, а народ отнесся ко всему делу с совершенным равнодушием.

Такова история этой конституции. В другом письме я предполагаю дать вам краткий очерк ее содержания, ибо, по странному стечению обстоятельств, этот «бесплотный призрак» стал в настоящее время, по крайней мере, операционной базой двух соперничающих официальных партий, и этим партиям в Пруссии, как и повсюду, суждено начать всеобщее движение, которое в надлежащий момент должно появиться на сцене.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5465 от 27 октября 1858 г.

Без подписи.

РЕГЕНТСТВО В ПРУССИИ.

Берлин, 13 октября 1858 г.

После упорной борьбы прусский дворцовый переворот стал, наконец, совершившимся фактом. Из простого заместителя и уполномоченного короля принц прусский превратился в регента государства. Королева и камарилья так неохотно сдали свои позиции, что это проявилось даже в заключительной сцене этой династической драмы. Их официальный представитель, министр внутренних дел фон-Всетфален, отказался дать свою подпись под декретом, которым король передавал свою власть своему брату, ушел в отставку и был заменен фон-Флоттвелем. С другой стороны, король отрекся не безусловно, как гласит декрет, но лишь на время, «пока я сам не смогу опять выполнять обязанности моего королевского сана» и оставляя за собой «за моей собственной властью те дела моего королевства, которые касаются лично меня». Первая оговорка придает власти регента временный характер, а вторая попрежнему сохраняет за королевой распоряжение королевским кошельком. Эта условная форма капитуляции показывает, что, хотя камарилья и была принуждена уйти из наиболее укрепленных участков своих позиций, она, однако, решила не прекращать борьбы. Действительно, ни для кого не секрет, что после паралитического удара, приключившегося с королем на прошлой неделе, его собственные врачи объявили, что они не могут гарантировать ему жизнь даже на год при самых благоприятных условиях. Это заявление сыграло большую роль в решении фон-Мантейфеля перебежать на другую сторону и поднять флаг принца прусского. Обладая некоторым поверхностным знакомством с новой историей, Мантейфель знает, что влияние Мазарини пережило Людовика XIII. Он знает также, что Персеваль, хотя и в качестве слепого орудия камарильи, известный под именем «друзей короля», действовал по указке королевы и герцога Йоркского, и э им он сильно настроил против себя принца-наследника, но тем не менее, вопреки интригам и недобрым предчувствиям вигских искателей теплых местечек, сумел войти в милость регента (впоследствии Георга IV) и остаться на своем посту.

Дезертирство Мантейфеля и заставило камарилью и стоящую за ее спиной юнкерскую партию отступить, ибо в противном случае принцу прусскому осталось бы только одно из двух: либо удовольствоваться лишь наружной вывеской королевской власти, либо обратиться к содействию народа, что было бы несовместимо ни с его собственными принципами, ни с традициями гогенцоллернской династии. Гибкость Мантейфеля избавила его от этой неприятнейшей дилеммы. Будущее покажет, останется ли он благодарным перебежчику, но уже то обстоятельство, что имя Мантейфеля неразрывно связано с поражением мартовской революции, что он был ответственным редактором прусского государственного переворота и что поэтому его министерство является живым и постоянным протестом против народной «узурпации», может заставить принца, несмотря на его личную неприязнь, воздержаться от резкого и демонстративного разрыва с этим «человеком спасительного действия».

Противоположность характеров принца и короля представляет обычную фамильную черту династии Гогенцоллернов. Комедиант, более или менее предающийся излишествам, в той или иной мере проникнутый богословскими идеями в византийском вкусе, в большей или меньшей степени заигрывающий с средневековым романтизмом, неизменно сменяется на троне другим типом, представляющим угрюмое сочетание фельдфебеля, бюрократа и школьного учителя. Таков был контраст между Фридрихом I и его сыном Фридрихом-Вильгельмом I, между Фридрихом-Вильгельмом II и Фридрихом-Вильгельмом III и таков теперь контраст между безобидными чудачествами Фридриха-Вильгельма IV и прозаической посредственностью нынешнего регента.

Можно сказать, что повсюду ожидают, — и британская пресса усердно это распространяет, — что пришествие к власти регента повлечет за собою поворот иностранной политики Пруссии в смысле освобождения ее от преобладающего влияния России и большего ее сближения с Англией. Весьма вероятно, что принц-регент лично и тешит себя такого рода идеями. Он, конечно, не изжил оскорбительного обращения Николая на конгрессе в Варшаве с графом Бранденбургским, прусским уполномоченным и близким родственником королевской фамилии, — обращения, которое привело к самоубийству графа. Эта личная обида давала себя чувствовать тем острее, что в то же самое время Николай заставил Пруссию — и притом самым бесцеремонным образом — уступить требованиям Австрии, допустить, чтобы австрийская армия прошла к Гамбургу и в Шлезвиг-Гольштейн, и смиренно переносить унижение на глазах у всей

Европы. Несколько позже, когда в Англии были опубликованы секретные и доверительные донесения британского посла в Петербурге, принц, человек отнюдь не склонный забывать обиды, снова получил удар от этого демонстративного пренебрежения, с каким покойный император, обсуждая вероятное отношение великих европейских держав в случае раздела Турецкой империи, не удостоил Пруссию даже упоминания. Как известно, после первых воинственных шагов принц прусский на свидании в Праге реагировал на властительную надменность своего московского шурина тем, что по своему обыкновению ушел в себя и упорно молчал. Во время Крымской войны камарилья заподозрила его в симпатиях к западным союзникам и даже установила за ним надзор и слежку, о которых случайно узнали во время скандального процесса в Потсдаме. С своей стороны, принц удостоверился в том, что главы камарильи и придворные любимцы короля, генерал фон-Герлах и кабинетский советник Нибур (сын знаменитого историка), состояли прямыми агентами петербургского правительства, точно информировали его обо всем, что происходило в кабинете, и получали от него распоряжения по вопросам, касающимся даже таких подробностей, как размещение различных армейских корпусов по территории монархии. С кончиной императора Николая исчезли мотивы личного антагонизма. Кроме того, нельзя предполагать, чтобы Александр II мог внушать своему дяде такое чувство почтительного страха, какое Николай, после своего брака с старшей дочерью Фридриха-Вильгельма III, умел вселять в сердца членов династии Гогенцоллернов. Весьма вероятно, что его новые семейные связи с Англией окажут некоторое влияние на направление внешней политики регента. Но в конце концов эта политика зависит не от личных склонностей принца, а от жизненных требований государства. Если бы Пруссия была просто германской державой, то и вопрос решился бы очень просто; однако Пруссия не только представляет собою соперницу Австрии, в свою очередь являющейся противницей России, но самый основной принцип прусской монархии заключается в усилении ее за счет Германии с помощью России. Именно благодаря союзу Фридриха-Вильгельма I с Россией Пруссии удалось отнять у Швеции Померанию. И опять-таки союз с Екатериной дал возможность Фридриху Великому удержать Австрийскую Силезию и получить крупные части Польши; тот же самый маневр с тем же самым результатом был повторен Фридрихом-Вильгельмом II и Фридрихом-Вильгельмом III. При покровительстве Александра I Пруссия, приобретая Рейнские провинции, одновременно могла безнаказанно увеличить

свою территорию за счет Саксонии. Наконец, в случае французского нашествия Пруссии пришлось бы снова опираться на Россию. Поэтому более чем сомнительно, чтобы существенные основы прусского государства позволили когда-либо его правителям освободиться от верховенства России, и вот почему публике, вероятно, суждено обмануться в своих ожиданиях по этому вопросу, как и по вопросам внутренней политики.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5465 от 27 октября 1858 г.

Без подписи.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ.

I.

Берлин, 16 октября 1858 г.

Если вообще мир ничего не знает или мало знает о прусской конституции, то он может, по крайней мере, утешиться тем замечательным фактом, что и сам прусский народ бродит ощупью в таких же потемках неведения. Как раз в этот момент избирательные комитеты в Берлине, Бреславле, Кенигсберге, Кельне и других больших и малых центрах либерализма заняты усердным перелистыванием пожелтевших страниц прусской хартии с целью выяснить, какое законное оружие нападения или защиты, пригодное для целей настоящего момента, можно вытащить из этого таинственного арсенала. В продолжение 10 лет, когда хартия фигурировала как вещь, которая имеет ценность сама по себе, как окончательный результат, окончательное решение, большинство пруссаков относилось к ней весьма холодно, дорожа ею не более, нежели законами Ману. Но как только почувствовали, что обстоятельства превращают этот казенный хлам в обоюдоострый меч, каждый стал проявлять желание познакомиться с этим «великим неизвестным». С другой стороны, в официальных кругах преобладает весьма неприятное чувство, как бы в этом случае плод познания, подобно тому, как это было в допотопную эпоху, не оказался плодом греха, и на конституционную манию, которая внезапно овладела прусским народом, смотрят с мрачной и, правду сказать, основательной подозрительностью. Как раз теперь принц прусский взвешивает возможность государственного переворота, как средство, к которому он, чего доброго, будет принужден прибегнуть в непродолжительном времени. Если избирательному комитету удастся выполнить свой план составления большинства в выборной палате из либеральных рядов Национального собрания 1848 г., из Вальдеков, Якоби, Родбертусов, Унру, Кирхманов и т. д., то принцу придется дать сражение на том же самом поле, на котором королевская власть, повидимому, одержала победу в декабре 1848 года. Даже одно дыхание и гул вновь пробуждающейся жизни ошеломляют его. Если, — как ему

советует часть его собственной камарильи, — он образует кабинет Бисмарка-Шенгаузена, открыто бросив этим перчатку в лицо революции и без церемоний подавив в самом зародыше надежды, явно связанные с его приходом к власти, то избирательная палата в согласии со ст. 56 конституции и с его собственным рескриптом может поставить на обсуждение вопрос о «необходимости» его регентства. Тогда его режим начался бы возбужденными и многозначительными дебатами о том, является ли его право законным или узурпированным. Если, с другой стороны, он, хотя бы на один момент, позволит движению расшириться и беспрепятственно принять осязательные формы, то его трудности усилятся старой роялистской партией, которая повернет фронт и нападет на него за то, что он вновь открыл шлюзы революции, которые, по ее убеждению, она со свойственной ей государственной мудростью умела держать закрытыми в течение всего времени, пока ей было позволено править кораблем под флагом старого безумного короля. История монархии показывает, что в эпохи социальных революций нет ничего более опасного для решительного и прямолинейного, но в то же время вульгарного человека с устарелыми взглядами, как принимать наследство после колеблющегося слабого и вероломного правителя. Яков I, с которым Фридрих-Вильгельм имеет очень большое сходство, выдержал бурю, бросившую Карла I на эшафот, а Яков II в неизвестном изгнании искупал те иллюзии насчет права божьею милостью, которые в свое время даже способствовали странной популярности Карла II. Возможно, что принц Вильгельм и руководствовался инстинктивным предчувствием ожидавших его трудностей этого рода, когда он упорно противился провозглашению хартии тем самым королем, который в 1847 г., при открытии Соединенного ландтага провинциальных штатов, велеречиво заявил:

«Я чувствую необходимость торжественно заявить, что никакая земная сила никогда не сможет побудить меня превратить естественное и прочное отношение между королем и народом в отношении договорное, конституционное, и что никогда, никогда я не позволю, чтобы между господом на небесах и его страной стал исписанный клочок бумаги, второе провидение, претендующее управлять с помощью своих параграфов и заменить ими старое священное доверие».

В предыдущем письме я уже рассказывал, что проект конституции, составленный кабинетом Кампгаузена и разработанный революционным Собранием 1848 г., лег в основу нынешней конституции; только когда государственный переворот устранил первоначальный проект, октроированная хартия воспроизвела его уже в

искаженном виде. Две палаты, занятые пересмотром, переделали затем дарованную хартию, а бесчисленные королевские декреты внесли исправления в пересмотренную хартию. Весь этот канительный процесс был проделан с целью стереть последние черты, напоминающие революционное происхождение этого лоскутного творения. Все же эта цель не была достигнута полностью, поскольку все готовые хартии должны быть выкроены более или менее по французскому образцу и, что бы там ни думали, отказываться от всякой претензии на сколько-нибудь яркую оригинальность. Так, если бегло пробежать раздел II январской конституции 1850 г., трактующей «о правах пруссаков», эту прусскую «декларацию прав человека», то на первый взгляд статьи звучат довольно громко:

«Все пруссаки равны перед законом. Гарантируется личная свобода. Частное жилище неприкосновенно. Никто не может быть лишен своего законного судьи. Наказания, за исключением налагаемых судьями в порядке законного исполнения ими своих обязанностей, не должны больше быть предметом устрашения. Частная собственность неприкосновенна. Лишение гражданских прав и конфискация изгоняются из действующего права. Государство не должно посягать на свободу выезда из его пределов, за исключением случаев, имеющих отношение к воинской повинности. Гарантируется свобода религиозного исповедания, образование религиозных обществ и совместного богослужения, частного и общественного. Пользование гражданскими и политическими правами не стоит в зависимости от религиозного исповедания. Разрешаются браки только по гражданским законам. Наука и ее учения свободны. Воспитание молодежи должно быть в достаточной степени обеспечено общественными школами. Каждому предоставляется право преподавать и открывать учебные заведения. Финансовые взносы, связанные с содержанием народных школ, регулируются общинами. В общинных начальных школах обучение бесплатно. Каждый пруссак имеет право свободно выражать свое мнение устно, письменно и печатно. Проступки, совершенные при пользовании этим правом, подлежат ведению обычных судов. Все пруссаки имеют право устраивать собрания, но в открытых помещениях при условии отсутствия при себе оружия. Они имеют право образовывать союзы и клубы с целями, не противоречащими законам. Все пруссаки пользуются правом петиции. Тайна частной корреспонденции нерушима. Все пруссаки должны выполнять свои обязанности. Военная сила имеет право вмешиваться только в законом ограниченных, исключительных случаях. Майораты запрещаются законом, и существующая феодальная собственность преобразуется в свободную собственность. Разрешаются свободные пределы земельной собственности».

И вот, если от этих «прав пруссаков», как они выглядят на бумаге, вы обратитесь к печальному воплощению их в действительности, то вы получите полное представление, если вы никогда его не имели прежде, этой странной противоположности, которая существует между идеализмом и реализмом, теорией и практикой. Каждый ваш шаг, даже просто передвижение, регламентируется

действиями всемогущей бюрократии, этого второго провидения чисто прусского происхождения. Вы не можете ни жить, ни умереть, ни вступать в брак, ни написать письмо, ни думать, ни печатать, ни открывать торгового дела, ни учить, ни учиться, ни созвать собрания, ни построить фабрику, ни эмигрировать, ни делать что бы то ни было без *obrigkeitliche Erlaubnis* [разрешения начальства]. Что касается свободы науки и религии, или уничтожения помещичьей юрисдикции, или отмены кастовых привилегий, или упразднения майоратов и права первородства, то все это чистейшая чепуха. Во всех этих отношениях Пруссия в 1847 г. была свободнее, чем теперь. Откуда это противоречие? Все свободы, дарованные прусской хартией, тормозились одной большой оговоркой. Они дарованы «в пределах закона». Но существующий закон есть не что иное, как абсолютистский закон, восходящий к Фридриху II, а не ко дню рождения прусской конституции. Оттого между законом конституции и конституцией закона царит смертельная вражда, причем конституция закона фактически сводит закон конституции к настоящему призраку... С другой стороны, по самым решающим пунктам хартия ссылается на органические законы, которые должны подробно развить ее неопределенные очертания. Но сами эти органические законы были выработаны под высоким давлением реакции. Они упразднили гарантии, существовавшие даже в худшие времена абсолютной монархии, — напр., независимость судей от исполнительной власти. Не довольствуясь комбинацией этих разлагающихся, старых и новоизобретенных законов, хартия сохраняет за королем право приостанавливать ее во всех политических вопросах всякий раз, как он сочтет это нужным.

Все же, несмотря на все это, существует двойственная Пруссия династии Гогенцоллернов. Избирательные корпорации заняты ныне разрешением этого противоречия, несмотря на препятствия, поставленные перед ними на этом пути избирательным законом.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5471 от 3 ноября 1858 г.

Без подписи.

II.

Берлин, 19 октября 1858 г.

Палаты должны собраться на объединенное заседание 21 октября, когда принц предложит им «признать необходимость регентства»; нет надобности говорить, что это требование будет тотчас же удовлетворено, и притом с совершенной покорностью. Однако повсюду чувствуется, что если формальное существование конституции ведет свое начало с 30 января 1850 г., то ее реальное бытие в качестве практического орудия против королевской прерогативы надо считать с 21 октября 1858 года. Тем временем с целью охладить бесполезный энтузиазм конфискация газет стала будничным явлением, о чем приходится весьма пожалеть, если принять во внимание благодушный характер злоумышленников. Самыми передовыми из этих газет являются «*Volkszeitung*» и «*Nationalzeitung*»; последняя представляет собою орган, который благодаря своей respectable посредственности, трусливому примиренчеству и бесконечным проявлениям прусского местного энтузиазма сумел пережить контрреволюционную бурю и превратить в звонкую монету жалкие остатки движения, в опасных излишествах которого он в свое время имел благоразумие не участвовать. После потопа органические существа, населившие землю, получили формы более пристойные и более скромного размера, нежели их допотопные предшественники. Тот же закон господствует и в процессе формирования общества. Тем не менее, мы невольно должны прийти к заключению, что германская революция должна была быть уж очень миниатюрной, если лилипуты берлинской прессы должны считаться ее законными представителями, в которых она окончательно воплотилась. Как бы то ни было, если эти редакторы не представляют собою героев или даже обыкновенных борцов, то они, во всяком случае, умеют тонко рассчитывать. Они чувствуют, что что-то начинает двигаться и что режим, который составлял нужный для их поддельного либерализма фон и платил соответствующий эквивалент за их товар, быстро разваливается. Поэтому для того, чтобы убедить своих клиентов в том, что они действительно стоят на страже, они отваживаются издавать тихое ворчание и жалобные стоны. Они, конечно, не кусаются и даже не лают. Вся их смелость в данный момент заключается в том, что они превозносят принца до небес. Они

даже приглашают его, как недавно сделала «Nationalzeitung», не церемониться с государственным казначейством; но — в этом-то и весь комизм, что все комплименты, расточаемые ими еще несовершеннолетним действиям принца, превращаются в порицания по адресу прошлых действий кабинета Мантейфеля. Они раздражают принца тем, что дарят ему свое доверие авансом и уязвляют министерство тем, что выражают ему недоверие задним числом. Однако, чтобы оценить их надлежащим образом, нужно читать их в подлиннике. Ни на каком языке, даже на французском декабрьского стиля, отдающем, по крайней мере, своим специфическим *odeur de mauvais lieu*, [дурным запахом], невозможно передать эту скучную, безвкусную и нескончаемую волюнку, которую они тянут. Можно было бы подумать, что они говорят намеками, потому что играют в прятки с полицией; однако это было бы большой ошибкой. В сущности они говорят все, что имеют сказать, но, комбинируя весьма ловким и выгодным для себя путем гомеопатические и алопатические методы, они дают бесконечно малую дозу лекарства разбавленного в океане самой безразличной жидкости. С другой стороны, министры, повидимому, знакомы с тем геологическим фактом, что постоянное действие воды смывает самую гордую скалу и раздробляет ее в мелкие камешки. В них вызывает раздражение не столько бормотание этих премудрых пескарей сколько общее состояние общественного мнения, которое оно предполагает. Поэтому, согласно своей близорукой бюрократической манере, они бьют осла, чтобы ударить по мешку, т. е. ударить по думному общественному мнению. Роялисты говорят: повторные конфискации газет, с которых начинается новый режим, являются должным ответом на шумные надежды, которые демонстративно связывают с принцем. Нет, отвечают официальные либералы, режим принца еще не начался, пока принц еще не признан палатами и не присягнул в качестве регента; его великое уважение к конституционному закону обязывает его разрешать министрам, в согласии с хартией, действовать за своей собственной ответственностью. Но «министерская ответственность» во всех наших монархических конституциях, скроена ли она по английскому или французскому образцу, есть вещь весьма таинственная. В Англии, где, надо полагать, она существует в самой реальной, самой осязательной форме, это означает, что время от времени в торжественной обстановке безответственность переносится с вигов на тори и с тори на вигов. Министерская ответственность сводится здесь к тому, что погоня за теплыми местечками становится будничным занятием парламентских партий. Тот, кто находится на министерском посту, является времени без-

ответственным, ибо он представляет законодательное большинство, которое, с целью помочь ему в получении места, подчиняется его загощику. В Пруссии цель самых горячих стремлений честолюбия буржуазии заключается в том, чтобы превратить министерские посты в призы, выигрываемые в парламентских турнирах. Однако до нынешнего времени ответственность прусских министров во всех смыслах представляла собою миф. Статья 44 хартии гласит:

«Королевские министры ответственны; все правительственные акты короля вступают в законную силу лишь тогда, когда они снабжены подписью министра, на которого этим самым возлагается вся ответственность».

Однако относительно этой ответственности не существует никакого закона. В самой статье не сказано, перед кем ответственны министры. Практически всякий раз, когда палата отваживалась угрожать министрам вотумом недоверия, последние напрямик объявляли, что они ничего против этого не имеют, ибо министры действительно ответственны, но только перед своим державным господином. Вопрос об ответственности министров в Пруссии, как и во Франции при Луи-Филиппе, имеет исключительное значение, ибо фантически он означает ответственность бюрократии. Министры являются главою этой всемогущей и повсюду вмешивающейся паразитической корпорации и, согласно ст. 106 конституции, только с ними одними должны считаться подчиненные члены администрации, без права входить в обсуждение о степени законности их приказаний и без риска навлечь на себя ответственность за их выполнение. Таким образом, могущество бюрократии, могущество исполнительной власти сохранилось в целости, между тем как «конституционные права» пруссаков превратились в мертвую букву.

Предстоящие выборы являются рычагом, использовать который ныне намереваются все партии; но как раз в делах, касающихся выборов, внешняя, дарованная свыше конституция сумела вырвать с корнем все следы своего революционного происхождения. Правда, с целью увеличения маленьких окладов бюрократии прибавкой к ним дохода из парламентского источника, был сохранен весьма плебейский закон об оплате народных представителей. Эту же цель преследует закон о праве каждого пруссака, достигшего 25-летнего возраста, быть выбранным. Однако избирательные права и механизм выборов устроены так, что не только большинство народа исключается, но и оставшаяся привилегированная его часть отдается на волю самому необузданному вмешательству бюрократии. Выборы двустепенные. Сначала избираются выборщики, а затем эти последние избирают представителей. Из первичных выборов не только

исключаются все те, кто не платит прямых налогов, но и весь состав первичных избирателей, в свою очередь, разделяется на три разряда, состоящие из плательщиков высшей, средней и низшей суммы налогов, причем каждая из этих трех групп, подобно трибам царя Сербия Туллия, избирает одинаковое число представителей. И как бы для того, чтобы показать, что этого сложного процесса процеживания еще недостаточно, бюрократия получила право делить, комбинировать, изменять, разъединять и складывать по-новому избирательные группы, как ей заблагорассудится. Так, напр., если какой нибудь город подозревают в либеральных симпатиях, то его можно растворить в массе реакционных голосов сельских избирателей тем, что министр простым приказом сливает либеральный город с реакционным сельским округом в один общий избирательный участок. Таковы цепи, которые сковывают избирательную свободу движения и которые могут быть разорваны только в виде исключения в больших городах.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5475 от 8 ноября 1858 г.

Без подписи.

НОВОЕ МИНИСТЕРСТВО.

I.

Берлин, 6 ноября 1858 г.

После довольно долгих колебаний образовано, наконец, новое министерство, которое лучше всего можно характеризовать, как министерство принцессы прусской. Оно носит более либеральный оттенок, чем смели надеяться берлинские филистеры, и, как это можно было ожидать от дамского выбора, при его составлении обращалось мало внимания на взаимное соответствие его различных элементов, так что основная цель, которая при этом преследовалась, — добиться временной популярности, — едва-едва достигнута. Как подобает настоящей даме, принцесса сумела каждому сказать любезное слово: католикам — в виде назначения премьер-министром католика, — дело, неслыханное в летописях Пруссии; ревностным протестантам — передачей министерства народного просвещения евангелическому пиетисту; антирусскому течению — тем, что военное министерство вверено генералу, который в свое время был уволен с этого же поста по определенному требованию царя Николая; антиавстрийскому соперничеству — передачей ведомства иностранных дел человеку, который однажды в прошлом уже отказался от этого поста, чтобы не подчиниться приказаниям князя Шварценберга; бюрократическому умонастроению — назначением министром внутренних дел, т. е. фактическим главой всей бюрократической армии, как полицейской, так и административной пережитка добрых старых времен Фридриха-Вильгельма III; либералам — предоставлением в кабинете места без портфеля (нечто подобное должности председателя в английском министерстве) человеку, который был премьер-министром в первом кабинете, созданном революцией 1848 г.; сторонникам свободной торговли — введением в министерство торговли фон-Патова, а протекционистам — сохранением фондер-Гейдта в министерстве торговли; дворянству — возглавлением всего кабинета принцем королевского дома и замещением всех политических постов дворянами; буржуазии — предоставлением деловых министерств, т. е. юстиции, торговли, просвещения и внутренних

дел, лицам просто из буржуазии или только что возведенным в дворянство; врагам камарильи — предоставлением огромного большинства портфелей личным врагам Герлаха и Компа, а консерваторам, боявшимся, как бы в Пруссии не вошло в моду нечто вроде смен кабинета в парламентском смысле слова, — тем, что оставлены на жалованьи несколько министров, бывших коллег Мантейфеля, выбранных им самим, и несколько лиц, подписавших приказ, провозгласивший государственный переворот в декабре 1848 года.

Таким образом, эклектизм является отличительной чертой нового кабинета, — эклектизм, обусловленный погоней за популярностью, которая, однако, сдерживается твердой решимостью ничем существенным ради этой популярности не жертвовать. Я лишь слегка коснусь одной черты нового кабинета, представляющей оттенок, вполне безразличный для хладнокровного политического наблюдателя, но в высшей степени интересный для берлинских обывателей. Среди вновь назначенных министров нет ни одного, чье имя не походило бы на козырь, припасенный против прусской королевы, или на личную эпиграмму, направленную против нее ее ехидной снохой. Общее впечатление, произведенное среди наиболее мыслящей части берлинцев назначением нового кабинета я передам словами одного из моих берлинских приятелей. Официальное извещение появилось только в сегодняшнем вечернем издании «*Staatsanzeiger*», т. е. около 6 часов вечера; однако незадолго до этого времени точный список назначенных лиц свободно циркулировал среди групп, собиравшихся на [улице под Липами] «*Unter den Linden*». Встретив там только что упомянутого мною приятеля, заурядного пивного политикана, я спросил его, что он думает о новом кабинете, что вообще думают о нем в «городе». Однако раньше, чем сообщить его ответ, я должен вам сказать, что представляет собою средний тип берлинского пивного политикана. Это — человек, проникнутый идеей, что Берлин есть первый город в мире, что нигде, кроме как в Берлине, нельзя найти «*Geist*» (понятие непереводаемое, хотя английское *ghost* этимологически представляет то же самое слово; французское *esprit* есть нечто совсем иное) и что *Weissbier* — это на вкус каждого пришлого варвара омерзительное питье — есть тот самый напиток, который в «Илиаде» упоминается под именем нектара, а в Эдде — под именем меда. Помимо этих безобидных предрассудков, наше среднее берлинское светило представляет собою неисправимого педанта, невоздержанного на язык, любителя поболтать, весьма склонного к известному сорту низкопробного юмора, известного в Германии под названием *Berliner Witz*, занимающегося, скорее, игрой словами,

чем игрой мыслей, — любопытная смесь небольшой дозы иронии, небольшой дозы скептицизма и большой дозы вульгарности — в общем, не очень высокий образчик человеческой породы и не очень уж забавный, но все же довольно характерный тип. Ну, так вот, мой берлинский приятель ответил на мой вопрос цитатой в подлинно берлинском насмешливом тоне следующей строфы из шиллерова «Колокола». Должен заметить мимоходом, что наш заурядный берлинец обычно восхваляет только Гете, но цитирует только Шиллера:

О, нега чувств, надежды, младость!
 О, первой страсти миг златой!
 Душа вкусила жизни радость,
 Пред ней открылся рай земной.
 Зачем ты мчишься, прелесть моя?
 Постой, любви пора младая!

Теперь от любителя поэзии, берлинского пивного политикана, возвратимся к новому прусскому кабинету. Согласно старой французской поговорке «à tout seigneur tout honneur» [каждому по заслугам], наше внимание в первую очередь должно быть посвящено принцу фон-Гогенцоллерн-Зигмаринген, премьер-министру и интимному другу принцессы прусской. Он, отец королевы португальской — решительно отказался стать тестем Второй французской империи, тем не менее он состоит в близком родстве с Бонапартом. Его мать была сестрой Мюрата, одного из импровизированных Наполеоном I королей, а его жена — вторая дочь вдовствующей великой герцогини Баденской Стефании, урожденной Богарнэ. Таким образом, этот принц образует связующее звено родственных отношений между династиями прусской, кобургской и бонапартовской. Южно-германские либералы сильно очернили его, ибо в 1849 г. он отрекся от престола в своем маленьком государстве Гогенцоллерн-Зигмаринген и, согласно фамильным договорам, продал его правящей в Пруссии ветви Гогенцоллернов. Когда он заключал сделку, никакое германское княжество не стоило и трёхгодичного своего дохода и всего менее можно было ожидать от принца, чтобы он в угоду демагогам Гогенцоллерн-Зигмарингена продолжил существование гогенцоллерн-зигмарингенской национальности. Кроме того, поднятие прусского флага в Южной Германии столь же не нравилось Австрии, как и мелким демагогам Бадена и Вюртемберга. После отречения принц, в чине генерала, поступил на службу в прусскую армию, избрав себе для жительства Дюссельдорф, город живописи, скульптуры и казарм, где раньше одна из боковых ветвей прусской династии обычно содержала маленький двор. Чтобы наказать дюссельдорфцев за их

участие в революции 1848 г., достигшее своей высшей точки в демонстрации толпы против короля при его проезде через город, Дюссельдорф был лишен пребывания в нем двора принца Фридриха и разжалован в разряд заурядных городов, которые должны уметь обходиться без придворной клиентуры. Таким образом, появление принца Гогенцоллерна в Дюссельдорфе было настоящим событием. Ничего замечательного не делая, он блистал уже одним своим присутствием, подобно великому человеку, о котором Гете сказал, что он платит уже тем, что он *есть*, а не тем, что он *делает*. Его популярность распространялась за пределы Дюссельдорфа подобно лесному пожару, и то, что он был одновременно член династии и член католической церкви, довершило остальное. Ибо для фанатической части населения Прирейнской Пруссии не требуется никакой иной квалификации. Можно быть уверенным, что могущественное и прекрасно организованное католическое духовенство Прирейнской Пруссии, Вестфалии, Силезии и Познани употребит все силы для поддержки прусского министерства, возглавляемого католиком, что является весьма желательным. Ничто так не повредило революции 1848 г., как оппозиционное отношение к ней римско-католического духовенства. Последнее получило благодаря революции огромные выгоды: право непосредственных сношений с папой, открытие женских и мужских монастырей и, что особенно важно, приобретение земельной собственности. В благодарность за все эти приобретенные преимущества святые мужи, конечно, яростно обратились против революции, когда она потерпела поражение. Они действовали как самые безжалостные орудия реакции, и хорошо, что теперь они не получают повода опять перейти в лагерь оппозиции. О прочих министрах я еще найду случай побеседовать.

Прусский «*Staatsanzeiger*» дает следующий список нового кабинета: принц Гогенцоллерн-Зигмаринген — председатель совета; барон Флотвелль — министр внутренних дел; барон Ауэрсвальд — статс-министр; барон Шлейниц — иностранных дел; генерал Бонин — военных; г. Патов — финансов; граф Пюклер — земледелия; г. Бетман-Гольвег — народного просвещения; фон-дер-Гейдт остается министром торговли, а Симонс — министром юстиции.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5489 от 24 ноября 1858 г.

Без подписи.

II.

Берлин, 9 ноября 1858 г.

«Юла времени приносит свое отмщение». Фон-Ауэрсвальд, вице-президент нового кабинета, как я говорил уже в одном из прежних писем, был номинальным главой первого постоянного министерства революционной эпохи. В то время его назначение рассматривалось как симптом реакции, точно так же, как теперь, спустя десять лет, в нем видят симптом прогресса. Он был преемником хлебного торговца Кампгаузена, которого революционная буря перебросила из его конторы в Кельне в Берлин на ступени прусского трона. Министерство Ауэрсвальда существовало от конца июля до 7 сентября 1848 года. Независимо от того, что он мог сделать или не сделать, одно его имя на заглавной странице кабинета имело особое значение в июне 1848 года. Его предшественник, Кампгаузен, был уроженец Прирейнской Пруссии; Ауэрсвальд — уроженец Восточной Пруссии; первый — частный купец, второй — государственный чиновник, первый — буржуа, второй — дворянин, первый — богат, второй — беден. Таким образом, ясно было, что уже в конце июня 1848 г., всего лишь через месяц после мартовских дней, маятник прусской революции качнулся от запада к востоку, от соседства с Францией к соседству с Россией, от простых смертных к мандаринам, от буржуазии к знати, от кошелька к чину. Помимо этого значения, которое имеет его имя, нельзя сказать, чтобы Ауэрсвальд осуществил что-нибудь значительное в течение трех месяцев, пока существовал его кабинет. Если вы спросите пруссака насчет характера прежнего кабинета Ауэрсвальда, он наверное приложит свой указательный палец ко лбу, серьезно потрет его с чисто гудибрасовским видом и, наконец, словно пробуждаясь от забытия, воскликнет: «Ах, вы разумеете кабинет Ганземана!» В самом деле, душой кабинета Ауэрсвальда был министр финансов Ганземан, перешедший в него из кабинета Кампгаузена. Таким образом, чтобы характеризовать премьерство Ауэрсвальда, мы должны говорить о Ганземане. Ганземан, аахенский купец, кратко выразил свое политическое кредо в ставшей впоследствии знаменитой реплике по адресу прусской королевской власти в Соединенном ландтаге 1847 г.: «В денежных делах нет места благодущию». Эта сентенция, если разрешено сравнить малое с большим, представляла при тогдашних обстоятельствах

то же, что знаменитая фраза Сийеса: «Третье сословие — все». При Фридрихе-Вильгельме III, когда никто кроме доцентов прусских университетов не смел писать о политике, Ганземан выпустил книгу, сравнивавшую Пруссию с Францией, с сильным креном в сторону последней, однако написанную так ловко и в таких умеренных тонах, что даже для прусской цензуры было невозможно запретить это оскорбительное для Пруссии сопоставление. В момент, когда акционерные компании являлись в Германии еще белой вороной, Ганземан возымел честолюбивое желание стать германским Гудсоном и показывал себя совершенным экспертом в том биржевом маклерстве, которое ныне процветает во всех цивилизованных странах и которое даже в таком учреждении, как «Crédit Mobilier», претворилось в систему. В эпоху, когда старозаветные немцы еще считали, что банкротство позорит честное имя человека, Ганземан старался доказать, что чередование банкротств почти так же производительно в торговле, как севооборот в земледелии. Деятельность этого человека, которому Ауэрсвальд ссудил свое имя, исходила из ошибочного представления, будто несколько недель революции в достаточной мере расшатали старые устои государства, будто династия, аристократия и бюрократия были достаточно унижены, будто политический перевес буржуазии обеспечен навсегда и будто поэтому теперь оставалось только повернуть назад вечно вздымающиеся волны революции. Министерство проявило такие успехи в этой задаче укрощения революционной бури, что через три месяца его существования укротили и его самого, и эти либеральные подхалимы были самым бесцеремонным образом выброшены стоявшими за их спиной придворными, для которых они служили простыми орудиями. Ауэрсвальд и Ганземан оказались в печальной роли обманутых обманщиков. Сверх того, Ауэрсвальд попал в весьма незавидное положение лица, ответственного за прусскую внешнюю политику, ибо в своей особе он соединял должности премьера и министра иностранных дел. Если внутренняя политика министерства диктовалась, по крайней мере, очевидными интересами буржуазии, испуганной успехами революции, то внешняя политика направлялась исключительно камарильей, в руках которой Ауэрсвальд был всего лишь орудием. В июне 1850 г. он был назначен президентом провинции Прирейнской Пруссии, а вскоре затем уволен с этого поста фон-Вестфаленом, который с таким же спокойствием чистил прусскую бюрократию от либералов, как шотландский помещик очищает свои имения от крестьян. В качестве члена нижней палаты Ауэрсвальд ограничился оппозицией в такой разжиженной форме, что ее мог заметить только

глаз политического гомеопата. Ауэрсвальд является одним из аристократических представителей либерализма Восточной Пруссии. Элементы, из которых состоит этот либерализм, это, во-первых, память о войнах против Наполеона и тогдашние упования наиболее просвещенных патриотов, далее, несколько общих идей, которые Кенигсберг, в качестве центра кантовской философии, считает почти своей местной неотъемлемой собственностью, солидарность интересов помещиков, производящих хлеб, и жителей приморских городов, его вывозящих; приверженность к фритредерским доктринам в различных видах, ибо провинция Пруссии не является промышленной областью и главным образом живет продажей своих сельскохозяйственных продуктов в Англию.

Министр иностранных дел фон-Шлейниц был однажды в прошлом, а именно в 1849 г., главой того же ведомства и в течение краткого периода своего управления тесно сблизился с готской партией, которая, если бы победила, разделила бы Германию на две части — северную, слившуюся с Пруссией, и южную, слившуюся с Австрией. Фактически, поглощение Германии этими двумя великими соперничающими монархиями есть открыто признанная цель готской партии. Если бы ей удалось создать две Германии, то в результате возник бы смертельный конфликт, на очереди стояла бы новая тридцатилетняя война, и, в конце концов, поединок между двумя враждующими Германиями был бы разрешен Россией, которая забрала бы себе одну половину Германии, и Францией, которая забрала бы себе другую.

Я уже упоминал в моем предшествующем письме о военном министре фон-Бонине. Здесь я только прибавлю, что во время своего командования в войне из-за Шлезвиг-Гольштейна он отличился преследованием не столько датчан, сколько добровольцев демократов, сражавшихся под германским знаменем. Эта война, как всем известно, представляла собою один из кровавых фарсов современной дипломатии. Министр финансов Патов был членом кабинета Кампгаузена. Несколько лет тому назад в нижней палате прусские *Krautjunker* [юнкера-зубры] заклеили его как революционера. Нанесенное ему в связи с этим личное оскорбление повлекло за собой его дуэль с графом Пфейлем, которая на некоторое время сделала его любимцем берлинской публики. В Англии Патов мог бы состоять членом Ливерпульской ассоциации финансовой реформы. О графе Пюкклере, министре земледелия, можно сказать только, что он — племянник разочарованного автора «Писем покойника». Бетман-Гольвег раньше был куратором Боннского университета — должность,

которая фактически сводится к должности великих инквизиторов, посылаемых прусским правительством в официальные центры науки. При Фридрихе-Вильгельме III они занимались травлей демагогов, при Фридрихе IV — травлей еретиков, причем Бетман занимался последним делом. До революции он фактически принадлежал к камарилье короля и ушел от нее только, когда она зашла «слишком далеко». Министр юстиции Симонс и министр торговли фон-дер-Гейдт являются единственными членами кабинета Мантейфеля, пережившими своего главу. Оба — уроженцы Прирейнской Пруссии, ее протестантской части, лежащей по правую сторону Рейна. Так как, по плану, в кабинете должно было быть несколько уроженцев Прирейнской Пруссии при условии исключения рейнских либералов, то в него и были введены оба эти лица. Симонс может похвалиться тем, что он низвел прусские суды на такую низкую ступень, до какой они не падали даже в худшие времена монархии. Фон-дер-Гейдт, богатый купец из Эльберфельда, сказал о короле в 1847 г.: «Этот субъект так часто лгал нам, что мы более не можем ему доверять».

В декабре 1848 г. он вошел в состав министерства после государственного переворота. В настоящее время он единственный прусский министр, которого подозревают в использовании своего официального положения ради частной выгоды. Очень много говорят о том, что государственные тайны в его руках служили интересам торговых дел эльберфельдской фирмы Гейдт и К^о.

Берлин, 12 ноября 1858 г.

Происшедшие здесь сегодня первичные выборы дали результат, всецело благоприятный для нового министерства.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5492 от 27 ноября 1858 г.

Без подписи.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ.

I.

Берлин, 16 ноября 1858 г.

Эклектический и пестрый характер нового кабинета министров, указанный мною в прошлом письме, подхвачен газетой «Kreuz-Zeitung» в нижеследующей насмешливой тираде:

«Предстоит изменение системы. Но что за изменение? — осмелимся мы спросить. Что представляла собою ныне оставленная система, и каковы принципы новой, которую предстоит принять? Кто представляет ее руководящую мысль: католический ли принц, возглавляющий министерство, или член евангелического союза, министр культа и просвещения? И как это от министра финансов, бывшего депутата демократов, можно ожидать, что он будет солидарен с названными выше лицами? Кроме того, сможет ли ветеран старой прусской бюрократии приспособить свои взгляды ко взглядам г. фон-Патова?»

12 ноября по всей монархии произошли первичные выборы. Избранные таким образом (выборщики) будут в свою очередь 23-го текущего месяца избирать депутатов. Никому не нравится умеренная целомудренность своей жены или умеренная платежеспособность своего должника, но умеренная свобода являлась паролем, который умеренно раздавался среди первичных избирателей. Той части прусского общества, которая до сих пор стояла во главе движения и политическое кредо которой определяется как *liberalismus vulgaris* [вульгарный либерализм], можно приписать какие угодно качества, но только не героизм. В 1848 г. она не посмела шевельнуться, пока не разразилось движение в Неаполе, Париже и Вене. Но в настоящий момент, в силу курьезного оригинального стечения обстоятельств, эти люди очутились в положении, когда им приходится давать сигнал к политическому оживлению на континенте. С крупной армией в тылу, с Францией 2 декабря — с одной стороны, с заново централизованной Австрией — с другой, и с неусыпно бдительной Россией — с третьей, они представляют собою такой удобный объект для концентрированного нападения, что не могут не чувствовать себя скверно. Кроме того, у них перед глазами и в душе еще не остыли воспоминания о революции; и, наконец, не следует пугать

принца-регента с его вновь обретенным конституционализмом. И вот один либеральный герой просит другого оказать ему добрую услугу, подобную той, о которой некий муж просил свою жену, когда ее публично оскорбил на улице какой-то военный: «Держи меня, — кричал сей brave муж, — иначе я буду мстить, и тогда польется кровь». Действительно, на этот счет не должно быть никаких иллюзий. Прусское движение, в местном значении слова, возможно только в очень тесных пределах, и если перейти эти пределы, то движение должно либо пойти вспять, либо вылиться в общее движение континента. Последняя возможность одинаково внушает страх крупной буржуазии и принцу-регенту. Едва ли вы найдете этот факт в какой-либо газете, но я ручаюсь за его достоверность, а именно: во время своего последнего посещения Бреславля, на приеме высших чинов этого города принц самым торжественным образом заявил, что революционное пламя еще не погасло, что еще существует угроза нового взрыва в Европе и что поэтому долг и интересы буржуазии одинаково требуют, чтобы она сплотилась вокруг трона и, главное, сохранила строжайшую умеренность в своих политических действиях и тем заткнула все щели, через которые могли бы пробраться беспринципные демагоги. Это вполне согласуется с тем, что недавно говорил мне один очень умный прусский аристократ: «Знаете ли, — сказал он, — что свело короля с ума. Призрак красной республики. Его брат, хотя и прозаичный, посредственный и ограниченный служака, тоже постоянно одержим страхом перед призраком».

В целом, либеральные выборщики победили в больших городах, а решительные реакционеры — в деревне. Каким образом организовывались выборы в деревне, можно судить по тому факту, что ландраты в частном порядке разослали, — каждый в своем округе, — циркуляры с призывом к первичным избирателям выбирать таких-то и таких-то лиц. Надо сказать, что положение ландратов в Пруссии совсем особое. Во всех ее провинциях, за исключением Прирейнской Пруссии, ландрат является помещиком с крупной земельной собственностью, которая расположена, как и у английских мировых судей, в графствах, в пределах подчиненного ему служебного округа. В то же время он является звеном бюрократической цепи, избранным своей местностью, назначенным короной, подчиненным «регирунгу» (коллегиальному учреждению, находящемуся в одном из центров крупного административного деления своего собственного округа, или ведомству, как он называется у пруссаков); он является высшим представителем правительства. Таким образом, эти ландраты совмещают в своем лице типы «Kraut-junker»

[помещика-зубра] и бюрократа. В отличие от большинства государственных чиновников они не зависят всецело от казенного жалования; в худшем случае, они набираются из младших сыновей семей земельной аристократии, с тем, чтобы получать 1 200 долларов в год взамен содержания, которое они получали бы от отца, дяди или старшего брата. Поэтому их интересы в общем теснее связаны с классовыми и партийными интересами земельной аристократии, нежели с кастовыми интересами бюрократии. Они и были хозяевами только что свергнутого кабинета. Они отнюдь не рассматривали себя как орудие центрального правительства; скорее они считали его своим орудием. В настоящий момент они оказывают сопротивление новому кабинету, который, однако, не посмел отставить их отчасти потому, что такой радикальный шаг подстегнул бы все революционные тенденции и нарушил бы рутину прусской администрации, отчасти же потому, что деятельность ландратов до некоторой степени может быть использована для того, чтобы обуздать земледельческое население и этим создавать противовес либерализму городов. До сих пор был оставлен только один ландрат — граф фон-Крассов в Померании, который потешался тем, что в своем циркуляре к первичным избирателям поносил кабинет.

С 1852 г. не было проведено народной переписи; однако и данных этой последней переписи вполне достаточно, чтобы дать известное представление о соотношении между сельским и городским населением. Из 17 млн. жителей 12 млн. разбросаны по деревням, а 5 млн. сосредоточены в городах, большая часть которых является всего лишь городами-деревнями. Из 984 городов королевства только 12 главных вместе взятых городов могут похвастать населением в миллион человек, тогда как свыше 500 городов имеют менее 2 500 жителей каждый. Промышленное население составляет 11% в провинции Пруссии, 15% в Померании, 18% в Познани, 23% в Силезии, 26% в Вестфалии, 28% в Саксонии, 25% в Прирейнских провинциях, 37% в Бранденбурге. Впрочем, в этой последней провинции почти все промышленное население сосредоточено в Берлине. Из всего населения королевства 60 проц. занимается исключительно земледелием; в среднем на каждые 263 сельских жителя приходится один дворянин-помещик.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

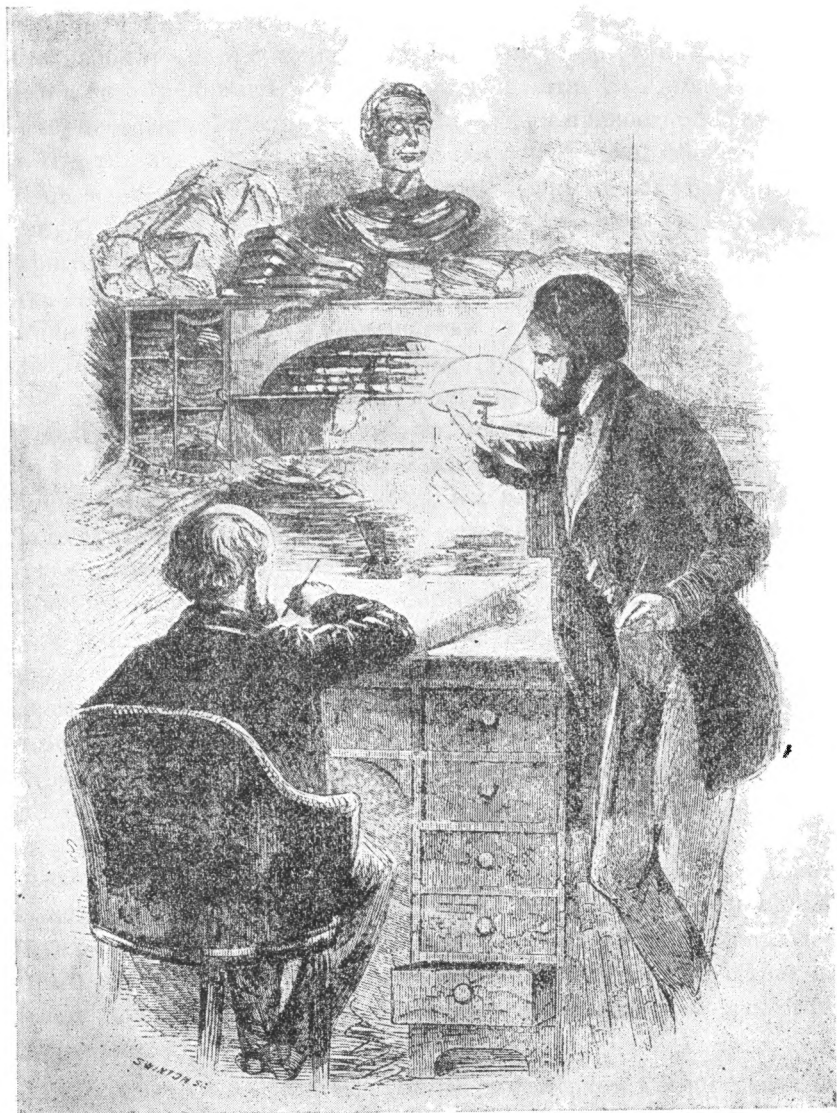
№ 5497 от 3 декабря 1858 г.

Без подписи.

II.

Берлин, 23 ноября 1858 г.

Сегодня был день выборов; выборщики второй ступени — группа отнюдь не многочисленная — степенно собрались, чтобы в качестве доверенных беспокойной толпы выполнить избирательный акт. Из избирательных урн, одно время вызывавших подозрение, что они могут оказаться ящиком Пандоры, выскочил либерализм в самой его умеренной форме, либерализм буржуазный, облеченный в бюрократическую мантию, самоотрицающий либерализм. Уже одни титулы избранных в нашем городе показывают, что они не могут питать этих умыслов. Среди них есть один General-Steuer-Direktor (главный контролер по сбору налогов), один Oberbürgermeister (городской голова), один министр, один бывший министр, один Gerichts-Präsident (председатель судебной палаты), один Geheimer-Archiv-Rath (хранитель королевского архива), один Geheimer Rath (тайный советник); на подмогу всей этой чиновной и «тайной» публике избраны два буржуа: один — Раймер, консерватор, книгоиздатель, поставщик его величества, другой — д-р Фейт, тоже книгоиздатель, избранный денежными кругами за свое иудейское исповедование, ибо эти круги здесь, как и всюду, имеют сильную примесь семитской крови. Никто не может оспаривать факт, что буржуазные радикалы 1848 г. Якоби, Унру, Вальдек, Родбертус, Штейн, Эльснер и т. д., — словом, люди, которые, как я вам писал еще совсем недавно, казалось, имели все шансы быть избранными крупными городами, — действительно играли преобладающую роль на собраниях первичных избирателей, были авторами множества избирательных программ, и в Бреславле, Кенигсберге, Магдебурге, Эльбинге им были предложены места в ландтаге. Откуда же эта внезапная перемена декораций? Они почтительно отклонили честь, которая держалась для них в запасе. Некоторые из них поступили так не совсем по доброй воле, а решились на самоотречение после неприятного и добровольного объяснения с директором полиции. Другие уступили давлению робкой части буржуазии, которая в настоящий момент задает тон. Все же все вместе, и директора полиции, и кандидаты, и избиратели, действовали под сильным импульсом внезапно изменившихся обстоятельств, или, пожалуй, не обстоятельства изменились, но удар грома рассеял заволакива-

Ч. Дана и О. Грели члены редакции
«Нью-Йоркской Трибуны»

ющий их туман иллюзии. Как говорят французы, *la situation s'est dessinée* [положение определилось]. Правительство перешло в наступление. Министр внутренних дел Флоттвелль опубликовал циркуляр, полный гнева, какой еще никогда не появлялся ни на одном языке, избилующий грамматическими ляпсусами, сбивчивый в изложении и бессмысленный в своей аргументации. Вы, конечно, знаете, что разумеется во Франции под официальным предостережением в газете. Ну, так вот, циркуляр Флоттвелля представлял общее предостережение избирателям, подкрепленное секретными инструкциями полиции. Он прямо указывал на избирательные речи, избирательные программы и избирательные манифесты радикалов, бывших членов Национального собрания 1848 года. Так как крупная буржуазия склонна брать крепость умеренностью и так как более демократическое большинство народа понимает, что в данный момент политическая инициатива принадлежит этой крупной буржуазии, то министерский намек сразу подействовал, пышные декорации политического «оживления» были убраны и выборы перекроили по правительственной мерке. Тем не менее, когда вас возвращают грубым толчком из восхитительного сновидения к действительности, то ощущение получается не из приятных. Люди и речи, попавшие на замечание, в своем самом смелом полете так строго держались «в пределах практического рассудка», что даже робкая часть буржуазии почувствовала себя оскорбленной такой заботой правительства. Его способ введения нового режима свободы казался довольно бесцеремонным; поэтому среди широкой публики разнесся глухой ропот разочарования, и органы старой камарильи стали наперерыв иронически поздравлять новый кабинет с тем, что он, наконец, одумался. Тогда Флоттвелль опубликовал другой свой циркуляр, который он несколько недель тому назад секретно адресовал (ландратам) и в котором он их предостерегал не поддерживать кандидатов крайних воззрений той или другой стороны. Чтобы придать некоторый вес этому анахронизму, министерский орган «*Preussische Zeitung*» воспользовался этим антикварным эдиктом для такого комментария:

«Чрезвычайно благоприятным фактом, характерным для нынешних выборов, является то, что все партии согласны сойтись на конституционно-монархической платформе и таким образом в известной степени смягчить пункты расхождения своих равнообразных политических программ. Принятый правительством прогрессивный, но твердый и умеренный политический курс будет стремиться специально к достижению такого единения. Правительство не даст себя отклонить от своих либеральных, но умеренных принципов преувеличенными надеждами или требованиями. С другой стороны, правительство не

может допустить, чтобы партия, которая не только не желает безоговорочно признавать конституционную основу, но признает законность хартии лишь постольку, поскольку последняя соответствует ее собственным интересам, присваивала себе звание «роялистской» по преимуществу. Правительство отрицает, будто большинство землевладельцев принадлежат к этой партии», и т. д.

На самом деле, правительство трудились понапрасну. Принц еще не успел укрепить своего положения реакционной речью в государственном совете (при представлении своего сына), такой же речью на собрании франк-масонов и реакционным посланием «Союзу верности» (род прусской оранжистской организации), как уже напугал кабинет бурными взрывами гнева по поводу оборота, который принимали дела под его руководством. Первый циркуляр Флотвелля был благонамеренным предостережением буржуазии ни в какой форме не подвергать испытаниям новоиспеченный конституционализм регента. Когда, вслед за этим шагом, министры осознали непрочность своего собственного положения, они протелеграфировали принцессе прусской, и та тотчас же поспешила к ним из Кобленца. Перед тем она посетила Берлин лишь в момент решения вопроса о регентстве. Когда все опрошенные врачи отказались определенно заявить, излечима ли болезнь короля или нет, королева, через посредство фон Клейст-Ретцова, раздобыла одного военного врача, некоего Бегера, который подписал бумагу о том, что король может быть вылечен. Тогда принцесса прусская притворилась больной, вызвала этого же самого врача, заставила его себя лечить, очаровала его лестью и знаками милостивого расположения и, когда он казался уже достаточно подготовленным, поставила ему прямо вопрос, может ли он, столь ученый и добросовестный человек, в самом деле верить своему собственному заявлению относительно состояния здоровья короля? Глупый Бегер признался, что только слезы королевы заставили его поступить таким образом. Немедленно принцесса позвонила, вбежали два камергера, и военный врач, подчиняясь приглашению повиноваться своему начальству, должен был не только устно, но и собственной рукой, письменно, повторить только что исторгнутое у него признание. Когда принцесса таким образом достигала своей цели, она была выслана из Берлина. После водворения ее супруга в качестве регента она добровольно продолжила свое пребывание в Кобленце. Подобно всем посредственным людям принц Вильгельм страдает от умственного превосходства своей дражайшей половины, и, хотя он ходит на помочах, но ему неприятно видеть руки, которые их дергают. Его жена вынуждена поэтому оказывать на него свое влияние окольным путем. Отношения между обоими этими

особами и без того весьма холодны и официальны. В молодости принц Вильгельм был страстно влюблен в девицу фон-Брокгауз и хотел жениться на ней. Но его отец запретил этот брак, и девица с разбитым сердцем скончалась в Париже. Брак с веймарской принцессой был навязан беспокойному отпрыску гогенцоллернского дома против его воли, и, в отместку, в течение первых лет брака он проявлял неукротимую страсть в девице Ф-к. Таким образом, отношения между принцем и его женой были как нельзя менее семейственные, и для принцессы лучшим способом водворить в Берлине свое министерство было самой удалиться в Кобленц. Тем временем королева разыграла один из фортелей, хорошо знакомый читателям хроники версальских передней. Быть может, вы читали в газетах, что по отбытии короля и королевы из Берлина портфель последней был украден в Лейпциге, и что, несмотря на все старания многоглазой и многорукой германской полиции, ей не удалось найти вора. Но по какой-то случайности портфель добрался до письменного стола регента, и в нем была найдена объемистая переписка его жены, принцессы, со всякого рода политических деятелями. Тут были письма председателю ратисборской судебной палаты Венцелю, одному из только что избранных депутатов от Берлина, члену оппозиции мантейфелевской нижней палаты, были также письма к Рихеншпренгу, вождю прусской католической оппозиции, и еще другие письма, все преисполненные либерализмом и вздохами об объединенной Германии. Таким путем принц, преследуемый, как известно, пугалом красной республики, был еще более напуган открытием, что его жена состоит в интимной близости с революционерами. Были пущены в ход также и другие интриги. Я сообщаю эту скандальную хронику, за точность которой я могу ручаться, потому что в монархических странах революции, раньше чем принять форму народного движения, возвещают свое приближение загниванием династии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5505 от 13 декабря 1858 г.

Без подписи.

III.

Берлин, 4 декабря 1858 г.

В одном из предыдущих писем я писал вам, какой внезапный оборот был придан общим выборам конфиденциальным предостережением Флоттвелля по адресу буржуазии не пересолить с инсценировкой «обновления». В соответствии с этим буржуазные радикалы были совершенно исключены. С другой стороны, низшие классы не нуждались ни в каких предостережениях, ибо они добровольно и даже презрительно отказались разыгрывать комедию голосования, которое, в силу избирательного закона, не имеет ровно никакого значения, тогда как и в настоящем случае цензовики первого и второго разряда будут придерживаться какой-нибудь общей линии. Если вы в немногих местах, как, напр., в нашем городе, найдете голоса, поданные меньшинством налогоплательщиков из рабочего класса, вы можете быть уверены, что эти рабочие действовали по приказу своих хозяев. Даже собственный корреспондент лондонского «Times» (видящий все в розовом свете) вынужден сознаться на страницах левиафана британской прессы, что пассивное отношение народных масс возбуждает в его мужественном сердце мрачные опасения. Таким образом, выборы оказались вполне либеральными в министерском понимании этого слова. Партия «Kreuz-Zeitung» исчезла как бы по мановению волшебной палочки. Двум из ее магнатов даже пришлось вернуться в те комнаты, где они прежде диктовали свою волю, а некоторые обязаны своим избранием единственно великодушию своих соперников. Об опустошении, произведенном в их рядах, можно заключить уже по одному тому, что из 77 ландратов переизбрано только 27. В конечном счете, эта партия появится в ландтаге в виде далеко не импозантного меньшинства.

Однако природная немощ прусского конституционализма такова, что он испугался значительности своей собственной победы. Так как, в результате выборов, получились палаты, представляющие министерский либерализм, то ясно, что представителем либерализма избранных палат и является министерство же, которое, в силу этого простого процесса, превращается таким образом фактически в партийное министерство, в министерство парламентское, т. е. именно в ту гнусность, которой не должно быть места в Пруссии. Вследствие этого министры вынуждены были протестовать в «Staats

anzeiger»'е против создавшейся для них новой ситуации. Они, эти избранные советники принца, вдруг оказались как бы преобразованными в выборный орган страны, а их власть — как бы происходящей от полномочий, врученных народом! В своем протесте — только так можно назвать их принципиальную декларацию в «Staatsanzeiger»'е — они в напыщенных фразах подчеркивают, что в Пруссии и речи быть не может о парламентском министерстве или партийном правительстве, что король божьею милостью должен оставаться единственным источником власти, что министры не могут служить двум господам, что очень хорошо, что страна провела выборы в духе министерства, но что не страна должна теперь ожидать от него исполнения воли палат, а, наоборот, министерство ожидает, что палаты послушно пойдут по стопам своего правительства.

Вы видите, к чему мы пришли. Кабинет является парламентским правительством и в то же время не является им. Он добивался выборов, вытеснил партию королевы, но он уже обнаруживает острое желание сломать лестницу, по которой он взобрался к власти. Пока король еще жив, пока королева еще интриговала и могущественные организованные клики еще скрывались за их знаменем, принц мог укрепить свое положение, лишь выбрав либеральное министерство, а министерство могло удержаться на своих местах, лишь прибегнув ко всеобщим выборам. Поскольку избиратели откликнулись на мелодию, которая напевалась наверху, министерство стало партийным министерством, а принц — буржуазным диктатором. И вот, внезапно, этот божьею милостью чающий наследник прусского престола осознает ложное положение, в которое он попал благодаря событиям, и в злобе своей слабости воображает, что может словами уничтожить факты, что полунаставительными, полугрожающими фразами он может изменить реальные условия своей власти и что, закончив избирательные маневры, он снова сможет встать в традиционную позу прусского короля. Он и его люди, воображая, что они могут обманывать страну, только выдают свою недобросовестность и представляют собою забавное зрелище «большого поневоле». Своими стараниями заглушить политическое оживление они только освобождают его от собственного своего контроля. И лишь как прибавление к министерскому протесту следует рассматривать речь принца в государственном совете, опубликованную полностью ввиду того, что Камарилья королевы подхватила некоторые отдельные ее места.

Фактически принц, подобно своим министрам, вертится в завшейшем кругу внутренних противоречий. Он избрал новый кабинет, ибо не считал роспуска одного старого настоящей переменой.

Он хочет чего-то нового, но новбе должно быть лишь переизданием старого. Он осуждает положение о городах, навязанное стране прошлым правительством, ибо оно угасило последнюю искру городского самоуправления; но он не хочет его изменить, так как подобная перемена может вызвать опасные последствия при нынешнем брожении общественного мнения. Он предлагает расширить влияние Пруссии, но только мирными путем, и потому считает необходимым увеличение армии, которая уже теперь представляет разорительный огромный нарост. Он признает, что для последней цели необходимы деньги и что, несмотря на то, что со времени революции образовался государственный долг, казначейство остается глухо к предъявляемым ему требованиям. Он возвещает введение новых налогов и в то же время негодует по поводу колоссального роста кредита в Пруссии в течение последнего десятилетнего периода. Так же, как его министры хотят иметь избирателей в своем духе, не соглашаясь быть министрами в духе своих избирателей, так и он, регент, хочет денег для своей армии, но и слышать не хочет о денежных людях. Единственное место в его речи, которое отзывается решительной оппозицией против прошлого режима, это — его выпад против религиозного ханжества. С его стороны это была шпилька по адресу королевы, но, чтобы публика не осмелилась на такую же вольность, он, протестантский принц, в то же время приказывает полиции разогнать собрание свободных католиков в Берлине.

Вы согласитесь, что такая неопределенная, внутренне противоречивая, самоубийственная политика должна даже при обычных обстоятельствах оказаться достаточно провокационной и опасной; но нынешние обстоятельства необычны. Со стороны Франции есть угроза революции, и, чтобы противостать ей, прусское правительство должно себя чувствовать прочным у себя дома. Единственная возможность отсрочить революцию во Франции заключается в европейской войне. В такой войне Россия, Франция и Сардиния соединятся против Австрии. В таком случае Пруссия, чтобы не стать всеобщим козлом отпущения, должна быть готова к тому, чтобы вести инсurreкционную войну, войну за независимость Германии, ибо, если она отважится на войну против собственных подданных, то, как и в 1806 г., она свалится от одного удара. Прусское правительство вполне отдает себе отчет в том опасном положении, в какое оно попало бы в результате революции во Франции или европейской войны, и оно знает, что Европа именно в настоящий момент мечется между обоими решениями этой дилеммы. Но, с другой стороны, оно также знает, что, если дать полную волю народному движению, то изнутри возникнет та же

опасность, какая была бы этим путем предупреждена извне. Делать народу уступки по внешности и фактически сводить их на-нет есть игра, которую, быть может, не опасно было бы играть с немецким народом, но бедному прусскому правительству нехватает смелости даже на попытку такой игры. Почему бы, напр., не дать возможности крупной буржуазии лелеять приятную мысль о том, что назначенный регентом кабинет был затем избран ею? Потому, что даже видимость уступок народу оскорбляет династическую гордость. Во внешней политике — то же, что и во внутренней. Ни одна держава не приходит в такой ужас от перспективы европейской войны, как Пруссия. Однако небольшая война из-за частных интересов, скажем, драка с Данией из-за Шлезвиг-Гольштейна или обмен братоубийственными пулями с Австрией из-за гегемонии в Германии, могла бы оказаться чрезвычайно ловкой диверсией, которая создала бы популярность за недорогую цену кровопускания черни. Но и тут вещь, сама по себе желательная, не является в то же время исполнимой. За датским вопросом притаилась на страже Россия, а Австрия собственной своей персоной представляет не более, не менее, как европейский *status quo*. Таким образом, если конституционные уступки проложат путь для революции, то маленькая драка приведет к европейской войне. А потому можете быть уверены, что громкие воинственные окрики Пруссии по адресу Дании сведутся в конце концов к словесному протесту, напечатанному в «*Staatsanzeiger*»'е.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5517 от 27 декабря 1858 г.

Без подписи.

IV.

Берлин, 11 января 1859 г.

Вы, конечно, знаете немецкую поговорку: «Wo nichts ist, hat der Kaiser sein Recht verloren» [«На пустом месте и император теряет свое право»], и если этот «закон отсутствия чего бы то ни было» властвует над столь могущественной особой, как император, то, конечно, от него и подавно не может уйти ваш корреспондент. Где нет событий, там не о чем и рассказывать. Такова уважительная причина, заставившая меня на несколько недель приостановить мои послания из «столицы мысли», из центральной резиденции, если не мирового могущества, то, по крайней мере, «мирового духа». Первая фаза движения в Пруссии закончилась общими выборами, вторая же начинается завтра открытием ландтага. Тем временем, оценка, данная мною в предыдущих письмах положению вещей в этой стране и, как я вижу из присланной мне партии немецких, издаваемых в Америке, газет, присвоенная многими американскими сынами Тенты без надлежащего указания источника, откуда они почерпнули свою мудрость, — эта оценка полностью подтвердилась ленивым, постепенным — я бы даже не сказал движением событий, а скорее, ползанием червем, по земле, как назвал бы это педантичный д-р Джонсон. Миля у немцев длиннее, чем у какого-либо другого народа; зато шаги, которыми они меряют путь, короче, и даже намного. Именно потому в своих волшебных сказках они вечно грезят о чудесных сапогах, позволяющих одевшему их счастливицу делать при каждом шаге целую милю.

История последних 10 лет в этой стране излагалась столь односторонне (употребляя любимое слово немцев, которые, подобно буриданову ослу, столь многосторонни, что на каждом шагу застревают точно парализованные), что нам кажется нелишним высказать некоторые общие соображения. Когда король с безмозглой головой вступил на престол, он был полон мечтами романтической школы. Он хотел быть королем божьею милостью и в то же время королем народа; хотел быть окруженным независимой знатью при всемогущей бюрократической администрации; быть носителем мира и начальствовать над казармами; поощрять народные вольности в духе средневековья, противодействуя всем стремлениям современного либерализма; возрождать церковную веру и в то же время гордиться высо

жим умственным развитием своих подданных — словом, разыгрывать роль средневекового короля, действуя при этом как прусский король ублюдок XVIII века. От 1840 до 1848 г. все шло навыворот. Юнкера, которые возлагали надежды на венценосного сотрудника «*Politisches Wochenblatt*», изо дня в день проповедывавшего необходимость прививки политического правления аристократии к прусскому прозаическому правлению через школьного учителя, фельдфебеля, полицейского, сборщика налогов и учебного мандарина, были принуждены удовольствоваться тайными симпатиями короля вместо реальных уступок с его стороны. Буржуазия, еще слишком слабая, чтобы выступать активно, чувствовала себя вынужденной плестись за армией теоретиков, во главе с учеником Гегеля, против религии, идей и политики старого мира. Никогда философский критицизм не был так смел, столь силен и столь популярен, как в первые 8 лет правления Фридриха-Вильгельма IV, желавшего заменить средневековым мистицизмом «пустой» рационализм, введенный в Пруссии Фридрихом II. Своим могуществом философия в этот период была всецело обязана практической слабости буржуазии; будучи не в силах на деле штурмовать устарелые учреждения, она должна была пустить вперед смелых идеалистов, которые нападали на них в области мысли. В конце концов, сам король-романтик был, подобно всем своим предшественникам, лишь видимым орудием самого заурядного бюрократического правительства, которое он тщетно пытался приукрасить прекрасными сентиментами минувших веков.

Революция, или, точнее, порожденная ею контрреволюция, в корне изменила общую картину положения. Из личных причуд короля юнкера извлекли реальные выгоды и сумели отбросить правительство назад к положению не только раньше 1848 г., но и раньше 1815 и даже 1807 года. Робким романтическим воздыханиям наступил конец, а на их место появилась прусская палата лордов; в землевладении было восстановлено право мертвой руки, помещичья юрисдикция процветала в имениях, как никогда прежде, свобода обложения снова стала атрибутом знатности, полиция и правительственные чиновники должны были склониться перед дворянами, все должностные высшие посты были предоставлены отпрыскам земельной аристократии и дворянства, просвещенные чиновники старой школы были убраны и заменены прихвостнями рантье и помещиков, и все свободы, завоеванные революцией, — свобода печати, собраний, речи, конституционное представительство, — не было уничтожено, а сохранено как привилегия аристократического класса. С другой стороны, если в предшествующий период буржуазия поддерживала

философское движение, то теперь аристократия вырвала его с корнем и на его место водворила ханжество. Все просвещенные профессора были изгнаны из университета, а обскуранты, Генгестенберги, Штали и иже с ними, завладели просветительными учреждениями Пруссии начиная от сельской школы и кончая высшим учительским институтом в Берлине. Полицейский и административный механизм не был разрушен, но его превратили в простое орудие правящего класса. Даже промышленная свобода подверглась нападению; патентная система была превращена в мощное средство протекции, застрачивания и подкупа, а ремесленники крупных городов были снова загнаны в корпорации, гильдии и прочие отжившие формы отжившей эпохи. Таким образом, самые смелые мечты короля, не покидавшие царства грез в течение первых 8 лет его абсолютного царствования, сбылись благодаря революции и блистали яркой действительностью при свете дня в течение последующих восьми лет между 1850 и 1858 годами.

Однако медаль имеет и обратную сторону. Революция рассеяла идеологические иллюзии буржуазии, а контрреволюция покончила с ее политическими претензиями. Таким образом, она была отброшена назад к своим реальным источникам силы — к торговле и промышленности, и я не думаю, чтобы какой-либо другой народ в течение последнего десятилетия сделал такой огромный шаг вперед в этом направлении, как немцы и в особенности пруссаки. Если вы видели Берлин 10 лет тому назад, то теперь вы его не узнаете. Иззастывшего плацпарада он превратился в шумный центр германского машиностроения. Если вы проедетесь по Прирейнской Пруссии и Вестфалии, вы невольно вспомните Ланкашир и Йоркшир. Если Пруссия не может похвастаться собственным Исааком Перейром, то она имеет сотни своих Мериссентов, возглавляющих множество «Crédits Mobiliers», которых в Пруссии больше, нежели князей в Германском сейме.

Бешеная погоня за богатством, стремление итти вперед, открывать новые руды, строить новые заводы, сооружать новые железные дороги и в особенности помещать деньги в акционерные компании и спекулировать акциями,— все это сделалось модной страстью и охватило всех — от крестьян до коронованных принцев, когда-то бывших независимыми князьями Германской империи. Так что как раз те дни, когда буржуазия плакала и в вавилонском пленении склоняла свои униженные головы, были днями, когда она становилась действительной силой в стране, когда даже высокомерный аристократ в глубине своей души превращался в искателя барышей, в наживающего деньги.

биржевого маклера. Если вам нужен пример спекулятивной философии, превращенной в коммерческую спекуляцию, взгляните на Гамбург в 1857 году. Разве эти умозрительные немцы в то время не показали себя виртуозами по части плутовства? Однако это восходящее движение прусской буржуазии, усиленное общим повышением цен на товары и, следовательно, и общим снижением постоянного дохода правящей бюрократии, естественно, сопровождалось разорением мелкой буржуазии и концентрацией рабочего класса. Разорение мелкой буржуазии в течение последних 8 лет представляет факт, наблюдаемый повсюду в Европе, но нигде оно не происходит в такой резкой форме, как в Германии. Нуждается ли это явление в каком-либо объяснении? Я отвечаю кратко: взгляните на нынешних миллионеров, бывших еще вчера бедняками. Чтобы один человек с пустым карманом превратился за одну ночь в миллионера, необходимо было, чтобы тысяча человек, каждый с имуществом в 1 000 долларов, превратились за один день в нищих. Волшебные свойства биржи производят такие превращения в мгновение ока наряду с более медленным способом централизации богатства современной промышленности. Поэтому недовольство мелкой буржуазии и концентрация рабочего класса возросли в течение последних 10 лет в Пруссии одновременно с ростом буржуазии. — Однако уже пора отправлять на почту это письмо, хотя я еще не покончил с моим «Rundschau», как называет такой сорт ретроспективных обзоров «Новая Прусская Газета».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5548 от 1 февраля 1859 г.

Без подписи.

Карл Маркс и Ф. Энгельс
БОНАПАРТ. КРИЗИС
БОНАПАРТОВСКОГО РЕЖИМА

* ТОРГОВЫЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ.

Последовательное снижение Французским банком учетной ставки с 10%, принятой им после 12 ноября, до 9% 26 ноября, до 8% 5 декабря и до 6% 17 декабря императорские органы печати использовали, конечно, как неопровержимое доказательство того, что торговый кризис пошел на убыль и что «Франция пройдет через суровое испытание без катастрофы». По их словам, финансовая система Наполеона III создала «это очевидное торговое превосходство Франции над всеми другими народами» и обеспечила ей такое положение, в силу которого Франция как теперь, так и на будущее время «будет менее страдать в моменты кризиса, нежели страны, с ней конкурирующие». Однако 6% — это такая ставка банковского учета, какой Франция никогда не знала с самого начала нынешнего века, — вплоть до критических 1855 и 1856 гг. при племяннике за исключением февраля 1800 г., несколько дней спустя после основания Французского банка. Но если бы даже Французский банк продолжал снижать свою процентную ставку, скажем, до 4%, то что это значит? Учетная ставка была снижена до 4% 27 декабря 1847 г., когда всеобщий кризис еще продолжался и кризис во Франции не достиг еще своей высшей точки. Тогда, как и теперь, правительство поздравляло страну с тем, что ей посчастливилось избежать общего кризиса, отделавшись всего лишь царапинами, да и то самыми поверхностными. Два месяца спустя финансовый ураган смел трон вместе с восседавшим на нем мудрецом.

Мы, конечно, не станем оспаривать, что кризис задел французскую торговлю слабее, чем ожидалось. Причина весьма простая: в торговом обороте с Соединенными Штатами, Великобританией и Ганзейскими городами активный баланс как теперь, так и раньше в течение долгого времени был на стороне Франции. Таким образом, для того, чтобы катастрофы, поразившие упомянутые страны, могли непосредственно отозваться на Франции, нужно было либо оказывать этим странам широкий кредит, либо нагромождать предназначенные для экспорта в эти страны товары в спекулятивных размерах. Однако ничего подобного не происходило. По этой причине события в Америке, Англии и Ганзейских городах не могли вызвать отлива золота из

Франции; и если Французский банк на несколько недель повысил процентную ставку до уровня Английского банка, то он это сделал лишь из опасения, как бы французский капитал не начал искать более выгодного приложения за границей. Однако нельзя отрицать, что даже в своей нынешней фазе общий кризис отразился на Франции в форме, соответствующей ее торговым отношениям с Соединенными Штатами, Англией и Ганзейскими городами, а именно в форме хронического застоя. Это заставило Бонапарта, который еще в своем письме от 11 ноября объявлял, что «беда существует только в воображении», выступить с другим официальным посланием, где он высказывается в том смысле, что, «несмотря на осторожность французской торговли и бдительность правительства, торговый кризис вынудил многие отрасли промышленности, если не приостановить производство, то во всяком случае сократить его или снизить заработную плату», так что «большое число рабочих страдает от вынужденной праздности». Он поэтому открыл кредит в один миллион франков для облегчения положения нуждающихся и предоставления им возможности заработка отдал распоряжение о принятии военных предосторожностей в Лионе, и через посредство своей прессы обратился с призывом к частной благотворительности. Изъятия вкладов из сберегательных касс начали значительно превышать поступления. Множество фабрикантов потерпело значительные убытки вследствие банкротств в Америке и Англии, производство в катастрофических размерах сокращается в Париже, Лионе, Мюльгаузене, Рубэ, Руане, Лилле, Нанте, Сент-Этьене и других промышленных центрах, и в то же время серьезные затруднения ощущаются в Марселе, Гавре и Бордо.

Общий застой торговли по всей стране ясно отражен в последнем месячном отчете Французского банка, который показывает для декабря сокращение обращения на 73 040 000 франков сравнительно с октябрём и на 48 955 900 франков по сравнению с ноябрём; в то же время общая сумма дисконта упала приблизительно на 100 млн. франков сравнительно с октябрём и на 77 067 059 франков сравнительно с ноябрём. При современном положении французской печати, конечно, невозможно точно выяснить характер банкротств, происходящих в провинциальных городах, но в Париже банкротства, хотя, несомненно, не представляют пока еще ничего серьезного, все же проявляют стремление к росту не только в отношении количества, но и в отношении качества предприятий. За две недели — от 17 ноября по 1 декабря — в одном Париже было всего 34 банкротства; из этого числа не менее 24 были банкротства торговцев подержанным платьем,

молочников, портных, кустарей, выделяющих искусственные цветы или дамские сумки, столяров, позолотчиков, торговцев кожаными изделиями, ювелиров, бахромщиков, выделявателей уксуса, картузников, торговцев фруктами и т. д. Но между 1 и 8 декабря было не менее 31 банкротства, а между 9 и 15 их число возросло до 34, считая в том числе несколько банкротств более крупных фирм, как, напр., банкирской конторы Бурдон, Дю Буш и К^о, Главной компании наемных экипажей, Компании по производству жакардовых станков, одной компании по выделке растительного масла и т. д. С другой стороны, попытки Бонапарта помешать разорительному падению цен на пшеницу и муку посредством отмены запретительных декретов потерпели неудачу: цены прогрессивно падали между 26 ноября и 21 декабря и, несмотря на значительные барыши от продажи в Лондоне, вплоть до 22 декабря туда было отправлено не более 3 тысяч мешков (в 100 килограммов).

Однако, если в торговых сношениях Франции с Соединенными Штатами, Англией и Ганзейскими городами активный баланс на ее стороне, то в торговле с Южной Россией, Германским таможенным бюро и Голландией, Бельгией, Ближним Востоком и Италией баланс для нее неблагоприятен. Что касается Швейцарии, то она имеет в настоящее время всегда пассивный баланс, но Франция в такой же степени является ее должником, ибо большинство эльзасских фабрик работает на швейцарский капитал, так что в период денежной нужды Швейцария всегда может оказать сильное давление на французский денежный рынок. В нынешний период, как и прежде, во Франции не наступит острого кризиса, пока торговые затруднения в упомянутых выше странах не достигнут известной степени напряжения. То, что Голландия не сможет благополучно пройти через нынешнее испытание, ясно вытекает из того простого соображения, что ее все еще значительная торговля почти всецело ограничена такими продуктами, которые претерпели и продолжают все более и более претерпевать катастрофическое падение цен. В промышленных центрах Германского таможенного союза уже явно выступают симптомы, предвещающие наступление кризиса. В триестских газетах высказываются опасения относительно краха торговли на Черном море и на Ближнем Востоке, и достаточно было нескольких предварительных вспышек его, чтобы свалить кое-какие крупные фирмы в Марселе. Наконец, в тот самый момент, когда денежная паника, казалось, стала утихать на севере Европы, она с новой силой разразилась в Италии, как можно убедиться из следующей выдержки из миланской газеты «*Opinione*» от 18 декабря:

«Нынешние затруднения очень и очень велики; банкротства следуют одно за другим в страшных размерах; после крахов Паллеари, Баллабио и К^о, Чигеры, Редаелли, Вехлера и Маццолы, после крахов за границей, отразившихся и у нас, после прекращения платежей лучшими фирмами Вероны, Венеции, Удино и Бергамо наши самые сильные торговые дома также зашатались и приступили к подведению своих счетов. Результат оказывается для них весьма печален. Достаточно указать, что среди наших крупнейших фирм по торговле шелком нет ни одной, у которой на складах не лежало бы менее 50 тысяч фунтов шелка; отсюда не трудно высчитать, что при существующих ценах каждая из них должна потерять от полумиллиона до двух миллионов франков, ибо запасы некоторых из них превышают 150 тысяч фунтов. Фирма братьев Бромбилла получила поддержку в виде займа в полтора миллиона франков; фирма Баттиста Гавацци ликвидирует свои дела, то же самое делают другие фирмы. Каждый спрашивает себя, что его ждет в будущем. Множество состояний растаяло, множество уменьшилось наполовину; множество семей, прежде зажиточных, сейчас находится в крайней нужде; множество рабочих сидят без работы, без хлеба, без каких-либо средств к существованию».

Когда во Франции вследствие усиления давления со стороны за границы кризис созреет, то он застанет целое племя спекулянтов, если не прямо торговых авантюристов, и правительство, которое во Франции сыграло ту же роль, какую в Америке, в Англии и Гамбурге сыграла частная торговля. Кризис всей тяжестью обрушится на фондовый рынок и подвергнет опасности его главную опору — само государство. Естественным результатом сокращения французской торговли и промышленности является предоставление денег в распоряжение биржи, тем более, что Французский банк обязан выдавать авансы под государственные фонды и железнодорожные бумаги. Вместо того, чтобы сдерживать спекуляцию ценностями, нынешний застой французской торговли и промышленности благоприятствует ей. Так, из последнего месячного отчета Французского банка мы можем видеть, что его авансы под железнодорожные акции увеличились параллельно сокращению дисконта и обращения. Вследствие этого, несмотря на сильное сокращение доходов большинства французских железных дорог, курсы их бумаг поднимаются, — например, доходы Орлеанской линии к концу ноября сократились на 22½% сравнительно с соответствующим периодом прошлого года, а ее акции 22 декабря котировались по 1 355 франков, тогда как 23 октября они стояли в цене всего лишь 1 300 франков.

Когда во Франции началась депрессия, то несколько железнодорожных компаний были сразу вынуждены прервать свое строительство, подобная же участь стала угрожать почти всем им. Чтобы притти им на помощь, император принудил Французский банк заключить с компаниями договор, в силу которого банк фактически сделался

железнодорожным подрядчиком. Он выдал денежные авансы под новые облигации, которые компании, в силу соглашения 30 ноября 1856 г., имели право выпустить в 1858 г., и под ту их часть, которая еще подлежала выпуску в 1857 г., причем сумма облигаций, разрешенных к выпуску в 1858 г., доходила до сорока двух с половиной миллионов. Компании «Crédit Mobilier» тоже, оказывается, угрожал крах от первого толчка, и 3 декабря ей пришлось с огромным убытком продать часть своего огромного количества облигаций. В настоящее время существует проект слияния «Crédit Mobilier» с «Crédit Foncier» и «Comptoir d'Escompte» для того, чтобы сделать его участником привилегии, предоставленной этим двум учреждениям учитывать свои векселя и помещать свои обеспечения во Французском банке. Таким образом, план, очевидно, заключается в том, чтобы преодолеть грозу, возложив на Французский банк ответственность за эти предприятия, — маневр, несомненно, подвергающий самый банк опасности банкротства. Но даже Наполеон III не может помышлять о том, чтобы заставить банк производить платежи по требованиям, которые будут предъявлены к частным акционерам различных компаний. Не считая мелких, до конца декабря предстояло произвести платежи по следующим требованиям: Торгово-промышленной мадридской компании Ротшильдов в сумме 30 долл. на акцию, Французско-американской морской компании в сумме 10 долл. на акцию, Железнодорожной компании Виктора Эммануила в сумме 30 долл. на акцию, Компании Эрсеранжских железодельных заводов в сумме 20 долл. на акцию, Средиземноморской железодорожной компании в сумме 30 долл. на акцию, Австрийской железодорожной компании в сумме 15 долл., Сарагосской в сумме 10 долл., Франко-швейцарской в сумме 10 долл., «Société Générale de Janperies» 10 долл., «Companie de la Carbonisation de Houilles» в сумме 10 долл. и т. д. В начале этого года предстоит платеж в 20 долл. на акцию железодорожной компании Шиме-Мариенбург, в 12½ долл. на акцию Ломбардско-венецанских железных дорог и в 20 долл. Бельгийской и Южно-американской паровой компании. В силу соглашения 30 ноября 1856 г. требования платежей одних только французских железных дорог в 1858 г. составят сумму приблизительно в 50 млн. долларов. Несомненно, есть серьезная опасность, что в связи с этими тяжкими обязательствами Франция в 1858 г. потерпит крах подобно тому как это случилось с Англией в 1846—1847 годах. Более того, капиталисты в Германии, Швейцарии и Нидерландах являются крупными держателями французских обеспечений; при дальнейшем развитии кризиса в этих странах значительная

часть последних будет выброшена на парижскую биржу, чтобы по какой угодно цене превратить их в наличные.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5219 от 12 января 1858 г.

Без подписи.

*НАЧАЛО КОНЦА ЛУИ НАПОЛЕОНА.

«Quos deus vult perdere prius dementat» [«Кого бог хочет погубить, у того он сначала отнимает рассудок»].

Таково, повидимому, почти что всеобщее мнение Европы о французском узурпаторе, которого всего лишь несколько недель тому назад бесчисленные льстецы и поклонники успеха единогласно во всех странах и на всех языках превозносили как какое-то земное провидение. И вдруг, теперь, при первом приближении настоящей опасности, этого полубога считают сошедшим с ума. Однако для тех, кто не привык поддаваться первым впечатлениям, нет ничего более очевидного, чем то, что булонский герой сегодня тот же, что и вчера, т. е. простой азартный игрок. Если он ставит последнюю ставку и рискует всем, то это значит, что изменился не человек, а изменились шансы игры. Уже и раньше бывали покушения на жизнь Бонапарта; однако они не оказывали никакого видимого действия на экономическое состояние империи. Почему же гремучая ртуть, взорвавшаяся 14 января, убила не только людей, но и известное положение вещей? С ручными гранатами улицы Лепельтье произошло то же самое, что и с просаленными патронами сипаев в Баракпуре. Они не изменили империи; они только разорвали покров, который скрывал уже происшедшие изменения.

Тайну возвышения Бонапарта надо искать, с одной стороны, в том что враждующие партии взаимно обессилили друг друга, с другой — в том, что совершенный им государственный переворот совпал со вступлением делового мира в полосу процветания. Поэтому торговый кризис по необходимости подорвал материальную основу империи, которая никогда не имела иной моральной основы, кроме временной деморализации всех классов и всех партий. У рабочего класса, как только он оказался без работы, вновь появилось враждебное отношение к существующему правительству. Значительная часть торговой и промышленной буржуазии благодаря кризису оказалась в таком же положении, какое в свое время заставило Наполеона ускорить свой государственный переворот: известно, что страх перед долговой тюрьмой в Клиши положил конец его колебаниям. Тот же

самый мотив погнал парижского буржуа в 1848 г. на баррикады и заставил бы его в данный момент приветствовать политический кризис как неожиданное послание судьбы. Как теперь в точности известно, в самый разгар паники, по приказанию правительства, Французский банк возобновил все просроченные векселя, — льгота, которую он, кстати сказать, принужден был повторно предоставить 31 января, но эта приостановка в ликвидации долгов отнюдь не восстановила торговую деятельность, а лишь придала панике хронический характер. Другую, очень значительную часть парижской буржуазии, притом же весьма влиятельной, а именно класс мелких рантье или людей с маленьким постоянным доходом, постигло полное разорение в результате колоссальных колебаний на бирже, которые поощрялись императорской династией и ее авантюристской клиентурой и которые в свою очередь обогащали их. Часть французских высших классов, — по крайней мере та, которая претендует на роль представительницы так называемой французской цивилизации, — мирилась с империей лишь как с временным, хотя и необходимым суррогатом, ни на один момент не скрывала своего глубокого враждебного чувства к «племяннику своего дяди» и в последнее время пользовалась всяким предлогом, чтобы выказать свое негодование по поводу попыток превратить временно пригодное средство, каковым она считала империю, в постоянное установление. Таково было общее настроение, которому покушение дало возможность проявиться на улице Лепельтье. Со своей стороны, это проявление общественного настроения дало лже-Бонапарту почувствовать собирающуюся над ним бурю и заставило его поставить последнюю карту. В «Moniteur» много писали о радостных криках и приветствиях, об «общественном энтузиазме», проявившемся при выходе императорской четы из Большой оперы. Цену этого уличного энтузиазма иллюстрирует следующий эпизод, переданный одним из главных участников сцены, за подлинность которого ручается одна чрезвычайно солидная английская газета:

«Ночью, 14 февраля, одна особа, занимающая высокое положение в императорском придворном штате, в эту ночь свободная от службы, проходила по бульварам и слышала, как взрывались бомбы. Она видела также, как народ бежал к Опере. Придворный тоже бросился туда и таким образом оказался свидетелем всей сцены. Его сейчас же узнали, и один из людей, ближайшим образом заинтересованный во всем происшедшем, сказал: «О, г...., ради бога, найдите кого-нибудь из Тюильри и пошлите его за новыми экипажами. Если вы не сможете найти никого, то сходите за ними сами». Лицо, к которому были обращены эти слова, немедленно принялось разыскивать кого-либо из придворных слуг, но это оказалось нелегкой задачей, так как все они, от высших до низших, от камергеров до лакеев, за одним или двумя похвальными исключе-

ниями, с невероятной поспешностью разбежались. Однако через четверть часа ему удалось поймать одного из дворцовых курьеров и спешно отправить его во дворец с надлежащими инструкциями. Прошло около 25 минут или получаса, когда он вернулся на улицу Лепельтье и с величайшим трудом пробил себе дорогу через многочисленную толпу обратно к portalу театра. Раненые все еще лежали вокруг, и повсюду царил явный беспорядок. В небольшом расстоянии упомянутый нами господин заметил префекта полиции Пьетри; он окликнул его, чтобы привлечь его внимание, и сказал ему, чтобы он не уходил, пока он не сможет подойти к нему. Когда ему это, наконец, удалось сделать, он тотчас же воскликнул: «Умоляю вас, загородите улицу, не теряя времени. Вскоре придут новые экипажи, и они не смогут подъехать к дверям. Кроме того, взгляните, какой здесь получается беспорядок. Умоляю вас, очистите улицы». Пьетри взглянул на него с удивлением. «Очистить улицу! — воскликнул он в ответ, — да ведь она очищена; она была очищена в 5 минут». Его собеседник вытаращил на него глаза. «Но в таком случае, что означает вся эта толпа? Что означает эта масса черни, сквозь которую невозможно протиснуться?» «Это все мои люди, — последовал ответ Пьетри, — в данную минуту в этой части улицы Лепельтье нет ни одного постороннего; все, кого вы здесь видите, состоят в моем распоряжении».

Если таков был секрет уличного энтузиазма, которым хвалился «Moniteur», то его замечание о «добровольной иллюминации бульваров после покушения», конечно, не введет в заблуждение парижан, бывших свидетелями этой иллюминации: она ограничивалась только магазинами поставщиков императора и императрицы. Даже эти люди не замедлили рассказать, что спустя полчаса после взрыва «адской машины» полицейские агенты явились к ним с указанием, что было бы уместно немедленно устроить иллюминацию, дабы доказать, какой восторг возбудило в них избавление императора.

О полной изоляции императора еще более свидетельствует характер поздравительных адресов и публичных выражений верно-подданнических чувств. Среди лиц, подписавших их, нет ни одного, который так или иначе не принадлежал бы к администрации, этому вездесущему паразиту, питающемуся жизненными соками Франции, и не был бы приведен в движение подобно манекену прикосновением министра внутренних дел. «Moniteur» был принужден день за днем регистрировать эти монотонные поздравления императору от самого же императора в качестве многочисленных доказательств безграничной любви народа к нему за его государственный переворот. Правда, делались также попытки получить адрес от парижского населения, и с этой целью полицейские агенты таскали повсюду соответствующий текст; но, когда обнаружилось, что число подписей не окажется достаточно внушительным, затея была оставлена. Даже парижские лавочники осмелились отказаться давать свои подписи под тем предлогом, что полиции не подобало быть инициатором такого дела.

Отношение парижской печати, по крайней мере, той, которая поддерживается публикой, а не казной, вполне соответствовало отношению народа. Она либо бормотала невразумительные слова о наследственных правах, подобно злополучному «Spectateur», либо, подобно «Phare de la Loire», цитировала официальные газеты в качестве источников своих сообщений об энтузиазме публики, либо подобно «Journal des Débats» строго оставалась со своими поздравлениями в границах условной вежливости или ограничивалась перепечаткой статей «Moniteur». Одним словом, было совершенно ясно, что, если Франция еще и не готова взяться за оружие против империи, то она, несомненно, решила отделаться от нее при первом удобном случае.

«По словам моих информаторов, которые недавно прибыли из Парижа, — пишет венский корреспондент лондонского «Times», — общее мнение в этом городе таково, что нынешняя династия клонится к падению».

Сам Бонапарт, до тех пор единственный человек во всей Франции, веривший в окончательную победу государственного переворота, вдруг осознал пустоту своих иллюзий. В то время как все общественные организации, а также пресса, на все лады клялись, что преступное покушение на улице Лепельтье, будучи совершено исключительно итальянцами, лишь оттенило еще ярче любовь Франции к Луи Наполеону, сам Наполеон поспешил в Законодательный корпус и там публично объявил, что заговор носил национальный характер и что поэтому необходимы новые «репрессивные законы» для того, чтобы удержать Францию в подчинении. Эти законы уже внесены и во главе их фигурируют lois des suspects [законы о подозрительных лицах], которые являются нечем иным, как точным повторением мероприятий, применявшихся в первые дни государственного переворота. Однако тогда они были возведены как временные, а теперь они провозглашены как органическая часть законов. Таким образом, сам Луи Наполеон объявляет, что империя может продолжать свое существование только с помощью тех же гнусностей, какими она была создана, что все ее претензии на более или менее приличные формы правильно функционирующего правительства должны быть оставлены и что окончательно миновало то время, когда народ пассивно терпел власть общества вероломного узурпатора,

Незадолго до государственного переворота Луи Наполеону удалось собрать из всех департаментов, и в особенности из сельских округов, адреса, направленные против Национального собрания и выражавшие единодушное доверие президенту республики. Так как в настоящее время этот источник исчерпан, то не остается ничего другого, как обратиться к армии. Адреса от военных, в одном

из которых звуки «почти выражают сожаление, что им не представляется случая проявить каким-либо ярким образом свою преданность императору», являются попросту неприкрытым провозглашением господства преторианцев во Франции. Разделение Франции на пять больших военных пашалыков, с пятью маршалами во главе, под верховным контролем Пелисье в качестве генерал-маршала, есть лишь простой вывод из этой предпосылки. С другой стороны, учреждение Тайного совета, который одновременно должен действовать в качестве совета на случай регентства какой-нибудь Монтихо и составлен из таких типов, как Фульд, Морни, Персиньи, Барош и им подобные, показывает Франции, какого рода режим приберегают для нее эти новоявленные государственные люди. Учреждение совета наряду с семейным примирением, возвещенным изумленному миру письмом Луи Наполеона в «Moniteur», в силу которого экс-король Вестфалии Жером назначается председателем государственного совета в отсутствии императора, — все это, как было правильно замечено, «похоже на то, что паломник собирается в опасное путешествие». В какую новую авантюру собирается пуститься теперь герой Страсбурга? Некоторые говорят, что он намеревается облегчить себе душу кампанией в Африке; другие полагают, что он предпринимает вторжение в Англию. Что касается первого плана, то он напоминает одно из его прежних намерений лично отправиться под Севастополь; однако и теперь, как тогда, его осторожность может казаться лучшей частью его доблести. А что касается враждебных действий против Англии, то они покажут Бонапарту, как он изолирован в Европе, подобно тому как покушение на улице Лепельтье показало ему, как он изолирован во Франции. Содержащиеся в обращениях французской военщины угрозы против Англии окончательно похоронили англо-французский союз, давно уже корчившийся в предсмертных судорогах. Пальмерстоновский билль о чужестранцах только поможет довести и без того уязвленную гордость Джона Булля до крайнего возмущения. Что бы ни предпринял Бонапарт, — а так или иначе он должен попытаться восстановить свой престиж, — он только ускорит свою гибель. Он приближается к концу своей странной, преступной и зловерной карьеры.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5254 от 22 февраля 1858 г.

Без подписи.

* ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ.

Излишне доказывать, что с трудом удерживаемая Луи Наполеоном власть, еще позволяющая ему называться императором французов, сильно пострадает, когда торговый кризис, в других странах уже исчерпавший свое неистовство, достигнет во Франции кульминационного пункта. Симптомы такого резкого нарастания кризиса в настоящее время можно найти главным образом в положении Французского банка и французских рынков сельскохозяйственных продуктов. Отчеты банка за вторую неделю февраля, сравнительно с последней неделей января, дают такие цифры:

	Франков
Сокращение обращения	8 776 410
» вкладов	29 018 054
» дисконтов в банке	47 746 641
» » » отделениях	23 264 271
Общее сокращение дисконтов	71 010 912
Рост просроченных векселей	2 761 435
» металлического запаса	31 508 278
» премий на покупках золота и серебра	3 284 691

В торговом мире по мере понижения торговой деятельности повсюду увеличился металлический запас банков. В той же мере, в какой промышленная жизнь стала слабее, положение банков, в общем, стало крепче, и потому накопление металла в подвалах Французского банка является только лишним примером своеобразного экономического явления, наблюдаемого как в Нью-Йорке, так и в Лондоне и в Гамбурге. Однако в движении металла во Франции есть одна отличительная черта; это рост премий на покупках золота и серебра в размере 3 287 691 фр. в то время, когда общая сумма, израсходованная на это Французским банком за февраль, достигает цифры в 4 438 549 франков. Серьезное значение этого факта становится ясно из следующего сравнения:

Премии, уплаченные Французским банком на покупках золота и серебра.

	Франков
Февраль 1858 г.	4 438 549
Январь 1858 г.	1 153 858
Декабрь 1857 г.	1 176 029

	Франков
Ноябрь 1857 г.	1 327 443
Октябрь 1857 г.	949 656
От 1 января по 30 июня 1856 г.	3 100 000
» 1 июля до 31 декабря 1856 г.	3 250 000
» 1 » » 31 » 1855 »	4 000 000

Таким образом, мы видим, что премии, уплаченные в феврале с целью получить временное искусственное увеличение запаса металла в банке, составляют сумму, почти равную той, которая была израсходована для этой же цели в течение 4 месяцев от октября 1857 г. по январь 1858 г., и превышают все количество премий, уплаченных за 6 месяцев в 1856 и в 1855 гг.; вся же сумма премий, уплаченных от октября 1857 г. по февраль 1858 г., достигающая цифры в 9 445 535 фр., почти в полтора раза превышает сумму премий, уплаченную за весь 1856 год. Это значит, что, несмотря на кажущийся избыток средств, металлический запас банка в действительности беднее, нежели его запас за последние 3 года. Банк не только не перегружен металлом, но прилив его повышен лишь искусственно до надлежащего уровня. Уже один этот факт показывает, что во Франции торговый кризис еще не вступил в фазу, которую он уже миновал в Соединенных Штатах, Англии и на севере Европы. Как показывает одновременное сокращение обращения и дисконта, общая торговая депрессия во Франции налицо; но настоящий крах еще впереди, как это показывает сокращение вкладов при одновременном росте премий на закупленный металл и количества просроченных векселей.

Банк был также вынужден объявить, что большая часть его собственных новых акций, взносы по которым не были выплачены своевременно, будет продана. Кроме того, правительство сделало его генеральным подрядчиком железнодорожного строительства Франции, и ему придется в определенные промежутки времени выдавать железнодорожным компаниям крупные авансы, которые за январь и февраль составили сумму в 50 млн. франков. Правда, взамен этих авансов банк получил облигации компаний, которые он может продать при первой возможности. Но настоящий момент исключительно неблагоприятен для такой продажи, и еженедельные отчеты железных дорог, показывающие непрерывное падение их доходности, рисуют далеко не радужные перспективы на этот счет. За январь, напр., сравнительно с соответствующими поступлениями в 1857 г., Орлеанские железные дороги дали понижение на 21, Восточные — на 19, Лионские — около 11 и Западные — на 18 %.

Как известно, сопротивление, оказываемое продавцом или покупателем смене низких цен высокими, а еще более высоких цен

низкими, всегда очень значительно, известно также что часто бывают промежутки более или менее длительные, в течение которых совершаются большие продажи, а цены стоят номинальные, пока, наконец, с неодолимой силой не выявится тенденция рынка в том или другом направлении. Эпизодическая борьба подобного рода между владельцем товара и покупателем не представляет ничего необычайного; но такая затяжная борьба между французскими купцами и потребителями, какая длится уже с начала ноября по сей день, представляет нечто еще небывалое в истории цен. В то время как французская промышленность страдает от застоя, множество рабочих сидит без работы, и средства к существованию у всех сократились; цены, которые в других странах упали в среднем на 30 — 40%, во Франции все еще держатся на спекулятивном уровне периода, предшествовавшего общему кризису. Если нас спросят, какими средствами было достигнуто это экономическое чудо, то ответ будет простой: под давлением правительства Французский банк был дважды вынужден возобновить векселя и ссуды, срок которым наступил, и, таким образом, накопленные в подвалах средства французского народа пошли прямо или косвенно на поддержание вздутых цен к ущербу этого же французского народа. Повидимому, правительство воображает, что путем такого чрезвычайно простого процесса распределения банкнот повсюду, где в них нуждаются, оно может окончательно предотвратить катастрофу. На самом же деле в результате этого трюка получилось, с одной стороны, обострение нужды потребителей, уменьшенным средствам которых не соответствуют сниженные цены, а, с другой стороны, колоссальное накопление товаров на таможенных складах, которые, будучи, в конце концов, по необходимости выброшены на рынок, рухнут под своей собственной тяжестью. Нижеследующий, заимствованный из официальной французской газеты список сравнительных количеств товара, накопившихся во французских таможенных складах к концу декабря 1857, 1856 и 1855 г., не оставляет никаких сомнений насчет того катастрофического самоурегулирования цен, какое еще предстоит в будущем во Франции:

	1857 г.	1856 г.	1855 г.
	В метрических количествах		
Какао	19 419	17 799	10 188
Кофе	210 741	100 758	57 644
Хлопок	156 006	76 322	28 766
Медь	15 377	1 253	3 197
Олово	4 053	1 853	1 811
Чугун	132 924	102 202	76 337
Масличные семена . . .	253 696	198 982	74 537
Жиры	25 299	15 292	11 276
Индюго	5 253	2 411	3 788

	1857 г.	1856 г.	1855 г.
	в метрических квинталах		
Шерсть	72 150	31 569	38 146
Перец	23 448	18 442	10 682
Сахар (из колоний) . . .	170 334	56 735	55 387
» (иностранный) . . .	89 607	89 807	71 913

Впрочем, в торговле хлебопродуктами борьба из-за цен окончилась для продавцов полным поражением. И все же их потери имеют гораздо меньше значения, чем общее положение земледельческого населения Франции при нынешней конъюнктуре. На последнем собрании французских сельских хозяев было констатировано, что средние цены за пшеницу по всей Франции равнялись 31 фр. 94 сант. за гектолитр в конце января 1854 г., 27 фр. 24 сант. в этот же месяц 1855 г., 32 фр. 46 сант. в январе 1856 г., 27 фр. 9 сант. в январе 1857 г. и 17 фр. 38 сант. в январе 1858 года. Собрание пришло к единодушному мнению, что «такое состояние цен должно оказаться разорительным для французского земледелия и что при нынешней средней цене в 17 фр. 38 сант. производителям в одних районах Франции остается крайне незначительная прибыль, а в других районах они терпят серьезные потери».

Казалось, в стране, подобной Франции, где большая часть земли принадлежит самим земледельцам и лишь сравнительно небольшая часть продукции поступает на рынок, изобилие зерна должно быть не бедой, а признаком благоденствия. Однако еще Людовик XVIII в своей тронной речи 26 ноября 1821 г. сказал: «Никакой закон не может устранить бедствия, вызываемого слишком хорошим урожаем». Дело в том, что значительное большинство французских крестьян являются собственниками лишь по имени, настоящими же собственниками являются владельцы ипотек и правительство. Не от количества, а от цены его продукта зависит, в состоянии ли французский крестьянин выполнить тяжкие обязательства, лежащие бременем на его маленьком клочке земли.

Это тяжелое положение сельского хозяйства вместе с торговой депрессией, с застоём промышленности и все еще угрожающей финансам катастрофой должно привести французский народ в такое состояние, в каком он обычно пускается на новые политические эксперименты. Вместе с исчезновением материального благополучия и обычно сопутствующего ему политического индифферентизма исчезнет также всякое оправдание дальнейшему существованию Второй империи.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5270 от 12 марта 1858 г.

Без подписи.

ПРАВЛЕНИЕ ПРЕТОРИАНЦЕВ.

Париж, 22 февраля 1858 г.

«Когда же охотник на львов Жерар будет назначен министром просвещения?» Эта фраза стала ходячей в предместьях Парижа с тех пор как генерал Эспинас, печально прославившийся своим походом в Добруфне, назначен министром внутренних дел и общественной безопасности. В России, как известно, кавалерийский генерал возглавляет святейший синод. Почему и генералу Эспинасу не возглавлять французское министерство внутренних дел, поскольку Франция стала исключительной вотчиной преторианцев? Такими неприкрытыми нелепостями с максимальной недвусмысленностью демонстрируется господство голого меча, и Бонапарт дает ясно понять Франции, что императорская власть покоится не на воле народа а на силе 600 тысяч штыков. Отсюда преторианские обращения, изготавливаемые командирами различных полков по образцу тюильрийских обращений, из которых тщательно изгнано малейшее напоминание о так называемой «воле народа»; отсюда же разделение Франции на 5 папалыков; отсюда преобразование министерства внутренних дел в филиал армии. На этом преобразования не заканчиваются; говорят, что около 60 префектов находятся накануне отставки, и в большинстве они будут заменены воснными. Гражданской администрации префектов предстоит переход в руки отставных полковников и подполковников, образуется антагонизм между армией и населением в качестве гарантии «общественной безопасности», т. е. безопасности героя Сатори и его династии.

Один выдающийся современный историк утверждает, что, сколько бы ни старались маскировать действительные факты, во Франции со времени Великой революции, всегда распоряжалась армия. Конечно, при империи, при реставрации, при Луи-Филиппе и при республике 1848 г. управляли различные классы. При империи преобладало крестьянство, этот отпрыск революции 1789 г.; при реставрации — крупные землевладельцы, при Луи-Филиппе — буржуазия; республика 1848 г., вопреки намерениям ее основателей, оказалась фактически неудачной попыткой поделить господство в

равной мере между сторонниками легитимной и июльской монархии. При всем том каждый режим одинаково опирался на армию. Даже республиканская конституция 1848 г. разве не была составлена и провозглашена в условиях осадного положения, т. е. господства штыка. Разве эта республика не олицетворялась генералом Кавеньяком? Разве она не была спасена армией в июне 1848 г. и вновь спасена в июне 1849 г. и, наконец, прикончена той же армией в декабре 1851 года? Что же в таком случае является новостью в режиме, ныне откровенно провозглашаемом Луи Бонапартом? То ли, что он правит через посредство армии? Но ведь так действовали все его предшественники, начиная со времени Термидора. Однако, если во все предшествовавшие эпохи правящий класс, восхождение которого соответствовало специфическому развитию французского общества, опирался против своих противников в конечном счете на армию, то все же господствующим являлся известный специфический социальный слой. При Второй империи господствуют интересы самой армии. Роль армии уже не состоит в том, чтобы поддерживать господство одной части народа над другой. Задача армии — поддерживать свое собственное господство в лице собственной династии над французским народом вообще и представлять государство, находящееся в антагонизме к обществу. Не следует думать, что Бонапарт не понимает всей опасности предпринятого им эксперимента. Провозглашая себя главой преторианцев, он каждого преторианского вождя объявляет своим соперником. Его собственные сторонники, во главе с генералом Вайяном, возражали против деления французской армии на 5 маршалств, говоря, что если эта мера хороша для поддержания порядка, то она не является таковой для империи и приведет когда-нибудь к гражданской войне. Имена маршалов Наполеона во главе с Бертье подверглись тщательному обследованию со стороны Пале-Рояля, в котором новый поворот императорской политики вызывает сильнейшую досаду.

О будущем поведении смертельно ненавидящих друг друга 5 маршалов в какой-нибудь критический момент всего лучше можно судить на основании их прошлого. Маршал Маньян предал Луи-Филиппа; Бараге д'Иллье предал Наполеона; Боске предал республику, которой он был обязан своим выдвижением и принципам которой он, как известно, сочувствует. Каstellан не стал даже дожидаться настоящей катастрофы, чтобы предать самого Луи Бонапарта. Во время войны с Россией он получил телеграмму, которая гласила: «Император скончался». Он тотчас же составил прокламацию в пользу Генриха V и отправил ее в типографию. Префект Лиона получил более

точную телеграмму, которая гласила: «Русский император скончался». Прокламацию замяли, но история о ней стала известна. Что же касается Канробера, то он, может быть, и сторонник империи, но он лишь дробь и, главное, лишен способности быть целым числом. Сами маршалы сознавали всю трудность задачи, которую им предлагали взять на себя, и так сильно колебались принять командование, что с ними добром ничего нельзя было устроить; тогда Бонапарт сам определил местоназначение каждого, передал этот список г. Фульду для заполнения и отправил в «Moniteur», и так, не справляясь с их желанием, они и были опубликованы. С другой стороны, Бонапарт не посмел завершить свой план назначением Пелисье генерал-маршалом. Об этом маршале мы можем повторить слова, сказанные, как передают, принцем Жеромом Фульду; последнего Бонапарт послал вручить своему дяде его назначение на первое место в Совете регентства. Отклонив это предложение в самой бесцеремонной форме, экс-король Вестфалии, как передает парижская сплетня, с поклоном выпроводил Фульда со следующими словами: «Успокойтесь, ваш Совет регентства составлен так, чтобы вы могли выполнить только одну задачу: это как можно скорее арестовать друг друга». Мы повторяем, что нельзя предполагать, будто Бонапарт не сознает, какими опасностями чревата его вновь изобретенная система, но у него нет другого выбора. Он понимает свое собственное положение и нетерпение французского общества отделаться от него и его императорских лицедеев. Он знает, что партии оправились от сковывавшего их паралича и что материальная основа его биржевого режима взорвана экономическим землетрясением. Поэтому он не только подготавливает войну против французского общества, но во всеуслышание даже объявляет об этом. Этому решению занять воинственную позицию против Франции вполне соответствует то, что он враждует с самыми разнообразными партиями. Так, например, когда Кассаньяк в «Constitutionnel» громил Вильмена как «возбудителя ненависти» к империи и обвинял «Journal des Débats» в «соучастии в покушении своим молчанием», то сначала это было истолковано как безрассудный акт усердия со стороны человека, которого Гизо характеризовал как «roi des droles». Вскоре, однако, стало известно, что статья была навязана газете министром народного просвещения Було, который сам держал ее корректуру. Это объяснение было, между прочим, дано редактору «Débats» деласи, владельцем «Constitutionnel» Миресом, который не пожелал нести ответственность за статью. Таким образом, третирование всех партий, как своих личных врагов, входит в план игры Бонапарта. Это — часть его системы. Он недвусмысленно говорит им о том, что он

отнюдь не делает себе никаких иллюзий насчет того, что его власть внушает всеобщую неприязнь, но эту неприязнь он готов встретить картечью и ружейными пулями.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5270 от 12 марта 1858 г.

Без подписи.

* ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ.

Если Орсини не убил Луи Наполеона, то он, несомненно, убил Пальмерстона. Поскольку этот политический игрок был возведен в диктаторы Англии китайским мандарином в Кантоне, исторически вполне уместно, чтобы он был напоследок свален итальянским карбонарием в Париже. Но то, что его преемником оказался лорд Дерби, представляет уже нечто большее, нежели простое историческое событие и подходит близко к рангу исторического закона. Так обычно и работает британская конституция. За Питтом следовал Фокс; за Фоксом Персеваль, слабая копия Питта; после Веллингтона был Грей, слабая копия Фокса; после Грея — Веллингтон; за Веллингтоном — Мельбурн, слабая копия Грея; Мельбурн был вновь сменен Веллингтоном под именем Пиля; Пиль был опять сменен Мельбурном под именем Росселя; Россель сменил Дерби, заместитель Пиля; Дерби снова был сменен Росселем. Почему не может Пальмерстона, узурпировавшего место Росселя, сменить в свою очередь Дерби?

Может быть, в Англии и имеется какая-нибудь новая сила, способная положить конец старинной рутине, примером которой служит этот последний обмен местами между distinguished gentlemen одной стороны палаты и distinguished gentlemen другой; может быть, и есть где-то человек или группа лиц, способных выступить против традиционного правящего класса и сменить его; но мир их еще не открыл. В одном, однако, не может быть сомнения, а именно в том, что министерство тори несравненно более благоприятно для прогресса всякого рода, нежели какое-либо другое. В течение последних 50 лет все народные движения либо возникали, либо завершались при торийских правительствах. Торийское министерство провело закон об эмансипации католиков. При торийском же министерстве движение в пользу парламентской реформы стало непреодолимым. Подоходный налог, который, при всей его несуразности, в настоящем виде содержит зародыш пропорционального обложения, является созданием торийского министерства. Лига борьбы против хлебных законов, которая была слаба и робка при правительстве вигов, достигла революционных размеров при торийском министерстве; и это в то время,

как Россель даже в самых смелых своих дерзаниях, никогда не отваживался идти дальше единой твердой пошрины, столь же умеренной, как и он сам, а Пиль просто предал хлебные законы могиле всех Капулетти. Равным образом, именно тори, так сказать, «опросто-народили» аристократию, влив в нее для подкрепления ее энергии плебейскую силу и талант. Благодаря тори сын актрисы Каннинг властвовал над старой землевладельческой аристократией Англии; тот же Пиль был сыном хлопчатобумажного фабриканта-высочки, который первоначально был ткачом на ручном станке; Дизраэли также был сыном простого литератора и, вдобавок, еврея. Сам лорд Дерби превратил сына мелкого лавочника из Люиса в государственного канцлера Англии под именем лорда Леонардса. Но с другой стороны, виги всегда оказывались достаточно сильными, чтобы хоронить свои плебейские креатуры за пустыми декорациями или надменно и оскорбительно отбрасывать их. Душа движения парламентской реформы Брум был уничтожен тем, что был возведен в лорды, а Кобден, глава Лиги борьбы против хлебных законов, получил предложение занять место вице-председателя департамента торговли от тех же самых вигов, которых он восстановил на министерских постах.

В смысле умственных способностей новый кабинет легко может выдержать сравнение со своим предшественником. Люди, подобные Дизраэли, Стенли и Элленборо, без ущерба для себя могут быть противопоставлены людям такого склада, как Вернон Смит, бывший председатель департамента контроля, или военный министр лорд Панмюр, одна фраза которого «Остерегайтесь Доба» может сделать его бессмертным, или сэр Дж. К. Люис, воплощение скуки «Эдинбургского Обозрения», или даже таким моральным величинам, как Кланрикард, лорд-хранитель тайной печати. Фактически Пальмерстон в свое время заменил не только министерство всех партий министерством без партий, но и кабинет всех талантов кабинетом без талантов, кроме собственного.

Не может быть сомнения, что Пальмерстон даже не подозревал того, что его падение окончательно. Он был уверен, что лорд Дерби и на этот раз, как и во время Крымской войны, отклонит от себя пост премьера. Тогда к королеве был бы вызван Россель, и так как большинство его сторонников служило при Пальмерстоне, а большинство враждебной армии стояло под знаменем Дизраэли, то Росселю пришлось бы отказаться от надежды образовать кабинет, тем более, что, будучи вигом, он не мог бы прибегнуть к «крайней мере», а именно к роспуску парламента, избранного под вигскими знаменами.

Возвращение Пальмерстона к власти после недели колебаний стало бы, таким образом, неизбежным. Этот тонкий расчет был сведен на нет согласием Дерби принять пост. Долго ли торийское министерство останется у власти или недолго; продержится ли оно несколько месяцев, пока не будет принуждено прибегнуть к роспуску, — мера, которую оно, наверное, использует, прежде чем окончательно отказаться от власти, — но можно быть уверенным в двух вещах, а именно, что их пребывание у власти будет ознаменовано внесением крайне либеральных мер в области социальных реформ (чему ручательством служат деятельность лорда Стенли до сего времени и закон о народном образовании сэра Джона Пакингтона) и, главное, что во внешнюю политику они внесут самую благотворную и утешительную перемену. Правда, многие поверхностные наблюдатели и публицисты полагают, что падение Пальмерстона не нанесет удара Луи-Наполеону, ибо несколько членов торийского министерства состоят в хороших личных отношениях с французским деспотом, и Англия находится не в таком положении, чтобы отважиться на войну с могущественной континентальной державой. Но именно потому, что Англия не в состоянии предпринять новую войну, мы считаем в высшей степени знаменательным ее ответ на грубые угрозы и требования сатрапов Наполеона. Это произошло, конечно, не потому что Мальмсбери и Дизраэли вступили в министерство; зависимые либералы в парламенте, отражая несомненные и ясно выраженные настроения народа, ответили на депешу Валевского провалом пальмерстонского законопроекта о заговорах. Лорд Дерби может оступиться и пасть, но голосование, принявшее поправку Мильнера Гибсона, останется и даст плоды.

Мы не верим в сколько-нибудь сердечный и длительный союз между британским торизмом и французским бонапартизмом. Против этого восстают инстинкты, традиции, стремления обеих сторон. Мы не допускаем, чтобы новый кабинет возобновил и взялся проталкивать законопроект Пальмерстона о заговорах, как это с такой уверенностью предполагает парижская пресса. Если он это сделает, то не раньше, чем ответит Валевскому и де-Морни и ответит в духе Питта и Каслри. При всех своих недостатках торизм должен изменить свою природу, прежде чем согласится изменять законы Англии по указке Бонапарта.

Но значение последнего голосования несколько не обуславливается предположением о возможности в недалеком будущем разрыва между обоими правительствами. Наибольшую его важность мы усматриваем в том, что оно перед лицом Европы провозглашает, что Бри-

тания перестала играть роль подручного при французском империализме. Так понято это в Брюсселе, в Турине и даже в Вене; так это будет скоро понято в Берлине, Мадриде и Петербурге. Англия, которая так долго была тюремщиком первого Наполеона, теперь демонстративно отказалась дальше играть роль приспешника при его наследнике. Каждая столица в Европе дышит в результате свободнее; каждый либерал чувствует уверенность, что победоносное восстание народа гораздо ближе, нежели месяц тому назад. В подтверждение мы приведем одно место из речи первого оратора Англии, одного из ее подающих наибольшие надежды государственных людей, — Гладстона, — долго состоявшего другом сэра Роберта Пиля, представителя Оксфордского университета, который во время этих замечательных прений, свергнувших Пальмерстона, сказал следующее:

«Настоящее время имеет большое значение для свободы. Мы живем в XIX веке. Мы толкуем о прогрессе, мы верим, что мы идем вперед; но может ли от наблюдательного человека, следившего за европейскими событиями последних нескольких лет, ускользнуть наличие движения, но движения попятного. Существует несколько мест, где еще держатся и процветают учреждения, вызывающие сочувствие, но это — второстепенные места, — можно сказать, почти что закоулки Европы по своему материальному значению, хотя я верю, что их моральное величие обеспечит им долгое процветание и благоденствие. Но в такое время, как наше, более чем когда-либо ответственность ложится на Англию; а если это так, если ответственность ложится на Англию, на ее принципы, на ее законы, на ее правителей, то я утверждаю, что мера, проведенная через нашу палату общин — эту главную надежду свободы, которая пытается установить моральную солидарность между нами и теми, которые ищут безопасности в репрессиях, явится ударом и разочарованием для этого священного дела в каждой стране на земном шаре. (Шумное одобрение.)»

Заметьте, что лорд Дерби настойчиво просил Гладстона принять очень высокое назначение в своем кабинете и что в недавнем прошлом не было премьера и едва ли окажется такой в близком будущем, который не был бы рад разделить с ним самую серьезную ответственность.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5272 от 15 марта 1858 г.

Без подписи.

НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОНАПАРТА.

Париж, 18 марта 1858 г.

«Risorgero nemico ognor piu crudo
Cenere anco sepolta e spirito ignudo».

[«Пусть я буду лишь могильным пеплом и голым духом,
Но я воскресну из мертвых еще более страшным врагом».]

Эти слова из тассова «Освобожденного Иерусалима», которые после речи Фавра с странной улыбкой прошептал Орсини своему защитнику, начинают уже сбываться. Один очевидец так описывает настроение толпы, присутствовавшей при казни итальянского патриота:

«Нервозность правительства была настолько сильна, что на место казни была вызвана целая дивизия под командой генерала. Пятнадцать тысяч солдат стояли наготове, чтобы действовать по первому сигналу, и все ходы и выходы охранялись; как во время восстания. По моему подсчету, от 90 до 100 тысяч человек из предместий, рабочих в блузах, собрались на улицах близ площади ла-Рокетт; но войска были расположены таким образом, что зрители могли увидеть или очень мало, или вовсе ничего. Когда послышался тупой, глухой звук ножа, упавшего на шею Орсини, ему в ответ пронесся подавленный, но огромного диапазона возглас «Да здравствует республика!» Трудно его описать словами: это был как бы гигантский рокот, не крик или воев, а прозвучало словно дыхание или вздох тысячи тысяч человеческих существ. Власти правильно поняли его значение, ибо в ту же минуту солдаты подняли невообразимый шум, били своих лошадей так, что те шарахались и лягались, стучали оружием и старались так действовать, чтобы заглушить рокот толпы, не прибегая к прямому, насильственному его подавлению. Но слова: «Да здравствует республика!» несомненно были услышаны всеми. Я нарочно пошел домой пешком, медленно пробиваясь сквозь толпу там, где она была всего гуще. Я должен признаться, что повсюду я слышал выражение сочувствия и восхищения Орсини; его преступление, повидимому, было совсем забыто, и осталось лишь впечатление, произведенное его мужеством и благородным отношением к своим сообщникам. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь произнес имя Пьерри. Настроение народной массы было, можно сказать, в высшей степени угрожающее; видно было, что ненависть и жажда мести засели слишком глубоко, чтобы вылиться в словах. Все замечания, которые я слышал, делались почти шопотом, словно на каждом шагу опасались полицейских шпииков».

Повидимому, предпринятые меры для «общественной безопасности», к искоренению республиканских элементов, массовые заключения в тюрьмы и ссылки оказались столь же удачными, как и те вновь учрежденные мастерские *cités ouvrières* и другие меры, которыми пытались подкупить совесть французских рабочих. Упомянувшиеся мною раньше, в другой статье, обстоятельства, которые сопровождали процесс Орсини, теперь сделались общей темой разговоров всего Парижа. В публике даже стало известно, что при просмотре обширной переписки Орсини и Пьерри были обнаружены письма Луи Наполеона, написанные им мимолетно, на ходу и подписанные его собственной рукой. Если бы французский «*Constitutionnel*» находился в том приятном положении, которое он занимал во времена Гизо, то каждый день нас угощали бы торжественной фразой: *L'horizon politique s'obscurcit*. [политический горизонт затемняется]. Так оно и есть на самом деле. Удручающее впечатление произвело в Тюильри ознакомление с поведением офицеров шалонского гарнизона и крайнее негодование вызвала наивность «*Moniteur*», который поведал Франции и Европе о том, что офицеры этого гарнизона, вместо того, чтобы поднять на смех всю историю, вызвать своих солдат или объявить о своей готовности сражаться против республики за империю, даже если бы республика была впрямь провозглашена в Париже, — они сразу побежали к супрефекту и отказались рисковать своей шкурой и своим положением ради императора, не удостоверившись заранее, была ли в самом деле провозглашена республика или нет. Этот факт доказывает, что на армейскую массу полагаться нельзя. Кроме ее высших чинов, которые или слишком сильно скомпрометировали себя, или получили такие блестящие награды, что они не могут или не хотят отделять свою судьбу от судьбы империи, существует, быть может, только одна часть войск, на которую можно целиком положиться. Это именно гвардия. Этот корпус действительно чрезвычайно силен и, несомненно, понимает, что при всяком другом правительстве он был бы влит в линейные войска, либо вообще распущен. Гвардейская пехота состоит из 4 гренадерских, 2 стрелковых полков, 1 полка жандармов, 1 полка зуавов и 1 батальона егерей, всего из 17 баталионов пехоты. Кроме того, в гвардии числятся 2 полка кирасир, 2 полка драгун, 1 конный гренадерский полк, 1 полк гусарский и 1 егерский полк, всего 21 эскадрон кавалерии. Гвардейская артиллерия представляет тоже довольно значительную силу. Вся численность гвардии равняется приблизительно 20 тысячам человек при 40 или 50 орудиях, — достаточно мощное ядро, чтобы нейтрализовать колеблющееся настроение, которое может овладеть

линейными полками в случае серьезной борьбы с парижским населением. Кроме того, правительством приняты все меры в целях быстрой концентрации войск из провинции, как это видно даже при беглом взгляде на железнодорожную карту Франции, так что движению, которое не захватит правительства врасплох, наверно придется иметь дело с внушительной силой в 60 — 80 тысяч человек. Но как раз эти принятые Бонапартом меры для подавления вооруженного восстания делают такую возможность мало вероятной; исключение возможно только в связи с каким-нибудь крупным, непредвиденным случаем, так, например, если, антибонапартистская оппозиционная буржуазия, тайные общества, обрабатывающие низшие слои армии, мелкая зависть и корыстные предательства орлеанских и легитимистских групп, вносящих раскол в ее высшие слои, определенно склонят чашу весов в пользу революционных масс. Самым худшим, что могло бы случиться для этих масс, было бы удачное покушение на жизнь Бонапарта. В этом случае мог бы оказаться пророчеством ответ, данный Морни в начале Крымской кампании на вопрос Бонапарта, что они предприняли бы в случае его внезапной смерти:

«Мы начали бы с того, что выбросили бы за окно всех Жеромов, а затем постарались бы как-нибудь столкнуться с орлеанской фамилией».

Прежде чем население предместий приняло бы решение относительно надлежащего образа действий, Морни мог бы выполнить свою дворцовую революцию, провозгласить Орлеанскую династию и, таким образом, перетянуть буржуазию в антиреволюционный лагерь.

Тем временем разочарования Бонапарта во внешней политике сильно толкают его на путь террора внутри страны. Каждая неудача, которую он терпит во-вне, выдает слабость его позиции и питает надежды его противников, и это с необходимостью влечет за собой новые проявления так называемой «твердой правительственной власти». Между тем эти внешние неудачи быстро накаплиются в течение последних недель. Прежде всего мы имеем в виду его неудачные отношения с Англией. Затем даже Швейцария, сделав ряд весьма трусливых уступок, набралась храбрости и запротестовала против дальнейших мер, которые самым бесцеремонным образом навязывались ей. Швейцарскому союзу было формально объявлено, что если окажется необходимым, то французские пехотные полки вступят в его пределы и выполнят те полицейские обязанности, которые не в состоянии выполнить сама швейцарская полиция. Тут даже г. Керн почел нужным потребовать свой паспорта, и французское правительство отступило. Бельгия, которая изменила свой закон под диктовку Бонапарта, отклонила его требования о высылке генерала Шангарнье. Комиссия

Пьемонтской палаты, которой было поручено рассмотреть законопроект о приспособлении сардинских учреждений к *Idées Napoléoniennes*, большинством 5 голосов против 2 предложила отвергнуть без всяких мотивировок бонапартистский проект. Австрия, вполне сознающая, что казнь Орсини с головой выдала ей героя Страсбурга и что последний уже не может более тревожить ее через Италию, проявляет к нему заметную холодность.

Попасть в смешное положение — это для французского правительства самый верный путь к самоуничтожению. Бонапарт сознает, в каком смешном свете выставили его последние неудачные попытки разыграть роль диктатора Европы. Чем более жалкой становится его позиция в Европе, тем острее он сознает необходимость казаться сильнее в самой Франции. Вследствие этого господство террора прогрессивно возрастает. Генерал Эспинас, поставленный во главе министерства внутренних дел, имеет теперь поддержку в лице бывшего гусарского полковника г. Буателя, стоящего во главе префектуры полиции. «Continental Review» так описывает систему, принятую этими военными опричниками Второй империи:

«Они взяли старые списки лиц, которые после политических волнений 1848 и 1851 гг. были признаны полицией опасными; стали их арестовывать массами как в Париже, так и в департаментах. Все это было сделано без какого бы то ни было расследования, давали ли с тех пор эти лица или нет какой-либо повод для жалоб против них, и результаты получились самые тяжелые. Так, ряд честных граждан, сочувствовавших передовым идеям, но затем вовсе оставивших политику (причем многие из них уже отцы семейства и трудолюбивые торговцы), были вырваны полицией из среды их семейств и оторваны от их занятий. Известны факты, которые показывают, как мало оснований имелось для их ареста и насколько отсутствовала даже видимость законности или необходимости террора. Среди лиц, которых полиция пыталась арестовать, встречались такие, которые уже не менее 6 лет находились вне Франции и, следовательно, не могли совершить никакого преступления, тем не менее, если бы они оказались в этот момент во Франции, то они неминуемо были бы брошены в тюрьму под предлогом «общественной безопасности». Были даже такие случаи, когда полиция являлась с целью ареста в дома таких лиц, которые умерли несколько лет тому назад. Их имена значились в списках лиц, арестованных когда-то прежде (причем многие из них арестованы были только потому, что оказались среди уличной толпы, что и было их единственным преступлением). Таким образом, ясно, что полиция воюет не против виновных, а против подозреваемых, и способ, каким выполняется закон, сам по себе оправдывает название, данное ему общественным мнением. В департаментах дело обстоит приблизительно так же, как в Париже. Списки подозреваемых были составлены администрацией, и горе тем, которые на последних июльских выборах отважились выступать против кандидатов, рекомендованных префектом, и, считая конституцию, избирательный закон и циркуляры министра внутренних дел чем-то реальным, воображали, что они могут избирать кандидатов по своему выбору. Эти кандидаты

теперь будут рассматриваться как наихудшие преступники, и нужно быть очень богатым и влиятельным, либо пользоваться покровительством сильных друзей, чтобы избежать мести тех чиновников, которым они осмелились стать поперек дороги. Среди лиц, арестованных в провинции, значится имя генерала Куртэ, который был в 1848 г. главнокомандующим парижской Национальной гвардии, но последние 9 лет жил в полном уединении на хуторе Аллье, вдали от общества, от политики и общественных дел.

При такой «общественной безопасности», при этих судорогах торгового кризиса, ставшего хроническим, французская буржуазия будет скоро доведена до того предела, когда революция будет представляться ее сознанию как необходимость для восстановления доверия.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5287 от 1 апреля 1858 г.

Без подписи.

НАЗНАЧЕНИЕ ПЕЛИССЬЕ В АНГЛИЮ.

Париж, 27 марта 1858 г.

Самое трудное из всех положений для правительства — это положение штатского человека во главе деспотического военного государства. На Востоке эта трудность более или менее устраняется тем, что деспота превращают в бога: приписываемые правителю теократические качества не позволяют ставить его на одну доску с его военным сословием. В императорском Риме обожествление императоров не давало такой защиты, но и там оно вытекало из той же необходимости. Луи Бонапарт — тоже штатский; хотя он и издал историю пушки, но он не может воспользоваться римским прецедентом. Отсюда происходят и нарастают все его затруднения. По мере того как Франции становится невтерпеж нести иго армии, армия становится все смелее в своем стремлении запрячь в свое иго Бонапарта. После 10 декабря Бонапарт мог льстить себя мыслью, что он — избранник крестьянства, т. е. подавляющего большинства французского народа. Со времени покушения 14 января он знает, что он существует только милостью армии. Поскольку он был вынужден признать, что он правит благодаря армии, армия совершенно естественно стала стараться править через него.

Разделение Франции на 5 пашалыков было поэтому лишь предлюдей к назначению Эспинаса министром внутренних дел. Затем последовало назначение главы парижской полиции В. Буателя, который в 1830 г. был унтер-офицером и служил в одном полку с Персини в Лафере. Когда разразилась июльская революция, он заставлял своих товарищей кричать: «Да здравствует Наполеон II!» Возвеличение Буателя подерживается назначением Пелиссье, герцога Малаховского, представителем его императорского величества при Сент-Джемском дворе. Это назначение должно польстить армии, и вместе с тем оно означает угрозу по адресу Англии. Правда, «Moniteur» пытается представить его как комплимент Джону Буллю, но Вейо из «Univers», который, как известно, имеет свои *petites et grandes entrées* [маленькие и большие входы] в Тюильри, предсказывал это событие в яростной статье, в которой была, между прочим, такая замечательная фраза:

«Гордость Англии уязвлена, нанесенная ей рана уже стара. Она нанесена ей в Крыму, при Альме, на Инкермане, на Малаховом кургане, повсюду, где французы были первыми и глубже всех проникали в ряды неприятеля. Сент-Арно, Боске, Канробер, Пелиссье, Мак-Магон — вот люди, которые нанесли удар гордости Англии».

Словом, Наполеон III отправил в Лондон своего Меньшикова, от которого, кстати сказать, он скорее рад на некоторое время отделаться, поскольку Пелиссье занял фрондерскую позицию с того момента, как было отменено его назначение главнокомандующим 5 пашалыков. Как только эта новость стала известна, парижская биржа немедленно реагировала понижением.

Пелиссье имеет не один повод излить свою злобу на Англию. В 1842 г. Пальмерстон перед своими избирателями в Тивертоне публично заклеил его назвав его чудовищем и дал сигнал для всеобщего поношения его в лондонской прессе. После Крымской войны в палате общин генерал де-Ласи Эванс более чем прозрачно намекнул на то, что главным виновником неудач английской армии под Севастополем был Пелиссье. Британская пресса также весьма грубо обошлась с ним, комментируя намеки генерала Эванса. Наконец, на одном банкете в честь генералов Крымской войны Пелиссье попросту присвоил французскому оружию всю ее славу (если можно говорить о славе), даже не удостоив упоминанием сотрудничество Джона Булля. В свою очередь, лондонская пресса в отместку разобрала по косточкам самого Пелиссье. Кроме того, Пелиссье, как известно, по своему характеру не способен играть роль той личности из греческой мифологии, которая одна умела излечивать ею же нанесенные раны. Все же мы не можем согласиться с мнением тех лондонских газет, которые, возвышаясь до римских настроений, предостерегают консулов принимать меры, «чтобы республика не потерпела ущерба». Пелиссье собирается застрашивать, но он вовсе не думает о войне. Его назначение просто-напросто театральный жест.

Широкая канава, отделяющая «коварный Альбион» от «прекрасной Франции», представляет собою своего рода «Lacus Curtius»¹, — но Бонапарт отнюдь не тот романтический юноша, который готов броситься в пропасть, чтобы закрыть ее зев. Во всей Европе он лучше всех знает, что его хрупкая основа власти зависит от союза с Англией, но эта истина для мстителя за Ватерлоо — роковая, и ему приходится во что бы то ни стало скрывать ее от своих вооруженных опричников,

¹ Римский юноша, геройски бросившийся в провал, происшедший на форуме от землетрясения и после этого закрывшийся; это место по его имени названо Lacus Curtius. *Ред.*

жестоко браня с этой целью Джона Булля, а самый союз драпировать в форму вассалитета, якобы наложенного Францией на Англию с согласия последней.

Такова опаснейшая игра Бонапарта, которая может, пожалуй, скорее приблизить, чем отодвинуть, как он рассчитывает, его конец. Если Пелиссье провалится во взятой им на себя миссии застрачивания Англии — а это наверное так и будет, — то последняя карта окажется битой, и театральные жесты придется заменить реальными действиями, иначе Бонапарт разоблачит себя перед армией как явного обманщика, который прячет за наполеоновской осанкой печальную фигуру лондонского констебля 10 апреля 1848 года.

В действительности только союз с Англией дал возможность племяннику некоторое время копировать дядюшку. Близкая связь между Англией и Францией, нанеся смертельный удар Священному союзу и сведя на-нет европейское равновесие, естественно, придала Бонапарту, представителю этого союза на континенте, вид вершителя судеб Европы. Пока война с Россией и внутреннее состояние Франции позволяли ему играть эту роль, он был только рад удовольствоваться этим скорее символическим, нежели реальным верховенством. Но с тех пор, как мир царит в Европе, а армия властвует во Франции, все положение изменилось. Теперь армия требует, чтобы он, как истинный Наполеон, показал, что он является диктатором Европы не по доверенности Англии, а вопреки ей. Отсюда и идут его затруднения. С одной стороны — он застрачивает Джона Булля, с другой — он тут же старается его уверить, что он не имеет никаких злых умыслов. Он скорее даже просит его сделать из вежливости вид, будто он боится мнимых угроз «августейшего союзника». Но это как раз самый верный путь к тому, чтобы сделать Джона Булля твердым: Джон Булль понимает, что не рискует решительно ничем, становясь в позу героя.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5299 от 15 апреля 1858 г.

Без подписи.

МАДЗИНИ И НАПОЛЕОН.

Недавно Мадзини отправил французскому императору письмо, которое, пожалуй, с точки зрения литературной должно занять первое место среди произведений его пера. В нем найдется лишь немного следов той псевдо-возвышенности, напыщенной величавости, многоречивости и пророческого мистицизма, которые являются столь характерными для писаний Мадзини и, можно сказать, представляют отличительную черту той школы итальянской литературы, основателем которой он является. В письме заметна также значительная широта взглядов. До сих пор Мадзини представлял собою главу республиканских формалистов Европы. Обращая внимание исключительно на политические формы государства, эти люди не сумели разглядеть организацию общества, как основу, на которой покоится политическая надстройка. Кичась своим ложным идеализмом, они считали ниже своего достоинства знакомиться с экономической действительностью. Нет ничего легче, как быть идеалистом за счет других. Человеку пресыщенному легко смеяться над материализмом людей голодных, просящих грубого хлеба, а не возвышенных идей. Триумвирам Римской республики 1848 г., предоставившим крестьянам Кампаньи пребывать в более безнадежном порабощении, нежели рабство их предков эпохи Римской империи, было легко разглагольствовать насчет низкого духовного уровня сельского населения.

Подлинный прогресс в современной историографии был достигнут в результате того, что историки с поверхности политических форм спустились в недра социальной жизни. Выяснением различных фаз развития земельной собственности в древнем Риме Дюро де ла Малль дал ключ к пониманию судеб востительницы мира, римской городской общины, рядом с которым «Рассуждения о величии и падении Рима» Монтескье кажутся чуть ли не школьной декламацией. Своими тщательными исследованиями экономических условий, превративших польских крестьян из свободных в крепостных, старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения порабощения своей родины, нежели целая толпа писателей, у которых весь багаж сводится просто к ругательствам по адресу России. Теперь и Мадзини не брезгает об-

ращать внимание на социальную действительность, на интересы различных классов, на экспорт и импорт товаров, на цены предметов первой необходимости, на квартирную плату и тому подобные вульгарные вещи, будучи, быть может, под впечатлением того мощного, если не рокового, толчка, который получила Французская империя не от манифестов демократических комитетов, а от экономического потрясения, начавшегося в Нью-Йорке и охватившего весь мир. Будем надеяться, что он не остановится на этой точке и не поддаваясь ложному самолюбию, приступит к переработке всего своего политического катехизиса в свете экономической науки. Его письмо начинается энергичным обращением к Луи Наполеону.

«Сроки близятся, волна, вынесшая на своем гребне империю, видимо, покатилась обратно. Это чувствуете также и Вы. Все меры, которые Вы приняли во Франции с 14 января, все дипломатические ноты и призывы, которые Вы с этого рокового дня разбрасывали на все четыре стороны, говорят о Вашем беспокойстве и ужасе. Беспреданная агония, как некогда у Макбета, гнетет Вашу душу и выдает себя во всем, что бы Вы ни говорили или делали. Внутри Вас, в Вашей душе живет предчувствие, что приходит *summa dies et ineluctabile fatum*¹. Как некогда «Гламисский тан, Кавдорский тан и король», так теперь претендент, президент и узурпатор обречен на гибель. Чары рассеялись. Совесть человечества пробудилась; сурово глядит она на Вас; она стоит лицом к лицу с Вами, проверяет Ваши деяния и требует от Вас отчета в Ваших обещаниях. Огненные Ваша судьба запечатлена. Вам осталось жить месяцы, но не годы».

Возвестив таким образом гибель Второй империи, Мадзини сопоставляет нынешнее экономическое положение Франции с заманчивыми обещаниями Наполеона всеобщего благоденствия в будущем.

«Когда Вы беззаконно захватили власть, то в искупление ее происхождение Вы обещали, что будете править так, чтобы беспокойную, мятежную и тревожную Францию привести в состояние внутреннего мира. Но сажать в тюрьму, зажимать рот, отправлять в ссылку — разве значит *управлять*? Разве жандарм является учителем? Разве шпион есть апостол нравственности и взаимного доверия? Необразованному французскому крестьянству Вы сказали, что вместе с Вашей империей наступает для него новая эра, что тягости, под которым он стонет, исчезнут вовсе, одна за другой. Исчезла ли хоть одна? Можете ли Вы указать хоть единственное улучшение в его доле, исчезновение хоть одной статьи в его налоговом бремени? Можете ли Вы объяснить, почему крестьянин записывается теперь в члены общества Марианны?² Можете ли Вы отрицать, что поглощение капиталов, которые раньше естественно предназначались для сельского хозяйства, через открытые Вами, каналы предпринимательской спекуляции, лишило

¹ Стих из Вергилия, *Aeneis*, II, 324, II, цитируемый Мадзини не совсем точно: (*venit*) *summa dies et ineluctabile tempus* (*Dardaniue*) наступил последний день и неизбежный час Трои. *Ред.*

² Тайное революционное общество. *Ред.*

возможности найти кредиты для покупки рабочего инвентаря и мелиорации земли? Сбитого с толку рабочего Вы приманивали заявлениями, что Вы будете «императором народных масс», своего рода преобразованным Генрихом IV, что Вы доставите рабочему непрерывную работу, высокую заработную плату и «курицу на обед» по воскресным дням. Не слишком ли вздорожала курица во Франции как раз теперь? А квартирная плата, а некоторые из предметов первой необходимости, не вздорожали ли они еще больше? Вы открыли новые улицы, Вы проломали их и построили вновь для того, чтобы создать новые линии сообщения для Ваших стратегических задач подавления восстания. Но разве масса рабочего класса занята в отраслях строительства, пользующихся Вашими милостями? Можете ли Вы бесконечно переворачивать верх дном Париж и главные провинциальные города с целью создать источник заработка для пролетариев? Можете ли Вы даже мечтать о том, чтобы такими искусственным, временным средством заменить правильный, нормальный прогресс и окупающее само себя производство? Разве производство находится теперь в удовлетворительном состоянии? Разве три пятых токарей, плотников, механиков не сидят сейчас в Париже без работы? Легко поддающимся всяким страхам, легко поддающимся гипнозу буржуа Вы навевали фантастические сны и надежды на удвоенную промышленную деятельность, на новые источники прибыли, на Эльдорадо усиленного вывоза и международного обмена. Где все это? Всей промышленной жизнью Франции овладевает застой, торговые заказы сокращаются, капитал начинает уплывать. Подобно варвару, Вы срубили дерево, чтобы сорвать его плод. Вы искусственно, сверх всякой меры, поощряли дикую, безнравственную, много обещающую и никогда не выполняющую своих обещаний спекуляцию. Раздутыми, гигантски преувеличенными проектами Вы привлекли в Париж сбережения мелких капиталистов со всех четырех концов Франции и отвлекли их от единственного подлинного постоянного источника национального богатства—от сельского хозяйства, торговли и промышленности. Эти сбережения как бы провалились в бездну и исчезли в руках нескольких десятков крупных спекулянтов; они расточались на незнающую границ непроизводительную роскошь, либо же они были спокойно и благоразумно переведены в безопасные чужие страны, — в пример последнего я мог бы указать на членов Вашей же семьи. Половина всех этих проектов исчезла в небытие и забыта. Часть их авторов из предосторожности путешествует по чужим странам. Теперь Вы стоите лицом к лицу с недовольной буржуазией; Ваши обычные ресурсы иссякли; Вас, как кошмар, преследует мысль о 500 млн. фр., растроченных на непроизводительные общественные работы в главных городах Франции; Ваш последний бюджет явно показывает дефицит в 300 млн. франков; город Париж находится в крайней задолженности, и в качестве средств у него не остается никакого выхода кроме поисков нового займа в 160 млн., но не от Вашего имени, что не дало бы никаких результатов, а от имени самого же города, для покрытия же процентов этого займа придется расширить линию ненавистной населения городской пошрины до внешних форгов города. Это последнее средство тяжким бременем ляжет на рабочий класс и настроит против Вас преданные Вам доныне предместья. Искусственные способы, находившиеся в Вашем распоряжении, приходят к концу; отныне все, что бы Вы ни делали для устранения финансовых трудностей Вашего положения, все это будет лишь отмечать шаг вперед по роковой наклонной плоскости. До сих пор Ваше существование зависело от бесконечной цепи займов и кредита, но где теперь Ваша гарантия для дальней-

шого кредита? Рим и Наполеон грабили мир; Вы же можете грабить только Францию. Их армии могли жить завоеваниями, Ваша армия не может этого. Вы можете мечтать о завоеваниях, но Вы не можете, не смеете отважиться на них! Римские диктаторы и Ваш дядя вели за собою победоносные армии; и как бы Вы ни любили блеск золоченых парадных мундиров, я сомневаюсь, чтобы Вы были способны командовать отрядом хотя бы из нескольких батальонов».

От материальных перспектив Второй империи Мадзини переходит к ее моральным перспективам. Разумеется, он чувствует некоторое затруднение, подытоживая доказательства в пользу тезиса, что свобода не носит бонапартовской ливреи. Не только в своей тяжелой форме, но и по своей внутренней сути, в своей интеллектуальной жизни свобода превратилась в сухую мумию от прикосновения этих «трупотворцев» минувшей эпохи. Неудивительно, что представители мыслящей Франции, в общем никогда не отличавшиеся чрезмерной щепетильностью своей политической совести и всегда охотно составлявшие свиту любому режиму, от регента до Робеспьера, от Людовика XIV до Луи-Филиппа, от Первой империи до Второй республики, ныне, в первый раз в истории Франции, массою отвернулись от существующего правительства.

«От Тьера до Гизо, от Кузена до Вильмена, от Мишле до Жана Рено интеллектуальная Франция убегает от оскверняющего соприкосновения с Вами. Ваши люди — это Вейо, апологет Варфоломеевской ночи и инквизиции, Гранье де-Кассаньяк, покровитель невольничества негров, и им подобные. Чтобы найти лицо, достойное своим авторитетом санкционировать Ваш памфлет, обращенный к Англии, Вам приходится искать человека, являющегося отступником легитимизма и отступником республиканцев».

Затем Мадзини, верно истолковывая истинное значение события 14 января, заявляет, что бомбы, миновавшие императора, поразили империю и вскрыли внутреннюю пустоту его хвостовства:

«Еще недавно Вы хвалились перед Европой, что сердце Франции, спокойной, счастливой и безмятежной, принадлежит Вам, что она осыпала вас благо словлениями как своего спасителя. Прошло несколько месяцев, и на улице Лепельтье раздался взрыв, и Вашими дикими паническими репрессивными мерами, Вашими полугрозами, полумольбами к Европе, Вашим военным делением страны, Вашим назначением в министры внутренних дел военного генерала Вы заявляете теперь, после 7 лет неограниченного владычества, при концентрированной громоздкой армии, при нации, очищенной от всех внушающих опасения вождей, что Вы не можете существовать и править, если Франция не превратится в одну огромную Бастилию, а Европа — в простой департамент императорской полиции... Да, империя оказалась ложью, Вы, милостивый государь, создали ее по Вашему собственному подобию. В течение последнего полувека никто, кроме Талейрана, не лгал в Европе столько, сколько Вы; в *этом* и заключается секрет Вашего временного владычества».

Затем письмо резюмирует все лживые заявления спасителя общества начиная с 1831 г., когда он присоединился к восстанию римского населения против папы как к «священному делу», и кончая 1851 г., когда за несколько дней до государственного переворота он сказал армии: «Я не прошу у вас ничего, кроме моего права, признанного за мной конституцией», а 2 декабря, когда окончательный результат его узурпаторских проектов оставался еще нерешенным, он объявил, что «его долг защищать республику».

Наконец, Мадзини напрямик заявляет Наполеону, что если бы не Англия, то он уже стал бы жертвой революции. Опровергнув притязание Наполеона на основание союза между Францией и Англией, он заключает такими словами:

«Что бы ни говорила лживая, притворная дипломатия, Вы, милостивый государь, стоите одиноко в целой Европе».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5321 от 11 мая 1858 г.

Без подписи.

* ФИНАНСОВЫЕ МАНЕВРЫ БОНАПАРТА.

Париж, 27 мая 1858 г.

Теперь уже нельзя сказать, что состояние развала, в каком находится бонапартовское казначейство, может вызывать какие-либо споры. Сам «спаситель собственности» откровенно признал это. Иначе нельзя объяснить циркулярное обращение генерала Эпинаса к французским префектам, приглашающее их оказать свое влияние, а «если нужно, то применить и власть», с целью заставить попечителей больниц и прочих благотворительных учреждений обратить недвижимую собственность, из которой они извлекают свои доходы, в трехпроцентные консоли. Эта собственность составляет сумму в 100 млн. фр., но, как сеголет Бонапарт от имени бедняков, она приносит не более $2\frac{1}{2}\%$ дохода. Если ее вложить в государственные бумаги, то доход повысится, по крайней мере, в полтора раза. В своей отечественной заботе Бонапарт еще недавно просил государственный совет внести закон об обращении земельной собственности благотворительных учреждений в государственные бумаги, но, как это ни странно, его собственный государственный совет упрямо отказался понять сделанный ему намек. То, что Бонапарту не удалось выполнить законодательным путем, он пытается теперь осуществить «по линии исполнительной власти», путем военного приказа. Находятся достаточно простодушные люди, которые воображают, что все, что он хочет, — это увеличить таким манером государственные фонды. Однако ничего подобного. Если бы вышеупомянутая земельная собственность была продана по своей номинальной стоимости в 100 млн. фр., то значительная часть денег для ее покупки была бы, конечно, взята из того капитала, который до сих пор был вложен в консоли и прочие государственные бумаги, так что искусственно созданный спрос на фонды был бы покрыт массовым выбрасыванием их на открытый рынок. В результате могло бы даже получиться дальнейшее обесценение их. Но план Бонапарта более солиден и прост. Взамен 100 млн. фр. земельной собственности он намеревается создать 100 млн. фр. новых *рент*. Одной рукой он собирается захватить собственность благотворительных учреждений, а другой —

вознаградить их выдачей им чека на долговую книгу нации. Мы уже имели случай, при анализе закона 1857 г. о Французском банке, указывать на колоссальные привилегии, пожалованные Бонапартом банку за счет государства в целях обеспечения себе жалкого запаса в 20 млн. долларов. Мы тогда считали этот закон о Французском банке воплем отчаяния со стороны «спасителя общества», но с тех пор катастрофа, обрушившаяся на французскую торговлю, промышленность и сельское хозяйство, ударила рикошетом также по назначеству, расходы которого в то же время повышались в ужасающей пропорции. Министерства фактически требуют в 1858 г. на 79 804 004 фр. больше, чем в 1855 г.; расход на одну только армию составляет 51% всех доходов страны. «Crédit Mobilier» не в состоянии выплатить дивиденды собственным акционерам, и если ближе присмотреться к его последнему отчету, который показывает значительное превышение пассива над активом, то он уже не может, по примеру 1854 и 1855 гг., притти на выручку и помочь выпустить заем на «демократических» началах. Таким образом, Бонапарту не остается ничего иного, как вернуться к своим первоначальным принципам государственного переворота в области финансовой, так же, как ему это пришлось уже сделать в области политической. Финансовая политика, начатая кражей из подвалов банка 25 млн. фр. и в дальнейшем выразившаяся в конфискации имений орлеанской фамилии, получает теперь свое дальнейшее развитие в форме конфискации собственности благотворительных учреждений.

Однако эта последняя операция будет стоить Бонапарту одной из его армий, а именно армии попов, управляющих огромным большинством благотворительных учреждений. Уже «Univers», впервые со времени государственного переворота, отваживается открыто не соглашаться с «спасителем общества» и даже умоляет «Siècle» объединиться для борьбы с этим агрессивным планом против «частной собственности».

В то время как «старший сын церкви» попадает в довольно двусмысленное положение в отношении своей священной армии, его довольно грешная земная армия одновременно грозит неповиновением. Если он всерьез попытается помешать развлечениям таких героев, как гг. де-Марсе, Леоде и Гиенн, то он потеряет свой авторитет над единственной частью армии, на которую он может положиться. Если же он позволит поднять голову той преторианской распущенности, которую он систематически поощрял с самого дня парада в лагере Сатори, то наступит конец всякой дисциплине, и армия окажется неспособной выдержать малейший внешний толчок. Еще одно такое событие,

как убийство редактора «Figaro», и этот толчок будет дан. О господствующем повсюду общем негодовании можно судить по тому факту, что, когда весть о дуэли долетела до Парижа, то сколо 5 тысяч молодых людей толпами стеклись в редакции «Figaro» прося занести их имена в список лиц, готовых драться с любым подпоручиком, который принял бы вызов. Конечно, «Figaro» является такой же бонапартовской креатурой, возглавляющей тот сорт журналистики скандала, шантажа и клеветы, который сразу вырос вслед за насильственным подавлением политической печати, найдя благоприятную почву для своего пышного расцвета в условиях нынешней «малой» империи. То, что сигнал к предстоящему столкновению может дать кровавая склока между литературными и военными представителями бонапартовской благородной черни, является очень острым штрихом исторической иронии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5318 от 11 июня 1858 г.

Без подписи.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МОНТАЛАМБЕРА.

Париж, 6 ноября 1858 г.

Граф Монталамбер был первым более и менее известным человеком во Франции, примкнувшим к государственному перевороту Луи Наполеона. При Луи-Филиппе он представлял католическую партию в палате депутатов; при республике он принадлежал к той реакционной партии в Национальном собрании из орлеанистов и легитимистов, которая с виду приняла республику с тем, чтобы потом ее лучше подорвать. Надеясь подготовить восстановление той или другой линии Бурбонов, она в действительности играла в руку тому самому Бонапарту, который в одно прекрасное утро арестовал, разогнал их всех и завладел абсолютной властью милостью пьяной солдатчины. Подвергшись, среди прочих, этому насильственному разгону, будучи сам по своему прошлому орлеанистом, Монталамбер был первым и, за «единственным презренным исключением» г. Дюпена, остается и поныне единственным деятелем во Франции с большой парламентской репутацией, который перешел в бонапартистский лагерь. В условиях политического паралича, поразившего в то время всю Францию, это дезертирство Монталамбера было фактом большого значения; оно было важным фактом для нового правительства, еще отделенного от всей Франции стеной солдатчины, составлявшей его оградительный заслон. Монталамбера подкупило определенно выраженное католическое направление, по которому пошло правительство Луи Наполеона. Ходят слухи, что была дана и принята также и другая, более солидная взятка; некоторое время Монталамбер поддерживал правительство в качестве члена Законодательного корпуса; он подхалимствовал и льстил человеку, который заменил парламентские дебаты военной диктатурой; он был достаточно низок, чтобы считать честью для себя попасть в число тех пешек, которым удачливый узурпатор поручал голосовать законы и кредиты под свою диктовку, голосовать и не говорить, а если и говорить, то лишь в похвалу ему. Но за такое самоунижение он не получил никакой награды; он сделал свое дело; он навсегда отдалил себя от своих прежних политических друзей; он был навсегда скомпрометирован; он больше никогда

не мог стать опасным противником; его высосали, как апельсин, — к чему было церемониться с ним дальше? Монталамбер, перестав быть предметом внимания, открыл, что способ, которым Луи Бонапарт спас и продолжал спасать Францию, заставляя всех поступать по-своему, в конце концов был не тем способом, который требовался. Он невольно сравнивал свое положение в палате депутатов с тем положением, которое он занимал в этом же самом здании 10 или 20 лет тому назад, и постепенно стал переходить в оппозицию правительству. До известной степени это ему разрешали; было даже позволено напечатать его первые две или три речи. С этих пор он, а также несколько республиканских депутатов, принесших верноподданническую присягу, и несколько недовольных бонапартистов составляют в этом жалком Собрании нечто вроде оппозиции, такой же жалкой, как и учреждение, к которому она принадлежит.

Эта оппозиция дальнейшим посягательствам императора, повидимому, доставила Монталамберу кой-какую жиденькую популярность среди некоторой части буржуазии, и он, очевидно, ждал случая закрепить за собою это преимущества каким-нибудь смелым и неожиданным выступлением. Он был связан с «Correspondant», журналом, почти целиком принадлежащим фамилии Брольи и поэтому держащимся в политике орлеанистской ориентации. Пользуясь отсутствием владельцев из Парижа, он постарался поместить в журнале свою статью под заглавием «Дебаты об Индии в британском парламенте», которая в своем настоящем виде не была бы допущена, если бы осторожные и робкие Брольи были в Париже и могли оказать свое влияние. В этой статье Монталамбер пытается загладить свой переход на сторону Бонапарта; превознося до небес парламентское правление Англии, он весьма недвусмысленно осуждает нынешнюю правительственную систему Франции.

«Когда мои уши оглушаются иногда жужжанием хроникеров передних, а иногда криками фанатиков, воображающих себя нашими господами, или лицемеров, считающих нас своими жертвами, когда на меня давит тяжесть атмосферы, наполненной миазмами раболепия и подкупности, то я спешу вдохнуть в себя более чистый воздух и погрузиться в живительное море политических свобод Англии... Если среди развернувших эти странички есть такие, которые находятся под властью этой (бонапартистской и абсолютистской) моды, то я говорю им без церемонии: бросьте чтение, не идите дальше; ничего из того, что я собираюсь писать, не может вам понравиться или вас заинтересовать; ступайте мирно пережевывать вашу жвачку среди тучных пастбищ вашего самодовольного покоя и не завидуйте тем, которые, не питая к вам зависти, пользуются *правом оставаться верными своему прошлому*, усилиям своей мысли и своим стремлениям к свободе... Я пришел впервые от этого грандиозного зрелища (дебатов в палате общин), полный волнения, как всякий человек, который видит в

правительстве нечто большее, нежели лакейскую, и который ожидает встретить в цивилизованной нации нечто лучшее, нежели стадо овец, годных только для ножниц или для щипанья травки в полном молчании под сенью расслабляющей тишины и спокойствия».

Это звучит очень хорошо и даже звонко. Джон Буль, в последнее время привыкший получать от французской прессы только грубости и насмешки, конечно, чрезвычайно благодарен за лесть, которой Монталамбер осыпал его; он настолько благодарен, что он и не подумал заглянуть в то «прошлое», которому, по его собственным словам, Монталамбер остался верен. Факт тот, что Монталамбер, по собственной свободной воле, присоединился к тем хроникерам передней, к тем фанатикам и лицемерам, чьи жужжание и крики теперь оглушают его уши; ему некого винить, кроме самого себя, если он преднамеренно и сознательно опустил в ту насыщенную миазмами рабобления и продажности атмосферу, тяжесть которой гнетет его. Если «во Франциновойей модой является выражать отвращение ко всему, что похоже на воспоминание или сожаление о прошлой политической жизни», то г. де-Монталамбер был одним из первых, который ввел эту моду, когда он с барабанным боем и развернутыми знаменами перешел в тот самый лагерь, который провозгласил новую эру, основанную на полном и окончательном разрушении «прошлой политической жизни». Что касается людей, которые довольствуются мирной жвачкой среди тучных пастбищ их самодовольного покоя, то Монталамбер не может порицать их. Государственный переворот был произведен как раз под предлогом успокоить политические страсти и открыть эпоху этого самого мира и самодовольного покоя; и если Монталамбер не примкнул к государственному перевороту на этой самой почве, то на какой вообще почве он к нему примкнул? Поистине, что бы мы ни говорили против Луи Наполеона, но его нельзя обвинить в том, что после государственного переворота он маскировал свою политику или свои намерения. Не могло быть и не было никакой ошибки насчет его намерения превратить французский народ в стадо овец, пригодных только для ножниц или для щипанья травки в молчании под сенью расслабляющей тишины и спокойствия. Монталамбер это знал, как и остальной мир. Если теперь он поднимается во весь рост и призывает нас восхищаться им, как человеком, который, не питая зависти к своим бывшим бонапартистским друзьям, остается верен своему прошлому, то нам приходится спросить его: какое прошлое понимаете вы, г. де-Монталамбер? Ваше ли прошлое монархической палаты, где вы говорили и голосовали в интересах реакции, репрессии и поповского фанатизма? Или ваше прошлое республиканского

собрания, когда вы тайно сговаривались со множеством ваших старых парламентских друзей о восстановлении монархии, когда вы своим голосованием по частям сдавали народные свободы, свободу печати, свободу собраний и союзов и когда вы собственноручно выковывали оружие для того самого авантюриста, который этим же оружием выкинул вас и ваших сообщников за двери? Или, наконец, вы разумеете ваше прошлое бонапартовского Законодательного корпуса, где вы смиренно вели себя перед этим самым удачливым авантюристом и добровольно и намеренно перешли на его сторону в качестве одного из лакеев его приемной? Какое из этих трех прошлых, г. де-Монталамбер, заключает в себе ваши стремления к свободе? Мы склонны думать, что от большинства людей потребовалось бы много «усилий мысли», чтобы открыть это прошлое. Тем временем правительство Луи Наполеона отомстило своему неверному приверженцу судебными преследованиями, и судебный процесс произойдет в течение этого месяца. Тогда у нас будет случай сравнить благородное негодование Монталамбера с благородным негодованием бонапартовского прокурора; и мы уже теперь можем сказать, что по части искренности они оба окажутся приблизительно равными. Самый процесс вызовет во Франции не малую сенсацию, и, каков бы ни был его результат, он составит важный факт в истории Второй империи. Самый факт, что Монталамбер счел необходимым демонстративно порвать с существующим правительством и вызвать против себя преследование, является знаменательным доказательством того, что у французской буржуазии начинает пробуждаться политическая жизнь. Только полная апатия, политически-разочарованное состояние умов этого класса позволило Луи Наполеону установить свою власть. Имея против себя только парламент, который не опирался ни на буржуазию, ни на рабочий класс, он располагал пассивной поддержкой буржуазии и активным содействием армии. Члены парламента были разбиты сразу, а рабочий класс — лишь после месячной борьбы по всей Франции. В течение долгого времени буржуазия повиновалась, — правда, ворча, но все же повиновалась и смотрела на Наполеона как на спасителя общества и потому как на необходимого человека.

Теперь, повидимому, буржуазия постепенно изменила свое мнение. Она жаждет возвращения того времени, когда она, или, по крайней мере, часть ее, управляла страной, и ораторская трибуна и печать были полны речей лишь о ее собственных политических и общественных интересах. Она, очевидно, снова начинает питать уверенность в себе и в своей способности править страной, а если это так, то она найдет способ выявить это. Таким образом, во Франции

можно ожидать буржуазного движения, соответствующего тому, которое ныне происходит в Пруссии и которое является таким же несомненным предшественником нового революционного движения, как итальянское буржуазное движение 1846—1847 гг. было провозвестником революции 1848 года. Повидимому, Луи-Наполеон полностью сознает это. В Шербурге он сказал одному человеку, которого он не видал много лет:

«Жаль, что образованные классы страны не желают идти со мною; это их дело; но армия со мною, и мне безразлично».

Но он очень скоро увидит, что станет с армией, — в особенности армией, имеющей таких офицеров и генералов, как его, — как только масса буржуазии станет в открытую оппозицию. Во всяком случае для европейского континента наступают тревожные времена.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5489 от 24 ноября 1858 г.

Без подписи.

ПРОЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН НА ХЛЕБ ВО ФРАНЦИИ.

Французский император только что предпринял выполнение своего любимого проекта, а именно регулирование цен на хлеб по всей империи. Эту идею он определенно выдвинул еще в 1854 г. в своей речи к Законодательному корпусу в связи с объявлением войны России. Его тогдашние высказывания по этому вопросу заслуживают внимания, и мы поэтому цитируем их выдержки:

«В особенности я рекомендую вашему вниманию систему, принятую ныне городом Парижем, ибо если она, как я надеюсь, распространится по всей Франции, то она в будущем предупредит те крайние колебания в цене зерна, которые в моменты изобилия вызывают застой в земледелии по причине низких цен на пшеницу, а в годы неурожая вызывают тяжкие страдания бедным классам по причине ее дороговизны. Эта система состоит в том, чтобы создать по всем крупным центрам населения кредитные учреждения под названием «Хлебопекарные банки» (Caisse de la Boulangerie), которые в годы дороговизны смогут доставлять хлеб по цене неизмеримо более низкой, чем его официальная рыночная цена, при условии, что в годы изобилия цена будет несколько повышена. Так как хорошие урожаи в общем более многочисленны, чем плохие, то легко понять, что не трудно будет осуществить выравнивание цен по тем и другим годам. Помимо этого, получится огромный выигрыш оттого, что будут существовать кредитные общества, которые, вместо того, чтобы получать выгоду от повышения цены на хлеб, будут, подобно всем, заинтересованы в его дешевизне, ибо в противоположность тому, что было до настоящего времени, эти общества будут получать доход в урожайные годы и терпеть убыток в годы дороговизны».

Принцип, формулированный в этих словах, заключается в том, чтобы продавать хлеб «неизмеримо» ниже рыночной цены в неурожайный год и лишь немного выше этой самой цены в год урожайный, причем компенсация должна получиться в связи с надеждой, что число урожайных годов значительно превысит число плохих. Когда императорский декрет еще в декабре 1853 г. учредил в Париже Хлебопекарный банк, то максимальная цена на четырехфунтовую булку была установлена в 40 сант.; пекари получили право требовать компенсацию за свои потери от банка, который, в свою очередь, увеличил свои фонды выпуском облигаций, гарантированных муниципалитетом, а этот последний, со своей стороны, увеличил гарантийный

фонд заключением новых займов и повышением акцизной пошлины на предметы потребления, взимаемые у парижских застав. Кроме того, некоторая сумма была непосредственно отпущена правительством из средств государственного казначейства. В конце 1854 г. долги парижского муниципалитета по этой линии вместе с денежными суммами правительства достигли общей суммы в 80 млн. франков. Тогда правительство было принуждено отступить и последовательно повысить максимальную цену булки до 45 и 50 сантимов. Таким образом, парижскому населению пришлось частью платить в форме повышенных акцизных пошлин то, что оно экономило на цене хлеба, а остальная Франция должна была платить общий благотворительный налог в пользу столицы в виде прямой правительственной субсидии парижскому муниципалитету. Тем не менее, этот опыт полностью провалился, ибо цены на хлеб в Париже были выше официального минимума в плохие годы от 1855 по 1857 г. и ниже его в период хороших урожаев 1857 и 1858 годов.

Ничуть не смущаясь этой неудачей своего опыта в сравнительно малом масштабе, Луи Наполеон принялся теперь за организацию хлебопекарного дела и хлебной торговли по всей империи по своему собственному указу. Несколько недель тому назад одна из его газет в Париже сделала попытку убедить публику, что во всех значительных городах необходимо завести «запасы хлебного зерна». Она доказывала, что в худшие неурожайные годы максимальная нехватка хлеба составляла для всего населения 28 потребительских дней; среднее же число последовательных неурожайных годов равно трем. Исходя из этого, газета исчисляла, что «фактический запас на три месяца — это все, что требуется от человеческой предусмотрительности». Если эту меру распространить только на города с минимальным населением в 100 тысяч жителей, что составит для всей Франции (не считая Парижа) 3 770 000 душ, то, при среднем трехмесячном потреблении в 45 килограмм пшеницы на человека и цене на сегодняшний день в 14 фр. за гектолитр, такой запас будет стоить от 31 до 32 млн. франков. И вот 18 ноября «Moniteur» опубликовал нижеследующий декрет:

«Ст. 1. Хлебный запас во всех городах, в которых хлебопекарное дело регулируется декретами и распоряжениями, определяется количеством зерна или муки, потребной для ежедневной выпечки каждого хлебопекарного заведения в течение трех месяцев.

Ст. 2. В месячный срок от сего числа префекты департаментов, опросив муниципалитеты, должны принять решение, будут ли запасы образованы из муки или зерна, установить срок, в течение которого они должны быть созданы, а также определить ту долю, которую можно сдать на хранение в общественных складах».

К этому декрету прилагается список городов, «в которых регулируется хлебопекарное дело» и где поэтому должны быть созданы запасы. Список содержит все более или менее значительные города Франции, за исключением Парижа и Лиона, в которых запасы уже существуют, и которые, следовательно, не подлежат действию декрета. В целом список содержит не менее 161 города; среди них находятся Марсель, Сен-Кантен, Мулен, Кан, Ангупан, Дижон, Бурж, Безанион, Эвре, Шартр, Брест, Ним, Тулуза, Бордо, Монпелье, Ренн, Тур, Гренобль, Сент-Этьенн, Нант, Орлеан, Анже, Реймс, Шалон, Мец, Лилль, Дуэ, Валансьен, Бовэ, Аррас, Сент-Омер, Калэ, Булонь-сюр-Мер, Страсбург, Мюльгаузен, Руан, Гавр, Макон, Ле-Манс, Амьен, Абbevиль и Тулон. На основании последней переписи общее население этих 161 городов в настоящий момент можно считать приблизительно в 8 миллионов. Это намечает совокупный запас в 500 000 гектолитров стоимостью от 70 до 80 млн. франков. Циркулярно сообщая декрет префектам департаментов, министр земледелия и торговли предписывает им, что, хотя они «не должны принуждать пекарей немедленно выполнять обязательства, возложенные на них декретом», однако они должны «в разумных пределах установить положенный срок для его выполнения». Он предоставляет самим префектам решать, сообразно местным условиям, должны ли запасы состоять из зерна или муки, и затем замечает, что, как ни обширна настоящая мера, но она может быть расширена еще более.

«Правительство, г. префект, не преувеличивает важности изложенной мною меры. Оно знает, что декрет касается лишь небольшой части населения, и соответственно этому обсуждает возможность расширения способов его действия. Жители деревушек и селений сами пекут себе хлеб и берут из своего урожая количество пшеницы, потребное для их семейства в течение года. Вмешательство правительства в их хозяйство было бы бесполезно и невозможно. Но в ряде главных городов департаментов и в еще большем числе окружных и кантональных центров и даже в сильно населенных деревнях пекаря изготовляют значительную часть потребляемого хлеба и все же еще не являются объектом какой-либо регламентации и не обязаны делать какие-либо запасы. Нельзя ли подчинить пекарей таких мест тому же режиму и предложить им подчинить их тому же благодетельному закону предусмотрительности? Правительство склонно думать, что его предписания на этот счет не встретят серьезных возражений».

Однако, прежде чем провести вышеупомянутый декрет во всей остальной Франции, за исключением маленьких деревень, министр предлагает префектам обсудить вопрос совместно с муниципалитетами тех мест, которые еще не провели его в жизнь, и затем сообщает префектам, как надо хранить эти запасы:

«Пекаря, по возможности, должны использовать принадлежащие к их даркам подсобные помещения, ибо им будет легко за ними наблюдать. Однако вы должны предложить муниципалитетам устроить и отдать в распоряжение пекарей общественные склады, рассчитанные на то, чтобы за определенную тарифом плату принимать запасы, которые они не могут хранить сами. Я не сомневаюсь, что просвещенное содействие муниципальных властей облегчит эти операции».

Министр затем подходит к важнейшему пункту: откуда достать денег для выполнения декрета:

«Что касается получения необходимого капитала, то я убежден, что пекаря приложат самые серьезные старания, чтобы достать нужные им суммы. Такое помещение капитала представляет столь крупные торговые выгоды и обещает дать законные прибыли в таких размерах, что пекарям едва ли трудно будет получить кредит, в особенности в нынешний момент, когда ссудный процент стоит так низко. Будет ли переоценкой доброй воли капиталистов, если в каждой коммуне будут надеяться на их содействие в пользу пекарей? Разве они не найдут в созданных запасах верного обеспечения авансированных ими сумм, — обеспечения, которому предстоит скорее расти, чем падать в цене? Я буду счастлив, если ваши усилия в этом направлении увенчаются успехом. *Я спрашиваю себя, не смогут ли муниципалитеты, если нужно, создать, по примеру Парижской кассы, денежные средства и употребить их для выдачи авансов пекарям?* С целью поощрить и облегчить такие авансы и умножить их путем широкого обращения, зернохранилищам, предназначенным принять запасы, можно было бы присвоить значение таможенных пакгаузов «magasins généraux», что дало бы им возможность выпускать вкладные листы, которые с готовностью принимались бы нашими финансовыми институтами и особенно Французским банком».

Министр заключает свой циркуляр указанием, что в двадцатидневный срок префекты должны осведомить его о том, что предпринимают они для выполнения второй статьи декрета, а в течение месяца должны сообщить, что рекомендуется муниципалитетами городов и деревень, не включенных в декрет.

В данный момент мы не предполагаем входить в рассмотрение вопроса об общественных зернохранилищах; но огромное значение этого экономического государственного переворота не нуждается в долгих комментариях. Хорошо известно, что цены на хлебное зерно в настоящее время во Франции разорительно низки и что поэтому среди крестьянства имеются признаки недовольства. Искусственным спросом, который будет создан благодаря трехмесячным запасам, Наполеон пытается искусственно повысить цены и таким образом заткнуть рот сельскохозяйственной Франции. С другой стороны, он объявляет себя чем-то вроде социалистического провидения для городского пролетариата — правда, довольно неуклюже, поскольку первым ощутительным результатом его декрета будет то, что рабочим

придется платить за свой хлеб дороже, чем прежде. «Спаситель собственности» показывает буржуазии, что не требуется даже формального вмешательства его карикатурного законодательного механизма, а достаточно всего лишь простого его указа, чтобы свободно ховяйничать в ее кошельках, распоряжаться муниципальной собственностью, расстраивать ход торговли и подчинить ее денежные операции своим личным фантазиям. Наконец, вопрос подлежит еще рассмотрению с чисто бонапартистской точки зрения. По всей Франции появится нужда в огромных зданиях для общественных амбаров, и какое новое поприще откроется здесь для спекуляции и хищений! Торговля хлебопродуктами также получает неожиданный оборот. Какие прибыли положит себе в карман «Crédit Mobilier» и прочие спекулятивные компании его императорского величества! Во всяком случае мы можем быть уверены, что императорский социалист больше успеет в повышении цены на хлеб, чем в своих попытках снивить их.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5507 от 15 декабря 1858 г.

Без подписи.

Карл Маркс
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН
В РОССИИ

* ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ.

Вопрос о крепостном праве, повидимому, принимает в России серьезный оборот; это лучше всего показывает чрезвычайный шаг, к которому был вынужден царь Александр II, а именно: созыв в С.-Петербурге чего-то вроде всеобщего представительства дворянства в целях обсуждения вопроса об отмене крепостного права. Работы «Главного комитета по крестьянским делам» окончились почти полной неудачей и привели только к резким разногласиям в среде его собственных членов, разногласиям, в которых председатель комитета, великий князь Константин, стал на сторону старой русской партии против царя. В свою очередь губернские дворянские комитеты в большинстве своем, повидимому, воспользовались этим предлогом официального обсуждения подготовительных шагов к освобождению крестьян единственно для того, чтобы помешать этой мере. Среди русского дворянства, конечно, имеется партия, стоящая за реформу, но она не только составляет численное меньшинство, но даже не единодушна по важнейшим вопросам. Высказываться против крепостного права, но допустить освобождение только на условиях, при которых оно сводилось бы к простой видимости, — такая позиция является модной даже у либерального русского дворянства. Конечно, такое явное сопротивление освобождению или половинчатая его поддержка вполне естественны для старых рабовладельцев. Сокращение доходов, уменьшение ценности их земельной собственности и серьезные ограничения политической власти, которой они привыкли пользоваться в качестве мелких самодержцев, вращающихся вокруг центрального самодержца, — таковы непосредственные результаты, которые они предвидят, но на которые едва ли можно ожидать, что они пойдут с большой охотой. Уже теперь в некоторых губерниях стало невозможно получить заем под обеспечение земельной собственности вследствие господствующей повсюду неуверенности, не обесценятся ли имения в ближайшее время? Значительная часть поместий в России заложена самому государству, и собственники не знают, как они будут выполнять свои обязательства перед правительством. Многие имеют частные долги, лежащие на их имениях. Много помещиков живут оброками, которые им платят их крепостные, обосновавшиеся в городах в качестве

купцов, торговцев, ремесленников и рабочих. Разумеется, их доходы исчезнут вместе с отменой крепостного права. Есть такие мелкопоместные дворяне, которые владеют весьма ограниченным количеством крепостных и, пропорционально этому, еще меньшей площадью земли. Если каждый крепостной получит небольшой клочок земли, как это должно быть в случае освобождения, то их владельцы превратятся в нищих. С точки же зрения крупных помещиков освобождение крестьян равносильно почти отречению. Если крепостные будут освобождены, то какая фактическая защита останется у них против произвола императора. И затем, что будет с податями, в которых Россия теперь так нуждается и которые зависят от действительной ценности земли? Как быть, далее, с удельными крестьянами? Все эти вопросы ставятся на обсуждение и образуют ряд сильных позиций, за которыми устраивают свой стан сторонники крепостного права. Эта история так стара, как и сама история народов. Действительно, нельзя освободить угнетенный класс, не причинив ущерба классу, существующему его угнетением, и не внося одновременно разложения во всю надстройку государства, покоящуюся на таком неказистом социальном фундаменте. Когда наступает время такой перемены, то вначале проявляется большой энтузиазм; люди радостно поздравляют друг друга по поводу такого всеобщего доброжелательства, и льются торжественные слова о всеобщей любви к прогрессу и т. п. Но лишь только наступает очередь заменить слова делами, как некоторые отступают в страхе перед вызванными ими духами, а большинство выражает решимость отстаивать и бороться за свои действительные или воображаемые интересы. Только при поддержке революции или с помощью войны законные правительства Европы в состоянии были упразднить крепостное право. Прусское правительство отважилось подумать об освобождении крестьян только тогда, когда оно испытало железное иго Наполеона; и даже тогда оно так решило этот вопрос, что его пришлось решать вновь в 1848 г., и он, хотя и в измененной форме, все еще ждет исключительного решения от будущей революции. В Австрии вопрос был решен не законным правительством и не доброй волей правящих классов, а революцией 1848 г. и венгерским восстанием. В России Александр I и Николай не из каких-либо мотивов гуманности, а из чисто-государственных соображений пытались произвести мирным путем перемены в положении народных масс; однако оба они потерпели неудачу. Надо прибавить, что после революции 1848—1849 гг. Николай отвернулся от своих собственных проектов освобождения и сделался ярким приверженцем консерватизма. Для Александра II вопрос о том, надо или

нет будить спящие элементы, едва ли зависел от его воли. Война, унаследованная им от отца, потребовала от русских народных масс огромных жертв, о размерах которых можно судить на основании того простого факта, что в период между 1853 и 1856 гг. сумма бумажных денег, принудительно находившихся в обращении, возросла с 333 млн. руб. приблизительно до 700 млн. руб.; это увеличенное количество бумажных денег фактически представляло налоги, взятые государством вперед. Когда Александр II во время последней войны ободрял крестьян обещаниями освободить их, то он следовал лишь примеру Александра I во время войны с Наполеоном. Кроме того, война привела к разгрому и унижению, по крайней мере, в глазах крепостных, от которых нельзя ожидать знакомства с тайнами дипломатии. Начать свое новое царствование с очевидного поражения и унижения, прибавив к этому открытое нарушение данных во время войны обещаний крестьянам, было бы шагом, на который даже царю было бы опасно отважиться.

Сомнительно, чтобы даже Николай, случись или не случись Восточная война, был бы в состоянии дальше откладывать этот вопрос. Во всяком случае для Александра II это было невозможно; но он предполагал, и не совсем без оснований, что дворяне, в общем привыкшие к повиновению, не отступят перед его повелениями и даже сочтут для себя за честь, если им разрешат через посредство различных комитетов играть некоторую роль в этой великой драме. Эти расчеты, однако, оказались ошибочными. Крестьяне со своими преувеличенными ожиданиями даже от царских намерений на их счет стали терять терпение при виде медлительного образа действий своих помещиков. Поджоги, начавшиеся в различных губерниях, являются тревожным сигналом, смысл которого вполне ясен. Затем, как известно, в Восточной России и в прежних польских областях имели место крестьянские восстания, сопровождавшиеся страшными сценами, что заставило помещиков переехать из деревень в города, где под защитой стен и гарнизонов они могут не бояться своих возмущившихся рабов. При таких обстоятельствах Александр II счел нужным созвать нечто вроде собрания нотаблей. Что, если это собрание явится новым отправным пунктом в истории России? Что, если дворяне вздумают настаивать на своем собственном политическом освобождении как на предварительном условии всякой уступки царю в деле освобождения своих крепостных?

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5458 от 19 октября 1858 г.

Без подписи.

ВОЗБУЖДЕНИЕ В ИРЛАНДИИ.

Лондон, 24 декабря 1858 г.

Правительство, которое, подобно нынешнему британскому министерству, представляет собою партию разложившуюся, всегда сумеет с большим успехом отказаться от своих старых принципов, чем порвать свои старые связи. Водворяясь на Даунингстрите, лорд Дерби, несомненно, принял решение заглазить ошибки, которые в прошлом сделали его имя притчей во языцех в Ирландии, а его непостоянный генерал-прокурор Ирландии Уайтсайд ни на мгновение не задумался бы отречься от клятв, привязывавших его к оранжистским ложам. Но приход к власти лорда Дерби дал в то же время сигнал одной клике правящего класса броситься и захватить посты, только что освободившиеся вследствие принудительного ухода другой клики. Образование кабинета Дерби означало то, что все правительственные места должны были быть распределены между еще объединенной партийным именем пестрой толпой, которая уже утратила свой смысл, и шла под истрепанным в лохмотья знаменем, но на деле не имела никакой другой внутренней спайки, кроме воспоминаний о прошлом, о клубных интригах, а главное, кроме твердой решимости поделить между собой материальные блага должностей. Так, лорд Эглинтон, сей Дон-Кихот, желавший воскресить рыцарские турниры в торгашеской Англии, был намечен на трон лорда-наместника в Дублинском замке, а лорд Наас, известный как самый решительный приверженец ирландского лендлордизма, должен был стать его премьер-министром. Эта достойная чета, при своем отбытии из Лондона, без сомнения, получила от своего начальника секретные инструкции оставить свои излюбленные идеи, вести себя надлежащим образом и не волновать своих хозяев какими-либо капризными выходками. Мы не сомневаемся, что путь лорда Эглинтонна через морской канал был устлан добрыми намерениями; его ребяческое воображение было, несомненно, занято созерцанием предстоящих побрякушек вице-королевского сана; в то же время лорд Наас по прибытии своем в Дублинский замок решил удостовериться в том, что полная очистка

поместий от людей, сожжение крестьянских коттеджей и беспощадное выселение их бедных обитателей идет надлежащим темпом. Так как партийная необходимость заставила лорда Дерби назначить неподходящих людей на неподходящие места, то эта же необходимость поставила сразу этих людей в ложное положение, каковы бы ни были их личные намерения. Оранжезм подвергся было официальному осуждению за свою назойливую лойальность, само правительство оказалось вынужденным открыто признать эту организацию нелегальной и без всяких церемоний заявить ей, что она больше никому не нужна и должна исчезнуть. Но уже один приход к власти торийского министерства и одно водворение Эглингтона и Нааса в Дублинском замке оживили надежды приунывших было оранжистов. Солнце снова засияло для этих «истинно синих» людей; они опять, как в дни Касльри, будут безраздельно властвовать в стране, и день реванша для них заметно придвинулся. Шаг за шагом они заставили бестолковых, слабых и потому опрометчивых представителей Даунингстрита продвигаться с одной ложной позиции на другую, пока в одно прекрасное утро мир не был потрясен прокламацией лорда-наместника, возвещавшей в Ирландии осадное положение, а также обещанием вознаграждения в 100 и 50 ф. ст. превращавшей ремесло шпиона, осведомителя, клятвопреступника и провокатора в самое выгодное занятие на зеленом Эрине. Как только появились плакаты, оповещающие о наградах за открытие тайных обществ, как один негодяй по имени О'Салливан, аптекарский ученик в Келларни, сделал донос на собственного отца и нескольких ребят из Келларни, Кеммара, Бантри и Скибберина, как участников огромного заговора, имевшего своей целью в тайном соглашении с флибустьерами с той стороны Атлантического океана не только, подобно Брайту, «американизировать английские установления», но и присоединить Ирландию к образцовой республике САСШ. В результате сыщики в графствах Керри и Корке принялись за работу, начались ночные аресты, наводились таинственные справки; с юго-запада охота на заговорщиков перекинулась на северо-восток, в графстве Монагане разыгрывались шутовские сцены, и перед взорами встревоженных жителей Бельфаста провели по улицам несколько десятков школьных учителей, писцов и купеческих приказчиков и всех их засадили в тюрьму. Что еще больше ухудшило дело, так это таинственность, в которую облакалось судебное производство. Поручительство отклонялось во всех случаях, ночные облавы стали обычным явлением, все расследование держалось в тайне, выдача копий с документов, на которых основывалось обвинение, непременно отклонялась, городские судьи

вихрем носились от своих судебных кресел к передним дублинского замка, и об Ирландии в целом можно было бы сказать то, что в Бельфасте сказал защитник обвиняемых г. Ри: «Мне сдается, что британская конституция в последнюю неделю покинула Бельфаст».

Однако через весь этот шум и всю эту таинственность все более и более проглядывает беспокойство правительства, поддавшегося давлению своих легковверных ирландских агентов, в свою очередь оказавшихся простой игрушкой в руках оранжистов, — беспокойство о том, как ему выпутаться из своего нелепого положения, не потеряв одновременно и своей репутации, и своих портфелей. В начале было объявлено, будто опасный заговор, имевший свои разветвления по всему пространству Ирландии от юго-запада до северо-востока, исходил из американствующего Феникс-клуба. Затем заговор превратился в возрождение риббонизма; теперь же это нечто совсем новое, еще невиданное, а потому гораздо более страшное. Об ухищрениях, к которым приходится прибегать правительству, можно судить по маневрам его органа «Dublin Daily Express», который день за днем угощает своих читателей ложными рассказами об убийствах, вооруженных грабежах и ночных сборищах. Однако, к великой его досаде, убитые люди встают из гробов и на его же столбцах протестуют против такого обращения с ними со стороны редакции.

Может быть, и существует такая вещь, как Феникс-клуб, но это во всяком случае дело очень маленькое, поскольку само правительство нашло уместным удушить этого Феникса в его же собственном пепле. Что же касается риббонизма, то его существование никогда *не было связано* с тайными заговорщиками. Когда в конце XVIII века протестантские «рассветники» объединились для войны против католиков на севере Ирландии, возникло противоположное общество «дефендеров» «защитников». Когда в 1791 г. «пиподейцы» растворились в оранжизме, то «дефендеры» преобразовались в риббонистов «лентоносцев». Когда в наши дни британское правительство, наконец, открыто порвало с оранжизмом, общество риббонистов, лишившись основы своего существования, было добровольно распущено. Необычайные меры, принятые лордом Эглинтоном, могут действительно оживить риббонизм, как могут его оживить и нынешние попытки дублинских оранжистов поставить английских офицеров во главе ирландской полиции и наполнить ее низшие ряды своими сторонниками. В настоящее время в Ирландии нет тайных обществ, за исключением аграрных. Но обвинять Ирландию за создание таких обществ было бы так же основательно, как обвинять лес за произрастание в нем грибов. Ирландские лендлорды объединены в целях адской войны на истребление

против мелких арендаторов, или, как они называют это, объединением для производства экономического эксперимента избавления страны от бесполезных ртов. Мелкие ирландские арендаторы должны быть истреблены так же бесцеременно, как насекомые истребляются домашней хозяйкой. Со своей стороны, эти несчастные, доведенные до отчаяния, пытаются оказать слабое сопротивление, образуя тайные общества, разбросанные по стране и неспособные на что-либо более крупное, чем акты индивидуальной мести.

Но если заговор, который разыскивается в Ирландии, представляет чистейшую выдумку оранжистов, то обещанные правительством награды могут привести к тому, что этот плод фантазии примет конкретную форму и содержание. Вербовщик имеет не больше шансов своими шиллингами и водкой затащить на военную службу королевы кого-нибудь из королевской черни, чем награда за раскрытие ирландских тайных обществ действительно создаст такие общества. Из недр каждого графства немедленно вырастают предатели, которые выдают себя за революционных делегатов, ходят по сельским округам, вербуют членов, приводят их к присяге, доносят на эти жертвы, присягой подводят их под виселицу и кладут в карман серебрянники. Чтобы дать представление об этой банде ирландских осведомителей и о влиянии на них правительственных наград, достаточно привести слова из одной речи сэра Роберта Пиля в палате общин:

«Когда я был главным секретарем Ирландии, произошло убийство в местности между Карриком на Суире и Клонмелем. Один обыватель питал смертельную ненависть к другому; с целью убить его, он нанял 4 человека за плату в 2 гинеи каждому. По обоим берегам Суира проходили дороги от Каррика до Клонмеля; на каждой дороге он поставил по 2 человека, так что его жертва не могла ускользнуть. Таким образом несчастный был гнусным образом убит. Ужасное преступление настолько взволновало страну, что правительство назначило награду в 500 ф. ст. за открытие каждого убийцы. И, подумайте только, сам же злодей, подкупивший 4 убийц, явился и донес на них, после чего их казнили, а я собственными руками заплатил в моей канцелярии в Дублинском замке 2 тысячи ф. ст. этому чудовищу в образе человека».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 530 от 11 января 1859 г.

Без подписи.

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ.

I.

Берлин, 29 декабря 1858 г.

Великий «зачинщик» русской революции (по выражению Мадзини) император Александр II сделал еще один шаг вперед. 13 ноября императорский центральный комитет по отмене крепостного права окончательно подписал свой доклад императору, содержащий изложение основ, на которых предлагается произвести освобождение крепостных крестьян. Его основные принципы таковы:

I. Крестьяне немедленно перестают быть крепостными и вступают в состояние «временно-обязанных» в отношении своих помещиков. Это состояние должно длиться 12 лет, в течение которых они пользуются всеми личными и имущественными правами, присущим прочим платящим налоги подданным империи. Крепостная зависимость, со всеми вытекающими из нее последствиями, отменяется навсегда без какой-либо уплаты вознаграждения прежним владельцам, ибо, как говорит доклад, крепостная зависимость была произвольно введена царем Борисом Годуновым и затем, в силу злоупотребления властью, стала существенною частью обычного права; таким образом, будучи создана волею монарха, она может быть также уничтожена волею монарха. Что касается денежного вознаграждения за ее отмену, то такая уплата денег взамен прав составила бы, по словам доклада, недостойную страницу в истории России, ибо права эти принадлежат крестьянству от природы и никогда не должны были быть у него отняты.

Такое утверждение далеко не соответствует истине. Правда, Борис Годунов (указом 2 ноября 1601 г.) уничтожил право крестьян переходить с места на место по территории государства и прикрепил их к именьям, к которым они уже принадлежали в силу рождения или жительства. При его преемниках власть дворянства над крестьянами стала быстро усиливаться, и в дальнейшем крепостное состояние постепенно сделалось общим условием их быта. Однако оно оставалось незаконной узурпацией со стороны бояр до тех пор, пока Петр Великий в 1723 г. не легализировал его. Крестьяне, не будучи освобожденные

ны от оков, привязывавших их к имениям, были теперь превращены также в личную собственность дворянина помещика; последний получал право продавать их, в одиночку и гуртом, с землей и без земли, и ввиду этого стал лично ответственным перед правительством за крестьян и за их подати. Затем, одним росчерком пера, Екатерина II превратила в крепостных 4 или 5 млн. сравнительно свободных крестьян во вновь завоеванных западных и южных областях. Но в российском официальном документе не приличествовало упоминать о таких фактах, касающихся Петра I и Екатерины II, а потому бедняга Борис Годунов должен нести ответственность за прегрешения всех своих преемников.

II. В течение 12 лет временно-обязанного состояния крестьяне продолжают оставаться прикрепленными к поместьям; но если помещик не может отвести крестьянину, по крайней мере, 5 десятин земли в собственную его обработку, то последний волен покинуть поместье. Он может свободно уйти, если он найдет кого-либо, кто будет обрабатывать его надел и будет платить за него подати в казну.

III и IV. Каждая сельская община удерживает в своем владении жилые дома своих членов с их усадьбами, скотными дворами, садами и пр., за что помещику уплачивается ежегодная рента в 3% с их стоимости. Община имеет право заставить помещика произвести оценку через смешанную комиссию из 2 помещиков и 2 крестьян. Если же сельская община пожелает, то она может полностью выкупить свои дворы, уплатив целиком их стоимость.

V. Земельные наделы, которые помещик должен предоставить крестьянам, определяются следующим образом: там, где каждый крепостной, приписанный к поместью, имеет больше 6 десятин, каждый взрослый крестьянин мужского пола получает надел пахотной земли площадью в 9 десятин; там, где земли меньше, крестьянам передается две трети всей пахотной земли; там, где двух третей нехватит для наделения каждому крестьянину, по крайней мере, 5 десятин, там земля разбивается на участки по 5 десятин, а те крестьяне, которые при жеребьевке не получают надела, получают паспорта от деревенских властей и вольны идти куда им вздумается. Что касается дров, то помещик обязан предоставить их крестьянам из своих лесов по предварительно установленной цене.

VI. За все эти преимущества крестьяне должны нести в пользу помещика следующие отработки: за каждую десятину, полученную в надел, каждый должен сдать помещику 10 рабочих дней с лошадью и 10 рабочих дней без нее (в случае 9 десятин это составляет — 180 дней).

в год). Стоимость этой отработочной повинности определяется в деньгах для каждой губернии в размере лишь одной трети стоимости трудового дня свободного рабочего. Через 7 лет одна седьмая часть этих повинностей и затем через каждый следующий год еще одна седьмая может быть превращена в натуральный оброк зерном.

VII. Дворовые крестьяне, находящиеся в личной зависимости, прикрепленные не к определенному поместью, а к дому или лично к своему господину, обязаны служить ему в течение 10 лет за жалование. Впрочем, они могут во всякое время выкупиться на свободу — мужчина за 300 руб., женщина за 120.

IX. Помещик остается главой сельской общины и имеет право налагать вето на ее решения, однако в таких случаях допускается обжалование в комиссию, состоящую из помещиков и крестьян.

Таково содержание этого важного документа, косвенным образом выражающего идеи Александра II о великом социальном вопросе в России. В моем изложении я упустил главу VIII, посвященную организации сельских общин, и главу X, содержащую только установленные законом формы, в которые должны быть облечены официальные документы, относящиеся к этой реформе. Самое поверхностное сравнение показывает, что настоящий доклад представляет простое продолжение и выполнение программы, прошлой весной предложенной центральным комитетом различным дворянским собраниям по всей империи. Эта программа, десять статей которой точно соответствуют десяти главам доклада, представляла в сущности только наметку, составленную с целью показать дворянам, в каком направлении им надлежит действовать, причем от них ожидалось заполнение этой наметки. Но, чем глубже дворяне входили в суть вопроса, тем сильнее становилось их нежелание идти дальше, и с этой стороны чрезвычайно показательным, что через 8 месяцев правительство увидело себя вынужденным самому заполнить эту наметку и составить план, который первоначально мыслился как добровольный акт со стороны дворянства.

Такова история вышеизложенного документа; перейдем к рассмотрению его содержания.

Если русское дворянство считает, что «4-е августа 1789 г.» для него еще не наступило и что поэтому ему нет необходимости жертвовать своими привилегиями на алтаре отечества, то русское правительство движется значительно быстрее: оно уже пришло к «декларации прав человека». Что, в самом деле, вы скажете об Александре II, провозглашающем «права, от природы принадлежащие крестьянам, которых они никогда не должны быть лишены»? Поистине мы

живем в необычайное время! В 1846 г. римский папа явился инициатором либерального движения; в 1858 г. русский деспот, настоящий «самодержец всероссийский», провозглашает права человека! И мы еще увидим, что это провозглашение вызовет такие же отклики во всем мире, а в конечном счете окажет действие, еще более значительное, нежели либерализм папы.

Первой из заинтересованных сторон в настоящем докладе является дворянство. Если оно не желает признавать свое «4-е августа», то правительство достаточно ясно говорит ему, что оно будет к этому принуждено. Каждая глава доклада содержит весьма чувствительную материальную потерю для аристократии.

Один из способов эксплуатации дворянами их человеческого капитала состоял в том, что они отдавали его внаймы или позволяли крепостным за уплату ежегодной суммы (оброка) передвигаться с места на место и добывать себе средства к существованию по собственному усмотрению. Эта практика как нельзя более соответствовала интересам дворянского кармана, как и любви к бродяжничеству, столь характерной для русского крепостного. Для дворян это был один из главных источников дохода. I глава доклада предполагает его упразднение без всякого возмещения помещику. Этим дело не ограничивается: на основании главы II каждый крепостной, которому помещик не может дать в надел 5 десятин пахотной земли, волен располагать собой и может идти куда ему вздумается. На основании глав III—V помещик лишается права располагать приблизительно двумя третями своей земли и вынуждается наделить ею крестьян. Правда, в настоящее время эту землю занимают те же крестьяне, — но под его контролем и при условии выполнения повинностей, определяемых всецело по его усмотрению. Отныне же земля действительно должна принадлежать крестьянам, которые становятся постоянными ее держателями и получают право полностью выкупать свои усадьбы; их повинности, хотя и установлены в очень большом размере, однако же подлежат установлению законом и, что еще хуже для помещика, могут быть выкуплены по довольно выгодному (для крестьян) тарифу. Даже дворовые, т. е. домашние слуги, должны получать жалованье и, если желают, могут выкупиться на свободу. Что еще хуже, крепостные получают права прочих граждан, а это означает, что они будут иметь до сих пор им неизвестное право возбуждать иски против своих господ и выступать против них свидетелями в судах; и хотя помещики остаются главой крестьян своих имений и сохраняют известную юрисдикцию над ними, все же вымогательства, которые давали возможность множеству русских дворян накапливать средства

на содержание кокоток в Париже, а также для азартных игр на немецких курортах, будут в будущем в огромной степени сокращены. Чтобы судить о результатах такого сокращения дохода русских дворян, рассмотрим их финансовое положение. Все землевладельческое дворянство России состоит должником кредитных банков (учрежденных правительством) на сумму в 400 млн. руб. серебром, в обеспечение которых заложено около 13 млн. крепостных. Общая же численность крепостных России (не считая государственных крестьян) равна 23 750 000 (перепись 1857 года). Ясно, что из числа владельцев главными должниками банков являются более мелкие, тогда как более крупные сравнительно свободны от долга. Из переписи 1857 г. явствует, что около 13 млн. крепостных принадлежит помещикам, владеющим каждый менее чем тысячью душ, в то время как остальные 10 750 000 душ принадлежат собственникам, имеющим более тысячи душ. Само собой разумеется, что последние в общем представляют незадолженную, а первые задолженную часть русского дворянства. Такой подсчет может быть и не совсем точен, но в общем он приблизительно верен.

Число помещиков, имеющих от одной до 999 душ, согласно переписи 1857 г., равно 105 540, число же дворян, владеющих тысячью душами и больше, не превышает 4 015. Таким образом, выходит, что, по самому низкому расчету, девять десятых всей русской аристократии находятся в сильной задолженности кредитным банкам, иначе говоря — правительству. Но известно также, что русское дворянство, кроме того, находится в большой задолженности у частных лиц, банков, купцов, евреев и ростовщиков, причем эта задолженность их в большинстве случаев так велика, что они являются лишь номинально собственниками своих поместий. Те из них, которые еще боролись с банкротством, были окончательно разорены тяжкими жертвами последней войны, когда, наряду с тяжелыми платежами, людьми, деньгами и повинностями, внешний сбыт их продукции оказался закрыт, и им пришлось делать займы на крайне обременительных условиях. Теперь же им предлагается целиком и без всякого возмещения отказаться от значительной части своих доходов, а остаток регулировать таким способом, который не только сократит его, но и в дальнейшем оставит его в ограниченном размере.

Легко предвидеть последствия этого положения для такого дворянства, как русское. Если оно не согласно на полное разорение или близкое банкротство значительного большинства своего сословия с перспективой в будущем раствориться в том классе бюрократического дворянства, ранг и положение которого всецело зависит от

правительства, то оно должно оказать сопротивление этой попытке освобождения крестьян. Оно его и оказывает; и ясно, что если его нынешнее легальное сопротивление окажется бессильно против воли монарха, то оно будет вынуждено прибегнуть к иным более действительным средствам.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5535 от 17 января 1859 г.

Без подписи.

II.

Берлин, 31 декабря 1858 г.

Русское дворянство стало оказывать сопротивление царским планам освобождения крестьян двояким путем: пассивным и активным. Собственные речи Александра II, с которыми он во время поездок по различным губерниям обращался к своему дворянству, речи, то облеченные в мягкую форму гуманных призывов, то произнесенные в виде поучения, то переходящие в резкий тон приказания и угрозы — к чему они привели? Дворяне слушали их с видом рабской покорности, склонив головы, но в глубине они чувствовали, что император, явившийся к ним говорить, ласкать, увещевать, осведомлять и угрожать, уже не был прежним всемогущим царем, воля которого должна была заменять самый разум. Вот почему, не давая никакого ответа, не вторя мнениям царя и прибегая к простейшему способу затягивания дела в своих различных комитетах, они осмелились по существу дать отрицательный ответ. Они не оставили императору иной возможности, как ту, которая была у римской церкви: «*compelle intrare*» [«принуждай войти»]. Наконец, скучное однообразие этого упрямого молчания было дерзко нарушено Петербургским дворянским комитетом, который одобрил документ, составленный одним из его членов, Платоновым, и фактически представлял собою своего рода «петицию о правах». В ней дворяне требовали не более, не менее, как созыва дворянского парламента, который должен совместно с правительством решать не только этот великий вопрос текущего момента, но и все политические вопросы вообще. Не помогло и то, что министр внутренних дел Ланской отказался принять эту бумагу и отправил ее дворянству обратно с сердитым замечанием, что-де не дело дворян собираться для подачи петиций и что они должны попросту обсуждать вопросы, предложенные им правительством. Генерал Шувалов от имени комитета перешел в наступление и, угрожая лично передать документ императору, принудил Ланского принять его. Таким образом, русское дворянство в 1858 г., как и французское в 1788 г., провозгласило лозунг: Собрание Генеральных штатов, носящих в Москве название Земского собора или Земской думы. Таким образом, в своих эгоистических стремлениях сохранить в целостности устарелую социальную основу пирамиды, дворянство само нападает на ее политический центр тяжести. Кроме того, головокружение — как называли старые-французские эмигранты дух эпохи — овладело ими с такою силой, что

большинство дворян головой окунулось в буржуазное увлечение акционерными компаниями, а в более западных губерниях меньшинство старается показать, что оно возглавляет и покровительствует новоявленной литературной пропаганде. Чтобы дать представление об этом смелом движении, достаточно сказать, что в 1858 г. число существующих газет уже возросло до 180, а в 1859 г. объявлен выход еще 109 новых. С другой стороны, в 1857 г. было основано 16 компаний с капиталом в 303 900 000 руб., а с января по август 1858 г. к ним прибавилась 21 новая компания с капиталом в 36 175 000 рублей.

Взглянем теперь на положение другой стороны, заинтересованной в реформах, задуманных Александром II. Не легко забыть, как часто русское правительство вызывало перед взорами крестьянства мираж свободы. В начале своего царствования Александр I призывал дворянство освободить своих крестьян, но безуспешно. В 1812 г. когда крестьян призывали записываться в ополчение, им, хотя и неофициально, но с молчаливого согласия императора, было обещано освобождение как награда за патриотизм; с людьми, защитившими святую Русь, нельзя-де дальше обращаться как с рабами. Даже при Николае целый ряд указов ограничил власть дворян над их крепостными, (указ 1842 г.) давали последним право заключить со своими владельцами сделки относительно отбывания ими повинностей (в силу чего они косвенно получили разрешение вести судебные процессы против своих господ); (указ 1844 г.) принял на себя гарантию от имени правительства о выполнении крестьянами обязательств на основании этих сделок; (указ 1846 г.) дал крепостным право выкупать свою свободу, если поместье, к которому они были прикреплены, продавалось с аукциона, а (указ 1847 г.) давал право крестьянам, прикрепленным к такому поместью, при первом же поступлении этого поместья в продажу всем миром купить его целиком. К великому удивлению как правительства, так и дворянства, оказалось, что крепостные были вполне готовы к этому и действительно стали скупать одно поместье за другим. Более того, оказалось, что во многих случаях землевладелец был собственником только по имени, ибо от долгов его освободили деньги его же собственных крепостных, которые, разумеется, приняли достаточно предосторожностей, чтобы фактически обеспечить себе и свободу, и владение имением. Когда это обнаружилось, то правительство, испуганное таким проявлением смелости и энергии со стороны крепостных, а также революционным взрывом 1848 г. в Западной Европе, было вынуждено изыскать средства против применения закона, грозившего постепенно вытеснить дворянство из его имений. Но взять указ назад было уже поздно, и потому другой

указ (15 марта 1848 г.) распространил право покупки на каждого крепостного в отдельности, право которое до тех пор принадлежало только крепостным артелям. Эта мера не только разрушала объединения, охватывавшие деревню и группы деревень в волости, которые до сих пор давали крепостным возможность собирать вскладчину капитал для такой покупки, но она, кроме того, была приправлена еще некоторыми особыми условиями. Крепостные могли покупать землю, но не прикрепленных к ней людей; другими словами, покупая имение, к которому они принадлежали, крепостные не выкупали своей собственной свободы. Напротив, они оставались крепостными, а вся купчая сделка получала силу с согласия прежнего помещика. В довершение всего многие дворяне, державшие свои поместья, так сказать, по доверию своих крепостных, в силу этого указа получили право и даже поощрялись нарушить это доверие и возвращать себе полное владение своими поместьями, причем какие-либо иски в судах со стороны крепостных были определению запрещены. С тех пор для крепостных были закрыты все учебные заведения, кроме начальных, и все надежды на освобождение, казалось, навсегда были разбиты, когда последняя война снова принудила Николая прибегнуть к всеобщему вооружению крепостных и, как обычно, поддержать эту меру обещаниями освобождения их от крепостной зависимости, каковые обещания правительство поручило своим чиновникам низшего ранга распространять среди крестьянства.

Вполне естественно, что после всего этого Александр II был вынужден серьезно приняться в той или иной форме за освобождение крестьян. Результат его усилий и основные черты его планов, поскольку последние созрели, теперь опубликованы. Что скажет крестьянство по поводу двенадцатилетнего испытания, сопровождаемого тяжкими повинностями, в конце которого им предстоит перейти в состояние, которое правительство не решается даже описать в точности? Что они скажут по поводу организации сельской власти, суда и полиции, упраздняющей все органы демократического самоуправления, исконни присущего каждой сельской общине в России, с целью создать систему поместного управления, возложенного на помещика и скроенного по образцу прусского сельского законодательства 1808 и 1809 гг. — систему, совершенно чуждую русскому крестьянину, вся жизнь которого управляется деревенской общиной, которому чужда мысль об индивидуальной земельной собственности и который рассматривает общину как собственника земли, на которой он живет?

Если мы вспомним, что с 1842 г. восстания крепостных против помещиков и управляющих стали эпидемическим явлением, что, да-

же согласно официальной статистике министерства внутренних дел, около 60 дворян ежегодно убиваются крестьянами, что во время прошлой войны их восстания колоссально возросли, а в западных губерниях направлялись, главным образом, против правительства (там был составлен заговор с целью начать восстание при приближении англо-французской армии), то едва ли останется сомнение, что, даже если дворянство не будет сопротивляться освобождению, попытка осуществить предложения комитета послужит сигналом для массового восстания среди сельского населения России. Но дворянство наверное окажет сопротивление, император, мечась между государственной необходимостью и практической целесообразностью, между страхом перед дворянством и страхом перед разъяренными крестьянами, наверное будет колебаться, и крепостные, возбужденные до крайности повышенными ожиданиями и думая, что царь на их стороне, но в плену у дворян, теперь неизбежнее, чем когда-либо, начнут восстание. А если это произойдет, то настанет русский 1793 г. Террор этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но он образует второй поворотный пункт в истории России, и в конце концов на место лживой декорации, введенной Петром Великим, поставит настоящую и всеобщую цивилизацию.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune»

№ 5535 от 17 января 1859 г.

Без подписи.

УКАЗАТЕЛИ:

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

Августа, принцесса Саксен - Веймарская (1811—1890) — жена Вильгельма I — 434, 449, 451, 464, 465.

Акройд, Эдуард (род. 1810) — английский фабрикант, либерал, член парламента (1857) — 190.

Александр I (1777—1825) — русский император (1801—1825) — 77, 439, 530, 531, 543.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 398, 422, 529, 530, 531, 536, 538, 539, 541, 542, 543, 544, 545.

Александр Великий (336—323 до н. э.) — царь македонский, знаменитый полководец — 145.

Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь (1645—1676) — 362.

Альба, герцог — см. Бервик-Альба, герцог.

Альберт Австрийский, эрцгерцог — см. Альбрехт VII.

Альбрехт III, Ахилл (1414—1486) — бранденбургский курфюрст (1470—1486) — 74.

Альбрехт VII (1559—1622) — австрийский эрцгерцог, вице-король Португалии (1585), наместник Нидерландов (1595) — 172.

Альбрехт-Фридрих (1553—1618) — прусский герцог (1568—1618) — 77.

Амурат-паша — см. Бем, Иосиф.

Английский принц — наследник — см. Георг IV.

Андре, Эрнест — директор французского акционерного общества «Crédit Mobilier» — 122.

Ансон, Джордж (1797—1857), английский генерал, член парламента (1818), главнокомандующий английских войск против сипаев в Индии (1857) — 217.

Анфантен, Бартелеми-Проспер (1796—1864) — французский пропагандист и публицист утопического социализма, в религиозной общине сен-симонистов получил титул «верховного отца» (Père suprême). — 27.

Араноский, Иосиф — польский эмигрант, поручик в турецкой армии (1858) — 422.

Аргаиль, Джордж - Дуглас - Кемпбелл, герцог — английский виг, лорд-хранитель печати (1853—1855, 1859—1865 и 1880—1881), министр по делам Индии (1868—1874) — 127.

Д'Аргу, Аполлинэр - Антуан - Морис, граф (1782—1858) — французский государственный деятель, морской министр (1830), министр торговли, общественных работ (1831), министр внутренних дел (1833), управляющий французским банком (1833—1857), министр финансов (1836) — 105, 106.

Аристотель (384—322 до н. э.) — древне-греческий философ — 222.

Артуа, граф — см. Карл X.

Армитейдж, Эдуард — английский политический деятель, один из предстителей манчестерской школы — 188.

Ассенсо — член кортесов, участник испанской революции 1854 г. — 43.

Ахмет Риамиль-бей — см. Тюрр.

Ахмет - эфенди — турецкий офицер (1858) — 418.

Ауерсвальд, Рудольф фон (1795—1866) — прусский государственный деятель либерал, министр-президент и министр иностранных дел (июнь — сентябрь 1848 г.), статс-министр (1858—1862) — 452, 453, 454, 455.

Б.

Бандьера, братья-Аттилио (1811—1844) и Эмилио (1819—1844) — итальянские революционеры - националисты, члены общества «Молодая Италия», 12 июня 1844 г. сделали попытку поднять восстание в Калабрии, но были схвачены и вскоре казнены — 150.

Банля, Иоганн (он же Мохамед-бей) (1817—1868) — венгерский журналист, бывший революционер, эмигрант, позднее полковник турецкой

- армии, начальник тайной полиции у Кошута, русский шпион — 417, 418, 419, 420, 421, 422, 424, 425, 426, 427, 428, 429.
- Бальфур — британский консул в Китае — 346.
- Бараре д-Ильде, Ахилл (1795—1878) — французский маршал — 493.
- Барбес, Арман (1809—1870) — французский политический деятель, революционер, приговоренный в 1839 г. к смертной казни, замененной тюремным заключением — 5.
- Барнард, Генри-Вильям (1799—1857) — английский генерал, участник Крымской кампании (1854—1855), командовал отрядом английских войск против оставших сипаев при осаде Дели в 1857 г. — 226, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 261.
- Барош, Пьер-Жюль (1802—1870) — французский адвокат, член палаты депутатов (1847), член Учредительного собрания (1848), генеральный прокурор при Парижском апелляционном суде (1849), бонапартист, министр внутренних дел (1850—1851), иностранных дел (март — октябрь 1851), юстиции (1863—1869) и народного просвещения (1864—1869), сенатор с 1864 г. — 487.
- Барро, Камил - Гиасинг-Одилон (1791—1873), — французский политический деятель, участник революции 1830 г., в дальнейшем лидер либерально-монархической буржуазной оппозиции, в 1848 г. член Национального собрания, глава первого министерства при Луи-Наполеоне (1848—1849) — 8, 110.
- Барро, Теодор-Адольф (1803—1870) — французский дипломат: консул в Египте (1831), Индо-Китае (1839), генеральный консул в Египте (1845), посланник в Испании (1858) — 171.
- Баттиста Гавацци, итальянская банковская фирма — 480.
- Бауринг, сэр Джон (1792—1872) — английский либерал, фритредер, член парламента (1835—1837), консул в Кантоне (1847), главнокомандующий контр-адмирал в Гонгконге (1854) — 140, 141, 142, 143, 145, 146, 151, 152, 155, 181.
- Бахадур, Джоуг, индийский князь командант Непала — 253.
- Бегер — немецкий военный врач — 464.
- Бекерт, Яков — польский революционер, позже солдат турецкой армии (1858) — 422.
- Бекингем, герцог Генри Стаффорд (1454—1483), английский феодал, способствовал восшествию на престол Ричарда III, впоследствии изменил ему, подняв на юге Англии восстание, был выдан и казнен (1483) — 179.
- Бем, Иосиф фон (он же Амурат-паша) (1795—1850) — польский генерал, с 1815 — 1825 г. на службе в русской армии, участник польской (1830) и венгерской революций (1848—1849), позднее генерал турецкой армии — 429.
- Бедничек, Матвей, — польский эмигрант, сержант в турецкой армии (1858) — 422.
- Бейтс, Иошуа (1788—1864) — английский банкир и купец — 54.
- Бервик-Альба, герцог, Стюарт-Фиц-Джемс (1821—1881) — испанский аристократ, участник испанского государственного престола — 40.
- Беринг, сэр Фрэнсис-Торнхилл, барон Нортбрук (1796—1866) — английский государственный деятель, виг, член парламента (1826—1865), министр финансов (канцлер казначейства) (1830—1834, 1839—1841), морской министр (1849—1852) — 405.
- Берк, Эдмунд (1729—1797) — английский политический деятель, писатель, в начале виг, затем торий, идеолог английской финансовой и торговой аристократии — 179.
- Бертье, Александр (1753—1815) — французский маршал при Наполеоне I, после падения его присягнул Людовику XVIII — 493.
- Бетман-Гольвег, Мориц -Август фон (1795—1877) — прусский государственный деятель, либерал, юрист, министр народного просвещения (1858—1862) — 452, 455, 456, 457.
- Бисмарк, Отто-Эдуард-Леопольд, князь фон (1815—1898) — германский канцлер — 442.
- Блэкстон, сэр Вильям (1723—1780) — английский судья, профессор права (1758—1766), член парламента (1761—1766) — 241.
- Бланки, Огюст (1805—1881) — французский революционер, из всех представителей домарксовского социализма наиболее близок к революционному коммунизму. Участвовал в революциях 1830, 1839 и 1848 гг. и в восстании Коммуны 1871 года — 5.
- Богарня, Стефани - Луиза - Адрианна - Наполеон, великая герцогиня, (1789—1860) — старшая дочь графа

- Клода Богарнэ, жена кронпринца Карла-Людвига-Фридриха, Баденско-го — 451.
- Бонапарт — см. Наполеон I и Наполеон III.
- Бэнхем, сэр Самуэль-Джордж (1803—1863) — английский губернатор Сингапура, Малакки и Гонконга (1837—1847) — 156.
- Бонин, Эдуард фон (1793—1865) — прусский генерал и военный министр (1852—1854, 1858—1859) — 452, 455.
- Боске, Пьер-Франсуа-Жозеф (1810—1861) — французский маршал и сенатор с 1856 года — 493, 506.
- Ботан-Бопрэ, Шарль-Франсуа (1766—1854), французский инженер-гидрограф — 117.
- Брайт, Джон (1811—1889), английский фабрикант и государственный деятель, либерал, лидер фритредеров, член парламента (1843—1885), министр торговли в министерстве Гладстона (1868—1870) — 146, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 332, 333, 334, 336, 397, 533.
- Бранденбург, Фридрих Вильгельм, граф (1792—1850) — прусский генерал и государственный деятель, реакционер, глава министерства Бранденбург-Мантейфель (1848—1849) — 438.
- Браун, Гемфри, сэр Вильям (1784—1864) — член парламента (1846—1859), либерал, фритредер, директор Лондонского англо-американского банка, председатель Международной железнодорожной компании — 54, 55, 101, 102, 103, 104.
- Брертон, сэр Вильям (1789—1864), английский генерал-лейтенант артиллерии, участник битвы при Ватерлоо, экспедиций в Китае (1848), Крымской кампании (1854), комиссар Лудионского округа в Пенджабе (1855) и затем заместитель главного комиссара — 246.
- Бриск, Джон (1785—1875) — английский генерал в Индии — 335.
- Броггауз, баронесса фон, Эмилия (1804—1833) — 465.
- Брольи, Жак-Виктор-Альбер герцог (1821—1901) — французский публицист, историк и государственный деятель, клерикал и реакционер, депутат Национального собрания (1871), посланник в Лондоне, министр иностранных дел (1873), внутренних дел (1874), премьер-министр и министр юстиции (1877) — 517.
- Бромбилла — итальянский банк — 480.
- Брофферлио, Анджело (1802—1866) — итальянский политический деятель, либерал, писатель, по обвинению в заговоре был посажен в тюрьму (1830), член палаты депутатов (1848—1849) — 16.
- Брум, Генри-Питер барон (1778—1868) — английский адвокат, государственный деятель, виг, член парламента (1810, 1816—1830), лорд-канцлер (1830) — 497.
- Буатель, Зимфориен Казимир-Джозеф (1813—1866) — французский гусарский полковник, префект парижской полиции (1856—1858) — 503, 505.
- Було — французский министр народного просвещения при Луи Наполеоне — 494.
- Бульвер — английская лэди — 401.
- Бульвер, Эдуард-Джордж — Эрль-Литтон, барон (1803—1873) — английский писатель, горий, член парламента (1831—1841; 1852—1866) — 139, 150, 396.
- Бульвер, Вильям-Генри-Литтон-Эрль, барон (1801—1872) — английский дипломат и член парламента (1830—1835, 1868), виг; в 1837 г. секретарь посольства в Константинополе; в дальнейшем был послом в Мадриде (1843—1848), Вашингтоне (1849), Константинополе (1858—1865) — 204.
- Бурбоны — французская королевская династия (1589—1792, 1814—1830) — 516.
- Бурдон — французская банкирская контора, обанкротившаяся в декабре 1857 года — 479.
- Бустрада — см. Наполеон III.
- Бэйли, Чарльз, лорд Джервейсвуд (1804—1879) — английский адвокат, член парламента (1859) — 313.

В.

- Вайян, Жан-Баттист-Филибер (1790—1872) — французский маршал — 493.
- Валевский, Флориан Александр-Жозеф-Колонна (1810—1868) — польский граф, сын Наполеона I, французский дипломат, участник польского восстания 1830—1831 гг., сторонник Луи-Наполеона, посланник в Лондоне (1850), министр иностранных дел (1855), председатель Парижского конгресса 1856 года — 15, 498.
- Вальдек, Бенедикт (1802—1870) — немецкий политический деятель демократ, член прусского Национального собрания (1848), автор новой конституции («вальдекской хартии»), в мае 1849 г. был арестован и предан суду

- по обвинению в государственной измене, но присяжными оправдан; позднее один из вождей партии прогрессистов — 441, 460.
- Вальдес — испанский генерал, участник испанской революции 1856 г. — 42, 43.
- Ван-Кортландт — генерал сикхов, в 1857 г. служил у Ранджиги Синга, участник кампании 1845—1846 года, участвовал в усмирении сипаев (1857—1858) — 236, 252, 262.
- Ван-Стробени, сэр Чарльз-Томас (1812—1892) — английский генерал, командовал бригадой английских войск в Крыму (1855—1856), в Китайской войне (1857—1860), в Индии (1862—1865) — 359.
- Вастоцкий, Казимир — польский эмигрант, затем подпоручик турецкой армии (1858) — 422.
- Вейо, Луи (1813—1883) — французский религиозный писатель и публицист, редактор газеты «Univers». сторонник ультрамонтизма — 505, 511.
- Веллингтон, герцог, Артур-Веллеслей (1769—1852) — английский фельдмаршал и главнокомандующий во время наполеоновских войн, консерватор, член парламента (1806—1809), премьер-министр (1827—1829, 1834) — 496.
- Венцель, Август (1799—1860) — прусский политический деятель, либерал, депутат ландтага (1849—1859) — 465.
- Веррес — польский эмигрант в Турции (1858) — 428.
- Вестфален, Фердинанд Отто-Вильгельм-Геннинг фон (1799—1876) — прусский реакционный политик, министр внутренних дел (1850—1858), шурина Маркса — 437, 454.
- Вехлер — итальянская банковская фирма — 480.
- Виктор-Эммануил II (1820—1878) — итальянский король (1861—1878) — 15, 481.
- Виктория I (1819—1901) — английская королева (1837—1901) — 260, 362.
- Вильгельм I (1797—1888) — германский император (1871—1888), прусский король 1861 г. и принц-регент с 1858 года — 398, 433, 434, 435, 437, 438, 439, 441, 442, 445, 446, 458, 464, 465, 467, 468.
- Вильгельм III (1650—1702) — английский король (1689—1702), сын Вильгельма II Оранского и Марии Стюарт — 73.
- Вильмен, Абель-Франсуа (1790—1870) — французский государственный деятель, либерал, ученый и писатель, член палаты депутатов (1830), министр народного просвещения (1840—1844) 494, 511.
- Вильсон, Джеймс (1805—1860) — английский государственный деятель, экономист, публицист, в 1843 г. издавал еженедельную газету «The Economist», либерал, член парламента (1847, 1852, 1857—1859), секретарь казначейства (1853—1858), вице-президент министерства торговли (1854) — 89, 191, 353, 405.
- Вильсон, Томас-Фурнесс (1810—1857) — английский полковник, участник усмирения сипайского восстания в 1857 году — 296.
- Виллиам IV (1765—1837) — король Англии (1830—1837) — 312.
- Вильямс, сэр Вильям Фенегин баронет Карский (1800—1883) — английский генерал, член парламента (1856—1859) командир английских войск под Карсом, который ими был взят в 1856 г., либерал, генерал-губернатор и командант Гибралтара (1870—1876) — 151, 292.
- Вогоридес, Александр (он же Алекопаша) (1823—1859) — греко-болгарин, турецкий дипломат, посланник в Вене (1876—1878), генерал-губернатор Восточной Румелии (1879—1884) — 203, 204.
- Вогоридес, Николай (1821—1863) — греко-болгарин, турецкий государственный деятель, министр финансов каймакан Молдавии (1857), противник объединения Болгарии — 203, 204.
- Вогоридес, Стефан (1776—1862) — греко-болгарин, турецкий драгоман в Египте, каймакан Молдавии (1821—1835), генерал-губернатор Самоса (1835), отец Александра и Николая В. — 201, 203.
- Болф — иезуит, духовник германского императора Леопольда I — 77.
- Болтер, Франсуа-Мари (1694—1748), — французский писатель — сатирик и философ, геист, один из идеологов французской буржуазии кануна революции — 221.
- Врангель, Фридрих-Генрих-Эрнст, граф фон (1784—1877) — прусский фельдмаршал, участник походов 1807 и 1813 гг., предводитель королевских войск в Берлине в 1849 году — 49.
- Вуд, сэр Чарльз, виконт Галифакс (1800—1885) — английский государственный деятель, либерал, член парламента (1826, 1831, 1832—1865). ми-

- нистр финансов канцлер казначейства (1832, 1846), председатель департамента контроля (1852), морской министр (1855), министр по делам Индии (1859—1865) — 405.
- Будман — английский генерал в Индии (1857—1858) — 228.
- Г.**
- Гаманский, Иван — польский эмигрант, фельдфебель в турецкой армии (1858) — 422.
- Гарнье-Пажес, Этьен-Жозеф-Луи (1801—1841) — французский политический деятель, участник июльской революции (1830), член палаты депутатов (1831—1831), республиканец, впоследствии представитель демократической партии — 222.
- Гарнье-Пажес, Луи-Антуан (1803—1878) — французский политический деятель, с 1841 г. депутат левых, в 1848—1849 г. член временного правительства и министр финансов, с 1864 г. в Законодательном корпусе и в 1870 г. вновь член временного правительства — 222.
- Гарнетт, Джереми (1793—1870) — английский журналист, с 1821 г. основатель газеты «Manchester Guardian», с 1844 по 1861 г. ее редактор — 190.
- Ганзман, Давид (1790—1864) — вожь немецкой либеральной буржуазии, депутат ландтага (1847), министр финансов (1848) — 453, 454.
- Гегель, Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, идеалист и диалектик — 471.
- Гейдт, Август, барон фон-дер (1801—1874) — прусский государственный деятель с 1841 г., либерал, депутат ландтага, министр торговли (1848—1862) и финансов (1862, 1866—1869) — 449, 452, 456.
- Гейне, Генрих — немецкий революционный поэт (1797—1856) — 42.
- Генг-стенберг, Эрнст-Вильгельм (1802—1869) — немецкий теолог, профессор Берлинского университета, издатель ортодоксальной «Евангелической церковной газеты» с 1827 года — 472.
- Гендрикс, Томас — английский статистик — 334, 335.
- Генрих IV (1553—1610) — французский король с 1589 г., основатель династии Бурбонов — 510.
- Генрих V — см. Шамбор.
- Георг-Вильгельм (1595—1640) — бранденбургский курфюрст (1619—1640) — 76.
- Георг III (1738—1820) — английский король (1760—1811) — 437.
- Георг IV (1762—1830) — с 1811 г. регент, с 1820 г. король Англии — 437.
- Герберт, Сидней, барон (1810—1861) — английский государственный деятель, консерватор, член парламента (1832—1860), военный министр (1845—1846, 1852—1855, 1859—1860) — 151, 195.
- Герлах, Леопольд, фон (1790—1861) — прусский генерал, пиетист, консерватор — 439, 450.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт — 434, 451, 452.
- Гиббон, Эдуард (1737—1794) — английский историк, популярен как автор многоотомного сочинения «История возвышения и упадка римской империи» — 222.
- Гибсон, Томас Мильнер (1806—1884) — английский либерал, один из лидеров фритредерского движения, член парламента (1841, 1857—1868), в дальнейшем министр торговли (1859—1865, 1865—1866) — 186, 188, 189, 190, 498.
- Гиз (1614—1664) — герцог лотарингский (Генрих II), один из деятелей эпохи фронды — 26.
- Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874) — французский историк, государственный деятель эпохи июльской монархии, идеолог французской финансовой аристократии, министр иностранных дел и премьер-министр (1840—1848) — 27, 494, 501, 511.
- Гладстон, Вильям-Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, вожь либеральной партии, министр торговли (1843—1846), финансов (1852—1855 и 1859—1866), премьер-министр (1868—1874, 1880—1885, 1885—1886, 1892—1894) — 84, 85, 87, 88, 89, 90, 151, 152, 183, 195, 196, 332, 385, 405, 499.
- Глин, Джордж-Гринфелл, барон Уолвертон (1824—1887) — английский банкир, член парламента (1857—1873), министр финансов (1868—1873) — 386.
- Годунов, Борис Федорович (1551—1605) — русский царь (1598—1605) — 536, 547.
- Гогенцоллерн-Зигмаринген, Карл-Антон, принц (1811—1885) — прусский генерал, министр-президент (1858—1862) — 451, 452, 457.
- Гогенцоллерны (1701—1871) — прусская

- королевская, а с 1871 — 1918 германская императорская династия — 72, 73, 75, 76, 77, 434, 438, 439, 444, 451.
- Гордон, Артур-Чарльз-Гамильтон, барон Стэнмор (1829—1912) — сын Эбердина, либерал, член английского парламента (1854—1857) — 194.
- Гордон — английский банкир — 54.
- Гортензия, Евгения Богарне (1783—1837) — жена Людовика Бонапарта (брат Наполеона I), мать Наполеона III, дочь генерала Александра Богарне и императрицы Жозефины — 434.
- Горчаков, Михаил Дмитриевич, князь, (1793 — 1861) — русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны (1854—1855), наместник Польши (1856—1861) — 198.
- Грант, сэр Дже с Хоуп (1808—1875) — английский генерал, участник войны с сикхами (1846—1849) — индийского восстания (1856—1858) и китайской экспедиции («опиумная война») (1860) — 297, 299, 301, 302, 328, 337.
- Грей, сэр Генри-Джордж, виконт Гоуик (1802—1894), член английского парламента (1826—1830, 1831—1841, 1841—1845), виг, военный министр (1835—1839), министр колоний (1846—1852) — 142, 143, 152, 396.
- Грей, Чарльз, виконт Гоуик (1764—1845) — английский виг, министр морской (1806), иностранных дел (1806—1807) и премьер-министр (1831—1834); провел билль о парламентской реформе 1832 года — 496.
- Грехем, сэр Джемс-Роберт-Джордж (1792—1861) — виг, член английского парламента (1818—1855), министр внутренних дел (1841—1846), морской министр (1852—1855) — 150, 183, 185, 186, 195.
- Гренвилль, Джордж-Левенсон-Гоэур, граф (1815—1891) — английский либерал, член парламента с 1833 г., министр иностранных дел (1851—1852, 1870—1874 и 1880—1885), министр колоний (1858—1870 и 1886) — 152, 219.
- Гроций, Гуго (1583—1645) — голландский юрист, гуманист, удивлял мир своими обширными познаниями, писатель, в 1621 г. сидел в тюрьме, бежал, позднее шведский посланник во Франции (1634—1644) — 170.
- Гудибрас — герой поэмы английского сатирика Самюэля Бутлера (1612 — 1680) того же названия — 453.
- Гудсон, Джордж (1880—1881) — ан-лийский «железнодорожный король» член парламента (1845—1859), консерватор, председатель совета восточной железной дорожной компании — 101.
- Гурреа — испанский генерал — 43.
- Густав (II) Адольф — (1594—1632) — шведский король (1611—1632) — 76.
- Гутеррес-де-ла-Конча, Мануэль, маркиз дель Дуэро (1808—1874) — испанский генерал, в 1843 г. участник заговора против Эспартеро; в 1854 г. президент военной Хунты — 40, 46.

Д.

- Давид д'Анже, Пьер-Жан (1789—1856) — французский скульптор, радикальный демократ, после переворота 2 декабря 1851 г. изгнан из Франции — 71.
- Давидсон, Коль и Ко — банкирский дом в Лондоне — 54.
- Далузи, Джемс-Андрей-Броун Рамзай, граф (1812—1860) — английский государственный деятель, консерватор, член парламента с 1837 г. министр торговли (1845) и генерал-губернатор Индии с 1847 года — 244, 246, 311, 314, 336.
- Даннер, Луиза-Христина (1815—1874) — морганатическая супруга датского короля Фредерика VII — 208.
- Дерби, Эдуард-Джозеф-Смит-Стэнли, граф (1799—1869) — английский государственный деятель, сначала виг (1820—1839), а затем торий, член парламента с 1820 г., министр колоний (1833—1834, 1841—1844), премьер-министр (1852, 1858—1859, 1866—1868) — 88, 139, 140, 141, 143, 146, 149, 152, 182, 194, 318, 375, 385, 496, 497, 498, 499, 532, 533.
- Джейкоб — английский полковник в Персии (1857) — 206.
- Джонс, сэр Джон (1811—1878) — английский генерал-лейтенант в Индии — 328.
- Дизраэли, Бенджамин, граф Блэконсфильд (1804—1881) — английский государственный деятель; в 30—40-х годах идеолог «феодалного социализма», с конца 40-х годов лидер консервативной партии, в дальнейшем основоположник английского империализма; министр финансов (1852, 1858, 1859 и 1866—1868) и премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 84, 85, 89, 90, 149, 151, 183, 193, 196, 207, 221, 222, 223, 225, 384, 385, 386, 388, 396, 405, 497, 498.

- Диксон — управляющий Ливерпульским городским банком — 414.
- Дон-Карлос-Мария-Исидро де-Бурбон (1788—1855) — сын короля Карла IV, младший брат Фердинанда VII, испанский абсолютист и клерикал, виновник междоусобной войны, тревожившей Испанию от 1820 до 1830 года — 46, 48.
- Дон-Кихот — герой романа Сервантеса того же названия — 532.
- Дульсе-и-Гарай, Доминго (1808—1869) — испанский генерал, сторонник Эспартеро, участник военных восстаний 1841, 1854 и 1868 годов — 45, 46.
- Дю Буш и К^о — французская банкирская контора, обанкротившаяся в декабре 1857 года — 479.
- Дюпен, Андрэ-Мари-Жан-Жак (1783—1865) — французский адвокат и председатель палаты депутатов (1832—1840 и 1851 г.г.) — 516.
- Дюприз — английский генерал в Индии (1857—1858) — 294.
- Дюро-де-ла-Малль, Адольф-Жюль - Цезарь-Огюст (1777—1857) — французский поэт и ученый — 508.

Е.

- Екатерина II (1729—1796) — русская императрица с 1762 г. — 77, 537.
- Елизавета, принцесса Баварская (1801—1873), позднее королева прусская, жена Фридриха Вильгельма IV — 434, 437, 465—468.

Ж.

- Жерар, Сесиль-Жюль-Базиль (1817—1864) — французский офицер, служил до 1855 г. в Алжире и приобрел европейскую известность своими охотами на львов — 492.
- Жером (он же Иероним Бонапарт) (1784—1860) — младший брат Наполеона I, король Вестфалии (1807—1813), французский маршал (1850) — 487, 494, 502.
- Жирарден, Эмиль де (1802—1881) — французский журналист, основатель консервативной газеты «Presse» (1836—1866), член палаты депутатов (1836, 1874—1881) — 67.

З.

- Завадский, Леон — польский эмигрант, позднее канонир в турецкой армии (1858) — 422.
- Замойский, Андрей, граф (1800—1874) — польский политический деятель, уча-

стник польского восстания 1830 г. и член временного правительства — 420, 423.

И.

- Ибрагим Карабатир — турецкий принц, сын Сефера-паши — 420.
- Ибрагим-бей — турецкий генерал (1858) — 427.
- Иден — английский сборщик податей в Индии в 1856 году — 245.
- Иек — китайский генерал-губернатор Квантунской провинции (1856)—142, 152, 155, 156, 369.
- Изабелла II (1830—1904) — королева Испании (1843—1870) — 40, 47, 48, 49.
- Измаил-паша — см. Клити Георг.
- Инглис, сэр Джон Эрдли-Уильмонт (1814—1862) — английский генерал-майор в Индии (1857—1858) — 280, 281, 282, 284, 285.
- Инфанте, Факудно (1786—1873) — испанский генерал, военный и морской министр (1837, 1860—1863, 1865—1868), председатель кортесов — 42.
- Иоганн Великий или Иоганн Цицерон (1455—1499) — бранденбургский курфюрст (1486—1499) — 74.
- Иоганн-Сигизмунд (1572—1619) — бранденбургский курфюрст (1608—1619) — 77.
- Иоахим I Нестор (1484—1535) — бранденбургский курфюрст (1499—1535) — 74, 76.
- Иоахим II Гектор (1505—1571) — бранденбургский курфюрст (1535—1571) — 74, 76.
- Иоахим-Фридрих (1546—1608) — бранденбургский курфюрст (1598—1608), с 1605 г. прусский герцог — 77.
- Йоркский, Фредерик-Огюстус, герцог (1763—1827) — второй сын английского короля Георга III, фельдмаршал с 1795 года — 437.

К.

- Кабат — польский эмигрант, позднее капитан в турецкой армии (1858) — 428.
- Кавеньяк, Луи-Эжен (1802—1857) — французский генерал, член Национального собрания (1848), военный министр, подавил с крайней жестокостью июньское восстание парижского пролетариата (1848) — 8, 110, 239, 493.
- Каделль, В. — английский чиновник в Индии (1857)—246.
- Кальмар — польский эмигрант в Турции (1858) — 428.

- Камерон — управляющий Лондонским королевским банком в 1856 году — 55, 56, 102, 103, 104.
- Кампаузен, Людольф (1803—1890) — вождь либеральной буржуазии, прусский министр-президент в 1848 году — 435, 442, 453, 455.
- Каннинг, Джордж (1770—1827) — английский государственный деятель, торий, министр иностранных дел (1822—1827), премьер-министр (1827) — 354, 497.
- Каннинг, Чарльз-Джон, граф (1812—1862) — английский генерал-губернатор Индии (1855—1862), член палаты с 1836 г., консерватор — 308, 310, 311, 316, 318, 319.
- Каннинг, Стратфорд, виконт Стратфорд де - Редклиф (1786—1880) — английский дипломат, с 1841 до 1858 г. — посланник в Константинополе — 168.
- Канробер, Франсуа-Сертен (1809—1895) — французский маршал, командовал французской армией под Севастополем — 494, 506.
- Капулетти — герой из «Ромео и Джульетта» Шекспира — 497.
- Карл-Альберт (1798—1849) — сардинский король (1831—1849), участвовал в итальянском освободительном движении, но был разбит австрийскими войсками под командой Радецкого и в 1849 г. отказался от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила II — 15.
- Карл I (1600—1649) — король Англии с 1625, казнен после победы буржуазной революции (1649) — 442.
- Карл II (1630—1685) — король Англии с 1660 года — 442.
- Карл V (1500—1558) — император священной римской империи (1519—1556) и король Испании (1516—1556) — 76, 241.
- Карл X (1757—1836), французский король (1824—1830), младший брат Людовика XVI и Людовика XVIII, будучи принцем носил титул графа Артуа — 209.
- Карл XV (1826—1872) — король Швеции с 1859 года — 208.
- Карл-Людвиг-Иоанн (1771—1847) — австрийский эрцгерцог, главнокомандующий австрийскими войсками в войнах против Наполеона I — 176.
- Карл Смелый (1433—1477) — бургундский герцог (1467—1477) — 72.
- Кардуэлль, виконт, Эдуард (1813—1886) — английский консерватор, пилит, затем либерал, министр торговли (1852—1855), по делам Ирландии (1859—1861), колоний (1864—1866) и военный министр (1868—1874) — 194, 405.
- Карский Уильямс — см. Вильямс сэр Вильям Феник.
- Каслри, Роберт Стюарт, виконт (1769—1822), член — английского парламента с 1790 г., военный министр (1805, 1807), министр иностранных дел (1812—1822) — 58, 182, 498, 533.
- Кассаньяк, Гранье де, Адольф (1806—1880) — французский публицист, орлеанист, историк и романист, после февральской революции бонапартист — 494, 511.
- Кастеллан, Эспри - Виктор - Элизавет-Бонифас граф (1788—1862) — французский маршал с 1852 года — 493.
- Кейп — английский лейтенант в Индии (1858) — 307.
- Кемпбелл Джордж английский чиновник в Индии — 336.
- Кемпбэлл, сэр Колин (1792—1863) — английский фельдмаршал, главнокомандующий английской армией в Индии (1857—1860) — 264, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 286, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 304, 306, 307, 308, 321, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 337.
- Керн, Иоанн-Конрад (1808—1888) — швейцарский государственный деятель, дипломат, правительственный президент (1850), министр просвещения (1854), посол в Париже (1856—1883) — 502.
- Кинг, Питер-Джон-Локк (1811—1885) — член английского парламента (1847—1874), радикал — 396.
- Кирхман, Юлиус (1802—1884) — немецкий философ и публицист, либеральный политик, в 1848 г. член левого центра прусского Национального собрания — 441.
- Кланрикард, Улик-Джон де-Бург, маркиз (1802—1874) — английский дипломат, посол в Петербурге (1838—1841), член палаты лордов, либерал, лорд-хранитель малой печати — 497.
- Кларендон Джордж-Вильям-Фредерик-Вильерс, граф (1800—1870) — английский дипломат, посол в Мадриде (1833—1839), лорд-хранитель печати (1839—1841), министр торговли (1846), министр иностранных дел (1853—1858, 1865—1866 и 1868—1870); был лордом наместником Ирландии; в период революции 1848 г., и сильного голода в Ирландии, получив особые полномочия от парламента, жестоко подавил революционное движение в

- Ирландии — 14, 152, 153, 154, 195, 203.
- Клей, сэр Вильям (1791—1869) — английский купец, член парламента (1832—1857), виг — 84.
- Клейст Репцов Ганс-Гуго фон (1814—1892) — прусский консерватор, лидер юнкерского парламента (1848), член палаты депутатов (1849—1852), член рейхстага с 1877 г. — 464.
- Кларк, сэр Джордж (1787—1867) — член английского парламента (1811—1852), консерватор, лорд адмиралтейства (1819—1827) — 194.
- Клети, Георг (он же Измаил-паша) (1810—1865) — венгерский генерал, после участия в венгерской революции 1848—1849 гг. перешел на службу в турецкую армию под именем Измаил-паша, защищал Карс против русских во время Крымской войны в 1855 году — 420, 423.
- Коббет, Вильям (1762—1835) — английский публицист, предшественник чартистов по борьбе за всеобщее избирательное право и улучшение положения рабочих и трудящихся масс, член парламента с 1832 года — 124.
- Кобден, Ричард (1804—1865) — манчестерский фабрикант, лидер фритредеров, член парламента с 1841 г. да — 139, 143, 150, 180, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 195, 497.
- Кодрингтон, сэр Вильям - Джон (1804—1884) — английский генерал, главнокомандующий английских войск при осаде Севастополя (1855—1856), член парламента (1857), либерал — 292.
- Коль — см. Давидсон, Коль и К°
- Колман — счетовод Лондонского королевского банка — 55.
- Колхоф, В. Д. — английский купец в Индии — 245.
- Коноль — английский дипломат, посланник в Хиве, затем в Бухаре, где убит вместе с бывшим английским посланником Стоддардом в 1842 году — 364.
- Константин Николаевич — русский великий князь (1827—1892), второй сын Николая I; с 1855 г. стоял во главе морского ведомства, в 1862 г. — наместник в Польше — 529.
- Конча — см. Гутьеррес де-ла Конча.
- Корнуэльс, Чарльз, маркиз (1738—1805) — английский генерал губернатор Индии (1786—1793 и 1805), усмиритель ирландского восстания (1798), член парламента с 1760 г. да — 317.
- Корсаков — см. Римский-Корсаков.
- Кошут, Людвиг (1802—1894) — венгерский революционер, вождь либерального дворянства, глава республики 1848—1849 годов — 419, 420, 421, 425, 428.
- Красов Карл-Рейнгольд граф, фон (1812—1892) — член прусского ландтага (1849), сторонник Бисмарка, президент Штральзунда (1852—1869) — 459.
- Крыслевич, Антон — польский эмигрант, позднее подпоручик в турецкой армии (1858) — 422.
- Кузен, Виктор (1792—1867) — французский философ и ученый из рабочих, гегельянец-электик, министр народного просвещения (1840) — 511.
- Кук, Джордж-Уингров (1814—1865) — английский писатель, китайский и алжирский корреспондент газеты «Times» — 354, 356, 370.
- Курта, Амабль-Каспар-Генри, граф-де (1790—1877) — французский генерал, член палаты депутатов (1842), в 1848 г. командующий парижской гвардией — 504.

Л.

- Лабушер, Генри, барон Тонтон (1798—1869) — английский либерал, министр торговли (1839—1841, 1847—1852) и колоний (1855—1858) — 181.
- Ланской, Сергей Степанович, граф (1787—1862) — министр внутренних дел (1855—1861), известный деятель крестьянской реформы — 542.
- Лапинский, Теофиль (он же Тефик-бей) (1827—1886), польский революционер, участник венгерской (1848—1849) и польских (1830—1860) революций, полковник турецкой армии (1850—1857) — 418, 420, 421, 422, 424, 425, 426, 427, 428, 429.
- Ласи-Эванс, сэр Джордж (1787—1870) — английский генерал, член парламента (1831, 1833, 1846, 1852, 1857, 1859—1865), либерал, участник Крымской войны (1854) — 206, 506.
- Ласи — редактор «Journal des Débats» — 494.
- Ледрю - Роллен, Александр - Огюст (1807—1874) — французский политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. член временного правительства и кандидат в президенты; с 1849 г. жил в эмиграции в Лондоне — 28.
- Лекурб, Клод-Жак (1759—1815) — французский генерал, принимал участие

- почти во всех войнах революционной эпохи до 1801 г. сражался с Суворовым в Швейцарии — 175.
- Лелевель, Иоахим (1786—1861) — польский историк, демократ, участник восстания 1830 г. и член польского временного правительства (левое крыло); после 1831 г. эмигрант — 508.
- Леопольд I (1640—1705) — германский император (1658—1705), венгерский (1655) и богемский король (1658) — 77.
- Лешингтон, Чарльз (1785—1866) — английский виг, член парламента (1833—1841, 1847—1852) — 194.
- Либах, Юстус, фон (1803—1873) — немецкий химик 165.
- Лин — китайский правительственный комиссар в 1837—1839 годах — 351.
- Линд, Дженни (1820—1887) — шведская певица. — 429.
- Линдхерст, барон, Джон-Синглитон Копли (1772 — 1863) — английский консерватор, лорд-канцлер (1827—1830, 1834—1835, 1841—1846, 1851) — 139, 142, 143.
- Линклейтер — поверенный кредиторов Британского королевского банка — 102, 103, 104.
- Линовский, Отто — польский эмигрант, позже служил в турецкой армии (1858) — 422.
- Листер, Самуэль-Кенлифф, барон Мешем (1815—1906) — английский инженер и изобретатель, имел около 150 патентов своих изобретений и прозван Листер-Картрайт — 99.
- Лонгворт — английский консул в Анане (1857) — 419, 420.
- Лоренс, Ричард — английский капитан, шеф полиции в Лагоре во время восстания синаев в 1857 году — 229.
- Лоренс, сэр Генри Монтгомери (1806—1857) — английский бригадный генерал в Индии, главный комиссар Ауда (1856). — 214, 228, 238, 258, 281, 282.
- Лоренс, Джон-Лерд-Мер, барон (1811—1879) — английский генерал-губернатор Индии, командующий войсками в Пенджабе — 240, 261, 262, 300, 339.
- Лоренс, сэр Джордж Сен-Патрик (1804—1884) — английский генерал в Индии — 267.
- Лоу, Роберт (Боб), виконт Шербрук (1811—1892) — английский адвокат, член парламента (1852—1870), либерал, председатель департамента контроля (1852—1855); в кабинете Эбердина статс-секретарь по делам Индии — 181, 188, 189.
- Луи-Филипп (1773 — 1850) — король Франции (1830—1848) — 29, 36, 40, 41, 105, 107, 110, 222, 310, 447, 492, 493, 511, 516.
- Ло, Джон (1671—1729) — английский экономист, основатель кредитного банка с выпуском бумажных денег в Париже (1716), министр финансов во Франции (1719) — 27, 32, 36, 121.
- Люгард, Е. — английский генерал, усмиритель сипайского восстания в Индии в 1857 году — 301, 328.
- Людовик XIII (1601—1643) — французский король (1610—1643) — 437.
- Людовик XIV (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 60, 511.
- Людовик XVIII (1755—1824) — король Франции с 1814 года — 41, 435, 491.
- Льюис, сэр Джордж-Корноуол (1806—1863) — член английского парламента с 1847 г., либерал, министр финансов (1850—1852, 1855—1858), внутренних дел (1859—1861) и военный министр (1851—1863) — 84, 85, 87, 88, 89, 385, 386, 405, 497.

М.

- Мадзини, Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер-заговорщик, мелкобуржуазный демократ, основатель республиканского общества «Молодая Италия», в 1848—1849 гг. член Временного правительства в Риме — 508, 509, 511, 512, 536.
- Мадос Паскаль (1806—1870) — испанский либерал, президент кортесов (1855) — 42.
- Мазарини, Жюль (1602—1661) — французский кардинал и министр, фактический правитель королевства при малолетнем Людовике XIV (1643—1661) — 437.
- Майелль, Эдуард (1809—1881) — член английского парламента (1852—1857, 1869—1874), либерал, издатель газеты «Nonconformist» с 1841 года — 188.
- Макбет (ум. 1057) — шотландский король (1040—1057) — 509.
- Мак-Грегор, Джон (1797—1857) — английский историк, член парламента (1847), министр торговли (1840), директор Королевского государственного банка (1849) — 54, 55, 360.
- Макональд, Этьен-Жак-Джозеф-Александр, герцог (1765—1840) — фран-

- цузский маршал, в 1799 г. проиграл сражение на р. Требни Суворову — 174.
- Мақдональд — английская банковская фирма — 415.
- Мак-Магон, Мари-Эдме-Патри-Морис, герцог Маджента (1808—1893) — французский маршал, участник Крымской войны (1856), командовал войсками версальцев против Коммуны (1871), президент третьей республики (1873—1879) — 506.
- Мальборо, герцог, Джон-Черчилль (1650—1722) — английский генерал, виг, главнокомандующий всеми английскими войсками в войне за испанское наследство (1702—1712, 1714—1716) — 173, 292.
- Мальгрёв — см. Фиппс, Джордж-Огюст Константин.
- Мальмсбери, Джемс - Говард - Гаррис, граф (1807—1889) — английский консерватор, министр иностранных дел (1852—и 1858—1859) — 152, 498.
- Маннерс, Чарльз Сесиль-Джон, герцог Ратлендский (1815—1888) — английский политический деятель. — 396.
- Маннерс-Сеттон, Джон-Генри-Томас, виконт Кентербери (1814—1877) — член английского парламента (1841—1847), пилит, помощник министра внутренних дел (1841—1846) — 194.
- Мантейфель, Отто-Теодор фон (1805—1882) — прусский государственный деятель, реакционер, министр внутренних дел (1848—1850), министр-президент и министр иностранных дел (1850—1858) — 437, 438, 450, 456.
- Маньян, Бернар-Пьер (1791—1855) — французский маршал, участник подавления восстания в Лионе в 1849 г., командир парижской армии при подавлении восстания 2—4 декабря 1851 г. — 493.
- Мань, Пьер (1806—1879) — французский государственный деятель, член палаты депутатов (1843), министр земледелия (1853), финансов (1855—1860, 1867—1869, 1873—1874) — 65.
- Мареский, Михаил — польский эмигрант, позднее поручик в турецкой армии (1858) — 422.
- Массена Андрей (1756—1817) — французский маршал, самый крупный полководец среди маршалов Наполеона I — 174.
- Маццолла — итальянская банковская фирма — 480.
- Мейсон, Джордж-Генри-Монк (1825—1857) — английский политический агент в Индии, убит при восстании сипаев в 1857 году — 267.
- Мельбурн, виконт, Лэмб-Вильям (1779—1848) — английский виг, министр внутренних дел (1830—1834) и премьер-министр (1834—1841) — 496.
- Меньшиков, Александр Данилович (1673—1729) видный государственный деятель в царствование Петра I — 201, 506.
- Мериссент — директор «Crédit Mobilier» — 472.
- Де Марсе (De Mercey) — 514.
- Милль, Джон-Стюарт (1806—1873) — аглийский философ, экономист и социолог, идеолог либерализма, член парламента (1865—1868) — 406.
- Минг — китайская династия (1368—1644) — 167.
- Минье, Клод-Этьенн (1814—1879) — французский генерал из семьи ремесленника, изобретатель усовершенствованного ружья (1830) — 295.
- Мессурус, М. Ц. — Турецкий посол в Лондоне (1857)—203.
- Мирес, Жюль-Исаак (1809—1871) — французский банкир, владелец газет «Le Pays» и «Le Constitutionnal» с 1852-года — 494.
- Михицкий, Александр — польский эмигрант, позднее сержант-майор в турецкой армии (1858). — 422.
- Мишле, Жюль (1798—1874) — французский историк и философ из крестьян, радикал - демократ, правительство Луи-Наполеона лишило его кафедры истории в «Collège de France» — 511.
- Мольер (псевдоним Жана-Батиста-Покелена) (1622—1673)—французский драматург — 241.
- Менгомери, Мартин — английский купец 345, 346.
- Монтамбер, Шарль-Форб-де-Трион, граф (1810—1870) — французский писатель, оратор, вождь католической партии, в 1848—1849 г.г. член Национального и Законодательного собраний — 31, 516, 517, 518, 519.
- Монтейс — английская банковская фирма — 415.
- Монтец, Лола (1818—1861) — испанская балетная танцовщица — 429.
- Монтескье, Шарль, де-Секонда, барон де-ла-Бред (1689—1755) — французский писатель публицист. Теоретик конституционной монархии — 222, 508.
- Монтихо, Евгения-Мари, фон, графиня Теба (1826—1920) — французская

- императрица (1852—1870), жена Наполеона III—7, 487.
- Морни, де-Шарль-Огюст-Луи - Жозеф, герцог (1811—1865) — сводный брат императора Наполеона III, министр внутренних дел (1851—1852), организовал переворот 2 декабря 1851 г.; президент Законодательного корпуса (1854, 1857—1865), посол в России (1856—1857) — 27, 33, 487, 498, 502.
- Мохамед-Сей — см. Бандя.
- Моцарт, Вольфганг-Амадей (1756—1791) — немецкий композитор — 241.
- Муньос, Мадам — см. Христина-Мария.
- Муньос-Бенеvento-Хосе (Пучета) (1820—1856) — испанский торреадор, участник революции 1854 г. и июльского восстания 1856 года — 42, 46.
- Муррей, Чарльз-Огюст, сэр (1806—1895) — английский дипломат, генеральный консул в Египте (1846—1853), посол в Швейцарии (1853), Персии (1854 — 1859) и Копенгагене (1866) — 146, 170, 171, 206.
- Муштафа — турецкий солдат (1858) — 417.
- Мюрат, И ахим (1771—1815) — французский маршал (1804), неаполитанский король под именем Иоахима-Наполеона (1808—1814) — 48, 451.
- ## Н.
- Наас, Ричард-Сатуэлл Борк, лорд (1822—1872) — английский государственный деятель — 532, 533.
- Наиб (араб) — в Закавказье при персидском владычестве Н. был старшиной общины — 421, 430.
- Нана Саиб (род. 1825) — вождь индийского восстания 1857 г., усвоенный владетельный князь, признанный англичанами; в 1857 г. возглавлял восставших сипаев — 237, 238, 263, 321.
- Наполеон I (1769—1821) — император Франции (1804—1815) — 9, 27, 28, 40, 80, 115, 117, 118, 173, 174, 175, 177, 241, 256, 286, 354, 363, 451, 455, 493, 507, 511, 530, 531.
- Наполеон III (Луи Бонапарт, Наполеон маленький, Бустрана) (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 7, 8, 9, 10, 11, 15, 24, 26, 27, 28, 30, 33, 36, 40, 41, 49, 54, 58, 59, 63, 65, 70, 107, 108, 109, 110, 111, 115, 129, 149, 171, 182, 183, 184, 196, 202, 208, 308, 310, 398, 451, 477, 478, 479, 481, 483, 484, 485, 486, 487, 492, 493, 494, 495, 496, 498, 501, 502, 503, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 524, 525.
- Наполеон Жозеф-Шарль-Поль-Бонапарт, принц, известен под шуточным прозвищем «Плон-Плон» (1822—1891) — сын короля вестфальского Иеронимо Бонапарта; кузен Наполеона III — 40.
- Наполеон маленький — см. Наполеон III.
- Нарваз, дон-Рамон-Мария, герцог Валенсийский (1800—1868) — испанский государственный деятель, до 1838 г. либерал, затем реакционер. министр-президент с 1844 года 40, 41.
- Насмит, Джемс (1808—1890) — английский инженер, усовершенствовал паровой молот, телескоп и т. д. — 98.
- Нассау-Оранский герцог, английский король — см. Вильгельм III.
- Неаполитанский король — см. Фердинанд II.
- Немурская герцогиня — см. Орлеан Мария фон.
- Непир, Чарльз-Джемс сэр (1782—1853) — английский генерал, участник наполеоновских войн, в 1845 закончил покорение индийских провинций Синда и Белуджистана — 137, 227, 292.
- Нибур, Маркус - Карстен - Николаас (1817—1860) — прусский государственный чиновник, в 1855 г. секретарь и советник кабинета короля — 439.
- Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 199, 362, 438, 439, 449, 530, 531, 543, 544.
- Никольсон, Джон (1821—1857) — английский генерал в Индии, командир отряда при осаде Дели в 1857 году — 256, 261, 265.
- Ниль, Джемс-Джордж-Смис (1810—1857) — английский генерал, участник русско-турецкой войны (1853—1856) — 263.
- Норкот, сэр Стаффорд Генри, граф Иддеследж (1818—1887) — английский консерватор, министр торговли (1866), по делам Индии (1867), финансов (1874—1880), иностранных дел (1886) — 194.
- Нолан, Люис-Эдуард (1820—1854) — английский капитан, автор книг «Cavalry» (1851) и «Cavalry Horses» (1861) — 163.
- Ньюкестль, Генри Пильгэм Финнес-Пильгэм Клинтон, герцог (1811—1864) — английский консерватор, министр по делам Ирландии (1846), военный министр и колоний (1852—1854), военный министр (1854—1855) и колоний (1859—1864) — 152.

О.

- Оверстон, Самюэль-Джон-Ллойд барон, (1796—1883) — английский финансист, член парламента, либерал, активный участник банковской реформы Пиля (1844) — 404, 405.
- О'Доннель, дон Леопольдо, граф Люсенский, герцог Тетуанский (1809—1867) — испанский генерал, вначале принадлежал к прогрессивистской партии, затем перешел к умеренным, возглавлял военный заговор 1841 г. и 1854 г., военный министр (1854, 1858—1859 и 1863—1866) и министр-президент (1856—1857, 1858—1863, 1865—1866) — 40, 41, 42, 43, 45, 46, 48, 49.
- Одилон Барро — см. Барро, Камил.
- Окленд, Иден, Джордж, граф (1784—1849) — член английского парламента, виг, министр торговли (1830—1834, 1835), морской министр (1834—1846), генерал-губернатор Индии (1835) — 313, 314.
- Оливер — служащий английского Королевского банка — 103.
- Орлеан, герцогиня фон, Мария (ум. в 1707 г.) — единственная дочь Лонгвильского герцога — 72, 73.
- Орлов, Алексей Федорович, князь (1786—1861) — русский генерал, дипломат, реакционер, подавлял восстание декабристов (1825), посланник в Константинополе (1829—1833), председатель делегации на Парижском мирном конгрессе (1856), председатель Государственного совета и Комитета министров (1856), шеф жандармов и главный начальник III отделения (1844) — 13.
- Орсини, Феличе граф (1809—1858) — итальянский революционер — заговорщик, покушавшийся на Наполеона III (1858) — 496, 500, 501, 503.
- Оттингер — французский банкирский дом — 122.
- Оуэн — директор Лондонского королевского банка — 55.
- госсе (1809—1908), сначала монархист, а с 1820 г. стал на сторону конституционной партии — 43.
- Паллеари — итальянская банковская фирма — 480.
- Пальмер, Вильям (1824—1856) — английский врач, в целях получения наследства отравивший свою жену и брата; судом был присужден к повешению — 347.
- Пальмер, сэр Раундель, граф Сельборн (1812—1895) — английский политический деятель, член парламента в 1847 г., был консерватором, потом перешел к умеренным либералам — 27, 194.
- Пальмерстон, Генри-Джон-Темпл, виконт, «британский Ахилл», «Геракл» (1784—1865) — английский государственный деятель, виг, министр иностранных дел (1830—1841, 1846—1852), внутренних (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858, 1859—1865) — 10, 13, 15, 84, 88, 89, 90, 139, 143, 145, 146, 148, 149, 151, 152, 153, 154, 168, 169, 179, 180—190, 192, 193, 194, 195, 196, 202, 204, 206, 207, 208, 221, 308, 312, 313, 314, 358, 362, 384, 396, 487, 496, 497, 498, 499, 506.
- Пандора — мифологическая первая женщина. В «ящике Пандоры» находятся всевозможные человеческие несчастья — 460.
- Панмюр, Фокс, Мольт, барон (1801—1874) — член английского парламента (1835—1837, 1838—1841, 1841—1852), виг, военный министр (1846—1852 и 1855—1858) — 497.
- Паркс, сэр Гарри-Смис (1828—1885) — английский дипломат, консул (1856) и контрольный комиссар в Кантоне (1858), консул в Шанхае (1860), посол в Японии (1865) — 146, 156, 181.
- Патов, Эразм-Роберт барон (1804—1890) — русский министр торговли в кабинете Кампгаузена в 1848 г., в либеральном министерстве Гогенцоллерн-Ауэрсвальд был министром финансов (1858—1862) — 449, 452, 455, 457.
- Паттисон — английская банковская фирма — 415.
- Пейтон, Джон-Стаффорд (1821—1889) — английский генерал в Индии (1857—1858) — 261.
- Перейра, Исаак (1806—1880) — французский банкир из португальских евреев, сен-симонист (1829—1834), в 1852 основал совместно со своим братом Эмилем П. общество «Crédit Mobilier» — 21, 24, 27, 28, 31, 33, 34, 62, 122, 472.

П.

- Пакингтон, сэр Джон-Сомерсет, барон Гамптон (1799—1880) член английского парламента (1837—1874), консерватор, военный министр и колоний (1852), военный министр (1867) — 146, 151, 498.
- Палафокс, дон-Хозе, герцог Сарагосский (1776—1847) — испанский генерал, возглавлял восстание в Сара-

- Перейра, Эмиль (1800—1875) — французский банкир, брат Исаака П., с которым основал в 1852 г. во Франции акционерное общество «Crédit Mobilier» — 27, 33, 111.
- Перовский, Василий Алексеевич граф (1794—1857) — русский генерал, оренбургский военный губернатор (1833—1842, 1851—1856); предпринятый им хивинский поход окончился неудачно (1839—1840), в 1854 г. заключил с хивинским ханом выгодный для России договор — 135, 364, 365.
- Персиваль, Спенсер (1762—1812) — член английского парламента с 1796, торий, премьер-министр (1809—1812) — 437, 496.
- Пелисье, Жан-Жак (1794—1864) — французский маршал, в 1855 г. командовал I армейским корпусом под Севастополем, потом сменил главнокомандующего Канробера; взятие Малахова кургана доставило П. звание герцога Малаховского — 10, 11, 487, 494, 505, 506, 507.
- Персины, Жан-Жильбер, Виктор-Филален граф (1808—1872) — бонапартист, участник страсбургской и булонской авантюры Луи-Наполеона, участник переворота 2 декабря 1852 года — 487, 505.
- Петр I Великий (1672—1725) — русский царь с 1682 г., император с 1721 года — 77, 202, 363, 364, 536, 537, 545.
- Пий IX (1792—1878) — римский папа (1846—1878) — 539.
- Пиль, Роберт (1788—1850) — английский либерал-консерватор, премьер-министр (1830, 1841—1846), в 1846 г. провел билль об отмене хлебных пошлин — 84, 85, 86, 128, 146, 149, 188, 194, 404, 405, 406, 407, 413, 414, 496, 497, 499, 535.
- Пиндар (ок. 522—443 до н. э.) — древнегреческий поэт — 179.
- Питт, Вильям (младший), граф Чатам (1759—1806) — английский торий, премьер-министр (1783—1801 и 1804—1806), организатор войны против Французской республики, в 1798 г. жестоко подавил ирландское восстание — 387, 496, 498.
- Плас — французский финансист, один из директоров «Crédit Mobilier» — 27, 121.
- Платонов — член Петербургского дворянского комитета в 1856 году — 542.
- Поль — французский банкир — 54.
- Поттер, сэр Джон (род. 1815 г.) — английский купец из Манчестера, член парламента (1857), либерал, привере-
 женец пальмерстоновской иностранной политики — 189.
- Поттингер, сэр Генри (1789—1856) — английский генерал и дипломат, командующий английскими войсками во время опиумной войны (1842), губернатор Гонг-Конга (1843), Мадраса (1847) — 159, 353.
- Поулет, лорд Вильям (1804—1893) — английский фельдмаршал, участник Крымской войны 1854 года — 194.
- Прайс, Ричард (1723—1791) — английский писатель-моралист, экономист, друг Франклина, в 1771 г. издал свой памфлет «Appeal to the Public on the subject of the National Debt» — 386, 387.
- Принц-регент см. Вильгельм I.
- Прокеш, фон-Остен, граф, Антон (1795—1876) — австрийский дипломат и писатель, посланник в Афинах (1834—1849), Берлине (1849—1852), с 1855 г. интернунц при Высокой Порте, а затем с 1861 по 1871 г. посланник в Константинополе — 203.
- Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский экономист, идеолог мелкой буржуазии, теоретик анархизма — 27.
- Прусская королева — см. Елизавета, принцесса Баварская.
- Прусская принцесса — см. Августа, жена Вильгельма I.
- Пучета (прозвище) — см. Муньос-Беневетино-Хосе.
- Пфейль граф — 455.
- Пюклер, Эрдман, князь (1792—1869) — прусский министр земледелия в 1858—1862 годах — 452, 455.
- Пьери, Джузеппе-Андреа (1808—1858) — итальянский патриот, арестованный по подозрению в соучастии на покушение Орсини и казненный вместе с последним — 500, 501.
- Пьетри, Жозеф-Мари (1820—1902) — французский префект полиции, бонапартист, открыл революционный заговор против Наполеона III в 1870 году — 485.

Р.

- Раглан, лорд Фитрой-Джемс-Генри-Сомерсет (1788—1855) — английский фельдмаршал, главнокомандующий войск в Крымской войне (1854—1855) — 292.
- Радецкий, Иоанн-Иосиф-Венцель-Антон-Франц-Карл граф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. главнокомандующий австрийских войск в Италии — 11, 15, 49.

- Рани — туземный индийский чиновник — 247.
- Рапп, Жан граф (1771—1821) — французский генерал, адъютант Наполеона I (1800—1807), штатгальтер г. Данцига — 285.
- Распайль, Франсуа-Венсан (1794—1878) — известный французский естествоиспытатель, врач, публицист, радикал, член Учредительного собрания 1848 года — 5.
- Ратлендский герцог — см. Маннерс, Чарльз Сесиль Джон.
- Раймер, Георг-Эрнст (1804—1885) — прусский депутат палаты (1852—1861), консерватор, книгоиздатель — 460.
- Ревах — индийский раджа в 1857 году — 267.
- Редаели — итальянская банковская фирма — 480.
- Ремер — турецкий офицер — 421.
- Рено Жан — 511.
- Рено — английский майор в Индии, участник усмирения восстания синаев в 1857 году — 237.
- Рид, сэр Томас (1796—1883) — английский генерал в Индии (1857) — 234, 261.
- Рикардо, Давид (1772—1823) — английский экономист, виднейший представитель классической школы политической экономии — 21.
- Римский-Корсаков, Александр Михайлович (1753—1840) — русский генерал, участник второй турецкой войны, в походе Зубова в Персию (1796), в 1799 г. командовал русским отрядом в Швейцарии; Массена нанес ему поражение при Цюрихе; член Государственного совета с 1830 года — 174.
- Риос-и-Росаса, Антонио-дела (1812—1873) — испанский политический деятель, депутат нескольких кортесов, принадлежал к партии умеренных — 41.
- Рихеншпренг — вождь прусской католической оппозиции (1858) — 465.
- Ричард III (1452—1485) — английский король (1483—1485) — 179.
- Ричардсон, Джонатан — директор Нортумберлендского и Дергемского окружного банка — 179.
- Робак, Джон-Артур (1801—1879) — английский радикал, член парламента (1832—1837, 1841—1847, 1849—1868, 1874—1879), либерал — 151, 183.
- Робертс, сэр Генри-Джи (1800—1860) — английский генерал-майор, служил в Ост-индской компании (1818), участник усмирения сипаев в Индии (1857) — 338, 339.
- Робеспьер, Максимилиен-Франсуа-Мари-Исидор (1758—1794) — вождь французской якобинской партии, возглавлявший революционное правительство в период 1793—1794 годов — 511.
- Робинзон, Фредерик-Джон, виконт Годери (1782—1859) — английский торрер, министр финансов (1823—1827), военный министр (1827), премьер-министр (1827—1828), военный министр и министр колоний (1830), лорд хранитель малой печати (1833), министр торговли (1841), председатель Конторского совета по делам Индии (1843—1846) — 191.
- Родбергус, Иоганн-Карл (1805—1875) — немецкий экономист, депутат прусской палаты в 1848 г., либерал, министр просвещения (1848) — 441, 460.
- Романов — царская династия в России (1613—1917) — 15.
- Россель, Джон лорд, впоследствии граф (1792—1878) — лидер английских вигов и премьер-министр (1846—1852 и 1865—1866), министр иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865), в 1855 г. (несколько месяцев) министр колоний — 88, 90, 139, 149, 150, 152, 183, 185, 186, 195, 496, 497.
- Россель Вильям, сотрудник газеты «Times» — 304, 306, 323, 324.
- Рооз, Хью-Генри (1801—1885) — английский полковник, затем генерал в Индии, в 1852—1853 гг. поверенный в делах в Константинополе — 299, 302, 325, 329.
- Рос-де-Олаю, Антонио (1808—1886) — испанский генерал, принадлежал к партии умеренных, один из руководителей военного восстания 1854 года — 40.
- Ротшильды — банкирский дом, основанный в 1803 г. Мейер-Амзелем Р. (1743—1812) во Франкфурте-на-Майне — 435, 481.
- Ротшильд, Яков (Джемс) (1792—1868) — глава банкирского дома Ротшильдов во Франции — 27, 107.

С.

- Савойский дом (1034—1720), с 1720 г. сардинская монархия — 13, 14, 15, 16.
- Савойский, Евгений (1663—1736) — австрийский генералиссимус — 173.
- Садлер, Джон (1814—1856) — ирландский политический деятель и банкир, директор Типперари банка (1847—1848), член парламента (1847, 1853) — 27, 54.

- Сафир, Азим — персидский премьер-министр в 1857 году — 170, 171.
- Сеймур, сэр Митель (1802—1887) — английский адмирал, командующий балтийским флотом (1854), взял Кантон (1857) — 152, 153, 155, 156, 181.
- Сент-Арно, Арман-Жак-Леруа де (1801—1854) — французский маршал, военный министр (1851—1854), активный участник переворота 2 декабря 1851 г.; главнокомандующий французских войск в Крыму (1854) — 506.
- Сен-Жюст, Антуан-Луи-Леон (1767—1794) — французский революционер Великой французской революции; с 1792 г. член Конвента, депутат Горы, с 1793 г. член Комитета общества спасения, комиссар Северной армии (1794), сторонник Робеспьера, мелкобуржуазный демократ, казнен в Париже 10 термидора (28 июля 1794) вместе с Робеспьером — 27.
- Сен-Симон, Клод-Анри де (1760—1825) — один из виднейших представителей утопического социализма, создатель школы сен-симонистов — 26, 27.
- Сефер-паша — 417, 418, 419, 420, 421, 422, 425, 426, 427, 428, 429, 430.
- Серрано-и-Домингес, Франциско, герцог де-ла-Шорре (1810—1885) — испанский генерал. В 1843—1845 г. военный министр; в 1856 г. участвовал в восстановлении реакции; в 1857 г. посол в Париже; в 1867 г. избран вождем либеральной партии; в 1871 г. назначен министром-президентом — 40.
- Сервий Туллий (578—535 до н. э.) — шестой римский царь — 448.
- Сеттон — см. Маннерс-Сеттон.
- Сатара, Аппа Саиб (ум. в 1848 г.) — индийский раджа — 223, 224.
- Сигизмунд (1368—1437) — германский император (1411—1437); венгерский король (1382—1437) — 75, 76.
- Сидней, Герберт — см. Герберт Сидней.
- Сийеса, Эммануэль-Жозеф, аббат (1748—1836) — деятель Великой французской революции, автор брошюры «Что такое третье сословие», сыгравшей роль политической программы для буржуазии в 1799 году — 454.
- Симонс, Людвиг (1803—1870) — немецкий правовед, 1848 г. член прусского Национального собрания примыкал к правым; с 1849 до 1860 г. прусский министр — 452, 456.
- Сисмонди, Жан-Поль (1753—1841) — французский экономист, философ, историк (1792—1868) — 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135 г.; после смерти
- лорда Раглана английский главнокомандующий в Крыму — 292.
- Синг, Куер — предводитель дипапурских повстанцев в Индии в 1857 году — 267.
- Синг, Маун — король провинции Ауд в Индии, во время восстания сипаев остался верен англичанам (1857) — 337.
- Синг, Маун — туземный индийский вождь повстанцев в Гвалиоре (1857) — 339.
- Синг, Оммор — индийский вождь повстанцев в провинции Ауд (1857) — 338.
- Синг, Парандур — индийский раджа — 267.
- Синг, Ранбир — индийский раджа из Кашмира — 265.
- Синдбад — персонаж из арабских сказок — «Тысяча и одна ночь» — 193.
- Синдиа, Джзаджи Рео — махратский князь в центральной Индии (1857—1858) — 255.
- Сиркар (Sircar) — 247.
- Сисмонди, Жан-Шарль-Леонард (1773—1842) — французский мелкобуржуазный экономист, романтик — 116.
- Скорт — 415.
- Слейтер (Slater) — 411.
- Слиман, сэр Вильям-Генри (1788—1856) — английский генерал-майор в Индии, резидент Лукноу (1849—1854) — 314.
- Смайт, Джордж-Огюст-Фредерик-Перси Сижней, виконт Стренгфорд и барон Пенгперст (1818—1857) — английский журналист, член парламента (1841), пилит — 194.
- Смит Роберт-Вернон, позже барон Лайвден (1800—1873) — английский виг, член парламента, военный министр (февраль-март 1852 г.) и председатель Контрольного совета по делам Индии (1855—1858) — 226, 227, 497.
- Смит, сэр Чарльз-Феликс (1786—1858) — английский генерал-лейтенант, военный инженер, с 1823—1837 г. служил в Индии, с 1838—1842 г. на Гибралтаре, где под его наблюдением возведены сильные укрепления — 207.
- София-Шарлотта, принцесса Мекленбург-Стрелицкая (ум. в 1818 г.), с 1761 г. королева Англии, жена Георга III — 437.
- Спадер — английский банкир — 27.
- Станкевич, Петр — польский эмигрант, капитан турецкой армии (1858) — 422.
- Старшая дочь Фридриха Вильгельма III — см. Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина.

- Стаффорд — см. Норскот.
- Стенли, Эдуард-дзон, барон Стенли-оф-Ольдерли и Элддисбери-оф-Уиннингтон (1802—1869) — член английского парламента, виг, генерал-казначей (1841), министр торговли (1855—1858), генерал-почтмейстер (1860—1866) — 146, 375, 378, 497, 498.
- Стоддарт, Чарльз (1806—1842) — английский дипломат, военный атташе при английском посольстве в Персии (1835), посланник в Бухаре (1838—1842) — 364.
- Сток, Франц — польский эмигрант, подпоручик в турецкой армии (1858) — 417, 422, 424, 425, 427, 430.
- Страбон (ок. 63 до н. э. — 21 н. э.) — древне-греческий географ — 115.
- Стратфорд де-Редклиф — см. Каннинг, Стратфорд.
- Стробензи — см. Ван-Стробензи.
- Стрейхен — банкир — 54.
- Стюарт, сэр Джональд-Мартин (1824—1900) — английский фельдмаршал, участник усмирения сипаев в 1857—1858 гг., афганской войны (1878—1880) — 254, 255.
- Суворов, Александр Васильевич (1729—1800) — русский фельдмаршал — 174, 175.
- Сульт, Николая-Жан-де-Дье (1769—1851) — французский маршал, главнокомандующий в Испанской войне (1808—1813), — военный министр (1814 и 1830—1834), премьер-министр (1839—1847), подавлял Лионское восстание 1831 года — 106.
- Т.**
- Такуел, Осберт-Дейбитот (1837—1858) — английский лейтенант в Индии — 307.
- Талейран-Перигор, Шарль-Марле (1754—1838) — французский дипломат, министр иностранных дел (1797—1799, 1799—1809 и 1815), представитель Франции на Венском конгрессе (1815) — 511.
- Танковский, Станислав — польский эмигрант, ефрейтор турецкой армии (1858) — 422.
- Тальмайр (он же Эмин Ага) — польский эмигрант (1858) — 425.
- Тартюф — герой комедии Мольера, нарицательное имя для ханжи и святоши, оплот церковного мракобесия — 241.
- Тассилье — французский гражданин сосланный правительством Наполеона III в Кайенн — 7.
- Тассо, Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1575) — 500.
- Тернер, А. (Turner A.) — 190.
- Тернер г-жа — 401.
- Тертельбаум — польский эмигрант, бомбардир в турецкой армии (1858) — 422.
- Тефик-бей — см. Лапинский.
- Тимон (ок. 320—230 до н. э.) — греческий философ-силлограф, скептик, автор «Силлы» — 104.
- Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — восточный завоеватель, эмир Самарканда, основатель среднеазиатской империи — 324.
- Тит — полковник — 145.
- Тотлебен, Эдуард Иванович граф (1818—1884) — русский инженер, генерал, руководил во время Крымской войны укреплением Севастополя (1853—1856) — 269, 285.
- Трофония — древне-греческое мифологическое существо, которому принадлежал известный оракул в Левадинском лесу в Беоции — 16.
- Тувенель, Эдуард-Антуан (1818—1866) — французский дипломат, посланник в Афинах (1849—1850), в Мюнхене (1850—1851), министр иностранных дел (1860), бонапартист — 201, 428.
- Тукона (он же Селим Ага) — польский эмигрант, служил в турецкой армии (1858) — 425, 428.
- Турго, Луи-Феликс-Этьен маркиз де, (1796—1866) — французский дипломат, бонапартист, способствовал перевороту 2 декабря 1851 г., был министром иностранных дел (1852), посланник в Испании (1853), в Швейцарии (1854) — 40.
- Тюрнейсен А. — один из директоров французского Crédit Mobilier — 121, 122.
- Тюрнейсен Шарле — 121, 122.
- Тэйгер, Фредерик, барон Чельсфорд (1794—1878) — английский лорд-канцлер (1858—1859 и 1866—1868), консерватор, член парламента с 1844 года — 151.
- Тюрр, Стефан (он же Ахмет Риамиль-бей (1825—1908) — венгерский военный инженер, участник венгерской и германской революции (1848—1849), участник Крымской войны на стороне Англии против России (1854—1855), гарибальдиец (1859—1860), участник революционного движения в Венгрии (1864) — 419, 420, 421, 425, 426, 427, 428, 429.
- Тьер, Луи-Адольф (1797—1877) — французский историк, либерал, в 1830 г.

способствовал возведению на престол Луи-Филиппа, премьер-министр (1836—1840), глава Версальского правительства в 1871 г., палач Коммуны, президент Третьей республики (1871—1873) — 511.

У.

Уайтсайд, Джеймс (1804—1876) — консерватор, юрист и историк, член английского парламента, генерал-прокурор (1852) и главный судья в Ирландии (1866) — 150, 532.

Уайтлок — бригадный генерал в Индии, усмиритель сипайского восстания 1857 года — 325, 329.

Уилер, сэр Хью-Масси (1789—1857) — английский генерал-майор в Индии, (1858) — 237, 285, 286.

Уилер — английский вице-президент в Индии в 1773 году — 347.

Уильсон, сэр Арчдейль (1803—1874) — английский генерал-лейтенант, комендат Мирута (1856), командир войск, осаждавших Дели, и Лукноу в 1858 году — 256, 261, 270, 274, 325.

Уиндем, сэр Чарльз-Эги (1810—1870) — член английского парламента (1857), либерал, генерал-лейтенант, участник Крымской войны (1854—1856), командир отряда под Каунпуром (1857) — 286, 292, 293, 294, 295, 296, 298.

Унру, Ганс-Виктор фон (1806—1886) — немецкий инженер и депутат прусской палаты (1848—1849), либерал — 441, 460.

Утрам, сэр Джеймс (1803—1863) — английский генерал-лейтенант в Индии, командир двух дивизий против восставших сипаев (1857), комиссар Ауда — 263, 281, 286, 298, 299, 301, 302, 318, 319.

Уокер, сэр Чарльз-Пиндор Бочемп (1817—1894) — английский генерал, участник Крымской войны (1854—1856), военный атташе в Пруссии (1865—1877) — 145.

Уотсон, Генри (1737—1876) — английский инженер, полковник, конструктор доков в Калькутте (1773) — 347.

Уэллсли, Ричард-Колли, маркиз (1760—1842) — член английского парламента, генерал-губернатор Индии, министр иностранных дел (1809—1812) — 311, 312.

Ф.

Фавр, Клод-Габриэль-Жюль (1809—1880) — французский адвокат, буржуазный

республиканец, депутат палаты (1858, 1863—1868, 1870), член правительства национальной обороны (1870), министр иностранных дел (1870—1871) — 500.

Фалькон, Жуан-Кривостома (1820—1870) — испанский генерал, либерал, участник революции 1854 и 1858 гг., президент республики (1863—1867) — 39, 49.

Фальстаф, сэр Джон (1377—1459) — историческая личность, сохранился как комический тип в произведениях Шекспира «Генрих IV» и в «Виндзорских кумушках» — 190.

Фейт, Мориц (1808—1864) — немецкий писатель, книгоиздатель, прусский депутат ландтага (1848) — 460.

Фелад — паша — см. Шейхн Максимилиан.

Фердинанд — см. Фридрих-Фердинанд. Фердинанд II (1810—1859) — король обеих Сицилий (1830—1859) — 15.

Фердинанд VII (1784—1833) — испанский король (1814—1833) — 41, 47, 48.

Ферух-хан — персидский посланник в Англии в 1857 году — 168, 169, 170, 171.

Фиппс Джордж-Огюст-Константин, маркиз Норманди и граф Мальгрёв (1819—1899) — член английского парламента (1851—1857), либерал, назначенный королевского дома (1853—1858) — 181.

Филимор, сэр Роберт-Джозеф (1810—1885) — английский юрист, член парламента (1852—1857), либерал-консерватор, сторонник Пиза — 194.

Филипсон, Григорий Иванович (1809—1883) — русский генерал, покоритель западного Кавказа, сенатор с 1861 года — 417, 418, 422.

Флоттвель, Эдуард-Генрих фон (1786—1865) — прусский реакционер министр финансов (1844—1846), внутренних дел (1858) — 437, 452, 463, 464, 466.

Фокс, Вильям-Джонсон (1786—1864) — английский журналист, член парламента (1847—1863); противник хлебных законов — 188, 496.

Фоттиадес, М. — молдавский доверенный в Константинополе (1857) — 203.

Франкни, Виктор Антонович (1820—1892) — русский генерал-лейтенант, военный агент в Константинополе (1860) — 420, 421.

Франко, сэр Томас-Горт (1808—1862) — английский генерал в Индии (1857) — 299, 301, 303.

Франц-Иосиф II (1830—1916) — австрийский император (1848—1916) — 202, 434.

- Фредерик VII — см. Фридрих VII.
- Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина (1798—1860) — прусская принцесса, дочь Фридриха-Вильгельма III, с 1817 г. под именем Александры Федоровны, жена Николая I — 439.
- Фридрих-Фердинанд (1792—1863) — датский принц, наследник датского престола — 208, 209.
- Фридрих I (1372—1440) — князь фон-Гогенцоллерн, Нюрнбергский курфюрст и первый бранденбургский курфюрст (1415—1440) — 73, 75, 76.
- Фридрих I (1657—1713) — первый прусский король (1701—1713), раньше бранденбургский курфюрст и прусский герцог Фридрих III (1688—1704) — 76, 77, 438.
- Фридрих II (Великий) (1712—1786) — прусский король (1740—1786) — 75, 173, 439, 444, 471.
- Фридрих II Железный (1413—1471) — бранденбургский курфюрст (1440—1470) — 76.
- Фридрих III — см. Фридрих I — 77.
- Фридрих VII (1808—1863) — датский король (1848—1863) — 208.
- Фридрих-Вильгельм I (1688—1740) — прусский король (1713—1740) — 438, 442.
- Фридрих-Вильгельм II (1744—1797) — прусский король (1786—1797) — 438, 439.
- Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — прусский король (1797—1840) — 438, 439, 449, 454, 456.
- Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — прусский король (1840—1861) — 398, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 442, 452, 456, 458, 464, 465, 467, 470, 471.
- Фрейзер — английский майор в Индии, при восстании сипаев в 1857 г. в Мируте убит — 215.
- Фульд, Ахилл (1800—1867) — французский банкир, в 1848 г. член Учредительного собрания, бонапартист, участник переворота 2 декабря 1851 г., министр финансов (1849—1852, 1861—1867) и императорского двора (1852—1860) — 487, 494.
- Фурье, Шарль (1772—1837) — один из виднейших представителей утопического социализма — 33.
- 256, 258, 259, 263, 270, 275, 276, 277, 325, 330.
- Хаггард и Пиксли — английская фирма в Индии — 290.
- Хаммонд, Эдмунд, барон (1802—1890) — английский дипломат в Константинополе (1831), Мадриде (1832), шеф восточного департамента министерства иностранных дел (1854—1873) — 153.
- Харви, Даниэль-Уиттль (1786—1863) — член английского парламента (1818—1840), виг, комиссар лондонской полиции (1840—1863) — 194.
- Харкорт — член английского парламента, пилит — 194.
- Хуан-Мартинес-Алонсо — член кортесов, сторонник эспартеро — 45.
- Хук (Houqua), — английский купец в Китае — 142.
- Христина-Мария (1816—1878) — испанская королева (1829—1833) — 40, 41, 47, 48, 177.
- Хогг, сэр Джеймс-Уэр (1790—1876) — член английского парламента (1835—1857), либерал-консерватор, директор Ост-индской компании (1839—1853) — 154, 194.
- Холкаора, махратгский князь 1857 года — 255.
- Хорнер, Леонард (1785—1864) — английский фабричный инспектор — 92.
- Холмс — английский полковник в Индии (1857) — 240, 338.
- Хьюит — английский генерал в Индии, во время восстания сипаев в 1857 г. командовал отрядом английских войск — 256.

Ц.

Цезарь, Гай-Юлий (ок. 102—44 до н. э.) — римский консул (60—48), римский император (48—44) — 115, 172, 241.

Ч.

Чемберлен, сэр Крофорд-Троттер (1821—1902) — английский генерал в Индии, участник подавления восстания сипаев в 1857 году — 234, 261, 299, 302.

Чигери — итальянская банкирская фирма — 480.

Чингиз-хан (он же Темучин) (ок. 1155—1227) — основатель монгольской империи, известный завоеватель — 324.

Ш.

Шамбор, Анри-Шарль д'Артуа, граф, герцог Бордосский (1820—1883) — внук Людовика XVIII, претендент

Х.

Хавелок, сэр Генри (1795—1857) — английский генерал-майор в Индии, командовал отрядом английских войск под Коннорем — 237, 238, 252, 253,

- на французский трон под именем Генриха V, последний отпрыск старшей линии Бурбонов — 493.
- Шангарнье, Никола-Эме - Анна - Теодул (1793—1877)—французский генерал в качестве начальника парижской национальной гвардии участвовал в подавлении июньского восстания 1848 г., член Учредительного собрания (1849), в 1852 г. орлеанист, изгнан Наполеоном из Франции, в 1871 г. член Национального собрания — 502.
- Шварценберг, Феликс-Людовиг-Иоганн-Фридрих, князь фон (1800—1852) — австрийский дипломат, премьер-министр и министр иностранных дел (1848—1852) — 449.
- Шведский наследный принц — см. Карл XV.
- Шевалье, Мишель (1806—1879) — французский экономист сен-симонист; в 1832 г. вместе с другими сен-симонистами присужден к годовому тюремному заключению — организатор французской лиги свободной торговли — 27.
- Шефтсбери, Антони-Ашли-Купер, граф (1801—1885) — английский консерватор, филантроп, член парламента (1826—1851), фритредер филантроп — 179.
- Ши, сэр Вильям (1804—1868) — английский адвокат, член парламента (1852—1857), либерал — 151.
- Шиллер, Иоганн-Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт — 451.
- Шлейниц, Александр (1807—1885) — прусский дипломат, в 1848 г. министр иностранных дел в кабинете Кампгаузена — 452, 455.
- Шор, Джон, барон Тэгмус (1751—1834) — генерал-губернатор Индии (1792—1798) — 311.
- Шталь, Фридрих-Юлий (1802—1861) — прусский реакционер, юрист, с 1849 г. член прусского ландтага, глава феодально-консервативной партии — 472.
- Штейн, Максимилиан (он же Ферад-паша) (1811—1860) — венгерский генерал, в 1848—1849 гг. командовал революционными войсками в Венгрии, в 1849 г. эмигрировал в Турцию, где в качестве турецкого офицера воевал против России в 1856 году — 419, 420, 421, 423, 425, 429.
- Штейн, Юлиус — один из вождей бреславской буржуазной демократии, крайний левый прусского Национального собрания — 460.
- Штиглиц, Людвиг Иванович, барон (1777—1842) — российский придворный банкир — 122.
- Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827—1889) — русский генерал и дипломат, посланник в Англии (1874—1879) — 542.

Э.

- Эбердин, Джордж-Гамильтон-Гордон, граф (1784—1860) — английский консерватор, член парламента, военный министр и министр колоний (1834—1835), министр иностранных дел (1828—1830, 1841—1846), премьер-министр (1852—1855) — 88, 152.
- Эглингтон, лорд Монтгомери, Арчибалд-Вильям (1812—1861) — ирландский государственный деятель — 532 — 534.
- Эксосура, дон Патрисио (1807—1878) — испанский писатель, сторонник регентши Христины, министр внутренних дел в кабинете Эспартеро (1856), посол в Берлине (1872 — 1874) — 42.
- Эльснер, Карл-Фридрих-Мориц (1809—1894) — доктор, член прусского Национального собрания в 1848 г., один из вождей бреславльской либеральной буржуазии — 460.
- Элленборо, Эдуард-Дуо, граф (1790—1871) — английский консерватор, генерал-губернатор Индии (1841—1844), морской министр (1846) и председатель контрольного совета по делам Индии (1858) — 231, 308, 310, 319, 497.
- Эльджин, Джеймс-Брюс, граф (1811—1863) — усмиритель анти-английских волнений в Китае, позже вице-король Индии — 215, 370.
- Эмерсон (Emerson) — 360.
- Энтуисл — 191.
- Эрмантье (Hermentiers) — 347.
- Эспартеро дон Бальмоделеро, герцог де ла-Виттория (Espartero, Don Balmoldero, Duke de la Vittoria), (1792—1879) — испанский маршал, министр-президент (1840—1843) (1854—1856); по Марксу в нем «воплощен военный династический и буржуазно-либеральный характер испанской революции», лидер прогрессистской (либеральной) партии, регент Испании (1840—1843) — 40, 41, 42, 43, 45, 46 49.
- Эспинас, Эспри-Шарль-Мари (1815—1859) — французский генерал, бонапартист, 2 декабря 1851 г. разогнавший Законодательное собрание, участник Крымской войны (1855), в даль-

нейшем министр внутренних дел (1858) — 492, 503, 505, 513.

Я.

Якоби, Иоганн (1805—1877) — прусский политический деятель, один из вождей демократов, во время рево-

люции 1848 г. член крайней левой прусского Национального собрания; к концу жизни примкнул к социал-демократам — 441, 460.

Яков I Стюарт (1566—1625) — английский король (1603—1625) — 442.

Яков II Стюарт (1633—1701) — английский король (1685—1688) — 442.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Австрия:

и борьба между славянской и германской расами — 73;
история — А. 73;
как морская держава — 117—118;
революция 1848 г. как причина прогресса Австрии — 117.

Австрийская морская торговля:

будущее а.м.т. — 83; см. также *Триест*;
и рост промышленности — 114;
и экономическое положение Австрии — 82;
кампания австрийского Ллойда — 113, 114;
начало а.м.т. — 79; см. также *Триест*.

Агра:

битва при А. — 236, 237.

Аграрный вопрос в Индии:

право собственности на землю — 316—318.

Америка и Китай — 356—357.

Английский банк:

взаимоотношения директоров с акционерами — 54, 55;
и промышленные предприятия — 56;
и торговый кризис 1857 г. — 124;
см. *Торговый кризис в Англии*:
колебания учетной ставки — 124, 125, 126, 127;
мошенничества и надувательств в а. б. — 55, 56, 101, 102, 103, 104;
поступления и платежи а.б. — 411, 412;
приток золота из Австралии и С. Ш. — 126;
закон Р. Пилля о банке 1844—1845 г. — 128, 404 — 408;
торговые кризисы и денежное обращение — 409, 410, 411, 412;

Английская фабричная система:

детский труд — 100;
закон концентрации — 96, 98, 99;
перемещение промышленности — 96;
отчеты фабричных инспекторов — 95;
рост применяемого количества лошадиных сил — 97, 98;
стремление фабричной системы к раз-

делению между индустриальными и сельскохозяйственными графствами — 97;

текстильная промышленность — 96, 98, 99;

усовершенствование машин — 97;
число занятых рабочих — 100.

Английский бюджет:

акциз — 87, 88, 90;
армия и флот — 89;
военный налог — 84, 85, 86;
и бюджет Р. Пилля 1842—1847 гг. — 85;
и рост правительственных расходов — 89;
и рост безработицы — 89;
и свободная торговля — 86, 87;
классовое содержание а.б. — 88;
поступления доходов с различных классов — 85—86;
подходный налог — 86, 87, 90;
приходная часть — 88;
пошлины — 87;
протекционизм — 86, 87;
прямое обложение — 86, 87;
расходная часть — 88, 90.

Англия:

и обострение классовых противоречий — в А. 109;
и промышленное развитие А. — 110, см. также Английская фабричная система и разложение политических партий в А. — 109;
и революция 1848 — 1849 г. — 109, 110;
и торговый кризис 1846—1847 гг. — 110;
китайская война и индийское восстание — 109; см. также *Англия и Китай*:
параллельный рост богатства и пауперизма — 399;
рост числа умалишенных — 399—403;
характеристика монархической конституции — 446.

Англия в Афганистане — 137.

Англия и Австралия — 391—392.

Англия и Америка:

конкуренция в торговле с Китаем — 354—357; см. также *Америка и*

- Китай:*
торговля — 390, 391.
- Англия и Индия:*
аннексии — 223, 224, 225;
аннексия Ауда 310—315; см. также *Ауд*;
английское управление в Индии — 239, 318;
господство Великобритании в Индии — 213, 223;
доходы Англии в Индии — см. *Индия*;
ликвидация закона об усыновлении в Индии — 223, 224;
расходы Англии на содержание армии в Индии — 248;
расходы Индии на издержки войны Англии с Россией — 251;
торговля Англии с Индией — 391.
- Англия и Китай:*
англо-китайский договор — 140, 353, 358—362, 370;
англо-китайская торговля — 351—356; см. также *Торговля опиумом*;
английские промышленники и китайская торговля — 180;
борьба китайцев против английского владычества — 165, 166;
военные действия Англии в Китае — 139—142, 143, 144, 145, 146, 147, 152, 153, 154, 155, 156, 182;
военно-морская экспедиция в Китае — 1841—1842 г. — 158—160;
военные контрибуции Англии с Китая — 357, 359;
гражданская война в Китае — 167;
национальный характер войны А. и К. — 166, 167;
оправдание кантонских зверств — 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 154, 155, 156;
отношение политических партий к военным действиям Англии в Китае — 146;
парламентские прения по поводу китайского конфликта — 145, 148, 150, 151;
- Англия и Россия:*
возможное столкновение Англии с Россией в Средней Азии — 363, 372; см. также *Россия в Средней Азии*;
протекционистская политика России — 355;
состояние торгового баланса между А. и Р. — 355;
в Афганистане — 133;
в Китае — см. *Россия и Китай*;
возможность столкновения интересов в Пекине — 340, 341;
перемещение торговли с Китаем от Англии и России — 180—181;
первая англо-китайская война и Россия — 351, 360, 362.
- Англия и Франция:*
англо-французский союз — 487, 498, 499, 507;
и Священный союз — 507;
назначение Пелисье в Англию — 505, 506.
- Английский парламент:*
диктатура Пальмерстона — 182, 188;
и английская олигархия — 189;
виги и тори — 193, 446, 496, 497, 498;
избирательная кампания — 188, 189, 190, 191, 192, 193;
и интересы промышленной буржуазии — 189, 191, 192;
и либеральная буржуазия — 191;
и мелкая буржуазия — 191;
и пилиты — 194;
и революционное движение — 191, 192;
отношение к индийскому восстанию — 222, 223, 224, 225;
провал манчестерской школы — 188, 189, 192, 193; см. также *Манчестерская школа*;
смена министерства — 496.
- Английские политические партии:*
виги и тори — 396, 397;
общие интересы радикалов и тори — 396, 397;
правящие олигархические партии — 396, 397;
превращение торийской и вигской клик в одну аристократическую партию — 397;
тори — 160; см. также *Тори*.
- Англо-китайская война* — см. *Англия и Китай*;
вторая опиумная война — 351, 358, 359;
первая опиумная война — 239, 351;
- Английская торговля:*
английский вывоз в Соединенные Штаты — 391;
доходы капиталистов и сокращение заработка рабочего класса — 380;
импорт шерсти — 378;
и промышленный кризис — 376, 392, 393;
конкуренция английских фабрикантов с континентальными — 376;
отчет департамента торговли — 389—391;
потребление шерсти — 376, 377;
прибыль английских фабрикантов — 379, 380;
сравнительное состояние экспортной торговли Англии с Америкой — 389—391;
торговый баланс — 376, 379;

торговый кризис — 124, 126;
экспорт и импорт — 377—383;
экспорт сырья — 375, 376;
экспорт шерсти — 377.

Антагонизм:

производительных сил и производственных отношений — 6; см. также *производительные силы и производственные отношения*.

Армия:

английская — 137, 163, 164, 307;
влияние климата на а. а. — 325;
грабежи а. а. — 306, 308, 324; см. также *Индийское восстание*;
жалованье европейских офицеров в Индии — 250;
пехота а. а. — 295, 296.
полководцы английской армии — 292;
расходы на содержание армии — см.

Англия и Индия:

санитарное состояние а. а. — 339.
англо-индийская армия и индийское восстание;
действия английских войск по подавлению восстания — 215, 217, 254, 263;
жестокости а. а. в Индии — 240;
операции вокруг Дели — см. *Дели*;
операции а. а. у Лукноу — см.

Лукноу:

подкрепления — 233;
стратегия а. а. — 257, 258; см. также

Стратегия:

численность а. а. — 226, 227, 230, 231, 234, 268;
эпидемии в а. а. — 233.
мятежи в а. и. а. — 213, 214; см. также *Индийское восстание*;
уровень военных знаний у сипаев — 305;

Армия:

китайская армия — 165;
татаро-китайские солдаты — 159;
персидская — 162, 163;
европейская военная организация — 163, 164;
турецкая армия — 163, 164;
французская — 9, 10, 11, 174;
и бонапартизм см. *Бонапартизм*;
французская революционная армия.

Армия русская:

военная иерархия — 198, 199;
казнокрадство — 197, 198, 199;
организация р. а. — 197, 199;
пехота в р. а. — 295;
тактика р. а. — 199.

Афганистан и Персия — 170.

Ауд:

аннексия А. — 213, 223, 310—315;
аудийская армия повстанцев — 275, 276, 280, 281;

и партизанская война — 338;
операции а. повстанцев — 263, 301;
подготовка похода на Ауд — 299, 300.

Б.

Балканские государства:

участие России в заговорах против Турции — 368.

Бенгалия:

военные мятежи в Б. — 263, 264;
и индийское восстание — 238.

Бонапартовский режим:

и англо-французский союз — 208, 487, 506, 507;
и армия попов — 514;
и армия — 486, 487, 492, 493, 501, 502, 505, 507, 511, 514, 519, 520;
и избирательный закон — 503;
и Национальное собрание — 486;
и предпосылки революции — 504;
и пресса — 514, 515;
кризис бонапартовского режима — 511, 512;
и правление преторианцев — 492 — 495, 506;
и революционное настроение крестьянства — см. *Крестьянство во Франции*;
и торговый кризис — 483, 484;
и французские политические партии — 494;
и экономический кризис во Франции — 490, 491;
отношение к б. р. различных классов во Франции — 483, 484, 485, 502, 504, 505, 510, 519, 520;
причина возвышения Бонапарта — 483;
террор внутри страны — 502—504;
экономическое положение Франции — 509, 510.

Бранденбург:

территория — 75.

Буржуазия:

английская — 87;
и лига борьбы с хлебным законом — 191; см. также *Лига борьбы с хлебным законом*;
и пролетариат — 87;
и революционное движение — 191; см. также *Революционное движение*.
классовые интересы а. б. — 191;
германская после контр-революции 1849 г. — 59, 471;
и бонапартовский режим — 519, 520;
буржуазное движение во Франции — 519, 520;

Бухара:

зависимость от России — 366.

Бюджет Дизраэли — 384—388.

В.

Виги:

- и английский парламент — 397, 446;
- и избирательная борьба с тори — 182;
- и избирательная кампания 1857 г. — 193, 194;
- и Лига борьбы против хлебных законов — 496, 497;
- и англо-китайский конфликт — 146.

Война:

- англо-китайская — см. *Англо-китайская война*;
- и борьба Австрии с Пруссией — 361, 362;
- Англии с Персией — 206;
- партизанская — 308, 320—338;
- России с Францией — 175.

Восточный вопрос:

- и дипломатические события в Константинополе 1857 г. — 201;
- и борьба Австрии с Пруссией — 202;
- и иностранные державы — 201;
- и объединение Молдавии — 203—205;
- и Парижский мир — 201;
- и Россия — 202;
- конфликт Австрии с Сардинией — 202;
- отделение дунайских провинций от Турции — 201, 202;
- позиция Англии — 204;
- роль Франции — 201, 202;

Всеобщие выборы в Англии:

- реакционная позиция фабричных лордов — 91.

Вторая империя — см. Бонапартовский режим:

- финансовое положение — 111, 112;
- и экономический кризис — 490, 491;
- конфискация собственности благотворительных учреждений — 513, 514;
- перспективы в. и. — 511, 512;
- расходы на армию — 514;
- финансовые маневры Бонапарта — 513, 514;
- регулирование цен на хлеб — 521—525;
- рабочий класс и крестьянство — 524, 525;

Г.

Гвалиор:

- бой — 296.

Герат — 133, 134:

- и англо-русская борьба в Афганистане — 133, 137, 138;
- и английское вторжение в Персию — 133, 206;
- и мирный договор Англии с Персией — 168, 169;
- стратегическое значение Г. — 133, 134, 138.

Германия — 60;

- железнодорожные кампании — 59;
- развитие промышленности — 60.

Германский таможенный союз:

- симптомы, предвещающие наступление кризиса — 479.

Голландия:

- торговый кризис — 479.

Горная война:

- артиллерия — 176;
- Швейцарии с Австрией — 172, 173, 174;
- и Австрии с Россией — 174;
- и Франции с Австрией — 174;
- и Франции с Россией — 174;
- России с Кавказом — 177;
- наступление и оборона — 176, 177;
- оборона в г. в. — 176, 177;
- огнестрельное оружие — 176;
- партизанская война в горных условиях — 177;
- стратегия г. в. — 175, 176;
- тактика г. в. — 175, 176.

Государственный переворот Бонапарта: и либеральная политика Англии — 53, 54, 518.

Д.

Дания:

- конфликт Д. с германскими герцогствами — 209.

Дели:

- артиллерия повстанцев — 252;
- восстание в Дели — 215, 217;
- внутренние раздоры среди повстанцев — 265, 266;
- значение Д. в восстании сипаев — 218, 257;
- оборона Д. — 231;
- операции английских войск по взятию Д. — 226, 227, 230, 231, 233, 235, 269;
- осада Д. — 226, 232, 252, 256, 257, 260, 261, 269, 270;
- ошибки англичан в Д. — 257, 258;
- падение Д. — 265—267;
- потери повстанцев — 235;
- подкрепления повстанцев — 236;
- потери англичан — 252;
- последствия взятия Д. — 267;
- разграбление Д. — 323;
- силы повстанцев — 262;
- слух о взятии Д. и биржевые операции в Англии — 229;
- стратегия и тактика английской армии при взятии Д. — 270—272;
- см. также *Стратегия*;
- стратегия и тактика повстанцев при обороне Д. — см. *Стратегия*;
- укрепление Д. — 217, 229, 230, 231, 257, 271;

численность осаждающих войск — 260, 261, 265;
эпидемия в английской армии — 252;
Дунайские провинции:
дунайский спор и выборы в Молдавии — 208;
отделение д. п. от Турции — 201, 202;
позиция России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Англии — 202.

3.

Заработная плата — см. *Рабочий класс.*
Законодательное собрание во Франции:
и буржуазия — 517;
и оппозиция — 517;
Земиндары — (класс землевладельцев в Индии) — 316, 317.

И.

Идеализм:
идеализм Мадзини и др. — 508;
Индия:
Аграрный вопрос в Индии — см. также *Аграрный вопрос;*
джогадары и земиндары — 223, 224;
индийское землевладение — 224;
поземельная подать в Индии — 243—247;
английское господство в Индии — см. *Англия и Индия;*
внешняя торговля И. — 251;
финансовое положение Индии — 332;
обнищание землевладельцев — 332;
индийское и британское налоговое обложение — 334;
налоги в Индии — 332—334;
дефицит Индии — 336;
Индийский заем:
и английская промышленность и торговля — 291;
и восстание в Индии — 288;
и Ост-Индская кампания — 288—291.
Индийское восстание:
английские войска в Индии — 207;
восстание в англо-индийской армии — 213, 214;
восстание в Дели — 215; см. также Дели;
восстание сикхов — 227; — см. также *Сикхи;*
грабежи английской армии — 306—308;
действия английских войск в Индии по подавлению восстания — 215, 217; см. также *Армия английская и индийское восстание;*
жестокости сипаев — 239;
начало восстания — 214, 215, 225, 239;
национальный характер восстания — 225, 228;

сила национального восстания — 286;
оскорбление англичанами индийских религиозных верований, как одна из причин восстания — 214;
партизанская война — 308; см. *Война партизанская;*
поведение туземных войск во время восстания — 218, 234;
распространение восстания — 218, 227, 228, 236, 254, 255, 267;
роль армии сипаев — см. *Сипаи;*
связь с персидской и китайской войнами — 214;

Ирландия — 532 — 535.

Исторический материализм:

политические надстройки и экономическая действительность — 508;
прогресс в области историографии — см. *Историография;*
реальные условия исторического развития — 59.

Историография:

изучение развития земельной собственности — 508;
изучение классовых интересов — 509;
исследование экономических условий — 508;
политические формы и социальная жизнь — 508;
прогресс в области И. — 508;

Италия:

торговый кризис — 479, 480;
положение рабочего класса — 480; см. *Рабочий класс;*
республиканские настроения в Италии — 500, 501.

Итальянская торговля:

и континентальная система Наполеона — 80;
и открытие в конце XV века морского пути вокруг Африки — 80.

К.

Каунпур:

битва — 237, 238;
операции английской армии у Каунпура — 253, 258, 259, 293;
поражение английской армии у К. — 286, 294, 295;
стратегическое значение — 207.

Китай:

и китайская революция — 356;
и нанкинский договор — 369;
и хозяйственный уклад китайского общества — 357;
платежеспособность китайского населения — 357;
пошлины — 370;
торговля опиумом — см. *Торговля опиумом;*

- разложение Китая — 369.
- Классы:**
 буржуазия — 59, 87, 519, 520;
 и управление Францией — 492;
 крестьянство в период империи — 491;
 крупные землевладельцы — 492;
 пролетариат — 87;
- Классовые противоречия:**
 и Англии — 21;
 и сен-симонисты — 26, 27;
 классовые интересы английской буржуазии — 191;
 и британская буржуазия — 189;
- Конституция:**
 республиканская 1848 г. —
 и армия — 493;
 прусская — ;
 избирательное право — 447;
 история конституции — 435, 436;
 и возможность государственного переворота — 441;
 и королевская власть — 433 — 436, 442;
 конституционализм — 13, 466;
 и финансовое положение Пруссии — 435;
 личная свобода — 443;
 противоположность между теорией и практикой конституции — 443, 444;
 рост политического влияния аристократии — 435;
 революционное происхождение конституции — 443, 447;
 роль бюрократии — 443, 444, 447;
 и собственность — 443.
- Контрреволюция после революции 1848 года:**
 тенденции буржуазного общества в этот период — 58.
- Королевский британский банк** — см. *Английский банк*:
 английские биржевые плуты — 101, 102, 103, 104;
 директора и акционерная компания — 102, 103;
 шотландская банковская система — 103.
- Крестьянская реформа в России:**
 война и революция как способ уничтожения крепостного права в Европе — 530;
 и война 1853 — 1856 г. — 531;
 и доходы дворянства — 529, 530;
 и крестьянские восстания — 531, 544;
 и либеральное русское дворянство — 529;
 подготовка крестьянской реформы — 529;
 позиция губернских дворянских комитетов — 529;
- попытки русских царей провести крестьянскую реформу — 530, 531, 543—545;
 доклад императорского центрального комитета по отмене крепостного права об основных принципах крестьянской реформы — 536;
 временно обязательное состояние крестьян — 536, 537;
 дворовые крестьяне — 538;
 отработки — 537, 538;
 предоставление крестьянам земельных наделов — 537;
 помещик и сельская община — 538;
 роль сельской общины — 537, 544;
 роль русского правительства и дворянства — 539, 543;
 оброк — 539;
 получение крепостными гражданских прав — 539;
 землевладельческое дворянство — 540;
 общая численность крепостных в России — 540;
 война и разорение дворянства — 540;
 сопротивление дворянства — 541, 542;
 требование учреждения Земской думы — 542;
 увлечение дворянства акционерными компаниями — 543;
 создание системы поместного управления, возложенного на помещика — 544;
 предпосылки революции — 545.
- Крестьянство во Франции:**
 и биржа — 69;
 и сельскохозяйственный кризис — 70;
 и собственность на землю — 491;
 рост революционных настроений — 70, 509;
 тяжелое состояние сельского хозяйства — 491.
- Кризис** — см. *Торговый кризис*:
 и застой французской промышленности — 490;
 и рынки сельско-хозяйственных продуктов — 488;
 и состояние французского земледелия — 491;
 и французский банк — 488—490;
- Лига борьбы с хлебным законом:**
 и английская буржуазия — 191; см. также *Буржуазия английская*;
 и виги — 496, 497; см. также *Виги*;
 и парламентские фракции — 196;
 и революционное движение — 191, 192;
 и торийское правительство — 496; см. также *Торри*.

Л.

Лужноу:

- бой — 238;
- операции английской армии по освобождению Л.—253, 256, 258, 259, 275, 279—281, 293, 298, 301, 303;
- атака англичанами Л.—277, 279, 280, 282, 304;
- роль артиллерии в атаке Л.—277, 278, 280, 285, 301;
- силы англичан у Л.—279;
- тактика англичан при взятии Л.—281;
- оборона Л.—279, 281, 282, 285, 304;
- укрепление Л.—304;
- разграбление Л.—307, 308, 323;
- взятия Л.—309.

М.

Манчестерская школа:

- избирательная кампания 1857 г.—194, 196;
- провал манчестерской школы —188—193.

Машина:

- роль м. в развитии общества — 5.

Молдавия:

- молдавские выборы —203—205, 208;
- объединение М.—203—205;
- позиция Франции и России в вопросе об объединении М.—202, 205;
- позиция Англии и Австрии в вопросе об объединении М.—202, 204.

Н.

*Невшательское княжество и графство**Валенгенсен:*

- Венский договор — 72;
- божественное право Гогенцоллернов —71—78;
- приобретение Пруссией Невшателя —77, 78;

О.

Община:

- теория деревенской общины в Индии— см. *Аграрный вопрос в Индии и Крестьянская реформа в России.*

*Опиум — см. Торговля опиумом.**Опиумная война — см. Англо-китайская война.**Ост-Индская компания:*

- акционеры о.-и. к.—249, 289;
- доходы служащих компании —250;
- долги о. и. к.—289, 291;
- доходы компании —289;
- договор Ауда с о.-и.к.—312—315;

- и индийский заем 1858 г.—288, 291;
- см. также *Индийский заем;*
- капитал о.-и.к.—289;
- служащие компании —249;
- управление о.-и.к.—249.

П.

Парламентаризм:

- английский — см. также Английский парламент;
- диктатура Пальмерстона —148;
- и допущение к политическим правам народных масс —148;
- исполнительная и законодательная власть 183;

Парламентские выборы в Англии — см. Английский парламент.

- коалиционная политика Пальмерстона —148, 183, 184;
- отношение к англо-китайскому конфликту — см. Англия и Китай;
- оживление либерализма —499;
- поражение правительства Пальмерстона —148—153;
- сравнение с французским Законодательным собранием —184;
- образование кабинета Дерби —532;
- и оранжисты —533;

Пекин:

- русские и английские интересы в П.—340;

Персия и Англия:

- англо-индийские войска в Персии —168, 169;
- война Персии с Англией —162, 168;
- мирный договор —168, 169, 170, 171;

Пилиты:

- и избирательная кампания —1857 г. 193, 194;
- как парламентская клика —194, 195, 196;
- поведение в войне с Россией —195.

*Пола — 118.**Право:*

- международное —310;
- и аннексия Ауда англичанами—310;
- см. также *Ауд;*
- и поведение англичан в Индии —310, 311;

Производительные силы современного общества — 6;

- роль акционерных предприятий —416.

*Промышленность — см. Кризис.**Противоположность:*

- в общественном развитии XIX века —5, 6;
- между теорией и практикой —443.

Противоречия общественного развития — 6.

Пруссия:

- министерство — 447;
 - министр престо принцессы прусской — 449, 450;
 - и конституция — 447;
 - и католическое духовенство — 452;
 - и нарастающая революция в Европе — 468, 469;
 - помещичье землевладение — 471;
 - соотношение между сельским и городским населением — 459.
 - список нового кабинета — 452;
 - характеристика нового кабинета — 453—457;
 - эклетицизм как отличительная черта нового кабинета министров 1858 г. — 450, 457;
 - парламентское министерство — 466, 467;
 - конституционализм прусский — 466;
 - парламентское министерство и король — 467;
 - политика министерства 1858 г. — 468;
 - в городе и деревне — 458;
 - и буржуазный либерализм — 460;
 - и земельная аристократия — 459;
 - и крупная буржуазия — 463;
 - и конституционно - монархическая платформа — 463;
 - избирательный закон — 466;
 - отношение народных масс к выборам — 466;
 - после революции 1848 г. — 471; см. также *Революция*;
 - разорение мелкой буржуазии — 473;
 - рост буржуазии — концентрация рабочего класса — 473; см. также *Рабочий класс*;
 - реакция — 470, 471, 472;
 - контр-революция и политические претензии буржуазии — 472;
- Прусская монархия:**
- договоры с Россией о разделе — 77;
 - приобретения — 75;
 - история образования геонцоллернской монархии — 77;
 - подкуп как метод приобретения новых территорий — 76, 77;
 - секуляризация церковных имуществ — 77;
 - тридцатилетняя война — 76;
 - реформация — 76.
- Пруссия и Австрия:**
- соперничество П. и А. — 439.
- Пруссия и Англия:**
- и регентство в Пруссии — 438;
 - торговля — 455.
- Пруссия и Россия:**
- в период революции 1848 г. — 453;
 - и регентство в Пруссии — 438 — 440.

Пруссия и Франция:

в период, революции 1848 г. — 453.

Р.**Рабочий класс:**

- как революционная сила — 6.
 - английские р. — 6;
 - положение английского рабочего класса, прибыль капиталистов и сокращение заработка рабочего класса — 380;
 - процент фабричного населения по отношению ко всей массе народа — 392;
 - рост пауперизма — 389, 392, 399;
 - рост числа умалишенных — см. также *Англия — рост числа умалишенных*;
 - фабричное законодательство — см. *Фабричное законодательство*.
 - безработица — 128, 129;
 - детский труд — 93;
 - несчастные случаи — 92;
 - сверхурочная работа — 92, 93;
 - торговый кризис 1857 г. — 128, 129;
 - фабричные инспектора — см. *Фабричный закон в Англии*;
 - фабричный закон в Англии — 91, 92; см. *Фабричный закон в Англии*;
 - штрафы владельцев фабрик — см. *Фабричный закон в Англии*;
 - рабочий класс в Италии
 - рост безработицы — 480;
 - положение р.к. во Франции — 510, 524, 525;
 - волнения рабочих во Франции — см. *Франция*;
 - и торговый кризис во Франции — 478, 483;
 - безработные во Франции — 478, 483;
 - снижение заработной платы — 478.
 - рост прусской буржуазии и концентрация рабочего класса. см. *Пруссия*.
- Рабочее законодательство в Англии:**
- детский труд — 394, 395;
 - отчеты фабричных инспекторов — 392, 393;
 - закон о типографиях — 393, 394;
 - последствия экономического кризиса — 393.
- Революция:**
- значение ее в развитии общества — 6;
 - и экономическая жизнь народов — 59;
 - и реальные условия исторического развития — 59;
 - революции и правящие классы — 110;
 - и королевская власть — 442;

- война как возможность отсрочить революцию во Франции — 468; и уничтожение крепостничества — 530; и Россия — 397; и кризис торговли и сельского хозяйства во Франции — 398; и положение в Пруссии — 398; и прусское правительство — 369, 468; роль индийской войны — 397; экономический кризис во Франции как предпосылка революции — 491.
- Революция 1848 г.* — см. также *Англия*: и осужденные после июньских событий — 8; и пролетариат — 5, 58; и прусский либерализм — 457, 458; и римско-католическое духовенство — 452; и финансовая знать — 105; события, непосредственно вызвавшие революцию — 58.
- Революция во Франции*: предпосылки — 208.
- Революция в Испании*: и армия — 48; бой в Барселоне — 39; ее характер — 47, 48, 49; и Бонапарт — 39, 40; и либеральная буржуазия — 48; и монархия — 47, 48; кортесы — 42, 43, 47; крестьяне — 45, 46; мадридское восстание — 46; О'Доннелевский государственный переворот — 39, 41, 42; пролетариат — 44; поражение революции — 45; пролетариат и предательство буржуазии — 47; и требование республики — 47.
- Революционное движение в Англии*: и лига борьбы против хлебного закона — 191; см. также *Лига борьбы против хлебных законов*; и английская буржуазия — 192; и избирательная кампания — 191, 192.
- Регентство в Пруссии*: и берлинская пресса — 445; и возможность государственного переворота — 441; созыв палат — 445; и королевская власть — 433—438; и конфискация газет — 445; иностраня я политика Пруссии — 438—440; отношение к нему партий роялистов и либералов — 442, 446; ответственность прусских министров — 446, 447; реакционная речь регента — 464;
- роль принца, как буржуазного диктатора — 467.
- Религия*: католическое духовенство и прусское министерство — 452; религиозные самоистязания индусов — 241; религиозные разногласия среди индусских повстанцев — 265, 266; римско-католическое духовенство и революция 1848 г. — 452.
- Россия*: восстания крепостных в России — 397; дипломатия в Афганистане — 138; железнодорожные спекуляции «Crédit Mobilier» — см. «Crédit Mobilier»; и Англия в восточном вопросе — 202; и восточный вопрос — 201, 202; и Румыния — 202; и Франция в восточном вопросе — 202; и Англия в восточном вопросе — 202; и восточный вопрос — 201, 202; и Румыния — 202; успехи Р. на дальнем Востоке — 368—372; как оплот реакции — 397;
- Россия и Англия в Китае*: русское продвижение в Китай — 167.
- Россия в Афганистане*: Астрахань, ее стратегическое значение — 136; Астрабад как военная база России — 136; военные пункты на Каспийском море — 135; военные силы России на Востоке — 136.
- Россия и Балканские государства* — см. *Балканские государства*.
- Россия и Индия*: дороги из России в Индию для наступательных действий — 366, 367; среднеазиатские завоевания России как ее наступательная оперативная база против Индии — 366.
- Россия и Китай*: выгоды России в результате англо-французской войны против Китая — 369, 371; возможности присоединения Манчжурии — 372; захват части берега Манчжурии — 369; русско-китайский договор — 371;
- Россия и Персия*: приобретения России на границе Персии и на Каспийском море — 171; Туркманчайский договор — 135.
- Россия в Средней Азии*: возможное столкновение России и Англии — 363;

- поражение русской армии вследствие климата — 363.
 русские завоевания в Средней Азии — 363—366;
 возможности наступления России на Индию — 363, 372;
 история продвижения России в Среднюю Азию — 363, 364;
 казачье поселение — 364;
 экспедиция против Хивы — см. *Хива*;
 вопрос о покорении Туркестана — 366;
 создание оперативной базы для наступления на Индию — см. *Россия и Индия*;
Россия и Турция:
 захват турецкой территории — 371;
 планы России относительно Турции — 368.
Россия и Черкасия — см. *Черкасская война*.
Русско-турецкие войны 1809—1812 гг. и 1828—1829 гг. — 163.

С.

- Сардиния*:
 и Австрия — 15, 16;
 и Англия — 15;
 и Венский конгресс — 13;
 и Италия — 14, 15, 16;
 и национальное движение — 16;
 и Парижский конгресс — 14, 15, 16.
Севастополь:
 сражение русской армии с английской — 269.
Сельское хозяйство во Франции — см. также *Франция*:
 вывоз хлеба — 69;
 отлив капитала — 69;
 сокращение рабочих рук — 69;
 сельско-хозяйственный кризис — 69.
Сикхи — см. также *Индийское восстание*:
 восстание сикхов в Индии против англичан — 227;
 военные качества с. — 276;
 и британское владычество — 340;
 отряды сикхов в англо-индийской армии — 261, 276.
Синья книга:
 дело о пытках в Индии — 243; см. также *Англия и Индия*;
Сипаи:
 восстание с. против английского владычества — 227;
 жестокости, совершаемые восставшими сипаями — 239, 241;
 и восстание в Индии — см. *Индийское восстание*;

- Скандинавия*:
 объединение С. — 208;
 скандинавская партия — 209.

Социализм:

- социализм во Франции — 21, 31.
 императорский социализм Б. — 36;
 «*Crédit Mobilier*»
 акции и облигации — 32, 33, 34, 35;
 банкноты — 122;
 диспропорция между капиталом и операциями — 121;
 денежный капитал с. м. — 24;
 закон о командитных обществах — 27;
 и акционерные компании — 33;
 и железнодорожные спекуляции в России — 71, 122; см. также *Россия*;
 и Германия — 60;
 и железнодорожные компании — 122, 123;
 и промышленная жизнь Франции — 23, 24, 25, 28, 29, 30, 32, 122;
 и правительство — 23, 28, 29, 36;
 и социальные потрясения в Европе — 23;
 и торговый кризис — 480;
 и финансовое положение Франции — 513, 514;
 и экономический кризис во Франции — 68, 69, 121;
 и финансовый кризис — 62, 65;
 концентрация капитала — 33;
 крестьянство 69; см. также *Крестьянство*;
 монополия финансовой деятельности — 33, 34;
 новый проект регулирования цен на хлеб — 521—525;
 отчет «С. М.» — 111;
 прибыль — 32, 122;
 ссудный капитал — 32;
 основной и оборотный капитал «С. М.» — 32, 68;
 устав «С. М.» — 33;
 характеристика «С. М.» — 54;
 финансовые операции — 24, 25, 27, 29.

Стратегия:

- концентрическое движение — 263;
 обычные методы войны — 263;
 сосредоточение как сущность стратегии — 258;
 с. английской армии — см. также *Армия английская*;
 с. повстанцев в Индии — 263; см. также *Индийское восстание*;
 центробежный метод ведения войны — 263.

Т.

Таймс:

- и парламентские выборы в Англии — 180;
- и жестокости английской армии в Индии — 241;
- и французский социализм — 21;
- оправдание экспансии Англии в Китае — 145, 151;
- оправдание грабежей английских солдат в Индии — 308.

Тактика:

- английской армии при взятии Дели — см. *Дели*;
- атака — 272, 273;
- действие артиллерии — 272, 273;
- наступление — 271;
- повстанцев при обороне Дели — наступательные контр-движения — 274;
- английской армии при взятии Лукноу — 281, 301, 302;
- тактическое искусство английской армии — 281;
- сипаев при обороне Лукноу — 304.

Талукдары (класс землевладельцев в Индии) — 318.*Тори:*

- британский торизм и французский бонапартизм — 498;
- и политика кабинета Пальмерстона — 189;
- и избирательная кампания — 1857 г. — 193, 194;
- и индийское восстание — см. *Индийское восстание*;
- и индийское землевладение — 316—318;
- и лига борьбы против хлебных законов — 496; см. также *Лига борьбы с хлебным законом*;
- избирательная борьба тори с вигами — 182;
- общие интересы т. с радикалами — 396;
- торийское правительство и прогресс — 496.

Тори и пилиты:

- отношение к англо-китайскому конфликту — 146;
- примирение — 146.

Торговля Англии — см. *Английская торговля*:

- как оружие в руках промышленников-капиталистов против аристократов-землевладельцев — 87.

Торговля китайская:

- возмещение Китаем английскому правительству за конфискованную контрабанду опиума — 359;

- вторая война из-за опиума — 351, 358, 359;
- запрещение торговли опиумом — 349, 358;
- зависимость индийских финансов Англии от т. о. — 352;
- денежная стоимость ввозимого опиума — 351;
- и англо-китайский договор — 358;
- и договор союзных уполномоченных с Китаем — 345;
- и торговля опиумом — 345;
- и Ост-Индская компания — 347—350;
- и религиозная пропаганда — 350;
- и финансовое расстройство Китая — 350, 357;
- история торговли опиумом — 346, 347;
- контрабандный способ торговли — 350;
- монополия Англии в производство опиума в Индии — 347, 348, 351, 359;
- отношение к ней китайского правительства — 349;
- первая опиумная война — 239, 351;
- роль британского правительства — 351, 358, 359;
- ущерб для общей торговли — 346, 357;

Торговый кризис 1857 г.:

- в Англии — 124, 125;
- безработица — 128, 129;
- влияние на промышленность и сельское хозяйство — 126;
- законы, от которых зависят кризисы мирового рынка — 414;
- и закон Роберта Пилия об Английском банке — 413—415;
- и операции западного банка в Глазго — 415;
- и промышленный кризис — 129;
- и акционерные банки — 416;
- причины кризиса — 413, 414;
- сокращение рабочей недели — 128;
- социальные условия, приводящие к кризисам — 413, 414;
- банкротства во Франции — 478—480;
- и безработица — 478; см. также *Рабочий класс*;
- и правительство Бонапарта — 478;
- и рабочий класс — 483; см. также *Рабочий класс*;
- и сокращение промышленного производства — 478;
- и снижение заработной платы — 478; см. также *Рабочий класс*;
- и финансовая система Наполеона III — 477;
- и фондовый рынок — 480;
- падение цен — 479;
- колебания цен на товары — 489, 490;

- торговля сельскохозяйственными продуктами — 491;
 торговля и промышленная буржуазия — 483;
 разорение класса мелких рантие — 484;
 торговля депрессия — 489;
 увеличение металлического запаса банка — 489.
- Триест:**
 и Одесса — 80;
 и преобладание Австрии над Турцией — 81;
 и прорытие Суэцкого канала — 81;
 как центр морской торговли Австрии — 79, 80, 81;
 и торговля Англии в Египте и Турции — 80.
 и торговля Венеции — 80;
- Труд:**
 в Индии — 333.
- Туркестан:**
 и покорение Россией Хивы — 365, 366.
- Ф.**
- Фабричный закон в Англии** — см. *Рабочее законодательство*:
 антагонизм между фабрикантами и рабочими — 93;
 его фиктивный характер — 93;
 зависимость третейских судей от владельцев фабрик — 91;
 истинный смысл ф. з. — 91;
 нарушение закона фабрикантами — 93;
 третейские суды — 91;
 фабричные инспектора — 92;
 штрафы владельцев фабрик — 92;
- Феодалы в Индии:**
 земиндары и талундары — 316, 317;
 и принципы торийской партии — 318.
- Философия:**
 спекулятивная философия — 473;
 и естественные науки в Германии после контр-революции 1849 г. — 59;
 и буржуазия — 471.
- Финансовый кризис в Европе:**
 в Англии — 61, 66;
 в Германии — 61;
 во Франции — 61, 62, 63;
 золото и серебро — 63, 64, 65;
 и Австрийский национальный банк — 64;
 и печать — 62;
 отлив золота — 53, 62, 64;
 повышение процента, как средство преодоления кризиса — 61, 62;
 ход кризиса — 61, 62.
- Финансовое положение Франции:**
 железнодорожные и другие акционерные компании — 111;
 депрессия на парижской бирже — 111;
 «Crédit Mobilier» см. также «Crédit Mobilier»
 и новый банковский закон — 111;
 и торговый кризис — см. *Торговый кризис*:
 и экономический кризис 1857 г. — 490, 491;
 и политические затруднения — 112;
 финансовая система Наполеона III — 477.
- Флот:**
 адриатический — 114;
 берега Истрии и Далмации, как прекрасный питомник превосходных моряков — 115, 116;
 восточные берега Адриатического моря как база людского материала — 115;
 и морская торговля — 114;
 и Венеция — 114, 115;
 история ускоков — 116;
 попытки Наполеона создать флот — 114;
 порты иллирийского берега — 115, 116;
 Пола, как морская гавань — 117;
 технический прогресс в морской войне — 114.
 австрийский морской флот — см. *Австрия*;
 Австрия как морская держава — 117;
 см. также *Австрия*;
 морские силы Австрии — 118;
 Пола, как центр морского управления — см. *Пола*;
 Триест, как морская гавань — 118;
 препятствия для возрождения флота — 118.
- Франция:**
 и революция — 110; см. также *Революция*;
 и финансовый кризис — 110; см. также *Финансовый кризис*;
 парижские выборы — 110;
 революционизирование крестьянства — см. *Крестьянство*;
 сельское хозяйство — см. *Сельское хозяйство во Франции*.
- Франция и Швейцария:**
 конфликт — 502;
 торговля — 479.
- Французский банк** — см. *Финансовый капитал*:
 и экономический кризис во Франции; акции и банкноты — 105, 106;
 возобновление векселей — 490;
 государственный переворот 1851 г. — 106;
 и железнодорожное строительство — 489;

и поддержание вздутых цен — 490;
и падение акций «Crédit Mobilier» — 110, 111; см. также «Crédit Mobilier»;
и правительство Бонапарта — 129; и кризис 1857 г. — 129, 193;
металлический запас банков — 488;
привилегии, дарованные ему революционными правительствам 1848 г. — 106;
пресса — 129;
рост премий на покупках золота и серебра — 488;
учетная ставка — 477;
и всеобщий кризис — 477;
авансы под государственные фонды и железнодорожные акции — 481;
застой торговли — 478;
платежи — 481;

Франция:

армия — см. *Армия французская*;
Вторая империя — 9;
Восточная кампания 1854—1855 г. — 9, 10;
государственный переворот — 7, 8, 9, 26;
общество 10 декабря — 9, 26;
финансы — 11, 59; см. также *Финансовое положение Франции*;
финансовый кризис — 31; см. также *Финансовый кризис*.
Новый закон о французском банке:
акции банка — 108;
история закона — 106;
и правительство Бонапарта — 107, 108;
и финансовый кризис 1856 г. — 106;
привилегии банка — 107;
прибыль — 107.

X.**Хива:**

русская экспедиция против Х. — 363;
установление в Хиве верховной власти России — 365.

Ч.**Черкасская война:**

и распри между польской и венгерской эмиграциями в Константинополе — 424, 425;

попытки продать Черкессию России — 418, 420, 426—430;
раскрытие истории приготовлений Венгрии против Австрии — 425;
стремление венгерской эмиграции оправдать предательство Мохамед-бея — 427, 428.

Ш.**Швейцария:**

война с Австрией — 172;
с Францией — 173, 174;
армия — 172;
вооружение — 172;
кавалерия — 172;
пехота — 172;
тактика — 173.

Э.**Экономический кризис в Европе:**

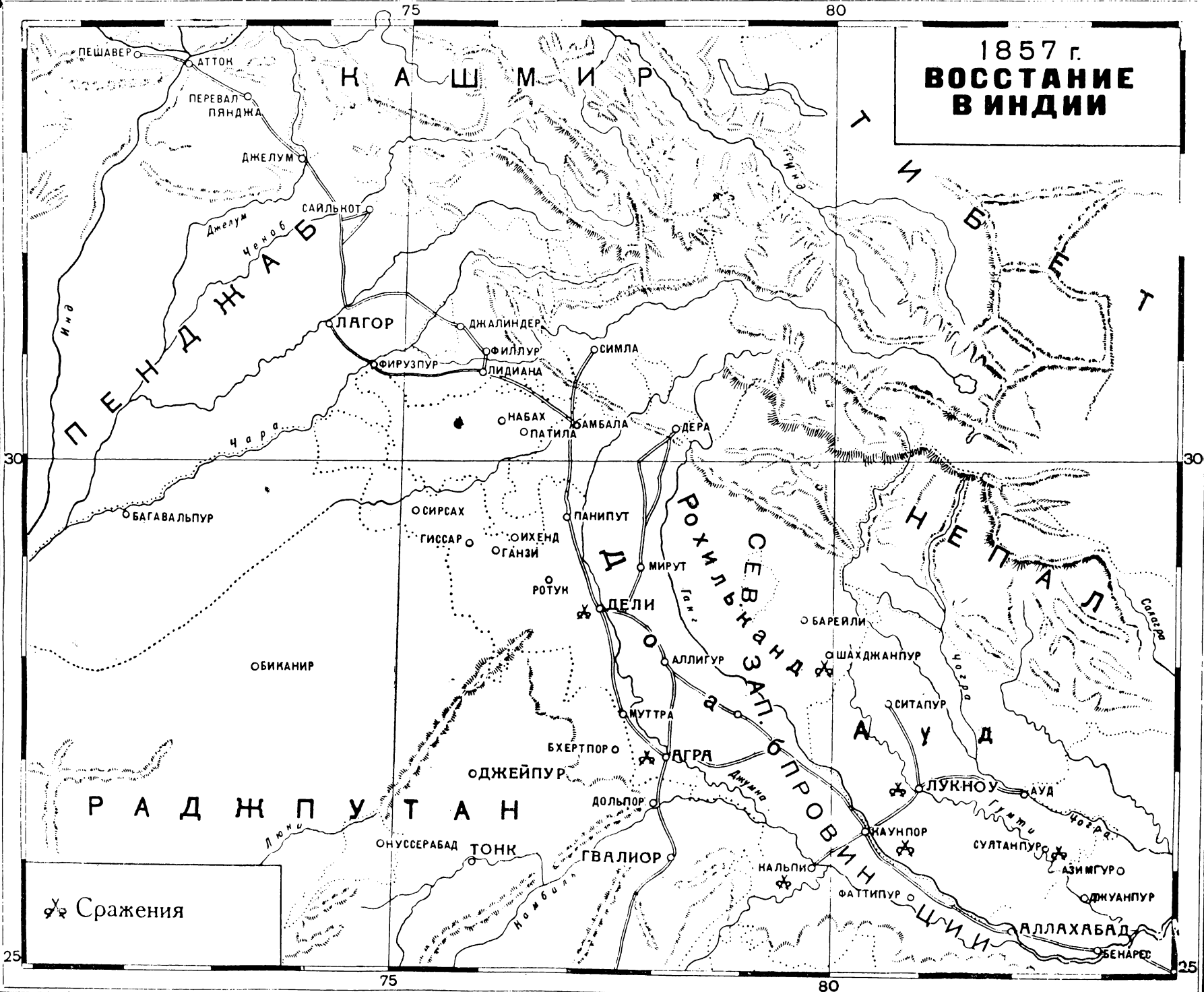
и буржуазия — 57;
и всеобщий торговый кризис—1847—1848 г. — 57; см. также *Торговый кризис*;
и «Crédit Mobilier» — 53; см. также «Crédit Mobilier»;
и революция — см. *Революция*;
и торговые кризисы — 1817, 1825, 1836, 1846 — 1847 гг. — 53.
в Германии — 57; см. также *Финансовый кризис*.
во Франции:
борьба за свободный капитал — 67;
волнения рабочих — 69, 70; см. также *Рабочий класс*;
и «Crédit Mobilier» — 68; см. также «Crédit Mobilier»;
и промышленность — 69;
и торгово-промышленные классы — 67;
падение акций — см. *Французский банк*;
постройка железных дорог — 68;
предпосылки революции — 68;
репрессии правительства за политические выступления — 71;
сельское хозяйство — см. также *Сельское хозяйство*.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр. VII
Предисловие. <i>В. Адоратский</i>	VII
К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1856—1859 гг.	
<i>КАРЛ МАРКС.</i>	
СТАТЬИ ИЗ «THE PEOPLE'S PAPER»	1—17
РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА И ПРОЛЕТАРИАТ. <i>Речь К. Маркса на юбилее «The People's Paper»</i>	5
(«The People's Paper» 19 апреля 1856 г.).	
ФРАНЦИЯ БОНАПАРТА МАЛЕНЬКОГО. К. Маркс.	7
(Т. Р. Р. 5 апреля 1856 г.)	
I.	—
САРДИНИЯ. К. Маркс	13
(Т. Р. Р. 17 мая 1856 г.)	
<i>КАРЛ МАРКС.</i>	
ФРАНЦУЗСКИЙ «CRÉDIT MOBILIER»	19—36
(«New-York Daily Tribune» 21, 24 июня и 11 июля 1856 г.)	
I.	21
II.	26
III.	31
<i>КАРЛ МАРКС.</i>	
РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ	37—49
(N.-Y. D. T. 8 и 18 августа 1856 г.)	
I.	39
II.	45
<i>КАРЛ МАРКС.</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ	51—129
(N.-Y. D. T. 9, 15 и 27 октября 1856 г.)	
I.	53
II.	57
III.	61
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ. К. Маркс.	66
(N.-Y. D. T. 22 ноября 1856 г.)	
БОЖЕСТВЕННОЕ ПРАВО ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ. К. Маркс.	72
(N.-Y. D. T. 9 января 1857 г.)	
МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ АВСТРИИ. К. Маркс.	79
(N.-Y. D. T. 9 января 1857 г.)	
НОВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ БЮДЖЕТ. К. Маркс.	84
(N.-Y. D. T. 9 марта 1857 г.)	

	Стр.
ПОЛОЖЕНИЕ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ. К. Маркс.	94
(N.-Y. D. T. 22 апреля 1857 г.)	
АНГЛИЙСКАЯ ФАБРИЧНАЯ СИСТЕМА. К. Маркс	95
(N.-Y. D. T. 28 апреля 1857 г.)	
АНГЛИЙСКИЕ БИРЖЕВЫЕ ПЛУТЫ. К. Маркс.	101
(N.-Y. D. T. 16 мая 1857 г.)	
НОВЫЙ ЗАКОН О ФРАНЦУЗСКОМ БАНКЕ. К. Маркс.	105
(N.-Y. D. T. 20 июня 1857 г.)	
ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ. К. Маркс.	109
(N.-Y. D. T. 27 июля 1857 г.)	
МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ АВСТРИИ. К. Маркс.	113
(N.-Y. D. T. 4 августа 1857 г.)	
ФРАНЦУЗСКИЙ «CRÉDIT MOBILIER». К. Маркс.	120
(N.-Y. D. T. 26 сентября 1857 г.)	
ПОТРЯСЕНИЯ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛИ. К. Маркс.	124
(N.-Y. D. T. 30 ноября 1857 г.)	
<i>К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
ПЕРСИЯ И КИТАЙ	131—209
АНГЛИЯ И РОССИЯ В КИТАЕ. Ф. Энгельс.	133
(N.-Y. D. T. 19 февраля 1857 г.)	
ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРЕНИЯ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В КИТАЕ. К. Маркс.	139
(N.-Y. D. T. 16 марта 1857 г.)	
АНГЛО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ. К. Маркс.	145
(N.-Y. D. T. 25 марта 1857 г.)	
ПОРАЖЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ПАЛЬМЕРСТОНА. К. Маркс. . .	148
(N.-Y. D. T. 25 марта 1857 г.)	
АНГЛИЙСКИЕ ЖЕСТОКОСТИ В КИТАЕ. К. Маркс.	154
(N.-Y. D. T. 10 апреля 1857 г.)	
НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АНГЛИЧАН В КИТАЕ. Ф. Энгельс.	158
(N.-Y. D. T. 17 апреля 1857 г.)	
ПЕРСИЯ И КИТАЙ. Ф. Энгельс	162
(N.-Y. D. T. 5 июня 1857 г.)	
ДОГОВОР С ПЕРСИЕЙ. К. Маркс.	168
(N.-Y. D. T. 24 июня 1857 г.)	
ГОРНАЯ ВОЙНА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Ф. Энгельс.	172
(N.-Y. D. T. 27 января 1857 г.)	
ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ В АНГЛИИ. К. Маркс	179
(N.-Y. D. T. 31 марта 1857 г.)	
АНГЛИЙСКИЕ ВЫБОРЫ. К. Маркс.	183
(N.-Y. D. T. 6 апреля 1857 г.)	
ПОРАЖЕНИЕ КОБДЕНА, БРАЙТА И ГИБСОНА. К. Маркс.	188
(N.-Y. D. T. 17 апреля 1857 г.)	
РЕЗУЛЬТАТ ВЫБОРОВ. К. Маркс.	193
(N.-Y. D. T. 22 апреля 1857 г.)	
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ. Ф. Энгельс.	197
(N.-Y. D. T. 6 мая 1857 г.)	

1857 г.
**ВОССТАНИЕ
В ИНДИИ**

✕ Сражения

	Стр.
ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС. К. Маркс.	201
(N.-Y. D. T. 27 августа 1857 г.)	
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ. К. Маркс.	206
(N.-Y. D. T. 5 сентября 1857 г.)	
<i>К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ	211—341
I. (N.-Y. D. T. 15 июля 1857 г.).	213
II. (N.-Y. D. T. 4 августа 1857 г.).	217
ИНДИЙСКИЙ ВОПРОС. К. Маркс.	221
(N.-Y. D. T. 14 августа 1857 г.)	
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ. К. Маркс.	226
I. (N.-Y. D. T. 14 августа 1857 г.).	—
II. (N.-Y. D. T. 18 августа 1857 г.).	229
III. N.-Y. D. T. 15 сентября 1857 г.).	233
IV. (N.-Y. D. T. 16 сентября 1857 г.).	239
РАССЛЕДОВАНИЕ О ПЫТКАХ В ИНДИИ. К. Маркс.	243
(N.-Y. D. T. 17 сентября 1857 г.)	
ДОХОДЫ ИНДИИ. К. Маркс.	248
(N.-Y. D. T. 21 сентября 1857 г.)	
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ. Ф. Энгельс	252
I. (N.-Y. D. T. 3 октября 1857 г.).	—
II. (N.-Y. D. T. 13 октября 1857 г.).	256
III. (N.-Y. D. T. 23 октября 1857 г.).	260
IV. (N.-Y. D. T. 14 ноября 1857 г.).	265
V. (N.-Y. D. T. 5 декабря 1857 г.).	269
IV. (N.-Y. D. T. 30 января 1858 г.).	275
ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛУКНОУ. Ф. Энгельс.	279
(N.-Y. D. T. 1 февраля 1858 г.)	
ПРЕДСТОЯЩИЙ ИНДИЙСКИЙ ЗАЕМ. К. Маркс.	288
(N.-Y. D. T. 9 февраля 1858 г.)	
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ. Ф. Энгельс	292
I. (N.-Y. D. T. 20 февраля 1858 г.)	
ВЗЯТИЕ ЛУКНОУ. Ф. Энгельс.	298
(N.-Y. D. T. 30 апреля 1858 г.)	
ВЗЯТИЕ ЛУКНОУ. Ф. Энгельс.	304
(N.-Y. D. T. 25 мая 1858 г.)	
АНЕКСИЯ КОРОЛЕВСТВА АУДА АНГЛИЧАНАМИ. К. Маркс. .	310
(N.-Y. D. T. 28 мая 1858 г.)	
АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ИНДИИ. К. Маркс.	316
(N.-Y. D. T. 7 июня 1858 г.)	
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ. Ф. Энгельс.	320
I. (N.-Y. D. T. 15 июня 1858 г.).	—
II. (N.-Y. D. T. 26 июня 1858 г.).	323
III. (N.-Y. D. T. 21 июля 1858 г.).	327
НАЛОГИ ИНДИИ. К. Маркс.	332
(N.-Y. D. T. 23 июля 1858 г.)	
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ. Ф. Энгельс.	337
(N.-Y. D. T. 1 октября 1858 г.)	

	Стр.
<i>К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
КИТАЙ, ТОРГОВЛЯ ОПИУМОМ, ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.	343—372
ТОРГОВЛЯ ОПИУМОМ. К. Маркс.	345
I. (N.-Y. D. T. 20 сентября 1858 г.)	—
II. (N.-Y. D. T. 25 сентября 1858 г.)	349
ДОГОВОР МЕЖДУ КИТАЕМ И БРИТАНИЕЙ. К. Маркс	353
I. (N.-Y. D. T. 5 октября 1858 г.)	—
II. (N.-Y. D. T. 15 октября 1858 г.)	358
РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ. Ф. Энгельс.	363
(N.-Y. D. T. 3 ноября 1858 г.)	
УСПЕХИ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. Ф. Энгельс.	368
(N.-Y. D. T. 18 ноября 1858 г.)	
<i>КАРЛ МАРКС.</i>	
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ, ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ РОСТ СОВРЕМЕННОГО БОГАТСТВА ПАУПЕРИЗМ	373—430
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ. К. Маркс.	375
(N.-Y. D. T. 13 февраля 1858 г.)	
БЮДЖЕТ ДИЗРАЭЛИ. К. Маркс.	384
(N.-Y. D. T. 7 мая 1858 г.)	
ВАЖНЫЕ БРИТАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ. К. Маркс.	389
(N.-Y. D. T. 20 мая 1858 г.)	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АНГЛИИ И СИМПТОМЫ НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЕВРОПЕ. К. Маркс.	396
(N.-Y. D. T. 24 июня 1858 г.)	
РОСТ ЧИСЛА УМАЛИШЕННЫХ В АНГЛИИ. К. Маркс.	399
(N.-Y. D. T. 20 августа 1858 г.)	
ОТМЕНА ЗАКОНА 1844 Г. ОБ АНГЛИЙСКОМ БАНКЕ. К. Маркс.	404
(N.-Y. D. T. 23 августа 1858 г.)	
ТОРГОВЫЕ КРИЗИСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ. К. Маркс.	409
(N.-Y. D. T. 28 августа 1858 г.)	
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ. К. Маркс.	413
(N.-Y. D. T. 4 октября 1858 г.)	
ИНТЕРЕСНАЯ СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ. К. Маркс.	417
(N.-Y. D. T. 16 июня 1858 г.)	
ЕЩЕ ОДНА НЕОБЫЧАЙНАЯ ГЛАВА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ. К. Маркс	424
(N.-Y. D. T. 23 сентября 1858 г.)	
<i>КАРЛ МАРКС.</i>	
ПРУССИЯ И ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ.	431—473
УМОПОМЕШАТЕЛЬСТВО ПРУССКОГО КОРОЛЯ. К. Маркс.	433
(N.-Y. D. T. 27 октября 1858 г.)	
РЕГЕНСТВО В ПРУССИИ. К. Маркс.	437
(N.-Y. D. T. 27 октября 1858 г.)	
ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ. К. Маркс.	441
I. (N.-Y. D. T. 3 ноября 1858 г.)	—
II. (N.-Y. D. T. 8 ноября 1858 г.)	445

	Стр.
НОВОЕ МИНИСТЕРСТВО. К. Маркс.	449
I. (N.-Y. D. T. 24 ноября 1858 г.).	—
II. (N.-Y. D. T. 27 ноября 1858 г.).	453
ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ. К. Маркс.	457
I. (N.-Y. D. T. 3 декабря 1858 г.).	—
II. (N.-Y. D. T. 13 декабря 1858 г.).	460
III. (N.-Y. D. T. 27 декабря 1858 г.).	466
IV. (N.-Y. D. T. 1 февраля 1859 г.).	470
<i>К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
БОНАПАРТ. КРИЗИС БОНАПАРТОВСКОГО РЕЖИМА	475—525
ТОРГОВЫЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ. К. Маркс	477
(N.-Y. D. T. 12 января 1858 г.)	
НАЧАЛО КОНЦА ЛУИ НАПОЛЕОНА. К. Маркс.	483
(N.-Y. D. T. 22 февраля 1858 г.)	
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ. К. Маркс.	488
(N.-Y. D. T. 12 марта 1858 г.)	
ПРАВЛЕНИЕ ПРЕТОРИАНЦЕВ. К. Маркс.	492
(N.-Y. D. T. 12 марта 1858 г.)	
ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ. К. Маркс.	496
(N.-Y. D. T. 15 марта 1858 г.)	
НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОНАПАРТА. К. Маркс.	500
(N.-Y. D. T. 1 апреля 1858 г.)	
НАЗНАЧЕНИЕ ПЕЛИССЬЕ В АНГЛИЮ. К. Маркс.	505
(N.-Y. D. T. 15 апреля 1858 г.)	
МАДЗИНИ И НАПОЛЕОН. К. Маркс.	508
(N.-Y. D. T. 11 мая 1858 г.)	
ФИНАНСОВЫЕ МАНЕВРЫ БОНАПАРТА. К. Маркс.	513
(N.-Y. D. T. 11 июня 1858 г.)	
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МОНТАЛАМБЕРА. Ф. Энгельс.	516
(N.-Y. D. T. 24 ноября 1858 г.)	
ПРОЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН НА ХЛЕБ ВО ФРАНЦИИ. К. Маркс	521
(N.-Y. D. T. 15 декабря 1858 г.)	
<i>КАРЛ МАРКС.</i>	
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ	527—545
ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ. К. Маркс.	529
(N.-Y. D. T. 19 октября 1858 г.)	
ВОЗБУЖДЕНИЕ В ИРЛАНДИИ. К. Маркс.	532
(N.-Y. D. T. 11 января 1859 г.)	
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ. К. Маркс.	536
I. (N.-Y. D. T. 17 января 1859 г.).	—
II. (N.-Y. D. T. 17 января 1859 г.).	542

УКАЗАТЕЛИ:

Указатель имен	549
Предметный указатель	570

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

К. Маркс. 1861 г.	между	XVI—1
Снимок газеты «The People's Paper» в которой помещена речь К. Маркса на юбилее этой газеты — 1856 г.		3
«New-York Tribune» — 1856 г. (заголовки)		53
Ф. Энгельс. 1862 г.	между	210—211
Странички из записной книжки К. Маркса — 1858 г.	между	342—343
Ч. Дана и О. Грили члены редакции «Нью-Йоркской Трибуны»		461
Карта «Восстание в Индии» — 1857 г.	между	584—585

Ответственный редактор В. АДОРАТСКИЙ.

Техническая редакция: И. ГАЛАКТИОНОВ, А. ЕВСЕЕВ.

Книга слана в набор 19/1 1933 г.

Подписана к печати 29/IX 1933 г.

Партиздат № 1461/м.

Тираж 15 350 экз.

Ленгорлит № 23165.

Зак. з № 444.

Бумага 68 × 100 см., 37³/₄ печ. л. (124.000 тит. знаков в 1 бум. листе.) Бум. листов 18⁷/₈.

Вышла в свет — сентябрь 1933 г.

2-я типография „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград. Гатчинская, 26.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС СОЧИНЕНИЯ

Настоящее издание Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса является первым на русском языке. В него входят все сколько-нибудь значительные произведения Маркса и Энгельса. Впервые публикуются полностью переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом и ряд неизданных рукописей.

Объем издания—30 томов, включая переписку между К. Марксом и Ф. Энгельсом, пять томов их писем к другим адресатам и все их экономические исследования.

Издание печатается на хорошей бумаге, в коленкоровом переплете с золотым тиснением.

Средний объем каждого тома сорок печатных листов.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

- ТОМ I. *К. Маркс*. Исследования, статьи, письма. 1837—1844 гг.
 ТОМ II. *Ф. Энгельс*. Статьи, письма. 1838—1845 гг.
 ТОМ III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Исследования, статьи. 1844—1845 гг.
 ТОМ IV. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Немецкая идеология.
 ТОМ V. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Исследования, статьи. 1845—1848 гг.
 ТОМ VI. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Революция и контр-революция в Германии. Ч. I.
 ТОМ VII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Революция и контр-революция в Германии. Ч. II.
 ТОМ VIII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи, корреспонденц., памфлеты. 1850—1853 гг.
 ТОМ IX. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи и корреспонденции. 1852—1854 гг.
 ТОМ X. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи и корреспонденции. 1854—1856 гг.
 ТОМ XI. *К. Маркс*. *Crédit mobilier*. История англо-русского союза.
 ТОМ XII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Господин Фогт. Военные статьи.
 ТОМ XIII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Статьи эпохи Интернационала.
 ТОМ XIV. *Ф. Энгельс*. Философские работы. (Анти-Дюринг. Диалектика природы. Людвиг Фейербах.)

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

- ТОМЫ XV—XX. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Экономические исследования.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

- ТОМ XXI. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1844—1853 гг.
 ТОМ XXII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1854—1860 гг.
 ТОМ XXIII. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1861—1867 гг.
 ТОМ XXIV. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Переписка. 1868—1883 гг.
 ТОМЫ XXV—XXIX. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Письма к Лассалю, Беккеру, Зорге и др.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

- ТОМ XXX. Справочник.